Жуков Георгий Константинович

Воспоминания и размышления

Жуков Г К. Воспоминания и размышления. В 2 т. — М.: Олма-Пресс, 2002

Широко известная книга четырежды Героя Советского Союза Маршала Георгия Константиновича Жукова впервые вышла в 1969 году и с тех пор выдержала двенадцать изданий. Все эти годы книга пользуется неизменно огромной популярностью у читателей разных поколений. Новое издание приурочено к 60-летию Битвы под Москвой и 105-й годовщине со дня рождения Г. К. Жукова.

Текст печатается с учетом последней прижизненной правки автора.

Содержание

Том I

Призвана жить долго. *М. Г. Жукова*
Вместо предисловия
Глава первая. **Детство и юность**
Глава вторая. **Служба солдатская**
Глава третья. **Участие в Гражданской войне**
Глава четвертая. **Командование полком и бригадой**
Глава пятая. **В инспекции кавалерии РККА. 4-я кавалерийская дивизия Первой Конной армии**
Глава шестая. **3-й и 6-й конные корпуса Белорусского военного округа**
Глава седьмая. **Необъявленная война на Халхин-Голе**
Глава восьмая. **Командование Киевским особым военным округом**
Глава девятая. **Накануне Великой Отечественной войны**
Глава десятая. **Начало войны**
Глава одиннадцатая. **Ставка Верховного Главнокомандования**
Глава двенадцатая. **Ликвидация Ельнинского выступа противника**
Глава тринадцатая. **Борьба за Ленинград**

Том II

Глава четырнадцатая. **Битва за Москву**
Глава пятнадцатая. **Суровые испытания продолжаются (1942 год)**
Глава шестнадцатая. **Стратегическое поражение противника в районе Сталинграда**
Глава семнадцатая. **Разгром фашистских войск на Курской дуге**
Глава восемнадцатая. **В сражениях за Украину**
Глава девятнадцатая. **Освобождение Белоруссии и Украины**
Глава двадцатая. **От Вислы до Одера**
Глава двадцать первая. **Берлинская операция**
Глава двадцать вторая. **Безоговорочная капитуляция фашистской Германии**
Глава двадцать третья. **Потсдамская конференция. Контрольный совет по управлению Германией**
Заключение
Примечания

Призвана жить долго...

Как-то по телевидению был показан сюжет: корреспондент спрашивает у школьников, гуляющих рядом с памятником Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, что стоит в центре Москвы: “Кто этот всадник на коне?” Ребята не знают, что ответить... Вина это или беда мальчишек-подростков? Конечно же, беда.

Сегодня, когда более полувека прошло после окончания Великой Отечественной войны и уходят все дальше и дальше в глубь истории события тех героических лет, становится страшно оттого, что вырастает молодое поколение, “не помнящее родства”.

Жуков говорил о том, что необходимо донести до последующих поколений героический дух войны. Вот для чего, в первую очередь, как мне кажется, и писал он свои воспоминания.

“Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну, — скажет Маршал, — а народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе”.

Около десяти лет трудился отец над воспоминаниями. Принимая во внимание, что он был в опале, постоянно подвергался травле, был болен и многое-многое другое, можно назвать создание книги его вторым подвигом. Выход в свет в 1969 году объемистого тома в красной суперобложке был настоящим событием в нашей стране. Ветераны поставили “Воспоминания и размышления” на первое место среди мемуаров о Великой Отечественной войне. Именно им, живым и павшим солдатам, их великому подвигу, их мужеству, храбрости, героизму, безграничной самоотверженности во имя Родины, во имя будущих поколений посвятил свою книгу Маршал.

Когда в апреле 1969 года книга появилась на книжных прилавках Москвы, первый тираж в 100 тысяч экземпляров был раскуплен мгновенно. К Дому книги на Калининском проспекте (Новом Арбате) тянулась очередь от кинотеатра “Октябрь”. В книжном магазине на улице Кирова (Мясницкой) разгоряченная толпа покупателей высадила витрины и пошла насквозь. Пришлось вызывать конную милицию.

В провинции же, где купить книгу было почти невозможно, люди, как писали в многочисленных письмах Жукову, стояли в очереди в библиотеки по полгода и больше, зачитывали ее до дыр.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: “Успех книга объясняется ее глубокой патриотичностью, масштабностью и объективностью освещения исторических событий, очевидцем и участником которых был ее автор, выдающийся полководец и военачальник...

Есть книги-однодневки. Выйдут в свет, найдут своего читателя, выполнят свою задачу и предаются забвению. Книга Г. К. Жукова призвана жить долго...”

В своих воспоминаниях редактор книги Анна Давыдовна Миркина пишет: “На Маршала Жукова был оказан огромный прессинг. В то время, когда господствовала беспощадная идеологическая цензура, и не могло быть иначе... Многие позиции удалось отстоять, но в некоторых случаях Г. К. Жуков вынужден был отступить, иначе книга не вышла бы в свет. В

этом легко убедиться, сличив текст 1-го издания 1969 года с вышедшим в 1989 году без купюр 10-м изданием, дополненным по рукописи автора. В оригинале рукописи вымарывались целые страницы, абзацы, фразы изменялись так, что теряли свой смысл. Всего было выброшено около 100 машинописных страниц".

К подготовке второго издания отец приступил летом 1969 года Получив около десяти тысяч писем читателей, он решил дополнить и доработать книгу Я помню, как письма эти привозили к нему на дачу мешками, и мы всей семьей — с мамой и бабушкой — разбирали их, читали, сортировали, подчеркивали для отца главные мысли К письмам читателей, их оценкам, замечаниям и дополнениям отец относился очень серьезно. Исправления касались в первую очередь фактического материала. Вот один пример "Вы ошибаетесь, уважаемый Георгий Константинович, — писал подполковник в отставке Г И. Васильев, — генерал-лейтенант К. П. Подлас командовал в то время 57-й армией, а не 6-й, как это у вас сказано на стр. 398" "Надо исправить", — помечает отец.

Для второго издания он написал три новые главы: "Ставка Верховного Главнокомандования", "Ликвидация ельнинского выступа противника", "Борьба за Ленинград" — и переработал "Заключение". Помимо этого, во все главы были внесены новые данные, документы, расширено описание различных операций Великой Отечественной войны. Книга увеличилась в объеме, стала двухтомной.

В апреле 1974 года, за два месяца до смерти, Маршал подписал верстку второго издания — в последний раз держал в руках свой многолетний труд. Двухтомник вышел уже без него.

За тридцать с лишним лет, что прошло с тех пор, как впервые вышла в свет книга Г. К. Жукова, она выдержала уже 12 изданий. Книга издана в тридцати странах на восемнадцати языках тиражом более семи миллионов экземпляров. По высказываниям многочисленных читателей и зарубежной прессы мемуары Маршала Жукова были признаны бестселлером. На суперобложке штутгартского издания "ДФА" (ФРГ) написано: "Один из величайших документов нашей эпохи".

Последний раз "Воспоминания и размышления" выходили в издательстве АПН в 1995 году. Огромный тираж разошелся быстро С тех пор как наследница авторского права отца я часто слышу один и тот же вопрос: "Где купить книгу Жукова?" Давно назрела необходимость в ее переиздании.

Конечно, теперь уже, по прошествии стольких лет, ясно, что книга требует комментариев, уточнений, объяснений. Тем более, что при подготовке рукописи к публикации ни один военный специалист не согласился редактировать книгу Г. К. Жукова. Тогда это могло стоить карьеры... Но этим, на мой взгляд, должны заняться профессионалы — военные историки.

Жукова Мария Георгиевна

Вместо предисловия

Не один год работал я над книгой "Воспоминания и размышления". Хотелось отобрать из обширного жизненного материала, из множества событий и встреч наиболее

существенное и важное, такое, что по достоинству могло бы раскрыть величие дел и свершений народа нашего.

Но хотя прошло уже много лет после описываемых событий, наверное и сегодня еще нельзя точно сказать, что именно из пережитого и виденного несет на себе отпечаток вечности.

Пусть извинят меня товарищи по оружию, если я не сумел всем им воздать должное. Есть еще время, и еще многие напишут и расскажут о них...

В подготовке этого издания мне помогали ряд товарищей. Хотелось бы выразить свою благодарность генералам и офицерам Военно-научного управления Генерального штаба Советских Вооруженных Сил и Института военной истории, начальникам отделов Министерства обороны СССР полковнику Никите Ефимовичу Терещенко и полковнику Петру Яковлевичу Добровольскому, а также редакторам Издательства Агентства печати Новости Анне Давыдовне Миркиной, Виктору Александровичу Ерохину и всем тем, кто подготовил мою рукопись к печати...

Г. Жуков

10 февраля 1969 г.

Глава первая. **Детство и юность**

На склоне лет своих трудно вспомнить все, что было в жизни. Годы, дела и события выветрили из памяти многое, особенно относящееся к детству и юности. Запомнилось лишь то, что забыть нельзя.

Дом в деревне Стрелковке Калужской губернии, где я родился 19 ноября (по старому стилю) 1896 года, стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна.

Отец и мать не знали, кем и когда был построен наш дом. Из рассказов старожилов было известно, что в нем когда-то жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Чтобы скрасить свое одиночество, она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трех месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: “Сына моего зовите Константином”. Что заставило бедную женщину бросить ребенка на крыльцо приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжелого положения.

После смерти приемной матери, едва достигнув восьмилетнего возраста, отец пошел в ученье к сапожнику в большое село Угодский Завод. Он рассказывал потом, что ученье сводилось в основном к домашней работе. Приходилось и хозяйских детей нянчить, и скот пасти. “Проучившись” таким образом года три, отец отправился искать другое место. Пешком добрался до Москвы, где в конце концов устроился в сапожную мастерскую Вейса. У Вейса был и собственный магазин модельной обуви.

Я не знаю подробностей, но, по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях. С того времени и по день своей смерти в 1921 году отец безвыездно жил в деревне, занимаясь сапожным делом и крестьянскими работами.

Мать моя, Устинья Артемьевна, родилась и выросла в соседней Деревне Черная Грязь в крайне бедной семье.

Когда отец и мать поженились, матери было тридцать пять, а отцу— пятьдесят{1}. У обоих это был второй брак. После первого брака оба рано овдовели.

Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал за хвост и одним рывком сажал на круп.

Тяжелая нужда, ничтожный заработок отца на сапожной работе заставляли мать подрабатывать на перевозке грузов. Весной, летом и ранней осенью она трудилась на полевых работах, а поздней осенью отправлялась в уездный город Малоярославец за бакалейными товарами и возила их торговцам в Угодский Завод. За поездку она зарабатывала рубль — рубль двадцать копеек. Ну какой это был заработок? Если вычесть расходы на корм лошадям, ночлег в городе, питание, ремонт обуви и т. п., то оставалось очень мало. Я думаю, нищие за это время собирали больше.

Однако делать было нечего, такова была тогда доля бедняцкая, и мать трудилась безропотно. Многие женщины наших деревень поступали так же, чтобы не умереть с голоду. В непролазную грязь и стужу возили они грузы из Малоярославца, Серпухова и других мест, оставляя малолетних детей под присмотром бабушек и дедушек, еле передвигавших ноги.

Большинство крестьян наших деревень жили в бедности. Земли у них было мало, да и та неурожайная. Полевыми работами занимались главным образом женщины, старики и дети. Мужчины работали в Москве, Петербурге и других городах на отхожем промысле. Получали они мало — редкий мужик приезжал в деревню с хорошим заработком в кармане.

Конечно, были в деревнях и богатые крестьяне — кулаки. Тем жилось неплохо: у них были большие светлые дома с уютной обстановкой, на дворах много скота и птицы, а в амбарах — большие запасы муки и зерна. Их дети хорошо одевались, сытно ели и учились в лучших школах. На этих людей в основном трудились бедняки наших деревень, часто за нищенскую плату — кто за хлеб, кто за корм, кто за семена.

Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько переживали их слезы. И какая бывала радость, когда из Малоярославца привозили нам по баранке или прянику! Если же удавалось скопить немного денег к Рождеству или Пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ!

Когда мне исполнилось пять лет, а сестре Маше шел седьмой год, мать родила еще мальчика, которого назвали Алексеем. Был он очень худенький, и все боялись, что он не выживет. Мать плакала и говорила:

— А от чего же ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?

Через несколько месяцев после родов она вновь решила ехать в город на заработки. Соседи отговаривали ее, советовали поберечь мальчика, который был еще очень слаб и нуждался в материнском молоке. Но угроза голода всей семье заставила мать уехать, и Алеша остался на наше попечение. Прожил он недолго: меньше года. Осенью похоронили его на кладбище в Угодском Заводе. Мы с сестрой, не говоря уже об отце с матерью, очень горевали об Алеше и часто ходили к нему на могилку.

В том году нас постигла и другая беда: от ветхости обвалилась крыша дома.

— Надо уходить отсюда, — сказал отец, — а то нас всех придавит. Пока тепло, будем жить в сарае, а потом видно будет. Может, кто-нибудь пустит в баню или ригу.

Я помню слезы матери, когда она говорила нам:

— Ну что ж, делать нечего, таскайте, ребята, все барахло из дома в сарай.

Отец смастерил маленькую печь для готовки, и мы обосновались в сарае как могли.

На “новоселье” к отцу пришли его приятели и начали шутить:

— Что, Костюха, говорят, ты с домовым не поладил, выжил он тебя?

— Как не поладил? — сказал отец. — Если бы не поладил, он нас наверняка придавил бы.

— Ну что ты думаешь делать? — спросил Назарыч, сосед и приятель отца.

— Ума не приложу...

— А чего думать, — вмешалась мать, — надо корову брать за рога и вести на базар. Продадим ее и сруб купим. Не успеешь оглянуться, как пройдет лето, а зимой какая же стройка...

— Верно говорит Устинья, — загалдели мужики.

— Верно-то верно, но одной коровы не хватит, — сказал отец, — а у нас, кроме нее, только лошадь старая.

На это никто не отозвался, но всем было ясно, что самое тяжелое для нас еще впереди.

Через некоторое время отцу удалось где-то по сходной цене, да еще в рассрочку, купить небольшой сруб. Соседи помогли нам перевезти его, и к ноябрю дом был построен. Крышу покрыли соломой.

— Ничего, поживем и в этом, а когда разбогатеем, построим лучше, — сказала мать.

С наружной стороны дом выглядел хуже других: крыльцо было сбито из старых досок, окна застеклены осколками. Но мы все были очень рады, что к зиме будем иметь свой теплый угол, а что касается тесноты, то, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

С осени 1902 года мне пошел седьмой год. Рано наступившая зима для нашей семьи оказалась очень тяжелой. Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде.

С наступлением весны дела немного наладились, так как на редкость хорошо ловилась рыба в реках Огубляйке и Протве. Огублянка — небольшая речка, мелководная и сильно заросшая тиной. Выше деревни Костинки, ближе к селу Болотскому, где речка брала свое начало из мелких ручейков, места были очень глубокие, там и водилась крупная рыба. В Огублянке, особенно в районе нашей деревни и соседней деревни Огуби, было много плотвы, окуня и линя, которого мы ловили главным образом корзинами. Случались очень удачные дни, и я делился рыбой с соседями за их щи и кашу.

Нам, ребятам, особенно нравилось ходить ловить рыбу на Протву, в район Михалевых гор. Дорога туда шла через густую липовую рощу и чудесные березовые перелески, где было немало земляники и полевой клубники, а в конце лета — много грибов. В этой роще мужики со всех ближайших деревень драли лыко для лаптей, которые у нас называли “выходные туфли в клетку”.

Сейчас рощи и перелесков нет — их вырубили немецкие оккупанты, а после Отечественной войны колхоз распахал землю под посевы.

Однажды летом отец сказал:

— Ну, Егор, ты уже большой — скоро семь, пора тебе браться за дело. Я в твои годы работал не меньше взрослого. Возьми грабли, завтра поедем на сенокос, будешь с Машей растрясать сено, сушить его и сгребать в копны.

Мне нравился сенокос, на который меня часто брали с собой старшие. Но теперь я ехал туда с сознанием, что отправляюсь не забавляться, как это бывало раньше. Я гордился, что теперь сам участвую в труде и становлюсь полезным семье. На других подводах видел своих товарищей-одногодков, также с граблями в руках.

Работал я с большим старанием, и мне было приятно слышать похвалу старших. Но, кажется, перестарался: на ладонях быстро появились мозоли. Мне было стыдно в этом признаться, и я терпел до последней возможности. Наконец мозоли прорвались, и я уже не мог больше грести.

— Ничего, пройдет! — сказал отец.

Лоскутом он перевязал мне ладони. Несколько дней я не мог работать граблями и только помогал сестре носить и складывать сено в копны. Ребята надо мной посмеивались. Но через несколько дней я вновь вошел в строй и работал не хуже их.

Когда подошла пора уборки хлебов, мать сказала:

— Пора, сынок, учиться жать. Я тебе купила в городе новенький серп. Завтра утром пойдем жать рожь.

Жатва пошла неплохо, но скоро меня опять постигла неудача. Желая блеснуть своими успехами, я поторопился, резанул серпом по мизинцу левой руки. Мать сильно перепугалась, я тоже. Соседка, тетка Прасковья, которая оказалась рядом, приложила к пальцу лист подорожника и крепко перевязала его тряпицей.

Сколько лет с тех пор прошло, а рубец на левом мизинце сохранился и напоминает мне о первых неудачах на сельскохозяйственном фронте...

Быстро прошло трудовое лето. Я уже приобрел навык в полевых работах и окреп физически.

Близилась осень 1903 года, и для меня наступала ответственная пора. Ребята — мои одногодки — готовились идти в школу. Готовился и я. По букварю сестры старался выучить печатные буквы. Из нашей деревни этой осенью должны были пойти в школу еще пять ребят, в их числе мой закадычный друг Лешка Колотырный. “Колотырный” — это было его прозвище, а настоящая фамилия — Жуков. Жуковых в нашей деревне было пять дворов. Однофамильцев различали по именам матерей. Нас звали Устиньины, других — Авдотьины, третьих — Татьянины и т. д.

Учиться нам предстояло в церковно-приходской школе, которая была в деревне Величково, в полутора километрах от нас. Там учились ребята из четырех окрестных деревень — Лыково, Величково, Стрелковки и Огуби.

Некоторым ребятам родители купили ранцы, и они хвастались ими. Мне и Лешке вместо ранцев сшили из холстины сумки. Я сказал матери, что сумку носят нищие и с ней ходить в школу не буду.

— Когда мы с отцом заработаем деньги, обязательно купим тебе ранец, а пока ходи с сумкой.

В школу меня отвела сестра Маша. Она училась уже во втором классе. В нашем классе набралось 15 мальчиков и 13 девочек.

После знакомства с нами учитель рассадил всех по партам. Девочек посадил с левой стороны, мальчиков — с правой. Я очень хотел сидеть с Колотырным. Но учитель сказал, что вместе посадить нас нельзя, так как Леша не знает ни одной буквы и к тому же маленький ростом. Его посадили на первую парту, а меня — на самую последнюю. Лешка мне сказал, что постарается поскорее выучить все буквы, чтобы нам обязательно сидеть вместе. Но этого так и не случилось. Леша постоянно был в числе отстающих. Его часто за незнание уроков оставляли в классе после занятий, но он был на редкость безропотным парнем и не обижался на учителей.

Учителем в школе был Сергей Николаевич Ремизов, опытный педагог и хороший человек. Он зря никого не наказывал и никогда не повышал голоса на ребят. Ученики его уважали и слушались.

Отец Сергея Николаевича, тихий и добрый старичок, был священником и преподавал в нашей школе “Закон Божий”.

Сергей Николаевич, как и его брат Николай Николаевич — врач, был безбожник и в церковь ходил только ради приличия. Оба брата пели в церковном хоре. У меня и у Леши Колотырного были хорошие голоса, и нас обоих включили в школьный хор.

Во второй класс все ребята нашей деревни перешли с хорошими отметками, и только Лешу, несмотря на нашу коллективную помощь, не перевели — по “Закону Божьему” у него была двойка.

Моя сестра училась тоже плохо и осталась во втором классе на второй год. Отец с матерью решили, что ей надо бросать школу и браться за домашнее хозяйство. Маша горько плакала и доказывала, что она не виновата и осталась на второй год только потому, что пропустила много уроков, ухаживая за Алешей, когда мать уезжала в извоз. Я заступался за сестру и говорил, что другие родители тоже работают, ездят в извоз, но своих детей никто из школы не берет и все подруги сестры будут продолжать учебу. В конце концов мать согласилась. Маша была очень довольна, и я был рад за нее.

Нам было жаль мать, мы с сестрой своим детским умом понимали, что ей очень трудно. К тому же отец, который был в это время на заработках в Москве, стал очень редко и мало присылать нам денег. Раньше он высылал матери два-три рубля в месяц, а в последнее время — когда пришлет рубль, а когда и того меньше. Соседи говорили, что не только наш отец, но и другие рабочие в Москве стали плохо зарабатывать.

Помню, в конце 1904 года отец приехал в деревню. Мы с сестрой очень обрадовались и все ждали, когда он нам даст московские гостинцы.

Но отец сказал, что ничего на сей раз привезти не смог. Он приехал прямо из больницы, где пролежал после операции аппендицита двадцать дней, и даже на билет взял взаймы у товарищей.

Отца моего уважали в деревне, считались с его мнением. Обычно на сходках, собраниях последнее слово принадлежало ему. Я очень любил отца, и он меня баловал. Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил.

Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моем убежище соседка и привела домой. Отец еще мне добавил, но потом пожалел и простил.

Помню, как-то отец был в хорошем настроении и взял меня с собой в трактир пить чай. Трактир был в соседней деревне Огуби. Его владелец, деревенский богатей Никифор Кулагин, торговал разными бакалейными товарами. Мужчины и молодежь любили собираться в трактире, где можно было поговорить о новостях, сыграть в лото, карты и выпить по какому-либо поводу, а то и без всякого повода.

Мне понравилось пить чай в трактире среди взрослых, рассказывавших интересные истории о Москве и Петербурге. Я сказал отцу, что всегда буду ходить с ним и слушать, что они там говорят.

В трактире работал половым брат моей крестной матери Прохор. У него было что-то неладно с ногой, и все звали его хромым Прошкой. Несмотря на свою хромоту, Прохор был страстным охотником. Летом он стрелял уток, а зимой ходил на зайца, у нас их тогда было великое множество.

Прохор часто брал меня с собой. Охота доставляла мне огромное удовольствие. Особенно я радовался, когда он убивал зайца из-под моего загона. За уткой мы ходили на Огублянку или на озеро. Обычно Прохор стрелял без промаха. В мою обязанность входило доставать из воды уток.

Я и до сего времени страстно люблю охоту. Возможно, что любовь к ней привил мне в детские годы Прохор.

Отец скоро вновь отправился в Москву. Перед отъездом он рассказал матери, что в Москве и Питере участились забастовки рабочих, доведенных безработицей и жестокой эксплуатацией до отчаяния.

— Ты, отец, не лезь не в свое дело, а то и тебя жандармы сошлют туда, куда Макар телят не гонял, — говорила мать.

— Наше дело рабочее, куда все, туда и мы.

После отъезда отца мы долго ничего не слышали о нем и сильно беспокоились.

Скоро мы узнали, что в Питере 9 января 1905 года царские войска и полиция расстреляли мирную демонстрацию рабочих, которая шла к царю с петицией просить лучших условий жизни.

Весной того же 1905 года в деревнях все чаще и чаще стали появляться неизвестные люди — агитаторы, призывавшие народ на борьбу с помещиками и царским самодержавием.

У нас в деревне дело не дошло до активного выступления крестьян, но брожение среди них было большое. Крестьяне знали о политических стачках, баррикадных боях и декабрьском вооруженном восстании в Москве. Знали, что восстание рабочих Москвы и других городов России было жестоко подавлено царским правительством и многие революционеры, вставшие во главе рабочего класса, зверски уничтожены, заточены в крепости или сосланы на каторгу. Слышали и о Ленине — выразителе интересов рабочих и крестьян, вожде партии большевиков, партии, которая хочет добиться освобождения трудового народа от царя, помещиков и капиталистов.

Все эти сведения привозили в деревню наши односельчане, работавшие в Москве, Питере и других городах России.

В 1906 году возвратился в деревню отец. Он сказал, что в Москву больше не поедет, так как полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне. Я был доволен тем, что отец вернулся насовсем.

В том же году я окончил трехклассную церковно-приходскую школу. Учился во всех классах на “отлично” и получил похвальный лист. В семье все были очень довольны

моими успехами, да и я был рад. По случаю успешного окончания школы мать подарила мне новую рубаху, а отец сам сшил сапоги.

— Ну вот, теперь ты грамотный, — сказал отец, можно будет везти тебя в Москву учиться ремеслу.

— Пусть поживет в деревне еще годик, а потом отвезем в город, — заметила мать. — Пускай подрастет немножко...

С осени 1907 года мне пошел двенадцатый год. Я знал, что это моя последняя осень в родном доме. Пройдет зима, а потом надо идти в “люди”. Я был очень загружен работой по хозяйству. Мать часто ездила в город за грузом, а отец с раннего утра до поздней ночи сапожничал. Заработок его был исключительно мал, так как односельчане из-за нужды редко могли с ним расплатиться. Мать часто ругала отца за то, что он так мало брал за работу.

Когда же отцу удавалось неплохо заработать на шитье сапог, он обычно возвращался из Угодского Завода подвыпившим. Мы с сестрой встречали его на дороге, и он всегда вручал нам гостинцы — баранки или конфеты.

Зимой в свободное от домашних дел время я чаще всего ходил на рыбалку, катался на самодельных коньках на Огублянке или на лыжах с Михалевых гор.

Наступило лето 1908 года. Сердце мое щемило при мысли, что скоро придется оставить дом, родных, друзей и уехать в Москву. Я понимал, что, по существу, мое детство кончается. Правда, прошедшие годы можно было лишь условно назвать детскими, но на лучшее я не мог рассчитывать.

Помню, как в один из вечеров собрались на нашей завалинке соседи. Зашла речь об отправке ребят в Москву. Одни собирались везти своих детей в ближайшие дни, другие хотели подождать еще год-два. Мать сказала, что отвезет меня после ярмарки, которая бывала у нас через неделю после Троицына дня. Лешу Колотырного уже отдали в ученье в столярную мастерскую, хозяином которой был богач из нашей деревни Мурашкин.

Отец спросил, какое ремесло думаю изучить. Я ответил, что хочу в типографию. Отец сказал, что у нас нет знакомых, которые могли бы помочь определить меня в типографию. И мать решила, что она будет просить своего брата Михаила взять меня в скорняжную мастерскую. Отец согласился, поскольку скорняки хорошо зарабатывали. Я же был готов на любую работу, лишь бы быть полезным семье.

В июле 1908 года в соседнюю деревню Черная Грязь приехал брат моей матери Михаил Артемьевич Пилихин. О нем стоит сказать несколько слов.

Михаил Пилихин, как и моя мать, рос в бедности. Одиннадцати лет его отдали в ученье в скорняжную мастерскую. Через четыре с половиной года он стал мастером. Михаил был очень бережлив и сумел за несколько лет скопить деньги и открыть свое небольшое дело. Он стал хорошим мастером-меховщиком и приобрел мною богатых заказчиков, которых обдирал немилосердно

Пилихин постепенно расширял мастерскую, довел число рабочих-скорняков до восьми человек и, кроме того, постоянно держал еще четырех мальчиков-учеников. Как тех, так и других эксплуатировал беспощадно. Так он сколотил капитал примерно в пятьдесят тысяч рублей.

Вот этого своего брата мать и упросила взять меня в ученье. Она сходила к нему в деревню Черная Грязь, где он проводил лето, и, вернувшись, сказала, что брат велел привести меня к нему познакомиться. Отец спросил, какие условия предложил Пилихин.

— Известно какие, четыре с половиной года мальчиком, а потом будет мастером.

— Ну что ж, делать нечего, надо вести Егорку к Михаилу.

Через два дня мы с отцом пошли в деревню Черная Грязь. Подходя к дому Пилихиных, отец сказал:

— Смотри, вон сидит на крыльце твой будущий хозяин. Когда подойдешь, поклонись и скажи: “Здравствуйте, Михаил Артемьевич”.

— Нет, я скажу: “Здравствуйте, дядя Миша!” — возразил я.

— Ты забудь, что он тебе доводится дядей. Он твой будущий хозяин, а богатые хозяева не любят бедных родственников. Это ты заруби себе на носу.

Подойдя к крыльцу, на котором, развалившись в плетеном кресле, сидел дядя Миша, отец поздоровался и подтолкнул меня вперед. Не ответив на приветствие, не подав руки отцу, Пилихин повернулся ко мне. Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, Михаил Артемьевич!

— Ну, здравствуй, молодец! Что, скорняком хочешь быть?

Я промолчал.

— Ну что ж, дело скорняжное хорошее, но трудное.

— Он трудностей не должен бояться, к труду привычен с малых лет, — сказал отец.

— Грамоте обучен?

Отец показал мой похвальный лист.

— Молодец! — сказал дядя, а затем, повернув голову к двери, крикнул:

— Эй, вы, оболтусы, идите сюда!

Из комнаты вышли его сыновья Александр и Николай, хорошо одетые и упитанные ребята, а затем и сама хозяйка.

— Вот смотрите, башибузуки, как надо учиться, — сказал Дядя, показывая им мой похвальный лист, —- а вы все на тройках катаетесь.

Обратившись наконец к отцу, он сказал:

— Ну что ж, пожалуй, я возьму к себе в ученье твоего сына.

Парень он крепкий и, кажется, неглупый. Я здесь проживу несколько дней. Потом поеду в Москву, но с собой его взять не смогу. Через неделю едет брат жены Сергей, вот он и привезет его ко мне.

На том мы и расстались.

Я был очень рад, что поживу в деревне еще неделю.

— Ну, как вас встретил мой братец? — спросила мать.

— Известно, как нашего брата встречают хозяева.

— А чайком не угостил?

— Он даже не предложил нам сесть с дороги, — ответил отец. — Он сидел, а мы стояли, как солдаты. — И зло добавил: — Нужен нам его чай, мы с сынком сейчас пойдем в трактир и выпьем за свой трудовой пятачок.

Мать сунула мне баранку, и мы зашагали к трактиру...

Сборы в Москву были недолгими. Мать завернула пару белья, пару портянок и полотенце, дала на дорогу пяток яиц да лепешек. Помолившись, присели по старинному русскому обычаю на лавку.

— Ну, сынок, с Богом! — сказала мать и, не выдержав, горько заплакала, прижав меня к себе.

Я видел, что у отца покраснели глаза и пробежали по щекам слезинки. И я чуть-чуть не заревел, но удержался.

До Черной Грязи мы с матерью шли пешком. По этой дороге я раньше ходил в школу и в лес за ягодами и грибами.

— Помнишь, мать, как вот на этой полоске, около трех дубов, когда мы с тобой жали, я разрезал себе мизинец?

— Помню, сынок. Матери всегда помнят о том, что было с их детьми. Плохо поступают дети, когда они забывают своих матерей.

— Со мной, мать, этого не случится! — твердо сказал я.

Когда мы с дядей Сергеем сели в поезд, полил проливной дождь. В вагоне стало темно. Одна сальная свечка едва освещала узкий проход вагона третьего класса. Поезд тронулся, за окном замелькали темные очертания лесов и огоньки далеких деревень.

Раньше мне не приходилось ездить в поездах, и я никогда не видел железной дороги. Поэтому поездка эта произвела на меня огромное впечатление. Проехали станцию Балабанове. Вдруг вдали показались какие-то ярко освещенные многоэтажные здания.

— Дядя, что это за город? — спросил я у пожилого мужчины, стоявшего у окна вагона.

— Это не город, паренек. Это нарофоминская ткацкая фабрика Саввы Морозова. На этой фабрике я проработал 15 лет, — грустно сказал он, — а вот теперь не работаю.

— Почему? — спросил я.

— Долго рассказывать... здесь я похоронил жену и дочь.

Я видел, как он побледнел и на минуту закрыл глаза.

— Каждый раз, проезжая мимо проклятой фабрики, не могу спокойно смотреть на это чудовище, поглотившее моих близких...

Он вдруг отошел от окна, сел в темный угол вагона и закурил, а я продолжал смотреть в сторону “чудовища”, которое “глотает” людей, но не решался спросить, как это происходит.

В Москву мы приехали на рассвете. Ехали более четырех часов. Сейчас это расстояние поезд проходит за час с небольшим. Вокзал меня ошеломил. Все страшно спешили к выходу, толкаясь локтями, корзинами, сумками, сундучками. Я не понимал, почему все так торопятся.

— Ты рот не разевай, — сказал мой провожатый. — Здесь тебе не деревня, здесь ухо востро нужно держать.

Наконец мы выбрались на привокзальную площадь.

Возле трактира, несмотря на ранний час, шла бойкая торговля сбитнем, лепешками, пирожками с ливером, требухой и прочими яствами, которыми приезжие могли подкрепиться за недорогую цену. Идти к хозяину было еще рано, и мы решили отправиться в трактир. Около трактира стояли лужи воды и грязи, на тротуаре и прямо на земле примостились пьяные оборванцы. В трактире громко играла музыка, я узнал мелодию знакомой песни “Шумел, горел пожар московский”. Некоторые посетители, успев подвыпить, нестройно подтягивали.

Выйдя из трактира, мы отправились на Большую Дорогомиловскую улицу и стали ждать конку. Тогда еще по этой улице не ходил трамвай, он вообще только что появился в Москве. При посадке на конку, в спешке и суете, поднимавшийся впереди по лесенке мужчина нечаянно сильно задел меня каблуком по носу. Из носа пошла кровь.

— Говорил тебе, смотри в оба! — сердито прикрикнул дядя Сергей.

А дядька сунул мне кусок тряпки и спросил:

— Из деревни, что ли? В Москве надо смотреть выше носа, — добавил он.

Вокзальная площадь и окрестные улицы не произвели на меня особого впечатления. Домишки тут были маленькие, деревянные, облезлые. Дорогомиловская улица грязная, мостовая с большими выбоинами, много пьяных, большинство людей плохо одеты.

Но по мере приближения к центру вид города все больше менялся: появлялись большие дома, нарядные магазины, лихие рысаки. Я был как в тумане, плохо соображал и был как-то подавлен. Я никогда не видел домов выше двух этажей, мощеных улиц, извозчиков в колясках с надутыми шинами, или, как их звали, “лихачей”, мчавшихся с большой скоростью на красавцах орловских рысаках. Не видел я никогда и такого скопления людей на улицах. Все это поражало воображение, и я молчал, рассеянно слушая своего провожатого.

Мы повернули к Большой Дмитровке и сошли с конки на углу Камергерского переулка.

— Вот дом, где ты будешь жить, — сказал мне дядя Сергей, — а во дворе помещается мастерская, там будешь работать. — Парадный вход в квартиру с Камергерского переулка, но мастера и мальчики ходят только с черного хода, со двора. Запоминай хорошенько, — продолжал он, — вот Кузнецкий мост, здесь находятся самые лучшие магазины Москвы. Вот это театр Зимина, но там рабочие не бывают. Прямо и направо Охотный ряд, где торгуют зеленью, дичью, мясом и рыбой. Туда ты будешь бегать за покупками для хозяйки.

Пройдя большой двор, мы подошли к работавшим здесь людям, поздоровались с мастерами, которых дядя Сергей уважительно называл по имени и отчеству.

— Вот, — сказал он, — привез из деревни вам в ученье нового мальчика.

— Мал больно, — заметил кто-то, — не мешало бы ему немного подрасти.

— Сколько тебе лет, парень? — спросил высокий человек.

— Двенадцать.

— Ладно, пусть мал ростом, зато у него плечи широкие, — сказал, улыбаясь, высокий.

— Ничего, будет хорошим скорняком, — ласково добавил мастер-старичок.

Это был Федор Иванович Колесов, самый справедливый, как я потом убедился, опытный и авторитетный из всех мастеров.

Отведя меня в сторону, дядя Сергей стал называть по имени каждого мастера и мальчика и рассказывать о них.

Я хорошо запомнил братьев Мишиных.

— Старший брат — хороший мастер, но здорово пьет, — говорил дядя Сергей, — а вот этот, младший, очень жаден до денег. Говорят, что он завтракает, обедает и ужинает всего лишь на десять копеек. Все о своем собственном деле мечтает. А это вот Михаил, он частенько пьет запоем. После получки два-три дня пьет беспробудно. Способен пропить последнюю рубашку и штаны, но мастер — золотые руки. Вот, — дядя Сергей показал на высокого мальчика, — это старший мальчик, твой непосредственный начальник, зовут его Кузьмой. Через год он будет мастером. А вон тот, курчавый, — это Григорий Матвеев из деревни Трубино, он тебе доводится дальним родственником.

Поднявшись по темной и грязной лестнице на второй этаж, мы вошли в мастерскую.

Вышла хозяйка, поздоровалась и сказала, что хозяина сейчас нет, но скоро должен быть.

— Пойдем, покажу тебе расположение комнат, а потом будешь на кухне обедать.

Хозяйка подробно объяснила мне будущие обязанности — обязанности самого младшего ученика — по уборке помещений, чистке обуви хозяев и их детей, показала, где и какие лампады у икон, когда и как их надо зажигать и так далее.

— Ну, а остальное тебе объяснят Кузьма и старшая мастерица Матреша.

Потом Кузьма, старший мальчик, позвал меня на кухню обедать. Я здорово проголодался и с аппетитом принялся за еду. Но тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, когда старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой по лбу, да такой удар, что сразу образовалась шишка.

Я был сконфужен тем, что за полдня пребывания в Москве уже дважды оказался битым.

Старший мальчик Кузьма оказался очень хорошим парнем.

— Ничего, терпи, коли будут бить, — сказал он мне после обеда, — за одного битого двух небитых дают.

В тот же день Кузьма повел меня в ближайшие лавки, куда предстояло ходить за табаком и водкой для мастеров. Кухарка (она же старшая мастерица) Матреша показала, как чистить и мыть посуду и разводить самовар.

С утра следующего дня меня посадили в углу мастерской и сказали, чтобы я прежде всего научился шить мех. Старшая мастерица снабдила меня иголкой, нитками и наперстком. Показав технику шитья, она сказала:

— Если что-либо не будет получаться, подойди ко мне, я тебе покажу, как надо шить.

Я усердно принялся за свои первые трудовые уроки.

Работать мастера начинали ровно в семь часов утра и кончали в семь вечера, с часовым перерывом на обед. Следовательно, рабочий день длился одиннадцать часов, а когда

случалось много работы, мастера задерживались до десяти-одиннадцати часов вечера. В этом случае рабочий день доходил до пятнадцати часов в сутки. За сверхурочные они получали дополнительную сдельную плату.

Мальчики-ученики всегда вставали в шесть утра. Быстро умывшись, мы готовили рабочие места и все, что нужно было мастерам для работы. Ложились спать в одиннадцать вечера, все убрав и подготовив к завтрашнему дню. Спади тут же, в мастерской, на полу, а когда было очень холодно, — на полатях в прихожей с черного хода.

Поначалу я очень уставал. Трудно было привыкнуть поздно ложиться спать. В деревне мы обычно ложились очень рано. Но со временем втянулся и стоически переносил нелегкий рабочий день.

Первое время очень скучал по деревне и дому. Я вспоминал милые и близкие сердцу рощи и перелески, где так любил бродить с Прохором на охоте, ходить с сестрой за ягодами, грибами, хворостом. У меня сжималось сердце и хотелось плакать. Я думал, что никогда уже больше не увижу мать, отца, сестру и товарищей. Домой на побывку мальчиков отпускали только на четвертом году, и мне казалось, что время это никогда не наступит.

По субботам Кузьма водил нас в церковь ко всенощной, а в воскресенье к заутрене и к обедне. В большие праздники хозяин брал нас с собой к обедне в Кремль, в Успенский собор, а иногда в Храм Христа Спасителя. Мы не любили бывать в церкви и всегда старались удрать оттуда под каким-либо предлогом. Однако в Успенский собор ходили с удовольствием — слушать великолепный синодальный хор и специально протодьякона Розова: голос у него был, как иерихонская труба.

Минул год. Я довольно успешно освоил начальный курс скорняжного дела, хотя оно далось мне не без труда. За малейшую оплошность хозяин бил нас немилосердно. А рука у него была тяжелая. Били нас мастера, били мастерицы, не отставала от них и хозяйка. Когда хозяин был не в духе — лучше не попадайся ему на глаза. Он мог и без всякого повода отлупить так, что целый день в ушах звенело.

Иногда хозяин заставлял двух провинившихся мальчиков бить друг друга жимолостью (кустарник, прутьями которого выбивали меха), приговаривая при этом: “Лупи крепче, крепче!” Приходилось безропотно терпеть.

Мы знали, что везде хозяева бьют учеников — таков был закон, таков порядок. Хозяин считал, что ученики отданы в полное его распоряжение и никто никогда с него не спросит за побои, за нечеловеческое отношение к малолетним. Да никто и не интересовался, как мы работаем, как питаемся, в каких условиях живем. Самым высшим для нас судьей был хозяин. Так мы и тянули тяжелое ярмо, которое и не каждому взрослому было под силу.

Время шло. Мне исполнилось тринадцать лет, и я уже многому научился в мастерской. Несмотря на большую загруженность, все же находил возможность читать. Я всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя Сергея Николаевича Ремизова, привившего мне страсть к книгам. Учиться мне помогал старший сын хозяина, Александр. Мы с ним были одногодки, и он относился ко мне лучше других.

Поначалу с его помощью я прочитал роман “Медицинская сестра”, увлекательные истории о Нате Пинкертоне, “Записки о Шерлоке Холмсе” Конан Доила и ряд других приключенческих книжек, изданных в серии дешевой библиотечки. Это было интересно, но не очень-то поучительно. А я хотел учиться серьезно. Но как? Я поделился с Александром. Он одобрил мои намерения и сказал, что будет помогать.

Мы взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. Занимались обычно вдвоем, главным образом когда не было дома хозяина и по воскресеньям. Но как мы ни прятались от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания он похвалил нас за разумное дело.

Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища.

В мастерской мною были довольны, доволен был и хозяин, хотя нет-нет да и давал мне пинка или затрещину. Вначале он не хотел отпускать меня вечерами на курсы, но потом его уговорили сыновья, и он согласился. Я был очень рад. Правда, уроки приходилось готовить ночью на полатях, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей.

За месяц до выпускных экзаменов, как-то в воскресенье, когда хозяин ушел к приятелям, мы сели играть в карты. Играли, как помнится, в “двадцать одно”. Не заметили, как вернулся хозяин и вошел в кухню. Я держал банк, мне везло. Вдруг кто-то дал мне здоровую оплеуху. Я оглянулся и — о, ужас — хозяин! Ошеломленный, я не мог произнести ни слова. Ребята бросились врассыпную.

— Ах, вот для чего тебе нужна грамота! Очки считать? С этого дня никуда больше не пойдешь, и чтоб Сашка не смел с тобой заниматься!

Через несколько дней я зашел на курсы, которые помещались на Тверской улице, и рассказал о случившемся. Учиться мне оставалось всего лишь месяц с небольшим. Надо мной посмеялись и разрешили сдавать экзамены. Экзамены за полный курс городского училища я выдержал успешно.

Шел 1911 год. Я уже три года проработал в мастерской и перешел в разряд старших мальчиков. Теперь и у меня в подчинении было три мальчика-ученика. Хорошо знал Москву, так как чаще других приходилось разносить заказы в разные концы города. Желание продолжать учебу меня не оставляло, но к этому не было никакой возможности. Однако читать все же ухитрялся.

Газеты брал после мастера Колесова, который был политически грамотнее других. Журналы давал мне Александр, книжки покупал сам на сэкономленные “трамвайные” деньги. Пошлет, бывало, хозяин отвезти меха какому-либо заказчику в Марьину рощу или Замоскворечье, даст пятачок или гривенник на конку, а я взвалю мешок с мехами на спину и айда пешком, а монету сберегу на книжку.

На четвертом году ученья меня, как физически более крепкого мальчика, взяли в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку, где хозяин снял себе лавку для оптовой торговли

механами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал еще жаднее.

На ярмарке в мою обязанность входили главным образом упаковка проданного товара и отправка его по назначению через городскую пристань на Волге, пристань на Оке или через железнодорожную товарную контору.

Впервые я увидел Волгу и был поражен ее величием и красотой — до этого я не знал рек шире и полноводнее Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и Волга вся искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на нее и не мог оторвать восхищенного взгляда.

“Теперь понятно, — подумал я, — почему о Волге песни поют и матушкой ее величают”.

На Нижегородскую ярмарку съезжались торговцы и покупатели со всей России. Туда везли свои товары и “заморские купцы” из других государств. Сама ярмарка располагалась за городом между Нижним и Канавином, в низкой долине, которая во время весеннего паводка сплошь заливалась водой.

На Нижегородскую ярмарку собиралось великое множество всякого люда, стремящегося подработать кто честным трудом, а кто темными делами. Туда, как воронье, слетались воры, проститутки, жулики и разные аферисты.

После Нижегородской ярмарки в том же году пришлось поехать на другую ярмарку, в Урюпино, в Область Войска Донского. Туда хозяин не поехал, а послал приказчика Василия Данилова. О ярмарке в Урюпине у меня не осталось таких ярких воспоминаний, как о Нижнем Новгороде и Волге. Урюпино был довольно грязный городишко, и ярмарка там по своим масштабам была невелика.

Приказчик Василий Данилов был человек жестокий и злой. До сих пор не могу понять, почему он с какой-то садистской страстью наносил побои четырнадцатилетнему мальчику по самому малейшему поводу. Однажды я не вытерпел, схватил “ковырок” (дубовая палка для упаковки) и со всего размаха ударил его по голове. От этого удара он упал и потерял сознание. Я испугался, думал, что убил его, и убежал из лавки. Однако все обошлось благополучно.

Когда мы возвратились в Москву, он пожаловался хозяину. Хозяин, не вникнув в суть дела, жестоко избил меня.

В 1912 году мне посчастливилось получить десятидневный отпуск в деревню. В то время там начался покос — самый интересный вид полевых работ. На покос приезжали из города мужчины и молодежь, чтобы помочь женщинам быстрее справиться с уборкой трав и заготовкой кормов на зиму.

Из деревни я уехал почти ребенком, а приехал в отпуск взрослым юношей. Мне уже шел шестнадцатый год, я был ученик по четвертому году. Многих за это время не стало в деревне — кто умер, кого отправили в ученье, кто ушел на заработки. Кого-то я не узнавал, а кто-то не узнавал меня. Одних согнула тяжкая жизнь, преждевременная старость, другие за это время выросли, стали взрослыми.

В деревню я ехал дачным малоярославецким поездом. Всю дорогу от Москвы до полустанка Оболенское простоял у открытого окна вагона. Когда четыре года назад я ехал в Москву, была ночь, и я почти не видел местность вдоль железной дороги. Сейчас с интересом рассматривал станционные сооружения, изумительной красоты подмосковные леса и перелески.

Когда проезжали мимо станции Наро-Фоминск, какой-то человек сказал своему соседу:

— До пятого года я здесь часто бывал... Вон видишь красные кирпичные корпуса? Это и есть фабрика Саввы Морозова.

— Говорят, он демократ, — сказал второй.

— Буржуазный демократ, но, говорят, неплохо относится к рабочим. Зато его администрация — псы лютые.

— Одна шайка-лейка!— зло сказал сосед.

Заметив, что я с интересом слушаю (припомнив разговор в вагоне об этой же фабрике, который я слышал несколько лет назад), они замолчали.

На полустанке Оболенское меня встретила мать Она очень изменилась за эти четыре года и состарилась. Что-то сжало мне горло, и я еле сдержался, чтобы не разрыдаться. Мать долго плакала, прижимала меня шершавыми и мозолистыми руками и все твердила:

— Дорогой мой! Сынок! Я думала, что умру, не увидев тебя.

— Ну, что ты, мама, видишь, как я вырос, теперь тебе будет легче.

— Дай-то Бог!

Домой мы приехали уже затемно. Отец и сестра поджидали нас на завалинке. Сестра выросла и стала настоящей невестой. Отец сильно постарел и еще больше согнулся. Ему шел семидесятый год. Он как-то по-своему встретил меня Поцеловались. Думая о чем-то своем, он сказал:

— Хорошо, что дожил. Вижу, ты теперь взрослый, крепкий.

Чтобы скорее порадовать своих стариков и сестру, я распаковал корзину и вручил каждому подарок, а матери, кроме того, три рубля денег, два фунта сахара, полфунта чая и фунт конфет.

— Вот спасибо, сынок! — обрадовалась мать. — Мы уже давно не пили настоящий чай с сахаром.

Отцу я дал еще рубль на трактирные расходы.

— Хватило бы ему и двадцати копеек, — заметила мать.

Отец сказал:

— Я четыре года ждал сынка, не омрачай нашей встречи разговором о нужде.

Через день мы с матерью и сестрой поехали на покос. Я рад был увидеть товарищей, особенно Лешу Колотырного. Все ребята здорово выросли. В начале косьбы что-то у меня не ладилось. Я уставал, потел, видимо, сказывался четырехлетний перерыв. Потом все пошло хорошо, косил чисто, не отставая от других, но во рту все пересохло, и я еле дотянул до отдыха.

— Как, Егорушка, нелегок крестьянский труд? — спросил меня дядя Назар, обняв за мокрые плечи.

— Труд нелегкий, — согласился я.

— А вот англичане траву косят машинами, — заметил подошедший к нам молодой мужик, которого я раньше не знал.

— Да, — сказал Назар, — мы все надеемся на соху-матушку да на косу. Эх, дубинушка, ухнем...

Я спросил у ребят, кто этот мужик, что говорил насчет машин.

— Это Николай Жуков — сын старосты. Его выслали из Москвы за пятый год. Он очень острый на язык, даже царя ругает.

— Ничего, — сказал Леша, — за глаза царя ругать можно, но только чтобы не слышали полиция или шпики.

Солнце припекало все сильнее. Косьбу прекратили, начали сушить скошенную траву. К полудню мы с сестрой, навьючив сено на телегу, взобрались на воз и поехали домой. Нас уже ждали жареная картошка с маслом и чай с сахаром. Все это было тогда так аппетитно!..

Вечерами, забыв об усталости, молодежь собиралась около амбара, и начиналось веселье. Пели песни, задушевные и проникновенные. Девушки выводили сильными голосами нежную мелодию, ребята старались вторить молодыми баритонами и еще не окрепшими басами. Потом плясали до упаду. Расходились под утро и едва успевали заснуть, как нас будили, и мы вновь отправлялись на покос. Вечером все начиналось сначала. Трудно сказать, когда мы спали.

Да, видно, молодость все может. Как хорошо чувствовать себя молодым!

Отпуск прошел очень быстро, и нужно было возвращаться в Москву. В предпоследнюю ночь моего пребывания дома в соседней деревне Костинке случился пожар. Дул сильный ветер. Пожар начался посредине деревни и стал быстро распространяться на соседние дома, сараи и амбары. Мы еще гуляли, когда заметили со стороны Костинки густой дым.

Кто-то крикнул:

— Пожар!

Все бросились в пожарный сарай, быстро выкатили бочку и потащили ее на руках в Костинку. Наша помощь подоспела первой, даже пожарная команда Костинки пришла позднее.

Пожар был очень сильный, и, несмотря на отчаянные усилия пожарных команд, которые собрались из соседних сел, выгорело полдеревни.

Пробегая с ведром воды мимо одного дома, я услышал крик:

— Спасите, горим!

Бросился в тот дом, откуда раздавались крики, и вытащил испуганных до смерти детей и больную старуху.

Наконец огонь потушили. На пепелище причитали женщины, плакали дети. Много людей осталось без крова и без всякого имущества, а некоторые и без куска хлеба.

Наутро я обнаружил две прожженные дырки, каждую величиной с пятак, на моем новом пиджаке — подарке хозяина перед отпуском (таков был обычай).

— Ну, хозяин тебя не похвалит, — сказала мать.

— Что ж, — ответил я, — пусть он рассудит, что важнее: пиджак или ребята, которых удалось спасти...

Уезжал я с тяжелым сердцем. Особенно тягостно было смотреть на пожарище, где копались несчастные люди. Бедняги искали, не уцелело ли чего. Я сочувствовал их горю, так как сам знал, что значит остаться без крова.

В Москву приехал рано утром. Поздоровавшись с хозяином, рассказал о пожаре в деревне и показал прожженный пиджак. К моему удивлению, он даже не выругал меня, и я был благодарен ему за это.

Потом оказалось, что мне просто повезло. Накануне хозяин очень выгодно продал партию мехов и на этом крепко заработал.

— Если бы не это, — сказал Федор Иванович, — быть тебе выдранному, как сидоровой козе.

В конце 1912 года мое ученичество кончилось. Я стал молодым мастером (подмастерьем). Хозяин спросил, как я думаю дальше жить: останусь ли на квартире при мастерской или пойду на частную квартиру?

— Если останешься при мастерской и будешь по-прежнему есть на кухне с мальчиками, то зарплата тебе будет десять рублей, если пойдешь на частную квартиру, тогда будешь получать восемнадцать рублей.

Жизненного опыта у меня было маловато, и я сказал, что буду жить при мастерской. Видимо, хозяина это вполне устраивало, так как по окончании работы мастеров для меня всегда находилась какая-либо срочная, не оплачиваемая работа. Прошло немного

времени, и я решил: “Нет, так не пойдет. Уйду на частную квартиру, а вечерами лучше читать буду”.

На Рождество я вновь съездил в деревню, уже самостоятельным человеком. Мне шел 17-й год, а самое главное— я был мастером, получавшим целых десять рублей, а это далеко не всем тогда удавалось.

Хозяин доверял мне, видимо, убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и как безотказного работника и часто брал в свой магазин, где, кроме скорняжной работы, мне поручалась упаковка грузов и отправка их по товарным конторам.

Мне нравилась такая работа больше, чем в мастерской, где, кроме ругани между мастерами, не было слышно других разговоров. В магазине — дело другое. Здесь приходилось вращаться среди более или менее интеллигентных людей, слышать их разговоры о текущих событиях.

Мастера мало читали газеты, и, кроме Колесова, никто в нашей мастерской не разбирался в политических делах. Думаю, что так же обстояло дело и в других скорняжных мастерских. Никакого профсоюза скорняков тогда не было, и каждый был предоставлен самому себе. Только позднее организовался союз кожевников, куда вошли и скорняки.

Поэтому неудивительно, что скорняки отличались тогда своей аполитичностью. Исключение составляли одиночки. Мастер-скорняк жил своими интересами, у каждого был свой мирок. Некоторые всякими правдами и неправдами сколачивали небольшой капиталец и стремились открыть собственное дело. Скорняки, портные и другие рабочие мелких кустарных мастерских заметно отличались от заводских, фабричных рабочих, от настоящих пролетариев своей мелкобуржуазной идеологией и отсутствием крепкой пролетарской солидарности.

Заводские рабочие не могли и мечтать о своем деле. Для этого нужны были большие капиталы. А они получали гроши, которых едва-едва хватало на пропитание. Условия труда, постоянная угроза безработицы объединяли рабочих на борьбу с эксплуататорами.

Политическая работа большевистской партии сосредоточивалась тогда в среде промышленного пролетариата. Среди рабочих кустарных мастерских подвизались меньшевики, эсеры и прочие псевдореволюционеры. Не случайно в 1905 году и во время Великой Октябрьской революции в рядах восставшего пролетариата было мало кустарей.

В 1910—1914 годах заметно оживились революционные настроения. Все чаше и чаще стали вспыхивать стачки в Москве, Питере и других промышленных городах. Участились сходки и забастовки студентов. В деревне нужда дошла до предела в результате разразившегося в 1911 году голода.

Как ни плоха была политическая осведомленность мастеров-скорняков, все же мы знали о расстреле рабочих на Ленских приисках и повсеместном нарастании революционного брожения. Федору Ивановичу Колесову изредка удавалось доставать большевистские газеты “Звезда” и “Правда”, которые просто и доходчиво объясняли, почему непримиримы противоречия между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, доказывали общность интересов рабочих и деревенской бедноты.

В то время я слабо разбирался в политических вопросах, но мне было ясно, что эти газеты отражают интересы рабочих и крестьян, а газеты “Русское слово” и “Московские ведомости” — интересы хозяев царской России, капиталистов. Когда я приезжал в деревню, я уже сам мог кое-что рассказать и объяснить своим товарищам и нашим мужикам.

Начало Первой мировой войны запомнилось мне погромом иностранных магазинов в Москве. Агентами охранки и черносотенцами под прикрытием патриотических лозунгов был организован погром немецких и австрийских фирм. В это были вовлечены многие, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как эти люди не могли прочесть вывески на иностранных языках, то заодно громили и другие иностранные фирмы — французские, английские.

Под влиянием пропаганды многие молодые люди, особенно из числа зажиточных, охваченные патриотическими чувствами, уходили добровольцами на войну. Александр Пилихин тоже решил бежать на фронт и все время уговаривал меня.

Вначале мне понравилось его предложение, но все же я решил посоветоваться с Федором Ивановичем — самым авторитетным для меня человеком. Выслушав меня, он сказал:

— Мне понятно желание Александра, у него отец богатый, ему есть из-за чего воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет?.. Вернешься калекой — никому не будешь нужен.

Эти слова меня убедили, и я сказал Саше, что на войну не пойду. Обругав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжело раненным.

В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном ряду, против теперешней гостиницы “Москва”. Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Малышевой. Дочь ее Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчеты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведен досрочный призыв молодежи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, еще не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь.

Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на “лихачах”, в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане “Яр”. Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию.

Мой хозяин, ценивший меня по работе, сказал:

— Если хочешь, я устрою так, что тебя оставят на год по болезни и, может быть, оставят по чистой.

Я ответил, что вполне здоров и могу идти на фронт.

— Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша?

Я сказал, что по своему долгу обязан защищать Родину. На этом разговор был закончен и больше не возникал.

В конце июля 1915 года был объявлен досрочный призыв в армию молодежи моего года рождения. Я отпросился у хозяина съездить в деревню попрощаться с родителями, а заодно и помочь им с уборкой урожая.

Глава вторая. **Служба солдатская**

Призывался я в своем уездном городе Малоярославце Калужской губернии 7 августа 1915 года. Первая мировая война уже была в полном разгаре.

Меня отобрали в кавалерию, и я был очень рад, что придется служить в коннице. Я всегда восхищался этим романтическим родом войск. Все мои товарищи попали в пехоту, и многие завидовали мне.

Через неделю всех призванных вызвали на сборный пункт. Нас распределили по командам, и я расстался со своими земляками-одногодками. Кругом были люди незнакомые, такие же безусые ребята, как и я.

Вечером нас погрузили в товарные вагоны и повезли к месту назначения — в город Калугу. Впервые за все время я так сильно почувствовал тоску и одиночество. Кончилась моя юность. “Готов ли я нести нелегкую службу солдата, а если придется, идти в бой?” — мысленно задавал себе вопрос. Жизнь закалила меня, и свой солдатский долг, я полагал, сумею выполнить с честью.

Товарные вагоны, куда нас поместили по сорок человек в каждый, не были приспособлены для перевозки людей, поэтому пришлось всю дорогу стоять или сидеть прямо на грязном полу. Кто пел песни, кто резался в карты, кто плакал, изливая душу соседям. Некоторые сидели, стиснув зубы, неподвижно уставившись в одну точку, думая о будущей своей солдатской судьбе.

В Калугу прибыли ночью. Разгрузили нас где-то в тупике на товарной платформе. Раздалась команда: “Становись!”, “Равняйсь!”. И мы зашагали в противоположном направлении от города. Кто-то спросил у ефрейтора, куда нас ведут. Ефрейтор, видимо, был хороший человек, он нам душевно сказал:

— Вот что, ребята, никогда не задавайте таких вопросов начальству. Солдат должен безмолвно выполнять приказы и команды, а куда ведут солдата — про то знает начальство.

Как бы в подтверждение его слов в голове колонны раздался зычный голос начальника команды:

— Прекратить разговоры в строю!

Коля Сивцов, мой новый приятель, толкнул меня локтем и прошептал:

— Ну вот, начинается служба солдатская.

Шли мы часа три и порядком уже устали, когда становились на малый привал. Приближался рассвет, сильно клонило ко сну, и, как только присели на землю, сразу же отовсюду послышался храп.

Однако скоро опять раздалась команда: “Становись!”. Мы вновь зашагали вперед и через час пришли в лагерный городок. Разместили нас в бараке на голых нарах. Сказали, что можем отдохнуть до 7 часов утра. Здесь уже находилось около ста человек. В многочисленные щели и битые окна дул ветер. Но даже эта “вентиляция” не помогала. “Дух” в бараке стоял тяжелый.

После завтрака нас построили и объявили, что мы находимся в 189-м запасном пехотном батальоне. Здесь будет формироваться команда 5-го запасного кавалерийского полка. До отправления по назначению будем обучаться пехотному строю.

Нам выдали учебные пехотные винтовки. Отделенный командир ефрейтор Шахворостов объявил внутренний распорядок и наши обязанности. Он строго предупредил, что, кроме как “по нужде”, никто из нас не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон... Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами.

— Да, — говорили солдаты, — от этого фрукта добра не жди... Затем к строю подошел старший унтер-офицер. Наш ефрейтор скомандовал: “Смирно!”

— Я ваш взводный командир Малявко, — сказал старший унтер-офицер. — Надеюсь, вы хорошо поняли, что объяснил отделенный командир, а потому будете верно служить царю и отечеству. Самоволия я не потерплю!

Начался первый день строевых занятий. Каждый из нас старался хорошо выполнить команду, тот или иной строевой прием или действие оружием. Но угодить начальству было нелегко, а тем более дождаться поощрения. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, взводный задержал всех на дополнительные занятия. Ужинали мы холодной бурдой самыми последними.

Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн “Боже, царя храни!”. Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке.

Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после “мертвого часа” чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура все равно не пропустит.

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам.

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как “за Богом молитва, а за царем служба не пропадут”.

До отправления в 5-й запасный кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира еще пару раз, и, кажется, он оба раза был навеселе. Что касается командира 189-го запасного батальона, то мы его за все время нашего обучения так и не увидели.

В сентябре 1915 года нас отправили на Украину в 5-й запасный кавалерийский полк. Располагался он в городе Балаклее Харьковской губернии. Миновав Балаклею, наш эшелон был доставлен на станцию Савинцы, где готовились маршевые пополнения для 10-й кавалерийской дивизии. На платформе нас встретили подтянутые, одетые с иголочки кавалерийские унтер-офицеры и вахмистры. Одни были в гусарской форме, другие — в уланской, третьи — в драгунской.

После разбивки мы, малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии, были определены в драгунский эскадрон.

Нам было досадно, что мы не попали в гусары и, конечно, не только потому, что у гусар была более красивая форма. Нам говорили, что там были лучшие и, главное, более человечные унтер-офицеры. А ведь от унтер-офицеров в царской армии целиком зависела судьба солдата.

Через день нам выдали кавалерийское обмундирование, конское снаряжение и закрепили за каждым лошадь. Мне попалась очень строптивая кобылица темно-серой масти по кличке Чашечная.

Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: “Терпи, казак, атаманом будешь”. И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла.

Взводный наш, старший унтер-офицер Дураков, вопреки своей фамилии, оказался далеко не глупым человеком. Начальник он был очень требовательный, но солдат никогда не обижал и всегда был сдержан. Зато другой командир, младший унтер-офицер Бородавко, был ему полной противоположностью: крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы.

Особенно беспощаден он был, когда руководил ездой. Мы это хорошо почувствовали во время кратковременного отпуска нашего взводного. Бородавке, оставшись за взводного, развернулся вовсю. И как только он не издевался над солдатами! Днем гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве,

поскольку считал их “грамотеями” и слишком умными. А ночью по нескольку раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности.

Сговорившись, мы как-то подкараулили его в темном углу и, накинув ему на голову попону, избили до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который все уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон.

К весне 1916 года мы были в основном уже подготовленными кавалеристами. Нам сообщили, что будет сформирован маршевый эскадрон и впредь до отправления на фронт мы продолжим обучение в основном по полевой программе. На наше место прибывали новобранцы следующего призыва, а нас готовили к переводу на другую стоянку, в село Лагери.

Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В их число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться.

— На фронте ты еще, друг, будешь, — сказал он, — а сейчас изучи-ка лучше глубже военное дело, оно тебе пригодится. Я убежден, что ты будешь хорошим унтер-офицером.

Потом, подумав немного, добавил:

— Я вот не тороплюсь снова идти на фронт. За год на передовой я хорошо узнал, что это такое, и многое понял... Жаль, очень жаль, что так глупо гибнет наш народ, и за что, спрашивается?..

Больше он мне ничего не сказал. Но чувствовалось, что в душе этого человека возникло и уже выбивалось наружу противоречие между долгом солдата и человека-гражданина, который не хотел мириться с произволом царского режима. Я поблагодарил его за совет и согласился пойти в учебную команду, которая располагалась в городе Изюме Харьковской губернии. Прибыло нас туда из разных частей около 240 человек.

Разместили всех по частным квартирам, и вскоре начались занятия. С начальством нам не повезло. Старший унтер-офицер оказался хуже, чем Бородавко. Я не помню его фамилии, помню только, что солдаты прозвали его Четыре с половиной. Такое прозвище ему дали потому, что у него на правой руке указательный палец был наполовину короче. Однако это не мешало ему кулаком сбивать с ног солдата. Меня он не любил больше, чем других, но бить почему-то избегал. Зато донимал за малейшую оплошность, а то и, просто придравшись, подвергал всяким наказаниям.

Никто так часто не стоял “под шашкой при полной боевой”, не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нес дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что все это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог придраться ко мне на занятиях.

Убедившись, что меня ничем не проймешь, он решил изменить тактику, может быть, попросту хотел отвлечь от боевой подготовки, где я шел впереди других.

Как-то он позвал меня к себе в палатку и сказал:

— Вот что, я вижу, ты парень с характером, грамотный, и тебе легко дается военное дело. Но ты москвич, рабочий, зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим нештатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчетность по занятиям и выполнять другие поручения.

— Я пошел в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, — ответил я, — а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером.

Он разозлился и пригрозил мне:

— Ну, смотри, я сделаю так, что ты никогда не будешь унтер-офицером!..

В июне подходил конец нашей учебы и должны были начаться экзамены. По существовавшему порядку лучший в учебной команде получал при выпуске звание младшего унтер-офицера, а остальные выпускались из команды вице-унтер-офицерами, то есть кандидатами на унтер-офицерское звание. Товарищи мои не сомневались, что я должен был быть первым и обязательно получить при выпуске звание младшего унтер-офицера, а затем вакантное место отделенного командира.

Какая же была для всех неожиданность, когда за две недели до выпуска мне было объявлено перед строем, что я отчисляюсь из команды за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству. Всем было ясно, что Четыре с половиной решил свести со мной счеты. Но делать было нечего.

Помощь пришла совершенно неожиданно. В нашем взводе проходил подготовку вольноопределяющийся Скорино, брат заместителя командира эскадрона, где я проходил службу до учебной команды. Он очень плохо учился и не любил военное дело, но был приятный и общительный человек, и его побаивался даже наш Четыре с половиной. Скорино тут же пошел к начальнику учебной команды и доложил о несправедливом ко мне отношении.

Начальник команды приказал вызвать меня к нему. Я порядком перетрусил, так как до этого никогда не разговаривал с офицерами. “Ну, думаю, пропал! Видимо, дисциплинарного батальона не миновать”.

Начальника команды мы знали мало. Слыхали, что офицерское звание он получил за храбрость и был награжден почти полным бантом георгиевских крестов. До войны он служил где-то в уланском полку вахмистром сверхсрочной службы. Мы его видели иногда только на вечерних поверках, говорили, что он болеет после тяжелого ранения.

К моему удивлению, я увидел человека с мягкими и, я бы сказал, даже теплыми глазами и простодушным лицом.

— Ну что, солдат, в службе не везет? — спросил он и указал мне на стул.

Я стоял и боялся присесть.

— Садись, садись, не бойся!.. Ты, кажется, москвич?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил я, стараясь произнести каждое слово как можно более громко и четко.

— Я ведь тоже москвич, работал до службы в Марьиной роще, по специальности краснодеревщик. Да вот застрял на военной службе, и теперь, видимо, придется посвятить себя военному делу,— мягко сказал он.

Потом помолчал и добавил:

— Вот что, солдат, на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира “шкурой” и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие, — ответил я. — Но одно могу доложить, что всякий на моем месте вел бы себя так же.

И я рассказал ему правдиво все, как было.

Он внимательно выслушал и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам.

Я был доволен тем, что так хорошо все кончилось. Однако при выпуске мне не дали первенства и я был выпущен из учебной команды наравне со всеми в звании вице-унтер-офицера.

Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной Армии.

Что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого обращения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель — чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко.

О русской армии написано много, и я не считаю нужным повторяться. Коснусь лишь некоторых моментов, на мой взгляд, представляющих интерес.

Что было наиболее характерным для старой царской армии? Прежде всего, отсутствие общности и единства между солдатской массой и офицерским составом.

В ходе войны, особенно в 1916 и начале 1917 года, когда вследствие больших потерь офицерский корпус укомплектовывался представителями трудовой интеллигенции, грамотными рабочими и крестьянами, а также отличившимися в боях солдатами и унтер-офицерами, эта разобщенность в подразделениях (до батальона или дивизиона

включительно) была несколько сглажена. Однако она полностью сохранилась в соединениях и объединениях. Офицеры и генералы, не имевшие никакой близости с солдатской массой, не знавшие, чем живет и дышит солдат, были чужды солдату.

Это обстоятельство, а также широко распространенная оперативно-тактическая неграмотность высшего офицерского и генеральского состава привели к тому, что командиры эти, за исключением немногих, не пользовались авторитетом у солдата. В среднем же звене офицерского состава, наоборот, под конец войны было много близких солдату по духу и настроению офицеров. Таких командиров солдаты любили, доверяли им и шли за ними в огонь и воду.

Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. Вместе с тем, как я уже говорил, за малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели “практикой” по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского режима.

Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами.

Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а следовательно, не будет и хороших подразделений.

В первых числах августа из полка пришел приказ о направлении окончивших учебную команду по маршевым эскадронам. Группу в 15 человек приказано было отправить прямо на фронт — в 10-ю кавалерийскую дивизию. В списке этих 15 человек я стоял вторым и нисколько этому не удивился, так как хорошо знал, чьих это рук дело.

Когда читали список перед строем команды, Четыре с половиной улыбался, давая понять, что от него зависит судьба каждого из нас. Потом нас накормили праздничным обедом и приказали собираться на погрузку. Взяв свои вещевые мешки, мы пошли на место построения фронтовой команды, а через несколько часов наш эшелон отправился в сторону Харькова.

Ехали мы очень долго, часами простаивая на разъездах, так как шла переброска на фронт какой-то пехотной дивизии. С фронта везли тяжелораненых, и санитарные поезда также стояли, пропуская эшелоны на фронт. От раненых мы многое узнали, и в первую очередь то, что наши войска очень плохо вооружены. Высший командный состав пользуется дурной репутацией, и среди солдат широко распространено мнение, что в верховном командовании сидят изменники, подкупленные немцами. Кормят солдат плохо. Эти известия с фронта действовали угнетающе, и мы молча расходились по вагонам.

Нас высадили в районе Каменец-Подольска. Одновременно выгрузили и маршевое пополнение для 10-го гусарского Ингерманландского полка и около сотни лошадей для нашего 10-го драгунского Новгородского полка со всей положенной амуницией. Когда разгрузка подходила к концу, раздался сигнал воздушной тревоги. Все быстро укрылись, кто где мог. Самолет-разведчик противника покружился над нами и ушел на запад, сбросив несколько небольших бомб. Был убит солдат и ранено пять лошадей.

Это было наше первое боевое крещение. Из района выгрузки все пополнение походным порядком было направлено на реку Днестр, где в это время наша дивизия стояла в резерве Юго-Западного фронта.

Прибыв в часть, мы узнали, что Румыния объявила войну Германии и будет воевать на стороне русских против немцев. Ходили слухи, что наша дивизия должна в скором времени выступить непосредственно на фронт, но на какой именно участок, никто не знал.

В начале сентября дивизия, совершив походный марш, была сосредоточена в Быстрицком горно-лесистом районе, где она принимала непосредственное участие в боях, главным образом в пешем строю, так как условия местности не позволяли производить конных атак.

Все чаще приходили тревожные сведения. Наши войска несли большие потери. Наступление, по существу, выдохлось, и фронт остановился. Плохо шли дела и на фронте румынских войск, которые вступили в войну слабо подготовленными, недостаточно вооруженными, и в первых же сражениях с немецкими и австрийскими войсками понесли тяжелые потери.

Среди солдат нарастало недовольство, особенно когда приходили письма из дому, сообщавшие о голоде и страшной разрухе. Да и та картина, которую мы наблюдали в селах прифронтовой полосы на Украине, в Буковине и Молдавии, говорила сама за себя. До каких же бедствий дошли крестьяне под гнетом царя, по безрассудству которого вот уже третий год лилась кровь крестьян и рабочих! Солдаты уже понимали, что они становятся калеками и гибнут не за свои интересы, а ради “сильных мира сего”, за тех, кто их угнетал.

В октябре 1916 года мне не повезло: находясь вместе с товарищами в разведке на подступах к Сайе-Реген в головном дозоре, мы напоролись на мину и подорвались. Двоих тяжело ранило, а меня выбросило из седла взрывной волной. Очнулся я только через сутки в госпитале. Вследствие тяжелой контузии меня эвакуировали в Харьков.

Выйдя из госпиталя, долго еще чувствовал недомогание и, самое главное, плохо слышал. Медицинская комиссия направила меня в маршевый эскадрон в село Лагери, где с весны стояли мои друзья по новобранческому эскадрону. Конечно, я был очень рад этому обстоятельству.

Попал я из эскадрона в учебную команду молодым солдатом, а вернулся с унтер-офицерскими лычками, фронтовым опытом и двумя георгиевскими крестами на груди, которыми был награжден за захват в плен немецкого офицера и контузию.

Беседуя с солдатами, я понял, что они не горят желанием “нюхать порох” и не хотят войны. У них были уже иные думы — о земле и мире. В конце 1916 года среди солдат все упорнее стали ходить слухи о забастовках и стачках рабочих в Петрограде, Москве и других городах. Говорили о большевиках, которые ведут борьбу против царя, за мир, за землю и свободу для трудового народа. Теперь уже и сами солдаты стали настойчиво требовать прекращения войны. Правда, это были пока лишь тайные разговоры.

Несмотря на то что я был унтер-офицером, солдаты относились ко мне с доверием и часто заводили серьезные разговоры. Конечно, тогда я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто больше. Это в меру своих возможностей я и внушал своим солдатам, за что и был вознагражден ими.

Вот как это случилось.

Рано утром 27 февраля 1917 года эскадрон, располагавшийся в селе Лагери, был поднят по тревоге. Выстроились недалеко от квартиры командира эскадрона — ротмистра барона фон дер Гольца. Никто, конечно, ничего не знал. Нашим взводным командиром был поручик Киевский.

— Ваше благородие, куда нас собрали по тревоге? — спросил я его.

На мой вопрос он ответил вопросом:

— А вы как думаете?

Я сказал, что солдаты должны знать, куда их ведут, тем более что нам выдали боевые патроны.

— Ну что же, патроны могут пригодиться.

Разговор был прекращен появлением ротмистра барона фон дер Гольца. Это был боевой ротмистр. Он имел золотое оружие, солдатский Георгиевский крест и много других боевых орденов. Но человек был отвратительный, всегда злобно разговаривал с солдатами, которые его не любили и боялись.

После команды “смирно” ротмистр поздоровался с эскадроном.

Вытянув колонну по три, барон фон дер Гольц подал команду “рысью”.Эскадрон шел по дороге на город Балаклею, где стоял штаб 5-го запасного кавалерийского полка. Подходя к плацу полка, мы увидели, что там уже в развернутом строю стоят киевские драгуны и ингерманландские гусары. Наш эскадрон также построился развернутым строем. Подходили на рысях другие части. Никто не знал, в чем дело...

Вскоре все стало ясно. Откуда-то из-за угла показались демонстранты с красными знаменами. Наш командир эскадрона, пришпорив коня, карьером поскакал к штабу полка. Другие командиры эскадрона последовали за ним, а из штаба в это время вышла группа военных и рабочих.

Высокий солдат громким голосом обратился к собравшимся. Он сказал, что рабочий класс, солдаты и крестьяне России не признают больше царя Николая II, не признают капиталистов и помещиков. Русский народ не желает продолжения кровавой империалистической войны, ему нужны мир, земля и воля. Солдат закончил свою короткую речь лозунгами: “Долой царизм! Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов! Ура!”

Солдатам никто не подавал команды. Они нутром своим поняли, что им надо делать. Со всех сторон неслись крики “ура”. Солдаты смешались с демонстрантами...

Через некоторое время стало известно, что наш ротмистр и ряд других офицеров арестованы солдатским комитетом, который вышел из подполья и начал свою легальную деятельность с ареста тех, кто мог помешать революционным делам.

Войскам было тут же приказано вернуться на места и ждать распоряжений солдатского комитета. Во главе полкового комитета был большевик Яковлев (к сожалению, не помню его имени и отчества). На другое утро от него прибыл какой-то офицер. Он приказал эскадрону собраться, чтобы выбрать делегатов в полковой совет и одновременно избрать эскадронный солдатский комитет. Председателем солдатского комитета единогласно выбрали меня. В качестве делегатов в полковой совет были избраны поручик Киевский, я и еще один солдат 1-го взвода, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Помню только, что родом он был, как и я, из Калужской губернии, из Масальска, и звали его Петр.

В начале марта в Балаклее состоялось общее собрание полкового совета солдатских депутатов. Яковлев очень хорошо говорил о задачах совета, о необходимости укрепления единства солдат, рабочих и крестьян в борьбе за продолжение революции. Мы от души приветствовали его выступление.

Затем выступил какой-то прапорщик. Говорил он вначале красиво и как будто за революцию, но под конец стал ратовать за Временное правительство, за то, чтобы мобилизовать армию на отпор врагу. Его слова солдаты встретили возгласами негодования. И когда был поставлен на голосование состав полкового совета, то голосовали только за тех, кто придерживался платформы большевиков.

Итак, наш полковой совет стал большевистским.

В мае товарищ Яковлев куда-то уехал. После его отъезда совет работал значительно хуже, а вскоре в нем стали всеми делами заправлять эсеры и меньшевики, которые держали курс на поддержку Временного правительства. Кончилось тем, что в начале осени 1917 года некоторые подразделения перешли на сторону Петлюры.

Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане, был распущен по домам солдатским эскадронным комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверявшие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изъял оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам.

30 ноября 1917 года я вернулся в Москву, где власть в октябре перешла в надежные руки — в руки большевиков, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Декабрь 1917 и январь 1918 года провел в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии{2}. Но в начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным тифом. Свое желание сражаться в рядах Красной Армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии.

В ту пору Коммунистическая партия и Советское государство приступали к решению важных и трудных задач — демобилизации старой армии и созданию новой армии, армии рабочих и крестьян. Одновременно шел широкий процесс демократизации армии. Власть в войсках передавалась солдатским комитетам и советам, все военнослужащие уравнивались в правах, командный состав, до полкового звена включительно, выбирался на общих собраниях.

В результате выдвинулось много способных армейских организаторов из солдат и матросов, а также офицеров, признавших Советскую власть.

“Если когда-нибудь будет возможность беспристрастного изучения положения нашей армии в эпоху революции, — отмечал в одном из своих отчетов Военный отдел ВЦИК, — то для всех станет ясно, что только полная демократизация армии и признание рласти за армейскими организациями, выбранными широкими солдатскими массами, и та политика мира, которая велась Советом Народных Комиссаров, способна была удержать армии на фронтах до середины зимы 1918 года и спасла страну от неминуемого самовольного и стихийного отхода армии в тыл”{3}.

Состоявшийся в январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов единодушно высказался за создание вооруженных сил нашей страны. На съезде была принята написанная В. И. Лениным “Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа”, в которой, в частности, говорилось: “В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян...{4}”

Первое соединение Красной Армии начало формироваться тогда же, в январе 1918 года, в Петрограде из многих сотен красногвардейцев, солдат запасных полков Петроградского гарнизона. Это был 1-й корпус РККА. Тогда же из Петрограда на Западный фронт был отправлен первый отряд социалистической армии, состоявший из красногвардейцев, численностью в тысячу человек.

На торжественных проводах отряда выступил В. И. Ленин. Он сказал: “Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию”{5}.

Порядок приема добровольцев в Красную Армию был следующим. Каждый доброволец должен был представить рекомендации войсковых комитетов, партийных и других общественных организаций, поддерживавших Советскую власть. Если вступали целыми группами, то требовалась коллективная порука. Воины РККА находились на полном государственном обеспечении и сверх того вначале получали по 50 рублей в месяц, а

затем, с середины 1918 года, 150 рублей — одинокие красноармейцы, 250 рублей — семейные. Весной 1918 года в Красной Армии уже насчитывалось около 200 тысяч бойцов, но затем приток добровольцев начал уменьшаться.

Конечно, комплектование армии на добровольной основе имело свои недостатки. Отсутствовали боевые резервы, не было системы подготовки пополнений, личный состав не мог обеспечить проведение крупных военных операций, был слабо обучен.

Видя это, ВЦИК специальным декретом ввел в стране всеобщее военное обучение трудящихся (всевобуч). Каждый трудящийся в возрасте от 18 до 40 лет без отрыва от основной работы должен был за 96 часов пройти курс военного обучения, стать на учет как военнообязанный и по первому призыву Советского правительства вступить в ряды Красной Армии.

Центральный Комитет РКП (б) обязал членов партии немедленно приступить к обучению военному делу. Выборность командиров отменялась, вводилась система назначения командного состава, который стал утверждаться органами военного ведомства из числа лиц, имевших военную подготовку или хорошо проявивших себя в боях. V Всероссийский съезд Советов принял постановление “О строительстве Красной Армии”, в котором одобрил мероприятия партии и правительства по созданию регулярной армии. При этом была подчеркнута необходимость централизованного управления армией и значение революционной железной дисциплины в войсках.

Съезд законодательно закрепил институт военных комиссаров, начало которому было положено еще в октябре 1917 года, когда во многие части старой армии и ряд военных учреждений были посланы комиссары Военно-революционного комитета. Теперь военные комиссары, опираясь на партийные ячейки, воспитывали солдат, контролировали действия военных специалистов и одновременно прививали красноармейским массам доверие к честным и преданным специалистам. О комиссарах у нас будет идти речь впереди, но уже сейчас хотелось бы отметить, что, как правило, это были безупречные люди, кристально честные и самоотверженные коммунисты

Съезд Советов потребовал строить Красную Армию на основе военной науки, используя опыт старых военных специалистов и одновременно широко подготавливая командные кадры из рабочих и крестьян.

Постановления V съезда Советов и ВЦИК проводились в жизнь парторганизациями, профсоюзами, комитетами бедноты, массами сознательных рабочих и крестьян.

В результате ко времени моего вступления в Красную Армию в ней уже было более полумиллиона человек. В тот трудный год партия многими решениями по военному вопросу и огромной практической работой заложила основы советских вооруженных сил, сплотила пролетарское, политически сознательное ядро Красной Армии и Военно-Морского Флота, на которое она опиралась в дальнейшем военном строительстве.

Глава третья. **Участие в Гражданской войне**

Царское правительство довело страну до полного разорения. Положение еще более осложнилось с захватом интервентами и белогвардейскими мятежными войсками ряда важнейших экономических районов.

В огненном кольце войск интервентов и белогвардейских армий молодая Советская республика вела напряженную борьбу Все, кто жил, работал и боролся с оружием в руках за идеи Великого Октября, хорошо помнят, какая это была тяжелая пора в жизни советского народа

Заключение Брестского мира разрушило надежды международного империализма задушить Советскую Республику руками германской армии Однако империалисты Англии, Франции, США и Японии продолжали попытки уничтожить наше государство. Весной 1918 года на Севере высадились американские, английские и французские войска. Японские, а вслед за ними американские и английские войска высадились во Владивостоке. В мае организаторам интервенции удалось спровоцировать мятеж чехословацкого корпуса против Советской власти, и он развернул военные действия против Красной Армии на Урале, в Сибири и Поволжье. Очаги интервенции появились и в других местах страны. Окрыленная помощью, российская белогвардейщина объединилась с иностранными интервентами и пошла в наступление.

В борьбу против Советской власти включились и германские империалисты. Они нарушили условия Брестского мира, оккупировали Прибалтику, Белоруссию и Украину, вторглись в области по Дону, заняли Ростов-на-Дону и другие районы нашей страны. На Украине и на Дону они передали власть бывшим царским генералам.

Бурно поднявшаяся волна народного гнева против оккупантов подорвала дух войск германских интервентов, а поражение Германии в Первой мировой войне и вспыхнувшая вслед за этим там революция привели к краху всю завоевательскую политику германского империализма в нашей стране Советские войска и партизаны изгнали германских оккупантов с Украины, из Белоруссии и Прибалтики.

Однако теперь, после поражения Германии, империалисты Антанты смогли полностью использовать высвободившиеся в Европе силы, чтобы расправиться с первым в мире социалистическим государством. Дополнительно к прежним, десятки тысяч войск иностранных интервентов вторглись на советскую территорию.

“Первым этапом (международного вмешательства в дела Советской страны. — Г. Ж.), естественно, более доступным и более легким для Антанты, — писал В. И. Ленин, — была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск”{6}.

Но вскоре интервенты поняли, что одним им не справиться, и усилили помощь внутренней контрреволюции. В ноябре 1918 года в Сибири они поставили “верховным правителем” России царского адмирала Колчака. На юге им удалось объединить силы контрреволюции под руководством царского генерала Деникина. Советскому государству угрожала смертельная опасность.

Во второй половине 1918 года силы империалистов и белогвардейцев насчитывали в России около 1 миллиона солдат и офицеров, хорошо обученных и вооруженных.

Разъясняя народу всю опасность сложившегося положения, партия, В. И. Ленин призвали трудящихся множить усилия в укреплении обороноспособности страны, подняли народ на борьбу против интервентов и белогвардейцев. В сентябре 1918 года ВЦИК издал декрет о превращении республики в единый военный лагерь. В ноябре был образован Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина. Этот совет объединил деятельность военного и других близких к обороне ведомств, чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии. Он решал важнейшие проблемы формирования войск и их обеспечения всем необходимым, в частности принимал меры по выявлению и сбору оружия и боеприпасов, оставшихся от старой армии, мобилизовывал усилия промышленности, сплачивал фронт и тыл.

В стране был введен “военный коммунизм” — единственно возможная в той обстановке политика, необходимая для победы над врагами молодой Советской Республики.

Благодаря героическим усилиям советского народа, в ходе чрезвычайно напряженной вооруженной борьбы планы интервентов и белогвардейцев в 1918 году осуществлены не были. Империалистам пришлось покинуть ряд районов Советской России.

В 1919 году началось новое наступление многочисленных врагов Советской власти на нашу страну. Количество фронтов дошло до 6, а протяженность их — до 8 тысяч километров. Враги пытались задушить в железном кольце молодую Советскую Республику. Гражданская война достигла своего наивысшего напряжения. Совет обороны и Реввоенсовет республики делали все для того, чтобы реализовать ленинский план создания массовой регулярной армии Советского государства.

К началу года в Красной Армии уже были 42 стрелковые дивизии, вооруженные винтовками и станковыми пулеметами системы “максим”, револьверами, ручными гранатами. В кавалерии насчитывалось 40 тысяч сабель. В действующей армии было 1700 орудий. Расширялись броневые силы. В них входили бронепоезда русской армии (каждый включал бронированный паровоз, две бронированные площадки и две-три контрольные платформы), а также броневые автомобильные отряды, состоявшие из 150 бронеавтомобилей. Военная авиация имела около 450 самолетов, в действующий флот (без речных и озерных флотилий) входило 2 линейных корабля, 2 крейсера, 24 эскадренных миноносца, 6 подводных лодок, 8 минных заградителей, 11 транспортов и другие суда.

Укрепляется аппарат высшего военного руководства, улучшается организация тыла армии, налаживается медицинская служба, расширяется сеть военно-учебных заведений по подготовке красных командных кадров.

Конечно, это были пока довольно скромные вооруженные силы. И понять, каким образом Красная Армия побеждала противника, значительно превосходившего ее в вооружении, можно, только приняв во внимание прозорливость и величайшую оперативность ленинского партийного руководства страной, высочайший революционный дух, исключительные моральные и политические качества войск рабочих и крестьян, отстаивавших свободу и независимость своей новой, социалистической Родины.

В начале 1919 года на востоке страны стояла белогвардейская армия Колчака, занимавшая фронт на линии Пермь — Орск. Уральская белоказачья армия расположилась под Уральском и занимала Гурьев. Белые армии Деникина стояли в полной готовности на

реке Терек, занимали Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Юзовку и другие пункты Донбасса. Войска Антанты и контрреволюционного правительства Украины (так называемой Директории), захватив Украину, укрепились на линии Херсон—Николаев— Житомир— Коростень. Белолатыши находились на рубеже Шавли—Митава, войска Юденича и белоэстонцы — на линии Вольмар—Нарва, нацелив свой удар на Петроград. Белофинны, интервенты, белогвардейцы, занимая северные районы страны, готовили удары по Петрограду, Вологде, Котласу. В Красноводске, Батуми, Новороссийске, Севастополе, Одессе также хозяйничали интервенты.

Поставив перед собой цель ликвидировать Советскую власть, империалистические правительства договорились между собой о расчленении нашей страны. Предусматривалось отторжение Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, части Севера и других важнейших районов.

Колчак был признан Антантой “верховным правителем”. К весне 1919 года в его армии насчитывалось 300 тысяч хорошо вооруженных войск, состоявших главным образом из солдат, происходивших из зажиточного крестьянства и контрреволюционного казачества Забайкалья, Сибири, а также оренбургского и уральского белоказачества. Кроме того, в тылу колчаковских войск было сосредоточено до 150 тысяч войск интервентов США, Англии, Японии, Италии, Чехословацкий мятежный корпус.

Правительства империалистических государств усиленно снабжали армии Деникина. Сам он был возведен Антантой в ранг “заместителя верховного”. Этим актом предопределялись военное значение его войск и личная роль Деникина.

К весне 1919 года Красная Армия выросла в значительную силу. Ее численность доходила до 1 800 тысяч человек, из коих около 400 тысяч неплохо вооруженных войск находились непосредственно на фронтах. Эти части уже получили боевую закалку и опыт вооруженной борьбы. Бойцы Красной Армии хорошо понимали, за какие идеи они дерутся с интервентами и белыми армиями, знали, за что воюют и какие цели преследуют их враги.

Конечно, колчаковцы, деникинцы и солдаты других белых армий были снабжены лучше красноармейцев. У них было хорошее обмундирование и вооружение, опирались они на богатый продовольственными запасами тыл, в избытке получали оружие, боеприпасы, снаряжение и прочие материальные средства от Антанты.

Хотя внутреннее положение Советской Республики несколько упрочилось, но в целом оно продолжало оставаться тяжелым.

Четырехлетняя империалистическая война разорила аграрную страну со слаборазвитой промышленностью. Из-за недостатка рабочей силы и сырья многие фабрики и заводы были закрыты еще при царизме. Подавляющее количество железной руды, каменного угля, нефти, хлопка, примерно три четверти чугуна, стали, сахара, большую часть хлеба производили как раз те районы страны, которые были заняты интервентами и белогвардейцами. Только поистине героические усилия партии и народа способствовали организации снабжения Красной Армии. При этом приходилось все время маневрировать скудными материально-техническими ресурсами, направляя их туда, где в данный момент решалась судьба страны. Остро не хватало самого необходимого — металла, топлива, одежды, хлеба.

Наш кавалерийский полк двигался на Восточный фронт.

Помню момент выгрузки на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, скупили там караваи хлеба и тут же начали их уничтожать, да так, что многие заболели, В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой.

Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия, мы испытывали чувство классовой ненависти к кулакам, к контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогало воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу, готовить их к решающим схваткам.

В марте 1919 года началось наступление колчаковских войск на Восточном фронте. Здесь у нас было не более ста тысяч войск, притом растянутых на весьма широком фронте. С трудом преодолевая упорное сопротивление войск наших 2-й и 3-й армий, Сибирская армия Колчака, не выполнив поставленной задачи, продвинулась за полтора месяца всего лишь на 80—130 километров, захватив Сарапул и Воткинск.

Западная армия Колчака начала наступление вслед за ударом Сибирской армии. Особенно сильные бои развернулись на уфимском направлении, где героически сражались 26-я и 27-я стрелковые дивизии 5-й армии нашего Восточного фронта. И все же 14 марта Уфа была захвачена колчаковцами. В ожесточенных сражениях на подступах к городу наша 5-я армия понесла большие потери, которые доходили до пятидесяти процентов убитыми, ранеными и без вести пропавшими. 5-й армией тогда командовал Ж. К. Блюмберг, а с первых чисел апреля ее принял М. Н. Тухачевский, бывший поручик, вступивший в апреле 1918 года в члены РКП(б).

Положение на Восточном фронте резко осложнялось кулацкими мятежами, подготовленными эсерами. Вспыхнули мятежи в Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском уездах. Эти мятежи вскоре были подавлены, но они серьезно повлияли на обстановку и отвлекли значительное количество наших войск.

Несмотря на тяжелые потери, 5-я армия при поддержке вооруженных отрядов железнодорожников и рабочих продолжала сдерживать врага. До 1 апреля колчаковская Западная армия не смогла добиться успеха и понесла большие потери.

В начале апреля оренбургская белоказачья армия Дутова захватила Актюбинск, перерезав железную дорогу Оренбург — Ташкент, в результате чего Туркестан снова оказался отрезанным от Советской России. С приближением белых к району Оренбурга кулаки подняли восстание в казачьих станицах, расположенных на реке Урал.

К середине апреля белые находились уже в 85 километрах от Казани и Самары и в ста километрах от Симбирска. Дальнейший отход наших войск за Волгу привел бы к соединению армий Колчака и Деникина. В этом случае мог образоваться сплошной фронт для удара на Москву. Положение осложнялось тем, что одновременно войска белых и интервентов активно действовали и на всех других стратегических направлениях.

В это грозное время ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным призвал партию, советский народ напрячь все силы для разгрома врага, и в первую очередь армий Колчака.

Партия, рабочий класс и все передовые люди живо откликнулись на этот призыв.

И апреля Оргбюро ЦК партии утвердило “Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта”, написанные В. И. Лениным. На Пленуме ЦК РКП(б) 13 апреля и на заседаниях Политбюро 23 и 29 апреля рассматривались вопросы организации помощи Восточному фронту. Было принято решение провести новую партийную мобилизацию и направить на фронт наиболее мужественных и закаленных работников из рядов партии. 13 мая на заседании Совета обороны с докладом по вопросу о боеприпасах выступает В. И.Ленин. Еще раньше по его предложению 81 тысяча рабочих важнейших военных заводов переводится на красноармейский паек, рабочие оборонных заводов освобождаются от призыва в армию. Благодаря величайшему революционному подъему масс и огромной организаторской работе партии постепенно налаживается военное производство.

Мобилизация сил и средств по всей стране дала возможность основательно подкрепить истощенные армии Восточного фронта. Одних только коммунистов в армии фронта пришло около 15 тысяч, притом преимущественно в качестве рядовых бойцов действующей армии. Это была решающая политическая сила, сплачивающая войска и зовущая на бой с врагом.

Изучая потом меры и планы Главного командования Красной Армии и командования Восточного фронта, нетрудно было убедиться, что они недостаточно знали истинную группировку войск белых, не сумели раскрыть замыслы противника и организовать энергичное противодействие врагу.

Главное командование страны не заботилось своевременно о создании стратегических резервов и размещении их в тех районах, откуда бы они могли быстрее прибыть для ликвидации прорывов и контрнаступлений. Вместо этих гарантирующих от катастроф мероприятий командование Восточного фронта занималось мелким “латанием заплаток”, перебрасывая вдоль неустойчиво обороняющегося фронта незначительные части, которые опрокидывались белыми. Видимо, в штабе и Военном совете Восточного фронта была оперативная растерянность и отсутствовала надлежащая уверенность в возможности разгрома Колчака восточнее Волги, не допустив его соединения с войсками Деникина.

Слов нет, сейчас каждому легче критиковать действия командования Восточным фронтом, так как в настоящее время известна до мелочей дислокация, качество и количество войск той и другой стороны, а потому не трудно разобраться в положительных и отрицательных действиях того или иного командования.

Положение на Восточном фронте изменилось с приездом туда М. В. Фрунзе, который принял командование южной группой войск фронта. М. В. Фрунзе правильно определил, что в той тяжелой обстановке надо было как можно скорее вырвать у белых стратегическую инициативу, подорвать их моральное состояние и укрепить в наших войсках веру в победу над белыми.

С присущей ему прозорливостью полководца большого масштаба М. В. Фрунзе понял, что даже в результате успешных действий врага для белых создались некоторые отрицательные моменты, и если их правильно использовать, то они станут началом конца колчаковщины.

Он считал, что, сдерживая Колчака с фронта, нужно немедленно и решительно ударить силами Туркестанской, 1-й и отчасти 4-й армий по растянувшемуся левому крылу фронта Колчака, а в дальнейшем этот контрудар превратить в мощное контрнаступление всего нашего Восточного фронта с целью освобождения Урала и Сибири.

М. В. Фрунзе учел слабость войск левого крыла фронта Колчака и то, что Колчак не сможет быстро осуществить маневр своими главными силами, которые втянулись в сражения в центре фронта на казанском, симбирском и самарском направлениях, стремясь выйти на Волгу.

Предложения М. В. Фрунзе были одобрены В. И. Лениным. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет утвердили этот план.

М. В. Фрунзе не боялся никакой ответственности и никаких трудностей, когда речь шла о судьбе Родины. Он в сжатые сроки сумел перегруппировать, доукомплектовать и всесторонне подготовить вверенную ему южную группу войск. Это в то время нелегко было сделать в условиях общей разрухи и почти полной бездеятельности железных дорог.

Небезынтересно напомнить, что писал впоследствии М. В. Фрунзе об обстановке на Восточном фронте:

“Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге: мы едва удерживали Оренбург, окруженный с трех сторон; защищавшая его армия все время стремилась к отходу; к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной, но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое. В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, бывшего тогда в руках т. Вацетиса. Он стоял за продолжение отступления. К счастью, я имел поддержку в лице присутствующего здесь т. Каменева, который тогда был командующим Восточным фронтом. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака”{7}.

После поражения белых под Бугульмой, Белебеем и разгрома Колчака под Уфой резко возросло дезертирство из рядов белых войск, усилилось партизанское движение. Вот что записал в своем дневнике управляющий военным министерством Колчака барон А. Будберг в мае 1919 года:

“...несомненно, на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных. Наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться... При отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение... У красных огромное преимущество в том, что они не боятся брать на пополнение старых солдат, не нуждающихся в обучении, а мы боимся этого, как черта, и принуждены призывать только зеленую 18—19-летнюю молодежь...”

И далее: “Фронт трещит и катится назад; приходится уже подумывать о том, удастся ли нам сохранить за собой Урал...”{8}

В период успешного контрнаступления Восточного фронта, отхода войск Колчака в начале мая создалась тяжелая обстановка под Уральском, где белые казаки осадили город и отрезали его от войск южной группы. Осажденные оказывали упорное сопротивление и не сдавали Уральск врагу, но положение гарнизона становилось опасным. В. И. Ленин, внимательно следивший за всеми событиями на Восточном фронте, 16 июня послал М. В. Фрунзе телеграмму:

“Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом”{9}.

М.В. Фрунзе немедленно дает приказ о переброске 25-й Чапаевской дивизии в район осажденного Уральска. Прославленная дивизия под командованием легендарного В. И. Чапаева двинулась на помощь уральцам.

Наша 1-я Московская кавалерийская дивизия, где я тогда служил, находилась в подчинении М.В. Фрунзе. Выйдя в район станции Шипово, мы узнали, что чапаевцы уже подошли к Уральску. У наших бойцов было приподнятое настроение. Все были уверены в том, что уральские белые казаки будут разбиты.

Первое сражение с противником наш полк завязал на подступах к станции Шипово. Враг упорно сопротивлялся, то сдавая, то вновь захватывая позиции. Белые превосходили нас численностью войск. Помню отчаянную рубку недалеко от самой станции.

Нас атаковали казаки силой примерно восемьсот сабель. Когда они были уже совсем близко, из-за насыпи выскочил скрытый там наш эскадрон с пушкой. Артиллеристы — лихие ребята на полном скаку развернули пушку и ударили белым во фланг. Среди казаков — полное смятение. Артиллеристы метким огнем продолжали наносить врагу большие потери. Наконец, белые не выдержали и повернули назад. Успешная боевая схватка с казаками подняла дух бойцов-кавалеристов.

Особенно ожесточенные бои разгорелись в первых числах июня. Части нашей дивизии дрались мужественно, но продвигались вперед к Уральску медленно.

В это время войска облетела радостная весть: чапаевцы. разгромив белых, заняли город и соединились с героическим гарнизоном Уральска.

Во время боев за Уральск мне посчастливилось увидеть Михаила Васильевича Фрунзе. Он тогда лично руководил всей операцией.

М. В. Фрунзе ехал с В. В. Куйбышевым в 25-ю Чапаевскую дивизию. Он остановился в поле и заговорил с бойцами нашего полка, интересуясь их настроением, питанием, вооружением, спрашивал, что пишут родные из деревень, какие пожелания имеются у бойцов. Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов.

Михаил Васильевич с особой теплотой и любовью рассказывал нам о В. И. Ленине, говорил о его озабоченности в связи с положением в районе Уральской области.

— Ну, теперь наши дела пошли неплохо, — сказал М. В. Фрунзе, — белых уральских казаков разгромили и обязательно скоро добьем остальную контрреволюцию. Добьем Колчака. Освободим Урал, Сибирь и другие районы от интервентов и белых. Будем тогда восстанавливать нашу Родину!

Мы часто потом вспоминали эту встречу...

До марта 1919 года я состоял в группе сочувствующих, готовясь к вступлению в члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Тогда еще не был установлен кандидатский стаж для вступления в партию. До сих пор я с благодарностью вспоминаю секретаря партийного бюро полка Трофимова и комиссара Волкова (имен их, к сожалению, не помню), которые помогали мне глубже понять Устав и Программу Коммунистической партии, подготовиться к вступлению в РКП(б).

Группа сочувствующих в эскадроне состояла из пяти человек, и, несмотря на ее малочисленность, товарищи Трофимов и Волков приходили к нам не менее двух раз в неделю, чтобы побеседовать о внутреннем и международном положении, о том, что предпринимает партия на фронтах. Эти беседы затягивались надолго и были очень интересны, особенно когда шла речь о борьбе большевиков с царизмом и о жарких схватках в октябрьские дни в Петрограде, Москве и других промышленных городах страны.

В то время только еще складывался партийно-политический аппарат Красной Армии. Правда, в армии и на флоте работали Уже более 7 тысяч комиссаров, которые опирались на партийные ячейки, объединявшие более 50 тысяч коммунистов. Но предстояло еще сделать многое: уточнить функции комиссаров, придать единообразие органам партии в армии, призванным руководить партийно-политической работой, централизовать всю эту исключительно полезную и необходимую для армии деятельность.

В конце 1918 года ЦК РКП(б) принял специальное постановление “О партийной работе в армии”, в котором призывал коммунистов воспитывать в войсках железную дисциплину, отвагу и мужество в битвах с врагом. Этим же постановлением партийные организации освобождались от функций контроля над всей жизнью армии, которые были у них в самый начальный период строительства вооруженных сил.

Партия проводила свою политику в армии через военных комиссаров, политотделы Реввоенсоветов армии и флота, которые одновременно были военно-административным аппаратом, подчиненным военному командованию, и партийным органом, подчиненным партии и объединявшим армейских коммунистов.

1 марта 1919 года меня приняли в члены РКП(б). Многое уже теперь забыто, но день, когда меня принимали в члены партии, остался в памяти на всю жизнь. С тех пор все мои думы, стремления, действия я старался подчинять обязанностям члена партии, а когда дело доходило до схватки с врагами Родины, я, как коммунист, помнил требование нашей партии быть примером беззаветного служения своему народу.

Вскоре части нашей дивизии из района станции Шипово были переброшены для ликвидации белых банд около города Николаевска. В августе 1919 года наш 4-й кавалерийский полк был переведен на станцию Владимировка. В непосредственные военные действия дивизия еще не была втянута и занималась боевой подготовкой.

Здесь я познакомился с комиссаром дивизии, моим однофамильцем Жуковым Георгием Васильевичем. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды ранним утром, проходя мимо открытого манежа, я увидел, что кто-то “выезжает” лошадь. Подошел ближе, вижу — сам комиссар дивизии. Зная толк в езде и выездке, захотел посмотреть, как это делает комиссар.

Не обращая на меня внимания, комиссар весь в поту отрабатывал подъем коня в галоп с левой ноги. Но как он ни старался, конь все время давал сбой и вместо левой периодически выбрасывал правую ногу. Я не удержался и крикнул:

— Укороти левый повод!

Комиссар, ничего не говоря, перевел коня на шаг, подъехал ко мне и, соскочив, сказал:

— А ну-ка, попробуй.

Мне ничего не оставалось делать, как подогнать стремена и сесть в седло. Пройдя несколько кругов, чтобы познакомиться с конем, я подобрал его и поднял в галоп с левой ноги. Прошел круг хорошо. Прошел другой — хорошо. Перевел с правой — тоже хорошо. Перевел с левой — идет без сбоя.

— Надо вести лошадь крепче в шенкелях, — наставительно заметил я.

Комиссар рассмеялся:

— Ты сколько лет сидишь на коне?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Разговорились. Комиссар спросил, где я начал службу, где воевал, когда прибыл в дивизию, когда вступил в партию. О себе он рассказал, что служит в кавалерии уже десять лет. Член партии с 1917 года. Привел в Красную Армию значительную часть кавалерийского полка из старой армии. По всему было видно, что это настоящий комиссар.

Кстати говоря, одна из первых инструкций, определявших функции комиссаров, была разработана политотделом нашей южной группы войск, которой командовал М. В. Фрунзе. В ней указывалось, что военные комиссары, являющиеся представителями рабоче-крестьянского правительства, проводят в армии идеи и политику Советской власти, ограждают интересы рабоче-крестьянской массы от возможных покушений со стороны враждебных ей элементов, содействуют развитию революционной дисциплины, наблюдают за беспрекословным исполнением боевых приказов.

Работа комиссара заключалась не только в агитации и пропаганде, но прежде всего в личном боевом примере, образе действий, поведении. Комиссар обязан был знать все оперативные распоряжения, участвовать в разработке приказов (решающее слово оставалось за командиром в вопросах оперативного характера), тщательно изучать военное дело. Обычно комиссары собирали перед боем политработников и рядовых

коммунистов, объясняя им поставленные командиром задачи, и сами шли на наиболее опасные и решающие участки сражений. Звание и облик военного комиссара времен гражданской войны заслуженно овеяны легендарной славой

С комиссаром Г. В. Жуковым я встречался потом не раз, мы беседовали с ним о положении на фронтах и в стране. Однажды он предложил мне перейти на политработу. Я поблагодарил, но сказал, что склонен больше к строевой. Тогда он порекомендовал поехать учиться на курсы красных командиров. Я охотно согласился. Однако осуществить это не удалось.

Село Заплавное, рядом с нами, было внезапно захвачено белыми, перебравшимися через Волгу где-то между Черным Яром и Царицыном. Начались бои. Тут уже было не до учебы.

После разгрома Колчака и отхода остатков его армий в Сибирь Антанта не отказалась от борьбы с Советской Республикой. Теперь все надежды возлагались на Деникина. Непрерывным потоком с Запада шли в его войска поставки вооружения, снаряжения и продовольствия.

Французское и английское правительства сформировали несколько отрядов из числа бежавших белогвардейских офицеров, русских солдат-военнопленных, содержавшихся в германских лагерях. Непременным условием возвращения русских военнопленных на родину ставилось вступление в добровольческие отряды Деникина и Колчака для борьбы с Красной Армией.

Но из этой затеи ничего серьезного не получилось. Большинство таких “добровольцев” при первом же удобном случае переходили на нашу сторону. Дрались только те, кто ненавидел Советскую власть и считал борьбу с ней своим кровным делом. Но таких злобных антисоветчиков было немного.

Летом 1919 года армии Деникина представляли большую и опасную силу. Особенно крепко была сколочена так называемая “Добровольческая армия”, где некоторые части состояли сплошь из офицеров. Делая главную ставку на Деникина, Антанта еще питала иллюзии в отношении войск Колчака, пытаясь поставить их на ноги, чтобы затем в подходящий момент бросить против Красной Армии с востока. На севере готовилась к новому походу белая армия Миллера. Ей также доставлялись многочисленные военные грузы. На обратном пути в страны Антанты шли корабли, груженные пушниной, рыбой, лесом и другими богатейшими дарами нашего Севера.

На северо-западе к наступлению на Петроград готовились белофинны и армия Юденича. К участию в нем Антанта надеялась привлечь все малые буржуазные государства, граничащие с Советской страной.

Через контрреволюционные организации меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов и кулаков в тылу страны организовывались восстания, мятежи, диверсии и саботаж. Срывались железнодорожные перевозки войск фронтам, продовольствия, вооружения и других важнейших грузов, необходимых фронту и тылу страны.

Партия большевиков организовала поход рабочих в деревню за хлебом. На помощь им пришла деревенская беднота, которая на основе декрета ВЦИК от 11 июня 1918 года объединялась в комитеты бедноты (комбеды).

“Либо, — писал В. И. Ленин, — сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо—либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности”{10}.

Ложью и клеветой антисоветская агентура старалась подорвать доверие народа к партии и правительству, к командованию войсками Красной Армии. И это, к сожалению, в первое время ей иногда удавалось. Особенно там, где дошедшая до предела экономическая разруха и грубые нарушения советских законов выводили из равновесия менее устойчивую часть населения.

Хочу привести здесь письмо, полученное мною под Царицыном от друга детства Павла Александровича Жукова, которое сохранилось у меня с того времени.

“Дорогой друг Георгий! После твоего ухода в Красную Армию почти все наши друзья и знакомые были призваны в армию. Мне опять не повезло. Вместо действующей армии меня послали в Воронежскую губернию с продотрядом выкачивать у кулаков хлеб. Конечно, это дело тоже нужное, но я солдат, умею воевать и думаю, что здесь мог бы вместо меня действовать тот, кто не прошел хорошую школу войны. Но не об этом я хочу тебе написать.

Ты помнишь наши споры и разногласия по поводу эсеров. Я считал когда-то их друзьями народа, боровшимися с царизмом за интересы народа, в том числе и за интересы крестьян. Теперь я с тобой согласен. Это подлецы! Это не друзья народа, это друзья кулаков, организаторы всех антисоветских и бандитских действий.

На днях местные кулаки под руководством скрывавшегося эсера напали на охрану из нашего продотряда, сопровождавшую конный транспорт хлеба, и зверски с ней расправились. Они убили моего лучшего друга Колю Гаврилова. Он родом из-под Малоярославца. Другому моему приятелю, Семену Иванишину. выкололи глаза, отрубили кисть правой руки и бросили на дороге. Сейчас он в тяжелом состоянии. Гангрена, наверное, умрет. Жаль парня, был красавец и удалой плясун. Мы решили в отряде крепко отомстить этой нечисти и воздать им должное, да так, чтобы запомнили на всю жизнь. Твой друг Павел”.

После этого письма я долго ничего не слышал о судьбе Павла Жукова. И только в 1922 году узнал, что он погиб от рук кулаков где-то в Тамбовской губернии...

В. И. Ленин, ЦК партии и правительство, учитывая новую серьезную опасность, нависшую с юга, приняли ряд важнейших решений.

3—4 июля 1919 года состоялся Пленум ЦК РКП(б), который основное внимание уделил вопросам обороны страны и положению на Южном фронте, объявленном главным фронтом республики. Важнейшие итоги этого пленума были отражены в письме ЦК РКП(б) к организациям партии — “Все на борьбу с Деникиным!”, написанном В. И. Лениным. На состоявшемся соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всероссийского Совета профессиональных союзов и представителей заводских комитетов Москвы 4 июля с Докладом “О современном положении и ближайших задачах Советской власти” выступил В. И. Ленин.

Тогда же вновь был поставлен вопрос о привлечении в Красную Армию старых военных специалистов и о более бережном отношении к ним.

“Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов... — говорилось в письме ЦК РКП(б), — но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке. Люди опытные и стоящие во главе нашего военного ведомства справедливо указывают на то, что там, где строже всего проведена партийная политика насчет военспецов и насчет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед”{11}

Вспоминая совместную работу с офицерами старой армии, должен сказать, что в большинстве своем это были честные, добросовестные и преданные Родине сыны нашего народа. Когда приходилось отдавать жизнь в боях с врагами, они шли на это не дрогнув, с достоинством и боевой доблестью. Одного у них не хватало — это умелого подхода к бойцам. Держались они как-то особняком, не находили общего языка с красноармейской массой, и лишь немногим из них удавалось быть командиром, начальником и одновременно старшим товарищем солдату.

Помню, как в парторганизации мы не раз говорили о взаимоотношениях с бывшими офицерами и всемерно старались оказать широкое доверие военспецам. Конечно, и среди коммунистов находились крикуны, которые считали, что права была “военная оппозиция”, что бывшее офицерство в своей массе — белогвардейцы, что оно неспособно сродниться с советским строем, а твердый уставный порядок и дисциплину эти люди отождествляют с крепостническими порядками. Но, как известно, точка зрения “военной оппозиции” VIII съездом партии была отвергнута подавляющим большинством.

Военные специалисты, внимательно наблюдавшие за работой VIII съезда партии, поняли, что партия доверяет им, ценит и заботится о них. Они стали значительно ближе к красноармейской массе и партийным организациям. Командный состав из офицеров бывшей царской армии стал активнее и требовательнее в вопросах дисциплины и службы войск. Все это благоприятно отразилось на их общей боевой готовности и боеспособности. Попытки подорвать доверие к старым офицерам решительно пресекались комиссарами, партийно-политическими работниками и даже самими красноармейцами.

VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) вообще уделил много внимания Красной Армии. Суть военной политики партии сводилась к тому, чтобы как можно скорее завершить полный и окончательный переход от добровольческой и полупартизанской армии к регулярной кадровой армии, спаянной железной воинской дисциплиной, с единой системой комплектования, организации и управления. Эти основополагающие взгляды партии были изложены в докладах и выступлениях В. И. Ленина, в принятой съездом новой Программе партии и резолюции по военному вопросу.

Жизнь подтвердила правильность решений VIII съезда и всех дальнейших мероприятий партии по укреплению рядов Красной Армии. Они имели чрезвычайно важное значение, так как враг напрягал все усилия, чтобы задушить Советское государство.

После захвата армиями Деникина Царицына, Борисоглебска, Балашова, Красноград и других важнейших пунктов Антанта начала торопить Деникина с походом на Москву. Узнав через свою агентуру о подготовке Красной Армией контрнаступления, Деникин, чтобы сорвать его, поспешил первым нанести нам ряд сосредоточенных ударов и захватить инициативу в свои руки.

В августе 1919 года конный корпус Мамонтова прорвал фронт 8-й армии в районе Новохоперска и, выйдя в тыл нашему Южному фронту, двинулся на Тамбов, где располагались крупные базы. Тогда же Деникин бросил в стык 13-й и 14-й армий 1-й армейский корпус Кутепова, который начал теснить наши части к Курску и Ворожбе. Захватив после упорных боев Курск, Орел и Воронеж, враг приближался к Москве с юга. Но Деникину все же не удалось сорвать наше контрнаступление. В сентябре развернулись бои за Царицын.

В этой сложной обстановке Коммунистическая партия, ее ленинский ЦК удесятерили энергию и сумели с помощью политических и военных мер организовать отпор белым войскам. Красная Армия одержала победы под Орлом и Воронежем, ознаменовавшие собой перелом в борьбе с Деникиным, нанесла поражение Юденичу под Петроградом. Не давая врагу передышки, красные полки двинулись в контрнаступление на юг. Здесь под Царицыном, у Бахтияровки и Заплавного против Кавказской армии сражался и наш кавалерийский полк. Мы отчетливо слышали несмолкаемую артиллерийскую канонаду в районе Царицына и на подступах к нему со стороны Камышина. В этих сражениях враг нес тяжелые потери, но и наши войска истекали кровью.

Первая половина сентября проходила в ожесточенных сражениях и отличалась большой динамичностью и резкими изменениями обстановки.

Вслед за прорывом конного корпуса Мамонтова поднялся мятеж в Саранске, который вскоре был подавлен.

В конце сентября белогвардейские силы все еще обладали ударной силой и продвигались все ближе и ближе к Москве.

Чтобы выиграть время, командование Южного фронт организовало контрудар на орловском направлении, но из-за слабости сил контрудар желаемых результатов не дал.

Обстановка обострялись и требовала большого решения.

Здесь мне хочется высказать некоторые соображения о плане разгрома Деникина.

Те, кто в свое время считал, что план разгрома Деникина принадлежит лично И. В. Сталину, слишком упрощают вопрос.

К. Е. Ворошилов в своей статье о И. В.Сталине в день его семидесятилетия писал:

“Осень 1919 года памятна всем. Наступал решающий, переломный момент всей гражданской войны... Белогвардейские полчища и Деникин подходили к Орлу... Надо спасать положение. И на Южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС товарища Сталина... Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину.

План товарища Сталина был принят Центральным Комитетом. Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы... Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Товарищу Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга”.

Мы, конечно, делаем скидку на то, что эта статья юбилейная и К. Е. Ворошилову хотелось написать такую душещипательную статью.

Как известно, стратегический план разгрома основной группировки врага включает в себя не только выбор направления главного удара, но и решение ряда крупнейших оперативно-стратегических, материально-технических вопросов. Прежде чем предложить оперативно-стратегический план разгрома врага, нужно хорошо изучить группировку, расположение, количество и качество частей противника. Определить, на что способна та или иная группировка врага, на что способен противник в целом тогда, когда он получит мощный удар на том или другом направлении. Каков характер местности, затруднит он или будет способствовать разгрому врага. Политическая, техническая и тактическая характеристика своих войск и на что способна та или иная группа. Какую нужно провести перегруппировку войск и средств, чтобы сосредоточить удар такой силы, который наверняка не выдержит противник и которому не сможет противостоять в оперативной глубине расположения своих армий и фронта в целом. Какие дорожные, железнодорожные и водные пути для осуществления маневра находятся в распоряжении врага, в распоряжении своих войск. Какие имеются материально-технические средства в распоряжении войск и что потребуется для решения задачи по этапам и на всю глубину оперативно-стратегической операции. Какое взаимодействие должно быть организовано с соседом, с ВВС и другими видами войск, чтобы совместными усилиями сломать сопротивление врага, а затем и разгромить его окончательно.

Я уже не говорю о других существенных вопросах, которые должны были быть учтены при выработке плана операции.

Спрашивается, как же мог И. В. Сталин, “ознакомившись с положением”, тут же предлагать В. И.Ленину свой план. Спрашивается, какой же это план? Это не план, а только лишь соображение о выборе направления для удара, при этом без всяких расчетов и обоснований.

Как теперь известно, В. И. Ленин, получив от И. В. Сталина его письмо, наложил резолюцию: “Секретно. В архив”{12}.

В октябре под Царицыном шли бои местного значения, и мы лишь в общих чертах знали о больших событиях, назревавших на московском направлении.

В бою между Заплавным и Ахтубой во время рукопашной схватки с белокалмыцкими частями меня ранило ручной гранатой. Осколки глубоко врезались в левую ногу и левый бок, и я был эвакуирован в лазарет, где еще раз, кроме того, переболел тифом. Из лазарета вышел крайне ослабленным и получил месячный отпуск на восстановление здоровья.

Я поехал в деревню к родителям. Народ в деревне находился в тяжелом положении, но не унывал. Бедняцкая часть крестьянства, объединившись в конце 1918 года в комитеты бедноты — комбеды, принимала активное участие в изъятии хлеба у кулаков. Крестьяне-середняки, несмотря на трудности и тяжелую обстановку на фронтах, все больше и больше склонялись на сторону советской власти, и лишь немногие из них относились отрицательно к мероприятиям партии и правительства. Это были главным образом те, кто по имущественному положению тяготел к кулакам.

Отпуск прошел быстро, и я явился в военкомат с просьбой направить меня в действующую армию. Но физически был еще слаб, и меня послали в Тверь в запасный батальон с последующим направлением на курсы красных командиров.

Первые рязанские кавалерийские курсы, куда я был командирован в январе 1920 года, находились в Старожилове Рязанской губернии, в бывшем поместье.

Курсы укомплектовывались главным образом кавалеристами, отличившимися в боях. Мне было предложено занять должность курсанта-старшины 1-го эскадрона. Это дело мне было хорошо знакомо еще по старой армии. Командир курсантского эскадрона В. Д. Хламцев поручил мне также заниматься с курсантами владением холодным оружием (пика, шашка), обучением штыковому бою, строевой и физической подготовкой.

В. Д. Хламцев, в прошлом офицер царской армии, был всегда подтянут и служил примером для курсантов. Заведующий строевым обучением Г. С. Десницкий тоже был на своем месте. Строевые командные кадры состояли главным образом из старых военных специалистов — офицеров. Работали они добросовестно, но несколько формально — “от” и “до”. Воспитательной работой занимались парторганизация и политаппарат курсов, общеобразовательной подготовкой — военнообязанные педагоги. Политико-экономические дисциплины вели наскоро подготовленные преподаватели, которые зачастую сами “плавали” в этих вопросах не хуже нас, грешных.

Общеобразовательная подготовка основной массы курсантов была недостаточной. Ведь набирали их из числа рабочих и крестьян, до революции малограмотных. Но, надо отдать им должное, учились они старательно, сознавая, что срок обучения короткий, а научиться надо многому, чтобы стать достойным красным командиром.

В середине июля курсантов спешно погрузили в эшелоны. Никто не знал, куда нас везут. Видели только, что едем в сторону Москвы. В Москве курсы сосредоточили в Лефортовских казармах, где уже были расквартированы тверские и московские курсанты.

Нам объявили, что курсы войдут во 2-ю Московскую бригаду курсантов, которая будет состоять из двух пехотных полков и одного кавалерийского. Бригада будет направлена на врангелевский фронт. Мы получили все необходимое боевое снаряжение и вооружение. Экипировка и конская амуниция были новые, и внешне мы выглядели отлично.

В Москве у меня было много родственников, друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмами к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине, между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор никогда ее больше не встречал.

В августе наш сводный курсантский полк (командир полка Г. П. Хормушко и комиссар В. А. Крылов), находившийся в составе 2-й Московской бригады курсантов, сосредоточился в Краснодаре, откуда выступил против войск Врангеля, а именно против десанта генерала Улагая.

Летом 1920 года стало ясно, что буржуазно-помещичья Польша, несмотря на временные успехи, вряд ли сможет продолжать войну с Советской Россией. К тому времени численность Красной Армии намного превышала 3 миллиона человек. Поэтому правители Антанты договорились между собой об организации еще одного наступления на Советскую Россию, опираясь, кроме вооруженных сил помещичье-буржуазной Польши, на войска барона Врангеля, формируемые в Крыму.

Врангелю была обещана неограниченная помощь. Он, в свою очередь, дал официальные обязательства оплатить все затраты Антанты и полностью рассчитаться за царские долги.

К маю 1920 года в армии Врангеля насчитывалось около 130 тысяч штыков и 4,5 тысячи сабель. Однако этого было недостаточно для возобновления широких действий против Советского государства. На территории Крыма Врангель не мог получить никакого пополнения, и он решил вторгнуться в Северную Таврию. Но здесь Врангеля постигла неудача: он не смог прорваться в Донбасс и на Дон. Украинцы отвергли все домогательства Врангеля и твердо встали на сторону советской власти.

“Единственным источником пополнения армии, — писал Врангель в своих мемуарах, — могла быть еще казачья земля... При развале армий генерала Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на Северном Кавказе и на Дону... Эти края были богаты еще местными ресурсами. Все это заставляло склоняться к перенесению нашей борьбы в казачьи районы”.

Врангель знал, что на Кубани разрослось белобандитское движение, и возлагал надежды на так называемую “армию возрождения России” под командованием генерала Фостикова. Но он явно переоценивал эти силы. Принимая желаемое за действительность, Врангель посчитал кулацкое движение на Кубани за народное движение против советской власти.

Но к этому времени кубанское казачество в значительной части уже разобралось в том, что несет ему белогвардейщина и “верховное правительство”, субсидируемое Антантой.

Наши командиры, комиссары и красноармейцы делали все, чтобы довести до сознания кубанцев истинные цели нашей борьбы и необходимость быстрее закончить ликвидацию антисоветских банд.

В то же время оказывалась большая разносторонняя помощь беднейшему казачеству и красноармейским семьям. Эта часть работы среди населения была особенно важна, так как белые до прихода частей Красной Армии притесняли бедняков, зачастую отбирая последний кусок хлеба, и всячески глумились над ними.

Помню, как-то вечером в наш эскадрон пришел комиссар полка и предложил поработать несколько дней по ремонту жилищ, надворных построек и сельскохозяйственного инвентаря бедняков и семей красноармейцев. Все мы охотно согласились.

Наш комиссар В. А. Крылов взялся за самое трудное — очистку общественного колодца, который белогвардейцы завалили Разным хламом. Колодец был довольно глубокий, и когда он спустился на дно, то чуть не задохнулся. Комиссара вытянули наверх еле живого, однако, отдышавшись, он вновь приказал спустить его в колодец. Через некоторое время его снова пришлось поднять наверх, и так продолжалось до тех пор, пока колодец не был очищен. К вечеру все село только и говорило о мужестве комиссара.

Когда все работы были закончены, казаки пригласили нас всех на товарищеский обед. За обедом было много душевных разговоров, нас благодарили за помощь. Не обошлось и без курьезов. Оказалось, группа курсантов, которой было дано задание отремонтировать сарай и сбрую у одной вдовы-казачки, провела эту работу у однофамильцев — кулацкой семьи. Это происшествие всех рассмешило, но “виновники” были явно расстроены.

В августе наш сводный курсантский полк был брошен сначала против десанта врангелевского генерала Улагая, а затем действовал против банд Фостикова и Крыжановского в районе станиц Урупской, Бесскорбной, Отрадной. Банды вскоре были разгромлены. Остатки их бежали под защиту меньшевистского грузинского правительства, а Фостиков — в Крым, к Врангелю.

Нам не пришлось участвовать в операциях по окончательному разгрому Врангеля в Крыму. Но наиболее подготовленные курсанты были досрочно выпущены и отправлены на укомплектование частей конницы, потерявших значительное число командных кадров в боях с врангелевцами.

Выпуск состоялся в городе Армавире, где в это время стоял полевой штаб 9-й армии. Остальная часть курсантов в составе сводного полка была брошена на преследование банд, ушедших в горы Кавказа. Через некоторое время мы узнали, что наш курсантский полк где-то в горах Дагестана попал в засаду и понес большие потери. Многие командиры и бойцы были зверски замучены бандитами. Погиб и наш комиссар, которого мы все так любили. Значительная часть выпуска была направлена в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, которая в то время стояла в районе станицы Новожерелиевская и продолжала операции по ликвидации в плавнях остатков улагаевцев и местных банд. Командиром бригады Миловым я был направлен в 1-й кавалерийский полк, которым тогда командовал старый боевой донской казак Андреев, как говорили, храбрец и рубака. В этот же полк были назначены и мои друзья-курсанты Горелов, Михайлов и Ухач-Огорович (к сожалению, не помню их имен).

Явившись в штаб и сдав документы, мы были приняты командиром полка. Глядя на наши красные штаны, он неодобрительно заметил:

— Мои бойцы не любят командиров в красных штанах.

Что было делать? Эти штаны были у нас единственными, других курсантам не выдавали. Все еще как-то нам не доверяя, он продолжал:

— У нас бойцы больше из бывалых вояк, необстрелянных мы не жалуем.

После этого, скажем прямо, не очень приветливого вступления он приступил к расспросам: кто откуда родом, партийность, приходилось ли воевать, когда, где и т. д. Узнав, что среди нас есть не только обстрелянные воины, но и участники Первой мировой войны, он, кажется, успокоился.

Явившись в эскадрон, мы представились командиру эскадрона Вишневскому. С первого взгляда он нам не понравился, Вишневский производил впечатление человека, мало интересующегося делами своей части. Не отрываясь от книги, которую он читал, и не поинтересовавшись, кто мы такие, на что способны, не сказав ни слова о том, что собой представляют люди, с которыми нам предстоит работать, а может быть, вскоре и вести за собой в бой, он как-то нехотя приказал:

— Вы, Жуков, идите принимайте от Агапова 2-й взвод, а вы, Ухач-Огорович, вступайте в командование 4-м взводом.

Разыскав 2-й взвод, я зашел к Агапову, временно исполнявшему должность командира взвода. Это был пожилой человек, в прошлом рядовой кавалерист старой армии, участник Первой мировой войны. Уже при первом знакомстве я почувствовал симпатию к этому простому и доброжелательному человеку.

Достав из кармана список взвода, в котором состояло 30 человек, Агапов сказал:

— Люди во взводе — все старые бойцы, за исключением трех-четырех человек. Бойцы отличные, но есть, конечно, с норовом, их надо умеючи взять в руки.

И он подробно рассказал о каждом.

— Горшков — рубака, партизан в худшем смысле, но в атаке — первый. На него не следует повышать голос, он обидчив, его надо чаще похваливать и по-товарищески указывать на неправильное поведение, притом обязательно наедине, — спокойно пояснял Агапов.— Касьянов— пулеметчик, воронежский хохол, хороший боец. Ему не нужно в бою ставить задачу, он сам хорошо понимает, какую цель следует в первую очередь поразить. Казакевич, Ковалев, Сапрыкин — три неразлучных дружка, хорошие бойцы, но любят погулять. Этих можно и нужно выругать перед строем, пригрозить отправить к комиссару полка. Он у нас строгий и не любит тех, кто не бережет честь красноармейца...

И так Агапов рассказал мне о каждом бойце. Я был ему очень благодарен за беседу.

Затем приказал собрать людей в конном строю, чтобы познакомиться с ними.

Поздоровавшись со взводом, я сказал:

— Вот что, товарищи. Меня назначили вашим командиром. Хороший или плохой я командир, хорошие или плохие вы бойцы — это мы увидим в будущем, а сейчас хочу посмотреть ваших коней и боевое снаряжение и лично с каждым познакомиться.

Во время осмотра некоторые бойцы демонстративно разглядывали мои красные брюки. Я заметил это и сказал:

— Меня уже предупредил командир полка Андреев, что вы не любите красные брюки. У меня, знаете ли, других нет. Ношу то, что дала советская власть, и я пока что у нее в долгу. Что касается красного цвета вообще, то это, как известно, революционный Цвет и символизирует он борьбу трудового народа за свою свободу и независимость...

На другой день, собрав взвод у себя в хате, я попросил бойцов рассказать о себе. Разговор долго не клеился. Пулеметчик Касьянов заметил:

— А чего рассказывать-то? Во взводном списке имеются все данные, кто откуда и что мы за люди.

Тогда я рассказал им все, что знал о сражениях с белополяками и Врангелем в Северной Таврии. Бойцы слушали внимательно, особенно интересовались, будет ли Антанта вновь высаживать свои войска. Я ответил, что правители Антанты хотели бы высадить свои войска, да народ и солдаты стран Антанты не хотят драться против нас.

Через несколько дней в операции по очищению Приморского района от остатков банд мне довелось идти во главе взвода в бой. Бой закончился в нашу пользу. Бандиты были уничтожены и частично взяты в плен, и, самое важное, наш взвод не понес при этом никаких потерь. После боя никто из бойцов уже не говорил мне о красных брюках.

Вскоре я был назначен командиром 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка. Командиром полка в это время был Николай Михайлович Дронов, до предела храбрый, очень умный и доброжелательный человек. Личный состав полка полюбил своего командира и смело действовал под его командованием.

В конце декабря 1920 года вся бригада была переброшена в Воронежскую губернию для ликвидации кулацкого восстания и банды Колесникова. Эта банда вскоре была разгромлена. Остатки ее бежали в Тамбовскую губернию на соединение с кулацко-эсеровскими бандами Антонова.

Несколько слов о главаре эсеро-кулацкого восстания Антонове.

Происходил он из мещан города Кирсанова Тамбовской губернии. Учился в реальном училище, но за плохое поведение и хулиганские проделки был исключен. Антонов уехал из Кирсанова, примкнул к шайке уголовных преступников и занялся грабежами, сопровождавшимися нередко убийствами. В 1906 году вступил в партию эсеров. Впоследствии за уголовные преступления был сослан в Сибирь на каторгу. В Тамбовской губернии Антонов вновь появился в 1917 году, в период Февральской революции. Вскоре занял должность начальника кирсановской уездной милиции. Всюду расставлял своих

людей. Главными его сподвижниками были известные эсеры Баженов, Махневич, Зоев и Лощинин.

К августу 1920 года Антонов имел крупную, сколоченную банду. Заняв какой-либо важный населенный пункт, антоновцы тут же приступали к созданию нового отряда. Отряды постепенно сводились в полки до тысячи человек. Главной ударной силой у Антонова были кавалерийские полки общей численностью от 1,5 тысячи до 3 тысяч человек.

В конце 1920 года банды Антонова объединились в “армию”. В главный оперштаб этой “армии” вошли старые эсеры Богуславский, Гусаров, Токмаков и Митрофанович. Командующим был избран Токмаков, а Анюнов — начальником штаба. Вскоре была создана и вторая “антоновская армия”. Вся военная власть по-прежнему была сосредоточена в руках Антонова. Части были вооружены пулеметами, винтовками, револьверами, шашками.

Политическую организацию эсеро-кулацкого восстания возглавлял ЦК эсеров. Своей главной задачей он считал свержение советской власти. Ближайшие задачи антоновцев состояли в следующем:

— срыв выполнения продразверстки и других повинностей, налагаемых советской властью;

— уничтожение представителей РКП(б) и советской аласти;

— нападение на небольшие отряды Красной Армии с целью их разоружения;

— порча железных дорог, уничтожение складов и баз.

Исходя из этого, антоновцы применяли следующую тактику: 1) уклонение от боя с крупными частями Красной Армии; 2) вступление в бой при полной уверенности в победе и обязательно при превосходстве своих сил; 3) в случае необходимости — выход из неудачно сложившейся боевой обстановки небольшими группами и в разные стороны с последующим сбором в заранее условленном месте.

В декабре 1920 года Советское правительство создало штаб войск Тамбовской губернии для ликвидации бандитизма. К 1 марта 1921 года силы тамбовского гарнизона были доведены до 32,5 тысячи штыков. 7948 сабель, 463 пулеметов и 63 орудий. К 1 мая эти силы были увеличены еще на 5 тысяч штыков и 2 тысячи сабель. Однако тамбовское военное командование из-за неорганизованности и нерешительности не сумело ликвидировать банды Антонова.

Обнаглев, Антонов сам производил налеты на гарнизоны частей Красной Армии. Так было в начале апреля 1921 года, когда отряд в 5 тысяч антоновцев разгромил гарнизон, занимавший Рассказово. При этом целый наш батальон был взят в плен.

Вскоре командующим войсками по борьбе с антоновщиной был назначен М.Н. Тухачевский.

О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец.

Впервые я увидел М.Н. Тухачевского на станции Жердевка. на Тамбовщине, куда он приехал в штаб нашей 14-й отдельной кавалерийской бригады. Мне довелось присутствовать при его беседе с командиром бригады. В суждениях М. Н. Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба.

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где воевал, каково настроение в частях и у населения, какую полезную работу мы проводим среди местных жителей.

Перед отъездом он сказал:

— Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды. На вас возложена ответственная задача. Надо все сделать, чтобы выполнить ее как можно быстрее и лучше.

Мог ли я подумать тогда, что всего через несколько лет мне придется встретиться с Михаилом Николаевичем в Наркомате обороны при обсуждении теоретических основ тактического искусства советских войск!..

С назначением М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсеенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану. Заместителем М. Н. Тухачевского был И. П. Уборевич, который одновременно возглавил действия сводной кавалерийской группы и сам участвовал в боях с антоновцами, показав при этом большую личную храбрость.

Особенно сильные бои по уничтожению антоновских банд развернулись в конце мая 1921 года в районе реки Вороны, у населенных пунктов Семеновка, Никольское, Пущино, Никольское-Перевоз, Тривки, Ключки, Екатериновка и у реки Хопер. Здесь хорошо действовали кавалерийская бригада Г. И. Котовского, кавбригада Дмитренко, Борисоглебские кавалерийские курсы и наша 14-я отдельная кавбригада под командованием Милонова. Но полностью уничтожить банду в то время все же нам не удалось.

Основное поражение антоновцам было нанесено в районе Сердобска, Бакуры, Елани, где боевые действия возглавил И. П. Уборевич. Остатки разгромленной банды бросились врассыпную в общем направлении на Пензу. В Саратовской губернии они были почти полностью ликвидированы с помощью крестьян, ненавидевших бандитов.

В течение лета 1921 года частями под командованием И. П. Уборевича при большой поддержке местного населения были ликвидированы и банды Васьки Карася и Богуславского под Новохоперском.

С антоновцами было немало трудных боев. Особенно запомнился мне бой весной 1921 года под селом Вязовая Почта, недалеко от станции Жердевка. Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10—15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4-5 километрах,

двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадроном при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, эскадрон столкнулся с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон и направив на противника огонь орудия и пулеметов, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обреза убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы неминуемо зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночевка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну конницы противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против нее все огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Через 20-30 минут наш полк двинулся вперед и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя.

Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжелым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом, с боем отходили назад. Но и наши ряды редели. На моих глазах свалился с коня тяжело раненный командир взвода, мой товарищ Ухач-Огорович

Это был способный командир и хорошо воспитанный человек. Отец его, полковник старой армии, с первых дней перешел на сторону советской власти, был одним из ведущих преподавателей на наших рязанских командных курсах.

Теряя сознание, он прошептал:

— Напиши маме. Не оставляй меня бандитам.

Его, как и всех раненых и убитых, мы увезли с собой на пулеметных санях и орудийном лафете, чтобы бандиты не могли над ними надругаться.

Предполагавшаяся контратака полка не состоялась: не выдержал весенний лед на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить до самой Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемет, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за этот день была убита лошадь. С револьвером в руках пришлось отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночевка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Юршковым и Ковалевым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли, в том числе и Ухач-Огорович, мой друг и боевой товарищ.

Это был тяжелый для нас день. Потеря многих наших боевых товарищей болью отозвалась в сердце каждого из нас. Только сознание, что была разгромлена такая многочисленная банда, приносило удовлетворение.

За этот выдающийся подвиг большинство командно-политического состава и бойцов было отмечено правительственными наградами. Был награжден и я. Вот что значилось в приказе РВСР за №183 от 31 августа 1922 года:

“Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500— 2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду”.{13}

В конце лета 1921 года проводилась окончательная ликвидация мелких банд, разбежавшихся по Тамбовщине. Их надо было добить как можно скорее. Перед моим эскадроном была поставлена задача ликвидировать банду Зверева, насчитывавшую до 150 сабель. Банда вскоре была обнаружена. Началось ее преследование. Понемногу силы бандитов иссякали. На подходе к лесу нам удалось их догнать и атаковать.

В течение часа все было кончено, но пять бандитов во главе со Зверевым все же удрали и, пользуясь наступающими сумерками, скрылись в лесу. Однако им уже ничто не могло помочь: ликвидация антоновских банд на Тамбовщине была завершена.

Вспоминая этот эпизод, не могу не рассказать об одном курьезном случае, который с нами произошел.

Преследуя банду, мы неожиданно столкнулись с двумя бронемашинами, которые выскочили из соседнего села. Мы знали, что банда не имеет броневиков, а потому и не открывали по ним огонь. Однако броневики, заняв выгодную позицию, повернули в нашу сторону пулеметы. Что за оказия? Послали связных. Оказалось, что это наши и в головной бронемашине сам И. П. Уборевич. Узнав об уходе банды в направлении леса, он решил перехватить ее на пути. Хорошо, что разобрались, а то могло бы плохо кончиться.

Так я впервые познакомился с И. П. Уборевичем. Позднее, в 1932—1937 годах, мы часто с ним встречались. Он был тогда командующим войсками Белорусского военного округа, где мне довелось командовать кавалерийской дивизией.

* * *

...Прошли долгие годы. Забыты трудности гражданской войны, которые приходилось преодолевать нашему народу. Но никогда не изгладится из памяти то, что каждым из нас

руководила твердая вера в справедливость идей, которые провозгласила ленинская партия в дни Октября.

Английский генерал А. У. Нокс писал тогда своему правительству о том, что можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым.

Опыт прошлых войн, в том числе и опыт Первой мировой войны, но целому ряду причин не мог быть тогда целиком взят Красной Армией на вооружение. Для борьбы с врагами молодого Советского государства нужно было создать свою, ярко выраженную классовую военную организацию, вооружив ее новыми взглядами на существо и способы борьбы.

В. И. Ленин на основе глубокого учета экономических, политических, моральных факторов и соотношения сил разрабатывал советскую военно-политическую стратегию, создавал основу оперативно-стратегического искусства наших вооруженных сил, характерной особенностью которого была целеустремленность, решительность и величайшая активность в разгроме внешней и внутренней контрреволюции.

Большим стратегическим преимуществом наших вооруженных сил в гражданскую войну было то, что мы вели войну, маневрируя силами и средствами по внутренним операционным линиям, тогда как Антанта и белогвардейские вооруженные силы должны были осуществлять маневрирование по внешним операционным линиям. Правда, в те времена у нас в стране было очень мало стратегических резервов, а всякий крупный маневр с целью создания превосходства в силах и средствах в избранном направлении приходилось осуществлять за счет изъятия войск из состава действующих фронтов и армии, а иногда прямо с полей сражений.

В годы гражданской войны вследствие недостатков резервов частям Красной Армии приходилось сражаться на фронтах без всякого отдыха многие месяцы: то наступая, преследуя врага, то отступая под его ударами. Ни одна армия капиталистического государства не смогла бы выдержать такую физическую нагрузку и моральные потрясения. Только нашей рабоче-крестьянской армии, армии, защищающей свою советскую власть, оказалась под силу такая морально-физическая нагрузка. Будучи переброшенными с других фронтов, части и соединения без всякого отдыха вновь вступали в сражения на других фронтах и успешно громили врага, проявляя при этом активность, стойкость, решимость и отвагу.

Партия, ее ЦК и лично В.И. Ленин не жалели сил в создании победоносных вооруженных сил. В результате огромной организаторской деятельности партии страна в годы гражданской войны была превращена в единый военный лагерь, сделано было все, что было в человеческих силах, чтобы враг был окончательно разгромлен и наш народ мог активно взяться за осуществление своей исторической миссии — за строительство социализма.

“Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...”{14}, — говорил Владимир Ильич Ленин. И партия, ее ЦК, лично В.И. Ленин сыграли решающую роль в организации защиты Отечества, объединении всех сил фронта и тыла, подъеме масс рабочих, красноармейцев, крестьян на борьбу с интервентами и контрреволюцией в годы гражданской войны. Они провели в жизнь сотни и тысячи мер, обеспечивших победу над врагом.

Историки установили, что за период с 1 декабря 1918 года по 27 февраля 1920 года состоялось 101 заседание Совета обороны, на которых было обсуждено 2300 вопросов по организации обороны страны, обеспечению Красной Армии и Военно-Морского Флота боевой техникой, вооружением, снаряжением, продовольствием. На всех заседаниях, за исключением двух, председателем был В. И. Ленин.

Изучение документов периода гражданской войны свидетельствует о том, что постановления и директивы ЦК партии, Политбюро, указания В. И. Ленина являлись той основой, на которой Главным командованием Красной Армии, Реввоенсоветами фронтов разрабатывались конкретные планы военных операций. Стратегические планы всех важнейших военных кампаний всесторонне обсуждались на пленумах и заседаниях ЦК партии.

В. И. Ленин был лично связан с Главным военным командованием, фронтами и армиями, близко знал многих командиров и политработников. С ними он вел большую переписку. За годы гражданской войны, по далеко не полным данным, за подписью В. И. Ленина было отправлено около 600 писем и телеграмм по вопросам обороны Советского государства{15}.

В то же время В. И. Ленин, ЦК партии не подменяли Главное командование и Реввоенсовет в оперативном руководстве фронтами, армиями, боевыми действиями войск.

Когда В. И. Ленин получил сообщение о том, что некоторые военные работники выражают сомнение в правильности разработанного главкомом С. С. Каменевым плана борьбы с Деникиным, он от имени Политбюро ЦК партии написал Троцкому: “Политбюро вполне признает оперативный авторитет Главкома и просит Вас сделать соответственное разъяснение всем ответственным работникам”{16}. Главком С. С. Каменев попросил В. И. Ленина проекты всех правительственных директив по оперативным военным вопросам показывать предварительно Главному командованию. На докладной С. С. Каменева, адресованной всем членам Политбюро ЦК партии, В. И. Ленин писал: “По-моему, ходатайство уважить и постановить: либо лично Главкома вызывать, либо проекты директив давать ему на срочное заключение...”{17}

Реввоенсовет республики, Военные советы фронтов и армий в целом работали на основании решений ЦК РКП (б). Назначение командующих и комиссаров на ответственные посты, укрепление обороноспособности республики осуществлялись в соответствии с указаниями ЦК. В постановлении ЦК РКП(б) “О политике военного ведомства”, принятом в конце 1918 года по предложению В.И.Ленина, подчеркивалось, что ответственность за политику военного ведомства в целом несет партия, которая охватывала своим влиянием все стороны военного строительства и боевых действий Советских Вооруженных Сил.

Коммунисты являлись цементирующей силой в Красной Армии. ЦК РКП(б) неоднократно проводил партийные мобилизации, укрепляя коммунистами все решающие участки фронтов. 35 тысяч коммунистов было в армии в октябре 1918 года, через год их насчитывалось уже около 120 тысяч, а в августе 1920 года — 300 тысяч, то есть почти половина всех членов РКП(б) того времени. Признанное всеми превосходство Красной Армии в морально-политическом отношении, сыгравшее решающую роль в гражданской

войне, было обусловлено боевой, патриотической деятельностью армейских коммунистов, комиссаров, политотделов, партячеек.

Оценивая роль партийно-политического аппарата армии в те годы, М.В. Фрунзе писал:

“Кто вносил элементы порядка и дисциплины в ряды создававшихся под гром пушечных выстрелов наших молодых красных полков? Кто в часы неудач и поражений поддерживал мужество и бодрость бойцов и вливал новую энергию в их пошатнувшиеся ряды? Кто налаживал тыл армии, насаждал там Советскую власть и создавал советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед? Кто своей настойчивой и упорной работой разлагал ряды врага, расстраивал его тыл и тем подготовлял грядущие успехи?

Это делали политические органы армии, и делали, надо сказать, блестяще. Их заслуги в прошлом безмерны”{18}.

Я могу лишь тысячу раз подписаться под этими замечательными словами и вновь засвидетельствовать их истинность.

В годы гражданской войны партия и народ не только победили врага, но и, борясь с ним, заложили основы массовой регулярной армии, комплектуемой на основе воинской обязанности трудящихся. Были созданы центральный и местный аппараты военного управления, разработаны первые уставы и наставления, введена единая организация частей и соединений. К концу 1920 года наша армия насчитывала уже 5,5 миллиона человек, хотя она и потеряла в период с сентября 1918 года по декабрь 1920 года около 2,2 миллиона человек, из них до 800 тысяч убитыми, ранеными и без вести пропавшими и 1392 тысячи погибшими от тяжелых болезней, вызванных недоеданием, отсутствием медикаментов и медицинскрго обслуживания, необходимого обмундирования.

Из огромного военного опыта и теоретических обобщений эпохи гражданской войны, которые были положены на многие годы в основу строительства Советских Вооруженных Сил, мне хотелось бы в нескольких словах остановиться на следующем.

Во-первых, на единстве армии и народа. Гражданская война с исключительной силой продемонстрировала единение фронта и тыла, сугубо военные преимущества страны, превратившейся в единый военный лагерь. Это единство своей объективной основой имело советский общественный и государственный строй, союз рабочего класса и крестьянства, а субъективной — общность целей армии и народа. В результате рождалась сила, многократно умножавшая мощь оружия. Источник этой силы В. И. Ленин видел в том, что в первый раз в мире создана армия, знающая, за что она воюет, и первый раз в мире рабочие и крестьяне, переносящие невероятные трудности, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть рабочих и крестьян.

Во-вторых, на руководящей роли партии в собственно военных вопросах и ее влиянии на армию через партийно-политический аппарат.

С военной точки зрения, руководящая роль Коммунистической партии имеет, кроме всего прочего, колоссальное значение потому, что она является правящей партией в стране, где господствует общественная собственность на средства производства. Благодаря этому обеспечивается невиданная концентрация сил и средств всего народного хозяйства на

важнейших военных направлениях. Создается исключительная возможность маневрировать огромными материальными и людскими ресурсами, проводить единую военную политику, добиваться обязательности директив по военным вопросам для всех и каждого.

Что же касается партийно-политической работы, то благодаря ей сознательные и преданные делу революции силы в армии и на флоте направляются к единой цели, умножаются и становятся источником массового героизма.

“И только благодаря тому, что партия была на страже, — говорил В.И.Ленин, — что партия была строжайше дисциплинированна, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить”{19}.

В-третьих, хотелось бы сказать еще об одном принципе строительства наших вооруженных сил — о строжайшей централизации, единоначалии и железной дисциплине, тем более что не раз различного рода оппозиционеры нападали на него.

Отсутствие единоначалия в военном деле, указывал В. И. Ленин, “...сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению”{20}. Во многих документах, принятых съездами партии и пленумами ЦК, в практической работе большевики неустанно вели борьбу с попытками противопоставить партизанские формы организации (что всегда может быть вначале) принципам строительства регулярной армии (что должно быть господствующим), то есть централизованному и однотипному управлению во всех звеньях армии, строгому соблюдению субординации и дисциплине.

Конечно, единоначалие необходимо было вводить в строгом соответствии с конкретными историческими условиями, учитывая классовый состав командных кадров, их политическую зрелость, военную подготовку, а также принимая во внимание готовность масс к той или иной форме управления. Естественно поэтому, что в первые годы советской власти единоначалие ввести было нельзя.

Но постепенно ленинский принцип единоначалия как типовой, основной принцип руководства в Красной Армии, органически сочетаясь с повышением роли политорганов и парторганизаций, становится господствующим. Вместе с железной дисциплиной, основанной на глубоком понимании и сознательном выполнении воинами своего долга в защите Родины, единоначалие командира становится тем стержнем, вокруг которого сплачиваются воля, знания и целеустремленность войск.

Каждый период развития нашей страны вносил в строительство Советских Вооруженных Сил новые черты, укрепляя их и подготавливая к защите от агрессии. Опыт и принципы военного дела, выкованные в огне гражданской войны при личном участии В. И. Ленина, в частности те моменты, о которых мы говорили отдельно, получили свое дальнейшее развитие в тридцатые и сороковые годы и стали составной частью могущества той армии, которая разгромила фашизм в Великой Отечественной войне.

Глава четвертая. **Командование полком и бригадой**

Приступив к мирному строительству после героической победы в гражданской войне, советский народ столкнулся лицом к лицу с колоссальными трудностями восстановления разрушенного народного хозяйства. Почти все отрасли пришли в крайний упадок. Критическое состояние промышленности, сельского хозяйства, транспорта требовало сосредоточения всех сил страны на хозяйственном фронте. Необходимо было направить несколько миллионов из числа демобилизованных солдат на восстановительные работы, уменьшить расходы на содержание армии. И в то же время нужно было сохранить и упрочить оборону страны. “Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем”{21}, — говорил В. И.Ленин.

Уже в 1920 и 1921 годах начался перевод полностью или частично на трудовое положение армий, непосредственно не участвующих в боевых операциях. Для этой цели при Совете Труда и Обороны была создана комиссия, которую возглавляли М. И. Калинин и Ф. Э. Дзержинский. Трудовые армии много сделали для увеличения добычи топлива, сырья, подъема сельского хозяйства.

В целом в результате демобилизации к концу 1924 года численность вооруженных сил сократилась с 5,5 миллиона до 562 тысяч человек.

Конечно, демобилизация отвечала интересам миллионов солдат. Тянуло к земле, станку, хотелось вернуться в семью, домой. Удержать кадровых солдат в армии было очень трудно, тем более что среди них большинство составляли крестьяне. Этот процесс мог далеко зайти, “размыть” ядро армии. В феврале 1921 года по решению Оргбюро ЦК РКП(б) демобилизация коммунистов из армии была прекращена{22}. Несколько ранее ЦК РКП(б) обратился ко всем парторганизациям с циркулярным письмом “О Красной Армии”, в котором решительно предупредил все партийные организации о недопустимости ослабления заботы о Красной Армии. Вообще же в армии оставались в основном те, кто в соответствии с наклонностями и способностями решил посвятить себя военному делу.

В условиях мирного строительства того времени было необходимо разработать единую военную доктрину, упрочить регулярную Красную Армию, решить новые сложные вопросы организационного строительства, наладить подготовку военных и политических кадров. Особое внимание уже тогда обращалось на необходимость укрепления специальных технических частей (пулеметных, артиллерийских, автоброневых, авиационных и др.), обеспечения их всем необходимым.

Эти проблемы обстоятельно обсуждались на X, XI, XII съездах РКП(б). Дело не обошлось без острых споров. По поручению ЦК партии М. В. Фрунзе и С. И. Гусев подготовили тезисы “Реорганизация Красной Армии”, в которых отстаивали сохранение кадровой армии и намечали постепенный переход к милиционным формированиям, ратовали за развитие советской военной науки. Другие утверждали, что нужно немедленно переходить к милиционной системе комплектования армии. X съезд РКП(б) принял ленинский курс военного строительства в мирное время. В постановлении съезда было прямо записано: “Неправильной и практически опасной для настоящего момента является агитация некоторых товарищей за фактическую ликвидацию нынешней Красной Армии и немедленный переход к милиции”{23}.

Несмотря на все усилия, предпринятые партией для укрепления армии, чувствовалось, что необходимы какие-то более радикальные меры, и чем скорее, тем лучше.

С июня 1922 по март 1923 года я работал в должности командира эскадрона 38-го кавалерийского полка, а затем заместителем командира 40-го кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Во главе этих полков стояли опытные командиры Димитров и Косенко, и я у них многому научился. Командный состав, партийная организация и политический аппарат полков составляли хороший и работоспособный коллектив.

Благоустроенных казарм, домов начальствующего состава, столовых, клубов и других объектов, необходимых для нормальной жизни военного человека, у большинства частей Красной Армии тогда еще не было. Жили мы разбросанно, по деревням, квартировали в крестьянских избах, пищу готовили в походных кухнях, конский состав размещался во дворах. Все мы считали такие условия жизни нормальными, так как страна наша переживала исключительные трудности.

В начальствующем составе армии люди были главным образом молодые и физически крепкие, отличавшиеся большой энергией и настойчивостью. К тому же большинство из нас были холостыми и никаких забот, кроме служебных, не знали. Отдавались мы работе с упоением, посвящая ей по 15—16 часов в сутки. Все же и этого времени не хватало, чтобы везде и во всем успеть.

Весной 1923 года телефонограммой из штаба дивизии меня вызвали к комдиву. Причины не знал и, надо признаться, несколько волновался: уж не натворил ли чего?

Комдив Н. Д. Каширин принял меня очень хорошо, угостил чаем и долго расспрашивал о боевой и тактической подготовке в нашем полку. А потом вдруг спросил:

— Как вы думаете, правильно у нас обучается конница для войны будущего и как вы сами представляете себе войну будущего?

Вопрос мне показался сложным. Я покраснел и не смог сразу ответить. Комдив, видимо, заметив мою растерянность, терпеливо ждал, пока я соберусь с духом.

— Необходимых знаний и навыков, чтобы по-современному обучать войска, у нас, командиров, далеко не достаточно, — сказал я. — Учим подчиненных так, как учили нас в старой армии. Чтобы полноценно готовить войска, нужно вооружить начальствующий состав современным пониманием военного дела.

— Это верно, — согласился комдив, — и мы стараемся, чтобы наши командиры прошли военно-политические курсы и академии. Но это длительный процесс, а учебных заведений у нас пока маловато. Придется первое время учиться самим.

Он прошелся по кабинету и неожиданно объявил, что меня решено назначить командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка.

— Я вас не очень хорошо знаю, но товарищи, с которыми разговаривал, рекомендуют вас на эту должность. Если возражений нет, идите в штаб и получите предписание. Приказ о назначении уже подписан.

Прощаясь с комдивом, я был очень взволнован. Новая должность была весьма почетной и ответственной. Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством.

Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время.

В самом конце гражданской войны в армии насчитывалось более 200 курсов и школ, готовивших кадры для всех родов войск. В 1920 году командные курсы уже выпустили 26 тысяч красных командиров. Постепенно создавалась широкая сеть курсов, школ, академий, зарождалась единая система обучения и воспитания пролетарского командного и политического состава. Младший комсостав готовился поначалу в полковых школах в течение семи — десяти месяцев, средний комсостав — в военных школах и военно-морских училищах, а старший — в военных академиях. В республиках открывались национальные военные школы. Большое значение приобрели затем курсы усовершенствования комсостава. На таких курсах я тоже учился. Об этом речь еще впереди.

Сейчас хотелось бы заметить, что не менее важную, на мой взгляд, роль в подготовке квалифицированного комсостава, особенно младшего и среднего звена, играла учеба, самообразование непосредственно в лагерных условиях, так сказать, без отрыва от производства. Десятки, сотни тысяч военных пополняли таким образом свои знания, совершенствовали боевую закалку, тут же отрабатывая их в учениях, маневрах и походах. И тот, кто не смог по тем или иным причинам пойти в учебное заведение, упорно занялся самоусовершенствованием непосредственно в частях.

Конечно, были тогда командиры, которые после успешного завершения гражданской войны чувствовали себя знатоками военного дела, считали, что им, собственно говоря, нечему учиться. Некоторые из них потом поняли свои заблуждения и перестроились. Другие же так и остались со старым багажом и, естественно, вскоре уже не соответствовали возросшим требованиям и вынуждены были уйти в запас.

Когда в конце мая 1923 года я вступил в командование полком, он готовился к выходу в лагеря. Это был первый выход частей конницы на лагерную учебу после гражданской войны, и многие командиры не имели ясного представления о работе в новых условиях. При приеме полка обнаружились недостатки в боевой готовности. Особенно плохо обстояло дело с огневой и тактической подготовкой, поэтому внимание подразделений было сосредоточено на организации учебно-материальной базы в лагерях.

В начале июня лагерь в основном был готов. Полк получил хорошо устроенный палаточный городок, прекрасную летнюю столовую и клуб. Были оборудованы навесы и

коновязи для лошадей. Гордостью полка было стрельбище для огневой подготовки из всех видов оружия.

Началась напряженная боевая и политическая учеба. Все мы были довольны, что затраченные труд и средства на подготовку лагеря не пропали даром. Дружно и инициативно работали командиры эскадронов и политруки. Творческая энергия и инициатива коммунистов чувствовались во всех делах и начинаниях.

Душой парторганизации был секретарь партбюро полка Школьников. Чудесный человек, он был полон творческих дерзаний и умел быстро зажечь сердца коммунистов полка.

Особенно хотел бы отметить нашего комиссара Антона Митрофановича Янина. Это был твердый большевик и чудесный человек, знавший душу солдата, хорошо понимавший, как к кому подойти, с кого что потребовать. Его любили и уважали командиры, политработники и красноармейцы. Жаль, что этот выдающийся комиссар не дожил до наших дней — он погиб смертью храбрых в 1942 году в схватке с фашистами на Кавказском фронте. Погиб он вместе со своим сыном, которого воспитал мужественным защитником Родины.

В середине лета в командование дивизией вступил герой гражданской войны Г. Д. Гай.

Я с удовольствием вспоминаю совместную работу с комдивом Г. Д. Гаем. Первая наша встреча произошла в его лагерной палатке, куда были вызваны на совещание командиры и комиссары частей. После официального представления Г. Д. Гай пригласил всех расположиться у его рабочего стола. Я увидел красивого человека, по-военному подтянутого. Его глаза светились доброжелательностью, а ровный и спокойный голос свидетельствовал об уравновешенном характере и уверенности в себе. Я много слышал о геройских делах Г. Д. Гая и с интересом в него всматривался. Мне хотелось проникнуть в его душевный мир, понять его как человека и командира.

Беседа затянулась надолго. Когда мы расходились, у всех осталось хорошее впечатление от первой встречи с комдивом. Прощаясь со мной, он сказал, что через несколько дней хочет посмотреть конно-строевую и тактическую подготовку. Я был польщен вниманием к полку и признался, что у нас еще много недостатков.

— Будем вместе устранять недостатки, — сказал Г. Д. Гай улыбаясь и добавил: — Это хорошо, что вы не хотите ударить лицом в грязь.

Через три дня согласно распоряжению штаба дивизии полк был выведен в полном составе на смотр. Комдив на белоногом вороном коне поднялся на пригорок и внимательно следил за учением полка. Конь под комдивом был очень горяч, но всадник твердой рукой и крепкими шенкелями решительно подчинял его своей воле.

Учение шло вначале по командам голосом, потом по командам шашкой (так называемое “немое учение”), а затем по сигналам трубы. Перестроения, движения, захождения, повороты, остановки и равнения выполнялись более четко, чем я того ожидал. В заключение полк был развернут “в лаву” (старый казачий прием атаки), и я направил центр боевого порядка на высоту, где стоял комдив. Сомкнув полк к центру и выровняв его, я подскакал к комдиву, чтобы отрапортовать об окончании показа. Не дав мне начать рапорт, комдив поднял руки вверх и закричал:

— Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь! — а затем, подъехав ко мне, тепло сказал: — Спасибо, большое спасибо.

Поравнявшись с центром полка, комдив встал на стремена и обратился к бойцам:

— Я старый кавалерист и хорошо знаю боевую подготовку конницы. Сегодня вы показали, что свой красноармейский долг перед Родиной выполняете добросовестно, не жалея сил. Так и должно быть. Хорошая боевая подготовка, высокое сознание своего долга перед народом — залог непобедимости нашей героической Красной Армии. Спасибо вам, порадовали вы меня.

Повернувшись ко мне, комдив пожал руку, улыбнулся и сказал:

— Вторую часть учения увидим в другой раз. Пусть полк идет

отдыхать, а мы с вами посмотрим, как устроен лагерь.

Более двух часов ходил он по лагерю, вникая в каждую мелочь, а потом долго сидел с бойцами. Г. Д. Гай рассказал много боевых эпизодов из гражданской войны. Только когда дежурный трубач просигналил к обеду, он поднялся и распрощался с нами.

Проводив комдива, мы с комиссаром А. М. Яниным и секретарем партбюро Школьниковым тут же обсудили, что надо сделать, чтобы “не закружилась голова” от успехов и похвалы.

Надо отдать должное личному составу: похвала комдива воодушевила всех, и это было видно по результатам лагерной учебы. Для нас же, командиров, пример простого товарищеского обращения с рядовыми красноармейцами был достоин подражания.

Г. Д. Гай потом часто бывал в полку, подолгу беседовал с солдатами и командирами и всегда был не только начальником, но и желанным старшим товарищем— коммунистом.

Лагерную учебу мы закончили с хорошими оценками, и в конце сентября наша 7-я Самарская кавалерийская дивизия выступила в район Орши для участия в окружных маневрах. Маневры эти проводились, так же как и лагерная учеба, после гражданской войны впервые.

По масштабу маневры были небольшие, так сказать, попутные, при возвращении частей из лагерей. Однако на нашу дивизию выпала довольно тяжелая задача. Ей предстояло совершить форсированный марш-бросок в район Орши. А вверенный мне полк был назначен комдивом в авангард главных сил дивизии. Это означало, что мы должны были не только пройти большое расстояние за короткое время, но и выполнить задачу походного охранения, быть в постоянной готовности, чтобы быстро развернуться к “бою” с “противником” и создать наиболее благоприятные условия для вступления в “бой” главных сил дивизии.

Марш-бросок дивизии был завершен за 30 часов. Мы прошли около 100 километров, сделав два пятичасовых привала. Для конского состава это было тяжелое испытание на выносливость. А кавалеристам на привалах еще нужно было кормить, поить лошадей и приводить в порядок всю амуницию и снаряжение. Несмотря на усталость, настроение у

всех было приподнятое, так как стало известно, что по окончании маневров вся 7-я кавалерийская дивизия будет расквартирована в Минске.

На рассвете высланная вперед разведка доложила, что за железнодорожной линией Москва—Орша движутся в направлении станции Орша войска “противника”. На подступах к Орше завязался “бой” с частями, прикрывавшими подступы к железнодорожному узлу.

Как это всегда бывает на маневрах, со всех сторон подскакали к полку посредники с белыми повязками на рукавах. Посредники — это командиры, которые помогают руководству разыгрывать учения.

— Что вам известно о “противнике”?

— Ваше решение? — посыпались вопросы.

Я ответил, что сейчас выеду к головному отряду, произведу личную рекогносцировку и там приму решение. Дав шпоры коню, через несколько минут я прискакал в головной отряд, которым командовал очень энергичный, инициативный командир эскадрона Константин Тюпин.

Он доложил, что до двух полков пехоты “противника” развернулись в предбоевые порядки и движутся за линией железной дороги в общем направлении на лежащие впереди высоты. Там идет “бой” с нашей пехотой. Пехота “противника”, видимо, не знает, что наши части вышли в этот район, так как мы не встретили ни охранения, ни его разведки.

Не успел командир головного отряда закончить доклад, как показалась группа всадников, которая приближалась к нам. По вороному белоногому коню мы издали узнали комдива Г. Д. Гая. Коротко повторив данные обстановки, доложил комдиву, что случай крайне благоприятный для внезапной атаки “противника” и что я решил незамедлительно развернуть полк в боевой порядок и атаковать во фланг, тем более что атаке благоприятствует характер местности.

Посмотрев в бинокль, комдив сказал:

— Редкий случай, действуйте смелее. Атаку предварите всеми средствами артиллерийско-пулеметного огня. Главные силы дивизии подойдут через 20—30 минут. Их удар будет направлен в тыл этой группировки, с тем чтобы нанести ей окончательное поражение.

Через час все поле “сражения” сплошь было затянуто дымом и пылью, кавалерийские полки 7-й дивизии, развернувшиеся в боевые порядки, с громкими криками “ура” мчались на “врага”. Картина была поистине красочная и захватывающая: лица у бойцов разгоряченные, глаза устремлены вперед, как в настоящем бою. Дальнейшее “сражение” было прервано сигналом “отбой”. На этом эпизоде и закончились маневры. Общего разбора не было.

Нам сказали, что за ходом “боя” наблюдал М. Н. Тухачевский, который дал очень хорошую оценку нашим частям. Но особенно похвалил он 7-ю кавалерийскую дивизию за форсированный марш-бросок и за стремительную атаку. А пехота заслужила одобрение

за то, что сумела быстро развернуться к флангу, откуда она была атакована частями 7-й кавдивизии.

Мы были довольны, что нас похвалил М. Н. Тухачевский, и рады, что и наш “противник” также заслужил благодарность за хорошую маневренность.

Отдохнув, через несколько дней мы выступили походом в Минск, к месту постоянного расквартирования частей дивизии.

Тысячи минчан вышли на улицы города. Крики “ура”, приветствия сопровождали нас по всем улицам. Вообще я думаю, ни в одной другой стране армия не пользуется такой симпатией и всеобщей любовью народа, как наша Советская Армия.

Я и сейчас с волнением вспоминаю, как встречали нас бывшие бойцы дивизии, участники знаменитых походов и сражений в районе Царицына, Кизляра, Астрахани, Пугачевска, Бузулука и др. Это они, не жалея своей жизни, дрались за советскую власть с белогвардейскими частями и контрреволюцией. Их дружеские, идущие от всего сердца слова вызывали радостное волнение в наших сердцах... Многие бойцы нашей дивизии сами прошли тяжелые испытания на фронтах гражданской войны, и каждому были понятны и близки воспоминания о боевых делах.

Отведенные полку казармы оказались заняты 4-й стрелковой дивизией, которая не успела еще передислоцироваться в Слуцк. Пришлось временно расквартировываться по частным домам в предместье города. Личный состав разместили по 3—4 человека на частных квартирах, как правило, в малопригодных помещениях.

Положение усугублялось тем, что начались обильные осенние дожди, а с ними наступила непролазная грязь. Надо было в этих условиях спасать конский состав, строить конюшни, ремонтировать казарменные и хозяйственные помещения и готовить учебно-материальную базу для зимней учебы.

Собрали коммунистов, а затем и весь полк, разъяснили создавшееся положение.

Вспоминая те далекие и нелегкие годы, хочется отметить, что люди были готовы на любое самопожертвование, на любые лишения во имя лучшего будущего. Конечно, были и отдельные нытики, но их сразу же ставила на место красноармейская общественность. Какая это большая сила здоровый армейский коллектив! Там, где действует энергичный общественный актив, там всегда будет настоящая коллективная дружба. А в ней залог творческого энтузиазма и успехов в боевой готовности части.

В конце ноября, когда уже выпал снег, нам удалось перебраться в казармы, а лошадей разместить в конюшнях. Конечно, предстояло провести еще большую работу по благоустройству, но главное уже было сделано.

Перед нами стояла следующая задача — правильно организовать боевую и политическую подготовку в новых условиях.

Теперь все это кажется простым. А тогда, в 26 лет командуя кавалерийским полком, что я имел в своем жизненном багаже? В старой царской армии окончил унтер-офицерскую учебную команду, в Красной Армии — кавалерийские курсы красных командиров. Вот и

все. Правда, после окончания гражданской войны усиленно изучал всевозможную военную литературу, особенно книги по вопросам тактики.

В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время Первой мировой войны. Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне, как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну, а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний.

Так думал не я один. Так думало большинство командиров, выросших во время гражданской войны из рядовых красноармейцев, солдат старой армии и бывших унтер-офицеров.

К тому времени кадровое ядро армии значительно окрепло. Тем не менее текучесть личного состава не была преодолена, серьезно хромало снабжение, недостаточно высоко стояла мобилизационная готовность войск. Крупные недостатки были в работе военного ведомства, которое тогда возглавлял Троцкий.

В январе 1924 года Пленум ЦК РКП(б) решил провести проверку деятельности военного ведомства, которая была поручена военной комиссии ЦК партии во главе с В. В. Куйбышевым, а затем С. И. Гусевым. В подготовке материалов о положении в армии к Пленуму ЦК участвовали М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андреев, И. С. Уншлихт, Н. М. Шверник и другие. Общие выводы из анализа собранных фактов были безрадостны и резки.

Стало ясно, что задачи укрепления вооруженных сил страны требуют коренной военной реформы. Предложения комиссии, утвержденные ЦК РКП (б), и легли в основу военной реформы.

Одним из наиболее важных мероприятий реформы явилось введение территориального принципа комплектования Красной Армии в сочетании с кадровым.

Территориальный принцип распространялся на стрелковые и кавалерийские дивизии. Сущность этого принципа состояла в том, чтобы дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производительного труда. В дивизиях примерно 16—20 процентов штатов составляли кадровые командиры, политработники и красноармейцы, а остальной состав был временным, ежегодно призывавшимся (в течение пяти лет) на сборы сначала на три месяца, а потом по одному месяцу. Остальное время бойцы работали в промышленности и сельском хозяйстве.

Такая система обусловила возможность быстрого развертывания в случае необходимости достаточно подготовленного боевого состава вокруг кадрового ядра дивизий. Причем расходы на обучение одного бойца в территориальной части за пять лет были гораздо меньшими, чем в кадровой части за два года. Конечно, лучше было бы иметь только кадровую армию, но в тех условиях это было практически невозможно.

Мероприятия военной реформы были закреплены в Законе о военной службе, принятом в сентябре 1925 года ЦИК и СНК СССР. Это был первый общесоюзный закон об обязательном несении военной службы всеми гражданами нашей страны, одновременно определивший и организационную структуру вооруженных сил.

Были реорганизованы центральный и местный аппараты военного управления. Новый штаб РККА во главе с М. В. Фрунзе (помощники — М. Н. Тухачевский и Б. М. Шапошников) становился основным организующим центром Красной Армии. Управление упростилось, повысилась оперативность и ответственность в работе.

Новую организационную систему руководства вооруженными силами партия укрепила сверху. В январе 1925 года народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР стал выдающийся полководец-большевик Михаил Васильевич Фрунзе.

Однажды в нашем полку побывал легендарный герой гражданской войны В. К. Блюхер. До революции он был рабочим Мытищинского вагоностроительного завода, затем унтер-офицером царской армии. В.К. Блюхер— член партии большевиков с 1916 года. Я очень много о нем слышал, но встретился с ним впервые. Встреча с В. К. Блюхером была большим событием для всех бойцов и командиров полка. К нам его пригласил посмотреть учебно-воспитательную работу комдив Г. Д. Гай. Для полка это была большая честь.

Прежде всего В.К. Блюхер тщательно ознакомился с организацией питания личного состава и остался доволен приготовлением пищи. Уходя из кухни, он крепко пожал руки всем поварам. Надо было видеть их лица! Потом он обошел все общежития и культурно-просветительные учреждения полка и в заключение осмотра спросил:

— Как у вас обстоит дело с боевой готовностью? Ведь вы стоите недалеко от границы.

Я ответил, что личный состав полка хорошо понимает свою задачу и всегда готов выполнить воинский долг перед Родиной.

— Ну что ж, это похвально. Дайте полку сигнал “тревоги”.

Этого я, откровенно говоря, не ожидал, но не растерялся. Обращаясь к дежурному по полку, приказал:

— Дайте сигнал “боевой тревоги”.

Через час полк был собран в районе расположения. В. К. Блюхер очень внимательно проверил вьюки всадников, их вооружение, снаряжение и общую боевую готовность. Особенно тщательно он осмотрел пулеметный эскадрон и сделал довольно суровое замечание одному пулеметному расчету, у которого не была, как положено по тревоге, залита вода в пулемет и не имелось никакого ее запаса.

— Вы знаете, к чему эта оплошность приводит на войне? — спросил В. К. Блюхер.

Бойцы молчали и порядком краснели.

— Учтите эту ошибку, товарищи.

Осмотрев боевую готовность, В. К. Блюхер предложил вводную тактическую обстановку: условный “противник” находится на подходе к очень важному тактическому рубежу, стремится быстро захватить его. Расстояние от “противника” до рубежа 12 километров, расстояние между полком и “противником” приблизительно 25 километров, то есть тактически выгодный рубеж был на одинаковом расстоянии как от “противника”, так и от полка.

Терять время на ознакомление-командного состава с обстановкой и разъяснение боевой задачи было неразумно: “противник” выйдет к рубежу раньше нас. Принимаю решение: 1-му эскадрону с четырьмя станковыми пулеметами и одним орудием в качестве головного отряда двигаться за мной рысью. Боевая задача будет поставлена в пути. Главным силам полка под командой моего заместителя идти вслед за головным отрядом в трех километрах в готовности к встречному бою.

Двигаясь переменным аллюром, а где и галопом, головной отряд сумел захватить раньше “противника” тактически выгодный рубеж и организовать огонь, чтобы встретить его.

После отбоя В. К. Блюхер обратился к полку:

— Спасибо вам, товарищи бойцы и командиры, за честный солдатский труд. Все, что ваш полк показал сегодня, достойно похвалы. Я призываю вас свято хранить и приумножать боевые традиции славной Самарской кавалерийской дивизии, которая отлично дралась с белогвардейцами и интервентами. Будьте всегда готовы выполнить боевой приказ нашей великой Родины!

В ответ раздалось громовое “ура”. Было видно, что бойцов тронули и взволновали теплые слова В. К. Блюхера.

Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца.

Кто мог бы тогда подумать, что через тринадцать лет этот прославленный и безгранично преданный всеми фибрами своей души нашей Родине и партии знаменитый Блюхер будет оклеветан и бездоказательно обвинен во вражеской деятельности, а затем и уничтожен.

В конце июля 1924 года меня вызвал комдив Г. Д. Гай и спросил, как я работаю над совершенствованием своих знаний. Я ответил, что много читаю и занимаюсь разбором операций Первой мировой войны. Много материалов готовил к занятиям, которые проводил с командным составом полка.

— Это все хорошо и похвально, — сказал Г. Д. Гай, — но этого сейчас мало. Военное дело не стоит на месте. Нашим военачальникам в изучении военных проблем нужна более капитальная учеба. Я думаю, вам следует поехать осенью в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград. Это весьма полезно для вашей будущей деятельности.

Я поблагодарил и сказал, что постараюсь приложить все усилия, чтобы оправдать доверие.

Возвратившись в полк, не теряя времени, сел за учебники, уставы и наставления и начал готовиться к вступительным экзаменам. Экзамены оказались легкими, скорее даже формальными, и я был зачислен в первую группу. Тогда же на курсы поступили К. К. Рокоссовский, М. И. Савельев, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко и многие другие командиры полков.

В Ленинграде, как и большинство других слушателей, я был впервые. Мы с большим интересом знакомились с достопримечательностями города, ходили по местам исторических боев Октябрьской революции. Мог ли я тогда предположить, что через 17 лет мне придется командовать войсками Ленинградского фронта, защищавшими город Ленина от фашистских войск!

Высшей кавшколой руководил В. М. Примаков, легендарный герой гражданской войны, командир прославленной 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, наводившей в годы гражданской войны страх на белогвардейские войска. Плотный, среднего роста, с красивой шевелюрой, умными глазами и приятным лицом, В. М. Примаков сразу завоевал симпатии слушателей. Это был человек широко образованный. Говорил он коротко, четко излагая свои мысли.

Через некоторое время В. М. Примаков получил назначение на Украину, на должность командира казачьего корпуса, а вместо него был назначен М. А. Баторский, известный теоретик конного дела. Мы все были рады повышению В. М. Примакова и были уверены, что с его способностями он будет военачальником большого масштаба.

Нам тогда никому не могла прийти в голову мысль, что В. М. Примаков вместе с другими талантливыми советскими полководцами будет оклеветан и безвинно уничтожен в 1937 году.

Вскоре наша Высшая кавшкола была переформирована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), и время обучения сократили с двух лет до года.

Учебная нагрузка была очень велика. Приходилось после лекций много заниматься самостоятельно. Теперь, на склоне лет, порой удивляешься тогдашней выносливости и фанатическому упорству в освоении военных знаний.

Припоминаю случай, когда мне было поручено сделать в Военно-научном обществе доклад на тему “Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства”. Теперь эта тема не вызвала бы затруднений, ну а тогда... тогда я просто не знал, с какой стороны к ней подступиться, с чего начать и чем закончить. Помогли мне товарищи из нашей парторганизации. Доклад даже напечатали в бюллетене, издававшемся для слушателей ККУКС.

Хорошо запомнилась большая дружеская взаимопомощь в общественно-политической работе партийной организации Ленинграда и парторганизации наших курсов. Частыми гостями у нас были участники великих Октябрьских событий — рабочие ленинградских заводов и фабрик. Жадно слушали мы их рассказы о встречах с Владимиром Ильичем

Лениным, о штурме Зимнего. В свою очередь, мы выступали перед рабочими на предприятиях и рассказывали о борьбе против иностранных интервентов и белогвардейщины на фронтах гражданской войны. Многие из нас в недавнем прошлом сами были такими же рабочими, так что мы друг друга понимали с полуслова и дружба у нас была крепкая.

Часто у нас устраивались конноспортивные соревнования, на которых всегда бывало много ленинградцев. Особой популярностью пользовалась наша фигурная езда, конкур-иппик и владение холодным оружием, а летом гладкие скачки и стипль-чез. Во всех этих состязаниях непременными участниками были мы с К. К. Рокоссовским, М. И. Савельевым, И. Х. Баграмяном, Рыбалко, Тантлевским, Тросковым, Никитиным, Синяковым (к сожалению, не помню их имен) и другими спортсменами ККУКС.

В осенне-зимнее время занятия велись главным образом по освоению теории военного дела и политической подготовке. Нередко проводились теоретические занятия на ящике с песком и упражнения на планах и картах. Много занимались конным делом — ездой и выездкой, которые в то время командирам частей нужно было знать в совершенстве. Уделяли большое внимание фехтованию на саблях и эспадронах, но это уже в порядке самодеятельности, за счет личного времени.

Летом 1925 года мы были заняты главным образом полевой тактической подготовкой, которая проходила под непосредственным руководством начальника курсов Михаила Александровича Баторского. Очень много знаний и опыта передал он нам.

Приходится с болью в душе сожалеть, что и его не миновала тяжелая судьба. В 1937 году он был оклеветан и трагически погиб.

Учеба на ККУКС заканчивалась форсированным маршем на реку Волхов. Здесь мы обучались плаванию с конем и форсированию водного рубежа.

Плавание с конем через реку — дело довольно сложное. Мало самому уметь хорошо плавать в одежде, нужно еще научиться управлять плывущим конем. В подготовке конницы овладению этими навыками уделячось большое внимание.

Припоминаю один забавный случай во время учений на реке Волхов. Когда закончились занятия, слушатель нашего отделения командир 42-го кавполка Михаил Савельев, желая блеснуть кавалерийской удалью, предложил показать технику переправы, стоя на седле, чтобы не замочить обмундирования и снаряжения.

Начальство согласилось, но дало указание на всякий случай держать на реке пару лодок для страховки. Перекинув стремена через седло, Савельев смело въехал в реку. Лошадь, пройдя мель, поплыла, а всадник уверенно стоял на седле, держась за трензельные поводья. Вначале все шло хорошо, но примерно на середине реки лошадь, видимо, утомившись, стала волноваться. И как ни балансировал на седле всадник, он все же полетел вниз головой и скрылся под водой. Если бы не страховочные лодки, быть беде. Лошадь одна выплыла на берег, а вскоре причалила лодка с Савельевым, с которого ручьями стекала вода. Конечно, его встретили громким смехом и шутками, но ему-то было не до смеха — с переправой осрамился да еще в воде сапоги потерял. Они у него во время переправы были перекинуты через шею. Так и пришлось до казармы ехать в одних носках...

По окончании курсов М. Савельев, командир эскадрона 37-го Астраханского полка Н. Рыбалкин и я решили возвратиться к месту службы в Минск не поездом, а пробегом на конях. Предстояло пройти 963 километра по полевым дорогам. Маршрут намеченного пробега проходил через Витебск, Оршу, Борисов.

Представив командованию ККУКС свой план, мы получили разрешение на пробег, но, к сожалению, организовать контрольные пункты, обслуживание и питание в пути нам не могли. От своего решения мы все же не отказались, хотя заранее знали трудности, с которыми придется встретиться, тем более что уже вступала в свои права холодная и дождливая осень. Расстояние 963 километра мы решили пройти за 7 суток. Такого группового спортивного пробега ни у нас в Советском Союзе, ни в других странах тогда еще не было. При благоприятных условиях мы рассчитывали установить мировой рекорд в групповом конном пробеге.

Основной целью этого эксперимента являлась проверка пригодности скакового тренинга к форсированным переходам на дальние расстояния.

Ранним осенним утром 1925 года у Московской заставы Ленинграда собрались наши друзья и представители командования ККУКС, чтобы пожелать нам счастливого пути.

Двинувшись в путь-дорогу, мы решили идти переменным аллюром, то есть шаг рысь, и изредка применять галоп. В первый День мы прошли меньше, чем планировали, на 10 километров, так как чувствовалось, что лошади устали, да к тому же захромала моя лошадь, чистокровная кобылица Дира: ей было уже 12 лет, а для лошади это преклонный возраст.

Мы порядком устали, хотелось скорее отдохнуть. Крестьяне встретили нас радушно: накормили нас как следует, покормили лошадей.

Утро для меня началось неудачно — лошадь все еще хромала. Залив воском прокол и забинтовав копыто, я решил провести Диру в поводу. К счастью, скоро лошадь перестала прихрамывать. Сел верхом. Нет, ничего, не хромает. Пошел рысью — хорошо. Чтобы уменьшить нагрузку на правую больную ногу, решил идти Дальше только шагом и галопом с левой ноги.

Моим товарищам было значительно легче идти на здоровых конях, я чаще спешивался, вел лошадь в поводу и сам, разумеется, больше уставал физически. Зато друзья на остановках брали на себя заботу по розыску корма и уходу за лошадьми.

На седьмой день пробега, оставив позади Борисов, мы подошли к Минску. На окраине города увидели множество людей с красными флагами и транспарантами. Оказалось, нас встречают однополчане и местные жители. Дав шпоры, на полевом галопе подскакали к трибуне и отрапортовали начальнику гарнизона и председателю горсовета о благополучном завершении пробега. Нас приветствовали овацией.

Через два дня состоялась контрольная двухкилометровая скачка с препятствиями, смотр и взвешивание. Они показали хорошие результаты, и пробег наш получил положительную оценку. Кони за семь суток потеряли в весе от 8 до 12 килограммов, а всадники — 5—6 килограммов.

Получив правительственные премии и благодарность командования, мы отбыли в краткосрочные отпуска. Я поехал в деревню повидать мать и сестру.

Мать за годы моего отсутствия заметно сдала, но по-прежнему много трудилась. У сестры уже было двое детей, она тоже состарилась. Видимо, на них тяжело отразились послевоенные годы и голод 1921 — 1922 годов.

С малышами-племянниками у меня быстро установился контакт. Они, не стесняясь, открывали мой чемодан и извлекали из него все, что было им по душе.

Деревня была бедна, народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не осталось после неурожайного 1921 года. Но, что удивительно, за редким исключением, никто не жаловался. Народ правильно понимал послевоенные трудности.

Кулаки и торговцы держались замкнуто. Видимо, еще надеялись на возврат прошлых времен, особенно после провозглашения новой экономической политики. В районном центре — Угодском Заводе вновь открылись трактиры и частные магазины, с которыми пыталась конкурировать начинающая кооперативная система.

Возвратившись в дивизию, я узнал, что она переходит на новые штаты и вместо шести кавалерийских полков будет иметь четыре. Вверенный мне 39-й Бузулукский кавполк вливался в 40-й, а 41-й и 42-й кавполки переформировывались в новый, 39-й Мелекесско-Пугачевский кавполк.

Для меня и М. И. Савельева — командира 42-го кавполка этот вопрос имел личное значение. Один из нас должен был получить новый, 39-й полк, а второй подлежал откомандированию в другое соединение. Понятно, каждому хотелось остаться в своей дивизии, к которой мы привыкли, как к родной семье.

Начальство остановило свой выбор на мне, а М. И. Савельев получил другое назначение. Я понимал его огорчение, но расстались мы по-приятельски и потом встречались как старые друзья.

Прежние кавполки дивизии были четырехэскадронного состава, а новые в соответствии с перестройкой, вызванной военной реформой, формировались в шестиэскадронном составе, каждые два эскадрона объединялись в кавалерийский дивизион. Кроме того, в полку были пулеметный эскадрон 16-пулеметного состава, полковая батарея, отдельный взвод связи, отдельный саперный взвод, отдельный химический взвод и полковая школа по подготовке младшего командного состава.

Для меня и для всего коллектива полка вновь наступила горячая рабочая пора.

Важнейшим мероприятием военной реформы явилось практическое введение единоначалия в Советских Вооруженных Силах. Оно проводилось в двух основных формах. В тех случаях, когда командир был коммунистом, он обычно становился одновременно и комиссаром, объединяя в своих руках руководство боевой подготовкой, административно-хозяйственной деятельностью и всей партийно-политической работой. У него имелся помощник по политической части.

Такая важная мера укрепления дисциплины и боевой готовности в армии уже могла быть в те годы осуществлена с полным основанием, ибо значительно изменился к лучшему состав командиров.

Если же командир был беспартийным, он отвечал только за боевую подготовку и административно-хозяйственные функции, а партийно-политической работой руководил комиссар, который вместе с командиром нес ответственность за моральное состояние и боевую готовность части.

В одном из приказов Реввоенсовета того времени по этому поводу говорилось: “Постоянно помня, что задачей Советской власти в области военного строительства является установление единоличного командования, комиссар должен, с одной стороны, всемерно вовлекать командира, с коим связан, в сферу коммунистических идей, а с другой стороны, сам должен внимательно изучать военное дело, дабы с течением времени занять командную или административную должность”{24}.

Помнится, весной 1925 года мы получили директивное письмо ЦК партии, направленное всем партийным организациям, “О единоначалии в Красной Армии”. В нем разъяснялось, что в результате всей предшествующей работы партии и военных органов по укреплению Красной Армии в целом и ее командных кадров в частности создались вполне благоприятные условия для проведения в жизнь принципа единоначалия.

Некоторые товарищи, их, правда, было меньшинство, полагали тогда, что единоначалие может привести к уменьшению влияния партии в армии. Но ведь командиром-единоначальником становился коммунист. Поэтому роль партии не только не ослаблялась, а, наоборот, усиливалась. Возрастала ответственность командира перед партией за все стороны жизни в армии. При этом значительно укреплялась дисциплина и повышалась боевая готовность наших вооруженных сил.

В практической работе взаимоотношения командира и комиссара, политработника все время упрочивались и совершенствовались. Забегая вперед, напомню, что в 1928 году по указанию ЦК партии приказом РВС было введено Положение о комиссарах, командирах-единоначальниках и помощниках по политической части. Этим положением за комиссаром закреплялись партийное и политическое руководство и ответственность за морально-политическое состояние части (соединения), он полностью освобождался от контрольных функций.

После окончания ККУКС мне легче работалось. Появилась уверенность и самостоятельность в вопросах боевой и политической подготовки и управления полком.

Тем временем дела в нашем полку пошли неплохо. Зимой 1926 года я был вызван комиссаром 3-го кавкорпуса А. П. Крохмалем и комкором С. К. Тимошенко, который вступил в командование корпусом в феврале 1925 года.

Войдя в кабинет, я увидел, что там находятся также наш комдив К. Д. Степной-Спижарный, комиссар дивизии Г. М. Штерн и начальник политотдела Л. И. Бочаров.

— Мы вас вызвали, чтобы предложить вам взять на себя одновременно с обязанностями командира полка и обязанности комиссара полка, то есть быть единоначальником, —

сказал С. К. Тимошенко. — Командование дивизии и политотдел считают вас для этого подготовленным. Что вы по этому поводу думаете?

Помолчав, кажется, несколько дольше, чем следует, ответил, что при надлежащей помощи командования и политотдела дивизии надеюсь справиться с новыми для меня обязанностями.

Через несколько дней я был назначен единоначальником. В 7-й кавдивизии это был первый такой опыт, что ко многому обязывало.

Моим заместителем по политчасти был назначен Фролков (к сожалению, не помню его имени), и я был обязан ему за практическую помощь. Секретарем партийного бюро полка был избран политрук школы А. В. Щелаковский. Он вместе с Фролковым крепко помогал мне, и оба они были принципиальными коммунистами. Они не стеснялись, когда меня надо было по-партийному поправить, дать добрый совет. Не имея опыта в новой работе, я, естественно, на первых порах допускал некоторые ошибки, и дело от этих поправок только выигрывало.

Чтобы правильно руководить политическим воспитанием, старшие начальники должны быть в этой области намного образованнее своих подчиненных. В те годы мы, строевые командиры, в вопросах боевой подготовки росли быстрее и были сильнее, чем в овладении основами марксистско-ленинской теории.

С одной стороны, происходило это потому, что каждый из нас был перегружен административной работой, вопросами боевой подготовки и военного самообразования, а с другой стороны — многие недооценивали необходимость глубокого изучения марксистско-ленинской теории и организационно-партийной работы в армии. Конечно, политработники в этом отношении были подготовлены лучше нас, строевых командиров.

Вскоре дивизию принял комдив Д. А. Шмидт, прибывший с Украины. По своему характеру, опыту и стилю работы он резко отличался от своего предшественника К. Д. Степного-Спижарного. Тот был суетлив, любитель многословия, даже, можно сказать, излишне болтлив. Д. А. Шмидт — умница, свои мысли выражал кратко, но, к сожалению, не любил кропотливо работать.

Летом 1926 года дивизия выехала в лагеря. Нам был отведен живописный участок в районе Ждановичей, примерно в 20 километрах от Минска.

В лагерях шла напряженная боевая подготовка. Особое внимание уделялось полевой тактической подготовке подразделений, командного состава, штаба и части в целом. Надо сказать, что из всех военных дисциплин я больше всего любил тактику и всегда с особым удовольствием ею занимался.

Как известно, армия — это инструмент войны, она существует для вооруженной борьбы с врагами Родины, и к этой борьбе она прежде всего должна быть подготовлена тактически. В противном случае она будет вынуждена доучиваться в ходе сражений, неся при этом большие потери.

Для выработки тактических навыков в нашем полку проводилось много показных и инструктивно-методических занятий по обучению разведке, организации боя и взаимодействию с техническими средствами борьбы.

Венцом всей тактической подготовки для частей, как известно, являются маневры. Начиная с 1925 года, в Белорусском военном округе маневры проводились ежегодно после лагерного периода.

В этих маневрах принимала участие и 7-я кавалерийская дивизия, и я не помню ни одного случая, чтобы она получила от руководства плохую оценку за тактическую подготовку. Это в значительной степени определялось отношением наших командиров к тактическим занятиям. Надо сказать, что все командиры полков нашей дивизии были довольно грамотными в области тактики и занимались ею с увлечением.

37-м кавполком в то время командовал В. Т. Вольский. В ноябре 1942 года он командовал мехкорпусом в составе Сталинградского фронта, вместе с 51-й армией его корпус наносил удар в общем направлении на Калач, где соединился с частями Юго-Западного фронта. Во главе 38-го кавполка стоял В. А. Гайдуков. В Великую Отечественную войну он командовал корпусом и другими соединениями. Конноартиллерийским дивизионом командовал Адамович — брат Председателя СНК Белоруссии И. А. Адамовича. Короче говоря, это были весьма опытные и тактически грамотные командиры, имевшие опыт войны. Опытные командиры были и в других частях дивизии.

Большое внимание уделялось спортивной и физической подготовке. Все мы, бывалые солдаты, лучше, чем кто-либо другой, знали, что только закаленные, крепкие бойцы способны вынести тяжесть войны. От подготовки каждого бойца зависит и успех части в целом. На войне, как известно, приходится в любую погоду, днем и ночью, по дорогам и вне дорог совершать напряженные и форсированные марши и марш-броски, с ходу развертываться в боевые порядки для стремительной атаки на врага и часто преследовать его после боя до полного разгрома и уничтожения. В случае неудачного исхода сражения важно быстро выходить из боя и производить новые перегруппировки. Все это под силу лишь физически подготовленной части. Иначе она быстро “выдохнется” и везде и всюду будет опаздывать, нести большие потери, а может и просто стать жертвой своей неподготовленности.

Надо сказать, что 39-й кавалерийский полк во всех видах конного спорта был главным конкурентом на призовые места среди лучших частей конницы Белорусского военного округа. Нам удалось сколотить в полку активную группу спортсменов, в которую входили многие командиры. Я и сам постоянно занимался всеми видами конного спорта.

Несколько слабее шло дело со стрельбой из всех видов оружия. Здесь нас всегда били снайперские команды 40-го кавполка. А по конному спорту, наоборот, мы всегда оставляли его позади, и не только этот полк, но и другие части корпуса.

Видимо, наших соперников это очень “заедало”, и они стремились “обскакать” нас любой ценой, пускаясь даже на хитрости и недозволенные приемы.

Как-то на окружных конных состязаниях, желая блеснуть мастерством и показать особую физическую выносливость коня, один из командиров 6-й кавдивизии на полпути пробега заранее спрятал в лесу другого коня, схожего по масти с тем, на котором он вышел со

старта. Проскакав с предельной резвостью первую половину пробега, этот ловкач отдал полузагнанного коня своему ординарцу, а сам пересел на спрятанную лошадь и так же лихо закончил дистанцию. При всеобщем ликовании болельщиков ему вручили первый окружной приз. Однако счастье оказалось недолгим: вскоре эта проделка была раскрыта и виновник получил по заслугам. Но соперники наши все же не успокоились: то во время скачек “зажмут” явного конкурента в “коробочку”, то во время рубки своим спортсменам ставят сырую лозу, а нам засушенную, чтобы затруднить ее рубку клинком, и т.д.

Помню приезд в полк Семена Михайловича Буденного. Раньше мне не приходилось встречаться с Семеном Михайловичем. Но я хорошо знал его заслуги перед Родиной в борьбе с белогвардейшиной и интервентами, и мне очень хотелось познакомиться с легендарным командармом Первой конной.

Как-то утром весной 1927 года раздался телефонный звонок. Звонил комдив Дмитрий Аркадьевич Шмидт.

У вас в полку, наверное, будет Семен Михайлович Буденный, надо его встретить.

— В какое время и как надо встретить?

Когда — точно не знаю. Вначале он будет в 37-м полку, потом будет в 38-м, а затем у вас, в 39-м. А как встретить — решайте сами, вы командир.

Я понял, что комдив не имеет в виду какие-либо особо торжественные церемонии и что С. М. Буденного надо встретить обычно, как положено встречать по уставу старшего начальника.

Днем мне позвонил командир 38-го полка В. А. Гайдуков:

— Встречай гостей, поехали к тебе.

Разговаривать не было времени. Собираю своих ближайших помощников: заместителя по политчасти Фролкова, секретаря партбюро полка А. В. Щелаковского, завхоза полка А. Г. Малышева. Выходим вместе к подъезду и ждем. Минут через пять в ворота въезжают две машины. Из первой выходят С. М. Буденный и С. К. Тимошенко. Как положено по уставу, я рапортую и представляю своих помощников. С. М. Буденный сухо здоровается со всеми, а затем, повернувшись к С. К. Тимошенко, говорит: “Это что-то не то”. С. К. Тимошенко ответил: “Не то, не то, Семен Михайлович. Нет культуры”. Я несколько был обескуражен и не знал, как понимать этот диалог между С. М. Буденным и С. К. Тимошенко, и чувствовал, что я допустил какой-то промах, что-то недоучел при организации встречи.

Обращаюсь к С. М. Буденному:

— Какие будут указания?

— А что вы предлагаете? — спрашивает, в свою очередь, Семен Михайлович.

— Желательно, чтобы вы посмотрели, как живут и работают наши бойцы и командиры.

— Хорошо, но прежде всего хочу посмотреть, как кормите солдат.

В столовой и кухне Семен Михайлович подробно интересовался качеством продуктов, их обработкой и приготовлением, сделал запись в книге столовой, объявив благодарность поварам и начальнику продовольственной службы полка. Затем, проверив ход боевой подготовки, Семен Михайлович сказал:

— Ну, а теперь покажите нам лошадей полка.

Даю сигнал полку “на выводку”. Через десять минут эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная.

Просмотрев конский состав, Семен Михайлович поблагодарил красноармейцев за отличное содержание лошадей, сел в машину и сказал: “Поедем, Семен Константинович, к своим в Чонгарскую” — и уехал в 6-ю Чонгарскую дивизию. Когда машины ушли мы молча смотрели друг на друга, а затем секретарь партбюро полка А. В. Щелаковский сказал: “А что же мы — чужие, что ли?” Фролков добавил: “Выходит, так”.

Через полчаса к полк приехал комдив Д. А. Шмидт. Я ему с исчерпывающей полнотой доложил все, что было при посещении С. М. Буденного. Комдив улыбнувшись сказал: “Надо было построить полк для встречи, сыграть встречный марш и громко кричать “ура”, а вы встретили строго по уставу. Вот вам и реакция”. Замполит полка Фролков сказал: “Выходит, что не живи по уставу, и живи так, как приятно начальству. Непонятно для чего и для кого пишутся и издаются наши воинские уставы”.

Приезжал к нам в полк и командующий Белорусским военным округом Александр Ильич Егоров. Из рассказов товарищей, которым довелось работать вместе с Александром Ильичем, я знал, что он выходец из крестьянской семьи, работал кузнецом-молотобойцем. Образование получил собственными усилиями, а после призыва в царскую армию поступил в военную школу и заслужил офицерское звание. Последний период в старой армии он служил в чине подполковника. В июле 1918 года А. И. Егоров вступил в партию большевиков и до конца своих дней был верным и стойким членом партии.

В годы гражданской войны А. И. Егоров проявил себя талантливым полководцем, командуя Южным фронтом до полного разгрома белогвардейских армий Деникина, а затем Юго-Западным фронтом, действовавшим против белополяков.

После успешного окончания гражданской войны прославленный полководец А. И. Егоров командовал различными военными округами и в 1931 году был назначен начальником Штаба РККА. А. И. Егоров был награжден четырьмя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием. В 1935 году ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В наш полк А. И. Егоров приехал неожиданно. Это было в 1927 году после Пленума ЦК Компартии Белоруссии, в котором он участвовал. Я проводил очередное занятие по тактике, когда мне доложили о приезде командующего.

А. И. Егоров захотел присутствовать на занятиях, тема которых была “Скрытый выход кавполка во фланг и тыл противника и стремительная атака на врага”.

Все шло довольно гладко, решения командиров подразделений были смелыми и инициативными. Командующий был в хорошем настроении, много шутил, это способствовало непринужденному настроению у всех присутствовавших.

После моего заключения А. И. Егоров сделал ряд замечаний и пожеланий. Особенно запомнилось его указание о том, что мало учить наших командиров только тактике, надо обязательно учить их разбираться в оперативном искусстве, учитывая, что война, если она будет развязана врагами нашей Родины, обязательно потребует от многих из нас знаний и в области оперативного искусства.

После занятий командующий спросил:

— А как обстоят дела с разработкой мобилизационного плана полка?

— Над мобпланом полка мы много работали, но у нас возникли некоторые вопросы, на которые высшее начальство ответа пока не дало,— ответил я.

— Ну что же, давайте посмотрим мобплан полка и ваши вопросы, — сказал А.И. Егоров.

Примерно час мы с начштаба докладывали о разработке мобплана и отвечали на вопросы командующего, после чего он сказал:

— Неплохо, неплохо. Что же вам не ясно?

— Сложность нашего положения заключается в близости государственной границы. По тревоге мы вынуждены были бы выступать в большом некомплекте. Кроме того, полк должен был еще выделить из наличного состава кадры на формирование вторых эшелонов. Вступление в первый бой с врагом в ослабленном составе может отразиться на моральном состоянии личного состава, — заключил я.

— Это верно, — сказал А. И. Егоров, — но у нас нет иного выхода. А формировать вторые эшелоны частей необходимо. Врага нельзя недооценивать. Надо готовиться к войне по-серьезному, готовиться драться с умным, искусным и сильным врагом Ну, а если враг на деле окажется менее сильным и недостаточно умным — это будет только нашим преимуществом.

А. И. Егоров интересовался многим: и состоянием неприкосновенных запасов, и общежитием солдат, и тем, как устроен начальствующий состав. Мы доложили, что командный состав в основном живет по частным квартирам, занимая, как правило, одну комнату на семью.

В то время, помнится, мы добровольно сдавали личные ценности в золотой фонд страны на строительство фабрик и заводов. А. И. Егоров поинтересовался и этим.

— Ну, а что сдал сам командир полка? — спросил он.

— Четыре призовых серебряных портсигара, полученных мною на конноспортивных состязаниях, золотое кольцо и серьги жены. Собственно говоря, так поступали все.

Командующий оглядел нас и сказал:

— Очень хорошо, товарищи, иначе и быть не может!

Если не ошибаюсь, в 1927 году в дивизию приезжала делегация английских рабочих, которая выразила желание взять над ней шефство. Они вручили нам Красное знамя. С тех пор 7-я кавалерийская дивизия стала называться дивизией “Имени английского пролетариата”.

Дела в дивизии особенно оживились, когда комдива Д. А. Шмидта сменил серб Данило Сердич, прославленный командир Первой конной армии. Д. Сердич сразу развил активную деятельность и сумел завоевать авторитет у командиров частей. Мне он нравился своей высокой требовательностью, беспокойной заботливостью о постоянном совершенствовании боевой и политической подготовки. Д. Сердич активно вникал во все вопросы партийной жизни и был полноценным единоначальником. В личной жизни он был весьма скромен.

Все полевые учения дивизии и участие в окружных маневрах при Даниле Сердиче проходили поучительно и неизменно приносили 7-й Самарской кавалерийской дивизии заслуженную славу. Все мы чувствовали свой оперативно-тактический рост и знали, что в этом большая личная заслуга нашего комдива. Словом, он был достойным командиром и умелым воспитателем. К сожалению, в период культа личности он был оклеветан и в 1937 году трагически погиб.

В январе 1930 года командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии был назначен К.К. Рокоссовский. Несколько позднее, в мае того же года, я был назначен командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии.

С Константином Константиновичем Рокоссовским, как я уже упоминал, мы вместе учились в 1924—1925 годах в Ленинграде на ККУКС и хорошо знали друг друга. Ко мне он относился с большим тактом. В свою очередь, я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт в руководстве боевой подготовкой и воспитании личного состава. Я приветствовал его назначение и был уверен, что К. К. Рокоссовский будет достойным командиром старейшей кавалерийской дивизии. Так оно и было. Кавалерийским полком я командовал почти семь лет. Это была хорошая школа. Кроме богатой практики, за этот период я получил значительную теоретическую, оперативно-тактическую подготовку, участвуя в окружных маневрах, дивизионных и корпусных учениях и военных играх. Как командир-единоначальник, глубже понял руководящую, организующую роль нашей партии в строительстве и в повседневной деятельности частей Красной Армии.

Конечно, все это давалось нелегко, были в работе и ошибки. Но кто не ошибается? Разве тот, кто работает только по указке сверху, не проявляя в работе творческой инициативы. Вообще говоря, дело, на мой взгляд, не столько в ошибках, сколько в том, как скоро они замечаются и устраняются.

Меня упрекали в излишней требовательности, которую я считал непременным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в повелении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям.

Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям военным, которым придется на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину.

2-я бригада, которой я должен был командовать, состояла из двух кавалерийских полков — 39-го и 40-го. Мне предстояло тщательно изучить состояние дел в 40-м кавполку, которым в то время командовал Ивлев — выходец из бывших офицеров царской армии, человек малообщительный. Конное дело он не любил. Однако хорошо знал огневую подготовку и внимательно занимался ею. В этом отношении его полк всегда был впереди.

Может быть, вследствие многолетней привычки к 39-му кавполку, с людьми которого сроднился, мне казалось, что 39-й полк лучше подготовлен в боевом отношении и более организован. Однако я понимал, что командиры и политработники 40-го кавполка, которым также дорога честь своего полка, могут болезненно реагировать, если я буду выставлять 39-й кавполк как образец, по которому нужно равняться.

Поэтому все хорошее, что было у 40-го кавполка, даже мелочи, старался отмечать, ставить в пример другим частям. Мы часто устраивали различные показательные занятия обоих полков по тактической, огневой, конной подготовке, а также по вопросам политической подготовки и воспитательной работы. И этот метод очень скоро дал положительные результаты, 2-я бригада стала ведущей в 7-й Самарской кавалерийской дивизии, что не раз отмечалось, и это всех нас радовало.

Короче говоря, все мы работали дружно, с увлечением. Командиры в своей работе умело опирались на партийные организации, направляли активность и энергию всего личного состава на повышение постоянной боевой готовности.

Можно было бы привести много примеров, но я думаю, что в этом нет необходимости. Ограничусь лишь тем, что хорошо запомнилось.

Как-то зашел ко мне секретарь партбюро 39-го полка с предложением расширить обмен опытом работы полков в масштабе всей бригады.

На совместном совещании партбюро полков решено было провести методическое занятие с группой бойцов, где показать, как надо разъяснять наиболее отстающим красноармейцам линию партии в сложных вопросах.

Первое занятие провел политический руководитель эскадрона 39-го полка Борис Афанасьевич Жмуров и, надо отдать ему должное, провел блестяще.

Затем по инициативе политработников 40-го полка были собраны самые недисциплинированные красноармейцы, с тем чтобы в откровенной беседе выяснить причины их проступков. Оказалось, что значительное число нарушений совершалось не столько по вине самих красноармейцев, но и потому, что их командиры и политработники не знали характера и индивидуальных особенностей своих бойцов, не всегда справедливо расценивали их поведение. В результате эти командиры теряли свой авторитет. И красноармейцы нередко поступали назло таким начальникам.

Надо сказать, что подобные откровенные беседы были очень полезны и красноармейцам, и их начальникам.

В конце 1929 года я был командирован в Москву для прохождения курсов по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС). Разместили нас в гостинице ЦДКА. Занятия проходили на улице Фрунзе в здании Наркомата обороны, где были учебные классы и кабинеты. Учеба на КУВНАС проводилась на весьма высоком уровне. Нашим групповым руководителем был заместитель В. К. Блюхера Михаил Владимирович Сангурский, очень знающий человек. Все лекции и доклады, которые он читал по вопросам военной науки, были хорошо аргументированы примерами из Первой мировой и гражданской войн. И другие наши преподаватели были большими специалистами как в области тактики, так и в области оперативного искусства.

Все слушатели курсов увлекались военной теорией, гонялись за каждой книжной новинкой, собирали все, что можно было собрать из литературы по военным вопросам, чтобы увезти с собой в части. В то же время уже складывалась советская военная наука. Первое место в ней по праву принадлежало трудам М. В. Фрунзе.

В собрании его сочинений, которое появилось в 1929 году, развивались вопросы о соотношении человека и техники в будущей войне и о характере этой войны, о гармоническом развитии всех видов вооруженных сил, роли тыла и фронта. М. В. Фрунзе отстаивал необходимость создания единой военной доктрины, устанавливающей характер строительства вооруженных сил, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер и способы разрешения военных задач. М. В. Фрунзе глубоко обобщил опыт гражданской войны, развил положения, которые потом легли в основу системы уставов и наставлений, без которых существование армии нового типа — советской Красной Армии — было бы невозможно.

В конце 20-х годов вышел в свет серьезный труд Б. М. Шапошникова “Мозг армии”, в котором был проанализирован большой исторический материал, всесторонне обрисована роль Генерального штаба, разработаны некоторые важные положения по военной стратегии. Им были написаны также такие известные работы, как “Конница”, “На Висле”.

Дело прошлое, но и тогда, и сейчас считаю, что название книги “Мозг армии” применительно к Красной Армии неверно. “Мозгом” Красной Армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного военного вопроса не принималось без участия Центрального Комитета. Название это скорее подходит к старой царской армии, где “мозгом” действительно был генеральный штаб.

Несколько крупных военно-исторических произведений, в том числе “Разгром Деникина”, принадлежат перу А. И. Егорова.

К тому же времени относится начало публикации работ одного из самых талантливых наших военных теоретиков — М. Н. Тухачевского. Ему принадлежит много прозорливых мыслей о характере будущей войны. М. Н. Тухачевский глубоко разработал новые положения теории, тактики, стратегии, оперативного искусства, показал неразрывную связь принципов и практики военного строительства с общественным строем и производственной базой страны.

Бурные обсуждения вызвала у нас книга заместителя начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллова “Характер операций современных армий”, которая сразу приобрела широкую популярность. В книге высказывались смелые и глубокие взгляды на состояние и перспективы развития армий того времени, обрисовывались основные пути их технического оснащения и организации. Относительно роли танков в будущей войне В. К. Триандафиллов писал:

“В крупном тактическом значении танков для будущей войны теперь никто не сомневается. Имеющиеся к данному времени увеличение автоматического оружия в пехоте, тенденция дальнейшего увеличения и качественного улучшения этого оружия, широкое распространение искусственных препятствий в обороне и отставание средств подавления (артиллерии) от средств обороны выдвигают танки как одно из могущественных наступательных средств для будущей войны”{25}.

Во второй части работы В. К. Триандафиллова исследовались проблемы оперативного искусства, данные о наступательных и оборонительных возможностях дивизии, корпуса, армии, группы армий, рассматривались вопросы подхода к полю сражения, длительности и глубины операции, ширины фронта наступления, оборонительных операций и т.д. В. К. Триандафиллов очень рано умер— он трагически погиб в 1931 году в авиационной катастрофе. Его разработки, связанные с будущей войной, важнейшими положениями советской военной стратегии и оперативного искусства, к сожалению, так и не были доведены до конца.

Много ценного и по-настоящему интересного для каждого профессионального военного содержалось в работах С.С. Каменева, А. И. Корка, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других наших крупных военачальников и теоретиков. Одним словом, пищи для ума нам хватало, не успевали только все это освоить...

На занятиях на КУВНАС царила творческая обстановка, часто разгорались споры. Помню, больше всего мы спорили с Александром Васильевичем Горбатовым. В то время он командовал бригадой во 2-м кавкорпусе. А. В. Горбатов был хорошо подготовленным и эрудированным командиром, с ним было интересно подискутировать.

Здесь, на КУВНАС, слушатели основательно проработали ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомились с образцами новой техники и вооружения, которые поступали в части Красной Армии.

Как была в то время технически оснащена Красная Армия? В 1920—1925 годах нам в основном приходилось довольствоваться вооружением, оставшимся от старой царской армии, слабой и отсталой в этом отношении. Современной боевой техникой промышленность еще не могла снабдить Красную Армию. Однако принимались всевозможные меры но улучшению технического состояния армии и флота.

На III Всесоюзном съезде Советов специально обсуждался вопрос о создании прочной экономической базы обороны СССР и обеспечении Красной Армии новой военной техникой. Тогда же по указанию ЦК партии начался пересмотр стрелкового, артиллерийского и авиационного вооружения старых систем, для того чтобы отобрать лучшее и усовершенствовать его. Увеличиваются ассигнования на техническое оснащение армии, восстанавливаются предприятия металлопромышленности, в том числе оборонные.

Создание отечественной авиации и флота партии удалось с самого начала превратить буквально во всенародное дело. Еще в 1921 году Совет Труда и Обороны принял специальное постановление о разработке программы-минимум в строительстве воздушного флота. На его развитие отпускались десятки миллионов золотых рублей. Весной 1923 года создается добровольное общество друзей воздушного флота, которое за два года собрало 6 миллионов рублей золотом. На эти средства было построено свыше 300 боевых самолетов. В итоге уже в 1925 году были прекращены закупки самолетов за рубежом.

С 1922 года комсомол — шеф Военно-Морского Флота. За три призыва добровольцев на флот прибывают 8 тысяч комсомольцев. Происходит восстановление и организационное укрепление военно-морских сил, которые тогда состояли из Балтийского и Черноморского флотов, отрядов кораблей на Баренцевом, Каспийском и Белом морях, а также несколько озерных и речных флотилий. Модернизацию и капитальный ремонт на Балтике проходят линейный корабль “Октябрьская революция” (бывший “Гангут”), семь эскадренных миноносцев, достраивается крейсер “Профинтерн”, на Черном море входят в строй крейсер “Червона Украина”, около 60 отремонтированных кораблей и вспомогательных судов. В целом же восстановление и модернизация кораблей Военно-Морского Флота в основном заканчиваются к 1928 году.

Для создания отечественной военной техники, разработки новых современных образцов вооружения необходим был подъем творческой конструкторской мысли. В 1924 году РВС СССР утверждает Положение о комиссии по военным изобретениям и состав комиссии, в которую вошли С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт и другие. Создается ряд научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Работу Косартопа (Комиссии особых артиллерийских опытов) консультируют такие видные ученые, как А.Н. Крылов и С.А. Чаплыгин, организуется опытное строительство новых отечественных образцов самолетов и авиационных двигателей в знаменитом ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте). Здесь талантливые конструкторы Н. Н. Поликарпов, А. Н. Туполев и другие конструируют опытные образцы истребителей и бомбардировщиков, среди них— ТБ-1, по летно-техническим данным превосходивший зарубежные самолеты этого типа.

Выдающимися трудами в области реактивного двигателя и космических полетов обогащают советскую науку К. Э. Циолковский и Ф. А. Цандер, всемерно поддерживаются работы в области стрелкового оружия талантливых изобретателей Н. И. Тихомирова. Ф. В. Токарева и других. В 1927 году В. А. Дегтярев совместно с В. Г. Федоровым создают ручной пулемет новой системы, который по конструктивным и боевым качествам превосходил пулеметы иностранных марок. Тогда же мы получили отечественную полковую пушку калибра 76 миллиметров, а затем — зенитную пушку.

Однако в целом техническая оснащенность Красной Армии двадцатых годов была, конечно, на низком уровне. Сказывалось трудное экономическое положение страны, недостаточное развитие военной промышленности. Не хватало станковых и особенно ручных пулеметов, еще не было автоматической винтовки, а старая “трехлинейка” нуждалась в модернизации. Конструктивно устарела и была изношена артиллерия. К концу 20-х годов она насчитывала только 7 тысяч орудий, и то в основном легких. Зенитной, танковой и противотанковой артиллерии не было вовсе. К 1928 году имелось лишь 1394 военных самолета, в основном старой конструкции, и около 100 танков и

бронемашин. Армия была очень слабо моторизована: к концу 1928 года в войсках было лишь 350 грузовых и 700 легковых автомобилей, 300 гусеничных тракторов. Но ведь до 1928 года у нас не было ни автомобильной, ни тракторной промышленности{26}.

А в это время крупные империалистические государства усиленно наращивали свои вооруженные силы. В случае войны Англия, например, могла бы выпускать 2500 танков в месяц, Франция — 1500, десятки тысяч самолетов насчитывались в их военно-воздушных силах, быстро осуществлялась моторизация войск. Словом, наши недавние (и потенциальные) противники далеко ушли вперед в области вооружения по сравнению с Первой мировой войной.

Сопоставляя эти данные, еще и еще раз думаешь: с каких же разных позиций, объективно определенных нам историей, мы начинали свое соревнование с капиталистическим миром! И, естественно, рождается чувство большой патриотической гордости за тот общественный строй, благодаря которому удалось и догнать и перегнать в военном отношении, притом в кратчайшие сроки, наиболее развитые мировые державы, за тот народ и армию, которые сумели разгромить потом самого мощного империалистического противника.

Итак, было ясно: только создание в стране развитой промышленности могло дать Красной Армии и Флоту современное вооружение. Только индустриализация могла обеспечить обороноспособность Советского Союза. Техника должна была решить все. И наши военные руководители того времени не обманывались на этот счет, они верно представляли себе характер и специфику будущей войны.

Еще в 1925 году, докладывая на январском Пленуме ЦК РКП(б) об итогах военной реформы, М. В. Фрунзе говорил: “Многие из наших товарищей, и, я думаю, особенно те, которые побывали на фронтах гражданской войны, вероятно, живут настроениями, созданными эпохой нашей гражданской войны. Я утверждаю, что эти настроения очень опасны, так как война, которая будет в дальнейшем, будет не похожа на гражданскую войну. Конечно, она будет носить характер классовой гражданской войны, в том смысле, что будем на стороне противника иметь белогвардейцев, и наоборот — будем иметь союзников в лагере наших врагов. Но по технике, по методам ведения ее это не будет война, похожая на нашу гражданскую войну. Мы будем иметь дело с великолепной армией, вооруженной всеми новейшими техническими усовершенствованиями, и если мы в нашей армии не будем иметь этих усовершенствований, то перспективы могут оказаться для нас весьма и весьма неблагоприятными. Это следует учесть, когда мы будем решать вопрос об общей подготовке страны к обороне”{27}.

...Весной 1930 года после КУВНАС мы возвратились в свои части.

2-й кавалерийской бригадой я командовал более года и должен сказать, что эта работа дала мне очень много и значительно пополнила мой теоретический и практический багаж.

В конце 1930 года стало известно, что моя кандидатура рассматривается на должность помощника инспектора кавалерии РККА. Деятельность инспекции в то время высоко ценилась в частях конницы. Однако признаюсь, что это известие нисколько меня не обрадовало. Я очень привык к своей дивизии и считал себя непременным членом дружной семьи самарцев.

Но вопрос был решен, и надо было собираться в Москву. Собственно говоря, собирать-то нужно было шинель да несколько пар белья. Все наши семейные пожитки вполне вмещались в один чемодан. Другого какого-либо имущества никто из нас тогда не имел, и это считалось совершенно нормальным явлением.

Однажды вечером мне позвонил Константин Константинович Рокоссовский и сказал, что из Москвы получен приказ о моем назначении на новую должность.

— Сколько вам потребуется времени на сборы? — спросил он.

— Часа два, — ответил я.

— Мы вас так не отпустим, — сказал К.К. Рокоссовский, — ведь вы ветеран 7-й дивизии, и проводим вас, как положено, таково общее желание командно-политического состава второй бригады.

Я, разумеется, был очень тронут.

Через несколько дней состоялся обед всего командного и политического состава 39-го и 40-го кавполков, на котором присутствовало командование дивизии. Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь.

На утро следующего дня был готов к отъезду. Еще раз зашел в подразделения, попрощался с бойцами и командирами.

Перед отъездом побывал в Минске, который очень полюбил. Здесь прожил я восемь лет, близко узнал добродушный, трудолюбивый белорусский народ. На моих глазах Белоруссия успешно ликвидировала последствия двух войн.

Вечером с женой Александрой Дневной (ныне покойной) и двухлетней дочкой Эрой мы выехали в Москву.

Глава пятая. **В инспекции кавалерии РККА. 4-я кавалерийская дивизия Первой Конной армии**

Инспекцию кавалерии в те годы возглавлял Семен Михайлович Буденный.

Явившись на место моего нового назначения, я отправился представиться будущему руководству. Однако С. М. Буденного в инспекции не было. Его личный секретарь П. А. Белов (тот самый, который прославился в Великую Отечественную войну) сказал мне, что Семен Михайлович сейчас практически не занимается делами инспекции, а учится в особой группе академии. Все дела ведет его первый заместитель комкор И. Д. Косогов.

Я представился И. Д. Косогову, а затем познакомился с помощниками инспектора кавалерии Б. К. Верховским, Ф. Р. Жемайтисом, П. П. Собенниковым, И. В. Тюленевым, А. Я. Трейманом. Это были знающие свое дело командиры.

После предварительного знакомства И. Д. Косогов сказал, что, по-видимому, мне лучше всего взять на себя вопросы боевой подготовки конницы, поскольку в этой области я имею достаточную практику.

Примерно через месяц я полностью вошел в курс новой работы. Месяца через три состоялось общее партийное собрание коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки тогдашнего Наркомата по военным и морским делам{28}. На этом собрании я был избран секретарем партийного бюро, а заместителем секретаря — Иван Владимирович Тюленев. Коммунисты нашей парторганизации, много сил и сверхурочного времени отдавая своим служебным обязанностям, не забывали и о делах общественных. Очень распространены были выступления на фабриках, заводах и в других гражданских организациях и учреждениях. Рабочие и служащие хорошо принимали военных коммунистов и с удовольствием слушали их, особенно когда речь шла о международном положении и о последних решениях партии и правительства.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов международная обстановка обостряется. Яснее обозначается группа империалистических государств — прежде всего Германия, Япония, Италия, — правительства которых, выполняя волю монополистических кругов, все активнее готовятся к выходу из экономического кризиса с помощью нового передела мира. В 1931 году японские войска без объявления войны вторгаются в Китай и оккупируют Маньчжурию. Конечно, в планы тогдашнего японского правительства входило создание плацдарма для нападения на Советский Союз.

В январе 1933 года в Германии к власти пришел фашизм, который с самого начала взял курс на завоевание мирового господства. Вряд ли народы Англии, США. Франции подозревали тогда, какую плохую услугу оказывают им империалистические силы их стран, активно помогая Германии восстанавливать тяжелую промышленность. 70 процентов всех долгосрочных кредитов предоставили немецким монополиям США. Поток зарубежных финансовых “вливаний” усиливается после прихода к власти Гитлера.

Германия, Япония, Италия переводят свою экономику на военные рельсы. Военные бюджеты возрастают до крайности. Взят такой разбег, который позволит потом, во второй половине 30-х годов, агрессивным государствам Европы практически быть готовыми к большой войне. Численность вооруженных сил Германии переваливает за миллион человек, около двух миллионов состоит в фашистских военизированных организациях. В случае войны войска фашистской Германии могли быть быстро увеличены в 5— 6 раз. В Италии в мирное время в войсках было занято 400 тысяч человек, но в военное время они легко увеличивались в 5 раз.

Конечно, в подобной обстановке необходимо было принимать решительные меры по наращиванию оборонной мощи нашей страны. При этом речь шла не только и не столько о количественной стороне дела. Наши вооруженные силы должны были подняться на новую качественную ступень. Принимается множество мер, направленных на развитие армии и флота. Главным звеном становится техника. Насытить, оснастить современной техникой Советские Вооруженные Силы — эту задачу можно было решить только на путях индустриализации.

Курс на социалистическую индустриализацию — всемерное развитие тяжелой индустрии на основе электрификации, техническое перевооружение и реконструкция

промышленности, транспорта, сельского хозяйства был взят партией на XIV съезде в конце 1925 года. Через два года XV съезд партии записал в директивах по составлению первого пятилетнего плана:

“Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время”{29}.

Здесь мне хотелось бы сделать одно отступление. В общем и целом народами мира признано, что от чумы фашизма Европу спасли прежде всего советские солдаты, советское оружие, что разгром гитлеровской Германии — величайший исторический подвиг советского народа. Я думаю, что фундамент для этого был заложен уже в те годы, когда советские люди по зову партии взялись за индустриализацию своей страны.

У меня нет под рукой необходимых данных, да это и не моя задача, чтобы всесторонне показать значение индустриализации для развития народного хозяйства, роста благосостояния народа, укрепления колхозного строя и т.д. Что же касается судьбы вооруженных сил и исхода борьбы за нашу свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны, то все это находилось в прямой зависимости от темпов индустриализации, от активности, с которой она проводилась в жизнь.

Ведь можно было бы на пять-семь лет отложить такой крутой подъем тяжелой индустрии, дать народу, который стократ заслужил это, побыстрее и побольше товаров широкого потребления, продукции легкой промышленности. Разве это не было соблазнительно? Но поступи мы так, кто знает, когда бы завершился тот тяжелейший период, который мы называем начальным периодом войны, где, под каким городом или на какой реке были бы остановлены фашистские войска?..

Мудрость и прозорливость партии, окончательную и высшую оценку которой дала сама история, правильное направление развития страны и трудовой героизм народа заложили в те годы основы наших побед в Великой Отечественной войне.

XVI и XVII съезды партии решительно потребовали сосредоточить внимание народа на усилении мощи Красной Армии и Флота, указав на все более нарастающую угрозу новой войны. Дается прямая директива ускорить темпы развития промышленности, особенно металлургии, накапливать государственные резервы, коренным образом реконструировать транспорт. Поставлена задача расширить мобилизационные возможности всего народного хозяйства, строить и размещать промышленные объекты таким образом, чтобы в случае нападения можно было быстро перевести промышленность на военные рельсы и обеспечить ее срочное мобилизационное развертывание.

В нашу партийную организацию, кроме коммунистов Инспекции кавалерии, входили коммунисты инспекций стрелковых войск и огневой подготовки, артиллерии, войск связи, инженерных войск, Управления боевой подготовки РККА и других подразделений наркомата. Мы старались мобилизовать личный состав управлений и инспекций на выполнение требований, поставленных партией, правительством и наркомом. Многими

большими вопросами занимался в то время Наркомат по военным и морским делам, его руководящее партийное ядро.

Вот некоторые проблемы того времени.

Военная реформа Красной Армии и Флота была завершена, в жизни вооруженных сил произошли значительные изменения. Улучшился весь процесс обучения и воспитания войск, возросла дисциплина, управление войсками сверху донизу основывалось на принципе единоначалия, были созданы условия для совершенствования военных кадров. Можно было идти дальше.

В середине 1929 года Центральный Комитет партии принимает постановление “О состоянии обороны страны”, в котором излагается линия на коренную техническую реконструкцию армии, авиации и флота. Реввоенсовету СССР и Народному комиссариату но военным и морским делам было предложено наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайшего времени получения опытных образцов, а затем и массового внедрения в армию современных типов артиллерии, химических средств защиты, всех современных типов танков и бронемашин, осуществить серийный выпуск новых типов самолетов и моторов.

Это постановление легло в основу первого пятилетнего плана военного строительства, который, кроме всего прочего, предусматривал создание новых технических родов войск, моторизацию и организационную перестройку старых родов войск, массовую подготовку технических кадров и овладение новой техникой всем личным составом. В январе 1931 года Реввоенсовет уточнил план строительства РККА на 1931 — 1933 годы, чем и завершился процесс разработки первого пятилетнего плана военного строительства{30}.

В связи с новыми задачами были внесены некоторые важные изменения в центральный военный аппарат. Большую роль сыграло, в частности, учреждение должности начальника вооружений РККА, на которого возлагалось руководство всеми вопросами технического перевооружения армии. До 1931 года этот пост занимал И. П. Уборевич, а после него М. Н. Тухачевский. В 1929 году в системе Наркомата по военным и морским делам создается Управление моторизации и механизации РККА. Это управление ряд лет возглавляли большие знатоки, энтузиасты создания танков И. А. Халепский и К. Б. Калиновский. В военных округах были организованы отделы бронетанковых войск.

Практически до 1929 года мы еще не имели танковой промышленности, необходимых кадров конструкторов и танкостроителей. В то же время партия и правительство понимали, что танкам в будущей войне принадлежит важная роль. Перед военным ведомством были поставлены соответствующие задачи. Специальным постановлением Реввоенсовета СССР предусматривалось создание следующих типов боевых машин: танкетка, средний, большой (тяжелый) и мостовой танки, были определены их тактико-технические характеристики. В кратчайшие сроки конструкторы создают новые образцы танков отечественного производства. На вооружение Красной Армии в 1931 — 1935 годах поступают танкетка Т-27, легкие танки Т-24 и Т-26, быстроходный гусеничный танк БТ, средний танк Т-28, потом тяжелый танк Т-35 и плавающая танкетка Т-37. Около 4 тысяч танков и танкеток выпускает промышленность за первую пятилетку.

Активно принимается советское военное руководство за разработку нового плана строительства военно-воздушных сил РККА. В начале 1930 года Реввоенсовет СССР

утверждает программу создания различных видов сухопутных и морских самолетов, аэростатов, аэрофотоаппаратов и приборов, причем главное внимание уделяется бомбардировочной и истребительной авиации. Через два года принимаются к исполнению основы организации военно-воздушных сил РККА, в которых стратегические и оперативно-тактические вопросы рассматриваются с точки зрения защиты страны в случае нападения. Дальняя бомбардировочная авиация сводится в крупные соединения, способные самостоятельно решать оперативные задачи. Еще через год тяжелые бомбардировочные авиаотряды объединяются в корпуса.

Инспекция кавалерии РККА работала в тесном контакте с Управлением боевой подготовки Красной Армии. Там я впервые познакомился с Александром Михайловичем Василевским, с которым нас в годы Великой Отечественной войны объединяла совместная работа на фронтах в качестве представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Уже тогда Александр Михайлович превосходно знал свое дело, так как долгое время командовал полком и досконально изучил специфику боевой подготовки. В управлении к нему относились с большим уважением. Хорошо известна плодотворная деятельность возглавлявших это управление А. Я. Лапина, а затем его преемника А. И. Седякина, который стал жертвой клеветы и трагически погиб в 1938 году.

В середине 1931 года ЦК ВКП(б) принял постановление “О командном и политическом составе РККА”, в котором были сформулированы основные успехи и недостатки в воспитании и боевой подготовке военных кадров.

Особое внимание уделялось в постановлении расширению объема технической подготовки, увеличению числа инженерно-технических кадров старшего звена, улучшению политического воспитания в армии. К тому времени общая система подготовки командного состава РККА в основном сформировалась.

Что касается нормальных военных школ, то упор делается на школы авиационные, бронетанковые, артиллерийские и технические. По сравнению с 1924 годом число курсантов (тогда их было около 25 тысяч) увеличивается в 2 раза. Для расширения подготовки старшего начсостава решено создать на базе факультетов Военно-технической академии Военную академию механизации и моторизации, Артиллерийскую, Военно-химическую, Военно-электротехническую, Военно-инженерную академию, основать новую Военно-транспортную академию, значительно увеличить прием в Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военно-политическую академию. Таким образом, количество высших военных учебных заведений увеличивается в полтора раза, а число слушателей — с 3200 в 1928 году до 16 с половиной тысяч в 1932 году.

Управление боевой подготовки строило свою деятельность, исходя из новых указаний партии и ясного понимания, что усиление боеспособности армии прежде всего зависело от овладения техникой и сложными формами современного боя. При этом разрабатывались и проводились в жизнь десятки мероприятий, которые касались не только подготовки кадров в военно-учебных заведениях и на различных курсах усовершенствования, но и напряженной боевой учебы непосредственно в войсках.

К тому времени почти 100 процентов командиров получили специальное военное образование. На командирскую подготовку отводилось уже 42 часа в месяц вместо 6—8 часов в 1929 году. Важное место наряду с тактической и огневой подготовкой начала

занимать техническая подготовка, которая проводилась по программе обязательного технического минимума для каждого рода войск и каждой категории комсостава. На сборах командно-начальствующего состава запаса вводилось изучение новой техники и оружия.

Огромную работу вел коллектив Инспекции артиллерии во главе с инспектором артиллерии Н. М Роговским. Он хорошо знал артиллерийское дело и пользовался большим авторитетом в войсках. Командующие войсками округов, командиры соединений, инженеры артиллерийской службы считались с Н. М. Роговским, прислушивались к его мнению.

Тем, кто занимался тогда вопросами артиллерии, пришлось решать трудные задачи. Материальная часть артиллерии была сильно изношена, значительно устарела по своим тактико-техническим данным. Все это в основном было то, что мы получили в наследие от старой армии.

Однако уже в середине 1929 года Реввоенсовет СССР разрабатывает рассчитанную на пять лет систему артиллерийского перевооружения РККА, предусматривающую увеличение огневой мощи, дальнобойности, скорострельности и меткости орудий, создание крупных артиллерийских конструкторских бюро. Закладываются артиллерийские заводы, которые потом позволили организовать производство новых и модернизированных артиллерийских систем и боеприпасов к ним, принимаются меры к подготовке квалифицированных инженеров и техников. С 1928 по 1933 год мощность артиллерийских заводов возросла более чем в 6 раз, а по малокалиберным орудиям — в 35 раз.

К концу моей работы того периода в аппарате Наркомата обороны мы приступили к разработке второго пятилетнего плана строительства РККА на 1934—1938 годы. Основные указания партии в этой связи состояли в том, чтобы завершить начатую техническую реконструкцию и перевооружение войск современной боевой техникой путем широкого внедрения решающих средств борьбы авиации, танков, артиллерии, обеспечить Красной Армии возможность отражения агрессии. Во исполнение этой линии Совет Труда и Обороны принимает постановления “О программе военно-морского строительства на 1933—1938 гг.”, “О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку”, утверждает план развития ВВС на 1935—1937 годы.

Говоря о Наркомате обороны начала тридцатых годов, я не могу не отметить деятельность центрального партийного бюро наркомата, которое пользовалось высоким авторитетом, творчески руководило нашими парторганизациями. Все центральные управления наркомата и инспекции Красной Армии работали активно, творчески, жили полнокровной жизнью. Хорошо были поставлены изучение марксистско-ленинской теории, общеобразовательная и культурно-массовая работа. Партийные собрания проходили активно и самокритично.

Инспекция кавалерии РККА в тот период была весьма авторитетна в кавалерийских частях, так как, кроме инспектирования, проводила поучительные командно-штабные игры, полевые учения, различные сборы и занятия по обмену передовым опытом боевой подготовки войск.

Вообще в те времена части кавалерии РККА были в первых рядах до своей боевой подготовке, и не случайно во вновь нарождающиеся рода войск, особенно танковые и механизированные, направлялись лучшие кадры командного состава конницы.

По роду обязанностей в инспекции я участвовал в разработке уставов и наставлений различных родов и служб войск.

Должен сказать, что содержанию уставов в РККА придавалось серьезное значение. В них каждый раз закреплялись достижения военной науки, они основывались на современном уровне техники, учитывали изменения в характере военных операций. Первую группу уставов, обобщавших опыт мировой и гражданской войн, а также преобразования, связанные с военной реформой, войска получили в 1924—1925 годах. По преимуществу это были временные уставы — внутренней службы, устав корабельной службы, боевые уставы кавалерии, артиллерии, бронесил РККА.

Основной линией этих уставов, которая нашла наиболее полное отражение во Временном полевом уставе РККА (1929 год), часть II (дивизия, корпус), было требование рассматривать бой в качестве общевойскового, успех которого основывается на взаимодействии всех родов войск. Устав уже говорил о порядке использования танков, организации противотанковой, противовоздушной и противохимической обороны, использовании авиации, инженерных войск.

Теперь вводится в действие ряд новых уставов и наставлений, заменивших, дополнивших уставы 1924—1925 годов. Это Временное наставление по войсковой маскировке РККА, Боевой устав военно-воздушных сил РККА, наставления по телефонно-телеграфному, подводно-минному делу и другие.

Чтобы не возвращаться более к этой теме, замечу, что, по общему признанию, высокой оценки заслужил Временный полевой устав 1936 года, в котором были разработаны и обоснованы важнейшие вопросы ведения современного боя. В целом же в середине 30-х годов Красная Армия имела передовую и основательную военную теорию, закрепленную в системе квалифицированных уставов и наставлений.

В 1931 году, как я уже писал, Штаб РККА принял А. И. Егоров. Инспекции кавалерии по роду своей деятельности мало приходилось иметь дело со Штабом РККА, но нам хорошо было известно, что большинство работников с удовлетворением встретили назначение А. И. Егорова на пост начальника Штаба РККА.

Мы считали, что М. Н. Тухачевский, занимавший пост первого заместителя наркома, начальник Штаба РККА А. И. Егоров и такой талантливый военный теоретик, как заместитель начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов, будут хорошо помогать наркому К. Е. Ворошилову.

Надо сказать, что Климент Ефремович пользовался авторитетом среди командно-политического состава армии и флота, как один из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина, как один из старейших активных работников нишей большевистской партии, не один риз отбывавший тюремное заключение за активную борьбу с царизмом. Но, как знаток военного дела, он, конечно, был слаб, так как, кроме участия в гражданской войне, он никакой практической и теоретической базы в области военной науки и военного искусства не имел, поэтому в руководстве Наркоматом обороны, в деле

строительства вооруженных сил, в области военных наук он должен был прежде всего опираться на своих ближайших помощников, таких крупных военных деятелей, как М Н. Тухачевский, А. И. Егоров. С. С. Каменев. В. К. Триандафиллов, И. Э. Якир, И. И. Уборевич, и других крупнейших знатоков военного дела.

В период работы в Инспекции кавалерии мне посчастливилось ближе познакомиться с Михаилом Николаевичем Тухачевским. Личное мое знакомство с Михаилом Николаевичем, как я уже упоминал, состоялось еще во время ликвидации кулацкого восстания Антонова в 1921 году. Человек атлетического сложения, он обладал впечатляющей внешностью. Мы еще тогда отметили, что М. Н. Тухачевский не из трусливого десятка: но районам, где скрывались бандиты, он разъезжал с весьма ограниченным прикрытием.

Теперь на посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он. При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме.

Все свои принципиальные выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич обосновывал, базируясь на бурном развитии науки и техники у нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны.

Вспоминая в первые дни Великой Отечественной войны М. Н. Тухачевского, мы всегда отдавали должное его умственной прозорливости и ограниченности тех, кто не видел дальше своего носа, вследствие чего наше руководство не сумело своевременно создать мощные бронетанковые войска, и создавали их уже в процессе войны.

Еще в 30-х годах М. Н. Тухачевский предупреждал, что наш враг номер один — Германия, что она усиленно готовится к большой войне, и, безусловно, в первую очередь против Советского Союза. Позже, в своих печатных трудах, он неоднократно отмечал, что Германия готовит сильную армию вторжения, состоящую из мощных воздушных, десантных и быстроподвижных войск, главным образом механизированных и бронетанковых сил. Он указывал на заметно растущий военно-промышленный потенциал Германии, на ее возможности в массовом производстве боевой авиации и танков.

Летом 1931 года, находясь в лагерях 1-го кавалерийского корпуса, я разрабатывал проекты Боевого устава конницы РККА (часть I и часть II) при участии командира кавалерийского полка Николая Ивановича Гусева и других товарищей из 1-й кавдивизии. Осенью после обсуждения в инспекции они были представлены на рассмотрение М. Н. Тухачевскому.

Вместе с заместителем инспектора И. Д. Косоговым мне не раз приходилось отстаивать те или иные положения уставов. Но, признаюсь, мы часто бывали обезоружены вескими и логичными возражениями М. Н. Тухачевского и были признательны ему за те блестящие положения, которыми он обогатил проекты наших уставов.

После поправок М. Н. Тухачевского уставы были изданы, и части конницы получили хорошее пособие для боевой подготовки.

Последний раз я видел Михаила Николаевича в 1931 году на партийном активе, где он делал доклад о международном положении. М.Н. Тухачевский убедительно говорил о растущем могуществе нашего государства, о широких перспективах нашей социалистической экономики, науки, техники и расцвете культуры. Говоря о роли нашей большевистской партии в строительстве нового государства и армии, Михаил Николаевич тепло вспоминал о В. И. Ленине, с которым ему довелось много раз встречаться и вместе работать.

Меня тогда поразило то, что он почти ничего не сказал о Сталине. Сидевший рядом со мной начальник войск связи Красной Армии, старый большевик-подпольщик Р. В. Лонгва сказал мне, что Тухачевский не подхалим, он не будет восхвалять Сталина, который несправедливо обвинил Тухачевского в неудачах наших войск в операциях под Варшавой.

На этом активе Михаил Николаевич поделился своими соображениями, изложенными в монографии, над которой он тогда работал. Ее суть сводилась к исследованию новых проблем войны. Тогда мы были менее искушены в вопросах военной науки и слушали его как зачарованные. В М. Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии.

Позднее, выступая в 1936 году на 2-й сессии ЦИК СССР, М.Н. Тухачевский снова обратил внимание на нависшую серьезную опасность со стороны фашистской Германии. Свою яркую, патриотическую речь он подкрепил серьезным анализом и цифрами вооружения Германии и ее агрессивной устремленности.

Однако голос М. Н. Тухачевского остался “гласом вопиющего в пустыне”, а сам он был взят под подозрение злонамеренными лицами, которые, клевеща на Михаила Николаевича, обвинили его во вражеских и бонапартистских замыслах, и он трагически погиб в 1937 году.

Инспекция кавалерии провела большую работу по пересмотру организации кавалерийских частей и соединений, системы вооружения и способов ведения боя.

После длительных дебатов внутри инспекции и детального обсуждения с командирами соединений конницы было решено, что дивизия должна иметь в своем составе четыре кавалерийских, один механизированный полк и один артиллерийский полк. Кавалерийские полки должны состоять из четырех сабельных эскадронов, одного пулеметного, полковой батареи, отдельного взвода ПВО, отдельного взвода связи, отдельного саперного взвода, отдельного химического взвода и соответствующих хозяйственных органов. Артиллерийскому полку следовало иметь в своем составе дивизион 122-мм гаубиц и дивизион 76-мм пушек. Механизированный полк вооружался танками БТ-5.

Таким образом, конница Красной Армии получала на свое вооружение такие технические и огневые средства, которые значительно изменяли характер ее организации и способы ведения боя. Теперь она могла своими огневыми средствами, ударом танков прокладывать дорогу вперед с целью разгрома противостоящего противника.

Новые боевые уставы и ряд инструкций, разработанных Инспекцией кавалерии, вытекали из основных положений по ведению глубокой операции и глубокого боя.

Обоснование теории глубокой наступательной операции было серьезным достижением нашего военного искусства. В целом операция характеризовалась массированным применением танков, авиации, артиллерии и воздушных десантов, так как была рассчитана на ведение боевых действий современными, технически оснащенными армиями. Существо же глубокой операции состояло в следующем. Первая задача — взлом фронта противника одновременным ударом на всю его тактическую глубину, вторая — немедленный ввод в прорыв механизированных войск, которые во взаимодействии с авиацией должны наступать на всю глубину оперативной обороны противника до поражения всей его группировки.

При этом учитывалось, что в целом война будет вестись многомиллионными армиями на огромных пространствах, а успех глубокой операции обеспечит поражение авиацией и артиллерией всей глубины обороны противника плюс решительные действия на флангах и в тылу группировок врага с целью их окружения и уничтожения.

Военная наука, которой руководствовались кадры командного состава Красной Армии, модифицировалась с появлением новой техники, нового оружия, новых возможностей страны, ну и, конечно, в связи с уровнем боеспособности вероятного противника.

Вооружая армию современными средствами борьбы, ЦК партии помогал военному руководству глубже осмыслить изменения в области военных наук. С этой целью в Политбюро и на Главном военном совете систематически обсуждались проблемные вопросы военной стратегии, оперативного искусства и технического перевооружения армии и флота. На этих совещаниях, как правило, присутствовали командующие войсками округов, флотов и ВВС. Итоги и установки совещания доводились до всего руководящего состава армии, флота и ВВС.

Для нас, работавших в инспекции, перевооружение конницы и освоение частями новой организации и боевых уставов имели особое значение, так как большинство частей тогда дислоцировалось на важнейших стратегических направлениях и вблизи государственных границ, а эти обстоятельства требовали от кавалерии повышенной боевой готовности.

Однажды меня вызвал первый заместитель инспектора кавалерии И. Д. Косогов и сообщил, что моя кандидатура представляется К. Е. Ворошилову для назначения на должность командира 4-й кавалерийской дивизии.

И. Д. Косогов спросил, как я отношусь к предполагаемому назначению и устраивает ли меня работа в Белорусском военном округе. Я ответил, что назначение на должность командира такой прославленной дивизии рассматриваю как особую честь. Белорусский военный округ знаю, в его составе проработал много лет. С командиром 6-го корпуса Е. И. Горячевым знаком, он весьма опытный кавалерийский начальник, и я с большим удовольствием буду работать под его командованием. Хорошо знаком с командиром 3-го кавалерийского корпуса Л. Я. Вайнером, считаю его способным военачальником.

На этом разговор с И. Д. Косоговым закончился. Прощаясь, он сказал, что со мной будет еще беседовать С. М. Буденный.

Беседа состоялась через несколько дней, когда приказ о моем назначении уже был подписан наркомом. Прощаясь, С. М. Буденный с волнением сказал:

— 4-я дивизия всегда была лучшей в рядах конницы, и она должна быть лучшей!

Хочется с удовлетворением отметить, что эти пожелания Семена Михайловича сбылись. Но до того как дивизия вышла вновь в первые ряды, всем, особенно командному, политическому составу и партийным организациям, пришлось много потрудиться.

В книге С. М. Буденного “Пройденный путь” достаточно подробно описаны блистательные победы 4-й кавалерийской дивизии. Я хочу ограничиться лишь некоторыми личными воспоминаниями, относящимися к периоду моего командования этой славной дивизией.

4-я кавалерийская имени К. Е. Ворошилова дивизия была ядром легендарной Первой конной армии. В жестоких боях в годы гражданской войны она показала чудеса храбрости и массового героизма.

До 1931 года дивизия дислоцировалась в Ленинградском военном округе и располагалась в местах, где раньше, при царской власти, стояли конногвардейские части (Гатчина, Петергоф, Детское Село). Как и в годы гражданской войны, 4-я дивизия осталась одной из лучших в нашей кавалерии. Личный состав дивизии бережно хранил ее славные боевые традиции, успешно воспитывал у молодых конников чувство высокой ответственности и воинского долга.

В 1932 году дивизия была спешно переброшена в Белорусский военный округ, в город Слуцк. Как мне потом стало известно, передислокацию объясняли чрезвычайными оперативными соображениями. Однако в тот период не было никакой надобности в спешной переброске дивизии на совершенно неподготовленную базу. Это важно подчеркнуть, так как в течение полутора лет дивизия была вынуждена сама строить казармы, конюшни, штабы, жилые дома, склады и всю учебную базу. В результате блестяще подготовленная дивизия превратилась в плохую рабочую воинскую часть. Недостаток строительных материалов, дождливая погода и другие неблагоприятные условия не позволили вовремя подготовиться к зиме, что крайне тяжело отразилось на общем состоянии дивизии и ее боевой готовности. Упала дисциплина, часто стали болеть лошади.

Командование 3-го корпуса, куда входила 4-я кавалерийская дивизия, ничем не могло помочь, так как в аналогичном положении находились и другие части этого корпуса, также спешно переброшенные в округ.

Весной 1933 года командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич после краткого инспектирования частей дивизии нашел ее в состоянии крайнего упадка. Надо заметить, что в свое время командующий не оказал надлежащей помощи дивизии в вопросах строительства и не принял во внимание условий, в которых находились части. Теперь он поспешил определить главного виновника плохого состояния дивизии — ее командира Г. П. Клеткина.

Безусловно, ответственным за дивизию является командир, на то он и единоначальник. Но высший начальник по долгу своей службы и как старший товарищ обязан быть

объективным. Со свойственной ему горячностью И. П. Уборевич доложил народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову о состоянии 4-й дивизии и потребовал немедленного снятия комдива Г. П. Клеткина. Конечно, в дивизии имели место недостатки. Однако И. П. Уборевич все же сгустил краски, утверждая, что дивизия растеряла все свои хорошие традиции и является небоеспособной.

Сообщение И. П. Уборевича для К. Е. Ворошилова было крайне неприятным: он был кровно связан с дивизией долгие годы, не раз ходил в ее рядах в атаку. Дивизия воспитала целую плеяду талантливых командиров и политработников. Для инспектора кавалерии С. М. Буденного 4-я дивизия также была любимым детищем. В свое время он ее формировал и водил в бой.

К. Е. Ворошилов информировал С. М. Буденного о том, что ему доложил И. П. Уборевич, и предложил подыскать нового командира.

И вот настал день, когда мы с женой и дочерью сели в поезд, который снова повез нас в знакомые места, в Белоруссию. Я знал и любил Белоруссию, белорусскую природу, богатую чудесными лесами, озерами, реками, и как охотник и рыбак радовался, что вновь попаду в эти живописные места. За время работы в Белоруссии я изучил характер ее местности — от северных до южных границ. Как это мне потом пригодилось! А самое главное, в Белорусском военном округе имел много друзей, особенно в частях и соединениях конницы.

Правда, 4-ю дивизию я знал мало. В той дивизии был всего лишь один раз в 1931 году, и то очень недолго. Людей дивизии почти не знал, за исключением командира Г. П. Клеткина, его заместителя по политической части Н. А. Юнга, начштадива А. И. Вертоградского, командира механизированного полка В. В. Новикова и нескольких других командиров. А без знания людей, их слабых и сильных сторон, без знания способностей начальствующего состава нельзя успешно руководить войсками, особенно большим воинским коллективом.

В Слуцк мы попали в период весенней распутицы. На станции была непролазная грязь, и, пока добрались до тачанки, жена не раз оставляла свои галоши в грязи. Сидя у меня на плечах, Эра спросила:

— Почему здесь нет тротуара, как у нас в Сокольниках? Я ей ответил:

— Здесь тоже будет тротуар и красивая площадь, но только позже...

Мне с семьей пришлось временно приютиться в 8-метровой комнате у начальника химслужбы дивизии В. М. Дворцова, который был так любезен, что сам с семьей остался в одной небольшой комнате, уступив нам эту комнатушку. Все мы понимали трудности с жильем, и никто не претендовал на лучшее, пока это “лучшее” мы сами не построим.

Через полчаса я был уже в штабе дивизии, который располагался тут же во дворе. Командира дивизии Г. П. Клеткина в штабе не было: он сообщил, что нездоров и принять меня не может. Я, конечно, понимал его душевное состояние и не настаивал на немедленной встрече.

С положением дел в дивизии меня подробно ознакомили заместитель командира по политической части Николай Альбертович Юнг и начальник штаба дивизии Александр Иванович Вертоградский. Я был признателен им за то, что они сумели все быстро и обстоятельно изложить. Однако мне предстояло главное: самому досконально разобраться в обстановке непосредственно в частях и подразделениях, определить недостатки, найти их причины и вместе с командирами и политработниками наметить пути их ликвидации.

В тот же день я поехал в 19-й Манычский кавалерийский полк — головной, старейший полк дивизии, которым командовал Федор Яковлевич Костенко, один из первых конармейцев. Лично его я раньше не знал, но много слышал об этом добросовестном командире, большом энтузиасте кавалерийского дела, непременном участнике всех конноспортивных состязаний, которые в тот период широко практиковались в коннице.

Великая Отечественная война застала Ф. Я. Костенко в должности командующего 26-й армией, защищавшей наши государственные границы на Украине. Под его командованием части и соединения этой армии дрались столь упорно, что, неся колоссальные потери, фашистские войска так и не смогли в первые дни прорваться в глубь Украины. К большому сожалению, Федору Яковлевичу Костенко не посчастливилось дожить до наших дней. Он пал смертью героя в ожесточенном сражении на харьковском направлении, будучи заместителем командующего Юго-Западным фронтом. Вместе с ним погиб его любимый старший сын Петр. Петра Костенко нельзя было не любить. Помнится, еще совсем мальчиком Петр изучал военное дело, особенно нравились ему верховая езда и рубка. Федор Яковлевич гордился сыном, надеялся, что из Петра выйдет достойный командир-кавалерист, и не ошибся.

После 19-го Манычского полка я подробно познакомился с 20, 21-м и 23-м кавалерийскими полками, 4-м конноартиллерийским и 4-м механизированным полками, а затем с отдельными эскадронами дивизии. В самом тяжелом положении оказался 20-й кавполк, стоявший в деревне Конюхи, в 20 километрах от города Слуцка. Полком командовал Владимир Викторович Крюков, который потом, в Отечественную войну, возглавлял кавалерийский корпус, не раз отмечавшийся в приказах Верховного Главнокомандующего. Полк был расположен близко к государственной границе и являлся как бы авангардом дивизии.

Несмотря на тяжелые условия, настроение всего личного состава полка было бодрым. Даже жены офицеров, покинувшие хорошие квартиры под Ленинградом, и те не унывали. Жаловались только на одно: негде учить детей, нет школ.

21-м кавалерийским полком командовал Иван Николаевич Музыченко. Его я знал по 14-й отдельной кавалерийской бригаде, где он был в период гражданской войны помощником военного комиссара полка. Отечественная война застала его командующим 6-й армией на Украине, штаб которой стоял во Львове. По ряду обстоятельств И. Н. Музыченко не посчастливилось в начале войны. Вынужденно отходя в глубь Украины под натиском значительно превосходивших сил врага, он, будучи тяжело раненным, попал в плен к противнику и всю войну томился в лагерях военнопленных в Германии.

21-й кавалерийский полк произвел несколько лучшее впечатление своей организованностью, состоянием службы и общим порядком. Чувствовалась хорошая организационная работа командно-политического состава.

23-м кавалерийским полком командовал Леонид Николаевич Сакович. Это был безукоризненно честный и дисциплинированный человек, верный сын нашей Коммунистической партии и мужественный воин. Л. Н. Сакович погиб 27 мая 1942 года в Харьковской операции, командуя 28-й кавалерийской дивизией.

4-м механизированным полком командовал Василий Васильевич Новиков. В период Великой Отечественной войны В. В. Новиков командовал мехкорпусом и не раз был отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего. В. В. Новиков, ветеран Конармии, долгое время работал начальником оперативного отдела 4-й кавалерийской дивизии. Комиссаром полка был замечательный большевик Артем Сергеевич Зинченко, старейший конармеец, дравшийся под знаменем Первой конной армии с первых дней ее создания. В Отечественную войну Артем Сергеевич работал комиссаром ряда крупных фронтовых госпиталей.

В рядах 4-го мехполка выросли многие отличные командиры и политработники, занимавшие потом ответственные должности в Генеральном штабе, центральных управлениях наркомата обороны и в войсках. В прошлом рабочие или крестьянские парни, они стали крупными военными специалистами, старшими офицерами и генералами.

Поскольку механизированные части, особенно корпуса, сыграли выдающуюся роль в годы Великой Отечественной войны, а накануне войны с формированием мехкорпусов были связаны известные трудности, мне хотелось бы в двух словах коснуться истории возникновения мехкорпусов, подчеркнув приоритет нашей армии в этом деле.

В 1929 году Реввоенсовет СССР (по докладу В.К. Триандафиллова) утверждает постановление, в котором говорится:

“Принимая во внимание, что новый род оружия, каким являются бронесилы, недостаточно изучен как в смысле тактического его применения (для самостоятельного и совместно с пехотой и конницей), так и в смысле наиболее выгодных организационных форм, признать необходимым организовать в 1929—1930 гг. постоянную опытную механизированную часть”.

Во исполнение постановления в тот же год был сформирован опытный механизированный полк. Этот полк уже в 1929 году принимает участие во всеармейских учениях в нашем Белорусском военном округе. Учениями руководили К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и В. К. Триандафиллов.

В 1930 году полк развертывается в механизированную бригаду, которая сразу же отрабатывается в окружных учениях. В 1932 году создаются первые в мире механизированные корпуса, каждый из которых включает в себя две механизированные, одну стрелково-пулеметную бригаду и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. В корпус входило более 500 танков и более 200 бронеавтомобилей. К началу 1936 года было создано уже 4 механизированных корпуса, 6 отдельных механизированных бригад и

столько же отдельных танковых полков, 15 мехполков кавдивизий, более 80 танковых батальонов и рот в стрелковых дивизиях.

Создание и практическое опробование наших первых механизированных соединений послужили хорошей базой для дальнейшего развития теории широкого применения механизированных войск.

Проверку 4-го мехполка мы начали с подъема людей по боевой тревоге. Этого, конечно, не ожидало командование, ибо полк только что закончил переброску последних эшелонов из Ленинградского военного округа. Пришлось для первого знакомства подчеркнуть командирам подразделений, что главное для механизированного полка — это умение быстро развернуть полк, отлично знать материально-техническую часть и владеть особым искусством стрельбы из бронетанкового оружия. Конечно, как и следовало ожидать, боевая тревога, проведенная дождливой ночью, выявила много недостатков, особенно в вождении машин по незнакомой местности и стрельбе.

Изучая дела в частях, я успел тщательно познакомиться со штабом дивизии, командирами подразделений и политработниками.

В штабе и политотделе дивизии также было немало недостатков в практическом руководстве частями. В частности, плохо был налажен контроль за ходом боевой подготовки, отсутствовала должная требовательность в исполнении приказов. Особенно отставало изучение, обобщение и распространение передового опыта боевой подготовки. Каждая часть “варилась в собственном соку”, и бывали случаи, когда одна часть в результате больших усилий “открывала” новые, более совершенные методы того или иного вида обучения, тогда как другая часть уже давно ими пользовалась.

Как я уже сказал, штаб дивизии возглавлял Александр Иванович Вертоградский. Это был всесторонне грамотный в военном деле бывший офицер царской армии. Во главе политического отдела дивизии был очень способный политработник Н. А. Юнг. Вскоре он был выдвинут на должность заместителя командира по политчасти 3-го конного корпуса и уехал в Минск.

Подведя итоги и обсудив их с руководящим составом дивизии, мы решили для начала собрать партийный актив и поговорить с коммунистами о всех положительных и отрицательных сторонах жизни дивизии. Затем предполагалось собрать широкое совещание всего начальствующего состава, на которое решили пригласить старшин подразделений — роль их в организации всей внутренней службы была исключительно велика.

Партактив прошел очень хорошо. В выступлениях коммунистов чувствовалась нетерпимость к имеющимся недостаткам и давался решительный отпор тем, кто пытался оправдать плохую дисциплину и слабую подготовку объективными причинами.

После актива стало ясно, что общий упадок в состоянии дивизии наступил в результате недостаточной политической работы и боевой подготовки. Занятия были почти полностью приостановлены, поскольку все силы переключились на строительство. Следовательно, надо было немедленно организовать плановую боевую подготовку, развернуть в полном объеме партийно-политическую работу, а что касается строительства и хозяйственно-бытовых дел, то решать их в специально отведенные планом дни. Кроме того, мы

надеялись добиться от командования округа значительно большей помощи, чем та, которую оно оказывало до сих пор.

Мнение партийного актива и предложения командования дивизии были очень хорошо приняты и поддержаны всем совещанием командно-политического состава.

В области боевой подготовки главные усилия предполагалось сосредоточить на методической подготовке всех звеньев командного состава. По тактической подготовке серию показательных занятий мы взяли на себя. Показательные занятия по огневой подготовке поручались 21-му полку, по конному делу — 19-му полку и персонально прекрасному знатоку конного дела Ф. Я. Костенко. По строевой и физической подготовке такие занятия взялся провести В.В. Крюков. 23-му полку было приказано подготовить и провести инструктивно-методические занятия по подготовке младшего командного состава, а 4-му конноартиллерийскому и 4-му механизированному полкам — занятия по взаимодействию артиллерии и танков с конницей в условиях наступательного боя.

Предстояла очень большая организационная и методическая работа, так как положительных результатов можно было ожидать только тогда, когда занятия будут проведены на самом высоком уровне и произведут впечатление на всех тех, кому они будут показаны.

Главные усилия в тактической подготовке мы сосредоточили на личной подготовке среднего и старшего звена командного состава. Я был убежден опытом своей долголетней практики в том, что только тактически грамотные командиры могут подготовить хорошую боевую часть в мирное время, а в войну выигрывать сражение с наименьшими жертвами.

Должен вновь отметить, что меня лично всегда увлекала тактическая подготовка, как важнейшая отрасль всей боевой подготовки войск. Я усиленно занимался ею на протяжении всей своей долголетней военной службы, от солдата до министра обороны.

Большую часть учебного времени дивизия находилась в поле, детально изучая организацию и ведение боя в сложных условиях. Стремительные марш-броски в исходное положение, острые моменты в создавшейся обстановке шли на пользу начальствующему составу. Мы настойчиво добивались от командиров и политработников овладения искусством четкого управления частями в бою, без чего невозможно осуществить разгром противника в условиях большой динамичности современного боя.

Конница в то время была самым подвижным массовым родом наземных войск. Она предназначалась для быстрых обходов, охватов и ударов по флангам и тылам врага. В условиях встречного боя от нее требовалась стремительность развертывания боевых порядков, быстрота в открытии огня по противнику, смелый бросок главных сил в исходный район для атаки и неотступное преследование отходящего врага.

Усиление конницы бронетанковыми средствами, наличие в конноартиллерийских полках гаубичной артиллерии уже позволяли не только с успехом ломать сопротивление противника, но и решать задачи наступательного боя и эффективной обороны.

Конечно, освоение новой техники, особенно ее использование в операциях, не всегда проходило гладко. Мешал недостаточно высокий общеобразовательный уровень многих

красноармейцев и командиров, часто бывали аварии, технические неурядицы, не все понимали, как необходимы технические знания, не хватало грамотных кадров. Нужно было перестраивать старые рода войск, создавать новые войсковые соединения, переучивать пехотных и кавалерийских командиров на авиаторов и танкистов и в то же время поддерживать боевую готовность армии на случай агрессии. Параллельно шла организационная перестройка войск.

Тем не менее новая техника тянула к себе, привлекала новыми возможностями, возбуждала интерес в армейских массах. В печати, по радио, с помощью кино широко пропагандировались военно-технические знания. Под руководством партийных организаций красноармейцы и командиры с увлечением занимались в многочисленных военно-технических кружках (в армии и на флоте насчитывалось тогда около 5 тысяч военно-технических кружков, в одном только нашем округе в 1932 году в таких кружках и на курсах обучалось около 80 процентов личного состава), слушали лекции и доклады на военно-технические темы, участвовали в конкурсах и соревнованиях на лучшее знание техники и оружия.

Повсюду в частях можно было увидеть сооруженные армейскими комсомольцами щиты и фотовыставки, популяризировавшие технические знания, проводились летучие митинги и собрания о бережном отношении к технике, устраивались обсуждения военно-технических книг, организовывались смотры техники, массовая кампания за сдачу норм на отличного стрелка.

С помощью ЦК комсомола и различных добровольных оборонных обществ активно приобщалась к военной технике молодежь призывных возрастов. Так, в 1934—1935 годах более полутора миллионов юношей и девушек сдали нормы по изучению мотора, один миллион — по противовоздушной и химической обороне.

Одним словом, призыв партии “Овладеть техникой!” был главным в деятельности армейских партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, командиров и политработников. При этом солдаты и командиры не только с успехом осваивали технику, по и сами старались ее улучшить. Только в нашем военном округе в 1933 году было реализовано более 4 тысяч предложений, способствовавших улучшению техники. Естественно, этот процесс всячески поощрялся.

Одной из главных задач в подготовке командного состава и штабов мы считали овладение искусством управления в условиях встречных, внезапных действий. Это требовало отказа от привычного управления посредством письменных приказов, телефонов и всего, что связано с прокладкой проволочных линий связи. Надо было решительно переходить на радиоуправление, на систему коротких боевых распоряжений — “управление с седла”, как тогда любили говорить конники.

При тактическом обучении всех звеньев командного состава в дивизии и полках мы стремились выработать у наших командиров умение тщательно маскировать действия частей и подразделений, для того чтобы обеспечить внезапность нанесения ударов по противнику.

Я до сих пор не забыл одно интересное двустороннее учение, проведенное нами в 1933 году.

В качестве обороняющейся стороны действовал усиленный 21-й кавалерийский полк под командованием И. Н. Музыченко. Он был выведен в поле на двое суток раньше наступающего 20-го кавполка и в течение этого времени реально строил оборону на всю тактическую глубину, 20-й кавполк ничего не знал о предстоящем учении и о том, что 21-й кавполк находится где-то в поле и организует оборону. Он был поднят по тревоге.

В районе сосредоточения к 20-му кавполку присоединились средства усиления: танковый эскадрон и гаубичный конноартиллерийский дивизион. Здесь же командованию полка была объяснена тактическая обстановка, требовавшая немедленного выступления. Предстояло совершить 46-километровый марш в качестве передового отряда дивизии с целью захвата плацдарма, на котором была построена оборона 21-го кавалерийского полка.

К исходу дня передовые подразделения 20-го кавполка вошли в соприкосновение с боевым охранением 21-го кавполка. Темнело. Не успев засветло произвести разведку обороны “противника”, командир полка В.В. Крюков принял решение в течение ночи разведать “противника”, а на рассвете атаковать его. Конечно, другого решения и быть не могло.

История показывает, что исход боя в конечном итоге зависит от того, насколько целеустремленно, организованно и внимательно командир и его штаб подготовят атаку. Во всей этой сложной работе первостепенное значение имеет разведка. Выяснив расположение противника, его силы и средства, а также характерные особенности той местности, где находится противник, можно точно определить способ его действий.

Из практики я знаю, как важно, чтобы разведка проводилась тщательно. Особенно это необходимо, если наступление на оборону противника проводится на рассвете, так как в течение ночи, под покровом темноты, он легко может изменить расположение своих боевых порядков. Такая разведка тем более необходима в тех случаях, когда приходится действовать против опытного врага.

Командир 20-го кавполка В. В. Крюков, конечно, теоретически знал это, но проявил непозволительную небрежность и не Учел, что его “противник” тоже имел свою боевую задачу: не до- пустить прорыва подходящего “противника”, а при благоприятных условиях разбить его.

Командир 21-го кавполка И. Н. Музыченко решил:

1) до наступления темноты огнем с переднего края при поддержке артиллерии отбить попытки “противника” прорвать оборону и не допустить вклинивания его в первую позицию;

2) под шум боя, соблюдая все меры маскировки, с наступлением темноты начать отвод боевых порядков полка на вторую оборонительную позицию, которая была заранее предусмотрена и соответственно подготовлена;

3) чтобы не дать “противнику” разгадать свой маневр, снять боевые порядки, расположенные на первой траншее переднего края обороны полка, только перед самым рассветом, оставив для наблюдения за “противником” разведывательные дозоры.

С наступлением темноты командир 20-го кавполка выслал усиленную разведку к переднему краю обороны. Встреченные огнем, разведчики залегли перед проволокой и начали вести наблюдение. В течение ночи командир 20-го кавполка получал регулярные донесения о том, что “противник” находится по-прежнему в первой траншее и даже пытается захватить пленных. В. В. Крюков был убежден в том, что его “противник”, закопавшись в землю, будет обороняться на занятых позициях.

На рассвете, после артиллерийской подготовки, предвкушая победу, командир полка просигналил ракетами начало атаки. Артиллерия усилила огонь, началась энергичная атака. Вот уже танки на больших скоростях с ходу прошли первую траншею, ворвались во вторую. Первая траншея занята! Но что это? Почему остановились танки?

— Товарищ комдив, — обращается командир 20-го кавполка к руководителю учения, — разрешите пройти вперед и лично установить, почему произошла остановка атакующих боевых порядков.

— Ну что ж, “свой глаз — алмаз”, посмотрите, разберитесь.

У второй траншеи В. В. Крюкова встретил командир 2-го эскадрона Э. М. Буш.

— В чем дело? Почему остановились?

— Да вот, товарищ комполка, мы советуемся с командиром танкового эскадрона, что делать дальше.

— Как что? Громить “противника”!

— Да, но его здесь нет.

— Как нет?! Куда же он девался? Разведка доносила всю ночь, что “противник” занимает оборону.

— Разрешите доложить! — обратился к командиру полка посредник-танкист. — Вот здесь в траншее на палке висела эта бумажка, может быть, она кое-что раскроет?

Взяв в руки листок, командир полка прочел вслух: “Привет сальцам, ищите нас, как ветра в поле. На будущее советуем быть более бдительными!”

Надо было видеть растерянные лица всех окружающих и ту неловкость, которая создалась в результате обманного маневра 21-го кавполка, заставившего атакующих расстрелять боевой комплект снарядов по пустому месту. А главное — куда же отошел “противник”?

— Это Иван Николаевич по злобе устроил тебе, Владимир Викторович, такую “кувырк-комедию”, — иронически заметил старший посредник при 20-м кавполке Ф. Я. Костенко.

— Бывает и хуже, — размышлял вслух В. В. Крюков, то всматриваясь в карту, то оглядывая впереди лежащую местность. И как бы в подтверждение этих слов посредники обозначили взрывами удар артиллерии 21-го кавполка по остановившимся боевым порядкам 20-го кавполка.

Конфуз был полный.

На разборе учения во всех деталях были рассмотрены действия той и другой стороны и особенно проанализированы ошибки 20-го кавполка, допустившего в своих действиях непростительную пассивность в разведке “противника”. Что касается действий 21-го кавполка, они были отмечены как образец для обучения обманным действиям.

Это учение надолго запомнилось участникам и потом повторялось в различных вариантах.

В подготовке и воспитании частей особое внимание уделялось умению определять цели и задачи в сложных условиях. Что для этого предпринималось?

Обычно замысел учения мною держался в строгом секрете. Обучаемый полк поднимался по тревоге, и ему указывался район, где надлежало сосредоточиться. В этом районе командованию вручалась тактическая обстановка и боевой приказ, требовавший совершить марш-маневр через труднопроходимые, заболоченные или лесные районы. Маршрут избирался такой, который требовал больших работ по расчистке и прокладке дорог, постройке из подручного материала гатей и переправ. При этом никаких инженерных средств усиления обычно не давалось, с тем чтобы научить командование всех степеней находить выход из тяжелого положения своими силами и местными средствами.

Такие учения в физическом отношении были чрезвычайно тяжелыми. Иногда люди буквально валились с ног, часто оставаясь без сна и нормального питания несколько суток подряд. Но какая радость охватывала бойцов и командиров, когда их часть, выполнив труднейшую задачу, достигала поставленной цели! В другой раз, оказавшись в трудной обстановке, они уже не сомневались в возможности добиться своего. Командование, штабы и весь личный состав приобретали практические навыки с честью выходить из любого трудного положения.

Большую пользу в воспитании моральных качеств бойцов и командиров приносили товарищеские вечера, организованные политработниками после учений. Участники “сражений” делились своими впечатлениями, критиковали недостатки, по-товарищески высмеивали тех, кто пасовал перед препятствием или по своей беспечности и безразличию создавал дополнительные трудности.

Благодаря усилиям всего личного состава дивизии в 1935 году было завершено строительство: все части получили хорошие квартиры, учебно-материальную базу. Значительно улучшился и конский состав.

К этому времени были достигнуты неплохие результаты и во всех видах политической и боевой подготовки. Имелись высокие показатели по дисциплине, службе и общей организованности сдельных частей и подразделений.

1935 год ознаменовался для нас большими событиями. Во-первых, на инспекторских смотрах все части дивизии получили высокие оценки, в том числе и по самому трудному виду боевой подготовки конницы — по огневой подготовке. Во-вторых, дивизия была награждена за свои успехи в учебе и боевой подготовке высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Орденами был награжден ряд командиров, младших командиров и красноармейцев. Орденом Ленина был награжден и я. Все это взволновало меня до глубины души. Я крепко задумался над тем, что мы должны сделать, чтобы еще выше поднять боевую подготовку и общее состояние дивизии.

Тот год памятен для нас, военных, и еще одной мерой, принятой партией для повышения авторитета командных кадров, — введением персональных воинских званий. Первыми Маршалами Советского Союза стали В. К. Блюхер, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский.

Большим событием был приезд в дивизию Семена Михайловича Буденного. Семен Михайлович тщательно проверил боевую подготовку дивизии, особенно конную, строевую и тактическую. Все смотровые учения прошли блестяще и как бы еще раз подтвердили состояние высокой выучки личного состава.

Для вручения ордена Ленина дивизия была собрана в конном строю на одном из плацев города. Весь личный состав в приподнятом настроении, на флангах каждой части развевались боевые знамена, под которыми ветераны дивизии ходили в бой с белогвардейцами и белополяками.

В торжественной тишине после встречного марша и рапорта С. М. Буденный поднялся на трибуну. По его знаку подъезжаю с ассистентами, держа боевое знамя дивизии. С. М. Буденный прикрепляет к нему орден Ленина, и мы со знаменем скачем полевым галопом перед строем.

В многотысячном “ура”, мощном артиллерийском салюте слышалась самая сердечная благодарность всего личного состава дивизии партии и правительству, отметившим высокой наградой успехи дивизии в учении и боевой подготовке в мирное время.

После объезда строя с кратким словом к дивизии обратился Семен Михайлович. Было заметно его волнение. Да и как же не волноваться! Это выпестованная им дивизия получила самую высокую награду. Надо сказать, что бойцы-конники с большим уважением относились к С. М. Буденному, особенно те, кто вместе с ним прошел тяжелый путь гражданской войны.

После С. М. Буденного, который произнес в наш адрес много хороших, теплых слов, выступил я и от имени всех бойцов просил Семена Михайловича передать Центральному Комитету партии, правительству, что 4-я дивизия, свято храня и умножая боевые традиции, всегда будет готова выполнить любой приказ Родины.

В заключение состоялось торжественное прохождение частей. После парада у командира дивизии был обед, на котором Семен Михайлович и старые конармейцы вспоминали эпизоды гражданской войны, походы и отважных героев, которым не довелось дожить до наших дней. И на этот раз лучшим рассказчиком был ветеран дивизии Василий Васильевич Новиков, командир 4-го механизированного полка. В его удивительной памяти сохранились даже самые мелкие детали из боевой жизни.

В последующие годы моего командования Семен Михайлович трижды посетил дивизию, и каждый его приезд был исключительно приятным для всего личного состава. Надо сказать, что С. М. Буденный умел разговаривать с бойцами и командирами. Конечно,

занятий, учений или штабных игр с личным составом он сам не проводил. Но ему этого в вину никто не ставил.

Несколько раз посетил дивизию и командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич. Это был настоящий советский военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. Он был в полном смысле слова военный человек. Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли, — все говорило о том, что И. П. Уборевич незаурядный военный руководитель. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой.

Первый раз И. П. Уборевич прибыл в дивизию еще в 1934 году. Поздоровавшись со мной, он сказал, что приехал посмотреть, как учится дивизия. Я ответил, что очень рад, хотя, откровенно говоря, все же волновался.

— Ну, вот вам четыре часа, — сказал И. П. Уборевич, — выведите 21-й кавалерийский полк в поле и покажите, чего достигла дивизия. Тема — по вашему усмотрению. Я буду ждать вашего адъютанта в штабе 4-й стрелковой дивизии.

— Мало времени для организации тактического учения, — попробовал возразить я, — мы не успеем даже проинструктировать посредников и обозначить “противника”.

— Да, времени немного, — согласился И. П. Уборевич, — но в боевой жизни все бывает.

Я понял, что возражения бесполезны, надо действовать.

Передав командиру 21-го кавполка И. Н. Музыченко по телефону пароли учебной тревоги и место исходного положения, продиктовал по карте короткое тактическое задание. Пока его печатали, начштадив и его помощник быстро заготовили карты-задания и лично повезли в 21-й кавполк для ознакомления командного состава. В назначенное время все было готово.

Ровно через 4 часа в поле на исходное положение прибыл И. П. Уборевич с посланным мною адъютантом.

Поздоровавшись с командиром 21-го кавполка, он приказал доложить обстановку и решение.

И. Н. Музыченко умело доложил И. П. Уборевичу свое решение. По улыбке командующего я понял, что начало учения ему понравилось.

— Ну что ж, по коням, — сказал он. — Посмотрим полк в действии.

Учение продолжалось 5 часов. За это время командующий сумел объехать все подразделения полка, действовавшего в условиях “передового отряда дивизии”. Он проскакал более 80 километров и, видимо, устав, приказал дать отбой.

После моего разбора, который я сделал прямо с седла перед строем полка, И. П. Уборевич поблагодарил всех за учение, а затем, прощаясь с командованием дивизии, сказал:

— Обучаете части по-современному. Желаю успеха. Я не могу задержаться, спешу на госграницу, но буду у вас перед маневрами.

Все были довольны результатами учения и, честно говоря, тем, что командующий не имел времени дольше оставаться в дивизии.

В 1935 году 4-я кавалерийская дивизия была передана из 3-го кавалерийского корпуса в 6-й казачий корпус, командиром которого был назначен Е. И. Горячев. С апреля 1936 года 4-я кавалерийская дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью дивизию и для нее была установлена казачья форма.

Мне пришлось неоднократно участвовать в окружных маневрах. Но особо ценный оперативно-тактический опыт я получил, участвуя в больших окружных маневрах. Надо отдать должное И. П. Уборевичу, начальнику штаба округа Б. И. Боброву, начальнику отдела боевой подготовки округа Н. А. Шумовичу и всему окружному аппарату — они умели поучительно организовать маневры, мастерски провести розыгрыш действий сторон и разобрать итоги.

Особенно запомнились мне маневры 1936 года, и в частности форсирование реки Березины, той самой, на которой в 1812 году Наполеон погубил остатки своей армии, отступавшей из России.

Нам было известно, что на маневры прибыли нарком обороны К. Е. Ворошилов и другие военачальники. Естественно, что каждая часть, каждое соединение ожидали приезда К. Е. Ворошилова. Ну, а мы, командиры 4-й казачьей дивизии, считали в порядке вещей, что нарком обязательно будет у нас. Но когда! Хотелось, чтобы это произошло в хорошую погоду, когда все мы будем выглядеть веселее, красочнее. К сожалению, как это чаще всего бывает осенью, зарядили дожди.

Закончив сосредоточение частей дивизии в районе переправы, хорошо замаскировав их в лесных массивах в 4—5 километрах от реки, мы вызвали на командный пункт командиров, чтобы дать им устное указание о тактическом взаимодействии с соседними частями после форсирования. Не успели еще развернуть карты, как к командному пункту подъехала вереница машин. Из первой машины вышли К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров и И. П. Уборевич. Я представился наркому обороны и кратко доложил о том, что 4-я дивизия подготовилась к форсированию реки, а командиры частей собраны на местности для получения последних указаний.

— Хорошо, — сказал нарком, — послушаем ваши указания.

Климент Ефремович очень подробно интересовался техникой форсирования реки танками своим ходом при глубине, превышающей высоту танка БТ-5. После детального доклада командира механизированного полка нарком обратился к знакомым по Конной армии командирам и комиссарам частей.

— Как изменилась наша конница! — сказал он. — В гражданскую войну мы с Буденным на всю Конную армию имели несколько примитивных броневиков, а теперь в каждой кавалерийской дивизии — целый полк замечательных танков, способных своим ходом преодолевать сложные речные преграды. Ну, что ты, старый дружище, думаешь насчет танков, — обратился нарком к Федору Яковлевичу Костенко, — не подведут они нас? Может быть, конь вернее, а?

— Нет, Климент Ефремович, — ответил Ф. Я. Костенко. — Коня, шашку и пику мы пока не забываем — думается, рано еще хоронить конницу, она еще послужит Родине, но танкам мы уделяем серьезное внимание, это новый подвижной род войск.

— Ну, а как думает комиссар? — спросил нарком А. С. Зинченко, которого также знал по Первой конной.

— Я считаю, что Федор Яковлевич прав, — ответил он и добавил: — Я был бы плохим, вернее, никуда не годным комиссаром мехполка, если бы сомневался в большом будущем бронетанковой техники. Мое мнение: надо смелее развертывать механизированные войска, особенно танковые соединения, которых у нас маловато.

— Ну что ж, Александр Ильич, — обратился к начальнику Генерального штаба К. Е. Ворошилов, — не будем мешать командованию дивизии. Желаю всем вам удачи, мы еще увидимся и потолкуем.

Мы поняли, что нарком будет лично наблюдать форсирование реки, так как вся колонна машин направилась в район предстоящих действий нашей дивизии. После 30-минутной артиллерийской подготовки передовые отряды частей дивизии на широком фронте подошли к реке. Низко пролетевшее вдоль реки звено самолетов поставило дымовую завесу, удачно прикрыв от “противника” действия первого десантного эшелона. Когда дым начал рассеиваться, передовые подразделения уже зацепились за противоположный берег. Кое-где были слышны крики “ура”, частая стрельба и пушечные выстрелы. А когда дым окончательно растаял, стало хорошо видно, как 15 танков мехполка, с ревом выбравшись на берег “противника” и, стреляя на ходу, быстро подходили к подразделениям, наступавшим на захваченном плацдарме. Скоро вся дивизия была на другом берегу и, опрокинув “противника”, успешно продвигалась вперед.

На разборе маневров нарком дал высокую оценку нашей дивизии, похвалив за хорошую организацию форсирования реки и новаторство танкистов, рискнувших своим ходом преодолеть такую глубокую реку, как Березина.

На полковых собраниях мы рассказали об этом солдатам, сержантам и командирам. Они долго не расходились по квартирам, продолжая с увлечением делиться впечатлениями о прошедших маневрах.

Утром следующего дня состоялся большой парад. Погода была чудесная, солнышко как-то особенно согревало наши сердца. Войска, участвовавшие в окружных маневрах, закончив построение, ждали команды “смирно”, чтобы встретить наркома обороны.

Мне показалось, что командиры частей 4-й Донской казачьей дивизии волнуются больше других. Да нет, солдатские лица, лица командиров спокойны, уверены — все будет

хорошо. Раздалась команда: “Смирно!”, “Равнение направо!”. К войскам приближался нарком обороны.

Короткий рапорт командующего округом И. П. Уборевича — и нарком направился к войскам. Объезд стрелковых войск окончен. Оркестр дивизии заиграл встречный марш. Полевым галопом на рыжем коне нарком подскакал к нашей дивизии. Первую остановку К. Е. Ворошилов делает около 19-го Манычского кавполка, в строю которого он не раз ходил в атаку на белогвардейские и белопольские части.

— Здравствуйте, товарищи! — с какой-то особой теплотой произнес К. Е. Ворошилов, окинув взглядом бойцов.

После объезда 4-й дивизии нарком тем же аллюром поскакал в 6-ю Чонгарскую казачью дивизию. Эта дивизия не меньше прославилась в годы гражданской войны. Вместе с нашей она хорошо сражалась под знаменами Первой конной армии.

Позже К. Е. Ворошилов, поднявшись на трибуну, произнес речь, в которой коротко сказал о политике и мероприятиях партии в деле строительства социализма, о международном положении, о необходимости крепить оборону нашей страны и поздравил войска с успешным завершением осенних маневров. Затем под мощные звуки оркестра двинулась пехота, отбивая шаг. После пехоты пошла конница.

Обычно конница на парадах шла рысью, но на этот раз мы уговорили командующего разрешить пройти манежным галопом. Но как-то так получилось, что манежный галоп при подходе к трибуне наркома перерос в полевой галоп, а когда подошла колонна пулеметных тачанок, то их аллюр усилился до карьера. Комкор С. К. Тимошенко начал беспокоиться, поглядывая в мою сторону, но я уже ничего не мог поделать. Тачанки летели, как стрелы, выпущенные из лука. Боялись мы лишь одного: как бы не соскочило колесо у какой-нибудь тачанки, что иногда бывало на парадах даже в Москве. Я посмотрел на наркома, и у меня отлегло от сердца. Он от души улыбался и приветливо махал рукой лихим пулеметчикам дивизии.

В последующие годы 4-я Донская казачья дивизия всегда участвовала в окружных маневрах. Она выходила на маневры хорошо подготовленной, и не было случая, чтобы дивизия не получила благодарности высшего командования.

Хочется вспомнить одно из предманевренных учений, которое было проведено в районе города Слуцка под руководством И. П. Уборевича и его заместителя С. К. Тимошенко

Тема учения была “Встречный бой стрелковой дивизии с кавалерийской дивизией”.

В ту пору стрелковая дивизия была уже хорошо оснащенным боевым соединением. Если десять лет назад при штатной численности 12 800 человек стрелковая дивизия имела 54 орудия, 189 станковых и 81 ручной пулемет и была совсем без танков и зенитных средств, то стрелковая дивизия 1935 года примерно при той же численности имела уже 57 танков, до сотни орудий, 180 станковых, более 350 ручных и 18 зенитных пулеметов.

Учение началось ранним сентябрьским утром. Стояла хорошая погода. Осенняя свежесть бодрила бойцов, все были в приподнятом настроении. С тактическим заданием личный

состав ознакомился еще с вечера, а в течение ночи части дивизии готовились к выступлению На первом этапе предстояло захватить и преодолеть узкое дефиле.

Этот маневр имел важное значение, особенно для передовых частей, так как за болотистым массивом находился тактически важный рубеж высот, с которых открывался хороший обзор местности. Сама местность обеспечивала рассредоточение дивизии на широком фронте, что всегда немаловажно в условиях встречных сражений. В качестве передового отряда кавдивизии нами было решено назначить часть сил 4-го механизированного полка, состоявшую из легких танков, бронемашин, моторизованной пехоты и артиллерии. Благодаря своей подвижности такой отряд обеспечивал быстрый захват и преодоление дефиле и последовательный выход на важнейшие рубежи, не говоря уже о том, что нам было необходимо быстрее войти в соприкосновение с “противником”.

По кратчайшим расстояниям, в стороны от направления движения, там, где был плохой обзор местности, выехали кавалерийские отдельные разъезды. Как только получили радиосигнал от передового отряда о прохождении дефиле и выходе передовых подразделений на первый рубеж, мы дали радиосигналы главным силам: немедленно начать поэшелонное передвижение через дефиле с целью выхода в исходные районы для захвата основного рубежа.

Через два часа все главные силы, преодолев болотистое пространство, вышли на свои направления. Штаб дивизии и командование к этому времени находились в центре этих сил. Из донесений передового отряда и его разведорганов стало известно, что навстречу нашей дивизии двинулась по основному направлению колонна в составе двух полков с артиллерией, отдельной колонной один стрелковый полк, усиленный артиллерией. Разведывательные органы “противника” находятся впереди авангардов на удалении 6—8 километров. А судя по тому, что и разведывательная авиация не летала, мы были уверены: “противник” пока еще не обнаружил нашу группировку на марше.

Как всегда неожиданно, к штабу подъехал командарм 1 ранга И. П. Уборевич в сопровождении С. К. Тимошенко.

— Что вам известно о “противнике”? Где части вверенной вам дивизии? — спросил он.

Я показал на своей карте, где части “противника”, где и в какой группировке находится вверенная мне дивизия, а также доложил свое решение. И. П. Уборевич попросил показать и отметить на его карте район, где я думаю атаковать “противника”, и направление ударов полков.

— Это предварительное решение, если, конечно, не будет серьезных изменений обстановки, — сказал я.

По улыбке С. К. Тимошенко понял, что попал в точку. Это придало мне больше уверенности.

— Как будете доводить свой приказ до полков и где будете сами в период сближения и завязки боя? — спросил И. П. Уборевич.

Я ответил:

— В правую колонну 20-го кавполка, который имеет задачу сковать “противника”, в составе стрелкового полка поедет начальник оперативного отдела Архипов, 19-й кавполк, усиленный дивизионом артиллерии и эскадроном танков, будет действовать против главных сил “противника” с фронта. Туда приказ передаст мой заместитель комбриг Дрейер. Главным силам дивизии, которые должны обойти с фланга группировку “противника” и атаковать ее с тыла, приказ передам сам. Там же буду находиться до конца боя. Сейчас одновременно с выездом в части моих делегатов будут переданы короткие приказы по радио.

— Желаю успеха, — сказал И. П. Уборевич и, сев вместе с С. К. Тимошенко в машину, уехал в сторону “противника”.

Как мы и рассчитывали, 19-й и 20-й кавполки завязали с фронта жаркий бой с подошедшим “противником”, что облегчило нашим главным силам ориентирование в обстановке.

Но каким беспечным оказался наш “противник”! При обходе его с фланга и при развертывании наших главных сил у него в тылу нас никто не обнаружил. Остановившись на одной из высот, мы видели: один стрелковый полк “противника”, развернувшись фронтом на запад, ведет бой с нашим 19-м кавполком, который занял очень хороший огневой рубеж. Другой совершает обходное движение по пахоте, видимо, с целью выхода во фланг 19-го кавполка, который “противником” был принят за нашу главную группировку.

В это время из-за перелесков, развернувшись в боевые порядки, двинулись наши танки, за которыми следовали в предбоевых порядках главные силы дивизии. Открылся шквальный огонь танков и артиллерии. А затем послышалось громкое тысячеголосое “ура”. Как это и бывает во встречном бою, что произошло дальше — понять было трудно.

Что же все-таки случилось? Какая сторона лучше маневрировала, быстрее развернулась и удачнее нанесла удар? Об этом мы узнали только на разборе, который состоялся тут же в поле. Разбор произвел лично командующий И. П. Уборевич. Минут пять он ходил молча перед строем командиров обеих дивизий, и затем, остановившись, начал так:

— Я сегодня ночью в вагоне с удовольствием прочитал книгу “Канны”, которую вы, товарищ Иссерсон, написали. (Иссерсон был командиром 4-й стрелковой дивизии.) Но вот здесь, в полевой обстановке, у вас “Канн” не получилось, да и, вообще говоря, ничего не получилось.

А затем, разгорячившись, продолжал:

— Как это можно допустить, чтобы стрелковая дивизия дала себя окружить и разбить во встречном бою с кавалерийской дивизией? Как могло получиться, что сам комдив и его штаб были захвачены во время завтрака на поляне, когда обстановка требовала от них особой бдительности и разведки “противника”?

Указав на ряд серьезных недостатков в действиях 4-й стрелковой дивизии, И. П. Уборевич сказал, что 4-я кавалерийская дивизия произвела на него хорошее впечатление.

Нам, кавалеристам, было приятно слышать похвалу командующего, но в то же время мы были искренне расстроены неудачей 4-й стрелковой дивизии, с которой находились в одном гарнизоне и очень дружили.

На маневрах командованию 4-й стрелковой дивизии вновь не повезло. В районе Тростянца (недалеко от Минска) в числе других дивизия опять попала в окружение. Но это еще полбеды, а главное было в том, что она крайне неумело выходила из окружения. И на этот раз главным ее “противником”, как и на учении в районе Слуцка, оказалась наша 4-я кавалерийская дивизия.

Выход из окружения — это, пожалуй, самый трудный и сложный вид боевых действий. Чтобы быстро прорвать фронт противника, от командования требуется высокое мастерство, большая сила воли, организованность и особенно четкое управление войсками.

Скрытная перегруппировка частей к участку прорыва, мощный огневой и авиационный налет, стремительный удар по боевым порядкам противника, лишение его артиллерийского наблюдения путем дымовых завес являются гарантией успешного прорыва и выхода частей из окружения. К сожалению, такие действия не смогло организовать командование стрелковой дивизии.

Всего этого можно было бы и не касаться, но недостатки в боевой подготовке 4-й стрелковой дивизии, к сожалению, не были изжиты до самой Великой Отечественной войны, и она за них поплатилась ценой гибели многих воинов на полях Белоруссии, попав в окружение в начальном периоде войны.

Последний раз И. П. Уборевич проверял нашу дивизию в 1936 году.

Благодаря усилиям всего личного состава дивизия была в прекрасном состоянии. Ее политическая подготовка, дисциплина, общая организованность, постоянная боевая готовность оценивались только на “хорошо” и “отлично”. Всегда скупой на похвалу И. П. Уборевич тепло благодарил личный состав и многих наградил ценными подарками.

В связи с арестом И. П. Уборевича в 1937 году командующим Белорусским военным округом был назначен командарм 1 ранга И. П. Белов, хорошо разбиравшийся в оперативных вопросах. Начальником штаба стал А. М. Перемытое, а членом Военного совета — армейский комиссар А. И. Мезис.

Однако, оглядываясь назад, я должен все же сказать, что лучшим командующим округом был командарм 1 ранга И. П. Уборевич. Никто из командующих не дал так много в оперативно-тактической подготовке командирам и штабам соединений, как И. П. Уборевич и штаб округа под его руководством.

Я проработал командиром дивизии более четырех лет, и все эти годы жил одной мыслью: сделать вверенную мне дивизию лучшей в рядах Красной Армии, самой передовой. В подготовку дивизии было вложено много сил, энергии и труда, чтобы вытянуть ее из прорыва, научить командирские кадры и штабы искусству современной тактики, организации и методам управления подразделениями, частями и дивизией.

Не берусь утверждать, что тогда нами было сделано все. Были ошибки, промахи и просчеты с нашей стороны, но со спокойной совестью могу сказать, что в подготовке дивизии командиры и политработники тогда большего дать не могли, а все, что имели, отдали сполна.

В целом жизнь армии в 1929—1936 годах была прежде всего связана с осуществлением ленинской программы построения социализма . На базе экономического подъема страны, успехов науки и техники армия, авиация и флот насыщались новым оружием, совершенствовалась организационная структура войск, развернулась техническая подготовка кадров. Благотворно сказывалось на патриотическом воспитании армии значительное укрепление социально-политического и идейного единства народа, связанное с победой социализма.

В этой и предыдущей главах я не случайно несколько раз останавливался на различных учениях и маневрах. Дело в том, что линия практического овладения армией новой техникой, всеми видами уже довольно сложных форм военного дела была в те годы господствующей.

Реввоенсовет СССР, центральный и окружной аппараты Наркомата обороны, высший, средний и младший комсоставы, политорганы, партийные и комсомольские организации, бойцы всех родов войск настойчиво и, я бы сказал, рьяно, с энтузиазмом решали задачи, поставленные ЦК ВКП(б) и наркомом обороны по овладению новой техникой и совершенствующейся в этой связи тактикой. Многие летчики прямо-таки блестяще освоили авиационное дело, в сухопутных войсках выросли тысячи отличников боевой и политической подготовки.

Конечно, не везде все шло одинаково хорошо. Боевая выучка личного состава войск в ряде случаев оказывалась недостаточной в сложных условиях, во многих частях хромало управление, штабы еще не научились быстро и четко организовывать взаимодействие в бою различных родов войск. Но в целом благодаря упорной работе с кадрами в течение последних лег удалось осуществить перелом в овладении командирами, штабами и войсками военным искусством.

В этом отношении были очень показательны осенние маневры 1936 года, проведенные в нашем Белорусском военном округе с целью проверки боевой подготовки войск. В маневрах принимали участие крупные соединения, насыщенные техникой. Командиры и войска в целом продемонстрировали умение управлять боем во взаимодействии всех родов войск в условиях быстро меняющейся обстановки. Эти и многие другие учения и маневры свидетельствовали о растущей мощи Красной Армии, о том, что она превращается в первоклассную армию.

После назначения меня на должность командира 3-го конного корпуса дивизию принял командир 21-го кавполка И. Н. Музыченко.

С тех пор прошло более 30 лет, но по сей день у меня сохранились самые лучшие воспоминания о командирах и бойцах 4-й Донской казачьей дивизии имени К. Е. Ворошилова.

В конце Отечественной войны после проведения операции по освобождению Белоруссии от немецких оккупантов я специально поехал в город Слуцк, о котором у меня

сохранилось так много воспоминаний, чтобы посмотреть, что же от него осталось. Не преувеличивая, скажу, что сердце сжалось от боли при виде руин — результатов зверства фашистских войск, предавших огню и уничтожению город и его население.

В 1956 году, во время командно-штабных полевых учений, я вновь посетил Слуцк Город родился заново и стал еще более красивым и благоустроенным.

Глава шестая. **3-й и 6-й конные корпуса Белорусского военного округа**

Шел 1937 год. Двадцать лет существования советской власти, двадцать лет тяжелой борьбы и славных побед, развитие экономики и культуры, успехи, достигнутые на всех участках строительства социализма, продемонстрировали величие идей Октябрьской революции.

Сделано было много, неслыханно много для такого краткого исторического срока. До начала индустриализации технический уровень нашей страны был в 4 раза ниже уровня Англии, в 5 раз ниже Германии, в 10 раз ниже США. За годы первой (1929—1932) и второй (1933—1937) пятилеток возникли многие новые отрасли промышленности, далеко вперед шагнула металлургия, химия, энергетика, машиностроение.

Валовая продукция всей промышленности СССР в 1937 году выросла по сравнению с 1929-м почти в 4 раза, а если сравнить 1913 год и год предвоенный, то по машиностроению и металлообработке выпуск валовой продукции увеличился в 35 раз За годы довоенных пятилеток было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий, создана новая мощная индустриальная база на востоке страны, которая так пригодилась нам в годы Великой Отечественной войны. В целом СССР по объему промышленного производства, по техническому оснащению вновь построенных предприятий вышел на первое место в Европе и на второе в мире.

Когда сегодня говоришь на подобные темы с молодыми людьми, незаметно, чтобы эти цифры и данные их особенно волновали. Может быть, в какой-то степени это и естественно: и время другое, и масштабы новые, заботы, интересы иные Многое уже сделано, принято готовым, первые ступени лестницы, по которой мы поднимались, уже не видны Но для тех, кому сегодня за 50, а тем более для нас, захвативших и дореволюционные годы, в этих цифрах заложено многое. Мы их изучали, знали наизусть, гордились ими. Вероятно, прежде всего потому, что в них была наша жизнь, был вложен наш труд, порою граничивший с самоотречением, всегда сопровождавшийся убежденностью, что от твоих усилий зависит всеобщее благо...

Я далек от стремления читать мораль, сетовать на нынешнюю молодежь хотя бы потому, что это сегодня слишком уж модно.

Хочу лишь сказать одно: пусть, за давностью времен, уже не сердцем, как мы, а только разумом молодое поколение поймет, что темпы довоенного развития были одним из ярких свидетельств прогрессивности нашего строя, что к этим временам еще много раз будут возвращаться историки, социологи, философы, публицисты, с тем чтобы описать и изучить секреты, пружины столь стремительного движения вперед новой общественной формации.

Итак, мощная база обороны страны была создана. Как же выглядела наша армия после технической реконструкции, проведенной в предвоенные пятилетки?

В целом она превратилась в передовую, современную армию. По соотношению видов и родов войск, по своей организационной структуре и техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических стран.

Были построены десятки и сотни оборонных предприятий. Мы помним, что после гражданской войны страна не имела специальных заводов, производивших танки, самолеты, авиационные двигатели, мощные артиллерийские системы, средства радиосвязи и другие виды современной боевой техники и вооружения. Почти во всем приходилось начинать на пустом месте. В связи со сложностью международной обстановки, растущей возможностью агрессии со стороны империалистических государств партия намечает на годы первой и второй пятилеток более высокие темны развития оборонной индустрии, чем всех других отраслей промышленности.

Перед учеными, инженерами, изобретателями поставлена задача — создать такие образцы военной техники и оружия, которые не только не уступали бы иностранным, но и смогли бы превзойти их по боевым качествам. Практически по каждому виду вооруженных сил и роду войск создаются крупные военно-конструкторские бюро, лаборатории и научно-исследовательские институты. Родились десятки талантливых конструкторских коллективов, горячо взявшихся за дело.

Основным направлением развития стрелкового оружия было упрощение его устройства, облегчение веса и увеличение скорострельности. Знаменитая русская трехлинейная винтовка, созданная капитаном русской армии С. И. Мосиным, была модернизирована. В серийное производство поступили автоматическая винтовка С. Г. Симонова (образца 1936 года), карабин (образца 1938 года), ручной пулемет В. А. Дегтярева и созданные на его основе танковые, зенитные и авиационные пулеметы.

В 1938 году на вооружение принимается первый отечественный крупнокалиберный пулемет Дегтярева — Шпагина, который отличался своими боевыми качествами. В 1939 году армия получает новый станковый пулемет системы В.А. Дегтярева. Хорошо приняла армия пистолеты-пулеметы под пистолетный патрон В. А. Дегтярева (ППД) и особенно новые образцы конструкции Г. С. Шпагина (ППШ). С 1930 по 1938 год выпуск винтовок и карабинов возрос со 174 тысяч до 1175 тысяч, пулеметов— примерно с 41 тысячи до 77 тысяч. По насыщенности ручными и станковыми пулеметами, а также по количеству пуль, выпускаемых в одну минуту на одного бойца, Красная Армия к концу второй пятилетки превосходила капиталистические армии того времени{31}.

Быстро возрастал выпуск танков. За первую пятилетку было произведено 5 тысяч, к концу второй армия располагает уже 15 тысячами танков и танкеток. Все эти машины отличались высокой огневой мощью, быстроходностью. В то время равных им по этим качествам однотипных машин у наших возможных противников не было. Конечно, эти машины были еще недостаточно маневренны и легко уязвимы от артиллерийского огня, они очень часто выходили из строя. Работали танки на бензине и, следовательно, были легковоспламенимы и имели недостаточно прочную броню.

Ежегодный выпуск танков с 740 в 1930—1931 годах достиг в 1938 году 2271. Увлечение танками в какой-то мере привело к Недооценке артиллерии. Некоторые военные деятели

даже думали свести пушечную артиллерию к универсальным и полууниверсальным пушкам. ЦК ВКП(б) обратил внимание на ошибочность этой тенденции, наметил правильное соотношение между пушечной и гаубичной артиллерией. С конца 1937 года несколько крупных машиностроительных заводов переводятся на производство новой артиллерийской техники, а мощности действующих заводов значительно увеличиваются. В 1930—1931 годах выпускалось ежегодно 2 тысячи орудий, в 1938 году—уже более 12 с половиной тысяч. В 1937 году создается 152-мм гаубица-пушка и совершенствуется 122-мм пушка, в 1938 году появляется 122-мм гаубица.

Все это тоже было неплохое оружие. Например, 45-мм противотанковая пушка образца 1937 года могла пробивать броню машин всех типов, стоявших в то время на вооружении капиталистических государств.

К началу 1939 года количество орудий в армии с 17 тысяч (1934 год) увеличилось почти до 56 тысяч. Правда, некоторые устаревшие артиллерийские системы слишком долго оставались на вооружении, ряд задач в оснащении армии артиллерией решить тогда не удалось.

В годы второй пятилетки стрелковые войска получили минометы калибра 50 миллиметров. Задолго до войны очень способным конструктором Б. И. Шавыриным были созданы минометы калибра 82 и 120 миллиметров. Подлинное оснащение армии минометным оружием произошло позднее.

Техническая реконструкция преобразила наши военно-воздушные силы. Авиационная промышленность освоила массовое производство различных отечественных типов самолетов. Военные летчики получили двухмоторные скоростные бомбардировщики СБ, тяжелый бомбардировщик ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия, скоростные маневренные истребители И-15 и И-16.

Кто не помнит легендарных полетов М. М. Громова, В. П. Чкалова, В. К. Коккинаки? Они совершались на отечественных самолетах. В 1937 году наши летчики установили около 30 международных рекордов на дальность, высоту и скорость полета. Стало быть, в те годы технический уровень советской авиации был не ниже зарубежного. К сожалению, экономические возможности не позволили тогда перейти к массовому производству этих замечательных образцов. Хотя авиационная промышленность, отвечавшая требованиям времени, в 1938 году выпустила почти 5,5 тысячи самолетов против 860 в 1930 году.

Успехи социалистической индустриализации позволили значительно повысить технический уровень и боеспособность Военно-Морского Флота. С 1929 по 1937 год было построено 500 новых боевых и вспомогательных кораблей различных классов. По инициативе ЦК партии в 1932 году создается Тихоокеанский флот, в 1933 году— Северная военная флотилия; укреплялись Каспийская, Амурская, Днепровская флотилии. Развертывается строительство крупных судов для океанского флота, серийное производство подводных лодок типа К, Л, Щ, С и торпедных катеров, эсминцев, легких крейсеров типа “Киров” и тяжелых — типа “Чапаев”, создаются батареи береговой артиллерии, укрепляется морская авиация. В самом конце 1937 года образуется Народный комиссариат судостроительной промышленности, разрабатывается план строительства большого флота на новую пятилетку.

Вслед за техническим перевооружением армии и флота естественным и логичным был переход от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому принципу строительства наших вооруженных сил. Ведь новая военная техника коренным образом изменила способы ведения войны, поставила своеобразные и сложные задачи в боевом использовании видов и родов войск и их взаимодействии в сражениях. Тут уж кратко временные сборы были недостаточны, требовалось более продолжительное время, последовательное и систематическое военное обучение. Экономические возможности страны (ведь содержание кадровой армии стоило значительно дороже) позволяли осуществить этот переход.

Политбюро ЦК ВКП(б) и правительство одобрили и утвердили предложения Реввоенсовета СССР о значительном увеличении числа кадровых дивизий и усилении кадрового ядра остающихся территориальных дивизий. Этот процесс сопровождался увеличением численности Красной Армии. В 1933 году в ней было 885 тысяч человек, а к концу 1937 года — более полутора миллионов. Количество кадровых дивизий возросло в 10 раз, окончательный переход к кадровой системе комплектования и организации армии был завершен в 1939 году. К концу 1938 года были почти полностью переведены на кадровую систему стрелковые дивизии приграничных округов.

Переход на кадровый принцип комплектования войск совершался и по другой причине. Нам необходимо было находиться в постоянной высокой боевой готовности. Войска, комплектуемые по территориальному принципу, такой готовности обеспечить не могли. Основные империалистические государства начали развертывать массовые кадровые армии, все больше средств бросая на подготовку к новой войне. Доля военных расходов в бюджете Японии за время с 1934 по 1938 год увеличивается с 43 до 70 процентов, Италии — с 20 до 52 процентов, Германии — почти в 3 раза, с 21 до 61 процента.

В 1935 году фашистская Италия захватила Абиссинию, в 1936 году Германия и Италия развернули интервенцию против республиканской Испании. Мы чувствовали, что начинались не просто битвы и сражения одних стран против других, а глобальная схватка сил реакции и фашизма с силами демократии и социализма.

Те, которым сегодня больше пятидесяти, хорошо помнят, как, выполняя свой интернациональный долг, мы помогали законному правительству и народу Испанской республики всем, чем могли, — вооружением, продовольствием, медикаментами. Охваченные романтическим, революционным порывом, в Испанию отправлялись добровольцами летчики, танкисты, артиллеристы, простые солдаты и видные военачальники.

Вообще для того времени был характерен большой внутренний подъем.

Если говорить о стране в целом, экономика, культура бурно развивались, жизнь заметно улучшалась, тысячи энтузиастов устанавливали трудовые рекорды.

В армии господствовало желание учиться, хорошо овладеть своим делом. Морально-политическим качествам войск можно было дать высшую оценку. Такой атмосфере способствовала огромная работа, проведенная партией с целью повышения общей культуры красноармейских масс, чрезвычайно развитая система обучения, изменение самого кадрового состава войск.

К 1937 году Красная Армия стала армией сплошной грамотности. Ее ряды пополнялись молодыми людьми, которые уже имели специальности трактористов, комбайнеров, шоферов и т.д. На культурно-просветительную работу отпускались огромные средства — больше 200 миллионов рублей в год. Книжный фонд армейских библиотек достиг почти 25 миллионов экземпляров, личный состав выписывал массу периодических изданий, значительно возросло количество Домов Красной Армии, радиоузлов, киноустановок, кинопередвижек, клубов. Армия активно участвовала в политической жизни страны.

В 75 военных училищах и школах обучалась молодежь, имевшая образование не ниже семи классов. Комсомол, который теперь стал шефом Военно-Воздушных Сил, дал авиации тысячи прекрасных молодых людей, из которых выросли замечательные летчики, командиры, политработники. Учебный процесс непрерывно совершенствовался, учебные планы насыщались теоретическими дисциплинами и практическими занятиями, связанными с умелым применением в бою новой техники. Особое внимание уделялось подготовке кадров для быстро растущих новых родов войск и видов вооруженных сил, по поводу чего ЦК партии обычно принимал специальные постановления. Расширялась высшая военная школа. К концу второй пятилетки существовало уже 13 военных академий, один военный институт и 5 военных факультетов при гражданских вузах.

Благотворные изменения произошли в классовом составе армии. Из старых военных специалистов в армии остались лишь проверенные жизнью, преданные советской власти, а новые кадры специалистов состояли из рабочих и крестьян, прошедших школу гражданской войны или получивших техническое образование и политическое воспитание в военно-учебных заведениях. К 1937 году рабочие и крестьяне составляли более 70 процентов комсостава, более половины командиров были коммунисты и комсомольцы.

Одним словом, дела шли хорошо. Правда, Советский Союз строил новый мир пока почти один, находился во враждебном, капиталистическом окружении, иностранные разведки не жалели сил и средств, чтобы помешать нашему народу. Но страна и армия быстро крепли год от года, пути экономического и политического развития были ясны, всеми приняты и одобрены, в массах господствовал трудовой энтузиазм.

Тем более противоестественными, совершенно не отвечавшими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году, явились необоснованные, в нарушение социалистической законности, массовые аресты, имевшие место в армии в тот год.

Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться на развитии наших вооруженных сил и на их боеспособности.

1937 год в истории советского народа и советских вооруженных сил занимает особое место. Этот год был тяжелым моральным испытанием идейной крепости советского народа, идущего под знаменем марксизма-ленинизма вперед к коммунизму.

20 лет существования советской власти, двадцать лет тяжелой борьбы и славных побед, одержанных советским народом в борьбе с внутренней контрреволюцией и внешними врагами, в борьбе за экономическое и культурное строительство и достигнутые успехи на всех участках строительство социализма, окончательно убедили советский народ в правильности идей Великой Октябрьской социалистической революции. Убедили в том,

что программа Коммунистической партии и практика строительства социализма в нашей стране отвечает коренным, жизненным интересам советского народа и что у нашей партии нет других интересов, кроме как организация борьбы за светлое будущее нашей Родины.

Советский народ верил партии и шел за ней твердой поступью вперед. Конечно, как говорится, в семье не без урода. Были в рядах партии и в народе маловеры, нытики и тунеядцы всех мастей и оттенков, но они не составляли какой-либо значительной социальной силы, чтобы затормозить или сорвать успешное строительство социализма. Основная масса наших людей искренне и навсегда посвятили себя и свою жизнь борьбе за идеи, провозглашенные великим Лениным.

Советские люди не жалели себя в труде, подчас отказывая себе во многом, готовы были отдать жизнь за нашу социалистическую Родину.

Казалось, что ни у кого не может возникнуть мысль о нелояльности советских людей к партии, к правительству, к делу строительства социализма.

Как известно, советский народ беспощадно разгромил белогвардейскую контрреволюцию и изгнал за пределы нашей Родины иностранных интервентов и своей борьбой, своей кровью доказал непоколебимую преданность делу нашей ленинской партии. Однако советскому народу и партии пришлось тяжело поплатиться за беспринципную подозрительность политического руководства страны, во главе которого стоял И. В. Сталин.

В вооруженных силах было арестовано большинство командующих войсками округов и флотов, членов Военных советов, командиров корпусов, командиров и комиссаров соединений и частей. Шли большие аресты и среди честных работников органов государственной безопасности.

В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял, люди стали бояться друг друга, избегали встреч и каких-либо разговоров, а если нужно было — старались говорить в присутствии третьих лиц — свидетелей. Развернулась небывалая клеветническая эпидемия. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха не быть заподозренным в нелояльности. И эта жуткая обстановка продолжала накаляться.

Советские люди от мала до велика не понимали, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты. И не только члены партии, но и беспартийные люди с недоумением и внутренним страхом смотрели на все выше поднимавшуюся волну арестов, и, конечно, никто не мог открыто высказать свое недоумение, свое неверие в то, что арестовывают действительных врагов народа и что арестованные действительно занимались какой-либо антисоветской деятельностью или состояли в контрреволюционной организации. Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на то, что его не заберут этой ночью по какому-нибудь клеветническому доносу.

По существующему закону и по здравому смыслу органы госбезопасности должны были бы вначале разобраться в виновности того или иного лица, на которого поступила анонимка, сфабрикованная ложь или самооговор арестованного, вырванный под

тяжестью телесных пыток, применяемых следовательским аппаратом по особо важным делам органов государственной безопасности. Но в то тяжкое время существовал другой порядок — вначале арест, а потом разбирательство дела. И я не знаю случая, чтобы невиновных людей тут же отпускали обратно домой. Нет, их держали долгие годы в тюрьмах, зачастую без дальнейшего ведения дел, как говорится, без суда и следствия.

В 1937 году был арестован наш командир 3-го конного корпуса Данило Сердич как “враг народа”.Что же это за враг народа?

Д. Сердич по национальности серб. С первых дней создания Красной Армии он встал под ее знамена и непрерывно сражался в рядах Первой конной армии с белогвардейщиной и иностранными интервентами. Это был храбрейший командир, которому верили и смело шли за ним в бой прославленные конармейцы. Будучи командиром эскадрона и командиром полка Первой конной армии, Д. Сердич вписал своими смелыми, боевыми подвигами много славных страниц в летопись немеркнущих и блистательных побед Олеко Дундича. И вдруг Сердич оказался “врагом народа”.

Кто этому мог поверить из тех, кто хорошо знал Д. Сердича?

Через пару недель после ареста комкора Д. Сердича я был вызван в город Минск в вагон командующего войсками округа.

Явившись в вагон, я не застал там командующего войсками округа, обязанности которого в то время выполнял комкор В. М. Мулин. Через два месяца В. М. Мулин был арестован как “враг народа”, а это был не кто иной, как старый большевик, многие годы просидевший в царской тюрьме за свою большевистскую деятельность. В вагоне меня принял только что назначенный член Военного совета округа Ф. И. Голиков (ныне Маршал Советского Союза). Он был назначен вместо арестованного члена Военного совета П. А. Смирнова, мужественного и талантливого военачальника.

Задав мне ряд вопросов биографического порядка, Ф. И. Голиков спросил, нет ли у меня кого-либо арестованных из числа родственников или друзей. Я ответил, что не знаю, так как не поддерживаю связи со своими многочисленными родственниками. Что касается близких родственников— матери и сестры, то они живут в настоящее время в деревне Стрелковка и работают в колхозе. Из знакомых и друзей — много арестованных.

— Кто именно? — спросил Голиков.

Я ответил:

— Хорошо знал арестованного Уборевича, комкора Сердича, комкора Вайнера, комкора Ковтюха, комкора Кутякова, комкора Косогова, комдива Верховского, комкора Грибова, комкора Рокоссовского.

— А с кем из них вы дружили? — спросил Голиков.

— Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем. С Рокоссовским учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в городе Ленинграде и совместно работал в 7-й Самарской кавдивизии. Дружил с комкором Косоговым и

комдивом Верховским при совместной работе в Инспекции кавалерии. Я считал этих людей большими патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами, — ответил я.

— А вы сейчас о них такого же мнения? — глядя на меня в упор, спросил Голиков.

— Да, и сейчас.

Ф. И. Голиков резко встал с кресла и, покраснев до ушей, грубо сказал:

— А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?

Я ответил, что я не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла какая-то ошибка. Я почувствовал, что Ф. И. Голиков сразу настроился на недоброжелательный тон, видимо, он остался неудовлетворенным моими ответами. Порывшись в своей объемистой папке, он достал бумагу и минут пять ее читал, а потом сказал:

— Вот в донесении комиссара 3-го конного корпуса Юнга сообщается, что вы бываете до грубости резок в обращении с подчиненными командирами и политработниками и что иногда недооцениваете роль и значение политических работников. Верно ли это?

— Верно, но не так, как пишет Юнг. Я бываю резок не со всеми, а только с теми, кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость, — ответил я.

— Есть сведения, что не без вашего ведома ваша жена крестила в церкви дочь Эллу. Верно ли это? — продолжал Ф. И. Голиков.

— Это очень неумная выдумка. Поражаюсь, как мог Юнг, будучи неглупым человеком, сообщить такую чушь, а тем более он, прежде чем написать, должен был бы провести расследование.

Дальнейший разговор был прерван приходом в вагон исполнявшего должность командующего войсками округа В. М. Мулина. Я раньше никогда не встречался с В. М. Мулиным. При первой же встрече он произвел на меня очень хорошее впечатление своей красивой наружностью, спокойным и мягким тоном разговора, умением коротко и ясно выразить свою мысль. После предварительной беседы В. М. Мулин сказал:

— Военный совет округа предлагает назначить вас на должность командира 3-го конного корпуса. Как вы лично относитесь к этому предложению?

Я ответил, что готов выполнять любую работу, которая мне будет поручена.

— Ну вот и отлично, — сказал В. М. Мулин.

Ф. И. Голиков протянул В. М. Мулину донесение комиссара 3-го конного корпуса Н. А. Юнга, отдельные места которого были подчеркнуты красным карандашом.

В. М. Мулин, прочитав это донесение, сказал:

— Надо пригласить Юнга и поговорить с ним. Я думаю, что здесь много наносного.

Голиков молчал.

— Езжайте в дивизию и работайте. Я свое мнение сообщу в Москву. Думаю, что вам скоро придется принять 3-й корпус, — сказал В. М. Мулин.

Распростившись, я уехал в дивизию.

Прошло не менее месяца после встречи и разговора с Ф. И. Голиковым и В. М. Мулиным, а решения из Москвы не поступало. Я считал, что Ф. И. Голиков, видимо, сообщил обо мне в Москву свое отрицательное мнение, которое сложилось у него на основании лживого донесения Юнга. А я, откровенно говоря, отчасти даже был доволен тем, что не получил назначения на высшую должность, так как тогда шла какая-то особо активная охота на высших командиров со стороны органов государственной безопасности. Не успеют выдвинуть человека на высшую должность, глядишь, а он уже взят под арест как “враг народа” и мается бедняга в подвалах НКВД.

Несмотря на то, что кругом шли аресты, основное ядро командно-политического состава дивизии работало требовательно, с полным напряжением своих сил, мобилизуя личный состав дивизии на отличное выполнение задач боевой подготовки. И что особенно радовало — это то, что партийная организация частей дивизии была крепко сплочена и пресекала любую попытку каких-либо клеветников ошельмовать того или иного коммуниста, командира или политработника.

Однако вскоре все же был получен приказ наркома обороны о назначении меня командиром 3-го конного корпуса. Командиром 4-й кавалерийской дивизии вместо меня назначался И. Н. Музыченко.

Передав дивизию И. Н. Музыченко, я через пару дней выехал в город Минск и вступил в должность командира 3-го конного корпуса.

По прибытии в корпус меня встретил начальник штаба корпуса Д. Самарский. Первое, о чем он мне доложил, — это об аресте как “врага народа” комиссара корпуса Юнга, того самого Юнга, который написал на меня клеветническое донесение Ф. И. Голикову. Внутренне я как-то даже был доволен тем, что клеветник получил по заслугам — “рыл яму для другого, а угодил в нее сам”, как говорится в народной пословице.

Недели через две мне удалось детально ознакомиться с состоянием дел во всех частях корпуса и, к сожалению, должен был признать, что в большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая подготовка командно-политического состава, понизилась требовательность и, как следствие, ослабла дисциплина и вся служба личного состава. В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки “вражеского подхода” к воспитанию личного состава. Особенно резко упала боевая и политическая подготовка в частях 24-й кавалерийской дивизии. Дивизия стояла в районе города Лепель, и ее жилищно-бытовая и учебная базы были еще далеки от завершения. На этой основе возникало много

нездоровых настроений, а ко всему этому прибавились настроения, связанные с арестами командиров.

Находились и такие, которые занимались злостной клеветой на честных командиров с целью подрыва доверия к ним со стороны солдат и начальствующего состава. Пришлось резко вмешаться в положение дел, кое-кого решительно одернуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною была в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники дивизии. На другой же день на меня посыпались донесения в округ с жалобой к Ф. И. Голикову, письма в органы госбезопасности “о вражеском воспитании кадров” со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова.

Через неделю командир 27-й кавалерийской дивизии В. Е. Белокосков сообщил мне о том, что в дивизии резко упала дисциплина и вся служба. Я спросил его, а что делает лично командир дивизии Белокосков? Он ответил, что командира дивизии сегодня вечером разбирают в парторганизации, а завтра наверняка посадят в тюрьму. По телефонному разговору я понял, что Василий Евлампиевич Белокосков серьезно встревожен, если не сказать большего. Подумав, я сказал, что сейчас же выезжаю в дивизию.

В штабе дивизии меня встретил В. Е. Белокосков. Я поразился его внешним видом. Он был чрезмерно бледен, под глазами залегли темные впадины, губы нервно подергивались после каждой короткой фразы. Я спросил:

— Василий Евлампиевич, что с вами? Я ведь вас хорошо знаю по 7-й Самарской кавдивизии, где вы отлично работали, были уважаемы всей парторганизацией, а теперь просто не узнать. В чем дело?

— Идемте, товарищ командир корпуса, на партсобрание, там сегодня меня будут исключать из партии, а что будет дальше — мне все равно. Я уже приготовил узелок с бельем.

Началось партсобрание. Повестка дня: персональное дело коммуниста Белокоскова Василия Евлампиевича. Информацию делал секретарь дивизионной парткомиссии. Суть дела: коммунист Белокосков был в близких отношениях с врагами народа Сердичем, Юнгом, Уборевичем и другими, а потому он не может пользоваться доверием партии. Кроме того, Белокосков недостаточно чутко относится к командирам, политработникам, слишком требователен по службе.

Обсуждение заняло около трех часов. Никто в защиту В. Е. Белокоскова не сказал ни одного слова. Дело шло явно к исключению его из рядов партии. Исполняющий должность комиссара корпуса В. В. Новиков, по существу, поддержал выступавших и сделал вывод, что Белокосков не оправдал звания члена партии.

Попросив слово, я выступил довольно резко.

— Я давно знаю Белокоскова как честного коммуниста, чуткого товарища, прекрасного командира. Что касается его служебной связи с Уборевичем, Сердичем, Рокоссовским и другими, то эта связь была чисто служебной, а кроме того, еще неизвестно, за что арестованы Уборевич, Сердич, Рокоссовский, так как никому из нас неизвестна причина

ареста, так зачем же мы будем забегать вперед соответствующих органов, которые по долгу своему должны объективно разобраться в степени виновности арестованных и сообщить нам, за что их привлекли к ответственности. Что касается других вопросов, то это мелочи и не имеют принципиального значения, а товарищ Белокосков сделает для себя выводы из критики.

В этом выступлении было что-то новое, и члены партии загудели: “правильно, правильно”. Председатель спросил, будет ли кто еще выступать? Кто-то сказал, что есть предложение комкора Жукова ограничиться обсуждением. Других предложений не поступило. Постановили: предложить В.Е. Белокоскову учесть в своей работе выступления коммунистов.

Когда мы шли с партсобрания, я видел, как Василий Евлампиевич украдкой вытер слезы. Я считал, что он плакал от сознания того, что остался в партии и может продолжать в ее рядах работу на благо народа, на благо нашей Родины. Я не подошел к нему, считая, что пусть он наедине переживет минувшую тяжелую тревогу за свою судьбу и радость душевную за справедливость решения партийной организации.

Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, и у него из глаз выкатилась крупная слеза, оставив свой след на щеке. Он не сказал мне ни одного слова, но его слеза, рукопожатие были убедительнее и дороже всяких слов. Я был рад за него и не ошибся в нем. Всю свою жизнь (умер он в 1961 году) Василий Евлампиевич был достойнейшим коммунистом, скромным тружеником и умелым организатором всех дел, которые ему поручались. В годы Великой Отечественной войны он был одним из главных организаторов автомобильной службы и снабжения войск. После войны Василий Евлампиевич возглавлял Главное управление военно-строительных работ, спецработ, а в последние годы был заместителем министра обороны по строительству. Везде и всюду Василий Евлампиевич успевал. Был всегда спокойным и хорошим товарищем, а не заступись за него в 1937 году, могло быть все иначе. К сожалению, многие товарищи погибли, не получив дружеской помощи при обсуждении их в партийных организациях, а ведь от партийной организации много тогда зависело, так как после исключения из партии тут же следовал арест.

В 1937 году приказом наркома обороны я был назначен командиром 3-го корпуса Белорусского военного округа. Но вскоре в связи с назначением командира 6-го казачьего корпуса Е. И. Горячева заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа мне была предложена должность командира этого корпуса.

У моего предшественника Е. И. Горячева трагически закончилась жизнь. После назначения заместителем к С. К. Тимошенко он, как и многие другие, перенес тяжелую сердечную травму. На одном из партсобраний ему предъявили обвинение в связях с врагами народа И. П.Уборевичем, Д. Сердичем и другими, и дело клонилось к нехорошему. Не желая подвергаться репрессиям органов госбезопасности, он покончил жизнь самоубийством. Жаль этого командира. С первых дней существования советской власти он героически сражался в рядах Красной Армии. В Конной армии последовательно командовал эскадроном, полком, бригадой и на всех командных должностях был умелым и отважным военачальником. Его любили и уважили бойцы и командиры-конармейцы.

Я охотно принял предложение. 6-й корпус по своей подготовке и общему состоянию стоял выше 3-го корпуса, а самое главное — в его состав входила 4-я Донская казачья дивизия. Я командовал ею более четырех лет и, вполне естественно, питал к ней особую привязанность.

Командиром 3-го конного корпуса вместо меня был назначен старый и опытный военачальник из конармейцев Я. Т. Черевиченко. Будучи командиром 3-го конного корпуса, я одновременно был и начальником гарнизона. В состав гарнизона, кроме частей 3-го конного корпуса, входила прославленная 2-я стрелковая дивизия, которой командовал вначале Шахназаров, после его ареста — Б. И. Бобров, бывший начальник штаба округа, когда округом командовал И. П. Уборевич. После ареста Б. И. Боброва командиром дивизии в конце 1937 года был назначен И. С. Конев.

С И. С. Коневым я часто встречался по делам гарнизона и ничего о нем сказать не могу. Он производил на меня хорошее впечатление и был всегда активен.

В 6-м корпусе мне пришлось заняться большой оперативной работой. Больше всего отрабатывали вопросы боевого применения конницы в составе конно-механизированной армии. Тогда это были крупные, проблемные вопросы. Подобная конно-механизированная армия, состоявшая из 3-4 кавалерийских дивизий, 2—3 танковых бригад и моторизованной стрелковой дивизии, при тесном взаимодействии с бомбардировочной и истребительной авиацией, а в последующем и с авиадесантными частями была в состоянии решать крупнейшие оперативные задачи в составе фронта, способствуя успешному осуществлению стратегических замыслов.

Было очевидно, что будущее в значительной степени принадлежит танкам и механизированным соединениям, а потому мы детально овладевали вопросами взаимодействия с танковыми войсками и организацией противотанковой обороны как в бою, так и в операциях.

Практически на полевых учениях и маневрах и в 3-м и в 6-м корпусах мне пришлось действовать с 21-й отдельной танковой бригадой (комбриг М. И. Потапов) или с 3-й отдельной танковой бригадой (комбриг В. В. Новиков). Оба эти командира в прошлом были моими сослуживцами, и мы понимали друг друга в “боевой” обстановке с полуслова.

6-й кавалерийский корпус по своей боеготовности был много лучше других частей. Кроме 4-й Донской дивизии, выделялась 6-я Чонгарская Кубано-Терская казачья дивизия, которая была отлично подготовлена, особенно в области тактики, конного и огневого дела. Надо отдать должное бывшему ее командиру Л. Я. Вайнеру, положившему много сил и энергии для того, чтобы поднять дивизию до высокого уровня боевой готовности. Из таких вот боеспособных дивизий и состояло ядро Первой конной армии.

Несколько слабее выглядела 29-я кавалерийская дивизия, расквартированная в городе Осиповичи, которой командовал комбриг К.В. Павловский, человек по своему характеру и темпераменту некавалерийского склада. Он, кстати, уступал другим командирам и в общей подготовке.

В этот период войсками Белорусского военного округа командовал командарм 1 ранга И. П. Белов, который взялся энергично осуществлять подготовку войск округа.

Осенью 1937 года им были проведены окружные маневры, на которых в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого генерального штаба. За маневрами наблюдали нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников.

Вскоре командующего войсками И. П. Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, — он был арестован как “враг народа”, и это тогда, когда И. П. Белов, бывший батрак, старый большевик, храбрейший и способнейший командир, положил все свои силы на борьбу с белогвардейщиной и иностранной интервенцией, не жалея себя в деле выполнения задач, которые перед ним ставили партия и правительство.

Как-то не вязалось: Белов — и вдруг “враг народа”. Конечно, никто этой версии не верил.

После ареста И. П. Белова командующим войсками округа был назначен командарм 2 ранга М. П. Ковалев, членом Военного совета вместо Ф. И. Голикова был назначен И. З. Сусайков.

На смену арестованным выдвигались все новые и новые лица, имевшие значительно меньше знаний, меньше опыта, и им предстояла большая работа над собой, чтобы быть достойными военачальниками оперативно-стратегического масштаба, умелыми воспитателями войск округа.

В Белорусском военном округе было арестовано почти 100 процентов командиров корпусов. Вместо них были выдвинуты на корпуса командиры дивизий, уцелевшие от арестов. В числе арестованных командиров корпусов был Кутяков Иван Семенович. Об И. С. Кутякове мне хочется сказать здесь несколько слов.

Знал я Ивана Семеновича более двадцати лет и всегда восхищался им и как командиром, и как сильным и волевым человеком. И. С. Кутяков — солдат царской армии. В своем полку он пользовался большим авторитетом и в первые дни революции был выбран солдатами командиром полка. Это большая честь — быть избранником солдат-фронтовиков. Для этого надо было отличаться большими достоинствами: всегда и во всем быть примером для своих товарищей, иметь ясную голову, отзывчивое сердце, хорошо знать и любить людей, понимать их думы и чаяния.

В годы гражданской войны И. С. Кутяков командовал стрелковой бригадой 25-й Чапаевской дивизии. После гибели Василия Ивановича Чапаева И.С. Кутяков был назначен вместо него командиром дивизии. За успешное командование частями в боях с белогвардейщиной он был награжден тремя орденами Красного Знамени и орденом Красного Знамени Хорезмской республики, а также почетным оружием. В 1937 году И. С. Кутяков был выдвинут заместителем командующего войсками Приволжского военного округа.

И. С. Кутяков, как а многие другие, был оклеветан и трагически погиб. Разве можно забыть тех, кто был поднят нашей ленинской партией из рабоче-крестьянских низов, обучен и воспитан в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, тех, кто составлял драгоценную жемчужину военных кадров нашей Родины, нашей партии. Нет! Их забыть нельзя, как и нельзя забыть преступления тех, на чьей совести лежали эти ничем не

оправданные кровавые репрессии, аресты и выселение членов семей “в места не столь отдаленные”.

Как-то вечером ко мне в кабинет зашел комиссар корпуса Фомин. Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал:

— Знаешь, завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов, будут тебя разбирать в партийном порядке.

Я спросил:

— Что же такое я натворил, что такой большой актив будет меня разбирать? А потом, как же меня будут разбирать, не предъявив мне заранее никаких обвинений, чтобы я мог подготовить соответствующее объяснение?

— Разбор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса, а я не в курсе поступивших заявлений, — сказал Фомин.

— Ну что же, посмотрим, в чем меня хотят обвинить, — ответил я Фомину.

На другой день действительно собрались человек 80 коммунистов и меня пригласили на собрание. Откровенно говоря, я немного волновался и мне было как-то не по себе, тем более что в то время очень легко пришивали ярлык “врага народа” любому честному коммунисту.

Собрание началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников 4, 24, 7-й дивизий. В заявлениях указывалось, что я многих командиров и политработников незаслуженно наказал, грубо ругал и не выдвигал на высшие должности, по мнению которых, умышленно замораживал опытные кадры, чем сознательно наносил вред нашим вооруженным силам. Короче говоря, дело вели к тому, чтобы признать, что в воспитании кадров я применял вражеские методы. После зачтения ряда заявлений начались прения. Как и полагалось, выступили в первую очередь те, кто подал заявления.

На мой вопрос, почему так поздно подано на меня заявление, так как прошло полтора-два года от событий, о которых упоминается в заявлениях, ответ был дан:

— Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами.

Второй вопрос: об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим “врагам народа”. Спрашивается, почему Уборевич при проверке дивизии обедал лично у вас, товарищ Жуков, почему к вам всегда так хорошо относились враги народа Сердич, Вайнер и другие?

Затем выступил начальник политотдела 4-й кавдивизии С. П. Тихомиров. Все присутствовавшие коммунисты ждали от него принципиальной политической оценки деятельности командира-единоначальника, с которым он проработал несколько лет в дивизии. Но, к сожалению, его речь была ярким примером приспособленца. Он лавировал между обвинителями, а в результате получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы: в чем прав и в чем не прав Жуков? Тихомиров уклонился от прямого ответа. Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова объективной оценки

моей деятельности, но этого не получилось. Поэтому скажу, в чем я был не прав, а в чем прав, чтобы отвергнуть надуманные претензии ко мне.

Первый вопрос о грубости. В этом вопросе, должен сказать прямо, что у меня были срывы и я был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. Я не хочу оправдываться в том, что в дивизии было много недочетов в работе личного состава, много проступков и чрезвычайных происшествий. Как коммунист, я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани. Что касается обвинения в том, что у меня обедал Уборевич — враг народа, должен сказать, что у меня обедал командующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он враг народа? Никто. Что касается хорошего отношения ко мне со стороны Сердича и Вайнера — могу сказать, что мы все должны бороться за то, чтобы были хорошие отношения между начальниками и подчиненными. Вы правы, критикуя мое плохое отношение к некоторым командирам, но не правы критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера. За это, скорее, надо было бы похвалить, чем бросать двусмысленные намеки и бездоказательные обвинения.

Что касается замечания начальника политотдела 4-й кавдивизии Тихомирова о том, что я недооцениваю политработников, то должен сказать прямо: да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку, чтобы командир учел в своей работе и не допускал бы промахов.

Организаторы этого собрания, видимо, рассчитывали на то, чтобы исключить меня из партии или, в крайнем случае, дать строгое партийное взыскание, но коммунисты не пошли на это.

После критических выступлений собрание приняло решение, которое явилось для меня серьезной помощью. В решении партактива было сказано: “Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова Г. К.”

Откровенно говоря, для меня выступление начальника политотдела 4-й кавалерийской дивизии С. П. Тихомирова было несколько неожиданным. Мы работали вместе около четырех лет. Жили в одном доме. Как начальник политотдела и мой заместитель по политчасти он меня, безусловно, не удовлетворял, но в частной жизни, как человек, он был хороший во всех отношениях и ко мне всегда относился с большим тактом и уважением. Он всегда подчеркивал, что как единоначальник я являюсь полноценным политическим руководителем и пользуюсь настоящим партийным авторитетом у командного состава, в том числе и у политработников.

Когда кончилось собрание партийной организации, я не утерпел и спросил Тихомирова:

— Сергей Петрович, вы сегодня обо мне говорили не то, что всегда, когда мы работали вместе в дивизии. Что соответствует истине — ваши прежние суждения обо мне или та характеристика, которая была дана вами сегодня?

Он ответил:

— Безусловно та, что всегда говорил. Но то, что сегодня сказал, — надо было сказать.

Я вспылил и ответил:

— Я очень жалею, что когда-то считал тебя принципиальным товарищем, а ты просто приспособленец.

С тех пор я перестал считать его своим товарищем. При встречах с ним отвечал только на служебные вопросы.

Прошло около 20 лет. Когда был уже министром обороны, я получил от Тихомирова три письма. В них он писал, что ему очень хочется встретиться со мной и поговорить по душам о совместной работе и много еще о чем. Я не ответил ни на одно его письмо, так как считал, что даже время не могло загладить ту несправедливость, которую он допустил по отношению ко мне.

Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса. Ну а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей.

Будучи командиром 6-го корпуса, я усиленно работал над оперативно-стратегическими вопросами, так как считал, что не достиг еще многого в этой области. Ясно отдавал себе отчет в том, что современному командиру корпуса нужно знать очень много, и упорно трудился над освоением военных наук.

Читая исторические материалы о прошлых войнах, классические труды по военному искусству и различную мемуарную литературу, я старался делать выводы о характере современной войны, современных операций и сражений. Особенно много мне дала личная разработка оперативно-тактических заданий на проведение дивизионных и корпусных командных игр, командно-штабных учений, учений с войсками и т.п.

После каждого такого учения я чувствовал, что все больше набираюсь знаний и опыта, а это было совершенно необходимо не только для моего собственного роста, но и для молодых кадров, которые мне были вверены. Приятно было, когда занятие или учение с частью, штабом или группой офицеров приносило ощутимую пользу его участникам. Я считал это самой большой наградой за труд. Если на занятии никто не получил ничего нового и не почерпнул знаний из личного багажа старшего начальника, то такое занятие, на мой взгляд, является прямым укором совести командира и подчеркивает его неполноценность. А что греха таить, командиров, стоявших по знаниям не выше своих подчиненных, у нас тогда было немало.

Если военные вопросы я изучал досконально и последовательно, шаг за шагом, как теоретически, так и практически, то в изучении марксистско-ленинской теории мне, к сожалению, не пришлось получить систематизированные знания.

Так получалось тогда не только со мной, но и со многими командирами. Правда, партия делала все возможное, чтобы поднять идеологический уровень строевого командного состава Красной Армии. Во всех вузах программа марксистско-ленинских наук была довольно насыщенной, но, вероятно, от нас требовалось гораздо больше усилий в этом направлении. Не многим посчастливилось в свое время пройти курсы при Военно-политической академии имени Толмачева.

Командуя корпусом, я понимал необходимость серьезного изучения партийно-политических вопросов, и мне часто приходилось просиживать ночи за чтением произведений классиков марксизма-ленинизма. Надо сказать, что они давались мне нелегко, особенно “Капитал” К. Маркса и философские работы В. И. Ленина. Но упорная работа помогла добиться результатов. Впоследствии я был доволен, что не отступил перед трудностями, что хватило, как говорится, духу продолжать учебу. Это помогло мне ориентироваться в вопросах организации наших вооруженных сил, внутренней и внешней политики партии.

Работая сам, я требовал и от своих подчиненных постоянного изучения ленинской стратегии и тактики, без чего нельзя успешно возглавлять войска, обучать и воспитывать их, а когда придется, вести в бой за Родину.

Шел тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Тягостная обстановка, создавшаяся в армии и в стране в связи с массовыми арестами, продолжала действовать угнетающе. Арестам подвергались уже не только крупнейшие государственные и виднейшие военные работники, но дело дошло и до командиров и политических работников частей.

После ареста командующих войсками округа И. П. Уборевича и И. П. Белова учебная подготовка высшего командного состава в округе резко снизилась, и мы почти не вызывались в округ на какие-либо учебные мероприятия. Чувствовалось, что командование округом само болезненно переживает сложившуюся обстановку.

В 1938 году, как я сказал, на должность командующего Белорусским военным округом был назначен М. П. Ковалев. Михаила Прокофьевича Ковалева я знал по гражданской войне. Его назначили командующим войсками округа в порядке выдвижения, кажется, с должности заместителя командующего войсками округа. Человек он был весьма душевный, в оперативно-стратегических вопросах разбирался неплохо, но сильнее чувствовал себя в вопросах тактики, которую теоретически и практически освоил очень хорошо.

Начальником штаба был назначен комкор М. А. Пуркаев; особенно хорошо он проявил себя в Отечественную войну.

В конце 1938 года мы, командиры всех соединений округа, были вызваны на совещание, где обсуждались итоги и задачи боевой подготовки войск.

Выступали командующий войсками округа М. П. Ковалев и член Военного совета И. З. Сусайков. Выступление М. П. Ковалева было встречено хорошо. Он говорил со знанием

дела, но всем было ясно, что Ковалев это не Уборевич. Чувствовалось, что ему нужно очень много работать, чтобы стать полноценным командующим войсками такого большого округа, каким был тогда Белорусский военный округ.

Совещание закончилось общими указаниями Военного совета. Это было совсем не так, как прежде, при И. П. Уборевиче, когда всякие совещания сопровождались показом новой техники, проведением опытно-показных сухопутных и военно-воздушных учений, оперативных игр и т.п.

Как ни тяжела была обстановка в 1937—1938 годах, боевая подготовка войск у нас проходила в основном нормально, и к концу года части 6-го кавалерийского корпуса пришли с хорошими показателями.

В конце 1938 года мне предложили новую должность — заместителя командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. Первым заместителем командующего в тот период был комкор Ф. И. Кузнецов, В самом начале войны он командовал Северо-Западным фронтом. Я назначался вместо И. Р. Апанасенко, переходившего заместителем командующего войсками Киевского военного округа.

В мирное время мои функции заключались в руководстве боевой подготовкой частей конницы округа и отдельных танковых бригад, предназначенных оперативным планом к совместным действиям с конницей. В случае войны я должен был вступить в командование конно-механизированной группой, состоящей из 4—5 дивизий конницы, 3—4 отдельных танковых бригад и других частей усиления.

Мне не хотелось уходить из корпуса, к которому успел привыкнуть. Но перспектива работать с большим оперативным объединением представлялась заманчивой, и я дал согласие. Вместо меня командиром 6-го кавалерийского корпуса был назначен А. И. Еременко (ныне Маршал Советского Союза). А. И. Еременко я знал по Кавалерийским курсам усовершенствования командного состава, где он проходил переподготовку в 1924—1925 годах, и считал, что со временем из него выработается командир корпуса. Но, откровенно говоря, народ его не любил за чванливость, с одной стороны, за идолопоклонство — с другой.

Распрощавшись с командирами и политработниками дивизий и частей корпуса, я уехал в Смоленск, где в то время стоял штаб Белорусского военного округа, и очень тепло был встречен командующим войсками округа М. П. Ковалевым.

Работа в 3-м и 6-м конных корпусах дала мне много опыта и знаний, и я навсегда сохранил признательность тем, кто помогал мне в работе, кто честно трудился во имя великого дела обороны нашей страны.

Глава седьмая. **Необъявленная война на Халхин-Голе**

В 1939 году Советское правительство, выполняя взятое на себя обязательство от 12 марта 1936 года, оказало Монгольской Народной Республике военную помощь в разгроме японских войск, вторгшихся на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

С мая по 15 сентября 1939 года на территории МНР происходили ожесточенные сражения между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками.

С японской стороны в военной агрессии участвовала 6-я японская армия, сформированная из отборных японских оккупационных войск Кванту некой армии, расположенной в Китае.

Со стороны советских и монгольских войск в начале боевых действий участвовали отдельные части Монгольской народной армии, поддержанные частями 57-го особого корпуса Красной Армии, дислоцированного на территории Монгольской Народной Республики.

Генеральную наступательную операцию по окружению и полному разгрому 6-й японской армии проводила 1-я армейская группа, развернутая на базе 57-го особого корпуса, при содействии группы войск МНР.

Осуществление своих агрессивных замыслов — вторжение в пределы Монгольской Народной Республики — японское правительство возложило на Квантунскую армию. Чтобы завуалировать истинные цели вторжения в пределы МНР, японское правительство решило преподнести мировой общественности акт агрессии как пограничный конфликт.

Для большей убедительности своей версии японское правительство решило в начале боевых действий сразу не вводить в дело большие силы, начав вторжение особыми отрядами, наращивая их силу по мере развития боевых действий. При этом имелось в виду: в случае неблагоприятных обстоятельств, которые могут сложиться в результате вступления в дело Красной Армии, прекратить начатую агрессию и отойти на свою территорию.

Поводом для развязки военных действий и так называемого “пограничного конфликта” явилось притязание японского правительства на территорию МНР, находящуюся восточнее реки Халхин-Гол.

Для “обоснования” надуманной претензии в Японии в 1935 году издали фальсифицированную топографическую карту, на которой произвольно перенесли государственную границу МНР более чем на 20 километров, обозначив ее по реке Халхин-Гол.

Эта фальсификация полностью была разоблачена на судебном процессе в Токио над главными японскими военными преступниками. Советское обвинение на судебном процессе в Токио доказало, что японское правительство хорошо знало действительную границу МНР в районе реки Халхин-Гол, знало и об издании фальшивых карт в 1935 году.

В начале халхин-гольских событий в мае 1939 года, когда в районе действий были лишь незначительные части МНА, японцы, внезапно напав на них, захватили значительную территорию за рекой Халхин-Гол.

Создалась тревожная обстановка, угрожавшая расширением военных действий. Советское и монгольское правительства, стремясь сохранить мир и не дать повода Японии для расширения масштаба военных действий, решили в возможно короткий срок разгромить вторгнувшиеся в МНР японские войска, не вынося свои действия за пределы Монгольской Народной Республики.

В конце мая 1939 года, будучи заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, я со своими помощниками проводил в районе Минска полевую командно-штабную игру. В ней принимали участие командиры кавалерийских и некоторых танковых соединений округа, начальники и оперативные работники штабов.

Штабная игра была уже закончена, и 1 июня мы производили ее разбор в штабе 3-го кавалерийского корпуса в Минске. Неожиданно член Военного совета округа дивизионный комиссар И. З. Сусайков сообщил мне, что только что звонили из Москвы: приказано немедленно выехать и завтра явиться к наркому обороны.

С первым проходящим поездом я выехал в Москву, а утром 2 июня был уже в приемной К.Е. Ворошилова.

Встретивший меня состоявший но особым поручениям при наркоме Р. П. Хмельницкий сказал, что К. Е. Ворошилов уже ждет.

— Идите, а я сейчас прикажу подготовить вам чемодан для дальней поездки.

— Для какой дальней поездки?

— Идите к наркому, он вам скажет все, что нужно.

Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К. Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от всякой внеш-' ней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

— Думаю, — продолжал нарком, — что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту.

— Очень хорошо, — сказал нарком. — Самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к 16 часам. Зайдите к Смородинову, получите у него необходимые материалы и договоритесь о связи с Генштабом. К самолету прибудет в ваше распоряжение небольшая группа офицеров-специалистов. До свидания, желаю вам успеха!

Распрощавшись с наркомом, направился в Генеральный штаб к исполнявшему обязанности заместителя начальника Генерального штаба Ивану Васильевичу Смородинову, которого знал прежде. У него на столе была разложена такая же карта, что и у наркома. Иван Васильевич сказал, что к обстановке, с которой меня познакомил нарком, он добавить ничего не может, поэтому договориться сейчас мы должны только о связи.

— Я вас прошу, — сказал И. В. Смородинов, — как только прибудете на место, разберитесь, что там происходит, и откровенно доложите нам свое мнение.

На этом мы распрощались.

Скоро наш самолет был уже в воздухе и взял курс на Монголию. Последнюю остановку перед тем, как покинуть пределы страны, сделали в Чите. Нас пригласил к себе Военный совет округа для информации. В штабе встретили командующий округом В. Ф. Яковлев и член Военсовета Д. А. Гапанович. Они сообщили о последних событиях. Новым было то, что японская авиация проникает глубоко на территорию МНР и гоняется за нашими машинами, расстреливая их с воздуха.

К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым — комиссаром корпуса, комбригом А. М. Кущевым — начальником штаба и другими.

Докладывая обстановку, А. М. Кущев сразу же оговорился, что она еще недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н.В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении.

Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы все это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М. С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал свое дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочетов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса.

Понимая всю сложность обстановки, я обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части, а также выдвинуть к району боевых действий не менее трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию, без чего, по нашему мнению, нельзя было добиться победы.

Через день было получено сообщение Генштаба о том, что наши предложения приняты. К нам направлялась дополнительная авиация и, кроме того, группа летчиков в составе двадцати одного Героя Советского Союза во главе с прославленным Я. В. Смушкевичем, которого я хорошо знал по Белорусскому военному округу. Одновременно мы получили улучшенную материальную часть авиации— модернизированные И-16 и “Чайку”.

Летчики — Герои Советского Союза провели у нас большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым летчикам, прибывшим на пополнение. Результаты сказались в ближайшее же время.

22 июня 95 наших истребителей завязали над территорией МНР ожесточенный воздушный бой со 120 японскими самолетами. В этом воздушном сражении участвовали многие Герои Советского Союза, давшие предметный урок японским летчикам. 24 июня японская авиация вновь повторила свой массированный удар и вновь была крепко побита. Потерпев поражение, японское командование весьма неорганизованно выводило машины из боя.

26 июня до 60 самолетов появилось у озера Буир-Нур, в районе “Монголрыбы”. Завязался жаркий, ожесточенный бой с нашими истребителями. По всем признакам в нем принимали участие уже более опытные японские летчики, и все же они не смогли

одержать победу. Как потом было установлено, японское командование бросило сюда лучшие силы своей авиации из всех частей, действовавших в Китае.

Всего в воздушных боях с 22 по 26 июня включительно противник потерял 64 самолета.

До 1 июля воздушные бои, хотя и с меньшей напряженностью, продолжались почти каждый день. В этих боях наши летчики совершенствовали мастерство и закаляли свою волю к победе.

Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова, В. Ф. Скобарихина, Л. А. Орлова, В. П. Кустова, Н. С. Герасимова и многих, многих других. Командир этой группы Я. В. Смушкевич был великолепный организатор, отлично знавший боевую летную технику и в совершенстве владевший летным мастерством. Он был исключительно скромный человек, прекрасный начальник и принципиальный коммунист. Его искренне любили все летчики.

Возросшая активность авиации противника не была случайной. Мы считали, что она явно преследовала цель нанести серьезное поражение нашей авиации и завоевать господство в воздухе в интересах предстоящей большой наступательной операции японских войск.

Действительно, как выяснилось позднее, японцы в течение июня сосредоточивали свои войска в районе Халхин-Гола и готовили их для проведения операции под названием “Второй период намонханского инцидента”, вытекавшей из плана их военной агрессии. Ближайшей целью операции японских войск являлось:

— окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол;

— переправа через реку Халхин-Гол и выход на западный берег реки с целью разгрома наших резервов;

— захват и расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий.

Для проведения этой операции противник перебросил из района Хайлара войска, предназначенные для действий в составе развертывавшейся 6-й армии.

Предстоящая наступательная операция, по расчетам японского командования, должна была завершиться в первой половине июля, с тем чтобы до наступления осени можно было бы закончить все военные действия в пределах МНР. Японское командование было настолько уверено в своей победе, что даже пригласило в район боевых действий некоторых иностранных корреспондентов и военных атташе наблюдать предстоящие победные действия. В числе приглашенных были корреспонденты и военные атташе гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Перед рассветом 3 июля старший советник монгольской армии полковник И. М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й

кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силах, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности; 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган.

Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками (вскоре, к 15 июля, 57-й корпус был развернут в 1-ю армейскую группу) и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск.

Ввиду осложнившейся обстановки все наши резервы были немедленно подняты по боевой тревоге и получили задание сразу же выступить в общем направлении к горе Баин-Цаган и атаковать противника, 11-я танковая бригада под командованием комбрига М. П. Яковлева получила приказ атаковать противника с ходу. 24-му мотострелковому полку, усиленному дивизионом артиллерии, под командованием полковника И. И. Федюнинского было приказано атаковать противника, взаимодействуя с 11-й танковой бригадой, 7-я мотобронеевая бригада под командованием полковника А. Л. Лесового предназначалась для удара с юга. Сюда же подтягивался броневой дивизион 8-й монгольской кавдивизии.

Рано утром 3 июля советское командование прибыло в район горы Баин-Цаган. Тяжелому артиллерийскому дивизиону 185-го артиллерийского полка было приказано выбросить разведку к горе Баин-Цаган и открыть огонь по японской группировке. Одновременно был дан приказ артиллерии, расположенной за рекой Халхин-Гол (поддерживавшей 9-ю мотобронебригаду), перенести свой огонь по противнику на горе Баин-Цаган. По тревоге была поднята в воздух вся наша авиация.

В 7 часов утра подошли первые группы нашей бомбардировочной и истребительной авиации, начавшие бомбить и штурмовать гору Баин-Цаган. Нам было очень важно сковать и задержать противника ударом авиации и артиллерийским огнем на Баин-Цаган до подхода сюда резервов для контрудара.

Чтобы затормозить дальнейшую переправу и сосредоточение сил противника в районе горы, было приказано усиленно бомбить и непрерывно обстреливать артиллерийским огнем_ переправу через реку Халхин-Гол.

Около 9 часов утра начали подходить передовые подразделения авангардного батальона 11-й танковой бригады.

Соотношение сил непосредственно в районе Баин-Цаган складывалось следующее.

Противник успел сосредоточить на горе Баин-Цаган более десяти тысяч штыков; советские войска имели возможность сосредоточить более тысячи штыков; в японских войсках было около 100 орудий и до 60 противотанковых орудий. У нас — немногим более 50 орудий, включая поддерживавшие с восточного берега реки Халхин-Гол.

Однако в наших рядах сражалась 11-я героическая танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотобронеевая бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-мм пушками.

Таким образом, главным нашим козырем были бронетанковые соединения, и мы решили этим незамедлительно воспользоваться, чтобы с ходу разгромить только что переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону. Медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника.

В 9 часов 15 минут мы встретились с командиром 11-й танковой бригады М.П. Яковлевым, который был при главных силах авангардного батальона и руководил его действиями. Обсудив обстановку, решили вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии и не позже 10 часов 45 минут атаковать противника. В 10 часов 45 минут главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японские войска.

Вот что записал об этих событиях японский солдат Накамура в своем дневнике 3 июля:

“Несколько десятков танков напало внезапно на наши части. У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. В воздухе было сбито 2 наших самолета. Весь личный состав упал духом. В лексиконе японских солдат все чаще и чаще употребляются слова: “страшно”, “печально”, “упали духом”, “стало жутко”.

Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули, буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск, захвативших гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы в районе спада реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Цаган. В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов, в том числе 20 пикировщиков.

Командующий 6-й армией японских войск генерал Камацубара (в свое время он был в Советском Союзе военным атташе), видя, как развиваются события, еще в ночь на 4 июля отступил со своей опергруппой на противоположный берег. Отход с поля сражения японского командующего и его окружения так описал в своем дневнике старший унтер-офицер его штаба Отани:

“Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара. Луна освещает равнину, светло как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как и мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку”.

Утром 5 июля на горе Баин-Цаган и на западном берегу реки Халхин-Гол все стихло. Сражение закончилось разгромом главной группировки японских войск. Оно явилось

классической операцией активной обороны войск Красной Армии, после которой японские войска больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол.

Между тем на восточном берегу реки Халхин-Гол сражение продолжалось с прежней силой. Противник, разгромленный на горе Баин-Цаган, все же отвел на восточный берег часть своих войск, пытаясь оказать помощь сковывающей группе Ясуока, которая, понеся большие потери, успеха также не имела.

Разгром крупной группировки японцев на горе Баин-Цаган и удержание обороны на восточном берегу реки Халхин-Гол явились большим стимулом для подъема политико-морального состояния наших войск и монгольских частей. Бойцы и командиры частей искренне и горячо поздравляли своих соседей и друзей с победой.

Основную роль в баин-цаганском побоище сыграли 11-я танковая бригада, 7-я мотобронебригада, 8-й монгольский бронедивизион и взаимодействовавшие с ними артиллерия и ВВС. Опыт сражения в районе Баин-Цаган показал, что в лице танковых и мотомеханизированных войск, умело взаимодействующих с авиацией и подвижной артиллерией, мы имеем решающее средство для осуществления стремительных операций с решительной целью.

Теперь противник ограничивался боевыми разведывательными действиями. Однако 12 августа полк пехоты, усиленный артиллерией, бронемашинами и частично танками, при поддержке 22 бомбардировщиков атаковал 22-й монгольский кавалерийский полк, заняв при этом на южном участке фронта высоту Большие Пески.

Противник активно создавал оборону по всему фронту: подвозил лесоматериалы, рыл землю, строил блиндажи, проводил инженерное усиление обороны. Его авиация, понеся серьезные потери (в период с 23 июля по 4 августа было сбито 116 самолетов), ограничивалась разведывательными полетами и мелкими бомбардировочными ударами по центральной переправе, артиллерийским позициям и резервам.

Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики.

Для ее проведения по просьбе Военного совета в 1-ю армейскую группу войск спешно перебрасывались из Советского Союза новые силы и средства, а также материально-технические запасы. Дополнительно подвозились две стрелковые дивизии, танковая бригада, два артиллерийских полка и другие части. Усиливалась бомбардировочная и истребительная авиация.

Для проведения предстоящей весьма сложной операции нам нужно было подвезти по грунтовым дорогам от станции снабжения до реки Халхин-Гол на расстояние в 650 километров следующее:

— артиллерийских боеприпасов— 18000 тонн;

— боеприпасов для авиации — 6500 тонн;

— различных горюче-смазочных материалов — 15000 тонн;

— продовольствия всех видов — 4000 тонн;

— топлива— 7500 тонн;

— прочих грузов — 4000 тонн.

Для подвоза всех этих грузов к началу операции требовалось 4900 автомашин, в то время как в распоряжении армейской группы было только 2636 автомашин. После 14 августа на подвоз встало еще 1250 бортовых машин и 375 автоцистерн, прибывших из Советского Союза. Не хватало еще нескольких сотен бортовых и наливных машин.

Основная тяжесть перевозок ложилась на войсковой автомобильный транспорт и на строевые машины, включая артиллерийские тягачи. Мы решились на такую крайнюю меру, так как, во-первых, у нас не было другого выхода и, во-вторых, потому что считали оборону своих войск достаточно устойчивой.

Чудо-богатыри — шоферы делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1300-1400 километров длился пять дней!

В устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ. Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции.

Решающим фактором успеха предстоящей операции мы считали оперативно-тактическую внезапность, которая должна будет поставить противника в такое положение, чтобы он не смог противостоять нашему уничтожающему удару и предпринять контрманевр. Особенно учитывалось то, что японская сторона, не имея хороших танковых соединений и мотомехвойск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против наших ударных группировок, действующих на флангах обороны противника с целью окружения 6-й японской армии.

В целях маскировки, сохранения в строжайшей тайне наших мероприятий Военным советом армейской группы одновременно с планом предстоящей операции был разработан план оперативно-тактического обмана противника, который включал в себя:

— производство скрытных передвижений и сосредоточений прибывающих войск из Советского Союза для усиления армейской группы;

— скрытные перегруппировки сил и средств, находящихся в обороне за рекой Халхин-Гол;

— осуществление скрытных переправ войск и материальных запасов через реку Халхин-Гол;

— производство рекогносцировок исходных районов, участков и направлений для действия войск;

— особо секретная отработка задач всех родов войск, участвующих в предстоящей операции;

— проведение скрытной доразведки всеми видами и родами войск;

— вопросы дезинформации и обмана противника с целью введения его в заблуждение относительно наших намерений.

Этими мероприятиями мы стремились создать у противника впечатление об отсутствии на нашей стороне каких-либо подготовительных мер наступательного характера, показать, что мы ведем широко развернутые работы по устройству обороны, и только обороны. Для этого было решено все передвижения, сосредоточения, перегруппировки производить только ночью, когда действия авиаразведки противника и визуальное наблюдение до предела ограничены.

До 17 — 18 августа было категорически запрещено выводить войска в районы, откуда предполагалось нанесение ударов с целью выхода наших войск во фланги и тыл всей группировки противника. Командный состав, производивший рекогносцировки на местности, должен был выезжать в красноармейской форме и только на грузовых машинах.

Мы знали, что противник ведет радиоразведку и подслушивает телефонные разговоры, и разработали в целях дезинформации целую программу радио— и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве обороны и подготовке ее к осенне-зимней кампании. Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Было издано много тысяч листовок и несколько памяток бойцу в обороне. Эти листовки и памятки были подброшены противнику, с тем чтобы было видно, в каком направлении идет политическая подготовка советско-монгольских войск.

Сосредоточение войск — фланговых ударных группировок — и вывод их в исходные районы для наступления были предусмотрены в ночь с 19 на 20 августа. К рассвету все должно было быть скрыто в зарослях вдоль реки в подготовленных укрытиях. Материальная часть артиллерии, минометы, средства тяги и различная техника тщательно укрывались маскировочными сетками, приготовленными из местных подручных материалов. Танковые части выводились в исходные районы мелкими группами с разных направлений, непосредственно перед началом артиллерийской и авиационной подготовки. Их скорости позволяли это сделать.

Все ночные передвижения маскировались шумом, создаваемым полетами самолетов, стрельбой артиллерии, минометов, пулеметов и ружейных выстрелов, который велся частями строго по графику, увязанному с передвижениями.

Для маскировки передвижения нами были использованы звуковые установки, превосходно имитирующие различные шумы: забивание кольев, полет самолетов, движение танков и прочее. К имитационному шуму мы начали приучать противника за 12— 15 дней до начала передвижения ударных группировок. Первое время японцы принимали эту имитацию за настоящие действия войск и обстреливали районы, где слышались те или иные шумы. Затем, не то привыкнув, не то разобравшись, в чем дело, обычно не обращали внимания уже ни на какие шумы, что для нас было очень важно в период настоящих перегруппировок и сосредоточений.

Для того чтобы к противнику не просочились сведения о наступательной операции, разработку плана генерального наступления в штабе армейской группы вели лично командующий, член Военного совета, начальник политотдела, начальник штаба, начальник оперативного отдела. Командующие и начальники родов войск, начальник тыла работали только по специальным вопросам, по плану, утвержденному командующим. К печатанию плана операции, приказов, боевых распоряжений и прочей оперативной документации была допущена только одна машинистка.

По мере приближения срока начала операции различные категории командного состава были последовательно ознакомлены с планом операции, начиная с четырех и кончая одними сутками до начала боевых действий. Бойцы и командиры получили боевые задачи за три часа до наступления.

Дальнейшие события и весь ход нашей наступательной операции показали, что особые меры по дезинформации и маскировке, а также другие мероприятия по подготовке внезапной операции сыграли важнейшую роль, и противник действительно был захвачен врасплох.

В подготовке августовской операции особое внимание было уделено организации тщательной разведки противника. Многие командиры, штабы и разведывательные органы в начале боевых действий показали недостаточную опытность. Перед разведкой ставились многочисленные задачи, часто невыполнимые и не имеющие принципиального значения. В результате усилия разведорганов распылялись в ущерб главным разведывательным целям. Часто и сами разведчики вводили командование в заблуждение своими предположительными выводами, построенными только на основе тех или иных признаков и умозаключений.

Конечно, в истории боев, сражений и операций бывали случаи, когда подобные предположения и оправдывались, но мы не могли строить серьезную операцию на сомнительных данных. В предстоящей операции окружения и уничтожения армии противника нас интересовало главным образом его точное расположение и численность.

Сложность добывания сведений о противнике усугублялась отсутствием в районе действий гражданского населения, от которого можно было бы кое-что узнать. Со стороны японцев перебежчиков не было. А бежавшие к нам баргуты (монголы-скотоводы, живущие в северо-западной части Маньчжурии), как правило, ничего не знали о расположении и численности японских частей и соединений. Лучшие данные мы получали от разведки боем. Однако эти данные охватывали только передний край и ближайшие огневые позиции артиллерии и минометов.

Наша разведывательная авиация давала хорошие авиаснимки глубины обороны, но учитывая то, что противник обычно широко применял макеты и другие обманные действия, мы должны были быть очень осторожными в своих выводах и неоднократными проверками устанавливать, что является настоящим, что ложным.

Просочиться мелким разведывательным группам в глубину обороны противника случалось редко, так как японцы очень хорошо просматривали местность в районе расположения своих войск.

Однако, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, нам удалось организовать разведку и получить от нее ряд ценных сведений.

Хорошо действовала разведка в 149-м моторизованном стрелковом полку. Здесь ее организацией занимался непосредственно командир полка майор И. М. Ремизов, всесторонне знавший специфику разведки. Я видел майора И. М. Ремизова на учебном занятии. Он показывал разведчикам, как лучше захватить пленного из засады, как просочиться через боевое охранение противника ночью. Майор был большой мастер на разведывательные выдумки, и солдатам-разведчикам очень нравилось, что с ними занимается сам командир полка, которого они любили и уважали. За героизм, проявленный в боях на Халхин-Голе, И. М. Ремизов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наиболее слабым местом в японской группировке мы считали фланги обороны и отсутствие у противника подвижных резервов. Что же касается местности, то она всюду была тяжелой для наступающих войск.

План партийно-политического обеспечения операции был также разработан исходя из конкретных задач. Он включал в себя два этапа: подготовительный и исполнительный.

На подготовительном этапе предусматривалось главным образом обеспечение тех мероприятий, которые проводил Военный совет армейской группы по сосредоточению сил и средств для предстоящей операции, работа среди войск, прибывающих из глубины страны, передача им боевого опыта. Для выполнения этой важнейшей задачи от всех коммунистов, политработников и командиров требовалось усилить активность непосредственно в отделениях, взводах и ротах. Нужно было уделить больше внимания органам тыла, от которых во многом зависело своевременное материально-техническое обеспечение операции.

Советские войска знали, что наш пролетарский, интернациональный долг состоит в том, чтобы помочь братскому монгольскому народу в час тяжелых испытаний.

Большую политическую работу проводила газета “Героическая красноармейская”. В каждом номере она популяризировала боевые дела бойцов и командиров войск армейской группы и боевые традиции Красной Армии. С началом операции редакция газеты должна была заняться главным образом изданием и быстрым распространением листовок для информации бойцов и командиров.

Активно сотрудничали в этой газете писатели Вл. Ставский, К. Симонов, Л. Славин, Б. Лапин. З. Хацревин, В. Вишневский, Е. Петров и вездесущие фотокорреспонденты М. Бернштейн и В. Темин. Особенно хочется сказать о Владимире Ставском. Прекрасный литератор, пропагандист, он жил с солдатами одной жизнью. Думаю, он был превосходным фронтовым корреспондентом. Мое личное общение с Владимиром Петровичем продолжалось до конца 1941 года. В начале августа он прибыл в 24-ю армию Резервного фронта, где я готовил операцию по разгрому ельнинской группировки противника и ликвидации его плацдарма в этом районе.

Встретившись, мы обнялись, вспомнили героические дни Халхин-Гола. Не задерживаясь в штабе, В.П. Ставский тотчас же выехал на передовую, где наши части вели напряженный бой. К утру следующего дня прислал свои заметки для армейской газеты, а мне записку с

сообщением о тех трудностях, которые приходилось преодолевать нашим войскам. Очень жаль, что этот талантливый писатель-баталист погиб, погиб как солдат в 1943 году в боях под Невелем.

Редактором газеты “Героическая красноармейская” был Д. О. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он умел сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров, партийно-политических работников. В годы Великой Отечественной войны Д. О. Ортенберг был редактором газеты “Красная звезда”, и мне также неоднократно приходилось встречаться с ним в действующей армии...

Но вернемся к халхин-гольским событиям.

20 августа 1939 года советско-монгольские войска начали генеральную наступательную операцию по окружению и уничтожению японских войск.

Был воскресный день. Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск: кто в Хайларе, кто в Ханчжуре, кто в Джанджин-Сумэ. Мы учли это немаловажное обстоятельство, принимая решение о начале операции именно в воскресенье.

В 6 ч. 15 м. наша артиллерия открыла внезапный и мощный огонь по зенитной артиллерии и зенитным пулеметам противника. Отдельные орудия дымовыми снарядами обстреляли цели, которые должна была бомбить наша бомбардировочная авиация.

В районе реки Халхин-Гол все больше и больше нарастал гул моторов подходившей авиации. В воздух поднялись 153 бомбардировщика и около 100 истребителей. Их удары были весьма мощными и вызвали подъем у бойцов и командиров.

В 8 ч. 45 м. артиллерия и минометы всех калибров начали огневой налет по целям противника, доведя его до пределов своих технических возможностей. В это же время наша авиация нанесла удар по тылам противника. По всем телефонным проводам и радиостанциям была передана установленным кодом команда — через 15 минут начать общую атаку.

В 9 ч. 00 м., когда наша авиация штурмовала противника, бомбила его артиллерию, в воздух взвились красные ракеты, означавшие начало движения войск в атаку. Атакующие части, прикрываемые артиллерийским огнем, стремительно ринулись вперед.

Удар нашей авиации и артиллерии был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

Атака проходила в точном соответствии с планом операции и планами боя, и лишь 6-я танковая бригада, не сумев полностью переправиться через реку Халхин-Гол, приняла участие в боях 20 августа только частью своих сил. Переправа и сосредоточение бригады были полностью закончены к исходу дня.

21-го и 22-го шли упорные бои, особенно в районе Больших Песков, где противник оказал более серьезное сопротивление, чем мы предполагали. Чтобы исправить допущенную ошибку, пришлось дополнительно ввести в дело из резерва 9-ю мотоброневую бригаду и усилить артиллерию.

Разгромив фланговые группировки противника, наши бронетанковые и механизированные части к исходу 26 августа завершили окружение всей 6-й японской армии, и с этого дня началось дробление на части и уничтожение окруженной группировки врага.

Борьба осложнялась из-за сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов.

Японские части дрались до последнего человека. Однако постепенно солдатам становилась ясна несостоятельность официальной пропаганды о непобедимости императорской армии, поскольку она понесла исключительно большие потери и не выиграла за 4 месяца войны ни одного сражения.

Интересны записи некоторых японских солдат и офицеров, характеризующие их настроения в те дни.

Вот дневник погибшего солдата Факуты:

“20 августа 1939 года.

С утра установилась хорошая погода. Истребители и бомбардировщики противника, штук 50, группами появились в воздухе. В 6.30 артиллерия противника всей своей мощью начала обстрел. Артиллерийские снаряды стонут над головой.

Тучи артиллерийских снарядов падают поблизости от нас. Становится жутко. Команда наблюдения использует все, чтобы разведать артиллерию противника, но успеха не имеет, так как бомбардировщики бомбят, а истребители обстреливают наши войска. Противник торжествует по всему фронту.

7 ч. 45 м.

Становится жутко. Стоны и взрывы напоминают ад. Сложилась очень тяжелая обстановка. Положение плохое, мы окружены. Если ночь будет темной, все должны быть в ходах сообщения, располагаясь в ряд... Душа солдата стала печальной... Наше положение неважное, сложное, запутанное.

8 ч. 30 м.

Артиллерия противника не прекращает обстрела наших частей. Куда бы ни сунулся, нигде нет спасения, везде падают снаряды, наше спасение только в Бдисатве.

14 ч. 40 м.

Идет беспощадный бой, сколько убитых и раненых мы не знаем... Обстрел не прекращается.

21 августа

Множество самолетов советско-монгольской авиации бомбят наши позиции, артиллерия также все время беспокоит нас. После бомбежки и артогня бросается в атаку пехота противника. Число убитых все более и более увеличивается. Ночью авиация противника бомбила наши тылы.

22 августа — 9 ч. 30 м.

Пехота противника начала атаку, пулеметы противника открыли сильный огонь. Мы были в большой опасности и страшно напугались. Настроение заметно ухудшилось. Когда всех офицеров убили, меня назначили командиром роты. Это меня страшно взволновало, и я всю ночь не спал...”

На этом обрываются записи Факуты.

Большое внимание в тогдашней японской армии уделялось идеологической обработке солдат, направленной против Красной Армии. Наша армия изображалась технически отсталой, а в боевом отношении приравнивалась к старой царской армии времен русско-японской войны 1904 — 1905 годов. Поэтому то, что японские солдаты увидели в сражениях на реке Халхин-Гол, оказавшись под мощными ударами танков, авиации, артиллерии и хорошо организованных стрелковых войск, было для них полной неожиданностью.

Японскому солдату внушали, что, попав в плен, он все равно будет расстрелян, но прежде его будут истязать до полусмерти. И надо сказать, что подобное воздействие в тот период достигало своей цели.

Однако действительность опровергла эти внушения. Помню, на рассвете одного из августовских дней ко мне на наблюдательный пункт привели пленного японского солдата, обезображенного укусами комаров. Этот солдат был схвачен разведчиками полка И. И. Федюнинского в камышах.

На мой вопрос, где и кто его так разделал, он ответил, что вместе с другим солдатом вчера с вечера был посажен в камыши в секрет для наблюдения за действиями русских, а накомарников им не дали. Командир роты приказал не шевелиться, чтобы их не обнаружили. Ночью на солдат напали комары, но они безропотно терпели страшные укусы и сидели до утра не шевелясь, чтобы не выдать своего присутствия.

— А когда русские что-то крикнули и вскинули винтовки, — рассказывал пленный, — я поднял руки, так как не мог больше терпеть эти мучения.

Нам нужны были сведения о японских войсках на том участке, где был захвачен этот пленный. Чтобы развязать ему язык, я приказал дать пленному полстакана водки. Каково же было мое удивление, когда он, посмотрев на стакан, сказал:

— Прошу вас, отпейте глоток, я боюсь отравы. Я единственный сын, а отец имеет галантерейный магазин, следовательно, я единственный его наследник.

Наш переводчик заметил, что, согласно памятке, которую японским солдатам дало их начальство, они должны смело умирать со словом “банзай” на устах. Усмехнувшись, пленный ответил:

— Отец наказал мне вернуться домой живым, а не мертвым.

31 августа 1939 года последние очаги сопротивления 6-й японской армии, вторгшейся в пределы Монгольской Народной Республики, были ликвидированы. Посещая части наших войск, товарищ Х. Чойбалсан сердечно благодарил воинов за то, что они своей кровью подтвердили верность взятым на себя обязательствам. Сокрушительный отпор советских и монгольских войск, небывалый разгром отборных сил целой японской армии заставили тогдашние японские правящие круги пересмотреть свои взгляды на могущество и боеспособность Советских Вооруженных Сил, особенно на моральную стойкость советских воинов.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов в приказе 7 ноября 1939 года писал: “Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры — участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и геройство, за блестящее выполнение приказов войска, участвовавшие в боях в районе реки Халхин-Гол, заслужили великую благодарность”.

Душой героических действий наших воинов была Коммунистическая партия и ее фронтовой отряд — армейская партийная организация. Коммунисты своим мужественным примером воодушевляли воинов на боевые подвиги.

Хочется отметить тех командиров и политработников, которые своей организаторской деятельностью, партийно-политическими мероприятиями, умелым командованием ускорили разгром японских войск, прославили советское оружие.

С большой теплотой я вспоминаю дивизионного комиссара М. С. Никишева. Умелый руководитель, в высшей степени принципиальный коммунист, он сумел поставить работу Военного совета гак, что у нас при всей сложности и напряженности обстановки ни разу не возникло никаких недоразумений или разногласий. И все мы, халхингольцы, были глубоко опечалены известием о его гибели в начале Отечественной войны. Он погиб на Украине, где был в должности члена Военного совета 5-й армии Юго-Западного фронта.

Нельзя забыть героические подвиги летчиков Я. В. Смушкевича, С. И. Грицевца, В. М. Забалуева, Г. П. Кравченко. В. Ф. Скобарихина. В. Г. Рахова и других, которые показали образцы мужества и отваги.

Однажды во время преследования группы японских самолетов летчик-истребитель Герой Советского Союза С. И. Грицевец обнаружил отсутствие в строю самолета своего командира В. М. Забалуева. Дав ряд очередей по уходящему противнику и приостановив преследование. С. И. Грицевец стал искать пропавший самолет. Он сделал круг над районом последней атаки и заметил его в степи на территории японских войск.

Снизившись до бреющего полета. С. И. Грицевец увидел В. М. Забалуева около самолета. Видимо, произошла авария. Что делать? Несмотря на крайний риск посадки в тылу врага, С. И. Грицевец не колеблясь принимает решение: во что бы то ни стало спасти своего командира. Как это принято у нас еще со времен Суворова — “Сам погибай, но товарища выручай!”

Отважный и всегда очень спокойный, летчик мастерски посадил свой самолет на изрытую воронками площадку. Быстро подрулив к В. М. Забалуеву, он буквально втиснул своего командира в кабину одноместного самолета. Затем на виду у опешивших солдат противника, развернув самолет против ветра, С. И. Грицевец поднял его в воздух с двойной нагрузкой и благополучно вернулся на свой аэродром.

В одном из разведывательных боев с японцами в отряде майора И. Л. Касперовича была подбита машина “ГАЗ”. Водитель рядовой Тимохин не бросил машину, а оставшись на поле боя, на ничейной полосе, пытался исправить повреждение. Японцы, заметив смелые действия нашего бойца, решили захватить его живым. Тимохин отбивался как настоящий советский солдат. Будучи тяжело раненным, он продолжал сопротивляться.

В этот момент майор И.Л. Касперович, командир отряда, не считаясь с тяжелой обстановкой, принял рискованное решение — выручить своего бойца. Приказав сосредоточить огонь орудий прямой наводкой по огневым точкам японцев, он развернул роту и повел ее в наступление на противника, а сам на бронемашине на полном ходу подскочил к автомобилю Тимохина и зацепил его на буксир. Когда Тимохина вывезли в наше расположение, он со слезами на глазах благодарил командира и товарищей, которые, рискуя жизнью, спасли его от верной смерти.

— Я не сомневался, что вы не забудете меня, не оставите в беде, — говорил он перед отправкой в госпиталь, — как только подлечусь, буду опять вместе с вами, мои дорогие друзья.

Летчик Герой Советского Союза старший лейтенант В. Ф. Скобарихин в неравном бою, выручая своего товарища старшего лейтенанта В. Н. Вусса, смело пошел на таран японского истребителя и, сбив его, вступил в бой с двумя другими самолетами. Японские летчики, увидев, с кем им пришлось иметь дело, развернулись в направлении своих аэродромов. В. Ф. Скобарихин, несмотря на повреждение, сумел благополучно дотянуть до своего аэродрома. После посадки на крыле его самолета были найдены клочья обшивки японского истребителя.

В воздушных боях особенно отличился старший лейтенант Герой Советского Союза В. Г. Рахов. 29 июля он встретился один на один с весьма опытным японским асом Такео. Маневрируя, В. Г. Рахов навязал бой противнику. В ходе боя японский летчик Такео продемонстрировал все свое мастерство, но тем не менее В. Г. Рахову удалось зажечь самолет Такео. Японец выбросился с парашютом и, увидев, что приземлился на монгольской территории, попытался застрелиться, но был захвачен в плен.

Оправившись от волнения и встретив хорошее обращение командиров Красной Армии, Такео попросил показать ему летчика, который так мастерски вел бой и сбил его самолет. Когда подошел В. Г. Рахов, японец отвесил ему глубокий поклон, приветствуя победителя.

С благодарностью я вспоминаю многих командиров, с которыми работал в то время. В начале боевых действий в районе реки Халхин-Гол И. И. Федюнинский занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части. Когда потребовался командир для 24-го моторизованного полка, в качестве первой кандидатуры была названа его фамилия. И мы не ошиблись. Во всех сложных случаях Иван Иванович Федюнинский умел находить правильное решение, а когда началось генеральное наступление наших войск, полк под его командованием победоносно вел бой.

По окончании военных действий на реке Халхин-Гол И. И. Федюнинский был назначен командиром 82-й дивизии. Эта дивизия в первом периоде Отечественной войны исключительно упорно дралась на можайском направлении. Успешно командовал генерал-майор И. И. Федюнинский стрелковым корпусом на Юго-Западном фронте, а потом и 42-й армией под Ленинградом.

Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на фланге армейской группы. М. И. Потапов отличался невозмутимым характером. Его ничто не могло вывести из равновесия. Даже в самой сложной и тревожной обстановке он был абсолютно спокоен, и это хорошо воспринималось войсками. Таким он был и в Отечественную войну, командуя 5-й армией Юго-Западного фронта.

Связь в бою и операциях играет решающую роль. Поэтому мне хочется сказать доброе слово о полковнике Алексее Ивановиче Леонове, который в любых условиях обеспечивал управление войсками бесперебойной связью.

Огромный вклад в решение боевых задач внесли партийные организации. В первых рядах были начальник политического отдела армейской группы дивизионный комиссар Петр Иванович Горохов, полковой комиссар Роман Павлович Бабийчук, комиссар 24-го мотополка Щелчков, секретарь парткомиссии особого корпуса Алексей Михайлович Помогайло, комиссар Иван Васильевич Заковоротный.

Среди политических работников соединений особенно выделялся полковой комиссар Василий Андреевич Сычев — комиссар 9-й мотобронеевой бригады, в прошлом уральский рабочий-металлург. Василий Андреевич хорошо помогал своему командиру бригады; нередко в сложной обстановке он становился во главе своих частей и личной смелостью увлекал их на боевой подвиг. В годы Отечественной войны, будучи членом Военного совета армии, он с такой же отвагой осуществлял возложенные на него задачи.

Из числа командиров мне хочется вспомнить главного военного советника при монгольской армии полковника И. М. Афонина, командира 11-й танковой бригады Героя Советского Союза М. П. Яковлева, командира 149-го мотополка Героя Советского Союза И. М. Ремизова, командиров батальонов Зайюльева, Ермакова, Михайлова, Абрамова и Анохина, некоторые из названных боевых товарищей геройски погибли в борьбе с врагом.

Дни и ночи напряженно трудились в сложных полевых условиях медицинские работники, спасая жизнь и здоровье наших солдат и командиров, да и не только наших. В высшей степени гуманное отношение было проявлено ими и к раненым пленным японцам.

Хорошо помню встречи с профессором М. Н. Ахутиным. Однажды мне доложили, что профессор М. Н. Ахутин. будучи переутомлен многими операциями, буквально еле держась на ногах, приказал взять у него кровь для раненого командира. Я позвонил ему и посоветовал взять кровь у более молодого врача. Профессор М. Н. Ахутин коротко отрезал:

— У меня нет времени для розыска подходящей группы. — И, попросив его не задерживать, тотчас же дал раненому свою кровь.

Профессор М. Н. Ахутин продумал и хорошо организовал единую систему поэтапного лечения раненых. Он оказывал большую помощь и медицинским работникам братской нам монгольской армии. Работая по 15 — 18 часов в сутки, он уделял большое внимание подготовке и совершенствованию врачей-хирургов, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что те, кто работал и учился у профессора М. Н. Ахутина, многое постигли в искусстве хирургии. Под его руководством успешно начинал работать ныне известный хирург академик А. А. Вишневский.

Монгольские войска, действовавшие в районе реки Халхин-Гол, хорошо взаимодействовали с советскими войсками.

С большим воодушевлением читали на фронте взволнованное письмо монгольских воинов советским бойцам:

“Дорогие братья, бойцы Красной Армии!

Мы, цирики, командиры и политработники частей Монгольской народно-революционной армии, действующей в районе реки Халхин-Гол, от себя и от всего трудового народа Монголии горячо приветствуем вас, защитников нашей Родины от японских захватчиков, и поздравляем с успешным окружением и полным разгромом самураев, пробравшихся на нашу землю.

Наш народ золотыми буквами впишет в историю борьбы за свою свободу и независимость вашу героическую борьбу с японской сворой в районе реки Халхин-Гол. Если бы не ваша братская бескорыстная помощь, мы не имели бы независимого Монгольского революционного государства. Если бы не помощь Советского государства, нам грозила бы такая же участь, какую переживает народ Маньчжурии. Японские захватчики разгромили бы и ограбили нашу землю и трудовое аратство. Этого не случилось и никогда не случится, так как нам помогает и нас спасает от японского нашествия Советский Союз.

Спасибо вам и спасибо советскому народу!”

Бойцы монгольской армии восхищались боевыми свершениями советских войск, но и мы, советские воины, были не менее восхищены героическими подвигами монгольских бойцов и командиров.

Мне приходилось лично наблюдать массовую боевую отвагу монгольских цириков и их командиров. Хочется вспомнить имена особо отличившихся. Это — рядовой цирик Олзвой, водитель бронемашины Хаянхирва, наводчики зенитных орудий Чултэм, Гомбосурэн, конник Хорлоо. Большую творческую работу проводил штаб Монгольской народно-революционной армии во главе с заместителем главкома МНРА корпусным комиссаром Ж. Лхагвасурэном.

Павшим героям Халхин-Гола поставлен памятник, на котором высечены поистине справедливые слова:

“Вечная слава воинам-героям Советской Армии и мужественным цирикам Монгольской Народно-Революционной Армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов, против империалистической агрессии”.

Советское правительство, отмечая особо выдающиеся заслуги советских воинов против японских агрессоров, присвоило семидесяти из них звание Героя Советского Союза. Второй Золотой Звездой Героя Советского Союза были награждены летчики С. И. Грицевец, Я. В. Смушкевич, Г. П. Кравченко. Звание Героя Советского Союза было присвоено и мне, а в 1972 году Указом Великого народного хурала МНР за участие в разгроме японских войск на Халхин-Голе я был удостоен звания Героя Монгольской Народной Республики.

По окончании боевых действий на реке Халхин-Гол командование и штаб армейской группы (в конце октября 1939 года) возвратились в Улан-Батор — столицу МНР. Раньше я знал о Монголии только по книгам и газетам. Теперь мне представилась возможность близко познакомиться с этой страной.

Особенно приятно вспомнить душевную простоту монгольского народа, его доброту и искреннюю веру в Советский Союз. Где бы я ни был — в юртах или домах, в учреждениях или воинских частях, — везде и всюду я видел на самом почетном месте портрет В.И. Ленина, о котором каждый монгол говорил с искренней теплотой и любовью.

Наши бойцы были частыми гостями у монгольских друзей, монгольские товарищи бывали у нас на учениях, на занятиях, где мы старались передать им опыт, полученный в минувших боях.

Монгольский народ с большим уважением и любовью относился к Хорлогийну Чойбалсану. С ним я близко подружился, когда он в августе приезжал на наш командный пункт на горе Хамар-Даба. Это был незаурядный, огромного душевного тепла человек, преданный друг Советского Союза. Хорлогийн Чойбалсан был настоящим интернационалистом, посвятившим жизнь борьбе с империализмом и фашизмом. Последний раз я видел его во время Великой Отечественной войны, когда он привозил на фронт бойцам Красной Армии подарки от монгольского народа.

Не меньшим авторитетом в народе пользовался и Юмжагийн Цеденбал. Это был образованный и приятный человек, он много лет проработал с Х. Чойбалсаном и другими членами ЦК партии. После смерти в 1952 году Х. Чойбалсана Ю. Цеденбал становится во главе партии и государства. Являясь Первым секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии и Председателем Совета Министров МНР, он отдает все свои силы, знания, энергию построению социализма в стране, борется за всемирное укрепление дружбы, с братскими марксистско-ленинскими партиями, за мир, социализм и демократию во всем мире.

Забегая вперед, я хотел бы подчеркнуть ту помощь, которую, в свою очередь, оказал монгольский народ Советскому Союзу во время Отечественной войны против фашистской Германии.

Только за 1941 год от Монгольской Народной Республики было получено 140 вагонов различных подарков для советских воинов на общую сумму 65 миллионов тугриков. Во

Внешторгбанк поступило 2 миллиона 500 тысяч тугриков и 100 тысяч американских долларов, 300 килограммов золота. На эти средства, в частности, было построено 53 танка, из них 32 танка Т-34, на бортах которых стояли славные имена Сухэ-Батора и других героев Монгольской Народной Республики. Многие из этих танков успешно сражались с немецкими войсками и дошли до самого Берлина в составе 112-й танковой бригады 1-й гвардейской танковой армии.

Кроме танков, советским Военно-Воздушным Силам была передана авиационная эскадрилья “Монгольский арат”. Она вошла в состав 2-го Оршанского гвардейского авиационного полка. Эскадрилья “Монгольский арат” совершала победный боевой путь на протяжении всей войны.

В дар Красной Армии в 1941 — 1942 годах поступило 35 тысяч лошадей, которые пошли на укомплектование советских кавалерийских частей.

На протяжении всей Отечественной войны делегации трудящихся Монгольской Народной Республики, возглавляемые Х. Чойбалсаном, К. Цеденбалом и другими государственными деятелями, были частыми гостями у наших славных воинов. Каждое их посещение еще больше укрепляло братскую дружбу советского и монгольского народов.

Большую работу в период боевых действий на Халхин-Голе проводили Ю. Цеденбал и советский посол в МНР И. А. Иванов. Благодаря их заботам наши войска никогда не знали затруднений с поставками продуктов. С тех пор Ю. Цеденбал душевно сроднился с советскими людьми, которые в его лице видят дружественный нам монгольский народ, идущий но пути социализма. И. А. Иванов пользовался искренним уважением у монгольского народа, государственных и партийных руководителей, он всегда старался во всем помочь монгольским друзьям и словом и делом.

Возвратившись на зимние квартиры, наши войска подводили итоги боевым делам. Приятно было видеть, насколько выросли знания солдат и командиров. В те части, которые не принимали непосредственного участия в боях, посылались лучшие бойцы и командиры для передачи опыта, полученного в сражениях с японскими войсками. Решительно перестраивалось политическое обеспечение боевой подготовки войск.

Все это в целом дало весьма эффективные результаты в подготовке и боевой готовности войск. Не случайно соединения, находившиеся в 1939 — 1940 годах в Монголии, будучи переброшенными в 1941 году в район Подмосковья, дрались с немецкими войсками выше всяких похвал.

И когда в 1945 году Советское правительство, согласно договоренности с союзниками по антигитлеровской коалиции, а также в целях снятия военной опасности со стороны милитаристской императорской Японии, державшей против МНР и наших дальневосточных районов миллионную Квантунскую армию, объявило Японии войну, братская нам Монгольская Народная Республика также объявила войну Японии.

Монгольская армия, руководимая Монгольской народно-революционной партией, лично Х. Чойбалсаном и Ю. Цеденбалом, действовала на правом крыле советских войск, в составе советско-монгольской конномеханизированной группы под командованием генерала И. А. Плиева. По свидетельству наших солдат и командно-политического состава,

монгольские части дрались смело, умело и хорошо взаимодействовали с советскими войсками.

За умелое руководство боевыми операциями Маршал МНР Х. Чойбалсан награжден Советским правительством орденом Суворова I степени. За умелое руководство боевыми операциями войск МНРА и проявленные при этом доблесть и мужество заместитель главнокомандующего — начальник Политуправления Монгольской народно-революционной армии Ю. Цеденбал удостоен ордена Кутузова I степени. 26 человек награждены орденом Красного Знамени, орденом Славы II степени— 13 человек, медалью “За отвагу” — 82 человека. Всего в 1945 году Верховный Совет СССР наградил 302 человека.

Монгольский народ питает искреннюю дружескую симпатию к советским людям. Свидетельством тому является сохранившийся до сих пор обычай называть своих детей русскими именами — Орос (русский), Сэссэр (СССР), Володя (в честь В. И. Ленина), Юра (в честь Ю. Гагарина) и т.д.

Теперь Монгольская Народная Республика стала процветающей социалистической страной. Быстро развиваются промышленность всех видов, сельское хозяйство, наука и передовая техника. Большую помощь в этом ей оказывают Советский Союз, братские социалистические страны. И в мирное время, как и в годину войны с иностранными захватчиками, основная направляющая роль принадлежит Монгольской народно-революционной партии, ее Центральному Комитету.

...В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на другую должность.

К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной Армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через несколько дней я был принят лично И. В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом.

С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на прием к нему шел сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед “харакири”. Офицерский состав, особенно

старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода. Должен также сказать, что в начале кампании японская авиация била нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной “Чайки” и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков — Героев Советского Союза во главе со Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным. Следует подчеркнуть, что нам пришлось иметь дело с отборными, так называемыми императорскими частями японской армии.

И.В. Сталин очень внимательно все выслушал, а затем спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья. 82-я стрелковая дивизия, прибывшая с Урала, первое время сражалась плохо. В ее составе были малообученные бойцы и командиры. Эта дивизия была развернута и пополнена приписным составом незадолго до ее отправления в Монголию.

Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно 11-я, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было 2 танковых и 3 мотобронеевых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска.

Артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе. В целом наши войска стоят значительно выше японских.

Монгольские войска, получив опыт, закалку и поддержку со стороны частей Красной Армии, дрались хорошо, особенно их броневой дивизион на горе Баин-Цаган. Надо сказать, что монгольская конница была чувствительна к налетам авиации и артиллерийскому огню и несла большие потери.

— Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов? — спросил И. В. Сталин.

— Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что и он с интересом слушает меня. Я продолжал:

— Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская

сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии.

— К сожалению, в войне с Финляндией многие наши соединения и армии показали себя в первый период плохо. В неудовлетворительном состоянии армии во многом виноват бывший нарком обороны Ворошилов, который длительное время возглавлял вооруженные силы. Он не обеспечил должной подготовки армии и его пришлось заменить. Тимошенко лучше знает военное дело.

Итоги войны с финнами мы подробно обсудили на Пленуме ЦК и наметили ряд мероприятий, — сказал И. В Сталин.

— Скажите, а с какими трудностями пришлось столкнуться нашим войскам на Халхин-Голе? — вступил в разговор М. И Калинин

— Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650 — 700 километров. Ближайшие станции снабжения были расположены на территории Забайкальского военного округа. Даже дрова для приготовления пищи и те приходилось подвозить за 600 километров Кругооборот машин составлял 1300— 1400 километров, а отсюда колоссальнейший расход бензина, который также надо было доставлять из Советского Союза.

В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет ЗабВО и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом. Большую неприятность причиняли комары, которых на Халхин-Голе великое множество. По вечерам они буквально заедали нас. Японцы спасались специальными накомарниками. Мы их не имели и изготовили с большим опозданием.

— Какую основную цель, по вашему мнению, преследовало японское правительство, организуя вторжение? — спросил М. И. Калинин

— Ближайшая цель — захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья, западнее КВЖД.

— Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал И. В. Сталин. — Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?

Усмехнувшись, И. В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на

войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет Им придется самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

Возвратясь в гостиницу “Москва”, я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы.

Внешность И В Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление Если он всегда и со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем, как о страшном человеке.

Тогда не хотелось верить плохому.

Глава восьмая. **Командование Киевским особым военным округом**

Назначение командующим самым большим военным округом я считал особой честью и делал все, чтобы оправдать высокое доверие Центрального Комитета партии и правительства.

Киевский особый военный округ был одним из передовых военных округов. В Белорусском военном округе, где я работал в 1922—1939 годах, с большим уважением относились к войскам Киевского округа, высоко ценили их боевую подготовку и оперативно-тактическую зрелость руководящего состава штабов и командования.

Радовало и то, что в округе придется работать вместе с опытными руководящими военачальниками и политработниками. Многих из них я знал лично, о многих слышал от других офицеров и генералов, с некоторыми товарищами работал долгие годы.

Начальником штаба Киевского особого военного округа в то время был генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. Я работал вместе с М. А. Пуркаевым в Белорусском военном округе, где он тогда был начальником штаба округа. Это был опытный и всесторонне знавший свое дело генерал, человек высокой культуры, штабист большого масштаба.

Командующим артиллерией округа был генерал Н. Д. Яковлев, крупный специалист в области техники и боевого применения артиллерии. Двумя армиями командовали генералы И. Н. Музыченко и Ф. Я. Костенко, с которыми мне довелось длительное время работать в 4-й Донской казачьей дивизии. Начальником оперативного отдела штаба округа был полковник П. Н. Рубцов, которого я знал по центральному аппарату Наркомата обороны. П. Н. Рубцова в скором времени заменил полковник Иван Христофорович Баграмян. Ивана Христофоровича я знал как очень вдумчивого, спокойного, трудолюбивого, оперативно грамотного работника. Начальником снабжения округа оказался мой старый друг В. Е. Белокосков.

Хочется сказать доброе слово и о командующем военно-воздушными силами округа генерале Е. С. Птухине, который был блестящим летчиком и командиром, преданным сыном нашей партии и отзывчивым товарищем. К сожалению, он, как и многие, стал жертвой клеветы и трагически погиб в 1941 году.

За короткое время я близко познакомился и с остальным руководством округа. В него входили дельные и образованные командиры. Каждое служебное поручение они выполняли со знанием дела, пунктуальностью и творческой энергией.

Ознакомившись с состоянием округа, я счел своей обязанностью представиться секретарям ЦК КП Украины. Рассказав о действиях наших войск по разгрому 6-й японской армии на Халхин-Голе и поделившись своими первыми впечатлениями, я просил помочь в материально-бытовом обеспечении округа. Встретил самое доброжелательное отношение и был рад, что все так хорошо складывается.

В течение июня 1940 года побывал почти во всех частях и соединениях. Затем мы со штабом округа провели крупную командно-штабную полевую поездку со средствами связи в район Тернополя, Львова, Владимир-Волынского, Дубно — туда, где через год, в 1941 году, немцы по плану “Барбаросса” нанесли на Украине свой главный удар.

Учение показало, что во главе армий, соединений и их штабов стоят способные молодые офицеры и генералы. Правда, они нуждались в серьезной оперативно-тактической подготовке, так как лишь недавно получили повышение с менее значительных должностей. На этот вопрос было обращено внимание руководящего состава.

Вскоре после возвращения в Киев мне позвонил нарком обороны С. К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии. Командующий фронтом назначался я по совместительству.

В состав фронта включались две армии Киевского округа: 12-я армия под командованием генерал-майора Ф. А. Парусинова и 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко; третья создавалась из войск Одесского военного округа под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

После долгих переговоров румынское правительство все же согласилось вывести свои войска из Северной Буковины и Бессарабии, и, таким образом, дело обошлось мирным путем.

Вспоминается один эпизод, на мой взгляд, характеризующий состояние и боеспособность тогдашней королевской румынской армии.

Чтобы избежать нежелательных инцидентов при отводе румынских войск, стороны договорились о следующем: Румыния будет отводить свои войска на 20 километров в сутки, а Красная Армия соответственно продвигаться вперед на освобождаемую территорию также по 20 километров в сутки. При этом Румыния обязывались оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти.

Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку. Двум танковым

бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут.

Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности.

На второй день этих событий я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. И. В. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, — ответил я. — Вопреки договоренности из Бессарабии и Северной Буковины вывозится железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолетов на реке Прут? — спросил И. В. Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

И. В. Сталин рассмеялся и сказал:

— Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта — берегите его. Я сейчас дам указание наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству.

Так мирно закончился этот эпизод.

Летом и осенью 1940 года в войсках Киевского особого военного округа шла напряженная боевая подготовка. Осваивался тактический опыт, полученный Красной Армией в войне с Финляндией и в боях с японцами в районе реки Халхин-Гол. При этом учитывался опыт немецко-фашистских войск, накопленный в ходе боевых действий против ряда европейских государств.

Вторая мировая война была в то время уже в разгаре. Еще в конце 1936 года Германия и Италия заключили соглашение, образовав пресловутую “ось Берлин — Рим”, а Германия и Япония — “Антикоминтерновский пакт”, направленный якобы против Коммунистического Интернационала, а на самом деле объединявший агрессоров в их борьбе за мировое господство. В 1937 году к этому пакту присоединилась Италия. Тогда же Япония возобновила войну с целью захвата Китая. В 1938 году была ликвидирована как

независимое государство Австрия. В то же время назревало вооруженное нападение на Чехословакию. “Завтра может быть уже поздно, — обращалось к миролюбивым государствам Советское правительство, — но сегодня время для этого не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблем коллективного спасения мира”.

Предложения СССР не были приняты.

На печально известной конференции западных держав в Мюнхене 29 — 30 сентября 1938 года Англия и Франция согласились передать Германии Судетскую область Чехословакии, чтобы якобы “спасти мир в последнюю минуту”. Чехословацкая делегация ждала решения судьбы своей страны у закрытых дверей, СССР был отстранен от переговоров.

Мы были готовы помочь Чехословакии. Авиация и танки находились в боевой готовности. В районах, прилегающих к западной границе СССР, сосредоточилось до 40 дивизий. Но тогдашние правящие круги Чехословакии отказались от этой помощи, предпочитая позорную капитуляцию. 15 марта 1939 года Германия оккупировала Прагу. “Умиротворение” Гитлера дало свой естественный результат.

Такой оборот дела, который не раз предсказывал Советский Союз, поставил перед Англией и Францией вопрос: а вдруг Гитлер, которого они подталкивали на восток, повернет на запад? Правительства этих стран начали новый тур переговоров, встреч, совещаний с целью припугнуть Гитлера возможностью военного союза с СССР. Требуя от Советского Союза помощи в случае агрессии со стороны Германии, главы правительств этих государств Даладье и Чемберлен вместе с тем не хотели брать на себя какие-либо серьезные обязательства. Переговоры зашли в тупик, в том числе и переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР.

Одним словом, если говорить о Европе — там господствовали нажим Гитлера и пассивность Англии и Франции. Многочисленные меры и предложения СССР, направленные на создание эффективной системы коллективной безопасности, не находили поддержки среди лидеров капиталистических государств. Впрочем, это было естественно. Вся сложность, противоречивость и трагичность ситуации порождалась желанием правящих кругов Англии и Франции столкнуть лбами Германию и СССР.

Пока бомбы не разорвались в их собственном доме, классовые интересы давних союзников в борьбе против первого социалистического государства приводили к одному — они пятились перед Гитлером. Даладье и Чемберлену казалось, что им удастся все и вся перехитрить, вовремя увернуться от уже нацеленной и готовой к действиям германской фашистской военной машины, да еще подтолкнуть ее в последний момент на Советский Союз. Даже 1 сентября, когда Германия напала на Польшу, ее союзники, Англия и Франция, объявив войну Германии, практически не двинулись с места.

“Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, — признал на Нюрнбергском процессе начальник штаба оперативного руководства германского верховного командования Йодль, — то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными”.

От помощи Советского Союза правительство панской Польши отказалось. Оно “прозорливо” сооружало оборонительные линии и укрепления на востоке, готовясь к войне с Советским Союзом, а гитлеровские войска зашли тем временем с запада, севера и юга и быстро захватили склады вооружений. Несмотря на героическую борьбу польских патриотов, германские полчища замкнули польскую армию в огромный котел. Вторая мировая война принимала все более широкий размах.

Что же представляла собой в то тревожное время наша Красная Армия?

На XVIII съезде партии (март 1939 года) нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов доложил, что по сравнению с 1934 годом численность личного состава в армии возросла более чем вдвое, а моторизация ее — на 260 процентов. Он привел суммарные данные об огневой мощи наших стрелковых корпусов, которые были не ниже боевых возможностей корпуса германской или французской армии. В полтора раза возросла конница, значительно (в среднем на 35 процентов) усиленная артиллерией, ручными и станковыми пулеметами и танками. Танковый парк возрос почти вдвое, его огневая мощь — почти в четыре раза. Увеличилась дальнобойность артиллерии, скорострельность артиллерийских систем, особенно противотанковых и танковых пушек. Если в 1934 году весь воздушный флот мог поднять за один вылет 2000 тонн авиабомб, то теперь он поднимал уже на 208 процентов больше. Не только истребители, но и бомбардировщики обладали скоростью, перевалившей за 500 километров в час.

В Отчетном докладе XVIII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, характеризуя опасность новой империалистической войны, говорил, что наша страна, неизменно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности Красной Армии и Военно-Морского Флота. Так оно и было.

Между прочим, у нас довольно часто из историко-исследовательского оборота исчезают очень важные документы. Иногда буквально откровением звучат мысли и суждения по поводу довоенных лет, добытые с помощью косвенных данных и дополнительных исследовательских работ, хотя эти же мысли, а тем более факты содержатся в книгах, которые легко взять с библиотечной полки.

В частности, документы партийных съездов тех лет содержат богатейший исторический материал, отражают огромную работу, которую проделали партия и народ во всех областях жизни. Кстати, готовятся такие документы не отдельными людьми, а сотнями, тысячами квалифицированных специалистов, переворачивающих горы фактологического материала, прежде чем дать одну цифру в ответственный доклад.

Конечно, выступая на XVIII съезде партии, нарком обороны не мог дать абсолютных цифр, характеризующих могущество армии. Но вот на переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 года, которые, естественно, были секретными, приводились конкретные данные.

Эти переговоры представляют большой интерес. В них отчетливо отражается та серьезность и ответственность, с которой Советское правительство стремилось к созданию коллективной безопасности в Европе, наша деловая, реальная готовность пойти во имя этого на многое. Советское правительство прямо поручало своим военным делегатам “подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе”.

Однако Англия и Франция прислали на переговоры, скажем прямо, деятелей второстепенных, опять-таки для прощупывания, зондажа, без искренней заинтересованности в успехе военного сотрудничества. В секретной инструкции английской миссии откровенно указывалось, что правительство Англии “не желает брать на себя какие-либо определенные обязательства”, которые могут “связать ему руки”. Миссии поручалось вести переговоры “весьма медленно”, с русскими “обращаться сдержанно”, в отношении военного соглашения “стремиться к тому, чтобы ограничиться... общими формулировками”.

Вот выдержки из протоколов того времени. С одной стороны, они характеризуют боевые возможности нашей армии, которая была готова развернуться на западных границах нашей страны. С Другой стороны, в них явно прослеживаются враждебные нам замыслы западных держав, пытавшихся недвусмысленно дать понять Гитлеру, что в походе на Восток англичане и французы ему мешать не будут.

Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции

15 августа 1939 года

Заседание началось в 10 час. 07 мин.

Окончилось в 13 час. 20 мин.

...Командарм Б. М. Шапошников. На предыдущих заседаниях военных миссий мы заслушали план развертывания французской армии на западе. Согласно просьбе военных миссий Англии и Франции, по поручению военной миссии СССР я излагаю план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах.

Против агрессии в Европе Красная Армия в европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий (сюда входят и пушки и гаубицы), 9-10 тысяч танков, от 5 до 5,5 тысячи боевых самолетов (без вспомогательной авиации), то есть бомбардировщиков и истребителей.

В это число не входят войсковые части укрепленных районов, части противовоздушной обороны, части охраны побережья, запасные части, отрабатывающие пополнение (депо), и части тыла.

Не распространяясь подробно об организации Красной Армии, скажу коротко: стрелковая пехотная дивизия состоит из 3 стрелковых полков и 2 артиллерийских полков. Численность дивизии военного времени — 19 тысяч человек.

Корпус состоит из 3 дивизий, имеет свою артиллерию — 2 полка. (Адмирал Драке в разговоре с генералом Хейвудом интересуется, записывает ли кто-либо из офицеров сообщение командарма Б. М. Шапошникова, и получает утвердительный ответ.)

Армии различного состава корпусов — от 5 до 8 корпусов — имеют свою артиллерию, авиацию и танки.

Боевая готовность частей укрепленных районов от 4 до 6 часов по боевой тревоге.

Укрепленные районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы от Ледовитого океана до Черного моря.

Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней. Сеть железных дорог позволяет не только сосредоточить армию в указанные сроки к границе, но и произвести маневры вдоль фронта. Мы имеем вдоль западной границы от 3 до 5 рокад на глубину в 300 километров.

Мы имеем сейчас достаточное количество мощных больших паровозов и большие грузовые вагоны размером в два раза больше, чем были раньше. Наши поездные составы ходят в два раза большими по весу, чем было раньше. Увеличена скорость движения поездов.

Мы имеем значительный автотранспорт и рокады-шоссе, позволяющие произвести сосредоточение автотранспортов вдоль фронта...

Я сейчас изложу одобренные военной миссией СССР три варианта возможных совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР в случае агрессии в Европе.

Первый вариант — это когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70 процентов тех вооруженных сил, которые Англией и Францией будут непосредственно направлены против главного агрессора Германии. Я поясню. Например, если бы Франция и Англия выставили против Германии непосредственно 90 пехотных дивизий, то СССР выставил бы 63 пехотные дивизии, 6 кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков, самолетов, общей численностью около 2 миллионов человек...

Северный флот СССР ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии, вне их территориальных вод, совместно с англо-французской эскадрой... Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и осуществить установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании. Подводные лодки Балтийского флота СССР помешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

(По мере изложения командармом Б. М. Шапошниковым плана действий адмирал Драке и генерал Хейвуд наносят на имеющиеся у них кроки обстановку.)

Второй вариант возникновения военных действий — это когда агрессия будет направлена против Польши и Румынии...

...Участие СССР в войне может быть (осуществлено) только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях через Виленский коридор, через Галицию и Румынию.

В этом случае СССР выставляет 100 процентов тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно. Например, если Франция и Англия выставят против Германии 90 пехотных дивизий, то СССР выставляет 90 пехотных

дивизий, 12 кавалерийских дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Задачи морских флотов Англии и Франции остаются те же, что указаны в первом варианте...

...На юге Черноморский флот СССР, заградив устье Дуная от проникновения по нему подводных лодок агрессора и других возможных морских сил, закрывает Босфор от проникновения в Черное море надводных эскадр противника и их подводных лодок.

Третий вариант. Этот вариант предусматривает случай, когда главный агрессор, используя территорию Финляндии. Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР. В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с агрессором или блоком агрессоров.

Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Полыни, через Виленский коридор и Галицию.

Выше было указано, что СССР развертывает 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, от 9 до 10 тысяч танков, от 5 до 5,5 тысячи самолетов. Франция и Англия должны в этом случае выставить 70 процентов от указанных только что сил СССР и начать немедленно активные действия против главного агрессора.

Действия англо-французского военно-морского флота должны проходить, как указано в первом варианте...

Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции

17 августа 1939 года

Заседание началось в 10 час. 07 мин.

Окончилось в 13 час. 43 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов (председательствующий). Заседание военных миссий объявляю открытым.

На сегодняшнем заседании нам предстоит заслушать сообщение об авиационных силах Советского Союза. Если нет никаких вопросов, я позволю себе предоставить слово командарму 2 ранга начальнику Военно-Воздушных Сил РККА Локтионову.

Командарм А. Д. Локтионов. Начальник Генерального штаба Красной Армии командарм 1 ранга Шапошников в своем докладе здесь сказал, что на западноевропейском театре Красная Армия развернет 5 — 5,5 тысячи боевых самолетов. Это количество составляет авиацию первой линии, помимо резерва.

Из указанной цифры современная авиация составляет 80 процентов со следующими скоростями: истребители — от 465 до 575 км/час и больше, бомбардировщики — от 460 до 550 км/час. Дальность бомбардировочной авиации — от 1800 до 4000 километров.

Бомбовая нагрузка от 600 килограммов на самолетах старых типов и до 2500 килограммов...

...Соотношение бомбардировочной, истребительной и войсковой авиации составляет: бомбардировочная — 55 процентов, истребительная — 40 процентов и войсковая — 5 процентов.

Авиационные заводы Советского Союза в данное время работают в одну и только некоторые в две смены и выпускают для необходимой потребности в среднем 900 — 950 боевых самолетов в месяц, помимо гражданских и учебных.

В связи с ростом агрессии в Европе и на Востоке наша авиационная промышленность приняла необходимые меры для расширения своего производства до пределов, необходимых для покрытия нужд войны...

...Готовность основных соединений авиации по боевой тревоге исчисляется от 1 до 4 часов. Дежурные части находятся в постоянной боевой готовности.

В начальный период войны действия воздушных сил будут соответствовать разработанным планам Генерального штаба. Общий принцип действия воздушных сил определяется требованием сосредоточения усилий всех средств, как наземных, так и воздушных, в направлении главного удара. Отсюда действия авиации происходят в тесном взаимодействии с наземными войсками на поле боя и в глубину проводимой операции.

Целями бомбардировочной авиации будут являться: живая сила противника и ряд его важных военных объектов. Кроме того, бомбардировочная авиация будет получать задачи для действия по военным объектам и в более глубоком тылу противника. Советская авиация не ставит перед собой задачи бомбометания по мирному населению.

Истребительная авиация имеет своей задачей, помимо обороны ряда важных военных объектов, железных и шоссейных дорог, прикрытия сосредоточений наземных войск и авиации, защиты крупных городов в тесном взаимодействии с остальными средствами противовоздушной обороны — зенитной артиллерией и прочими средствами, — борьбу с авиацией противника и обеспечение боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации на поле боя в тесном взаимодействии с ними...

Маршал К. Е. Ворошилов. Слово имеет маршал Бернет.

Маршал Бернет. Я хотел бы от имени французской и английской миссий выразить генералу Локтионову нашу благодарность за точное изложение своего сообщения. На меня произвели сильное впечатление та энергия и организованность, с которыми Советский Союз сумел добиться таких выдающихся результатов в создании своей авиации...{32}

Историки и мемуаристы любят ставить вопрос: “Что было бы, если?..” Действительно, если бы правительства Англии и Франции в 1939 году захотели объединить свои военные силы с Советским Союзом против агрессора, как мы это предлагали, судьба Европы была бы иная.

В марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое имело большое значение для дальнейшего развития наших вооруженных сил. На заседании рассматривались итоги войны с Финляндией. Обсуждение было очень острым. Резкой критике подверглась система боевой подготовки и воспитания войск, был поставлен вопрос о значительном повышении боеспособности армии и флота.

В середине апреля по рекомендации Политбюро ЦК проводится расширенное совещание Главного военного совета. На него были приглашены участники войны с Финляндией, руководящий состав центрального аппарата, округов и армий. В результате работы этого совещания определяются важнейшие принципы организации боевой учебы войск с точки зрения требований момента. По решению ЦК ВКП(б) и правительства работу Наркомата обороны проверяет специальная комиссия во главе с Л. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским. Комиссия потребовала от центрального аппарата военного ведомства значительной активизации всей работы по укреплению армии, авиации и флота. На основании указаний ЦК ВКП(б) и рекомендаций Главного военного совета нарком обороны издает приказ “О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 года”.

В чем заключалась суть требований, предъявленных нашим вооруженным силам партией и правительством в середине 1940 года?

Учитывая итоги советско-финляндского конфликта, а самое главное — характер боевых действий начавшейся мировой войны, перед войсками была поставлена, остро и во всем объеме, задача учиться сегодня тому, что завтра будет нужно на войне. Началась реорганизация всех видов вооруженных сил и родов войск. Серьезные меры были приняты для укрепления единоначалия, порядка и дисциплины в войсках.

От командиров и начальников всех степеней, а также штабов приказ наркома потребовал изменения системы боевой подготовки и воспитания войск под одним углом зрения — так, как этого требует война. Обучение войск— приблизить к условиям боевой действительности, тренировать личный состав для действий в обстановке, требующей длительного физического напряжения. Тактические занятия проводить днем и ночью, в любую погоду, то есть с учетом фактора внезапности, следуя принципу — всегда быть в состоянии боевой готовности.

Приказ требовал от общевойсковых командиров глубокого изучения возможностей и боевых особенностей других родов войск, с тем чтобы умело поддерживать взаимодействие с ними во всех видах стремительного современного боя.

Все лето мы с членом Военного совета округа Владимиром Николаевичем Борисовым, командирами отдела боевой подготовки и оперативного отдела провели в войсках. Главное внимание уделяли полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия.

В сентябре 1940 года в округ прибыл нарком обороны С. К. Тимошенко для проверки войск округа. (С. К. Тимошенко был назначен наркомом обороны 8 мая 1940 года.)

С 22 по 24 сентября состоялся смотр тактической подготовки 41-й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двустороннем полевом учении принимала участие авиация округа. Хорошо показала себя артиллерия 41-й стрелковой дивизии.

С 25 по 27 сентября смотровые учения состоялись в 99-й дивизии.

Дивизия продемонстрировала отличные результаты и была награждена Красным знаменем. Артиллерия дивизии была награждена переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии.

С 27 сентября по 4 октября прошли смотровые полевые учения штабов 37-го стрелкового корпуса, 6-го стрелкового корпуса, 36-й танковой бригады и 97-й стрелковой дивизии. Штабы проявили высокую организацию и творческое отношение к делу, обеспечивающие командованию все условия для непрерывного управления войсками в сложной и быстро меняющейся обстановке. За отличную выучку штаб 37-го стрелкового корпуса был награжден переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной Армии, а комкор С. М. Кондрусев, начштаба Мендров — золотыми часами. Многие командиры получили ценные подарки.

Менее чем через год после этих учений 37-му стрелковому корпусу, а также 41-й, 99-й и 97-й стрелковым дивизиям пришлось сражаться с отборными фашистскими войсками. Бойцы и командиры этих соединений геройски показали себя в первые, самые тяжкие дни войны.

Надо сказать, что смотровые учения в присутствии высших военных руководителей были весьма поучительными и мобилизующими. С. К. Тимошенко боевую подготовку бойца, частей и подразделений знал хорошо и любил это дело. С назначением его наркомом обороны в боевой подготовке войск был взят, как того требовала партия, правильный курс — учить тому, что потребуется на войне. Особенно много мы стали заниматься разведкой, боевым использованием местности как в целях наступления, так и обороны.

Мы неустанно внушали бойцам, сержантам и командирам, что подразделение и часть только тогда становятся грозной силой для противника, когда весь их состав отлично подготовлен. В этой связи с уважением вспоминаю начальника Управления политической пропаганды войск округа дивизионного комиссара Ефима Тарасовича Пожидаева. Он много сделал полезного в деле воспитания войск.

Я упомянул только об одном смотре, проведенном в округе наркомом С.К. Тимошенко. Таких учений командованием округа в течение 1940 года было проведено много, и потому не случайно в первые дни войны войска Юго-Западного фронта дрались умело и мужественно, нанося врагу чувствительные удары.

В конце сентября 1940 года из Генерального штаба было получено сообщение о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального Комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии. Мне поручался доклад на тему “Характер современной наступательной операции”. Кроме того, предполагалось проведение большой оперативно-стратегической игры, где я должен был играть за “синюю” сторону. Нарком потребовал представить проект доклада к 1 ноября.

Ввиду сложности темы и высокого уровня совещания пришлось работать над докладом целый месяц помногу часов в сутки. Большую помощь при этом мне оказал начальник оперативного отдела штаба округа Иван Христофорович Баграмян.

К назначенному времени проект был представлен наркому. А через две недели позвонил начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и сказал, что мой проект доклада руководством одобрен и надо быть готовым к выступлению.

Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании все время присутствовали члены Политбюро А. А. Жданов, Г. М. Маленков и другие.

Были сделаны важные сообщения. Генерал армии И. В. Тюленев подготовил содержательный доклад “Характер современной оборонительной операции”. Согласно заданию, он не выходил за рамки армейской обороны и не раскрывал специфику современной стратегической обороны.

В то время наша военно-теоретическая наука вообще не рассматривала глубоко проблемы стратегической обороны, ошибочно считая ее не столь важной.

Доклад на тему “Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе” сделал начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П. В. Рычагов, особенно отличившийся в Испании. Это было очень содержательное выступление. Трагическая гибель этого талантливого и смелого генерала в годы культа Сталина была для нас большой потерей. Вскоре после совещания он был расстрелян.

Генерал-лейтенант А. К. Смирнов выступил с докладом на тему “Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне”.

Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки войск Красной Армии сделал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Он особо отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней. В тот момент это было в какой-то мере следствием массового выдвижения на высшие должности молодых кадров, еще недостаточно подготовленных к оперативно-тактической и штабной работе.

Всеобщее внимание привлек доклад командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Д. Г. Павлова “Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции”. Дело в том, что до 1940 года у нашего военно-политического руководства не было твердого понимания значения способов и форм применения крупных танковых и механизированных соединений типа корпус-армия в современной войне. В своем хорошо аргументированном выступлении Д. Г. Павлов умело показал большую подвижность и пробивную силу танкового и механизированного корпусов, а также их меньшую, чем других родов войск, уязвимость от огня артиллерии и авиации.

Мой доклад “Характер современной наступательной операции” был также встречен хорошо. Участники совещания сделали ряд ценных дополнений и критических замечаний.

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придется иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась ее оснащенность бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны.

Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны.

Все выступавшие считали необходимым и в дальнейшем продолжать формировать танковые и механизированные соединения типа дивизия — корпус, с тем чтобы иметь равное соотношение в силах с немецкой армией. Много говорилось о реорганизации, перевооружении ВВС, противовоздушной и противотанковой обороны войск, а также о необходимости перевода артиллерии на механическую тягу, чтобы повысить ее подвижность и проходимость вне дорог.

В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного военного искусства. Нужно было скорее претворить все это в боевую практику войск. На основе выводов совещания через некоторое время были предприняты дальнейшие меры к повышению боевой готовности войск приграничных округов, совершенствованию штабного мастерства. В округах прошла новая волна крупных оперативно-стратегических игр и учений, разрабатывался план обороны госграницы, укреплялась организованность в войсках.

Анализируя проблемы организации обороны, мы тогда не выходили за рамки оперативно-стратегического масштаба. Организация стратегической обороны, к которой мы вынуждены были перейти в начале войны, не подвергалась обсуждению.

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать все, что мне посылают, — вспылил И. В. Сталин.

С. К. Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил он.

— Завтра утром, — ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за “синюю” сторону, кто за “красную”?

— За “синюю” (западную) играет генерал армии Жуков, за “красную” (восточную) — генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, все время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым; они “подыгрывали” за юго-западное стратегическое направление. “Синяя” сторона (немцы) условно была нападающей, “красная” (Красная Армия) — обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытий и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона — свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав еще несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск “красной” стороны? — спросил он.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, И. В. Сталин спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, — резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место.

Затем по ряду проблемных вопросов выступили еще некоторые генералы.

Очень дельно говорил начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал П. В. Рычагов. Он настаивал на необходимости ускоренного развития наших воздушных сил на базе новейших самолетов и считал необходимым улучшить боевую подготовку летного состава.

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16—18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Это замечание И. В. Сталина как-то не увязывалось с его прежней точкой зрения по этому вопросу. Как известно, в ноябре 1939 года были расформированы наши танковые корпуса, и высшим танковым соединениям было приказано иметь танковую бригаду.

В заключение И. В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приемную. К. А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И. В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен. С К. А. Мерецковым я длительное время работал в Белорусском особом военном округе, где он был начальником штаба округа, когда во главе округа стоял командарм 1 ранга И.П. Уборевич. Тот ценил К. А. Мерецкова как трудолюбивого, знающего и опытного работника.

А. И. Еременко в своей книге “В начале войны” излагает содержание пространного выступления И. В. Сталина на последнем заседании совещания высшего командного состава. Должен сказать, что И. В. Сталин не присутствовал ни на одном из заседаний, потому и выступать не мог. Видимо, автор ошибочно приписал ему это выступление{33}.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину.

Поздоровавшись, И В Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове “решило”.

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И. В Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева

С Михаилом Петровичем Кирпоносом мне не довелось работать вместе, но, по отзывам его сослуживцев, это был очень опытный общевойсковой командир, прошедший службу в старой армии. В период Февральской революции 1917 года он был избран председателем полкового солдатского комитета. В партию вступил в мае 1918 года. С 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища имени Верховного Совета Татарской АССР. За успешное командование 70-й стрелковой дивизией в боевой обстановке ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В июне 1940 года М. П. Кирпоноса назначили командующим Ленинградским военным округом.

Я был рад, что Киевский особый военный округ поручается такому достойному командиру. Конечно, у него, как и у многих других, еще не было необходимых знаний и опыта для руководства таким большим приграничным округом, но жизненный опыт, трудолюбие и природная смекалка гарантировали, что из Михаила Петровича выработается первоклассный командующий войсками.

Вечером того же дня я выехал в Киев, чтобы оттуда отправиться в Москву Откровенно говоря, ехал с тяжелым настроением Мне всегда нравились Украина и чудесный древний Киев. Украинский народ оказал мне честь и доверие, избрав депутатом Верховного Совета Украины и Верховного Совета СССР. ЦК партии Украины энергично помогал войскам округа в организации полевой учебы и воспитательной работы, в устройстве быта.

За короткий срок пребывания на посту командующего я успел высоко оценить трудолюбие и творческое отношение к делу начальствующего состава округа, особенно И. Х Баграмяна, Е. С. Птухина, Н. Д Яковлева, командующих армиями и командиров соединений округа. Я глубоко верил в этих людей и чувствовал, что в час боевых испытаний на них вполне можно будет положиться Дальнейшие события показали, что я в них не ошибся.

Из Москвы уже не раз звонил нарком, требуя, чтобы я быстрее завершил дела в округе.

В Киеве задержался недолго и 31 января был уже в Москве. На другой день, приняв дела от генерала армии К А. Мерецкова, я вступил в должность начальника Генерального штаба.

Глава девятая. **Накануне Великой Отечественной войны**

Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба. Работал по 15-16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба. Все это далось не сразу. Большую помощь мне оказали Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин, А. М. Василевский, В. Д. Иванов, А. И. Шимонаев, Н. И. Четвериков и другие работники Генерального штаба.

С чем же мы пришли к началу войны, была ли готова страна, ее вооруженные силы достойно встретить врага?

Исчерпывающий ответ на этот важнейший вопрос во всей совокупности политических, экономических, социальных и военных аспектов, с учетом всех объективных и субъективных факторов требует огромной исследовательской работы. Я уверен, что наши ученые, историки справятся с такой задачей.

Со своей стороны, я готов высказать мнение прежде всего о военной стороне дела, восстановив в меру сил и возможностей общую картину и обрисовав события тревожных месяцев и дней первой половины 1941 года.

Начнем с самого главного развития нашей экономики и промышленности, основы обороноспособности страны.

Третий пятилетний план (1938—1942 гг.) являлся естественным продолжением второго и первого. Известно, что те две пятилетки были перевыполнены. Если говорить о промышленности, то она возросла за четыре года первой пятилетки в два раза, намеченное увеличение на вторую пятилетку в 2,1 раза практически завершилось ростом в 2,2 раза. XVIII съезд ВКП(б) утвердил рост выпуска промышленной продукции на пять лет в 1,9 раза. Были ли какие-нибудь основания считать этот план нереальным, невыполнимым? Нет. Наоборот.

К июню 1941 года валовая продукция промышленности уже составила 86 процентов, а грузооборот железнодорожного транспорта— 90 процентов от уровня, намеченного на конец 1942 года. Было введено в действие 2900 новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников и других промышленных предприятий.

Если взять капиталовложения в их денежном выражении, то план предусматривал создание новых и реконструирование старых предприятий на сумму в 182 миллиарда рублей против 103 миллиардов рублей во второй и 39 миллиардов в первой пятилетке. Из этого видно, что даже с учетом имевшегося в последние годы удорожания строительства вводилось в действие производственных мощностей больше, чем за две предшествовавшие пятилетки, вместе взятые.

Как же обстояло дело с тяжелой и собственно оборонной промышленностью? В докладе XVIII съезду ВКП(б) об очередном плане развития народного хозяйства отмечалось, что в ходе выполнения прошлых планов пришлось ввиду осложнения международной обстановки вносить серьезные поправки в развитие тяжелой индустрии, значительно увеличив намеченный темп подъема оборонной промышленности. По плану третьей

пятилетки по-прежнему особенно быстро развивались тяжелая и оборонная промышленность.

Действительно, ежегодный выпуск продукции всей промышленности возрастал в среднем на 13 процентов, а оборонной промышленности — на 39 процентов. Ряд машиностроительных и других крупных заводов был переведен на производство оборонной техники, развернулось строительство мощных специальных военных заводов.

Центральный Комитет партии помогал предприятиям, выпускавшим новую военную технику, в снабжении дефицитным сырьем, новейшим оборудованием. Чтобы крупные оборонные заводы имели все необходимое и обеспечивали осуществление заданий, туда посылались в качестве парторгов ЦК опытные партийные работники, видные специалисты. Должен сказать, что И.В. Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, встречался с ними, добиваясь с присущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов.

Таким образом, с экономической точки зрения налицо был факт неуклонного и быстрого, я бы даже сказал форсированного, развития оборонной промышленности.

При этом не следует забывать, что, во-первых, этот гигантский рост в значительной степени достигался ценой исключительного трудового напряжения масс, во-вторых, он во многом происходил за счет развития легкой промышленности и других отраслей, непосредственно снабжавших население продуктами и товарами. Точно так же необходимо иметь в виду, что подъем тяжелой и оборонной промышленности происходил в условиях мирной экономики, в рамках миролюбивого, а не военизированного государства.

Поэтому еще больший нажим или крен в эту сторону практически означал бы уже переход с рельсов мирного развития страны на рельсы военного развития и привел бы к изменению, перерождению самой структуры народного хозяйства, ее милитаризации в прямой ущерб интересам трудящихся.

Естественно, с позиций послевоенных лет легко сказать, что на одном виде оружия следовало бы сделать больший акцент, на другом — меньший. Но даже с этих позиций невозможно было бы желать какого-либо кардинального, общехозяйственного изменения в предвоенной экономике.

Скажу больше. Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения мы и были правы.

Например, объективными обстоятельствами лимитировались предложения наркома обороны о расширении массового производства новейших образцов самолетов, танков, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, средств связи и прочей боевой техники.

Конечно, в промышленной, оборонной сфере было много недостатков, трудностей, о которых мы еще будем говорить. В связи с огромным размахом строительства ощущалась нехватка квалифицированной рабочей силы, недоставало опыта в освоении производства

нового оружия и организации его массового выпуска. Потребности в боевой технике и вооружении стремительно уходили все вперед и вперед.

Оснащение вооруженных сил средствами борьбы, в том числе и новейшей техникой, происходило по конкретным решениям правительства. Только руководству страной было дано право — и никому больше — решать: когда и что снять с вооружения, что и когда принять на вооружение.

Порядок принятия нового образца вооружения в массовое производство был следующий.

Образцы проходили вначале заводские испытания, в которых принимали участие военные представители, затем войсковые, и только после этого Наркомат обороны давал свое заключение. Правительство при участии наркома обороны, наркомов военной промышленности и главных конструкторов рассматривало представленные новые образцы вооружения и военной техники и принимало окончательное решение по их производству.

На все это уходило порядочно времени. Бывало и так: пока шел процесс изготовления и испытания новой техники, у конструкторов был уже готов новый, более совершенный образец, и вполне закономерно, что в этом случае вопрос о принятии на вооружение откладывался до полного испытания новейшего образца.

Военных часто ругали за то, что они слишком настойчиво просили ускорить принятие того или иного образца на вооружение. Им говорили: “Что вы порете горячку? Когда надо будет — мы вас забросаем самолетами, танками, снарядами”.

— Сейчас вы нас ругаете, — отвечали военные, — за то, что мы настойчиво требуем, а если война случится, вы тогда будете говорить — почему плохо требовали.

Конечно, тогда мы, военные руководители, понимали, что в стране много первостепенных задач и все надо решать, исходя из большой политики. Но оказалось, что большая политика, руководителем которой был И.В. Сталин, в своих оценках угрозы войны исходила из ошибочных предположений.

В целом созданные за две довоенные пятилетки и особенно в три предвоенных года огромные производственные мощности обеспечивали основу обороноспособности страны.

С военной точки зрения исключительное значение имела линия партии на ускоренное развитие промышленности в восточных районах, создание предприятий-дублеров по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии. Здесь сооружались три четверти всех новых доменных печей, вторая мощная нефтяная база между Волгой и Уралом, металлургические заводы в Забайкалье, на Урале и Амуре, крупнейшие предприятия цветной металлургии в Средней Азии, тяжелой индустрии на Дальнем Востоке, автосборочные заводы, алюминиевые комбинаты и трубопрокатные предприятия, гидростанции. Во время войны вместе с эвакуированными сюда предприятиями на востоке страны была создана промышленная база, обеспечивавшая отпор врагу и его разгром.

Два слова хотелось бы сказать о материальных резервах, заложенных накануне войны. Они преследовали цель обеспечить перевод хозяйства на военный лад и питание войск до тех пор, пока хозяйство не заработает целиком на нужды войны. С 1940 по июнь 1941 года общая стоимость государственных материальных резервов увеличилась с 4 миллиардов до 7,6 миллиарда рублей{34}.

Сюда входили резервы производственных мощностей, топлива, сырья, энергетики, черных и цветных металлов, продовольствия. Эти запасы, заложенные накануне войны, хотя и были довольно скромными, помогли народному хозяйству, несмотря на тяжелый 1941 год, быстро взять темп и размах, необходимые для успешного ведения войны.

Итак, пульс тяжелой индустрии, оборонной промышленности бился учащенно, достиг в предвоенные годы и месяцы наивысшего напряжения и полноты. Строже, как бы собраннее становилась и жизнь государства в целом.

Внеочередная IV сессия Верховного Совета СССР в сентябре 1939 года принимает “Закон о всеобщей воинской обязанности”. По новому закону в армию призываются лица, которым исполнилось 19 лет, а для окончивших среднюю школу призывной возраст устанавливается в 18 лет. Для более совершенного овладения военным делом были увеличены сроки действительной службы: для младших командиров сухопутных войск и ВВС — с двух до трех лет, для рядового состава ВВС, а также рядового и младшего ком-состава пограничных войск — до четырех лет, на кораблях и в частях флота — до пяти лет.

Выполнение третьего пятилетнего плана в целом и заданий в области тяжелой и оборонной промышленности в частности, а также угроза военного нападения на СССР требовали увеличения количества рабочего времени, отданного народному хозяйству. В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР 26 июня 1940 года принимает Указ “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”. Создается новая система подготовки квалифицированной рабочей силы в ремесленных и железнодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения, которые готовили в среднем от 800 тысяч до 1 миллиона человек в год.

Тогда же, в середине 1940 года, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ “Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями”. Вводились строгие меры, способствовавшие улучшению руководства предприятиями, укреплялись дисциплина, ответственность и порядок.

Государственный аппарат, управление промышленностью тоже претерпевают серьезные изменения, становятся гибче, ликвидируются громоздкость, излишняя централизация. Наркомат оборонной промышленности разделяется на четыре новых наркомата — авиационной, судостроительной промышленности, боеприпасов, вооружения. Наркомат машиностроения разделяется на наркоматы тяжелого, среднего и общего машиностроения.

Создаются новые народные комиссариаты (автомобильного транспорта, строительства и др.), которые имеют прямое отношение к укреплению обороны страны. Перестраивается работа Экономсовета при СНК СССР. На его базе создаются хозяйственные советы по оборонной промышленности, металлургии, топливу, машиностроению и т.д.

Председателями советов назначаются крупные государственные деятели, заместители Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенский. А. Н. Косыгин, В. А. Малышев и другие.

Все эти изменения вызывались исключительно возросшим объемом работы, требованиями подготовки к активной обороне от агрессии, возможность которой нарастала с каждым месяцем.

Применительно к условиям времени, а также в связи с новым “Законом о всеобщей воинской обязанности” реорганизуется и центральный военный аппарат, местные органы военного управления. В автономных республиках, областях и краях создаются военные комиссариаты, вводится в действие новое положение об их деятельности.

Большие, принципиальные вопросы в Наркомате обороны рассматривались на Главном военном совете Красной Армии. Председателем Главного военного совета был нарком обороны, его членами являлись заместители наркома и один из членов Политбюро ЦК ВКП(б). Особо важные вопросы обычно решались в присутствии И. В. Сталина и других членов Политбюро ЦК

ВКП(б).

Решением ЦК партии и Советского правительства от 8 марта 1941 года было уточнено распределение обязанностей в Наркомате обороны СССР.

Руководство Красной Армией осуществлялось наркомом обороны через Генеральный штаб, его заместителей и систему главных и центральных управлений. Ему же непосредственно подчинялось Главное автобронетанковое управление, Управление делами, Финансовое управление, Управление кадров и Бюро изобретений.

Перед войной обязанности внутри Наркомата обороны были распределены следующим образом.

Заместитель наркома, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков — Управление связи, Управление снабжения горючим, Главное управление ПВО, Академия Генерального штаба и Академия имени М. В. Фрунзе.

Первый заместитель наркома Маршал Советского Союза С. М. Буденный — Главное интендантское управление, санитарное и ветеринарное управления Красной Армии, отдел материальных фондов.

Заместитель наркома по артиллерии Маршал Советского Союза Г. И. Кулик — Главное артиллерийское управление, Управление химической защиты и Артиллерийская академия.

Заместитель наркома Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников — Главное военно-инженерное управление, Управление оборонительного строительства.

Заместитель наркома по боевой подготовке генерал армии К. А. Мерецков — Инспекция всех родов войск, Управление военно-учебных заведений и боевой подготовки Красной Армии.

Заместитель наркома генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов — Главное управление военно-воздушных сил Красной Армии.

Заместитель наркома армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец — Главное управление политической пропаганды Красной Армии, издательские и культурно-просветительные учреждения Красной Армии, Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, Военно-юридическая академия и военно-политические училища.

Хочу напомнить, что Генеральный штаб Красной Армии возглавляли: с 1931 года — А. И. Егоров, с 1937 года— Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, с августа 1940 года до февраля 1941 года — генерал армии К. А. Мерецков.

Посмотрим теперь, как выглядели в преддверии войны наши вооруженные силы. При этом для удобства читателя и облегчения выводов будет лучше, если мы изложим все это по такой схеме: что уже было сделано народом, партией и правительством, что мы собирались сделать в ближайшее время и что сделать не успели или не сумели. Конечно, все это в основных чертах, используя небольшое количество данных.

Стрелковые войска. В апреле 1941 года для стрелковых войск был введен штат военного времени. Стрелковая дивизия — основное общевойсковое соединение Красной Армии — включала три стрелковых и два артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный и саперный батальоны, батальон связи, тыловые части и учреждения. По штатам военного времени дивизии надлежало иметь около 14 с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 54 противотанковые 45-мм пушки, 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82-120 мм, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Полностью укомплектованные дивизии могли представлять собой достаточно мобильное и грозное боевое соединение.

В 1939, 1940 и первой половине 1941 года войска получили более 105 тысяч ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов, более 100 тысяч автоматов. Это при том, что выпуск стрелково-артиллерийского вооружения в это время несколько снизился, потому что устаревшие виды снимались с производства, а новые из-за сложности и конструкторских особенностей не так-то просто было поставить на поток.

В середине марта 1941 года С. К. Тимошенко и я просили разрешения И. В. Сталина призвать приписной состав запаса для стрелковых дивизий, чтобы иметь возможность переподготовить его в духе современных требований. Сначала наша просьба была отклонена. Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что несколькими днями позже было разрешено призвать еще 300 тысяч приписного состава для укомплектования специалистами укрепрайонов и других родов и видов вооруженных сил, артиллерии резерва Главного командования, инженерных войск, войск связи, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил. Итак, накануне войны Красная Армия получила дополнительно около 800 тысяч человек. Сборы планировалось провести в мае-октябре 1941 года.

В итоге накануне войны в приграничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад 19 дивизий были укомплектованы до 5-6 тысяч человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 6 тысяч человек, 144 дивизии имели численность по 8-9 тысяч человек. Во внутренних округах большинство дивизий содержалось по сокращенным штатам, а многие стрелковые дивизии только формировались и начинали боевую учебу.

Бронетанковые войска. Говоря ранее о советской танковой промышленности, я уже подчеркивал высокие темпы ее развития и большое совершенство конструкций отечественных машин. К 1938 году по сравнению с началом тридцатых годов производство танков возросло более чем в три раза. В связи с новыми требованиями обороны страны ЦК ВКП(б) и Советское правительство поставили перед конструкторами и танкостроителями задачу создания танков с более мощной броневой защитой и вооружением при высокой подвижности и надежности в эксплуатации.

Талантливые коллективы конструкторов под руководством Ж. Я. Котина создают тяжелый танк КВ, конструкторское бюро М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко — знаменитый средний танк Т-34. Моторостроители дали мощный дизельный танковый двигатель В-2. КВ и Т-34 оказались лучшими из машин, созданных накануне войны. И в ходе войны они уверенно сохраняли превосходство над аналогичными типами машин противника. Необходимо было как можно быстрее наладить их массовое производство.

По указанию ЦК ВКП(б) Комитет обороны в декабре 1940 года, изучив положение с производством новых танков, доложил ЦК о том, что некоторые заводы планы не выполняют, имеются большие трудности в отработке технологического процесса, вооружение войск танками КВ и Т-34 идет крайне медленными темпами. Правительством были приняты необходимые меры. Параллельно принимаются постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров, имевшие исключительное значение для обороны страны, об организации массового производства танков в Поволжье и на Урале.

С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков, в 1941 году промышленность могла дать около 5,5 тысячи танков всех типов. Что касается КВ и Т-34, то к началу войны заводы успели выпустить всего лишь 1861 танк. Этого, конечно, было очень мало. Практически новые танки только со второй половины 1940 года начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов.

К трудностям, связанным с количественной стороной дела, прибавились проблемы организационные. Быть может, читатель помнит, что наша армия была пионером создания крупных механизированных соединений бригад и корпусов. Однако опыт использования такого рода соединений в специфических условиях Испании был оценен неправильно, и мехкорпуса в нашей армии были ликвидированы. Между тем мы еще в сражениях на Халхин-Голе добились положительных результатов, применяя танковые соединения. Широко использовались танковые соединения Германией в ее агрессивных действиях против стран Европы.

Необходимо было срочно вернуться к созданию крупных бронетанковых соединений.

В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и механизированных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб разработал еще более широкий план создания бронетанковых соединений, чем это предусматривалось решениями правительства в 1940 году.

Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии, мы с наркомом просили при формировании механизированных корпусов использовать существующие танковые бригады и даже кавалерийские соединения как наиболее близкие к танковым войскам по своему “маневренному духу”.

И.В. Сталин, видимо, в то время еще не имел определенного мнения по этому вопросу и колебался. Время шло, и только в марте 1941 года было принято решение о формировании просимых нами 20 механизированных корпусов.

Однако мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически взять было неоткуда, недоставало и технических, командных кадров.

Таким образом, к началу войны нам удалось оснастить меньше половины формируемых корпусов. Как раз они, эти корпуса, и явились главной силой в отражении первых ударов противника, а те, которые только начали формироваться, оказались подготовленными лишь к периоду Сталинградской контрнаступательной операции, где сыграли решающую роль.

Артиллерия. По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 29637 полевых орудий, 52407 минометов, а всего орудий и минометов, с учетом танковых пушек — 92578. Подавляющее большинство этого оружия приходилось на войсковую артиллерию, входившую в штат частей и соединений. Войсковая артиллерия приграничных округов была в основном укомплектована орудиями до штатных норм.

Непосредственно накануне войны мы располагали шестьюдесятью гаубичными и четырнадцатью пушечными артиллерийскими полками РГК. Артиллерии резерва Главного командования, учитывая специфику войны с Германией, у нас было недостаточно.

Весной 1941 года мы начали формирование десяти противотанковых артиллерийских бригад, но полностью укомплектовать их к июню не удалось. К тому же артиллерийская тяга плохой проходимости не позволяла осуществлять маневрирование вне дорог, особенно в осенне-зимний период. И все же противотанковые артиллерийские бригады сыграли исключительную роль в уничтожении танков врага. В некоторых случаях это было единственно надежное средство сдерживания его массовых танковых атак.

Маршал Г. И. Кулик, являясь главным докладчиком И. В. Сталину по вопросам артиллерии, не всегда правильно ориентировал его в эффективности того или иного образца артиллерийско-минометного вооружения.

Так, например, по его “авторитетному” предложению перед войной были сняты с производства 45- и 76,2-мм пушки. В ходе войны пришлось с большими трудностями вновь организовывать производство этих орудий на ленинградских заводах. 152-мм гаубица, прошедшая все испытания, показавшая отличные качества, по заключению Г. И. Кулика, не была принята на вооружение. Не лучше обстояло дело и с минометным вооружением, которое в ходе войны показало высокое боевое качество во всех видах боя. После войны с Финляндией этот недостаток был устранен.

К началу войны Г. И. Кулик вместе с Главным артиллерийским управлением не оценил такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 (“катюши”), которое первыми же залпами в июле 1941 года обратило в бегство вражеские части. Комитет обороны только в июне принял постановление о его срочном серийном производстве.

Надо отдать должное нашим вооруженцам за их оперативность и творческое трудолюбие. Они сделали все возможное, чтобы через 10—15 дней после начала войны войска получили первые партии этого грозного оружия.

В свое время можно было больше сделать и в отношении минометов. Программа была ясна — ее определило постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1940 года “Об увеличении производства минометов и мин”. Однако в требуемых масштабах армия начала получать 82-мм и 120-мм минометы только перед самой войной. В июне 1941 года в количественном и качественном отношении наши минометы уже значительно превосходили немецкие.

И. В. Сталин считал артиллерию важнейшим средством войны, много уделял внимания ее совершенствованию. Наркомом вооружения тогда был Д. Ф. Устинов, наркомом боеприпасов — Б. Л. Ванников, главными конструкторами артиллерийских систем — генералы И. И. Иванов, В. Г. Грабин.

Всех этих людей И.В. Сталин знал хорошо, часто с ними встречался и целиком доверял им.

Войска связи, инженерные войска. Железные и шоссейные дороги. Комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР, работавшая в середине 1940 года, справедливо указала на то, что количество инженерных войск в мирное время не могло обеспечить их нормальное развертывание на случай войны{35}.

Накануне войны штаты кадровых частей этих войск были увеличены, сформированы новые части, улучшилась общая подготовка инженерных войск, структура и оперативный расчет частей связи; начальники связи соединений стали больше заниматься работой по подготовке связи к действиям в условиях военного времени; в войска начали поступать новая инженерная техника и средства связи. Однако изжить все недостатки в инженерных войсках и войсках связи до начала войны мы не успели.

В конце февраля мы совместно с наркомом обороны подробно рассмотрели вопрос о ходе строительства укрепленных рубежей вдоль государственной границы, состояние железных, шоссейных и грунтовых дорог и средств связи.

Генералы Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин и А. М. Василевский обстоятельно доложили о положении дел. Выводы в основном сводились к следующему.

Сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины была в плохом состоянии. Многие мосты не выдерживали веса средних танков и артиллерии, а проселочные дороги требовали капитального ремонта.

Мой первый заместитель Н. Ф. Ватутин сделал подробный доклад наркому С. К. Тимошенко о состоянии железных дорог всех приграничных военных округов.

— Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — докладывал Н. Ф. Ватутин. — Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести.

В ответ нарком заметил, что в 1940 году по заданию ЦК ВКП(б) Наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции западных железных дорог. Однако пока ничего серьезного не сделано, кроме перешивки колеи и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку войск и вооружения.

Мы уже знали, что разработанного и утвержденного правительством мобилизационного плана железных дорог страны на случай войны в Наркомате путей сообщения в то время не было.

— Ну что же, — сказал С. К. Тимошенко, заканчивая нашу беседу, — с вашими соображениями согласен. Попробую еще раз доложить...

Мы распрощались. Выйдя на улицу, решили с Николаем Федоровичем немного пройтись. Был ясный январский день. Деревья на Гоголевском бульваре стояли в серебряном инее. Думы наши были невеселые...

Командующий Западным военным округом Д. Г. Павлов 18 февраля 1941 года послал донесение № 867 на имя И. В. Сталина В. М. Молотова и С. К. Тимошенко. Он просил выделить значительные средства на проведение работ по шоссейно-грунтовому строительству и, в частности, писал:

“Считаю, что западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным”.

Справедливость требует сказать, что к требованию командующего Западным округом И. В. Сталину следовала бы отнестись с большим вниманием, так как Д. Г. Павлов вносил разумные предложения. Считаю необходимым привести некоторые выдержки из его донесения от 18 февраля 1941 года.

“Наличие и состояние шоссейных, грунтовых и железных дорог в пределах БССР совершенно не обеспечивает потребностей ЗапВО.

В подробном докладе, представленном мною народному комиссару обороны от 29.1.41, даны заявки на постройку и ремонт в 1941 году крайне необходимых округу шоссейно-грунтовых и железных дорог, которые включают:

а) постройку новых шоссейных дорог — 2360 км;

б) постройку фунтовых тракторных путей — 650 км;

в) капитальный ремонт наиболее разрушенных участков существующих шоссейных дорог — 570 км;

г) выполнение ряда крупных мероприятий по восстановлению мостов и оборудованию дорог;

д) постройку новых железных дорог протяженностью 819 км;

е) реконструкцию и развитие железных дорог — 1426 км, из них — 765 укладка по готовому пути.

Для выполнения работ по шоссейно-грунтовому строительству потребуется 859 миллионов рублей...

Кроме того, для постройки 819 километров железнодорожных путей, реконструкции и развития их требуется 642 миллиона рублей. Считаю, что западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным.

Дорожное строительство всех видов может быть решено в 1941 году путем отпуска указанных выше механизмов; широкого привлечения трудоспособного населения СССР с подводами и лошадьми. Считаю возможным и необходимым для строительства Дорог, мостов... отпустить бесплатно камень, гравий, лес и другие стройматериалы.

Второй вопрос. Необходимо западный театр военных действий по-настоящему привести в действительно оборонительное состояние путем создания ряда оборонительных полос на глубину 200— 300 километров, построив противотанковые рвы, надолбы, плотины для заболачивания, эскарпы, полевые оборонительные сооружения.

Вышеперечисленные мероприятия также потребуют большого количества рабочей силы... Для такой работы нецелесообразно отрывать войска и нарушать ход боевой подготовки.

Учитывая, что в обороне страны должны не на словах, а на деле принять участие все граждане Советского Союза; учитывая, что всякое промедление может стоить лишних жертв, вношу предложение:

учащихся десятых классов и всех учащихся высших учебных заведений вместо отпуска на каникулы привлекать организованно на оборонительное и дорожное строительство, создавая из них взводы, роты, батальоны под командованием командиров из воинских частей. Перевозку и питание учащихся организовать бесплатно за счет государства (красноармейский паек).

Считаю, что только при положительном решении этих вопросов можно и должно подготовить вероятные театры военных действий к войне и построить дешево и быстро дороги в потребном количестве”.

Начальник войск связи Красной Армии генерал-майор Н. И. Галич докладывал нам о нехватке современных средств связи и об отсутствии достаточных мобилизационных и неприкосновенных запасов имущества связи.

Действительно, радиосеть Генштаба была обеспечена радиостанциями типа РАТ только на 39 процентов, а радиостанциями типа РАФ и заменяющими их 11-АК и других— на 60 процентов, зарядными агрегатами — на 45 процентов. Приграничный Западный военный округ располагал радиостанциями только на 27 процентов, Киевский военный округ — на 30 процентов, Прибалтийский военный округ — на 52 процента. Примерно также обстояло дело и с другими средствами радио— и проводной связи.

Перед войной считалось, что для руководства фронтами, внутренними округами и войсками резерва Главного командования в случае войны будут использованы преимущественно средства Наркомата связи и ВЧ Наркомата внутренних дел. Узлы связи Главного командования, Генштаба и фронтов получат все нужное от местных органов Наркомата связи. Но они, как потом оказалось, к работе в условиях войны подготовлены не были.

С состоянием местных органов связи я был знаком по маневрам и командно-штабным полевым учениям, когда на арендных началах пользовался их услугами. Еще тогда мы сомневались в способности местных органов обеспечить вооруженные силы устойчивой связью во время войны.

Все эти обстоятельства обусловили главный недостаток в подготовке командиров, штабов соединений и армейских объединений: отсутствие умения хорошо управлять войсками в сложных и быстро меняющихся условиях боевой обстановки. Командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны — известно. Внутренняя радиосвязь в подразделениях боевой авиации, в аэродромной сети, в танковых подразделениях и частях, где проводная связь вообще неприменима, осуществлялась слабо.

И. В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники. Конечно, это дело не одного года. Каждому ясно, что этим надо было бы заниматься за много лет до войны, но этого сделано не было.

Подземной кабельной сети, необходимой для обслуживания оперативных и стратегических инстанций, не было вовсе.

Нужны были срочные мероприятия, чтобы привести телефонно-телеграфную сеть, радио— и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок.

Разговоры по этим вопросам с Наркоматом связи ни к чему не привели. И не потому, что кто-то не хотел делать лишнюю работу: улучшение организации связи было совершенно очевидной необходимостью. Наркомат не мог физически выполнить требования армии. То, что было сделано в конце 1940-го — начале 1941 года для улучшения местной связи и связи отдельных центров с Москвой, не могло решить поставленную задачу.

Выслушав наши сообщения, С. К. Тимошенко сказал:

— Я согласен с вашей оценкой положения. Но думаю, что едва ли можно что-нибудь сделать серьезное, чтобы сейчас же устранить все эти недостатки. Вчера я был у товарища Сталина. Он получил телеграмму Павлова и приказал передать ему, что при всей

справедливости его требований у нас нет сегодня возможности удовлетворить его “фантастические” предложения.

Военно-воздушные силы. Я уже говорил, что партия и правительство всегда уделяли большое внимание развитию советской авиации. В 1939 году Комитет обороны принимает постановление о строительстве девяти новых самолетостроительных заводов и семи авиамоторных: на следующий год еще семь заводов, уже из других отраслей народного хозяйства, перестраиваются на выпуск авиационной продукции, предприятия оснащаются первоклассным оборудованием. Авиапромышленность к концу 1940 года возрастает по сравнению с 1939 годом более чем на 70 процентов. Параллельно строятся новые авиамоторные предприятия и заводы авиаприборов на площадках предприятий, переданных авиапромышленности из других отраслей народного хозяйства.

По уточненным архивным данным, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 17745 боевых самолетов, из них 3719 самолетов новых типов.

Начинался новый этап развития авиации. Практически был полностью реконструирован ЦАГИ, создаются новые конструкторские бюро военной авиации. Талантливые конструкторы С. В. Ильюшин, А. И. Микоян, С. А. Лавочкин, В. М. Петляков, А. С. Яковлев вместе со своими молодыми коллективами дают военной авиации истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и многие другие — всего около двадцати типов.

В конце 1940-го — начале 1941 года развертывается борьба за ускоренное серийное освоение лучших типов самолетов ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталин много времени и внимания уделяют авиационным конструкторам. Можно сказать, что авиация была даже в какой-то степени увлечением И. В. Сталина.

Однако промышленность все же не поспевала за требованиями времени. В количественном отношении накануне войны в авиации преобладали машины старых конструкций. Примерно 75-80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступали однотипным самолетам фашистской Германии. Материальная часть новых самолетов только осваивалась, современной авиационной техникой мы успели перевооружить не более 21 процента авиационных частей.

Правда, само число авиационных соединений резко возрастает—к июню 1941 года общее количество авиационных полков в строю по сравнению с 1939 годом значительно увеличивается. Высшим тактическим соединением истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации становится дивизия, преимущественно смешанная, состоявшая из четырех-пяти полков. Каждый полк включал четыре-пять эскадрилий.

Такая система организации военно-воздушных сил позволяла обеспечить лучшее взаимодействие в бою различных родов авиации и самой авиации с сухопутными силами. Накануне войны соотношение между важнейшими родами ВВС было следующим: бомбардировочные авиаполки — 45 процентов, истребительные — 42 процента, штурмовые, разведывательные и другие — 13 процентов{36}.

В конце 1940 года нарком обороны, Генеральный штаб вместе со штабом ВВС разработали и внесли в ЦК ВКП(б) предложения по реорганизации и перевооружению военно-воздушных сил. Наши предложения были быстро рассмотрены и утверждены.

Постановлением “О реорганизации авиационных сил Красной Армии” предусматривалось формирование новых частей (106 авиаполков), расширение и укрепление военно-учебных заведений ВВС, перевооружение боевых соединений новыми образцами самолетов. К концу мая 1941 года удалось сформировать и почти полностью укомплектовать 19 полков.

Вскоре был сделан еще один шаг на пути укрепления ВВС — 10 апреля 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о реорганизации системы тыла ВВС. Было решено сформировать тыл ВВС по территориальному принципу — изъять из строевых частей и соединений ВВС органы и учреждения тыла, создать районы авиационного базирования и батальоны аэродромного обслуживания.

Районы авиационного базирования становились органами тыла ВВС армий, округа, фронта. В составе района должны были быть авиационные базы по одной на дивизию, которые объединяли батальоны аэродромного обслуживания по одному на каждый авиационный полк. Разведывательная и войсковая авиация оставалась со своими штатными тылами. Переход на новую, более гибкую организацию тыла ВВС надлежало осуществить в июле 1941 года. Практически же все пришлось заканчивать в ходе войны.

Сам характер возможных боевых операций определил необходимость значительного увеличения воздушно-десантных войск. В апреле 1941 года начинается формирование пяти воздушно-десантных корпусов. К 1 июня их удалось укомплектовать личным составом, но боевой техники не хватало. Поэтому в начале войны задачи авиадесантных войск могли выполнить только старые авиадесантные бригады, объединенные в новые корпуса, а большинство личного состава новых соединений использовалось как стрелковые войска.

В феврале 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили дополнительный план строительства аэродромов, Предусматривалось создать в западных районах 190 новых аэродромов. К началу войны аэродромные работы были в полном разгаре, однако преобладающее большинство их не было закончено.

В целом война застала наши военно-воздушные силы в стадии широкой реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического состава. К полетам в действительно сложных условиях успели подготовиться лишь отдельные соединения, а к ночным полетам— не более 15 процентов летного состава. Командование ВВС, уделив большое внимание переучиванию летного состава на новую материальную часть, несколько ослабило внимание к поддержанию боевой готовности на старой материальной части.

Буквально через год-полтора наша авиация могла предстать в совершенно обновленном, мощном боевом виде.

Войска ПВО. Угроза воздушного нападения на СССР в предвоенные годы отчетливо нарастала. Поэтому ЦК ВКП(б) повысил требования к противовоздушной обороне страны, наметил конкретные меры значительного усиления обороны с воздуха. Прежде всего

были проведены важные организационные преобразования, поскольку система ПВО, принятая в 1932 году, серьезно устарела.

Территория страны была разделена на зоны ПВО, соответствовавшие границам всех тогдашних военных округов.

В состав зоны ПВО входили соединения и части, предназначенные для обороны городов и объектов на территории данной зоны.

Ответственность командующих войсками округов за противовоздушную оборону была повышена, притом авиация, выделяемая из состава ВВС округа для решения задач ПВО, оставалась в подчинении ВВС округа. Конечно, было бы лучше обеспечить единство руководства и централизовать управление ПВО в масштабе всей страны. Это удалось сделать уже в ходе войны, в ноябре 1941 года.

Как и чем были вооружены силы ПВО?

К июню 1941 года орудиями среднего калибра они были обеспечены примерно на 85 процентов, малого калибра — на 70 процентов. Некомплект по истребителям составлял 40 процентов, укомплектованность зенитными пулеметами — 70 процентов, по аэростатам заграждения и прожекторам — до половины.

ПВО западных приграничных районов, а также Москвы и Ленинграда была оснащена лучше. Западные округа получали новую материальную часть в большем количестве, чем другие округа, зенитными орудиями они были оснащены на 90-95 процентов, располагали новыми средствами обнаружения и наблюдения за воздушным противником. Войска, оборонявшие Москву, Ленинград и Баку, имели в своем составе более 40 процентов всех зенитных артиллерийских батарей среднего калибра. В ленинградской и московской зонах ПВО было дислоцировано до 30 радиолокационных станций РУС-2.

По нашему докладу ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение сформировать истребительные корпуса для усиления противовоздушной обороны Москвы и Ленинграда. Эти корпуса, как известно, сыграли исключительную роль в отражении налетов фашистской авиации на столицу и город Ленина.

К моменту начала войны новая система ПВО не была отработана до конца, оснащение новейшей техникой и ее освоение только начиналось. Плохо было с транспортом.

Военно-Морской Флот. До войны Военно-Морской Флот имел самостоятельный наркомат. В вопросах оперативного использования военно-морских сил Наркомат военно-морского флота руководствовался общими оперативными и мобилизационными планами, которые разрабатывал Генштаб.

Приняв должность начальника Генерального штаба, за краткостью времени и чрезвычайной занятостью делами, непосредственно относящимися к Красной Армии, я не смог детально ознакомиться с состоянием флота. Однако мне было известно, что личный состав Военно-Морского Флота подготовлен хорошо, командующие флотами, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Главный штаб военно-морского флота возглавлял тогда талантливый, инициативный и волевой адмирал И. С. Исаков.

В строю флота находилось 3 линкора, 7 крейсеров, 7 лидеров, 49 эсминцев, 211 подводных лодок, 279 торпедных катеров, свыше 1000 орудий береговой обороны. Слабым местом флотов была противовоздушная оборона и минно-торпедное вооружение. В боевой и оперативной подготовке военно-морских сил большое внимание уделялось взаимодействию с сухопутными войсками на приморских направлениях, борьбе с вражескими флотами, отражению десантных операций. Наряду с этим в подготовке кадров внедрялись и ошибочные взгляды на необходимость проведения надводным флотом самостоятельных операций в открытых морях, тогда как реальных сил и возможностей для этой цели у наших флотов в то время не было.

Темпы оснащения Военно-Морского Флота нарастали. Только за 11 месяцев 1940 года было спущено на воду 100 миноносцев, подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров, отличавшихся высокими боевыми качествами. Около 270 кораблей всех классов строилось в 1940 году. Создавались новые военно-морские базы, дополнительно осваивались районы на Балтийском, Баренцевом и Черном морях.

Современный флот — дело дорогостоящее, особенно массивные корабли, которые к тому же являются хорошей мишенью для атак с воздуха и торпедирования. Комитет обороны при СНК СССР в 1939 году принимает решение сократить, а затем и прекратить строительство линкоров и тяжелых крейсеров, создание которых требовало колоссальных затрат, большого расхода металла и отвлечения значительного количества инженерно-технического состава и рабочих судостроительной промышленности.

С другой стороны, береговой и противовоздушной обороне, минно-торпедному вооружению должного внимания не уделялось. Серьезным просчетом И. В. Сталина и Наркомата военно-морского флота явилась недооценка роли Северного флота, которому суждено было в войне сыграть крупнейшую роль, к которой он не был полностью подготовлен.

В целом же накануне войны советский Военно-Морской Флот производил внушительное впечатление и достойно встретил противника.

В своей книге “Накануне” адмирал Н. Г. Кузнецов пишет в связи с моим назначением начальником Генерального штаба: “Сперва я думал, что только у меня отношения с Г. К. Жуковым не налаживаются и что с ним найдет общий язык его коллега, начальник Главного морского штаба И. С. Исаков. Однако у Исакова тоже ничего не вышло”.

Я сейчас уже не помню, то ли у названных товарищей со мной “ничего не вышло”, то ли у меня с ними “ничего не получилось”, — это не имеет ровным счетом никакого значения{37}. Но в целях исторической достоверности я должен сказать, что вообще на обсуждение флотских вопросов у И. В. Сталина ни нарком обороны С. К. Тимошенко, ни начальник Генерального штаба не приглашались.

О том, сколь велики были мероприятия, осуществленные партией и правительством по укреплению обороны страны в 1939—1941 годах, говорит и рост численности наших вооруженных сил. Они возросли за это время в 2,8 раза, было сформировано 125 новых дивизий, и к 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО было более 4200 тысяч человек.

В одной из глав этой книги я коснулся роли всевобуча. Традиция подготовки гражданского населения, и прежде всего молодежи, к защите своего Отечества до призыва в армию пользовалась в народе широкой популярностью. Массово-оборонной работой занимался Осоавиахим. К 1 января 1941 года в рядах Осоавиахима состояло более 13 миллионов человек, ежегодно десятки тысяч энтузиастов летного дела, парашютистов, стрелков, авиамехаников приобретали специальности более чем в трехстах аэро- и автомотоклубах, авиашколах и планерных клубах. Как пригодились потом эти навыки молодежи, призванной в армию, народным ополченцам и партизанам!

Что касается профессионального обучения командиров всех степеней, то сотни тысяч их проходили хорошую школу более чем в двухстах военных училищах Красной Армии и Военно-Морского Флота, в девятнадцати академиях, на десяти военных факультетах при гражданских вузах, семи высших военно-морских училищах.

Бывая в Академии Генерального штаба, которая находилась в моем ведении, я лишний раз мог убедиться в том, что накануне войны на военных кафедрах слушателям преподносилась современная военная теория, в значительной степени учитывавшая опыт начавшейся Второй мировой войны. Подчеркивалась непримиримость, ожесточенность вооруженной борьбы, возможность ее длительного характера и необходимость мобилизации усилий всего народа.

Военная стратегия в предвоенный период строилась равным образом на утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора и что оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей.

Не соответствовал требованиям современной войны в ряде случаев и метод обучения войск. Принимая участие во многих полевых учениях, на маневрах и оперативно-стратегических играх, я не помню случая, чтобы наступающая сторона ставилась в тяжелые условия и не достигала бы поставленной цели. Когда же по ходу действия наступление не выполняло своей задачи, руководство учением обычно прибегало к искусственным мерам, облегчающим выполнение задачи наступающей стороны.

Короче говоря, наши войска не всегда обучались тому, с чем им пришлось встретиться в тяжелые первые дни войны. Что касается других способов и форм ведения вооруженной борьбы, то ими просто пренебрегали, особенно в оперативно-стратегических масштабах.

Столь же мало внимания, как и обороне, уделялось вопросам встречных сражений, отступательным действиям и сражениям в условиях окружения. А между тем именно эти виды боевых действий в начальном периоде войны развернулись очень широко и приняли самый ожесточенный характер.

Иначе говоря, наши войска должным образом не обучались ведению войны в тяжелых условиях, а если и обучались, то только в тактических масштабах. Это была серьезная ошибка в обучении и воспитании войск, за которую пришлось расплачиваться большими жертвами. Ибо опыт ряда войн показывает, что та армия, которая недостаточно обучается ведению операций в тяжелых и сложных условиях, неизбежно будет нести большие потери и вынуждена переучиваться в ходе самой войны.

Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода Второй мировой войны на Западе. А опыт этот был уже налицо, и он даже обсуждался на совещании высшего командного состава в декабре 1940 года.

О чем говорил этот опыт?

Прежде всего, об оперативно-стратегической внезапности, с которой гитлеровские войска вторглись в страны Европы. Нанося мощные удары бронетанковыми войсками, они быстро рассекали оборону для выхода в тыл противника. Действия бронетанковых войск немцы поддерживали военно-воздушными силами, при этом особый эффект производили их пикирующие бомбардировщики.

Внезапный переход в наступление всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратегических направлениях, не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, ни руководящий состав Генштаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях.

Этого не учитывали и не были к этому готовы наши командующие и войска приграничных военных округов. Правда, нельзя сказать, что все это вообще свалилось нам как снег на голову. Мы, конечно, изучали боевую практику гитлеровских войск в Польше, Франции и других европейских странах и даже обсуждали методы и способы их действий. Но по-настоящему все это прочувствовали только тогда, когда враг напал на нашу страну, бросив против войск приграничных военных округов свои компактные бронетанковые и авиационные группировки.

Советское правительство делало все возможное, чтобы не давать какого-либо повода Германии к развязыванию войны. Этим определялось все.

В целом военная теория тех лет была, как говорится, на уровне времени. Однако практика в известной степени отставала от теории...

Разбираясь в оперативно-стратегических вопросах, я пришел к выводу, что оборона такой гигантской страны, как наша, находится явно в неудовлетворительном состоянии. Такого же мнения были и основные руководящие работники Генерального штаба, которые сообщили, что и мои предшественники на этом посту не раз высказывались в таком же плане.

Сосредоточение большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах вызвало у нас особое беспокойство. В то же время тревожила недостаточная боеготовность наших вооруженных сил, расположенных в западных военных округах.

Продумав всесторонне эти вопросы, я вместе с Н. Ф. Ватутиным подробно доложили наркому обороны о недостатках в организации и боевой готовности наших войск, о состоянии мобилизационных запасов, особенно по снарядам и авиационным бомбам. Кроме того, было отмечено, что промышленность не успевает выполнять наши заказы на боевую технику.

— Все это хорошо известно товарищу Сталину. Думаю, в данное время страна не в состоянии дать нам что-либо большее, — заметил С. К. Тимошенко.

Я просил еще раз доложить правительству и одновременно просить разрешения призвать из запаса приписной состав, чтобы привести части приграничных военных округов в боеспособное состояние.

Однажды С. К. Тимошенко вызвал меня и сказал:

— Вчера был у товарища Сталина по вопросам реактивных минометов. Он интересовался, принял ли ты дела от Мерецкова, как чувствуешь себя на новой работе, и приказал явиться к нему с докладом.

— К чему надо быть готовым? — спросил я.

— Ко всему, — ответил нарком. — Но имей в виду, что он не будет слушать длинный доклад. То, что ты расскажешь мне за несколько часов, ему нужно доложить минут за десять.

— А что же я могу доложить за десять минут? Вопросы большие, они требуют серьезного отношения. Ведь нужно понять их важность и принять необходимые меры.

— То, что ты собираешься ему сообщить, он в основном знает, — сказал нарком обороны, — так что постарайся все же остановиться только на узловых проблемах.

Имея при себе перечень вопросов, которые собирался изложить, субботним вечером я поехал к И. В. Сталину на дачу. Там уже были маршал С. К. Тимошенко, маршал Г. И. Кулик. Присутствовали члены Политбюро М. И. Калинин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков.

Поздоровавшись, И. В. Сталин спросил, знаком ли я с реактивными минометами (“катюши”).

— Только слышал о них, но не видел, — ответил я.

— Ну, тогда с Тимошенко, Куликом и Аборенковым вам надо в ближайшие дни поехать на полигон и посмотреть их стрельбу. А теперь расскажите нам о делах Генерального штаба.

Коротко повторив то, что уже докладывал наркому, я сказал, что ввиду сложности военно-политической обстановки необходимо принять срочные меры и вовремя устранить имеющиеся недостатки в обороне западных границ и в вооруженных силах.

Меня перебил В. М. Молотов:

— Вы что же, считаете, что нам придется скоро воевать с немцами?

— Погоди... — остановил его И. В. Сталин.

Выслушав доклад, И. В. Сталин пригласил всех обедать. Прерванный разговор продолжался. И. В. Стадии спросил, как я оцениваю немецкую авиацию. Я сказал то, что думал:

— У немцев неплохая авиация, их летный состав получил хорошую боевую практику взаимодействия с сухопутными войсками, что же касается материальной части, то наши новые истребители и бомбардировщики ничуть не хуже немецких, а, пожалуй, и лучше. Жаль только, что их очень мало.

— Особенно мало истребительной авиации, — добавил С. К.Тимошенко.

Г. М. Маленков бросил реплику:

— Семен Константинович больше об оборонительной авиации думает.

Нарком не ответил. Думаю, что из-за своего пониженного слуха он просто не все расслышал.

Обед был очень простой. На первое — густой украинский борщ, на второе — хорошо приготовленная гречневая каша и много отварного мяса, на третье — компот и фрукты. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, много шутил, пил легкое грузинское вино “Хванчкара” и угощал им присутствовавших, но большинство предпочитало коньяк.

В заключение И. В. Стадин сказал, что надо продумать и подработать первоочередные вопросы и внести в правительство для решения. Но при этом следует исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем.

Вернувшись ночью в Генштаб, я записал все, что говорил И. В. Сталин, и наметил вопросы, которые нужно будет решать в первую очередь. Эти предложения были внесены в правительство.

15—20 февраля 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), на которой мне довелось присутствовать. Конференция обратила серьезное внимание партийных организаций на нужды промышленности и транспорта, особенно оборонных предприятий. Требования повышались. В резолюциях конференции было отмечено, что руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов, электропромышленности и ряда других отраслей народного хозяйства, имеющих оборонное значение, должны извлечь уроки из критики на конференции, значительно улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов.

Принятый конференцией последний мирный народнохозяйственный план на 1941 год предусматривал значительный рост оборонной промышленности.

На конференции кандидатами в члены ЦК ВКП(б) и в состав Центральной ревизионной комиссии было избрано много военных: И. В. Тюленев, М. П. Кирпонос, И. С. Юмашев, В. Ф. Трибуц, Ф. С. Октябрьский и другие товарищи. Высокое доверие было оказано и мне. Я был также избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Непосредственно перед войной в нашем Генеральном штабе работал дружный, сплоченный коллектив знающих и опытных генералов и офицеров. Назову лишь некоторых из них.

Первым заместителем начальника Генерального штаба был хорошо известный стране генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, отличавшийся исключительным трудолюбием и широтой оперативно-стратегического мышления. Заместителем начальника Генерального штаба по организационным вопросам был генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, назначенный на эту должность в начале весны 1941 года с должности начальника штаба Московского военного округа. В годы войны Василий Данилович проявил большое дарование и способности крупного военачальника. Оперативное управление возглавлял генерал-майор Г. К. Маландин, очень образованный и талантливый оператор.

Там же работал генерал-майор А. М. Василевский. Во время войны А. М. Василевский показал себя выдающимся военачальником наших вооруженных сил. Под его руководством проведен ряд крупнейших и блестящих операций. В Генеральном штабе накануне войны А. М. Василевский занимался оперативным планом северо-западного и западного направлений.

Кроме названных, в Генеральном штабе был и ряд других талантливых и энергичных военачальников, которые своим творческим трудом содействовали высокой работоспособности всего коллектива Генерального штаба.

Генеральный штаб выполнял громаднейшую оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны.

Однако в работе самого аппарата Генштаба были недостатки. Так, при изучении весной 1941 года положения дел выяснилось, что у Генерального штаба, так же как и у наркома обороны и командующих видами и родами войск, не подготовлены на случай войны командные пункты, откуда можно было бы осуществлять управление вооруженными силами, быстро передавать в войска директивы Ставки, получать и обрабатывать донесения войск.

В предвоенные годы время для строительства командных пунктов было упущено. Когда же началась война, Главному командованию, Генеральному штабу, всем штабам родов войск и центральным управлениям пришлось осуществлять руководство из своих кабинетов мирного времени, что серьезно осложнило их работу.

К сожалению, приходится отметить, что И. В. Сталин накануне и в начале войны недооценивал роль и значение Генштаба.

Между тем Генеральный штаб, по образному выражения Б. М. Шапошникова, — это “мозг армии”. Ни один орган в стране не является более компетентным в вопросах готовности вооруженных сил к войне, чем Генеральный штаб. С кем же, как не с ним, должен был систематически советоваться будущий Верховный Главнокомандующий?

Однако И. В. Сталин очень мало интересовался деятельностью Генштаба. Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И. В. Сталину о состоянии обороны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И. В. Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба.

Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И. В. Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с

трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И. В. Сталина было ошибочным.

К началу войны не были решены вопросы об органах Ставки и Главного командования: их структуре, персональном предназначении, размещении, аппарате обеспечения и материально-технических средствах.

За пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генерального штаба. Столь частая смена руководства Генштаба не давала возможности во всей полноте освоить вопросы обороны страны и глубоко обдумать все аспекты предстоящей войны.

Теперь, после всего пережитого, критически осмысливая минувшее, можно сказать, что руководство страной ошибочно пренебрегло нашими требованиями неотложных мероприятий, которые следовало провести сразу после войны с Финляндией, а военные руководители в предвоенный период были недостаточно настойчивы перед И. В. Сталиным в этих вопросах. Кстати сказать, как я убедился во время войны, И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было бы спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения.

Если кто-либо утверждает обратное, прямо скажу — их утверждения не верны.

Забегая вперед, хочу сказать, что мне во время войны приходилось остро возражать против указаний И. В. Сталина по стратегии операций и по проблеме обороны страны в целом, и нередко мои суждения принимались.

В конце мая 1941 года меня и С. К. Тимошенко срочно вызвали в Политбюро. Мы считали, что, видимо, будет наконец дало разрешение на приведение приграничных военных округов в наивысшую боевую готовность. Но каково же было наше удивление, когда И. В. Сталин нам сказал:

— К нам обратился посол Германии фон Шуленбург и передал просьбу германского правительства разрешить им произвести розыск могил солдат и офицеров, погибших в Первую мировую войну в боях со старой русской армией. Для розыска могил немцы создали несколько групп, которые прибудут в пункты согласно вот этой погранкарте. Вам надлежит обеспечить такой контроль, чтобы немцы не распространяли свои розыски глубже и шире отмеченных районов. Прикажите округам установить тесный контакт с нашими пограничниками, которым уже даны указания.

Мы с внутренним недоумением восприняли эти слова И. В. Сталина.

Мы были поражены, с одной стороны, наглостью и цинизмом германского правительства, бесцеремонно решившего произвести разведку местности и рубежей на важнейших оперативных направлениях, и, с другой стороны, непонятной доверчивостью И. В. Сталина.

Видимо, угадав наши мысли, А. А. Жданов заметил:

— По-моему, товарищи мрачно встретили просьбу германского правительства. Может быть, вы хотите что-то сказать?

— Немцы просто собираются посмотреть участки местности, где они будут наносить удары, — сказал я, — а их версия насчет розыска могил слишком примитивна.

Нарком добавил:

— Последнее время немцы слишком часто нарушают наше воздушное пространство и производят глубокие облеты нашей территории. Мы с Жуковым считаем, что надо сбивать немецкие самолеты.

— Германский посол заверил нас от имени Гитлера, что у них сейчас в авиации очень много молодежи, которая профессионально слабо подготовлена. Молодые летчики плохо ориентируются в воздухе. Поэтому посол просил нас не обращать особого внимания на их блуждающие самолеты, — возразил И. В. Сталин.

Мы не согласились с этим доводом и продолжали доказывать, что самолеты умышленно летают над нашими важнейшими объектами и спускаются до непозволительной высоты, явно, чтобы лучше их рассмотреть.

— Ну что же, — вдруг сказал И. В. Сталин, — в таком случае надо срочно подготовить ноту по этому вопросу и потребовать от Гитлера, чтобы он прекратил самоуправство военных. Я не уверен, что Гитлер знает про эти полеты.

В июне немцы еще больше усилили разведывательную деятельность своей авиации. Различные диверсионные и разведывательные группы все чаще проникали через границу в глубь нашей территории.

Не ограничиваясь личными докладами, мы еще раз написали донесение И. В. Сталину и приложили карту, на которой указали районы и направления воздушной разведки немцев. Просили конкретных указаний.

И. В. Сталин ответил:

— О всех нарушениях наших воздушных границ передайте сообщение Вышинскому, который по этим вопросам будет иметь дело с Шуленбургом.

Какие основные вопросы подготавливались в те месяцы в Генеральном штабе?

Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания{38}.

В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращались никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждении тотчас же доводились до военных округов. Много работало накануне войны с оперативными и мобилизационными планами оперативное управление — генералы Г. К. Маландин, А. М. Василевский, А. Ф. Анисов и другие.

До моего прихода в Генштаб общее руководство разработкой планов осуществляли Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, затем генерал армии К. А. Мерецков и генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан в связи с новыми политическими и военными задачами. Как известно, к этому времени наши северо-западная и западная государственные границы были передвинуты вперед до 300 километров. Возникла проблема: за короткий срок переработать планы обороны страны на новых границах. Но при решении этих важнейших задач были допущены серьезные стратегические ошибки.

В чем суть этих ошибок?

Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки. Именно белорусское направление было кратчайшим к столице нашей Родины — Москве.

Вследствие этой ошибки пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении.

При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль-апрель) мы этот просчет полностью не исправили и не запланировали на западное направление большее количество сил.

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: “Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну”.

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника он допустил ошибку.

Последний вариант мобилизационного плана вооруженных сил (организационно-материальные вопросы) был утвержден в феврале 1941 года и получил наименование МП-41. Его передали округам с указанием внести коррективы в старые мобпланы к 1 мая 1941 года.

В 1940 году было принято ошибочное решение о немедленной передислокации войск западных округов в новые районы западной территории, воссоединенной с Советским Союзом. Несмотря на то, что эти районы не были еще должным образом подготовлены для обороны, в них были дислоцированы первые эшелоны войск западных округов.

Здесь я хотел бы остановиться на судьбе новых и старых укрепленных районов (УРов). К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. Проект строительства УРов был утвержден И. В. Сталиным по докладу К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова.

Строительство укрепленных районов к июню 1941 года завершено не было, а главное то, что между укрепленными районами были промежутки, доходившие до 50-60 километров по фронту.

К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500— только пулеметами.

Если говорить об Украине, то в наибольшей боевой готовности в июне 1941 года находились Рава-Русский и Перемышльский районы, которые в первые дни войны сыграли весьма положительную роль, о чем будет сказано дальше.

Теперь я хочу внести ясность в вопрос о снятии артиллерийского вооружения со старых укрепленных районов.

В феврале-марте 1941 года на Главном военном совете Красной Армии дважды обсуждалось, как быстрее закончить строительство новых УРов и их вооружение. Мне хорошо запомнились острые споры, развернувшиеся на заседании совета. Но как ни спорили, а практического выхода для ускорения производства УРовской артиллерии и обеспечения необходимой УРовской аппаратурой найдено не было.

Тогда заместитель наркома по вооружению маршал Г. И. Кулик и заместитель наркома по УРам маршал Б. М. Шапошников, также член Главного военного совета А. А. Жданов внесли предложение снять часть УРовской артиллерии с некоторых старых укрепленных районов и перебросить ее для вооружения новых строящихся укрепленных районов. Нарком обороны маршал С. К- Тимошенко и я не согласились с этим предложением, указав на то, что старые УРы еще могут пригодиться. Да и артиллерия старых УРов по своей конструкции не соответствовала новым дотам.

Ввиду разногласий, возникших на Главном военном совете, вопрос был доложен И. В. Сталину. Согласившись с мнением Г. И. Кулика, Б. М. Шапошникова, А. А. Жданова, он приказал снять часть артиллерийского вооружения с второстепенных участков и перебросить его на западное и юго-западное направления, временно приспособив эту конструктивно устаревшую артиллерию для новых сооружений.

Но тут случился казус: разоружить-то до начала войны часть УРов успели, а вот поставить это вооружение на новых УРах уже не хватило времени.

Старые УРы были построены в период 1929—1935 годов. Долговременные огневые точки в основном были вооружены пулеметами. В 1938—1939 годах ряд дотов был усилен артиллерийскими системами. Решением Главного военного совета Красной Армии от 15 ноября 1939 года штатная численность войск старых укрепленных районов должна была сократиться больше чем на одну треть. Теперь с некоторых участков снималось артиллерийское вооружение.

Однако после вторичного доклада И. В. Сталину нам было разрешено сохранить на разоружаемых участках часть артиллерийского вооружения.

По вопросу об УРах, строительство которых началось в 1938— 1939 годах, Генеральным штабом 8 апреля 1941 года были даны командующим Западным и Киевским особыми военными округами директивы следующего содержания:

“Впредь до особых указаний Слуцкий, Себежский, Шепетовский, Изяславльский, Староконстантиновский, Остропольский укрепленные районы содержать в состоянии консервации.

Для использования указанных укрепленных районов в военное время подготовить и провести следующие мероприятия:

— создать кадры управлений укрепрайонов;

— для завершения системы артиллерийско-пулеметного огня в каждом узле обороны и опорном пункте создать площадки для деревоземляных или бутобетонных сооружений, которые необходимо будет построить в первые десять дней с начала войны силами полевых войск;

— на основании проектов и технических указаний Управления оборонительного строительства Красной армии рассчитать потребность вооружения и простейшего внутреннего оборудования;

— в расчете сил, средств и планов работ учесть железобетонные сооружения, построенные в 1938— 1939 гг. в Летичевском, Могилевском, Ямпольском, Новоград-Волынском. Минском, Полоцком и Мозырском укрепрайонах.

Начальнику Управления оборонительного строительства разработать и к 1.5.41 г. направить в округа технические указания по установке вооружения и простейшего внутреннего оборудования в сооружениях 1938—1939 гг.”{39}.

В отношении приведения в боевую готовность вооружений УРовских дотов и дзотов на рубежах старой государственной границы был допущен просчет во времени. Директива Генштаба требовала приведения их в боевую готовность на десятый день начала войны. Но фактически многие рубежи УРов были захвачены противником раньше этого срока.

УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках. Они были в основном сохранены на всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду дополнительно их усилить. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепленные районы.

Относительно новых укрепленных районов наркомом обороны и Генштабом неоднократно давались указания округам об ускорении строительства. На укреплении новых границ ежедневно работало почти 140 тысяч человек.

Я позволю себе привести одну из директив Генерального штаба по этому вопросу от 14 апреля 1941 года:

“Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами. (Выделено мною. — Г. Ж.)

Народный комиссар обороны приказал:

1. Все имеющееся в округе вооружение для укрепленных районов срочно смонтировать в боевые сооружения и последние привести в боевую готовность.

2. При отсутствии специального вооружения установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проемы и короба пулеметы на полевых станках и, где возможно, орудия.

3. Приведение сооружений в боевую готовность производить, несмотря на отсутствие остального табельного оборудования сооружений, но при обязательной установке броневых, металлических и решетчатых дверей.

4. Организовать надлежащий уход и сохранность вооружения, установленного в сооружениях.

5. Начальнику Управления оборонительного строительства Красной Армии немедленно отправить в округа технические указания по установке временного вооружения в железобетонные сооружения.

О принятых мерах донести к 25.4.41 в Генеральный штаб Красной Армии.

Начальник Генштаба Красной Армии

генерал армии — Г. Жуков

верно: Начальник отдела укрепрайонов

Генштаба Красной Армии

генерал-майор — С. Ширяев”{40}.

В марте 1941 года Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Этот план был мною и заместителем начальника Генерального штаба генералом В. Д. Соколовским доложен председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову.

Время шло, а решения по представленному мобплану не принималось, и тогда мы были вынуждены доложить лично И. В. Сталину об отсутствии промышленного мобилизационного плана. Было ясно, что наша промышленность, не подготовленная заранее к переводу производства по мобилизационному плану на нужды войны, быстро перестроиться не сможет.

Проект мобплана было поручено рассмотреть Н. А. Вознесенскому с большой группой руководителей наркоматов и Госплана. В Госплане у Н. А. Вознесенского представители наркоматов собирались не раз. Много говорили, спорили, доказывали, но настало лето, а мобилизационный план по военной продукции так и остался неутвержденным.

И только тогда, когда грянула война, все стало делаться наспех, распорядительным порядком, зачастую неорганизованно и в ущерб одно другому.

Особый доклад был подготовлен Генштабом и послан в ЦК и Совнарком о боеприпасах. Доклад был полностью посвящен обеспеченности артиллерии. Мы говорили о чрезвычайно остром положении с артиллерийскими снарядами и минами. Не хватало гаубичных, зенитных и противотанковых снарядов. Особенно плохо было с боезапасами для новейших артиллерийских систем.

И. В. Сталин дал поручение Г. М. Маленкову и председателю Госплана Н. А. Вознесенскому рассмотреть наш доклад и вместе с Наркоматом боеприпасов и Наркоматом обороны доложить, что в действительности нужно и можно сделать.

Н. А. Вознесенский и другие товарищи нашли наши требования слишком завышенными и доложили И. В. Сталину, что заявку на 1941 год следует удовлетворить максимум на 20 процентов. Эти предложения были утверждены.

Однако после повторных докладов И. В. Сталин распорядился издать специальное постановление о производстве значительно большего количества боеприпасов во второй половине 1941-го — начале 1942 года.

В течение весны 1941 года центральными снабженческими органами Наркомата обороны была проделана большая работа по увеличению неприкосновенных запасов всех приграничных западных округов за счет государственных резервов по горючему, продовольствию и вещевому снабжению. Окружные артиллерийские склады пополнялись значительным количеством боеприпасов за счет баз Наркомата обороны.

Нарком обороны, Генеральный штаб и я в том числе считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Казалось бы, это было правильное решение, но ход военных событий первых недель войны показал, что мы допустили в этом вопросе ошибку. Врагу удалось быстро прорвать фронт нашей обороны и в короткий срок захватить материально-технические запасы округов, что резко осложнило снабжение войск и мероприятия по формированию резервов.

Хочу коснуться некоторых ошибок, допущенных руководством Наркомата обороны и Генерального штаба.

При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными.

Каковы были экономические возможности Германии к моменту нападения на Советский Союз?

Захватив в свои руки почти все экономические и военно-стратегические ресурсы Европы, Германия, как известно, хорошо оснастила свои вооруженные силы современным оружием, боевой техникой и достаточным количеством материальных средств. Отсутствие в то время активно действующих сил в Западной Европе дало возможность гитлеровцам сосредоточить против Советского Союза все свои главные силы.

Накануне войны Германия выплавляла вместе с оккупированными странами стали 31,8 миллиона тонн, сама добывала угля 257,4 миллиона тонн, а вместе с сателлитами — 439 миллионов тонн. Советский Союз соответственно стали— 18,3 миллиона тонн, угля — 165,9 миллиона тонн. Слабым местом Германии была добыча нефти, но это в какой-то степени компенсировалось импортом румынской нефти, а также созданными запасами и производством синтетического горючего.

После бесцеремонной ликвидации версальских ограничений гитлеровское руководство в целях обеспечения своих захватнических планов всю экономическую политику подчинило интересам задуманной агрессивной войны. Германская промышленность была целиком переведена на рельсы военной экономики. Все остальное отошло на последний план.

Был создан мощный военно-промышленный потенциал, за сравнительно короткий срок построено более 300 крупных военных заводов, военное производство в Германии в 1940 году увеличилось по сравнению с 1939 годом на две трети, а по сравнению с 1932-м — в 22 раза. В 1941 году германская промышленность произвела более 11 тысяч самолетов, 5200 танков и бронемашин, более 7 тысяч орудий калибра 75-мм и крупнее, около 1,7 миллиона карабинов, винтовок и автоматов. При этом нужно учитывать большие запасы награбленного вооружения и производственные мощности сателлитов Германии и оккупированных ею стран.

В конце марта 1941 года Советскому правительству стало известно об особо секретных переговорах в Берлине министра иностранных дел Японии Иосуке Мацуоки с Риббентропом и военными кругами фашистского рейха.

О характере этих переговоров догадаться было нетрудно. Гитлер пытался создать военное окружение СССР путем блока Германии с империалистической Японией{41}.

Практически это означало бы для нас вести войну на два фронта.

Вот почему вопрос об обеспечении безопасности СССР на Дальнем Востоке стал вопросом чрезвычайной важности.

В апреле 1941 года, не помню какого числа, мне позвонил И. В. Сталин:

— Из поездки в Германию возвращается на родину министр иностранных дел Японии Мацуока, — сказал он. — Вам надо любезно принять его. (Слово “любезно” он произнес с особым нажимом.)

— Какие будут указания?

— Мацуока просто хочет познакомиться с вами.

Особенно теряться в догадках я не стал: видимо, у Мацуоки были свежи в памяти события Халхин-Гола.

Спустя несколько дней начальник Отдела внешних сношений Наркомата обороны доложил мне, что через два часа у меня будет Мацуока с переводчиком.

Точно в назначенное время открылась дверь и вошел, низко кланяясь, Иосуке Мацуока.

Я любезно приветствовал его, справился о здоровье и поинтересовался, не утомила ли его поездка. Министр отвечал уклончиво:

— Я люблю дальние путешествия. В Европе я впервые. А вы бывали в европейских странах? — в свою очередь спросил он меня.

— К сожалению, нет, — ответил я, — но при удобном случае обязательно постараюсь побывать. Я много читал о Германии, Италии и Англии, но даже самая хорошая книга не может дать полного представления о стране. Гораздо лучше можно понять страну, ее народ, нравы и обычаи при личном посещении и контактах.

Беседа продолжалась в том же духе. Острых политических вопросов мы не касались. Мацуока произвел на меня неприятное впечатление и не располагал к откровенному разговору. Чувствовалось, что он хотел больше услышать, чем сказать.

По окончании визита я немедленно позвонил И. В. Сталину и доложил о характере встречи и моем впечатлении о Мацуоке. И. В. Сталин, как мне показалось, остался доволен этим сообщением, а в заключение сказал:

— Японское правительство дало согласие на подписание договора о нейтралитете.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан 13 апреля 1941 года. Срок его действия определялся на 5 лет. Он предусматривал, что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой стороны.

В специальном пункте оговаривалось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьих держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет.

Советское правительство понимало, что советско-японское соглашение о нейтралитете уменьшает опасность военного нападе ния Японии на нашу страну и ведения войны на два фронта. Конечно, оно не давало полной гарантии соблюдения подписанного договора со стороны милитаристской Японии, союзника фашистской Германии. Поэтому в ходе Отечественной войны мы вынуждены были держать значительные силы на Дальнем Востоке. Однако в связи с обостряющейся международной обстановкой такое соглашение обеспечивало нам некоторую передышку во времени.

Что мы знали тогда о вооруженных силах Германии, сосредоточенных против Советского Союза?

По данным разведывательного управления Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф. И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 года. Разведка считала, что за февраль и март группировка войск противника увеличилась на девять дивизий: против Прибалтийского округа — на три пехотные дивизии; против Западного округа — на две пехотные дивизии и одну танковую; против Киевского округа — на одну пехотную дивизию и три танковых полка.

Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, немедленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно.

Одно лишь могу сказать: И. В. Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, он мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, и он, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути.

Это, естественно, не могло не отражаться на полном анализе обстановки. На 4 апреля 1941 года общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным генерала Ф. И. Голикова, составляло 5 пехотных и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72-73 дивизии. К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии в количестве 9 пехотных и одной моторизованной дивизии.

На 5 мая 1941 года, по докладу генерала Ф. И. Голикова, количество немецких войск против СССР достигло 103-107 дивизий, включая 6 дивизий, расположенных в районе Данцига и Познани, и 5 дивизий в Финляндии. Из этого количества дивизий находилось: в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии; в Польше против Западного округа — 29 дивизий; в Польше против Киевского округа — 31—34 дивизии; в Румынии и Венгрии — 14—15 дивизий.

Большие работы осуществлялись противником по подготовке театра военных действий: проводились вторые железнодорожные пути в Словакии и Румынии, расширялась сеть аэродромов и посадочных площадок, велось усиленное строительство военных складов. В городах и на промышленных объектах организовывались учения по противовоздушной обороне, строились бомбоубежища и проводились опытные мобилизации.

Из числа войск венгерской армии до четырех корпусов находилось в районе Закарпатской Украины, значительная часть румынских войск располагалась в Карпатах.

В Финляндии высадки производились в порту Або, где с 10 по 29 апреля было высажено до 22 тысяч немецких солдат, которые в дальнейшем следовали в район Рованиеми и далее на Киркенес. Генерал Ф. И. Голиков считал возможным в ближайшее время дополнительное усиление немецких войск за счет высвободившихся сил в Югославии.

Весной 1941 года гитлеровцы не опасались серьезных действий со стороны западных противников, и главные вооруженные силы Германии были сосредоточены на всем протяжении от Балтийского до Черного моря.

На 1 июня 1941 года, по данным разведывательного управления, против СССР находилось до 120 немецких дивизий.

К июню 1941 года Германия довела общую численность войск до 8 миллионов 500 тысяч человек, увеличив ее с 1940 года на 3 миллиона 550 тысяч человек, то есть до 214 дивизий. У нас к июню с учетом призыва дополнительных контингентов в вооруженных силах было свыше 5 миллионов человек.

Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 года. К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных.

Гитлер считал, что настал выгодный момент для нападения на Советский Союз.

Как стало известно, одновременно с планом “Барбаросса” был разработан план дезинформации Советского Союза относительно истинных целей переброски войск из Франции в Польшу, Восточную Пруссию и Румынию.

Гитлеровское правительство всеми способами старалось внушить советскому руководству, что переброска войск совершается не для того, чтобы угрожать Советскому Союзу, а для того, чтобы рассредоточить и вывести их из-под ударов английской авиации, а также для прикрытия румынских нефтяных промыслов от англичан, высадившихся в Греции.

Гитлер принимал все меры, чтобы внушить И. В. Сталину мысль о его вполне лояльном отношении к Советскому Союзу, и неоднократно заверял, что Германия никогда не нарушит своих обязательств. И как это ни странно, И. В. Сталин поверил этим фальшивым заверениям Гитлера. Он полагал, что если мы будем вести крайне осторожную политику и не давать повода немцам к развязыванию войны, будем выполнять взятые на себя торговые и иные обязательства, войны можно избежать или в крайнем случае оттянуть ее. Так думало и все сталинское руководство страны.

Докладывая 7-й сессии Верховного Совета 1 августа 1940 года о международном положении, Председатель Совета Народных Комиссаров В. М. Молотов говорил:

“Наши отношения с Германией, поворот в которых произошел почти год тому назад, продолжают полностью сохраняться, как это обусловлено советско-германским соглашением”. И далее: “За последнее время, — говорил В. М. Молотов, — в иностранной и особенно в английской и англофильствующей прессе нередко спекулировали на возможности разногласий между Советским Союзом и Германией, с попыткой запугать нас перспективой усиления могущества Германии. Как с нашей, так и с германской стороны эти попытки не раз разоблачались и отбрасывались как негодные. Мы можем подтвердить, что, по нашему мнению, в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как Советского Союза, так и Германии”.

У нас же происходило следующее. В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И. В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмобилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины.

После долгих и достаточно острых разговоров И. В. Сталин разрешил под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии сокращенного состава Мы были строго предупреждены о необходимости чрезвычайной осторожности и мерах оперативной скрытности.

Тогда же И. В. Сталин дал указание НКВД всемерно усилить работы по строительству основной и полевой аэродромной сети. Но рабочую силу было разрешено взять только по окончании весенне-полевых работ.

Однажды в конце нашего очередного разговора И. В. Сталин спросил, как идет призыв приписного состава из запаса.

Нарком обороны ответил, что призыв запаса проходит нормально, приписной состав в конце апреля будет в приграничных округах. В начале мая начнется его переподготовка в частях.

13 мая Генеральный штаб дал директиву округам выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля— 21-я армия: из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16-я армия.

Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. К сожалению, эти дивизии насчитывали в своем составе по 8—9 тысяч человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим приграничными округами срочно приступить к подготовке командных пунктов, а в середине июня приказывалось вывести на них фронтовые управления: Северо-Западный фронт — в район Паневежиса; Западный — в район Обуз-Лесны; Юго-Западный — в Тернополь; Одесский округ в качестве армейского управления — в Тирасполь. В эти районы полевые управления фронтов и армий должны были выйти к 21—25 июня.

На государственной границе находились 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков оперативных войск НКВД, а также расположенные вблизи границы, но не развернутые в боевые порядки стрелковые дивизии первых эшелонов армий прикрытия от военных округов.

Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших

конструкций, около 38 тысяч орудий и минометов, 1475 новых танков КБ и Т-34 и значительное число легких танков устаревшей конструкции с крайне ограниченными моторесурсами, часть которых требовала ремонта{42}.

Боевая подготовка в приграничных округах была различна и зависела от многих факторов. Сейчас трудно восстановить в деталях все, что происходило тогда в этих округах, передать атмосферу, в которой их застала война.

Помню, меня, особенно в первое время работы в Генштабе, не покидали мысли о только что оставленном мною Киевском особом военном округе. Как и что там?

В этой связи я хотел бы привести здесь несколько отрывков из воспоминаний Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, тогда полковника, начальника оперативного отдела Киевского особого военного округа. Мне кажется, эти страницы верно отражают положение дел непосредственно в армии со всеми трудностями последних предвоенных месяцев. Вот что он пишет:

“Едва мы успели проводить своего командующего на XVIII партийную конференцию, как из Генерального штаба последовало распоряжение: начальнику штаба округа с группой генералов и офицеров, принимавших участие в разработке плана прикрытия государственной границы, срочно прибыть в Москву...

В Москве все наконец прояснилось: все мы должны были принять участие в рассмотрении мероприятий оперативного порядка для округа.

...Наша работа продолжалась, как вдруг нам приказали немедленно возвратиться в Киев для выполнения своих непосредственных должностных обязанностей. Здесь прежде всего пришлось заняться рассмотрением армейских планов прикрытия государственной границы, разработанных штабами армий на основе указаний кемандования округа. К большому нашему удовольствию, армейские планы не потребовали серьезной доработки. В них пришлось внести лишь незначительные коррективы.

Однако уже вскоре — сразу же после начала оккупации фашистами Югославии — Генеральный штаб дал указание внести в план прикрытия государственной границы ряд существенных поправок. Командованию округа было приказано значительно увеличить состав войск, выделяемых на непосредственное прикрытие государственной границы...

Генерал Кирпонос был огорчен явным, по его мнению, ослаблением резервной группировки своих войск и назначением в “пассивную оборону” значительно больших сил, чем он считал нужным. Но приказ есть приказ: 18 апреля мы отдали армиям соответствующие распоряжения о внесении в план этих изменений...

Снова были вызваны в штаб округа начальники штабов армий вместе с участниками разработки планов. Все закрутилось сначала. Большая трудность, затягивавшая работу, заключалась в том, что разрабатывавшие планы генералы и офицеры должны были все от первой до последней бумажки исполнять собственноручно...

До 10 мая переделка планов должна была завершиться. К счастью, это были последние серьезные дополнения, иначе планы так и остались бы незаконченными к началу вторжения фашистских полчищ.

Во второй половине апреля руководство Красной Армии стало заметно форсировать осуществление мер по усилению приграничных округов. Помнится, 26 апреля в наш округ поступил приказ из Москвы к 1 июня сформировать пять подвижных артиллерийско-противотанковых бригад и один воздушно-десантный корпус. Четыре наши стрелковые дивизии реорганизовывались в горнострелковые. Командование округа было поставлено в известность, что к 25 мая в состав его войск с Дальнего Востока прибудет еще и управление 31-го стрелкового корпуса.

Последний весенний месяц отнюдь не принес потепления в атмосфере международных отношений. Неожиданное назначение И.В. Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров расценивалось всеми в штабе округа как свидетельство осложнения международной обстановки. Впервые за годы существования советской власти высшее партийное и государственное руководство сосредоточивалось в одних руках. Были и другие сигналы быстро растущей угрозы.

Во второй половине мая мы получили директиву Генерального штаба, в которой командованию округа предписывалось принять из Северо-Кавказского военного округа и разместить в лагерях управление 34-го стрелкового корпуса с корпусными частями, четыре 12-тысячные стрелковые и одну горнострелковую дивизии.

Для командования этими войсками должна была прибыть из Северо-Кавказского военного округа оперативная группа во главе с первым заместителем командующего округом генерал-лейтенантом М. А. Рейтером... Из этой же директивы стало известно, что войска начнут прибывать 20 мая. Директива хотя, видимо, для командования и не была неожиданной, все же весьма озаботила его: ведь предстояло в короткий срок разместить почти целую армию. В связи с внезапно свалившимися на наши головы новыми срочными мероприятиями пришлось отложить проведение командно-штабного учения с армиями, которое было запланировано на вторую половину мая.

В конце мая в округ стали прибывать эшелоны за эшелонами. Оперативный отдел превратился в подобие диспетчерского пункта, куда стекалась вся информация о движении и состоянии поступавших войск из Северо-Кавказского военного округа. Припоминается такой характерный факт. Посланные в эти войска командиры, докладывая об их боеспособности, подчеркивали, что все соединения укомплектованы по штатам мирного времени, что в связи с этим в них недостает не только значительного числа бойцов и командиров, но и техники, в первую очередь транспортных средств и средств связи, которые дивизии должны получить с момента объявления мобилизации.

Видимо, стремление строжайше соблюдать условия договора с Германией и в этом вопросе сыграло немаловажную роль.

Забегая вперед, должен заметить, что, когда началась война, эти дивизии срочно начали перебрасываться на западное стратегическое направление и с ходу вынуждены были вступить в сражение.

Не успели пять дивизий из Северо-Кавказского военного округа закончить сосредоточение на территории нашего округа, как в первых числах июня Генеральный штаб сообщил, что директивой народного комиссара обороны сформировано управление 19-й армии, которое к 10 июня прибудет в Черкассы. В состав армии войдут все пять дивизий 34-го стрелкового корпуса и три дивизии 25-го стрелкового корпуса Северо-

Кавказского военного округа... Во главе ее поставлен командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант И. С. Конев.

Днем позднее Генеральный штаб предупредил командование округа, чтобы оно подготовилось принять и разместить еще одну — 16-ю армию генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, перебрасываемую из Забайкалья. Планом предусматривалось сосредоточить войска генерала Лукина на территории Киевского особого военного округа в период с 15 июня по 10 июля.

Итак, уже вторую армию мы должны были в кратчайший срок принять и разместить на территории округа. Это радовало. Опасение, что в случае войны у нас не окажется в глубине войск, отпадало само собой. Теперь стало вполне ясно, что нарком и Генеральный штаб позаботились об этом, отдавая приказ о подготовке выдвижения всех сил округа непосредственно к границе”{43}.

Теперь, пожалуй, пора сказать о существенной ошибке того времени, из которой, естественно, вытекали многие другие, — о просчете в определении сроков вероятности нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В оперативном плане 1940 года, который после уточнения действовал в 1941 году, предусматривалось в случае угрозы войны:

— привести все вооруженные силы в полную боевую готовность;

— немедленно провести в стране войсковую мобилизацию;

— развернуть войска до штатов военного времени согласно

мобплану;

— сосредоточить и развернуть все отмобилизованные войска в районах западных границ в соответствии с планом приграничных военных округов и Главного военного командования.

Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 года, да и то не полностью. В ближайшие предвоенные месяцы руководством не предусматривалось проведение всех необходимых мер, которые нужно было принять в особо угрожаемый военный период.

Естественно, возникает вопрос: почему руководство, возглавляемое И. В. Сталиным, не провело в жизнь мероприятия им же утвержденного оперативного плана?

Почему оборона страны оказалась не на должной высоте, и мы были захвачены врасплох? На эти принципиальные вопросы даются разные ответы.

В этих ошибках и просчетах чаще всего обвиняют И. В. Сталина. Конечно, ошибки у И. В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических, политических и военных факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

Всякий субъективизм в анализе причин неизбежно приведет к неправдивым, неполноценным выводам. Историкам, исследующим причины неудач вооруженной борьбы с Германией в первом периоде войны, придется тщательно разобраться в этих вопросах, чтобы правдиво объяснить истинные причины, вследствие которых советский народ и страна понесли на первом этапе войны столь тяжелые жертвы.

Современные большие войны ведутся всеми силами, средствами и достижениями страны. Германия, как известно, захватив в свои руки почти все экономические и стратегические ресурсы Европы, хорошо оснастила свои вооруженные силы современным оружием, боевой техникой и достаточным количеством материальных средств, а отсутствие активно действующих сил в Западной Европе дало возможность гитлеровцам сосредоточить против Советского Союза все свои главные силы.

Наша страна к 1941 году имела большие экономические успехи, но достигнуть превосходства над Германией, которой оказывали громадную помощь империалистические государства Запада, мы еще не успели.

Из Первой мировой и гражданской войн страна наша вышла до предела истощенной и опустошенной. Нужны были героические усилия советского народа и партии для ликвидации экономической разрухи, для создания тяжелой индустрии и всего народного хозяйства. Занятая строительством народного хозяйства, наша страна главные усилия, все основные средства направляла на развитие производительных сил, до предела ограничивая выделение средств на укрепление обороны страны, вследствие чего до конца 1939 года значительная часть Красной Армии содержалась и проходила подготовку по территориальной системе, где не было условий для полноценной подготовки войск и запаса.

С лета 1940 года, особенно после войны с Финляндией, партия и правительство уделяли большое внимание вооруженным силам и обороне страны, но экономические возможности страны не позволили в короткий предвоенный год полностью обеспечить проводимые организационные мероприятия по вооруженным силам. Война застигла страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил и создания мобзапасов и государственных резервов.

Законно возникает вопрос: а нельзя ли было начать проведение этих мероприятий значительно раньше? Конечно, можно и нужно было, но сталинское руководство ошибочно считало, что времени у нас еще хватит для проведения необходимых мероприятий. Эта ошибка отягощается теми обстоятельствами, что Германия свою вооруженную агрессию и дальнейшее развертывание вооруженных сил в значительных размерах начала с 1936 года, порвав все свои международные обязательства об ограничении своих вооруженных сил.

Допустив просчет в оценке сроков надвигающейся военной опасности, мы запоздали с осуществлением срочных мероприятий по обороне страны.

Здесь я хочу коснуться еще одного очень важного, на мой взгляд, психологического фактора, оказавшего на И. В. Сталина большое влияние.

Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся.

И. В. Сталин не был трусливым человеком, но он хорошо понимал, что возглавляемое им руководство страной явно опоздало с основными мероприятиями по подготовке страны к большой войне с таким сильным и опытным врагом, как Германия.

Он понимал, что мы опоздали не только с перевооружением войск новейшей боевой техникой и с реорганизацией вооруженных сил, но и с мероприятиями по обороне страны, в частности с созданием необходимых государственных резервов и мобилизационных запасов.

И. В. Сталин прекрасно знал и то, что после 1939 года во главе частей, соединений и войсковых объединений были поставлены кадры, далеко не освоившие оперативно-тактическое и стратегическое искусство.

Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, и основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава.

Нельзя было не считаться и с моральными травмами, которые были нанесены Красной Армии и Военно-Морскому Флоту массовыми репрессиями.

Опасаясь стать жертвой провокации империалистических государств, информацию У. Черчилля, Президента Чехословакии Э. Бекеша, секретаря Госдепартамента США С. Уэллеса И. В. Сталин принимал как дезинформацию, и она еще больше усилила недоверие ко всем сообщениям из-за рубежа, в том числе и к сообщениям по линии нашей военной разведки.

В этих сложных условиях стремление избежать войны превратилось у И. В. Сталина в убежденность, что ему удастся ликвидировать опасность войны мирным путем. Надеясь на свою “мудрость”, он перемудрил себя и не разобрался в коварной тактике и планах гитлеровского правительства.

И. В. Сталин требовал вести осторожную политику и проводить мероприятия оперативно-мобилизационного порядка так, чтобы, как он говорил, “не спровоцировать войну с Германией”.

Полагая, что ему удастся устранить назревающую угрозу войны, он считал необходимым убедить гитлеровское руководство в желании Советского правительства и в дальнейшем поддерживать деловые и хорошие добрососедские отношения с Германией.

С этой целью он требовал от Наркомата внешней торговли точно в установленные сроки осуществлять все товарные поставки в Германию, в том числе уголь, хлеб, нефтепродукты и другие стратегические материалы.

Как известно, эти поставки осуществлялись по 21 июня 1941 года включительно.

И. В. Сталин хорошо понимал, какие тяжелые бедствия может причинить народам Советского Союза война с таким сильным и опытным врагом, как фашистская Германия, и потому стремился, как и вся наша партия и правительство, выиграть время.

Сейчас у нас имеются факты, свидетельствующие о предупреждении готовящегося нападения на СССР, о сосредоточении войск на наших границах и т.д. Но в ту пору, как это показывают обнаруженные после разгрома фашистской Германии документы, на стол к И. В. Сталину попадало много донесений совсем другого рода. Вот один из примеров.

По указанию Гитлера, данному на совещании 3 февраля 1941 года, начальник штаба верховного главнокомандования фельдмаршал Кейтель издал 15 февраля 1941 года специальную “Директиву по дезинформации противника”. Чтобы скрыть подготовку к операции по плану “Барбаросса”, отделом разведки и контрразведки главного штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось “в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию”.

Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось “оцепление” некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в одном варианте о том, что они идут на отдых перед вторжением в Англию, в другом — что войска будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовыми названиями “Акула” и “Гарпун”. Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. В работу включились дипломаты и т.д.

Подобного рода данные и сведения наряду с имевшимися недостатками общей боеготовности вооруженных сил обуславливали ту чрезмерную осторожность, которую И.В. Сталин проявлял, когда речь шла о проведении основных мероприятий, предусмотренных оперативно-мобилизационными планами в связи с подготовкой к отражению возможной агрессии.

Руководствуясь решениями XVIII съезда партии и последующими указаниями ЦК партии о подборе, обучении и воспитании руководящих кадров, командование, партийные, политические органы армии к лету 1941 года проделали очень большую учебно-воспитательную работу, позволившую повысить общий теоретический уровень и практические навыки кадров всех родов войск.

Однако вопрос о командных кадрах вооруженных сил в 1941 году продолжал оставаться острым. Массовое выдвижение на высшие должности молодых командиров снижало на

какое-то время боеспособность армии. Накануне войны при проведении важных и больших организационных мероприятий ощущался недостаток квалифицированного командного состава, специалистов: танкистов, артиллеристов и летно-технического состава — сказывалось значительное увеличение численности наших вооруженных сил. Предполагалось, что все это можно будет в основном устранить к концу 1941 года.

Желая сохранить мир как решающее условие строительства социализма в СССР, И. В. Сталин видел, что правительства Англии и других западных государств делают все, чтобы толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом, что, оказавшись в тяжелой военной обстановке и стремясь спасти себя от катастрофы, они крайне заинтересованы в нападении Германии на СССР. Вот почему он так недоверчиво воспринимал информацию западных правительств о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

Напомню только одну группу фактов, сведения о которых могли укрепить И. В. Сталина в его недоверии к указанной информации. Это секретные переговоры с фашистской Германией в Лондоне в том самом 1939 году, когда в СССР проводились военные переговоры с Англией и Францией, о которых я уже говорил.

Английские дипломаты предлагали гитлеровцам договориться о разграничении сфер влияния в мировом масштабе. Английский министр торговли Хадсон в переговорах с немецким тайным государственным советником Вольтатом, близким к фельдмаршалу Герингу, заявил, что перед обоими государствами находятся три обширные области, представляющие необъятное поприще для экономической деятельности: Британская империя, Китай и Россия. Обсуждались политические и военные вопросы, проблемы приобретения сырья для Германии и т.д. В переговоры включились другие лица; германский посол в Лондоне Дирксен доносил в Берлин, что подтверждает “тенденции конструктивной политики в здешних правительственных кругах”.

Попутно мне кажется уместным напомнить, что когда Гитлер вознамерился предложить Советскому Союзу вместе подумать над идеей раздела мира на сферы влияния, то встретил резкий и недвусмысленный отказ советской стороны, не пожелавшей даже говорить на эту тему. Об этом свидетельствуют документы и участники визита В. М. Молотова в ноябре 1940 года в Берлин.

Как известно, в конце апреля 1941 года У. Черчилль направил И. В. Сталину послание. В нем говорилось: “Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы, после того как они решили, что Югославия находится в их сетях, т.е. 20 марта начали переброску в южную часть Польши трех бронетанковых дивизий из пяти находящихся в Румынии. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов”.

И. В. Сталин к этому посланию отнесся с недоверием. В 1940 году в мировой печати стали циркулировать слухи о том, что английские и французские военные силы сами готовятся предпринять нападение на Северный Кавказ, бомбить Баку, Грозный, Майкоп. Затем появились документы, подтверждающие это. Одним словом, не только никогда не скрывавшиеся У. Черчиллем антисоветские, антикоммунистические взгляды и высказывания, но и многие конкретные факты дипломатической жизни того времени

могли побуждать И. В. Сталина настороженно воспринимать информацию из западных империалистических кругов.

Весной 1941 года в западных странах усилилось распространение провокационных сведений о крупных военных приготовлениях Советского Союза против Германии. Германская печать всячески раздувала эти сведения и сетовала на то, что такие сообщения омрачают советско-германские отношения.

— Вот видите, — говорил И. В. Сталин, — нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга. Это тонкая политическая игра.

Такие мысли высказывались И. В. Сталиным и раньше. Так, например, докладывая XVIII съезду партии в 1939 году, он говорил:

“Характерен шум, который подняла англо-французская, североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину... немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения... похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований”.

Помню, как однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную агентурную и наземную разведку, И. В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером и тот ему конфиденциально сообщил:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе.

Видимо, И. В. Сталин верил в эту версию, и все мероприятия по обороне страны, по усилению наших вооруженных сил он проводил как-то пассивно. Не скажу, что он отвергал наши предложения, но и не спешил с их принятием и не торопил тех, кто должен был проводить их в жизнь.

И. В. Сталин убеждал нас в том, что гитлеровская Германия надолго связала себя, ввязавшись в войну с Францией и Англией, и выйдет из нее настолько ослабленной, что ей потребуются многие годы, чтобы рискнуть развязать большую войну с Советским Союзом. Тем временем наша страна значительно окрепнет экономически, освоит воссоединенные с Советским Союзом районы Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии и закончит строительство укрепленных рубежей на новых государственных границах.

— Когда же все это будет нами сделано, — говорил И. В. Сталин — Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз.

Желая во что бы то ни стало избежать войны с Германией, Сталин строил свои расчеты на сомнительной основе.

Как известно, победитель обычно не выходит из войны ослабленным, но тогда, слушая И. В. Сталина, я как-то невольно заражался его убежденностью и верил, что, вопреки всем признакам, войну с Германией удастся на какой-то период оттянуть, а возможно и вовсе избежать. Как и другие, я считал его опытнейшим государственным рулевым. К сожалению, и у И. В. Сталина не хватило чувства реальности. Расчеты на то, что Германия выйдет из войны на Западе ослабленной, оказались неверными. Быстро разгромив Францию и сковав Англию, немцы получили богатейшие военно-экономические ресурсы и вскоре, перегруппировав свои основные силы с запада на восток, развернули их против Советского Союза.

Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, — нет никаких оснований утверждать, что И.В. Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта. Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении.

5 мая 1941 года И. В. Сталин выступил перед слушателями военных академий Красной Армии на приеме в честь выпускников.

Поздравив выпускников с окончанием учебы, И. В. Сталин остановился на тех преобразованиях, которые произошли за последнее время в армии.

— Товарищи, — говорил он, — вы покинули армию 3—4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили свой облик. Вы придете в армию, увидите много новинок.

Далее И. В. Стадии охарактеризовал изменения по отдельным родам и видам войск.

— Вы приедете в части из столицы, — продолжал И. В. Сталин, — вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Военная мысль германской армии движется вперед. Армия вооружилась новейшей техникой, обучилась новым приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Факт, что у Германии лучшая армия и по технике, и по организации. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнических, завоевательских войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Останавливаясь на причинах военных успехов Германии в Европе, И. В. Сталин говорил об отношении к армии в некоторых странах, когда об армии нет должной заботы, ей не оказана моральная поддержка. Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять.

Военная школа обязана и может вести обучение командных кадров только на новой технике, широко используя опыт современной войны. Кратко обрисовав задачи артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, И. В. Сталин подчеркнул, что нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы хорошо готовиться к войне, нужно не только создать современную армию, нужно подготовиться политически.

Итак, какие же выводы вытекают из приведенных фактов? Как оценить то, что было сделано до войны, что мы собирались сделать в ближайшее время и что не успели или не сумели сделать в укреплении обороноспособности нашей Родины? Притом оценить сегодня, после всего пережитого, критически рассматривая минувшее и в то же время вновь мысленно поставив себя на порог Великой Отечественной войны.

Я долго размышлял над всем этим и вот к чему пришел.

Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношениях делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств.

Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство и сплоченность наций, материально-духовная сила социалистического государства, высочайший патриотизм народа, руководство ленинской партии, готовой слить воедино фронт и тыл, — это была могучая основа обороноспособности гигантской страны, первопричина той грандиозной победы, которую мы одержали в борьбе с фашизмом.

То обстоятельство, что, несмотря на огромные трудности и потери, с 1 июля 1941 года по 1 сентября 1945 года советская промышленность произвела колоссальное количество вооружения — более 825 тысяч орудий и минометов, около 103 тысяч танков и самоходных орудий, более 134 тысяч самолетов, говорит о том, что основы экономики страны с военной, оборонной точки зрения были заложены правильно, прочно и своевременно{44}.

Вновь проследив мысленным взором ход строительства Советских Вооруженных Сил начиная со времен гражданской войны, должен сказать, что в основном и здесь мы шли верным путем. Советская военная доктрина, принципы воспитания и обучения войск, вооружение армии и флота, подготовка командных кадров, структура и организация вооруженных сил непрестанно совершенствовались в нужных направлениях. Всегда был исключительно высок моральный и боевой дух войск, их политическая сознательность и зрелость.

Конечно, если бы можно было заново пройти весь этот путь, кое от чего следовало бы отказаться и кое-что поправить. Но я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить. Период же с 1939 до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали Советской стране блестящую армию и подготовили ее к обороне.

Я свидетельствую об этом не затем, чтобы снять с себя долю ответственности за упущения того периода. Кстати говоря, каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба нельзя за четыре с половиной месяца всего достигнуть. О некоторых своих ошибках я уже говорил, о других речь впереди. Мне важно другое: помочь читателю, особенно молодежи, понять истинное положение вещей.

История действительно отвела нам слишком небольшой отрезок мирного времени для того, чтобы можно было все поставить на свое место. Многое мы начали правильно и многое не успели завершить. Сказался просчет в оценке возможного времени нападения фашистской Германии. С этим были связаны недостатки в подготовке к отражению первых вражеских ударов.

Положительные факторы, о которых я говорил, действовали постоянно, разворачиваясь все шире и мощнее, в течение всей войны. Они-то и обусловили победу. Фактор отрицательный — просчет во времени — действовал, постепенно затухая, но остро усугубил объективные преимущества врага, добавил к ним преимущества временные и обусловил тем самым наше тяжелое положение в начале войны.

В 1940 году партия и правительство приняли ряд дополнительных мер по усилению обороны страны. Однако экономические возможности не позволили в столь краткие сроки полностью провести в жизнь намеченные организационные и иные мероприятия по вооруженным силам. Война застигла страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил, создания необходимых мобилизационных запасов и государственных резервов. Не замышляя войны и стремясь ее избежать, советский народ вкладывал основные силы и средства в осуществление мирных хозяйственных планов.

В конце 1940-го и в начале 1941 года, когда на горизонте все больше и больше сгущались тучи войны, по решению правительства начали закладываться материальные средства в государственный резерв на случай войны, но в незначительных количествах. Что можно было при в общем-то ограниченных экономических возможностях заложить в госрезерв за полгода до войны?

Мобилизационные запасы вооруженных сил также были явно недостаточны, чтобы полностью обеспечить мобилизацию войск по планам и штатам военного времени.

Требования наркома обороны о массовом производстве новейших образцов самолетов, танков, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, средств связи и прочей боевой техники лимитировались, прежде всего, ограниченными экономическими возможностями.

В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом.

Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери. Это подтверждают успешные оборонительные действия частей и соединений в

районах Владимир-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на других участках юго-западного направления.

Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала и план войны. Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня, о чем нами тотчас же было доложено И.В. Сталину. Он тут же дал согласие на приведение войск в боевую готовность. Видимо, он и ранее получал такие важные сведения по другим каналам, но как в этих случаях поступал, нам до сих пор неизвестно.

В ходе войны мне стало известно: о сроках и планах войны у И. В. Сталина было немало сообщений. Большинство из них шло из Англии, США и Германии, но все сообщаемые сроки проходили, информация не оправдывалась, и в конце концов И. В. Сталин перестал верить в достоверность сообщений. Я до сих пор не знаю, что и как докладывал И. В. Сталину по этому вопросу генерал Ф. И. Голиков, и не могу сказать, как он относился к его информации.

Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 года, я ни разу не был информирован И. В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично.

По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не дается та информация, которая направляется И. В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили:

— Таково указание товарища Сталина.

Мы как-то с С. К. Тимошенко рискнули серьезно поговорить с И. В. Сталиным. С присущим ему лаконизмом он ответил:

— То, что вам следует знать, вам будет сообщено.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и наркому обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны.

Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР— непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали.

К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня.

К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы определенно и авторитетно ориентировать высшее руководство. Вот в связи с этим некоторые документы из военных архивов.

20 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”, а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана.

В докладе говорилось: “Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года: “...для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая”.

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта, указывалось далее в докладе, немецкий майор заявил: “Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой...”

Наконец, в этом документе со ссылкой на сообщение военного атташе из Берлина указывается, что “начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года”.

Однако выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали все их значение и вводили И.В. Сталина в заблуждение. В конце своего доклада генерал Ф.И. Голиков писал:

“1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки”. (Выделено мною. — Г. Ж.)

6 мая 1941 года И.В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов:

“Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит: ...что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...”

Данные, изложенные в этом документе, также имели исключительную ценность. Однако выводы адмирала Н. Г. Кузнецова не соответствовали приводимым им же фактам и дезинформировали И. В. Сталина.

“Полагаю, — говорилось в записке Н. Г. Кузнецова, — что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР”. (Выделено мною. — Г.Ж.)

Такого же характера информация поступала от посла СССР в Германии Деканозова. Он не только направлял И. В. Сталину через соответствующие органы сведения об отсутствии угрозы напа- дения, но накануне войны разрешил приехать в Берлин семьям многих сотрудников полпредства и торгпредства, которые в ночь на 22 июня были арестованы и отправлены в гестапо.

И. В. Сталин допустил непоправимую ошибку, доверившись ложным сведениям, которые поступали из соответствующих органов

Знало ли руководство Наркомата обороны и Генерального штаба об информации, которую И. В. Сталин получал по этой линии? Маршал С. К. Тимошенко после войны уверял меня, что он лично ничего не знал. Как начальник Генерального штаба, я также свидетельствую, что не был поставлен об этом в известность.

С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков — Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы заранее сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их.

Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали.

...Напряжение нарастало. И чем ближе надвигалась угроза войны, тем напряженнее работало руководство Наркомата обороны. Руководящий состав наркомата и Генштаба, особенно маршал С. К.Тимошенко, в то время работали по 18—19 часов в сутки, часто оставаясь в рабочих кабинетах до утра.

13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и настойчиво просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

И. В. Сталин сказал:

— Сейчас этого делать не следует, мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его.

— Ну, что? — спросил я.

— Велел завтра газеты читать, — раздраженно сказал С. К. Тимошенко и, поднявшись из-за стола, добавил: — Пойдем обедать.

14 июня в нашей печати было опубликовано сообщение ТАСС. В нем говорилось, что распространяемые иностранной, особенно английской, печатью заявления о приближающейся войне между Советским Союзом и Германией не имеют никаких оснований, так как не только Советский Союз, но и Германия неуклонно соблюдают условия советско-германского договора о ненападении, и что, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на Советский Союз лишены всякой почвы{45}.

Когда советский народ читал это оптимистическое сообщение ТАСС, фашистские генералы, собравшись в кабинете Гитлера, докладывали ему о полной готовности немецких войск к нападению на Советский Союз.

На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— С Германией у нас договор о ненападении, — сказал И. В. Сталин. — Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они, вместе взятые.

Нарком обороны С. К. Тимошенко попробовал возразить:

— Ну а если это все-таки случится? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.

— Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

Затем И. В. Сталин все же спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада. Из этого количества в составе:

Прибалтийского округа— 19 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, 1 отдельная бригада;

Западного округа — 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские;

Киевского округа— 32 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские;

Одесского округа— 13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные, 3 кавалерийские.

— Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, — сказал И. В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин, вспылив, сказал:

— Не во всем можно верить разведке...

Во время нашего разговора с И. В. Сталиным в кабинет вошел его секретарь А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит Н. С. Хрущев из Киева. И. В. Сталин взял трубку. Из ответов мы поняли, что разговор шел о сельском хозяйстве.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал И. В. Сталин.

Видимо, Н. С. Хрущев в радужных красках докладывал о хороших перспективах на урожай...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством.

Я решил пройтись немного пешком. Мысли мои были невеселые. В Александровском саду возле Кремля беспечно резвились дети. Вспомнил и я своих дочерей и как-то особенно остро почувствовал, какая громадная ответственность лежит на нас за всех ребят, за их будущее, за страну в целом.

Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть. Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!

И какой экономист, философ или писатель сможет достоверно обрисовать, как расцвела бы наша страна сегодня, как далеко мы ушли бы вперед, не прерви война широкое, мирное и могучее течение тех лет...

Я говорил уже о том, какие меры принимались, чтобы не дать повода Германии к развязыванию военного конфликта. Нарком обороны. Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за

последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина.

Больше того, командиры погранчастей НКВД получили спецуказание от Берии сообщать ему о всех нарушениях порядка выдвижения частей оперативного прикрытия.

Как сейчас помню, в первых числах июня меня вызвал С. К. Тимошенко.

— Только что звонил товарищ Сталин, — сказал он, — и приказал расследовать и доложить ему, кто дал приказ начальнику укрепленных районов занять Предполье на границах Украины. Такое распоряжение, если оно есть, немедленно отменить, а виновных в самочинных действиях наказать.

Такая постановка вопроса серьезно осложняла всякую самостоятельность командования и Генштаба.

Несмотря на строгий запрет, нарком обороны С. К. Тимошенко рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы, с тем чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания по планам прикрытия. Эта рекомендация наркома обороны проводилась в жизнь округами.

Мне было известно о том, что в Киевском округе подтягивалось к границе не менее пяти дивизий, однако командующие войсками округов и здесь допустили большую ошибку, а мы с наркомом своевременно не поправили округа. Эта ошибка состояла в следующем.

Дело в том, что дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний. В результате некоторые корпуса и дивизии войск прикрытия при нападении фашистской Германии оказались без значительной части своей артиллерии, что сыграло важную роль в неудачных действиях наших войск в первые дни войны.

Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

“Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41г.".

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота.

Что получилось из этого запоздалого распоряжения, мы увидим дальше.

Испытывая чувство какой-то сложной раздвоенности, возвращались мы с С. К. Тимошенко от И. В. Сталина.

С одной стороны, как будто делалось все зависящее от нас, чтобы встретить максимально подготовленными надвигающуюся военную угрозу: проведен ряд крупных организационных мероприятий мобилизационно-оперативного порядка; по мере возможности укреплены западные военные округа, которым в первую очередь придется вступить в схватку с врагом; наконец, сегодня получено разрешение дать директиву о приведении войск приграничных военных округов в боевую готовность.

Но, с другой стороны, немецкие войска завтра могут перейти в наступление, а у нас ряд важнейших мероприятий еще не завершен. И это может серьезно осложнить борьбу с опытным и сильным врагом. Директива, которую в тот момент передавал Генеральный штаб в округа, могла запоздать и даже не дойти до тех, кто завтра утром должен встретиться лицом к лицу с врагом.

Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня. Доехали мы с С. К. Тимошенко до подъезда наркомата молча, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы договорились через десять минут встретиться в его служебном кабинете.

Глава десятая. **Начало войны**

В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и наркома обороны шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по

ту сторону границы. Эти сведения они получали от пограничников и передовых частей прикрытия.

Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И. В. Сталину. Он спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

После смерти И. В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно иной.

Как я уже сказал, мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф. И. Кузнецовым, Д. Г. Павловым, М П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые, кроме Д. Г Павлова, находились на своих командных пунктах.

Под утро 22 июня Н. Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С К Тимошенко в его служебном кабинете

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф С. Октябрьский и сообщил' “Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний”.

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов.

В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С. К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И. В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В. М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

— Подождем возвращения Молотова, — ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в Приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И. В. Стадии. — Но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу.

Трудно было понять И. В. Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом. Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях.

Говорят, что в первую неделю войны И. В. Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В. М. Молотову. Это суждение не

соответствует действительности. Конечно, в первые часы И. В. Сталин был растерян. Но вскоре он вошел в норму и работал с большой энергией, правда, проявляя излишнюю нервозность, нередко выводившую нас из рабочего состояния.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива № 2 наркома обороны была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась нереальной, а потому и не была проведена в жизнь.

Вернувшись с С. К. Тимошенко в Наркомат обороны, мы выяснили, что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы в ряде мест разрушили проволочную связь. Они убивали делегатов связи, нападали на командиров. Радио средствами, как я уже говорил, значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена. Поэтому связь с войсками осуществлялась по воздушно-проволочным средствам связи.

Не имея связи, командармы и некоторые командующие округами выехали непосредственно в войска, чтобы на месте разобраться в обстановке. Но так как события развивались с большой быстротой, этот способ управления еще больше осложнил работу.

В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного и панического характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск точных сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение.

К 8 часам утра 22 июня Генеральным штабом было установлено, что:

— сильным ударам бомбардировочной авиации противника подверглись многие аэродромы Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов, где серьезно пострадала прежде всего авиация, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам;

— бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и в Прибалтике;

— завязались ожесточенные сражения с сухопутными войсками немцев вдоль всей нашей западной границы. На многих участках немцы уже вступили в бой с передовыми частями Красной Армии;

— поднятые по боевой тревоге стрелковые части, входившие в первый эшелон прикрытия, вступали в бой с ходу, не успев занять подготовленных позиций;

— на участке Ленинградского военного округа пока было спокойно, противник ничем себя не проявлял.

С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов.

И. В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов.

До 9 часов ничего существенного нам выяснить не удалось, так как штабы фронтов и командующие не могли получить от штабов армий и корпусов конкретных данных о противнике. Они просто не знали, где и какими силами наступают немецкие части, где противник наносит главные, а где второстепенные удары, где действуют его бронетанковые и механизированные соединения.

Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Со мной был первый заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин, у которого находилась карта с обстановкой стратегического фронта. По старой привычке проверять себя, перебрал в памяти взятые с собой бумаги: их было немного, в том числе проект решения о создании Ставки Главного Командования — высшего органа руководства военными действиями вооруженных сил. Документ был заранее разработан Генштабом и одобрен наркомом.

Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И. В. Сталина. Члены Политбюро уже находились там. Обстановка была напряженной. Все молчали.

И. В. Сталин молча ходил по кабинету с нераскуренной трубкой, зажатой в руке.

— Ну давайте, что там у вас? — сказал он.

С. К. Тимошенко доложил о проекте создания Ставки Главного Командования. И. В. Сталин посмотрел проект, но решения не принял и, положив бумагу на стол, коротко бросил:

— Обсудим на Политбюро.

Осведомившись об обстановке, И. В. Стадии сказал:

— В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Прочитав проект Указа о проведении мобилизации и частично сократив ее размеры, намеченные Генштабом, И. В. Сталин передал Указ А. Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета. Этим Указом с 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории четырнадцати, то есть почти всех военных округов, за исключением Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного, а также вводилось военное положение в европейской части страны. Здесь все функции органов государственной власти в отношении обороны, сохранения общественного порядка и обеспечения государственной безопасности переходили к военным властям. Им предоставлялось право привлекать население и все средства транспорта для оборонных работ и охраны важнейших военных и народнохозяйственных объектов.

22 июня Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.

Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем и бутербродами.

К исходу дня я был в Киеве в ЦК КП(б)У, где меня ждал Н. С. Хрущев. Он сказал, что дальше лететь опасно. Немецкие летчики гоняются за транспортными самолетами. Надо ехать на машинах. Получив от Н. Ф. Ватутина по ВЧ последние данные обстановки, мы выехали в Тернополь, где в это время был командный пункт командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса.

На командный пункт прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н. Ф. Ватутиным.

Вот что рассказал мне Николай Федорович:

— К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие.

По данным авиационной разведки, бои идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15—20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи

Затем генерал Н. Ф. Ватутин сказал, что И. В. Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

— Что это за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо, — сказал я, — ставьте мою подпись.

Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М. А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь.

Сложившееся положение было детально обсуждено на Военном совете фронта. Я предложил М. П. Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточении механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий “Юг”, прорвавшейся в районе Сокаля. К контрудару привлечь всю авиацию фронта и часть дальней бомбардировочной авиации Главного Командования. Командование и штаб фронта, быстро заготовив предварительные боевые распоряжения, передали их армиям и корпусам.

Надо отметить большую собранность и великолепные организаторские способности начальника штаба фронта М. А. Пуркаева и начальника оперативного отдела штаба фронта И. Х. Баграмяна, проявленные ими в этой очень сложной обстановке первого дня войны.

В 9 часов утра 23 июня мы прибыли на командный пункт командира 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева. Я хорошо знал его еще по работе в Киевском особом военном округе. По внешнему виду комкора и командиров штаба нетрудно было догадаться, что они совершили нелегкий путь. Они очень быстро прошли из района Дрогобыча в район Броды, настроение у них было приподнятое. Глядя на Д. И. Рябышева и командиров штаба, я вспомнил славную 11-ю танковую бригаду, ее командира, отважного комбрига М. П. Яковлева, вспомнил, как отважно громили противника бойцы этой бригады у горы Баин-Цаган на Халхин-Голе. “Да, эти люди будут и теперь драться не хуже, — подумал я. — Лишь бы не опоздать с контрударом...”

Д. И. Рябышев показал на карте, где и как располагается корпус. Он коротко доложил, в каком состоянии его части.

— Корпусу требуются сутки для полного сосредоточения, приведения в порядок материальной части и пополнения запасов, — сказал он. — За эти же сутки будет произведена боевая разведка и организовано управление корпусом. Следовательно, корпус может вступить в бой всеми силами утром 24 июня.

— Хорошо, — ответил я. — Конечно, лучше было бы нанести контрудар совместно с 9, 19 и 22-м механизированными корпусами, но они, к сожалению, выходят в исходные районы с опозданием. Ждать полного сосредоточения корпусов нам не позволит обстановка. Контрудару 8-го механизированного корпуса противник может противопоставить сильный танковый и противотанковый артиллерийский заслон. Учитывая это обстоятельство, нужно тщательно разведать местность и противника.

Только Д. И. Рябышев что-то хотел сказать мне, как раздалась команда: “Воздух!”.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — спокойно заметил Дмитрий Иванович, — а мы еще не успели вырыть противовоздушные щели. Так что, товарищ генерал армии, придется условно считать, что мы уже укрыты в щели.

— Вы, Дмитрий Иванович, что-то хотели сказать?

— Я хотел предложить, может быть, мы сейчас перекусим?

— Неплохая мысль. У меня, кажется, в машине кое-что есть.

В палатку вошли начальник штаба корпуса и другие командиры штаба. Не успели они представиться, как послышался характерный вой немецкого пикирующего бомбардировщика и тотчас же последовали разрывы авиационных бомб. Я посмотрел на Д. И. Рябышева и присутствовавших командиров. Видна была только деловая сосредоточенность. Они чувствовали себя примерно так же, как на полевых учениях. “Молодцы, — подумалось мне. — С такими войну не проигрывают...”

Договорившись с командиром корпуса по принципиальным вопросам, к вечеру мы вернулись в Тернополь на командный пункт фронта.

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос доложили:

— На всех участках фронта идут бои. Главное предельно ожесточенное сражение разыгрывается в районе Броды—Дубно—Владимир—Волынский, 9-й и 19-й механизированные корпуса 25 июня выходят в леса в районе Ровно. Мы решили, — сказал командующий фронтом, — 24 июня, не ожидая полного сосредоточения корпусов, начать контрудар на Клевань и Дубно. Командующий 5-й армией, кроме 22-го мехкорпуса, должен объединить действия 9-го и 19-го механизированных корпусов и оказать им необходимую помощь.

Решение было разумным, и я согласился с командованием фронта, предложив, однако, проверить обеспечение взаимодействия между корпусами и авиацией фронта.

24 июня в наступление перешел 8-й механизированный корпус Д. И. Рябышева в направлении на Берестечко. Мы возлагали большие надежды на этот корпус. Он был лучше других укомплектован новейшей танковой техникой и неплохо обучен, 15-й механизированный корпус под командованием генерала И. И. Карпезо наступал восточнее Радехова. Удар этих корпусов, в частности удачные действия 8-го механизированного корпуса, очень скоро почувствовали немецкие войска. Особенно это сказалось после разгрома 57-й пехотной дивизии, которая прикрывала правый фланг 48-го мотокорпуса группы Клейста.

Для 48-го мотокорпуса противника в этот день создалась довольно тяжелая обстановка, и гитлеровцы были вынуждены бросить против нашего контрудара всю свою авиацию. Это только и спасло их от разгрома. Противнику пришлось подтянуть против советских частей дополнительно 44-й армейский корпус и другие войска.

Вот что записал в тот день в служебном дневнике начальник генштаба сухопутных войск германской армии генерал-полковник Гальдер:

“Противник все время подтягивает из глубины новые, свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено передвижение”.

Так войсками Юго-Западного фронта успешно был нанесен один из первых контрударов по немецко-фашистским войскам. Его сила могла быть еще большей, если бы в руках командования фронта была более мощная авиация для взаимодействия с механизированными корпусами и хотя бы еще 1—2 стрелковых корпуса.

Находясь на командном пункте Юго-Западного фронта, мы сосредоточили главное внимание на дубненском направлении, где развернулись главные сражения на Украине.

Из разговоров по телефону с командующим 6-й армией генералом И. Н. Музыченко и командующим 26-й армией генералом Ф. Я. Костенко мне стало известно, что наступавшая 17-я армия противника нанесла главный удар на львовском направлении.

Привожу запись переговоров по прямому проводу с генерал-лейтенантом Ф. Я. Костенко, состоявшихся 25 июня 1941 года в 10 ч. 30 м.—10 ч. 55м.

У аппарата Костенко.

Жуков. У меня к вам несколько вопросов. Держите ли вы связь с левым флангом 97-й стрелковой дивизии?

Костенко. Вчера вечером посылал отряд, связался с дивизией в районе Яворув, там же находится штаб 6-го корпуса.

Жуков. Где правый фланг 99-й стрелковой дивизии?

Костенко. Правый фланг сейчас загнул восточнее Гусаку.

Жуков. Где и каковы ваши резервы?

Костенко. Подходят два полка. Один полк, снятый с фронта, к 11.00 25.6 подходит к Добромилю, второй полк, также снятый с фронта, в движении в район Самбора, подходит к Хырову.

В Самбор идет мой резервный батальон и 12 танков, которым поставлена задача — прикрыть с севера Самбор и вести разведку в направлении Мостиска...

Жуков. В чьих руках Перемышль?

Костенко. В наших...

Жуков. Сколько, считаете, перед вами войск противника?

Костенко. Против 99-й дивизии до двух пехотных дивизий и какая-то мотоциклетная часть — до 200 мотоциклов, а на остальном фронте — до двух дивизий, прием горных частей.

Жуков. Хорошо, все ясно. Я сейчас на командном пункте товарища Кирпоноса. Жму вам руку! Желаю успеха. Нет ли у вас ко мне вопросов?

Костенко. У меня была просьба к командующему фронтом дать мне хотя бы один танковый полк. Необходимо!

Жуков. Понятно. В отношении машин подумаем.

Костенко. Самолетов связи в штабе армии ни одного.

Жуков. Хорошо. Откуда-нибудь выкроим. Знаете ли вы обстановку?

Костенко. Обстановку знаю, с 6-й армией имею проводную связь.

Жуков. Хорошо. До свидания!

Чувствовалось, что Костенко, как всегда, был уверен, что выполнит дело, которое ему было поручено, отдаст этому всю свою энергию и способности, а если понадобится, то и жизнь.

Пленные немцы показали, что с захватом Равы-Русской их командование предполагало ввести в дело 14-й моторизованный корпус. Рава-Русский укрепленный район с первых минут войны оборонялся 35-м и 140-м отдельными пулеметными батальонами, 41-й стрелковой дивизией генерал-майора Г. Н. Микушева и пограничным отрядом майора Я. Д. Малого.

Командование 17-й немецкой армии развернуло на этом участке пять пехотных дивизий. Несмотря на мощный артиллерийский огонь, авиационные удары и настойчивые атаки, вражеским войскам не удалось захватить Рава-Русский укрепленный район и сломить сопротивление 41-й стрелковой дивизии. Во второй половине дня 22 июня 41-я дивизия, имевшая в своем составе два артиллерийских полка, дополнительно была усилена 209-м корпусным артиллерийским полком, вооруженным 152-миллиметровыми орудиями. Войска противника в этот день понесли большие потери, не достигнув успеха.

Перемышльский укрепленный район оборонялся 52-м и 150-м отдельными пулеметными батальонами и 92-м пограничным отрядом. Части укрепленного района заняли свои сооружения к 6 часам утра 22 июня, и им вместе с пограничниками и вооруженными отрядами рабочих и служащих пришлось первыми принять на себя огонь и атаки врага.

Несколько часов мужественные защитники города сдерживали натиск превосходящего по своим силам противника. Затем по приказу начальника 92-го погранотряда они отошли за город, где вновь задержали противника. Это позволило подтянуть к Перемышлю 99-ю стрелковую дивизию полковника Н. И. Дементьева. 23 июня совместно со сводным батальоном пограничников она перешла в контратаку и выбила фашистов из города.

23 июня немцы возобновили атаки, особенно сильные на рава-русском направлении. Кое-где вражеским частям удалось вклиниться в оборону 41-й дивизии, но благодаря твердому руководству генерала Г. Н. Микушева противник контратакой был вновь отброшен в исходное положение.

Однако к исходу этого дня немецкие войска нашли уязвимое место: они нанесли сильный удар на стыке Рава-Русского и Перемышльского районов, который оборонялся 97-й и 159-й стрелковыми дивизиями. Последняя, находившаяся в стадии развертывания, имела в своем составе значительное количество солдат из необученного запаса. Не сумев выдержать атаку противника, она начала отход, создав тяжелую ситуацию для соседних частей. Предпринятые командующим 6-й армией генералом И. Н. Музыченко контрмеры положение не выправили, и к исходу 24 июня разрыв обороны достиг здесь 40 километров.

Укрепленные Рава-Русский и Перемышльский районы все еще продолжали успешно отражать вражеские атаки. 99-я дивизия, нанося большие потери противнику, не сдала ни одного метра своих позиций. За героические действия она была награждена орденом Красного Знамени.

Так же успешно действовала и 41-я стрелковая дивизия. Лишь в связи с вклинением значительной группы вражеских войск на участке 159-й дивизии и угрозой обхода укрепленных районов в ночь на 27 июня командованием фронта она была отведена на тыловые рубежи.

Что касается 99-й стрелковой дивизии, то она удерживала Перемышль в течение 23—28 июня и только утром 29 июня по приказу командования оставила город.

25—26 июня боевые действия продолжались с нарастающей силой. Противник бросил сюда всю боевую авиацию. В воздухе и на земле происходили ожесточенные схватки. Обе стороны несли большие потери. Зачастую немецкая авиация не выдерживала смелых ударов наших летчиков и отходила на свои аэродромы.

В связи с выходом передовых частей противника в район Дубно генерал Д. И. Рябышев получил приказ повернуть туда свой 8-й корпус, 15-й механизированный корпус нацеливал основные силы в общем направлении на Берестечко и далее тоже на Дубно. В район Дубно направлялись и подходившие 36-й стрелковый и 19-й механизированный корпуса. Ожесточенное сражение в районе Дубно началось 27 июня.

Немцы сразу же усилили свои войска 55-м армейским корпусом. Это спасло дубненскую группировку врага от полного разгрома. Понеся большие потери, противник вынужден был снимать войска с других направлений и перебрасывать их к Дубно.

Нашим войскам не удалось полностью разгромить противника и приостановить его наступление, но главное было сделано: вражеская ударная группировка, рвавшаяся к столице Украины, была задержана в районе Броды—Дубно и обессилена.

В 17 часов 24 июня у меня состоялся разговор по “Бодо” с командующим 5-й армией генералом М. И. Потаповым.

Прежде чем изложить суть переговоров, хочу сказать, что Михаил Иванович был весьма опытный генерал, получивший хорошую практику в битвах на Халхин-Голе. Это был смелый и расчетливый командарм, и не случайно 5-ю армию хорошо знало немецкое командование, не раз получая от нее чувствительные удары.

Кратко излагаю наш разговор, довольно типичный для первых дней войны.

У аппарата Потапов.

Жуков. Доложите обстановку.

Потапов. На фронте Влодава—Устилуг действует до пяти пехотных дивизий и до двух тысяч танков{46}. Главная группировка танков противника — на фронте Дубенка—Городло. От Устилуга до Сокаля — до 6 пехотных дивизий с 14-й бронетанковой дивизией. Главное направление этой бронетанковой дивизии — Владимир-Волынский—Луцк. В стыке между 5-й и 6-й армиями — мехчасти неустановленной силы. Главный удар противник наносит в направлении Владимир-Волынский—Луцк, вспомогательный — из Бреста на Ковель.

Докладываю положение частей нашей армии на 14 часов 20 минут 24 июня 1941 года.

Федюнинский занимает фронт Пулемец—Куснищи—Вишнев— Никитичи. Его 87-я стрелковая дивизия двумя полками занимает УРы в районе Устилуга и ведет бой в окружении; у нее ощущается недостаток боеприпасов.

О 124-й дивизии сведений со вчерашнего вечера не имею.

41-я танковая дивизия в районе Мацеюв—Ст. Кошары после боя приводит в порядок материальную часть.

135-я дивизия с 14.00 во взаимодействии с 19-й танковой и одним полком 87-й стрелковой дивизии при поддержке 1-й противотанковой бригады и всей артиллерии корпуса атакует в направлении Владимир-Волынского.

Луцк имеет круговую оборону, но очень жидкую. Главное, чего я опасаюсь, это удара танковых частей противника с юга в направлении Луцка, что создаст угрозу борьбы на два фронта.

Парировать ударом в южном направлении у меня нет абсолютно никаких сил...

Прошу усилить помощь действиями бомбардировочной авиации, добиться недопущения переправы танковых частей на фронте Дубенка—Городло, задержать продвижение танковых частей с брестского направления и оказать помощь действиями штурмовой и истребительной авиации в уничтожении владимир-волынской группировки противника.

У меня нет никаких резервов, 9-й мехкорпус может сосредоточиться, имея до двухсот старых танков, в районе Олыка не ранее как через двое суток.

Телефонная связь повсеместно разрушена, только восстановим — противник действиями авиации разрушает ее вновь. По радио имею устойчивую связь со стрелковыми корпусами...

Прошу указаний о дальнейших действиях.

Жуков. Первое. Сосед справа ведет бой в районе Пружаны—Городец.

Выход из Бреста на Ковель части сил противника является следствием недостаточно организованных действий Коробкова.

Вам надлежит завернуть фланг в брестском направлении и закрыть подходы к Ковелю.

Второе. Музыченко ведет успешные бои севернее Каменки-Струмиловской, Равы-Русской и далее по госгранице. Противник, введя мощную группу танков, разорвал стык между 5-й и 6-й армиями и стремится захватить Броды.

Третье. Карпезо и Рябышев наносят контрудары в таких направлениях: Карпезо через Броды на северо-запад, основные бои к настоящему времени проходят, видимо, километрах в пятнадцати северо-западнее Броды; Рябышев левее — в северном направлении. Этим маневром вам будет оказана помощь.

Цель контрудара заключается в том, чтобы разгромить противника в районе Броды—Крыстынополь и далее к северу, дав возможность вам привести в порядок части и организовать устойчивый фронт... В район Луцка, севернее и южнее, будут выведены 19-й и 9-й мехкорпуса и два стрелковых корпуса, для того чтобы усилить вашу группировку.

В отношении авиации меры будут приняты.

По радио от вас ничего не получено и не расшифровано.

Надо будет выслать на самолете специалиста для выяснения технических разногласий в радиопередаче и в шифровании.

Повторяю: прочно закройте с севера подходы на Ковель, не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки без танков, ибо это ничего не даст. Надо помочь снарядами и боеприпасами 87-й стрелковой дивизии. Подумайте, нельзя ли ночью вывести ее из окружения.

Как действуют ваши КВ и другие? Пробивают ли броню немецких танков и сколько примерно танков потерял противник на вашем фронте?

Потапов. Мне подчинена 14-я авиадивизия, которая к утру сегодняшнего дня имела 41 самолет. В приказе фронта сказано, что нас прикрывают 62-я и 18-я бомбардировочные дивизии. Где они — мне неизвестно, связи с ними у меня нет.

Танков КВ больших имеется 30 штук. Все они без снарядов к 152-миллиметровым орудиям.

У меня имеются танки Т-26 и БТ, главным образом старых марок, в том числе и двухбашенные.

Танков противника уничтожено примерно до сотни.

Ваш приказ мне ясен. Есть у меня опасение: успею ли я загнуть правый фланг Федюнинского и прочно закрыть подходы с севера. Ведь танки противника к настоящему времени находятся в районе Ратно. Во всяком случае, я сейчас немедленно приму все меры к тому, чтобы выполнить полученный приказ.

Жуков. 152-миллиметровые орудия КВ стреляют снарядами 09—30 гг., поэтому прикажите выдать немедля бетонобойные снаряды 09—30 гг. и пустить их в ход. Будете лупить танки противника вовсю. В остальном помощь организуем. Я на вас и Никишева крепко надеюсь. Ночью или завтра буду у вас. До свидания!..

Чтобы продолжить наступление на киевском направлении, немецкому командованию потребовалось перебросить из стратегических резервов значительную группу войск и сотни танков с экипажами на пополнение частей фон Клейста.

Если бы в войсках Юго-Западного фронта была лучше организована сухопутная и воздушная разведка, более тщательно отработано взаимодействие и управление войсками, результат контрудара был бы еще значительнее.

В этих сражениях показали себя с самой лучшей стороны 22-й механизированный корпус под командованием генерал-майора С. М. Кондрусева, 27-й стрелковый корпус 5-й армии генерал-майора П. Д. Артеменко, 8-й мехкорпус Д. И. Рябышева.

Притом действия 8-го механизированного корпуса могли дать больший эффект, если бы комкор не разделил корпус на две группы и вдобавок не поручил командование одной из групп бригадному комиссару Н. К. Попелю), не имевшему достаточной оперативно-тактической подготовки для руководства большим сражением.

15-й механизированный корпус генерала И.И. Карпезо выполнил свою задачу, к сожалению, не в полную меру своих значительных по тому времени возможностей.

Наша историческая литература как-то лишь в общих чертах касается этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови.

Небезынтересна оценка, которую дал этому сражению в своих воспоминаниях бывший командующий 3-й немецкой танковой группой генерал Гот:

“Тяжелее всех пришлось группе "Юг". Войска противника, оборонявшегося перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника”.

Из переговоров в те дни по ВЧ с генералом Н. Ф. Ватутиным мне было известно, что на Западном и Северо-Западном фронтах командующие и штабы пока еще не имеют устойчивой связи с командующими армиями. Дивизиям и корпусам приходится драться с врагом изолированно, без взаимодействия с соседними войсками и авиацией и без надлежащего руководства высших инстанций. Из сообщений Николая Федоровича мне стало ясно, что на Западном и Северо-Западном фронтах сложилась почти катастрофическая обстановка.

Николай Федорович говорил, что И. В. Сталин нервничает и склонен винить во всем командование Западного фронта, его штаб, упрекает в бездеятельности маршала Г. И. Кулика. Маршал Б. М. Шапошников, находившийся при штабе Западного фронта, сообщил, что Г. И. Кулик 23 июня был в штабе 3-й армии, но связь с ней прервалась.

Однако через некоторое время с помощью различных источников Генштабу удалось установить, что крупные группировки бронетанковых и моторизованных войск противника прорвались на ряде участков этих фронтов и быстро продвигаются в пределы Белоруссии и Прибалтики...

Начались суровые испытания для советского народа.

В последние годы принято обвинять И. В. Сталина в том, что он не дал указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло бы получиться в таком случае — хуже или лучше. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге страны.

К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана “Барбаросса” в начале войны. (Выделено мною. — Г. Ж.)

Рано утром 26 июня генерал Н. Ф. Ватутин сообщил мне на командный пункт в Тернополь:

— Дела в Прибалтике и Белоруссии сложились крайне неблагоприятно, 8-я армия Северо-Западного фронта отходит на Ригу. 11-я армия пробивается в направлении Полоцка; для

усиления фронта перебрасывается из Московского военного округа 21-й механизированный корпус.

Товарищ Сталин приказал сформировать Резервный фронт и развернуть его на линии Сущево—Невель—Витебск—Могилев— Жлобин—Гомель—Чернигов—река Десна—река Днепр. В состав Резервного фронта включаются 19, 20, 21 и 22-я армии.

В основном это был тот рубеж, который мы с наркомом С. К. Тимошенко и группой работников Генштаба рекогносцировали в мае этого года, предполагая провести здесь командно-штабные учения для проверки наших расчетов по организации управления войсками оперативного масштаба.

Надо прямо сказать, что ни командование фронтов, ни Ставка Главного Командования, ни Генеральный штаб в эти дни все еще не имели полных сведений о войсках противника, развернувшихся против наших фронтов. О танках, авиации и моторизованных частях Генеральный штаб получал с фронтов явно преувеличенные сведения. Сейчас, когда в наших руках имеются почти исчерпывающие сведения о группировках сторон, для полноты картины первых дней войны следует рассмотреть дислокацию советских войск приграничных военных округов, а затем и немецких войск, вторгшихся тогда в нашу страну.

По этому вопросу написано немало статей и книг, но в ряде случаев тенденциозно и без знания дела.

В этих работах сообщалось, что 170 наших дивизий накануне войны были рассредоточены на обширной территории: до четырех с половиной тысяч километров по фронту от Баренцева до Черного моря и на четыреста километров в глубину, не имея необходимой для отпора врагу плотности на основных направлениях.

Это не совсем так. Общее расстояние от Баренцева до Черного моря действительно составляет 4,5 тысячи километров, если считать не только сухопутные участки пяти приграничных округов, но и все морское побережье, которое прикрывалось лишь береговой обороной и Военно-Морским Флотом.

Но дело в том, что от Таллина до Ленинграда на побережье Финского залива войск вообще не было. Поэтому 170 наших дивизий в действительности занимали всего лишь 3375 километров, а не 4,5 тысячи километров. На протяжении сухопутной границы советские войска находились в различных группировках далеко не равной плотности, в зависимости от местных условий и оперативно-тактической значимости каждого данного участка.

Так, на Северном фронте (Ленинградский военный округ) протяженностью 1275 километров располагались всего двадцать одна дивизия и одна стрелковая бригада, в среднем на дивизию приходился почти 61 километр.

На сухопутных участках Прибалтийского, Западного, Киевского особых военных округов и Одесского военного округа протяженностью 2100 километров дислоцировались 149 дивизий и 1 бригада. В среднем на дивизию на этом важнейшем участке приходилось немногим больше 14 километров. Таковы факты.

Эти силы накануне войны находились в следующих округах:

Прибалтийский особый военный округ (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Дибров, начштаба генерал-майор П. С. Кленов) имел 25 дивизий, в том числе 4 танковые, 2 моторизованные дивизии и 1 стрелковую бригаду.

Западный особый военный округ (командующий генерал армии Д. Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Фоминых, начштаба генерал-майор В. Е. Климовских) имел 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские дивизии.

Киевский особый военный округ (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного совета дивизионный комиссар Е. П. Рыков, начштаба генерал-лейтенант М. А. Пуркаев) имел 32 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские дивизии.

Одесский военный округ (командующий генерал-лейтенант Я. Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков, начштаба генерал-майор М. В. Захаров) включал 13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии.

Как видим, самая сильная группировка наших войск находилась в составе юго-западного направления (КОВО и ОдВО). Она насчитывала 45 стрелковых, 20 танковых, 10 моторизованных, 5 кавалерийских дивизий.

Из числа 149 дивизий и 1 бригады четырех западных приграничных округов 48 дивизий входили в состав первого эшелона армий прикрытия и были расположены в удалении от государственной границы на 10—50 километров (стрелковые ближе, танковые дальше). Главные силы приграничных округов располагались в 80—300 километрах от государственной границы.

Фланги приморских военных округов прикрывались Военно-Морским Флотом и береговой обороной, которая в основном состояла из артиллерии.

Непосредственно на границе находились пограничные части НКВД.

Из всего этого следует — никакой равномерной разбросанности вдоль всей нашей границы войск перед вражеским нападением У нас не было и, конечно, не в этом следует искать причины поражения наших войск в начале войны.

Основные причины состояли в том, что война застала наши вооруженные силы в стадии их реорганизации и перевооружения более совершенным оружием; в том, что наши приграничные войска своевременно не были доведены до штатов военного времени, не были приведены в полную боевую готовность и не развернуты по всем правилам оперативного искусства для ведения активной стратегической обороны.

Те меры, которые проводились, оказались полумерой. Все эти недостатки еще больше увеличили преимущества противника, который и без того превосходил наши войска в количественном и качественном отношении, а так как стратегическая инициатива находилась у противника — все эти факторы сыграли решающую роль в начале войны.

Ранее я уже говорил о некоторых обстоятельствах, обусловивших наши поражения в начале войны. О других фактах подобного рода речь пойдет впереди, но сейчас мне хотелось бы заметить, что ошибки, допущенные руководством, не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошности и просчеты.

Каждый военачальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указания свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц.

Итак, главное командование немецких войск сразу ввело в действие 153 дивизии, укомплектованные по штатам военного времени, из них: 29 дивизий против Прибалтийского, 50 дивизий (из них 15 танковых) против Западного особого, 33 дивизии (из них 9 танковых и моторизованных) против Киевского особого округа, 12 дивизий против Одесского округа и до 5 дивизий находилось в Финляндии. 24 дивизии составляли резерв и продвигались на основных стратегических направлениях.

Эти данные нам стали известны в ходе начального периода войны, главным образом из опроса пленных и из трофейных документов. Накануне войны И. В. Сталин, нарком обороны и Генеральный штаб, по данным разведки, считали, что гитлеровское командование должно будет держать на Западе и в оккупированных странах не менее 50 процентов своих войск и ВВС.

На самом деле к моменту начала войны с Советским Союзом гитлеровское командование оставило там меньше одной трети, да и то второстепенных дивизий, а вскоре и эту цифру сократило.

В составе групп армий “Север”, “Центр” и “Юг” противник ввел в действие около 4300 танков и штурмовых орудий. Сухопутные войска поддерживались 4980 боевыми самолетами. Войска вторжения превосходили нашу артиллерию почти в два раза, артиллерийская тяга в основном была моторизована.

Не раз возвращаясь мысленно к первым дням войны, я старался осмыслить и проанализировать ошибки оперативно-стратегического характера, допущенные собственно военными — наркомом. Генеральным штабом и командованием округов — накануне и в начале войны.

Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов.

Далее. Накануне войны 3, 4 и 10-я армии Западного округа были расположены в белостокском выступе, вогнутом в сторону противника, 10-я армия занимала самое невыгодное расположение. Такая оперативная конфигурация войск создавала угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара под фланги. Между тем дислокация войск фронта на гродненско-сувалковском и брестском направлениях была недостаточно глубокой и мощной, чтобы не допустить здесь прорыва и охвата белостокской группировки.

Это ошибочное расположение войск, допущенное в 1940 году, не было устранено вплоть до самой войны. Когда главные группировки противника смяли фланги войск прикрытия и прорвались в районе Гродно и Бреста, надо было быстро отвести 10-ю армию и примыкавшие к ней фланги 3-й и 4-й армий из-под угрозы окружения, рокировав их на тыловые рубежи — на угрожаемые участки, где они могли значительно усилить сопротивляемость действующих там соединений. Но этого сделано тогда не было.

Аналогичная ошибка повторилась и с армиями Юго-Западного фронта, которые также с запозданием отводились из-под угрозы окружения.

Вполне закономерно возникает вопрос: почему Главное Командование и командование фронтами так неосмотрительно руководили войсками в начале войны? Считаю, что во всем этом сказывалось отсутствие у всех нас тогда достаточного опыта руководства войсками в сложной обстановке больших ожесточенных сражений, разыгравшихся на огромном пространстве.

Следует указать и еще на одну ошибку, допущенную Главным Командованием и Генштабом, о которой я уже частично говорил. Речь идет о контрнаступлении согласно директиве № 3.

Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы.

В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильными могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы крайне плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели.

Неблагоприятно на ходе сражений в первые дни сказывалось еще одно обстоятельство. Некоторые командармы, вместо того чтобы организовать твердое управление со своих командных пунктов и поддерживать связь с соседями, штабом фронта и ВВС, бросались в части и отдавали указания, не зная об обстановке на других участках армий фронта. Тем самым командиры частей и соединений ставились в трудные условия. Не имея устойчивой связи с вышестоящим командованием, они были вынуждены действовать по своему разумению, как им казалось целесообразным, и довольно часто в ущерб соседям.

Так, неорганизованный отход 3-й армии из района Гродно и 4-й из района Бреста резко осложнил ситуацию для 10-й армии, которой командовал генерал-майор К. Д. Голубев.

10-я армия, не испытывая сильного давления противника, все еще дралась, опираясь на Осовецкий укрепленный район.

Прибывший туда заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант И. В. Болдин возглавил конно-механизированную группу в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов и соединений 6-го кавалерийского корпуса.

23 июня был нанесен контрудар во фланг прорвавшейся группировки противника из сувалковского выступа, но успех не был достигнут. И. В. Болдину не удалось сосредоточить в нужных районах все соединения для контрудара. Причиной тому была разбросанность соединений и неудовлетворительная связь. Противнику удалось сковать инициативу наших войск.

В этот день здесь фактически активно действовал лишь 11-й механизированный корпус под командованием генерал-майора Д. К. Мостовенко. 6-й механизированный корпус под командованием генерал-майора М. Г. Хацкилевича. обороняясь в составе 10-й армии на реке Нарев, не мог своевременно сосредоточиться для контрудара. Пока его выводили из боя и собирали, время было потеряно. Части 6-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора И. С. Никитина, находившиеся под непрерывными ударами авиации противника, неся большие потери, задержались на марше.

В течение 24 июня в районе Гродно развернулось ожесточенное сражение.

Несмотря на превосходство в воздухе, для противника в районе Гродно создалась сложная обстановка. Командование группы армий “Центр” было вынуждено бросить сюда еще два армейских корпуса и повернуть некоторые части 3-й танковой группы.

Кровопролитные бои продолжались и 25-го, но из-за отсутствия должного материально-технического снабжения войска контрударной группировки не смогли эффективно вести наступательное сражение. В ходе боев они понесли значительные потери и начали отход. Танкистам не удалось полностью вывести из боя материальную часть из-за отсутствия горючего.

Из этого сражения не вернулся комкор М.Г. Хацкилевич. Это был хороший командир, смелый человек. С ним меня связывала многолетняя дружба еще со времен работы в Инспекции кавалерии в начале тридцатых годов. Не вышел из боя и генерал И.С. Никитин, который заслуженно имел репутацию умного, волевого и храброго командира кавалерийского корпуса.

Острие самой мощной группировки германских сухопутных и военно-воздушных сил на нашем западном стратегическом направлении было направлено на Москву. Против Западного фронта действовали войска группы армий “Центр”, куда входили две полевые армии (4-я и 9-я) и две танковые группы (2-я и 3-я). Группу армий “Центр” поддерживал 2-й воздушный флот, в составе которого был целый корпус пикирующих бомбардировщиков. Войска группы армий “Центр” были хорошо оснащены артиллерией, моторизованными, инженерно-строительными частями и сильной вспомогательной техникой.

Здесь на всех направлениях своих главных ударов немецкие войска создали 5—6-кратное превосходство. Действия главных группировок непрерывно поддерживались ударами с воздуха.

Тяжелая обстановка сложилась в районе Бреста. Однако сломить сопротивление защитников Брестской крепости врагу не удалось, осажденные герои дали достойный отпор. Для немцев брестская эпопея оказалась чем-то совершенно неожиданным: бронетанковым войскам группы Гудериана и 4-й немецкой полевой армии пришлось обойти город и крепость.

На войска нашей 4-й армии (командующий генерал-майор А. А. Коробков) обрушился удар не меньшей силы, чем в районе Гродно на войска 3-й армии (командующий генерал-лейтенант В. И. Кузнецов). Но, имея в своих руках героический Брест и расположенные недалеко части 22-й танковой дивизии, 6, 42, 49-ю и 75-ю стрелковые дивизии, командование 4-й армии могло бы более организованно вести оборонительные действия. Этого, к сожалению, не произошло даже тогда, когда командование армии получило в свое распоряжение 14-й механизированный корпус.

Что же происходило в эти дни на дальних подступах к Минску?

Не зная точно положения в 3, 10-й и 4-й армиях, не имея полного представления о прорвавшихся бронетанковых группировках противника, командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов часто принимал решения, не отвечавшие обстановке.

Понеся большие потери в приграничном сражении, войска 3, 10-й и 4-й армий, мужественно отбиваясь от наседавшего противника, отходили на восток. Героически сдерживали натиск врага и четыре дивизии 13-й армии: 26 и 27 июня они вели бои в Минском укрепленном районе.

По указанию Ставки Главного Командования генерал армии Д. Г. Павлов приказал 3-й и 10-й армиям отходить на восток и занять оборону на линии Лида—Слоним—Пинск. Но это никак не могло быть выполнено, так как эти армии были полуокружены, истощены и с трудом пробивались под непрерывными ударами немецкой авиации и бронетанковых войск.

26 июня 39-й мотокорпус противника подошел к Минскому укрепленному району, где с ним столкнулись направлявшиеся сюда части 44-го стрелкового корпуса под командованием генерала В. А. Юшкевича.

С целью усиления обороны Минска со стороны Молодечно на северо-западные подступы к городу был срочно выдвинут 2-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора А. Н. Ермакова. В его состав входили 100-я и 161-я стрелковые дивизии.

Однако с выходом на юго-западные подступы к Минску 47-го моторизованного корпуса танковой группы Гудериана положение оборонявшихся войск резко ухудшилось.

Враг жестоко бомбил Минск. Город был объят пламенем. Умирали тысячи мирных жителей. Гибнущие ни в чем не повинные люди посылали свои предсмертные проклятия озверевшим фашистским летчикам...

На ближних подступах к Минску развернулась упорная борьба. Особенно хорошо дрались части 64, 100-й и 161-й стрелковых дивизий. Они уничтожили более сотни танков противника и тысячи фашистов.

26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеду на аэродром.

Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навытяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — и бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте.

Обстановка там сложилась действительно исключительно тяжелая. Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы—Смолевичи—Слуцк—Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже р. Зап. Двина—Полоцк-Витебск— Орша— Могилев—Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии оз. Селижарово—Смоленск—Рославль—Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований.

Где будет остановлен противник, что взять за выгодный исходный рубеж для контрнаступления, какие будут собраны для этого силы, мы тогда еще не знали. Пока это был всего лишь замысел.

27 июня в 10 часов 05 минут мною по “Бодо” был передан приказ Ставки Главного Командования начальнику штаба Западного фронта генералу В. Е. Климовских следующего содержания.

Жуков. Слушайте приказ Ставки Главного Командования.

Ваша задача:

Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Указать, где остались наши базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя.

Поставить частям задачу, вести ли бои или сосредоточиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

— через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами;

— направление Минск, собирать части за Минским УРом;

— третье направление — Глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, движущейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, можно нанести уничтожающий удар и для разгрома первого эшелона, и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты.

Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах.

В 2 часа ночи 28 июня у меня состоялся дополнительный разговор по прямому проводу с генералом В. Е. Климовских. Привожу выдержки из переговоров.

У аппарата Жуков. Доложите, что известно о 3, 10-й и 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?

Климовских. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичей высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Минска десант ликвидируется.

Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов—Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось.

Противник, по последним донесениям, был перед УРом.

Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши.

Жуков. Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мехкорпуса, кавкорпус?

Климовских. От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска.

Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам.

Жуков. Когда подтягивались соединения Хацкилевича и Ахлюстина?

Климовских. В этих пунктах начали сосредоточиваться к исходу 26-го. К ним вчера около 19.00 выехал помкомкор Светлицын. Завтра высылаем парашютистов с задачей передать приказы Кузнецову и Голубеву.

Жуков. Знаете ли вы о том, что 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно—Вилейка в хорошем состоянии?

Климовских. О 21-м стрелковом корпусе имели сведения, что он наметил отход в направлении Молодечно, но эти сведения подтверждены не были.

Жуков. Где тяжелая артиллерия?

Климовских. Большая часть тяжелой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

Жуков. Где конница, 13, 14-й и 17-й мехкорпуса?

Климовских. 13-й мехкорпус— в Столбцах. В 14-м мехкорпусе осталось несколько танков, присоединились к 17-му, находящемуся в Барановичах. Данных о местонахождении конницы нет.

Коробков вывел остатки 42, 6-й и 75-й. Есть основание думать, что 49-я стрелковая дивизия в Беловежской пуще. Для проверки этого и вывода ее с рассветом высылается специальный парашютист. Выход Кузнецова ожидаем вдоль обоих берегов Немана.

Жуков. Какой сегодня был бой с мехкорпусом противника перед Минским УРом и где сейчас противник, который был вчера в Слуцке и перед Минским УРом?

Климовских. Бой с мехкорпусом противника в Минском УРе вела 64-я стрелковая дивизия. Противник от Слуцка продвигался на Бобруйск, но к вечеру Бобруйск занят еще не был.

Жуков. Как понимать “занят еще не был”?

Климовских. Мы полагали, что противник попытается на плечах ворваться в Бобруйск. Этого не произошло.

Жуков. Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошел с севера. Закройте направления Логойск—Зембин—Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня все. До свидания.

Несмотря на массовый героизм солдат и командиров, несмотря на мужественную выдержку военачальников, обстановка на всех участках Западного фронта продолжала ухудшаться. Вечером 28 июня наши войска отошли от Минска.

Ворвавшись в Минск, вражеские войска начали зверски уничтожать жителей города, предавая огню и разрушениям культурные ценности и памятники старины.

Ставка и Генеральный штаб тяжело восприняли известие о том, что нашими войсками оставлена столица Белоруссии. Все мы понимали, какая тяжкая участь постигла жителей города, не успевших уйти на восток.

29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении.

И как он ни обвинял Д. Г. Павлова, все же нам казалось, что где-то наедине с собой он чувствовал во всем этом и свои предвоенные просчеты и ошибки.

В 6 часов 45 минут 30 июня у меня, по указанию наркома С. К. Тимошенко, состоялся разговор по “Бодо” с командующим фронтом генералом армии Д. Г. Павловым, из которого стало видно, что сам командующий плохо знал обстановку.

Вот выдержки из наших переговоров.

Жуков. Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка.

Прошу доложить по существу вопросов.

Павлов. В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов—Червень.

В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишецы.

В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков. Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов. Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. Третья армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в районе Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков. Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров.

Ставка Главного Командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние.

Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша—Могилев—Жлобин—Рогачев.

Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всем доложите.

Павлов. Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу.

Однако положение не улучшалось. 30 июня мне в Генштаб позвонил И. В. Стадии и приказал вызвать командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова.

На следующий день генерал Д. Г. Павлов прибыл. Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны. В тот же день он был отстранен от командования фронтом и вскоре предан суду. Вместе с ним по предложению Военного совета Западного фронта судили

начштаба генерала Климовских, начальника войск связи генерала Григорьева, командующего артиллерией генерала Клич и других генералов штаба фронта.

Командующим Западным фронтом был назначен нарком С. К. Тимошенко, генерал-лейтенант А. И. Еременко — его заместителем. В состав фронта с целью усиления включались армии Резервного фронта.

На Северо-Западном фронте обстановка продолжала резко ухудшаться.

Избежавшие окружения 8-я и 11-я армии из-за недостаточной организованности командования фронта отступали в расходящихся направлениях, неся большие потери.

Чтобы прикрыть псковско-ленинградское направление, Ставка Главного Командования приказала командиру 21-го мехкорпуса генералу Д. Д. Лелюшенко выдвинуться из района Опочка—Идрица в район Даугавпилса и не допустить форсирования противником Западной Двины.

Но эта задача была совершенно невыполнима, так как противник уже 26 июня крупными силами форсировал Западную Двину и захватил Даугавпилс. Все же 21-й механизированный корпус, смело перейдя в наступление, ударил по 56-му моторизованному корпусу немцев и остановил его продвижение.

Вспоминая это сражение, фельдмаршал фон Манштейн, командовавший тогда 56-м мотокорпусом, в своей книге “Утерянные победы” писал:

“...Вскоре нам пришлось на северном берегу Двины обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот”.

Однако под давлением превосходящих сил и ударов с воздуха 21-й мехкорпус был вынужден отойти и занять оборону, которую удерживал, отбивая атаки противника, до 2 июля. В дальнейшем 21-й мехкорпус вошел в состав 27-й армии под командованием генерал-майора Н. Э. Берзарина, который в конце войны во главе 5-й ударной героической армии в составе 1-го Белорусского фронта смело ворвался в Берлин и стал первым его комендантом.

Мне приятно отметить также блестящие действия и боевую доблесть входившей в 21-й мехкорпус 46-й танковой дивизии, которой командовал полковник В. А. Копцов — герой Халхин-Гола.

В конце июня И. В. Сталин вновь произвел изменения в военном руководстве. 30 июня начальником штаба Северо-Западного фронта был назначен генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Первым заместителем начальника Генерального штаба был назначен А. М. Василевский.

2 июля 27-я армия под давлением вражеских сил начала отход. Все это время она сражалась на широком фронте и не имела ни сил, ни средств для создания глубоко эшелонированной обороны.

Из-за опоздания выхода наших резервов на реку Великую противник с ходу захватил город Псков, 8-я армия Северо-Западного фронта, потеряв связь с другими войсками, отходила на север, 10-го июля 8-я армия отошла на линию Тарту—Пярну.

Таким образом, за первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены и слабо прикрыты войсками.

За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений. Приходилось иногда предположительно определять развитие событий, но такой метод, как известно, не гарантирует от ошибок.

На Западном фронте — витебское, оршанское, могилевское и бобруйское направления — развернувшиеся в первых числах июля сражения проходили в условиях подавляющего превосходства мотобронетанковых сил и авиации противника. Наши войска, утомленные непрерывными боями, отходили на восток, но при этом все время старались нанести врагу максимум потерь и задержать его возможно дольше на оборонительных рубежах.

На реке Березине наши войска упорно дрались в районе города Борисова, где с особым мужеством сражалось Борисовское танковое училище, руководимое корпусным комиссаром И. З. Сусайковым. К этому времени туда подошла 1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора Я. Г. Крейзера. Дивизия была укомплектована по штатам военного времени, хорошо подготовлена и имела на вооружении танки Т-34. Генералу Я. Г. Крейзеру, подчинившему себе Борисовское танковое училище, удалось задержать усиленную 18-ю танковую дивизию противника более чем на двое суток. Это тогда имело важное значение. В этих сражениях генерал Я. Г. Крейзер блестяще показал себя.

На Южном фронте с территории Румынии перешли в наступление немецко-румынские войска, нанося главный удар в направлении Могилев-Подольский—Жмеринка, создав угрозу выхода во фланг и тыл 12, 26-й и 6-й армиям Юго-Западного фронта.

За первые 6 суток напряженных боев противнику удалось прорвать оборону войск Южного фронта и продвинуться вперед до 60 километров. Положение Юго-Западного фронта в значительной степени ухудшилось, так как в это же время немецкие войска после нескольких попыток все же сломили оборону в районе Ровно— Дубно—Кременец и устремились в образовавшийся прорыв.

4 июля немецкие войска подошли к Новоград-Волынскому укрепленному району, где их атаки были отбиты с большими для них потерями. Мотобронетанковые силы противника удалось задержать здесь почти на трое суток. Не добившись успеха, противник, перегруппировав свои силы южнее Новоград-Волынского, 7 июля захватил Бердичев и 9 июля — Житомир.

Захват Бердичева и Житомира, а также продолжающееся наступление румыно-немецких войск на могилев-подольском направлении усиливали угрозу окружения 12, 26-й и 6-й

армий Юго-Западного фронта. Эти армии, отбиваясь от наседавшего противника, медленно отходили на восток.

Тогда для ликвидации реальной опасности окружения командование Юго-Западного фронта 9 июля организовало контрудар на Бердичев. К контрудару были привлечены 15, 4-й и 16-й механизированные корпуса. С севера в районе Житомира продолжала свои контратаки 5-я армия.

В тот же момент Юго-Западный фронт нанес сильный контрудар во фланг 1-й танковой группе противника со стороны Коростенского укрепленного района.

Бои в районе Бердичев—Житомир, начавшиеся 9 июля, продолжались до 16 июля. Неся большие потери и опасаясь удара с севера во фланг своей главной группировки, командование группы немецких армий “Юг” приостановило свое наступление в районе Житомира.

Это обстоятельство позволило командованию Юго-Западного фронта вывести наконец из-под угрозы окружения основные силы 6-й и 12-й армий и значительно укрепить оборону Киева.

Таким образом, противнику опять не удалось окружить войска Юго-Западного фронта. Немцы были вынуждены все время вести фронтальные кровопролитные сражения. Бронетанковые и моторизованные соединения группы Клейста так и не смогли добиться прорыва и выхода на оперативный простор.

На Северном фронте, где наступательные действия начались 29 июня, бои имели местное значение и особого влияния на общую стратегическую обстановку не оказывали.

Наши военно-морские силы в начале войны также не имели особых столкновений с военно-морскими силами немцев и главным образом отражали авиационные налеты. Однако в связи с неудачными действиями Северо-Западного фронта, быстро потерявшего Литву, Латвию, а затем и часть Эстонии, Балтийский флот оказался в тяжелом положении. Особенно осложнилась обстановка для главной морской базы, где были сосредоточены все основные корабли и материальные запасы Балтийского флота.

Таллинская база и город Таллин вследствие неудачных действий 8-й армии Северо-Западного фронта оказались слабо прикрытыми с суши. На защиту столицы Эстонии были брошены все силы Краснознаменного Балтийского флота, вооруженные отряды рабочих города. На подступах к Таллину спешно возводились оборонительные рубежи, строились инженерные заграждения, городские объекты подготавливались к обороне.

Попытки противника с ходу захватить город и военно-морскую базу отражались героическими действиями 10-го стрелкового корпуса 8-й армии, частями морской пехоты, корабельной артиллерией флота и вооруженными отрядами народного ополчения Таллина.

Конец июля и почти весь август продолжалась борьба за Таллин и главную морскую базу флота. В конце августа вследствие истощения наших сил и усиления вражеских войск Ставка Главного Командования приняла решение вывести корабли флота из морской базы в Кронштадт и в Ленинградскую гавань, а Таллин оставить.

Боевая авиация флота в боях за таллинский плацдарм принимала непосредственное и активное участие, нанося удары по атакующим соединениям противника. Надо отдать должное и морякам-балтийцам: на суше и на кораблях они дрались как настоящие герои.

Северный флот в этот период взаимодействовал с войсками Северного фронта и развернул операции подводными силами против немецких транспортов, вывозивших из Петсамо никелевую руду. Черноморский флот обеспечивал главным образом доставку людей и боеприпасов приморским армиям и вел борьбу на коммуникациях противника, препятствуя перевозкам в румынские и болгарские порты.

Группа кораблей Черноморского флота совместно с авиацией нанесла удар по базе румынского флота в Констанце. Авиация Черноморского флота систематически бомбила румынские нефтепромыслы и железнодорожные узлы.

Я сознательно не останавливаюсь подробно на боевых действиях Военно-Морского Флота, считая, что это лучше и интереснее меня сделают адмиралы и офицеры флота. Однако следует сказать, что взаимодействие приморских военных фронтов с Военно-Морским Флотом могло бы дать больший эффект, если бы в предвоенные годы были более зрело решены вопросы береговой обороны и обороны военно-морских баз. К сожалению, за эти проблемы Главное военно-морское командование, нарком обороны и Генеральный штаб взялись с большим опозданием, и к началу войны они полностью решены не были.

Прошло почти три недели с тех пор, как фашистская Германия поправ договор о ненападении, вторглась своими вооруженными силами в пределы нашей страны. Уже за это время гитлеровские войска потеряли около 100 тысяч человек, свыше тысячи самолетов и около половины танков, участвовавших в наступлении.

За это время мы понесли большие потери. 28 дивизии, оказавшись в окружении, не смогли выйти из него. Значительное количество личного состава этих дивизий было пленено, сохранившие свободу перешли к партизанским методам войны. Почти 70 дивизий понесли серьезные потери и нуждались в пополнении. Особенно в тяжелом положении оказалась наша авиация.

Советские Вооруженные Силы, и особенно войска Западного фронта, понесли крупные потери, что серьезно отразилось на последующем ходе событий. Соотношение сил и средств на советско-германском фронте еще более изменилось в пользу врага. Противник продвинулся в глубь страны на 500—600 километров и овладел важными экономическими районами и стратегическими объектами.

Все это явилось большой неожиданностью для советского народа и наших войск, которые в психологическом отношении не были подготовлены к таким тяжким испытаниям.

Гитлер и его окружение считали, что Советский Союз “практически проиграл войну”. Когда генерал Паулюс доложил Гитлеру о возможных трудностях снабжения немецких войск в России в зимних условиях, Гитлер вспылил: “Я не хочу слышать этих разговоров... никакой зимней войны не будет. Предоставьте это моему дипломатическому умению. Армия должна нанести русским лишь пару мощных ударов... и затем вы увидите, что русский колосс стоит на глиняных ногах”{47}.

Гитлеровцы, явно переоценивая успех начального периода войны, строили далеко идущие человеконенавистнические планы.

Однако в эти тяжелые дни с особой силой проявилось морально-политическое единство советских людей. С первого же момента, нарастая день ото дня, развернулась грандиозная организаторская и политическая деятельность партии, целиком и полностью посвященная одной цели — поднять все силы народа на отпор врагу.

Уже 23 июня были введены в действие те мобилизационные планы, которые были разработаны раньше, в частности по производству боеприпасов. Наркоматы получили указания об увеличении выпуска танков, орудий, самолетов и других видов военной техники. Через неделю правительство отменило ранее действовавший план третьего квартала 1941 года и утвердило мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал, который предусматривал более чем на четверть увеличение выпуска военной техники.

События, однако, показали, что этого было мало. Тогда комиссия под председательством Н. А. Вознесенского разработала новый, еще более напряженный военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года. Опираясь на производственные резервы, заложенные до войны, правительство установило на 1942 год план форсированного развития районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В переводе всего народного хозяйства на военные рельсы этим районам суждено было потом сыграть выдающуюся роль.

Перестраивая народное хозяйство на обслуживание нужд войны, партия исходила из указания В. И. Ленина о том, что для ведения войны по-настоящему необходим крепкий, организованный тыл, бесперебойно и в достаточном количестве снабжающий фронт подготовленными резервами, вооружением, продовольствием.

Началась перестройка промышленности и транспорта, перераспределение материальных и людских ресурсов, мобилизация сельского хозяйства на нужды войны. Тысячи заводов, только вчера выпускавших продукцию мирного назначения, сегодня переключались на производство боеприпасов и военной техники.

Машиностроительные, станкостроительные заводы срочно перестраивались на производство танков и самолетов, на металлургических заводах принимались меры для организации массового выпуска бронированного листа, снарядных заготовок, высококачественных сталей. Моторы и генераторы к танкам, миноискатели, звукоулавливатели, радиолокационное оборудование должны были теперь поступать и с предприятий радио— и электропромышленности. Авиационный бензин и горючее для танков и кораблей становились главными в продукции нефтеперерабатывающих заводов. Взрыватели для снарядов ставились на конвейер вместо часовых приборов. Разбитые бронепоезда отправлялись в железнодорожные мастерские.

Противник захватил важнейшие экономические районы, парализовал мобилизацию в ряде бывших военных округов: миллионы советских людей, огромные материальные ценности остались в тылу врага. Резко упало производство стратегических материалов, чугуна, стали, проката, электроэнергии. Угроза нависла над новыми индустриальными центрами.

Необходимо было предпринять нечто чрезвычайное, чтобы поднять с места уцелевшие заводы, передвинуть их на восток, объединить с действующими там предприятиями и, опираясь на эту часть страны, навалиться на врага, остановить его, опрокинуть.

Развернулась работа, по масштабам и характеру своему невиданная в истории. 24 июня постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации, председателем которого был назначен Н. М. Шверник, а заместителями — А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин. В наркоматах были образованы бюро и комитеты по эвакуации. Более полутора тысяч предприятий, преимущественно крупных, военных, было эвакуировано в кратчайшие сроки—с июля по ноябрь 1941 года — и быстро вновь возвращено к жизни. В то же время непрерывным потоком, днем и ночью на запад и юго-запад двигались эшелоны с войсками и оружием.

Теперь, спустя более тридцати лет, трудно даже представить себе, сколько сил, напряжения и героизма стоила нашему народу перестройка всей жизнедеятельности страны на военные рельсы с целью разгрома вражеских сил.

Приверженцы капиталистического строя не могли понять, как нашему правительству удалось осуществить в столь крупных масштабах демонтаж и перебазирование крупнейших экономических комплексов. В преимуществе социалистического строя, основанного на общественной народной собственности, и лежит ответ на загадку “русского чуда”, над разрешением которой до сих пор бьются наши идеологические противники.

Развитие военной экономики на востоке страны — на Урале, в Сибири, Заволжье и в других восточных районах шло двумя путями: всемерное ускорение уже начатых строительством предприятий, которые к началу войны не были закончены, и ускоренный монтаж эвакуированных.

На крупнейших предприятиях Свердловской, Курганской, Пермской, Челябинской и других областей под руководством партийных органов шла гигантская работа.

За два-три месяца создавались огромные предприятия. Еще не закончилась стройка, а с завода прямо на фронт шла военная продукция: танки, самолеты, пушки, минометы, снаряды и много другой техники и вооружения. Работали так, что уровень производства не только не падал, а, наоборот, все время возрастал. Здесь сказались итоги воспитательной работы партии в предвоенные годы, особенно большая творческая работа партийных организаций на предприятиях. Недаром Геббельс в январе 1943 года заявил: “Кажется каким-то чудом, что из обширных степей России появлялись все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве”.

Огромную организационную работу провел, в частности, Челябинский обком ВКП(б) под руководством первого секретаря Н. С. Патоличева. Человек большой энергии, высоких организаторских способностей, Николай Семенович много сил и творческой энергии отдал перестройке работы промышленных предприятий области, организации четкой взаимосвязи их между собой. Его неутомимость в достижении задач, поставленных партией, не раз отмечалась правительством и приводилась в пример другим И. В. Сталиным.

Высокие показатели были достигнуты на Челябинском тракторном заводе, в состав которого влился вывезенный из Ленинграда филиал Путиловского завода. Конструкторы танков Ж. Я. Котин и Н. Л. Духов сумели через месяц после развертывания привезенного из Ленинграда оборудования дать фронту первую партию Т-34, а в дальнейшем сконструировали тяжелый танк ИС, который значительно превосходил немецкие “тигры”.

Придавая особо важное значение бронетанковым войскам, Государственный Комитет Обороны постановил организовать производство танков также и в Горьком, на Сормовском судостроительном заводе. Я вспоминаю, как в конце первой недели войны ГКО направил наркома танковой промышленности — заместителя председателя СНК В. А. Малышева в Горький с заданием срочно организовать на судостроительном заводе “Красное Сормово” производство танков Т-34. При энергичной поддержке Горьковского обкома и горкома коллективом завода эта задача была решена в самые короткие сроки.

В октябре 1941 года, когда мне была поручена операция по обороне Москвы, мы начали получать с Сормовского завода первые танки Т-34. Эта помощь пришла вовремя и сыграла большую роль в битве за Москву. В последующем завод “Красное Сормово” наращивал темпы производства танков и улучшал их качество.

В начале ноября 1944 года завод модернизировал танк, оснастив его литой башней и пушкой модели конструктора В. Г. Грабина. Вслед за Сормовским заводом танки новой конструкции стали производить и другие заводы.

В ходе войны стране потребовалось сформировать многие сотни различных частей и соединений, вооружить и снабдить их всем необходимым, а также действующие войска на фронтах огромным количеством различного наземного, воздушного и военно-морского высококачественного вооружения и боевой техники. Все это давал советский тыл, наш советский народ, работавший не зная отдыха, находясь зачастую на полуголодном продовольственном пайке.

Не могу не сказать доброго слова о нашем комсомоле, который всегда и во всем был верным помощником партии и достойным примером для всех остальных тружеников. В памяти народа навсегда останется подвиг комсомольцев и молодежи, которые не дрогнули, смело вступили в бой с коварным врагом. На заводах и на колхозных полях самоотверженно трудились не покладая рук юноши, девушки и подростки.

Вторая половина 1941-го и начало 1942 года для сельского хозяйства страны были особенно трудными. Нужно было привести в действие все резервы села, чтобы вовремя и в сжатые сроки убрать урожай и выполнить государственные поставки сельскохозяйственной продукции. Главная тяжесть продовольственной проблемы легла на восточные районы страны. Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства на занятой врагом территории, ЦК ВКП(б) 20 июля 1941 года утвердил план увеличения площадей под зерновые культуры в Поволжье, Сибири, на Урале и в Казахской ССР Этим постановлением было положено начало изменению структуры посевных площадей на востоке страны в соответствии с условиями военного времени. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии и Азербайджане. Колхозники и работники совхозов трудились от зари до зари. Высокий трудовой подъем явился выражением их готовности преодолеть любые преграды во имя победы. Женщины, подростки, давно находившиеся

на покое старики — все были в поле, где развертывалось сражение за урожай. Нередко работать приходилось под обстрелом и бомбежками вражеской авиации.

Вот она, невиданная выдержка в народе, готовом в любой обстановке, при любых условиях защищать свою Родину, народную власть!

Отечественную войну у нас называют, как я уже отмечал, всенародной войной. И это правильно, так как советский народ защищал родное социалистическое государство, общественный строй, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией. Война против фашистской Германии и ее союзников полностью отвечала классовым и национальным интересам советского народа. История всех войн подтверждает, что в ней одерживает победу тот, кто сумел создать более крепкий и организованный тыл. Это положение в одинаковой мере относится как к тылу страны в широком смысле, так и к тылу вооруженных сил.

Советский тыл, базирующийся на преимуществах социалистического общественного и государственного строя, успехах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, прочном союзе рабочих и крестьян, братской дружбе народов всех республик, показал себя исключительно жизнеспособным. Быстро перестроившись на военные рельсы, тыл Советской страны к концу 1942 года в достатке питал фронты необходимым вооружением, боеприпасами, снаряжением, продовольствием и, что особенно важно, морально и физически крепким пополнением.

Труженики тыла, как и воины-фронтовики, заслужили всенародную признательность. Их заслуги перед Родиной получили высокую оценку партии и правительства.

Колхозное крестьянство все излишки продуктов питания безвозмездно сдавало в фонд обороны. Многие колхозники по примеру рабочих и интеллигенции также передавали свои сбережения в фонд обороны страны. Только на добровольные пожертвования, полученные от советских граждан, а также от реализации военных займов и денежных лотерей, Советская страна могла вести войну около года.

В первых рядах защитников Родины находилась и советская интеллигенция. Исключительно важную работу проводили советские ученые и Академия наук СССР во главе с ее президентом В. Л. Комаровым, академиками И. П. Бардиным, Э. В. Брицке, В. Н. Обручевым, С. И. Вавиловым, А. А. Лебедевым, Н. Д. Зелинским и другими. Их активная научная деятельность способствовала ускоренному развитию производительных сил страны, увеличению выпуска военной продукции, улучшению ее качества. Талантом и трудом советских ученых, инженеров и конструкторов создавалось такое вооружение, которое по своим боевым характеристикам превосходило военную технику врага.

Деятели литературы и искусства вели большую работу по воспитанию у народа и воинов Красной Армии горячей любви к Родине и жгучей ненависти к фашистским поработителям, бесчинствовавшим на оккупированной территории нашей страны. Исходя из собственных наблюдений, должен сказать, что солдаты и командиры всех степеней с большой любовью и доверием относились к их волнующим словам. Многим из них не довелось вернуться к мирной творческой деятельности. 410 человек— членов Союза советских писателей — героически пали на фронтах.

В ходе войны работники науки, литературы и искусства продемонстрировали всему миру свою неразрывную связь с трудовым народом и Советскими Вооруженными Силами, готовность сражаться за Родину, не жалея сил и самой жизни.

Накануне войны больше 50 процентов населения страны составляли женщины. Эта была великая сила в строительстве социалистического общества. А когда началась война, они активно проявили себя в защите Родины: кто в действующей армии, кто на трудовом фронте, кто в борьбе против захватчиков на оккупированной территории.

Прошло уже немало лет после победы над фашистской Германией, и то, что приходилось видеть ее участникам и современникам, забыть невозможно — люди были на крайнем пределе духовных и физических человеческих возможностей.

Мне неоднократно доводилось в ходе войны бывать на передовых пунктах медицинской помощи— в медсанбатах и эвакогоспиталях. Незабываемы героизм и стойкость санитарок, медсестер, врачей. Они выносили с поля боя солдат и офицеров, выхаживали их. Бесстрашием и храбростью отличались снайперы, телефонистки, телеграфистки. Многим из них тогда было не более 18— 20 лет. Презирая опасность, они храбро сражались с ненавистным врагом, наравне с мужчинами шли в атаку. Героизму и милосердию женщин обязаны сотни тысяч воинов.

Своей преданностью Родине и постоянной готовностью отдать за нее жизнь советские женщины изумили все прогрессивное человечество. Думаю, не ошибусь, высказав мнение, — наши женщины своим героическим ратным и трудовым подвигом в войне с фашистской Германией заслужили памятник, равный памятнику Неизвестному солдату, воздвигнутому в Москве у Кремлевской стены.

С первых дней войны многие женщины заменили мужчин, ушедших на фронт. Они строили самолеты, танки, выпускали артиллерийские орудия, минометы, различные боеприпасы и всевозможную боевую вспомогательную технику. ЦК партии, ГКО, местные партийные организации делали все возможное, чтобы облегчить тяжелый труд девушек и женщин и условия их жизни.

Труд советских женщин в годы войны сыграл важную, можно сказать, неоценимую роль в борьбе с фашистской Германией.

Таких примеров можно было бы привести множество.

Я думаю, эта героическая полоса в жизни советского народа, нашей партии со всей полнотой еще не раскрыта. Не описано до сих пор должным образом и все то, что вообще было сделано партией и народом в экономическом отношении в годы войны. А ведь в такие острые периоды, в свете таких грандиозных событий наиболее ярко проявляются особенности социалистической системы, ее огромные возможности.

Народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны, проведенная в связи с этим колоссальная организаторская работа партии по размаху и значению своему для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам Второй мировой войны.

Если мне не изменяет память, в первые же дни войны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) непосредственно на военную работу было направлено более пятидесяти членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), более ста секретарей краевых и областных комитетов партии и ЦК компартий союзных республик, видные и опытные государственные деятели. Партия сразу приняла ряд практических мер по усилению централизованного руководства всеми сторонами жизни страны и боевой деятельности вооруженных сил. Был перестроен аппарат ЦК, распределены функции и обязанности между членами ЦК по руководству важнейшими участками военной, хозяйственной и политической работы.

Наша партия имела уже опыт превращения страны в единый военный лагерь. Об этом говорилось в начале книги. С учетом всех новых условий этот опыт был взят на вооружение с первых же дней войны. Его ленинское начало, ленинские принципы ведения дел, когда над страной нависла смертельная опасность, были положены в основу всей деятельности коммунистов на фронте и в тылу. Народ верил, что партия найдет выход из создавшегося трудного положения и сумеет организовать разгром немецко-фашистских войск. Нужно лишь время. Неудачи и тяжелые потери, понесенные в начале войны, осложняли ход борьбы. Войска с боями отходили в глубь страны. Центральный Комитет нашей партии и партийные организации на местах, Государственный Комитет Обороны принимали необходимые меры, чтобы разъяснить народу вынужденные обстоятельства временного отступления.

Несмотря на всю сложность обстановки, партийные организации и советские органы Украины, Белоруссии и прибалтийских республик развернули успешную работу по мобилизации советских людей на активную борьбу с врагом. Для этой цели на временно оставляемой территории создавались массовые подпольные партийные и комсомольские организации, формировались основные кадры партизанских отрядов, в которые вливались красноармейцы, командиры и политработники частей, вышедших из окружения.

Вступив на нашу землю, немецко-фашистские оккупанты вскоре почувствовали не только ненависть советских людей, им были нанесены ощутимые удары теми, кто ушел в подполье.

В те дни у советского командования не было иного выхода, кроме как перейти к обороне на всем стратегическом фронте. Ни сил, ни средств для ведения наступательных, особенно крупных, операций не имелось. Нужно было создать большие стратегические резервы войск, хорошо вооружить их, чтобы превосходящей силой вырвать инициативу у противника и перейти к наступательным действиям, начать изгнание вражеских сил из Советского Союза.

Все это было сделано, но позже — в конце 1942—начале 1943 года.

К стратегической обороне наши войска переходили в процессе вынужденного поспешного и плохо организованного отхода. Действовать пришлось в невыгодных оперативно-тактических группировках, при недостатке сил и средств для глубокого построения обороны, и особенно ее костяка — противотанковой обороны.

Нельзя не упомянуть о слабости зенитных средств нашей противовоздушной обороны и отсутствии надлежащего авиационного прикрытия с воздуха. Господство в воздухе в

начальном периоде войны было на стороне противника, что значительно подрывало боевую устойчивость наших войск.

И все же, несмотря на ряд ошибок и порой недостаточную сопротивляемость самих войск, стратегическая оборона была в основном организована.

Как известно, во втором и третьем периодах войны, когда гитлеровцам пришлось испытать горечь поражений на советском фронте, они не смогли справиться с построением такого рода обороны, что наряду с другими факторами и привело их к катастрофе.

Главнейшими целями нашей стратегической обороны в тот период были:

— задержать фашистские войска на оборонительных рубежах возможно дольше, с тем чтобы выиграть максимум времени для подтягивания сил из глубины страны и создания новых резервов, переброски их и развертывания на важнейших направлениях;

— нанести врагу максимум потерь, измотать и обескровить его и этим несколько уравновесить соотношение сил;

— обеспечить мероприятия, проводимые партией и правительством по эвакуации населения и промышленных объектов в глубь страны, выиграть время для перестройки промышленности на нужды войны;

— собрать максимум сил для перехода в контрнаступление, с тем чтобы не только сорвать гитлеровский план войны, но и разгромить фашистскую Германию и ее сателлитов.

Ведя оборонительные бои, наши войска не только отбивались от врага на суше, в воздухе и на море, но, что самое важное, в ряде случаев наносили существенные контрудары по противнику. Везде, где только можно было, Красная Армия и партизаны своими героическими действиями наносили фашистским захватчикам громаднейший урон.

Однако удары компактных групп бронетанковых и механизированных войск противника, тяжелые потери в ходе ожесточенных сражений, вынужденный отход в глубь страны, непрерывные удары с воздуха тяжело отражались на моральном состоянии бойцов, некоторой части командного состава и народа.

На пятый день войны по решению Центрального Комитета партии началась мобилизация коммунистов и комсомольцев на фронт, в том числе в качестве политбойцов. Они должны были стать опорой армейских партийных организаций.

Накануне войны в Красной Армии и Военно-Морском Флоте было свыше 563 тысяч коммунистов, более трети всего личного состава армии составляли комсомольцы{48}. За первые шесть месяцев войны на фронт пришли 1 миллион 100 тысяч коммунистов.

Мне не раз приходилось разговаривать с направлявшимися в войска политбойцами. Эти люди несли в себе какую-то особую, непоколебимую уверенность в нашей победе. “Выстоим!” — говорили они. И я чувствовал, что это не просто слова — это образ мышления, это подлинный советский патриотизм. Своим непоколебимым оптимизмом они возвращали уверенность тем людям, которые начинали терять присутствие духа.

3 июля в своем выступлении по радио И. В. Сталин от имени Центрального Комитета партии объяснил сложившуюся на фронтах обстановку и призвал советский народ незамедлительно перестроить всю жизнедеятельность и экономику страны соответственно требованиям войны с сильным, коварным и жестоким врагом. И. В. Сталин призвал партию и народ подняться на священную борьбу с врагом, покончить с беспечностью и резко повысить бдительность.

В основе этой памятной речи И. В. Сталина лежала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, которую получили все партийные и советские организации прифронтовых областей. В этом документе-воззвании излагались основные задачи советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне.

Речь И. В. Сталина, директива партии и правительства, обращенные к народу, звучали как могучий тревожный набат, в котором слышались отзвуки знаменитого ленинского призыва: “Социалистическое Отечество в опасности!”. Чувствовалось, что гневный и призывный голос этого набата замолкнет лишь тогда, когда фашистские захватчики будут разбиты.

В трудные, кризисные времена в жизни любой страны, в момент атаки внутреннего или внешнего врага величайшее значение имеет объединяющий всех призыв, в котором должна быть выражена суть всеобщих усилий. Партия, которой народ доверил свою судьбу, должна уметь сразу поднять все слои, все классы, четко назвать цель и указать противника. Наша ленинская партия в совершенстве владеет этим искусством.

В тот момент лозунгом “Все для фронта! Все для победы!” партия повернула каждого советского человека лицом к опасности. Вокруг этого призыва объединились люди самых различных взглядов и привычек, военные и сугубо штатские, мужчины и женщины, без различия возраста и происхождения.

Во имя высшей патриотической цели — защиты своего Отечества поднялись народы всего нашего многонационального государства, многократно умножив своим единым духовным порывом материальную силу и мощь оружия.

С целью усиления партийно-политической работы и укрепления влияния партии в вооруженных силах по решению Центрального Комитета партии в июле была проведена перестройка органов политической пропаганды в армии и вновь введен институт военных комиссаров.

Интересам фронта с первых же дней войны была подчинена деятельность всех советских общественных организаций. По рекомендации Центрального Комитета партии ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ разработали практические меры по оказанию всесторонней помощи фронту, укреплению трудовой дисциплины и повышению производительности труда в тылу, усилению заботы о раненых бойцах и семьях военнослужащих, по подготовке боевых резервов, активному участию трудящихся в организации местной противовоздушной обороны.

На фронте и в тылу наши юноши и девушки показывали пример советского патриотизма и постоянной готовности к самопожертвованию во имя Родины.

С некоторыми комсомольцами я разговаривал перед их отправкой в тыл врага для выполнения разведывательных и диверсионных операций. К сожалению, я не записывал их имен и фамилий, но встречи с ними остались в памяти.

Вот один из эпизодов, о котором хочется рассказать.

В первых числах июля, когда Минск уже был занят и вражеские войска устремились к реке Березине, в тыл противника в район Минска должна была быть заброшена диверсионно-разведывательная группа. В нее входили две девушки и двое юношей — комсомольцы, хорошо владевшие немецким языком. Если не ошибаюсь, девушки были из Института иностранных языков. В разговоре выяснилось, что они москвички. На мой вопрос, не боятся ли они лететь в тыл врага, переглянувшись и чуть улыбаясь, ответили:

— Конечно, боязно, страшно будет, если нас схватят во время приземления. Ну а если не схватят в этот момент, все будет в порядке.

Они были очень молоды и хороши собой. Родина позвала их, и они пошли на опасное и нелегкое дело. Как сложилась их судьба, я не знаю. Если кто-либо из этой группы остался в живых, может быть, вспомнит нашу встречу в Москве, в Генштабе, на улице Фрунзе, в июльские дни 1941 года...

Значительные потери в войсках и в материальной части вызвали необходимость провести ряд организационных мер, чтобы укрепить управление войсками и боеспособность частей и соединений. Временно была расформирована корпусная система управления, а ее освободившиеся кадры и средства связи были использованы для укрепления армейского и дивизионного звена. В армии вместо девяти-двенадцати дивизий было решено иметь шесть. Высшим тактическим соединением вместо корпуса стала дивизия. Вдвое была сокращена численность самолетов в полках и дивизиях ВВС. Широко развернулось формирование резервов Главного Командования.

Государственный Комитет Обороны и Центральный Комитет партии потребовали от военного командования и политического управления принять все меры к укреплению дисциплины в войсках. С этой целью начальником политуправления и наркомом обороны был издан ряд директив.

В июле обстановка на всех направлениях стала еще сложнее. Несмотря на ввод в сражения большого количества соединений, прибывших из внутренних округов, нам не удалось создать устойчивый фронт стратегической обороны. Противник, хотя и нес большие потери, по-прежнему на решающих направлениях имел трех-четырехкратное превосходство, не говоря уже о танках.

Железнодорожные перевозки наших войск по ряду причин осуществлялись с перебоями. Прибывающие войска зачастую вводились в дело без полного сосредоточения, что отрицательно сказывалось на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости.

Слабость нашей оперативно-тактической обороны состояла главным образом в том, что из-за отсутствия сил и средств было невозможно создать ее глубокое эшелонирование. Оборона частей и соединений, по существу, носила линейный характер.

Слабость наша состояла еще и в том, что из-за отсутствия быстроходных и вездеходных тягачей войска не имели возможности широко маневрировать артиллерией, чтобы в нужный момент оказать помощь в отражении танковых атак противника. Во фронтах и армиях осталось очень мало танковых частей и соединений. В таких условиях развернулось ожесточенное сражение за Смоленск.

Обороняли смоленское направление с северо-запада 22-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова, уступом за ее левым флангом — 19-я армия под командованием генерал-лейтенанта И.С. Конева, на участке от Витебска до Орши занимала оборону 20-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. А. Курочкина, южнее по левому берегу Днепра до Рогачева действовала 13-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова.

В районе Смоленска в резерв фронта сосредоточивалась 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. На южном крыле Западного фронта действовала 21-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко, а затем генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, на ее участок отходили остатки войск 4-й армии.

Замысел противника состоял в том, чтобы рассечь наш Западный фронт мощными ударными группировками, окружить основную группу войск в районе Смоленска и открыть путь на Москву.

В районе Витебск—Невель главный удар противник обрушил на 22-ю армию и правый фланг 20-й армии. Соотношение сил было не в нашу пользу, 22-я армия начала отход в общем направлении на Великие Луки. Противник захватил Невель.

Предпринятый контрудар силами двух дивизий 19-й армии, одним стрелковым корпусом 20-й армии и двух механизированных корпусов по Витебско-Лепельской группировке противника из-за плохой организации не дал положительных результатов. Наносился он не одновременно и разрозненными группами. Артиллерийского и авиационного обеспечения не было.

В результате промахов и неудовлетворительного управления 19-я армия, неся потери, вынуждена была отступить. Фронт обороны оказался прорванным. Войска противника устремились к Смоленску. Остановить их здесь было нечем.

Севернее и южнее Могилева наш фронт обороны был также прорван. Вражеские войска ринулись в прорыв в направлении Смоленск—Ельня—Рославль.

У стен древнего русского города, некогда вставшего грозной преградой на пути наполеоновских войск к Москве, развернулось ожесточенное сражение.

Против войск Западного фронта в первом эшелоне начали наступление 2-я и 3-я танковые группы армий “Центр”, 2-я танковая группа из района Шклова главный удар наносила в обход Смоленска с юго-запада, а ее 24-й моторизованный корпус — из района Быхова на Кричев и Ельню. 3-я танковая группа во взаимодействии с 5-м и 6-м армейскими корпусами наносила удар в обход Смоленска с северо-запада. Противник имел значительное превосходство.

Уже в начале наступления ему удалось осуществить глубокие прорывы в районах Полоцка, Витебска, севернее и южнее Могилева. Наши войска правого крыла Западного фронта вынуждены были отступить к Невелю.

Четыре пехотные дивизии, танковая дивизия, полк “Великая Германия” и другие немецкие части наступали на Могилев. Соединения 13-й армии, упорно оборонявшие Могилев, оказались в окружении.

Круговую оборону города держал 61-й корпус генерала Ф. А. Бакунина. Особенно отличилась в боях за Могилев 172-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М. Т. Романова. Около 45 тысяч жителей Могилева вышли на строительство оборонительных сооружений. Две недели отбивали атаки врага мужественные защитники города. Совместно с правофланговыми дивизиями 21-й армии, проводившими контратаки в направлении Могилева с юга, они сковали часть сил 46-го и 24-го моторизованных корпусов 2-й немецкой танковой группы и нанесли им значительные потери.

В то время, когда противник вел наступление к востоку от Днепра, части 21-й армии (командующий генерал Ф.И. Кузнецов) форсировали 13 июля Днепр, освободили Рогачев и Жлобин и с боями двинулись в северо-западном направлении на Бобруйск. Главный удар осуществлял 63-й стрелковый корпус, которым командовал генерал Л. Г. Петровский. Через несколько дней он погиб смертью героя. Я хорошо знал Л. Г. Петровского как одного из талантливейших и образованных военачальников и, если бы не преждевременная гибель, думаю, что он стал бы командиром крупного масштаба.

Этим контрударом войска 21-й армии сковали восемь немецких дивизий. В то время это имело очень большое значение.

Упорная оборона 13-й армии в районе Могилева, наступательные действия 21-й армии под Бобруйском значительно затормозили продвижение врага на рославльском направлении. Немецкому командованию группы армий “Центр” пришлось перебросить в район действия 21-й армии несколько дивизий с других участков.

В центре фронта продолжались упорные бои с рвавшейся к Смоленску крупной группировкой противника. Части 20-й армии, непрерывно атакуя врага и обороняясь на широком фронте, не смогли сдержать натиск 29-й немецкой моторизованной дивизии 2-й танковой армии, которая обошла нашу армию и ворвалась в южную часть города.

16 июля 1941 года Смоленск был занят вражескими войсками, 16-я и 20-я армии оказались окруженными в северной части города. Однако они не сложили оружия и сопротивлялись еще почти десять дней, задержав тем самым наступление немцев на московском направлении.

Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно И. В. Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали тогда всю тяжесть сталинского гнева. Приходилось напрягать волю, чтобы смолчать и не возмутиться против несправедливых его упреков. Но обстановка требовала от нас пренебречь своим “я” и вести себя так, чтобы помочь Западному фронту преодолеть тяжелую обстановку.

И. В. Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта. Это было, если мне не изменяет память, в первой половине августа 1941 года.

Однако бои в районе Смоленска не только не затихли, наоборот — они разгорелись с новой силой. Ставка срочно создала новый фронт обороны, развернув его в тылу Западного фронта.

Еще в период боев на подступах к Смоленску 14 июля был развернут новый резервный фронт в составе 29, 30, 24, 28-й и 31-й армий под командованием генерал-лейтенанта И. А. Богданова; большинство этих войск было передано потом в состав Западного фронта.

Армии нового фронта развертывались на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Ельня—Брянск. С целью прикрытия Москвы на дальних подступах к ней 18 июля было принято новое решение — развернуть новый фронт на можайской линии обороны, куда предполагалось включить формируемые 32, 33-ю и 34-ю армии.

В ходе битвы за Смоленск для ликвидации создавшегося опасного положения Ставка решила передать командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко 20 стрелковых дивизий из армий Резервного фронта. Эти дивизии вошли в состав пяти армейских групп, которыми командовали генерал-майор К. К. Рокоссовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников.

Маршал С. К. Тимошенко по указанию Ставки поставил этим группам задачу — нанести контрудары из районов Белый—Ярцево—Рославль в общем направлении на Смоленск, ликвидировать прорвавшиеся войска противника и соединиться с основными силами войск фронта, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска.

Во второй половине июля бои в районе Смоленска и восточнее его приобрели крайне ожесточенный характер. На всем фронте враг наталкивался на активное противодействие частей Красной Армии.

23 июля начали наступление войска 28-й армейской группы из района Рославля, а 24 и 25 июля — из района Белый—Ярцево, обходя Смоленск с севера и юга, начали наступление войска 16-й и 20-й армий. Противник сразу же подтянул в район Смоленска дополнительные силы и пытался здесь разгромить окруженные войска 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сражение носило крайне ожесточенный характер. При помощи войск группы К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, большинству частей 16-й и 20-й армий удалось с боями вырваться из окружения южнее Ярцева и выйти на восточный берег Днепра, где они соединились с главными силами фронта и перешли к обороне.

Против армейской группы В. Я. Качалова, состоявшей из трех дивизий и двигавшейся из района Рославля на Смоленск, противник бросил группу войск в составе 9 дивизий. В их

числе был один мотокорпус. Противник с ходу захватил Рославль и окружил группу В. Я. Качалова.

Силы и здесь были далеко не равными. Группа В. Я. Качалова оказалась в тяжелом положении, не многим удалось отойти и соединиться со своими. В этих сражениях пал смертью героя командующий группой генерал В. Я. Качалов.

46-й мотокорпус противника захватил Ельню и пытался развить удар на Дорогобуж, но был остановлен 24-й армией Резервного фронта.

Для обороны гомельского направления Ставка образовала 24 июля Центральный фронт, включив в него 4, 13-ю и 21-ю армии Западного фронта, дравшиеся на рубеже Сеща—Пропойск и далее на юг по реке Днепр.

Смоленское сражение занимает важное место в операциях лета 1941 года. Хотя разгромить противника, как это планировала Ставка, не удалось, но его ударные группировки были сильно измотаны и ослаблены. По признанию немецких генералов, в Смоленском сражении гитлеровцы потеряли 250 тысяч солдат и офицеров.

30 июля гитлеровское командование отдало приказ группе армий “Центр” перейти к обороне. Советские войска закрепились на рубеже Великие Луки—Ярцево—Кричев—Жлобин.

В ходе Смоленского сражения войска Красной Армии, жители города и его окрестностей проявляли величайшую стойкость. Ожесточеннейшая борьба шла за каждый дом и улицу, за каждый населенный пункт. Задержка вражеского наступления в районе Смоленска явилась крупным стратегическим успехом. В результате его мы выиграли время для подготовки стратегических резервов и проведения оборонительных мероприятий на московском направлении.

Под Смоленском родилась советская гвардия. Здесь 14 июля 1941 года в боях под Оршей батарея капитана И. А. Флерова впервые применила установки реактивных минометов — легендарные “катюши”.

Смоленское сражение длилось почти месяц. Обе стороны понесли большие потери в людях и боевой технике.

Надо отдать должное маршалу С. К. Тимошенко. В те трудные дни он твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны.

Гитлеровское военно-политическое руководство, командование и сами немецкие войска убедились в мужестве и массовом героизме советских солдат и в том, что чем дальше они продвигались в глубь страны, тем труднее для них становилась борьба.

Когда войска фронта закрепились на новом рубеже, С. К. Тимошенко был вызван в Ставку.

В конце июля мне позвонил А. Н. Поскребышев и спросил:

— Где находится Тимошенко?

— Маршал Тимошенко в Генеральном штабе, мы обсуждаем обстановку на фронте.

— Товарищ Сталин приказал вам и Тимошенко немедленно прибыть к нему на дачу, — сказал А. Н. Поскребышев.

Мы считали, что И. В. Сталин хочет посоветоваться с нами о дальнейших действиях. Но оказалось, что вызов имел совсем другую цель.

Когда мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. И. В. Сталин, в старой куртке, стоял посередине комнаты и держал погасшую трубку в руках — верный признак плохого настроения.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин. — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы решили освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? — спросил И. В. Сталин, обращаясь ко мне и к наркому.

С. К. Тимошенко молчал. Да и что, собственно, он мог ответить на это несправедливое обвинение?

— Товарищ Сталин, — сказал я, — частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой больше не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освобождать его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М. И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, Жуков прав.

И. В. Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

— Вы правы, товарищ Сталин, — раздались голоса, — Тимошенко может еще выправить положение.

Нас отпустили, приказав С. К. Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генштаб, С. К. Тимошенко

сказал:

— Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

— Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт.

С тем С. К. Тимошенко и уехал.

Этот случай был не единственным. И. В. Сталин не всегда был объективен в оценке деятельности военачальников. Я и сам это испытал. И. В. Сталин не выбирал выражений; он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремится сделать все, на что он способен.

Конечно, Семена Константиновича серьезно обидели высказанные замечания. Но на войне ведь бывает всякое — не всегда есть возможность при решении больших и сложных вопросов учитывать личные переживания.

На западном направлении после тяжелейших сражений в районе Смоленска бои временно стихли. Обе стороны приводили войска в порядок и готовились к грядущим событиям. Сражения не прекращались только в районе Ельни. Ельнинский выступ, захваченный немецкими войсками, был очень выгодным исходным плацдармом для удара на Москву. Немцы стремились удержать его во что бы то ни стало.

На ленинградском направлении противник продолжал наступательные действия. Но, несмотря на успехи, ему не удалось с ходу прорваться через оборону советских войск и выйти на ближние подступы к Ленинграду.

В период Смоленского сражения группа немецких армий “Север” пыталась подойти к Ленинграду через Лугу. 12 июля 41-й моторизованный корпус врага прошел вдоль Ленинградского шоссе к Луге, но был остановлен. Однако, нащупав слабое место в обороне в районе Кингисепп—Ивановское, войска 4-й танковой группы противника быстро перегруппировались из района Луги и прорвали нашу оборону, но были остановлены подошедшими резервами.

Другая группа войск противника, пытавшаяся выйти к Новгороду и далее на Чудово, встретила упорное сопротивление и успеха здесь не достигла. Наступавший моторизованный корпус противника был атакован частями 11-й армии в районе Сольцы. Контрудар 11-й армии был хорошо организован. Его поддержала авиация. От неожиданности противник повернул вспять и начал поспешный отход. Преследуя вражеские войска, части 11-й армии нанесли им большие потери. Если бы не помощь подоспевшей 16-й немецкой армии, 56-й мехкорпус Манштейна был бы уничтожен. С подходом дополнительных сил противника 11-й и 27-й армиям Северо-Западного фронта пришлось отойти на рубеж Старая Русса—Холм.

В Эстонии все это время упорно оборонялись войска 8-й армии. Только после ввода немцами в сражение дополнительных сил войска 8-й армии отошли к Нарве, а ее 10-й стрелковый корпус отошел к Таллину, где вместе с Балтийским флотом и вооруженными отрядами рабочих города Таллина героически защищал подступы к городу.

Группа армий “Север”, наступавшая в составе двух армий и одной танковой группы, встретив упорное сопротивление на Лужском укрепленном рубеже, в районе Дно, на рубеже Старая Русса-Холм, а также в районе Кингисепп—Сиверский, понесла большие потери и без дополнительного усиления уже не могла наступать на Ленинград.

Итоги Смоленского сражения, возросшая активность и сила сопротивления войск Северного, Северо-Западного фронтов. Балтийского флота и авиации знаменовали собой серьезную брешь в плане “Барбаросса”.

Что же происходило в это время на Украине, где вели ожесточенные оборонительные сражения войска юго-западного направления?

Захват Украины имел особенно важное значение для немцев. Гитлеровцы стремились быстрее захватить Украину, чтобы лишить Советский Союз крупнейшей промышленной и сельскохозяйственной базы и одновременно подкрепить свою экономику криворожской рудой, донецким углем, никопольским марганцем и украинским хлебом.

Со стратегической точки зрения овладение Украиной обеспечивало поддержку с юга центральной группировке немецких войск, перед которой по-прежнему стояла главнейшая задача — захват Москвы.

С первых же дней войны ход событий и на Украине развивался не так, как это было предусмотрено гитлеровским планом молниеносной войны. Отходя под ударами немецких войск, Красная Армия мужественно сопротивлялась, несмотря на тяжелые потери.

С большим упорством, умением и отвагой дрались 5-я армия под командованием генерала М. И. Потапова, 26-я армия генерала Ф. Я. Костенко и 6-я армия генерала И. Н. Музыченко.

Мне особенно приятно назвать этих выдающихся командующих еще и потому, что они были командирами полков 4-й Донской казачьей дивизии легендарной Первой конной армии.

Встретив упорное сопротивление Киевского укрепленного района, немецкие войска резко повернули на юг с целью выхода в тыл нашим 6-й и 12-й армиям, отходившим с линии Бердичев— Староконстантинов—Проскуров. Частью сил противник вышел южнее Киева на участок 26-й армии. Но этот выход существенного значения не имел, так как главная группировка противника армий “Юг” спускалась южнее. Предстояла особенно тяжелая схватка наших 6-й и 12-й армий с этой выходившей им в тыл группировкой противника.

Положение усугублялось еще и тем, что 11-я немецкая армия, прорвав оборону Южного фронта, наносила удар через Могилев-Подольский и выходила во фланг и тыл этим трем армиям.

Войска Юго-Западного фронта во взаимодействии с Южным фронтом контрударами пытались задержать продвижение противника. Они нанесли ему большие потери, но остановить не смогли. После некоторой перегруппировки своих сил немцы вновь ударили по отходящим войскам 6-й и 12-й армий, которые на этот раз оказались в тяжелом положении.

Из-за отдаленности и сложности управления этими армиями Юго-Западный фронт просил передать их под управление командования Южного фронта. Ставка согласилась, и 6-я и 12-я армии были переданы в состав Южного фронта, которым в то время командовал генерал армии И. В. Тюленев.

Значительная часть отходящих соединений этих двух армий во время передачи Южному фронту была окружена. Будучи тяжело раненным, попал в плен командующий 6-й армией генерал И. Н. Музыченко. Не избежал участи пленения и командующий 12-й армией генерал П. Г. Понеделин. В этот период на Южном фронте сложилась также тяжелая обстановка, 9-я армия этого фронта, отходя, вела бои в полуокружении. Армия понесла большие потери. Сохранившиеся ее части отошли на реку Ингулец.

Выход противника на Днепр, прорыв к Запорожью, Днепропетровску и Одессе серьезно осложнил положение советских войск на всем юго-западном направлении. Однако и немецким войскам дорого обошлась эта победа. Они были основательно измотаны и понесли большие потери

Все описываемые события с момента моего возвращения в Москву с Юго-Западного фронта я видел с позиций начальника Генштаба и именно в этой роли принимал в них участие, разделяя ответственность членов Ставки, горечь неудач и радость редких побед наших войск. Поэтому я прежде всего хочу специально остановиться на деятельности Ставки Верховного Главнокомандования и в пределах возможного осветить ее роль, организацию и характерные черты в управлении вооруженными силами в ходе войны.

По вполне понятным причинам мною не будут затронуты вопросы, раскрытие которых может нанести вред обороне страны. Кроме специальной главы, с которой теперь предстоит познакомиться читателю, деятельность Ставки по подготовке и осуществлению операций и военных кампаний, а также непосредственно Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина будет освещена еще неоднократно и в других разделах книги.

Глава одиннадцатая. **Ставка Верховного Главнокомандования**{49}

Ставка Главного Командования была создана 23 июня 1941 года. Ее состав несколько отличался от проекта, предложенного Наркоматом обороны. В нее вошли: народный комиссар обороны С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Н. Г. Кузнецов.

Следовало бы принять наш проект, в котором предусматривалось назначение Главнокомандующим И. В. Сталина. Ведь при существовавшем тогда порядке так или иначе без И. В. Сталина нарком С. К. Тимошенко самостоятельно не мог принимать принципиальных решений. Получалось два главнокомандующих: нарком С. К. Тимошенко — юридический, в соответствии с постановлением, и И. В. Сталин — фактический. Это осложняло работу по управлению войсками и неизбежно приводило к излишней трате времени на выработку решений и отдачу распоряжений.

Предлагали мы также в состав Ставки включить первого заместителя начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутина. Но И. В. Сталин не согласился.

При Ставке была образована группа советников по различным вопросам. Практически группа играла номинальную роль, поскольку все советники вскоре получили другие назначения, а замена их не состоялась.

На протяжении всей войны Ставка находилась в Москве. Это имело большое моральное значение. В связи с угрозой вражеских ударов с воздуха в начале июля из Кремля она

была переведена в район Кировских ворот в небольшой особняк с надежным рабочим помещением и связью, а через месяц поблизости, на перроне станции метро “Кировская”, расположились и операторы Генерального штаба — рабочий орган Ставки.

30 июня 1941 года по образцу ленинского Совета Рабочей и Крестьянской Обороны в период иностранной военной интервенции и гражданской войны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был создан чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным.

ГКО стал авторитетным органом руководства обороной страны, сосредоточившим в своих руках всю полноту власти. Гражданские, партийные, советские организации были обязаны выполнять все его постановления и распоряжения. Для контроля за их исполнением в краях и областях, военно-промышленных наркоматах, на главнейших предприятиях и стройках ГКО имел своих представителей.

На заседаниях ГКО, которые проходили в любое время суток, как правило, в Кремле или на даче И.В. Сталина, обсуждались и решались важнейшие вопросы. Планы военных действий рассматривались Политбюро Центрального Комитета партии и Государственным Комитетом Обороны. На заседания приглашались народные комиссары, которым предстояло принять участие в обеспечении операций. Это позволяло, когда появлялась возможность, сосредоточить огромные материальные силы на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны.

Очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании.

Всего за время войны Государственный Комитет Обороны принял около десяти тысяч решений и постановлений военного и хозяйственного характера. Эти постановления и распоряжения строго и энергично исполнялись, вокруг них закипала работа, обеспечивавшая проведение в жизнь единой партийной линии в руководстве страной в то трудное и тяжелое время.

10 июля 1941 года, в целях улучшения руководства вооруженными силами, решением Государственного Комитета Обороны Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа ее преобразовали в Ставку Верховного Главнокомандования{50}. С тех пор и до конца войны И. В. Сталин являлся Верховным Главнокомандующим.

С образованием Государственного Комитета Обороны и созданием Ставки Верховного Главнокомандования, во главе которых находилось одно и то же лицо — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совета Народных Комиссаров, было завершено создание структуры государственного и военного руководства войной. Центральный Комитет партии обеспечивал единство действий всех партийных, государственных, военных и хозяйственный органов.

Теперь я начал работать непосредственно с И. В. Сталиным. Раньше мне не приходилось так близко с ним соприкасаться, и первое время я чувствовал некоторую скованность в его

присутствии. К тому же сказывался мой недостаточный опыт в стратегических вопросах, и я не был уверен в точности своих прогнозов.

На первых порах И. В. Сталин разговаривал со мной мало. Чувствовалось, что он внимательно приглядывается ко мне и твердого мнения обо мне как начальнике Генерального штаба, у него пока еще не сложилось.

Но по мере того как накапливался опыт, я стал смелее и увереннее высказывать свои суждения и замечал, что И. В. Сталин начал к ним все больше прислушиваться.

19 июля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталин был назначен и народным комиссаром обороны.

Надо сказать, что с назначением И. В. Сталина Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны в Генштабе, центральных управлениях Наркомата обороны, Госплане СССР и в других органах правительства и народного хозяйства сразу же почувствовалась его твердая рука.

Каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за выполнение планов народного хозяйства. На одного из них возлагалась ответственность за выпуск танков, на другого — артиллерийского вооружения, на третьего — самолетов, на четвертого — снабжение боеприпасами, продовольствием и обмундированием и т.д. Командующих родами войск И.В. Сталин лично обязал подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определенной военной продукции точно в назначенное время и нужного качества.

Под воздействием партийно-политической работы, повышения искусства управления войсками, накопленного опыта вооруженной борьбы усиливался отпор врагу. Воины всех родов войск и видов оружия действовали в боях героически и самоотверженно. В войсках заметно поднялась воинская дисциплина.

Однако, несмотря на энергичные меры Ставки и командования фронтов, положение на фронтах продолжало обостряться. Под давлением превосходящих сил противника наши войска отходили в глубь страны. Выше я уже говорил, что наиболее тяжелая обстановка сложилась в первые месяцы войны на западном и северо-западном направлениях. В условиях неблагоприятного для нас развития военных событий складывалась и стратегическая оборона Советских Вооруженных Сил. Она отличалась весьма активными формами и упорством борьбы.

ЦК ВКП(б) и ГКО проявили серьезную озабоченность состоянием противовоздушной обороны страны, так как немецко-фашистская авиация действовала очень активно. Враг возлагал большие надежды на люфтваффе. Он рассчитывал ударами авиации сорвать мобилизацию в западных районах нашей страны, дезорганизовать работу ближайшего тыла, транспорта и государственного аппарата, подорвать волю народа к сопротивлению. Гитлер осыпал воздушных разбойников и их главаря Геринга милостями и наградами.

Анализируя создавшуюся обстановку и учитывая неблагоприятные прогнозы в отношении защиты с воздуха главнейших объектов государства, Верховный Главнокомандующий с присущей ему энергией взялся за укрепление боеспособности противовоздушной обороны. Он пригласил к себе группу руководящих работников ПВО и строго потребовал в

двухдневный срок представить принципиальные соображения по усилению противовоздушных сил и средств, улучшению их организационной структуры и управления. Своими советами большую и полезную помощь оказали ему командующий артиллерией Красной Армии генерал Н. Н. Воронов, генералы М. С. Громадин, Д. А. Журавлев, П. Ф. Жигарев, Н. Д. Яковлев и другие.

Главнейшей задачей ПВО тогда было прикрытие Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров, где производились танки, самолеты, артиллерийское вооружение, добывалась нефть и находились важнейшие железнодорожные коммуникации, объекты энергетики и связи.

Самая мощная группировка сил и средств ПВО была создана для обороны Москвы. В июле она уже насчитывала 585 самолетов-истребителей, 964 зенитных орудия, 166 крупнокалиберных зенитных пулеметов, до 1000 прожекторов и большое количество аэростатов заграждения.

Эта организационная структура ПВО целиком себя оправдала. Фашистская авиация, предпринимая массированные действия, несла громадные потери, но прорваться большими силами к Москве все же не смогла. В общей сложности в налетах участвовали тысячи бомбардировщиков, но лишь считанным из них (два-три процента) удалось проникнуть к городу, да и те вынуждены были сбрасывать свой смертоносный груз где попало.

Во время налетов вражеской авиации на Москву Верховный неоднократно появлялся в подземном помещении командного пункта ПВО столицы и лично наблюдал работу по отражению воздушных сил противника. Здесь спокойно и четко руководил генерал Д. А. Журавлев. После налета И. В. Сталин обычно задерживался и беседовал с офицерами-операторами. Он расспрашивал их о том, что, по их мнению, еще должна сделать Ставка, чтобы противовоздушная оборона была способна выполнять свои задачи, в первую очередь для обороны Москвы.

В последующие годы войны противовоздушная оборона продолжала совершенствоваться и внесла достойный вклад в общее дело разгрома гитлеровских агрессоров.

Я до сих пор с большим уважением и благодарностью вспоминаю личный состав ПВО Ленинграда и Балтфлота: бойцы и офицеры этих войск героически, с подлинным мастерством отражали массовые, почти ежедневные налеты вражеской авиации на город и флот.

Конечно, процесс создания органов советского стратегического руководства занял определенное время и претерпел ряд принципиальных изменений, диктуемых ходом войны и характером военно-стратегической обстановки. Но постепенно советская военная наука, руководствуясь опытом вооруженной борьбы, накопленным еще до Великой Отечественной войны, достигла по вопросам управления войсками значительных успехов.

Люди — командно-политический состав и штабные кадры оперативно-стратегического звена — в основном были подобраны хорошо, притом из числа молодых, энергичных и способных офицеров и генералов. Они горячо взялись за дело, повседневно совершенствуя свои знания в области стратегии и оперативного искусства. Генеральный штаб, Главный штаб Военно-Морского Флота, органы Наркомата обороны, командующие

фронтами, военно-морскими флотами, округами и их штабы много сделали, чтобы обеспечить наибольшую боеспособность вооруженных сил и завоевать победу.

Однако отсутствие у нас высшего органа военного руководства, каким должна была быть Ставка в момент нападения фашистской Германии, естественно, не могло вначале не отразиться на управлении войсками, результатах первых операций и общей оперативно-стратегической обстановке. Тем более что противник уже получил в Европе немалый опыт организации войны и внезапных вторжений ударными силами. Надо признать, что и главкомы направлений и командование фронтов в начале войны допускали существенные недостатки в управлении войсками. Это также отрицательно сказалось на результатах вооруженной борьбы.

Меня иногда спрашивают, почему к началу войны с фашистской Германией мы не в полной мере подготовились к руководству войной и управлению войсками фронтов.

Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимали изменения, происшедшие в характере и способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело главные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии.

Надо признать также, что определенную долю ответственности за недостатки в подготовке вооруженных сил к началу военных действий несут нарком обороны и ответственные работники Наркомата обороны. Как бывший начальник Генерального штаба и ближайший помощник наркома, не могу снять с себя вины за эти недостатки и я.

Наконец, важную роль сыграло и то обстоятельство, что И. В. Сталина до последнего момента — начала гитлеровского нападения на Советский Союз — не покидала надежда, что войну удастся оттянуть. Это в какой-то мере связало и наркома обороны, который не решался входить к И. В. Сталину с проектом о создании Ставки вплоть до весны 1941 года.

В конце весны мне пришлось еще раз, уже в настоятельной форме, просить наркома доложить И. В. Сталину о необходимости рассмотреть разработанный Генштабом проект плана организации Ставки Главного Командования и разрешить провести его практическую проверку на больших командно-штабных учениях. На этот раз доклад состоялся, и И. В. Сталин дал согласие провести такое учение, но подальше от границы, где-нибудь на рубеже Валдай—Орша—Гомель—р. Псёл, а затем представить ему проект организации Ставки, ее функциональных обязанностей и рабочих органов.

Рекогносцировка рубежа для учения была проведена в мае 1941 года, но осуществить учение не удалось. Из-за отсутствия времени и по другим обстоятельствам не были рассмотрены и мероприятия по практической подготовке Ставки Главного Командования и ее органов.

Во многих главах моей книги еще будет сказано об ошибках по управлению войсками. Особенно это касается первого периода войны, вплоть до Сталинградской

контрнаступательной операции. Разумеется, этот самый тяжелый для нас период состоял не только из одних ошибок. В то время были подготовлены и не без успеха проведены крупные операции, сорван план захвата врагом Ленинграда, осуществлен разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Эти и другие бои и сражения многому научили командный состав. Наша армия мужала, совершенствовалось руководство войсками. Когда трудности первого периода остались позади, руководство вооруженной борьбой со стороны Ставки и командования фронтов значительно улучшилось.

Наверху, в Ставке, особенно отчетливо было видно, что на войне ошибки ошибкам рознь: одни из них исправимы, другие исправлениям трудно поддаются. Все зависит от характера ошибок и их масштаба. Ошибки тактические, как свидетельствовал опыт, вышестоящее командование могло быстро ликвидировать. Просчеты оперативного масштаба выправить неизмеримо труднее, особенно если нет в распоряжении командования необходимых сил, средств или времени, чтобы ввести эти силы в дело там и тогда, когда это нужно.

Для исправления оперативно-стратегических ошибок, допущенных Ставкой и командованием некоторых фронтов летом 1942 года (что дало возможность гитлеровским войскам выйти в район Сталинграда и на Северный Кавказ), потребовались чрезвычайные усилия всей страны.

Оглядываясь назад, я позволю себе сказать, что никакое военно-политическое руководство любой другой страны не выдержало бы подобных испытаний и не нашло бы выхода из создавшегося крайне неблагоприятного положения.

Как известно, стратегия полностью зависит от политики, и ошибки военно-политического характера общегосударственного масштаба трудно исправить. Справиться с ними может только та страна, которая ведет справедливую войну и располагает для этого необходимыми военно-материальными возможностями. И, наоборот, когда цели войны не отвечают жизненным интересам народа, ошибки такого рода, как правило, приводят к катастрофическим последствиям.

Но есть и неисправимые просчеты. Такой просчет совершило фашистское руководство гитлеровской Германии, рискнув напасть на Советский Союз. Этот просчет проистекал из неимоверной переоценки своих сил и средств и недооценки потенциальных возможностей СССР — страны, где существует социалистический строй, где вооруженные силы, народ, партия и правительство едины.

Одурманенные предыдущими легкими победами, Гитлер и его политическое и военное окружение считали, что их войска победоносным маршем пройдут по Стране Советов так же, как это было в Западной Европе. Но этого не случилось. Руководствуясь авантюристической, националистической идеологией фашизма, гитлеровцы оказались неспособными правильно разобраться в решающих исход войны вопросах, которые при подготовке к войне нужно знать и решать без эмоций, на базе науки об обществе и войне.

Трезво оценив причины наших неудачных операций 1942 года, Коммунистическая партия, Советское правительство, опираясь на неоспоримые преимущества социалистического общественного и государственного строя, сумели мобилизовать все силы страны на новые усилия по отпору врагу. Благодаря самоотверженной поддержке народа советское Верховное Главнокомандование нашло наиболее приемлемые в данной обстановке

методы и формы борьбы, вырвало в конечном счете у противника инициативу, а затем повернуло ход войны в свою пользу.

После Сталинградской операции руководство военными действиями во всех командных звеньях Советских Вооруженных Сил, до Верховного Главнокомандования включительно, достигло высокого совершенства. Хорошо показало себя большинство командующих фронтами и армиями. Потеряв инициативу, гитлеровское командование не справилось с возникшими трудностями как в отношении организации операций, так и в практическом их осуществлении, что значительно приблизило час их катастрофического поражения. Это было начало общего разгрома фашисткой Германии.

В ходе войны Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство уделяли большое внимание руководству вооруженными силами. За годы войны состоялось более 200 заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), Оргбюро и Секретариата Центрального Комитета партии. Принятые решения по вопросам внешней политики, экономики и стратегии проводились в жизнь соответственно через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, ГКО или Ставку Верховного Главнокомандования.

В основу работы Ставки были положены ленинские принципы централизованного управления войсками. Ставка руководила всеми военными действиями вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, производила наращивание стратегических усилий в ходе борьбы за счет резервов и использования сил партизанского движения. Рабочим ее органом, как уже говорилось, являлся Генеральный штаб.

Новые формы и способы ведения войны, естественно, потребовали организационной перестройки управления войсками. В результате проведенных мер Генштаб был освобожден от ряда функций, которые были переданы другим управлениям. Своей деятельностью Генштаб охватывал все виды вооруженных сил и родов войск — сухопутные, флот, авиацию и т.д. Главное внимание его сосредоточивалось на оперативно-стратегических вопросах, всестороннем и глубоком изучении обстановки, на анализе и обеспечении решений Ставки Верховного Главнокомандования в организационном отношении.

В результате реорганизации Генштаб стал более работоспособным, оперативным органом и смог гораздо результативнее выполнять возложенные на него задачи на протяжении всей войны. Конечно, случались недоработки и после реорганизации, но лишь в отдельных случаях и по некоторым сложным вопросам.

Для улучшения управления фронтами 10 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны образовал три Главных командования войск направлений:

— Северо-Западное (главнокомандующий — маршал К. Е. Ворошилов, член Военного совета — А. А. Жданов, начальник штаба— генерал М. В.Захаров);

— Западное (главнокомандующий — маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета — Н. А. Булганин, начальник штаба — генерал Г. К. Маландин);

— Юго-Западное (главнокомандующий — маршал С. М. Буденный, член Военного совета — Н. С. Хрущев (с 5 августа 1941 г.), начальник штаба— А. П. Покровский).

Создавая Главные командования, Государственный Комитет Обороны рассчитывал помочь Ставке обеспечить возможность лучшего управления войсками, организовать взаимодействие фронтов, военно-воздушных и военно-морских сил. Предполагалось, что Военные советы этих командований в большей степени, чем командование фронтов, смогут использовать местные силы и средства в интересах вооруженной борьбы.

Однако уже первые месяцы существования Главных командований войск направлений показали, что они не оправдывают надежд. Ставка по-прежнему непосредственно руководила фронтами. По существовавшей тогда практике главкомы направлений не имели в своем распоряжении резервов войск и материальных средств, чтобы влиять на ход военных действий. Они не могли без согласия Верховного Главнокомандования проводить в жизнь какие-либо принципиальные решения и, таким образом, превращались в простые передаточные инстанции. В результате в 1942 году Главные командования войск направлений были ликвидированы.

Ставке пришлось вновь руководить действиями большого количества фронтов, развернутых на огромном пространстве. Это неминуемо было связано со значительными трудностями, особенно в области согласования усилий войск нескольких фронтов, действующих рядом. Начались поиски новых методов управления, которые в конечном итоге привели к возникновению эффективной формы непосредственного влияния стратегического руководства на деятельность фронтов. Так появился весьма своеобразный институт стратегического руководства — представители Ставки Верховного Главнокомандования, которые направлялись на важнейшие участки.

Военная история знала подобные примеры, относящиеся еще ко времени Первой мировой войны, когда представители высшего командования, направленные непосредственно к месту военных действий, оказывали весьма важное влияние на ход операций. В первые месяцы Великой Отечественной войны некоторым советским генералам в силу сложившихся обстоятельств, по уполномочию Ставки, также приходилось работать в действующих войсках и, пользуясь данной им властью, добиваться более благоприятного развития обстановки. Но теперь, после годичного опыта войны, деятельность представителей Ставки на определенных участках вооруженной борьбы приняла целенаправленный характер. Отныне ее представители посылались только на те фронты или группы фронтов, где в данный момент решались главные задачи, определявшие ход важнейшей операции или кампании.

Представители Ставки назначались из числа наиболее подготовленных военачальников. Они во всех тонкостях знали обстановку и, как правило, являлись участниками разработки замысла и плана предстоящих операций. Ставка Верховного Главнокомандования неуклонно требовала от своих представителей руководства и полной ответственности за решение операции и наделяла их для этой цели всей полнотой власти. Позволю в этой связи процитировать одну из телеграмм И. В. Сталина представителю Ставки на Крымском фронте Л. З. Мехлису в мае 1942 года.

Уловив в телеграмме Л. З. Мехлиса попытку уйти от ответственности за серьезные неудачи советских войск на Керченском полуострове, И. В. Сталин пишет ему:

“Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дело Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте

вы— не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять ошибки командования. (Выделено мною. — Г. Ж.) Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если вся “обстановка показывала, что с утра противник будет наступать!”, а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки...”{51} (Выделено мною. — Г. Ж.)

Вряд ли нужны какие-либо комментарии к этому весьма четкому документу, определяющему обязанности представителя Ставки Верховного Главнокомандования.

По мере расширения масштабов наступательных операций Советских Вооруженных Сил менялись и обязанности представителей Ставки. Например, в летней кампании 1944 года на западном стратегическом направлении проводился в жизнь план “Багратион”. По этому плану, разработанному коллективными усилиями Ставки, Генерального штаба и Военных советов фронтов, четыре советских фронта, авиация дальнего действия, партизаны наносили одновременные удары. Им была поставлена задача сокрушить группу армий “Центр” — главную группировку войск фашистской Германии.

Условия обстановки потребовали тогда расширения полномочий представителей Ставки. В ходе Белорусской операции представителям Ставки было предоставлено право непосредственного руководства операциями фронтов. Мне лично тогда поручили 1-й, 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты. Александр Михайлович Василевский, с которым мы непосредственно взаимодействовали, руководил наступлением 1-го, 2-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов.

На мой взгляд, эта мера Ставки, предоставившая в то время широкую инициативу своим представителям, способствовала мобильному, оперативному управлению войсками. Поставленная войскам задача была успешно решена, и Красная Армия освободила тогда Советскую Белоруссию, значительную часть Литовской ССР и Латвийской ССР, западные области Украины и юго-восточную часть Польши.

Кого посылала Ставка в качестве своих основных представителей в действующую армию?

Прежде всего, членов Ставки, в том числе К. Е. Ворошилова, Г. К. Жукова, С. К. Тимошенко. Постоянным представителем Ставки в войсках являлся начальник Генерального штаба А. М. Василевский.

Кроме основных представителей Ставки, в войска направлялись генералы Н. Н. Воронов, А. И. Антонов, С. М. Штеменко, Л. З. Мехлис и другие.

Помимо полномочных представителей, которые непосредственно на местах проводили в жизнь решения Ставки по той или иной операции, направлялись и специальные уполномоченные. Они выезжали в войска с целью помочь командованию войск и основным представителям Ставки в организации использования различных видов вооруженных сил и родов войск.

Лично мне за годы войны пришлось выезжать в действующую армию в качестве представителя Ставки не менее 15 раз.

Так же много бывал на фронтах и Александр Михайлович Василевский. Нам не раз приходилось вместе выезжать в район боевых действий и участвовать в разработке и проведении таких крупных операций, как Сталинградская, битва на Курской дуге, наступление на Правобережной Украине и освобождение Белоруссии. Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, отмечают его глубокие знания, четкость и ясность мышления. А. М. Василевский не терпел недоработок и догадок на “авось”, а всегда требовал от лиц, готовивших операцию, твердых, точных данных и обоснованных прогнозов. С большим удовлетворением я всегда вспоминаю нашу дружную работу по организации и проведению операций.

Представители Ставки не командовали фронтами. Эта функция оставалась в руках командующих. Но наделенные большими полномочиями, они могли влиять на ход сражений, в районе которых находились, вовремя исправить ошибки фронтового или армейского командования, конкретно помочь им в получении материально-технических средств из центра. Я не помню случая невыполнения рекомендаций представителя Ставки.

Конечно, следует сказать, что далеко не все они в полной мере обладали одинаковыми возможностями. У многих представителей Ставки не было той власти, которая была, например, у нас с А. М. Василевским: они не имели непосредственного общения с Верховным Главнокомандующим, не располагали необходимым штабным аппаратом и средствами связи и т. д. Это вынуждало их использовать работников и средства связи фронта или армии, которые и без того были перегружены.

От представителей Ставки Верховный требовал ежедневных докладов или донесений о ходе подготовки и проведении операций. Особо важные оценки обстановки и предложения по новым операциям, по указанию И.В. Сталина, писались от руки в одном экземпляре и доставлялись ему через А. Н. Поскребышева. Если по каким-либо причинам в течение суток не поступало докладов от представителей Ставки, Верховный сам звонил им по ВЧ и спрашивал: “Вам что, сегодня не о чем доложить?”

Припоминаю в этой связи один случай. Как-то в конце сентября 1942 года Верховный вызвал в Ставку из района Сталинграда меня и Г. М. Маленкова. После того, как я доложил обстановку, И. В. Сталин строго спросил Г. М. Маленкова:

— А почему вы, товарищ Маленков, в течение трех недель не информировали нас о делах в районе Сталинграда?

— Товарищ Сталин, я ежедневно подписывал донесения, которые посылал вам Жуков, — ответил Г.М. Маленков.

— Мы посылали вас не в качестве комиссара к Жукову, а как члена ГКО, и вы должны были нас информировать, — строго сказал И. В. Сталин.

Институт представителей Ставки просуществовал почти до конца войны. Потребность в нем отпала лишь при проведении заключительной кампании. Уже одно это убедительно свидетельствует о том, что наличие подобного звена управления в системе стратегического руководства было крайне необходимо и безусловно полезно.

Надобности в представителях Ставки не стало лишь тогда, когда больше чем в два раза сократился стратегический фронт борьбы и уменьшилось количество фронтовых объединений. К этому времени командующие фронтами выросли в крупных полководцев, а штабы приобрели опыт в организации и руководстве крупными операциями.

Поэтому операции завершающей кампании 1945 года уже готовились и проводились без участия представителей Ставки. Руководство действиями фронтов в этих операциях — Восточно-Прусской, Висло-Одерской и в некоторых других — осуществлялось непосредственно Ставкой прямо из Москвы. Так было и в заключительном сражении войны — Берлинской операции, когда управление фронтами взял на себя лично Верховный Главнокомандующий. Только маршал С. К. Тимошенко оставался при 2-м и 4-м Украинских фронтах до конца войны.

Ставка Верховного Главнокомандования была коллективным органом руководства боевыми действиями вооруженных сил. В основе ее работы лежало разумное сочетание коллегиальности с единоначалием. Во всех случаях право принятия окончательного решения оставалось за Верховным Главнокомандующим.

Замыслы и планы стратегических операций и кампаний разрабатывались в рабочем аппарате Ставки — в Генеральном штабе с участием некоторых членов Ставки. Этому предшествовала большая работа в Политбюро и Государственном Комитете Обороны. Обсуждалась международная обстановка на данный отрезок времени, изучались потенциальные политические и военные возможности воюющих государств. Только после исследования и обсуждения всех общих вопросов делались прогнозы политического и военного характера. В результате всей этой сложной работы определялась политическая и военная стратегия, которой руководствовалась Ставка Верховного Главнокомандования.

У Ставки никакого другого аппарата управления кроме Генерального штаба не было. В апартаментах Верховного была лишь одна комната, оборудованная аппаратурой для телеграфных переговоров И. В. Сталина с главкомами, командующими фронтами и флотами. Отсюда велись переговоры с Военными советами, отсюда иногда давались прямые указания. Обычно все приказы и распоряжения передавались через Генеральный штаб.

При разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию.

Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу — продумать и рассчитать наши возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4—5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание

начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командование и штаб фронта, в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находившимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного Главнокомандования, материальных запасов.

Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО.

После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием, на что именно следует обратить особое внимание. Определялось, кто персонально направлялся представителем Ставки для координации действий фронтов и кому осуществлять контроль за материально-техническим обеспечением войск, своевременной перегруппировкой войск и резервов Верховного Главнокомандования.

Конечно, всеми этими вопросами, которые приходилось решать Ставке при подготовке операций или военных кампаний, деятельность ее далеко не ограничивалась. Ее объем и степень сложности во многом зависели от того, где, когда и против какого противника и какими силами и средствами проводились операции.

Решения Ставки доводились до исполнителей в виде директив, подписанных Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба. Иногда директивы давались за подписью И. В. Сталина и его заместителя. С 1943 года директивы Ставки вместе с И. В. Сталиным подписывал А. И. Антонов, поскольку заместитель Верховного и начальник Генерального штаба часто находились в войсках. При разработке менее крупных операций командующие фронтами обычно не вызывались в Ставку, а по ее требованию письменно представляли свои соображения по проведению операции.

Общие планы материально-технического обеспечения, как правило, предварительно разрабатывались в Генеральном штабе с участием начальника тыла Красной Армии А. В. Хрулева, начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева и других начальников главных и центральных управлений Наркомата обороны, после чего докладывались Ставке или Государственному Комитету Обороны. Те фронты, которым предстояло проводить операцию, одновременно с оперативной директивой получали указания и по вопросам материально-технического снабжения.

Мы уже говорили, что Ставка и Генштаб всю войну находились в Москве. Когда немецкие войска близко подошли к столице, Генеральный штаб был разделен на две части. Одна часть во главе с первым заместителем начальника Генерального штаба А. М. Василевским оставалась в Москве при Ставке Верховного Главнокомандования, другая во главе с Б. М. Шапошниковым временно переехала в район, где был подготовлен запасной командный пункт. Однако и она вскоре вернулась в Москву.

И. В. Сталин в годы войны выполнял пять обязанностей. Кроме Верховного Главнокомандующего, он оставался на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б), был Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Председателем Государственного

Комитета Обороны, являлся народным комиссаром обороны. Работал он напряженно, по 15—16 часов в сутки. И. В. Сталин высоко ценил работу Генерального штаба и полностью доверял ему. Как правило, он не принимал важных решений без того, чтобы предварительно не выслушать анализа обстановки, сделанного Генштабом, и не рассмотреть его предложения.

Обычно анализ начинался с данных о противнике. Как показал опыт войны, способность командования умело вести разведку противника, быстро обрабатывать полученные данные и делать правильные выводы имеет первостепенное значение. Надо сказать, что Ставка в процессе всей войны, за исключением некоторых моментов в первый ее период, правильно руководила всеми видами разведки, которая своевременно и качественно выполняла поставленные перед ней задачи, и научилась хорошо анализировать обстановку.

Ставка была хорошо осведомлена о положении на фронтах и своевременно реагировала на изменения обстановки. Через Генштаб она внимательно следила за ходом операций, вносила необходимые коррективы в действия войск, уточняла их или ставила новые задачи, вытекающие из сложившейся обстановки. В случае необходимости производила перегруппировку сил и средств для достижения цели операций и поставленных войскам задач, а в особых случаях прекращала операцию.

Генеральный штаб, на который Верховное Главнокомандование опиралось во всей своей деятельности и который всю войну работал достаточно умело, как я уже говорил, И. В. Сталиным в начале войны недооценивался.

Так, например, на второй день войны, когда на многих фронтах создалась исключительно тяжелая обстановка в управлении войсками, начальник Генерального штаба был послан на Юго-Западный фронт помогать командованию организовать борьбу с прорвавшимися немецкими войсками в районе Броды, Владимир-Волынского, Дубно. Первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин на 9-й день войны, когда вопросы управления войсками приобрели исключительное значение, был взят из Генштаба и без особой надобности назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Это была большая утрата для Генштаба, так как Н. Ф. Ватутин хорошо знал войска, был исключительно четкий, оперативно грамотный и трудолюбивый генерал.

Нередки были случаи, когда И. В. Сталин, не ставя в известность Генеральный штаб, давал командующим свои указания, в результате чего происходили серьезные организационные неувязки.

Верховным Главнокомандующим был установлен твердый порядок, по которому Генштаб два раза в сутки докладывал ему карту положения на фронтах со всеми изменениями за истекшее время. К карте прилагалась краткая поясняющая записка начальника Генерального штаба.

Важным звеном в системе органов Генштаба был особый корпус офицеров Генерального штаба. Наряду с ответственными работниками оперативного управления, так называемыми офицерами-направленцами, они выполняли огромную работу непосредственно в войсках, в том числе в районах боевых действий. Численность корпуса офицеров Генерального штаба позволяла обеспечить постоянными представителями Генштаба все штабы фронтов, армий, корпусов и дивизий.

Самоотверженный и полезный труд этих офицеров Генерального штаба еще не получил в нашей военно-исторической литературе должного описания. Это были боевые, знающие свое дело офицеры. Многие из них отдали жизнь во имя Победы. Скромные труженики войны, они заслужили нашу величайшую благодарность и добрую память.

Офицеры Генерального штаба, работавшие в войсках, офицеры-направленцы, находившиеся в аппарате Генерального штаба, были достойными и неутомимыми помощниками Верховного Главнокомандования.

Выше мы уже говорили, что работа Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба по руководству войсками отличалась заблаговременным планированием военных кампаний и стратегических операций.

Позволю себе в этой связи высказать соображения по поводу действенности замыслов и решений нашей Ставки. Известно, что всякое планирование беспочвенно, если оно не опирается на научное предвидение возможного хода операций, форм и способов вооруженной борьбы, с помощью которых достигаются поставленные перед войсками цели. Ставка Верховного Главнокомандования видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство. Она была вооружена, во-первых, знанием общих законов борьбы, опирающихся на прочный фундамент марксизма-ленинизма. Во-вторых, она лучше противника понимала и конкретную обстановку, определяющую ход событий на фронтах. Поэтому, как правило, наша Ставка отчетливо представляла себе вероятные действия немецко-фашистского командования, принимала меры, чтобы разрушить его намерения и добиться своей цели. Все это, вместе взятое, и обеспечило высокую действенность нашего военного планирования.

Конечно, деятельность Ставки не могла замыкаться в рамках руководства лишь главными операциями вооруженных сил. Война требовала твердой руки Верховного Главнокомандования на всем стратегическом фронте — на суше, на воде и в воздухе, а силы, действовавшие в основных операциях, нуждались в поддержке взаимодействующих с ними войск на второстепенных направлениях. Например, при завершении Сталинградской контрнаступательной операции был подготовлен и проведен ряд наступательных операций и на других фронтах. Их целью являлось сковывание или поражение сил и средств, которые гитлеровское командование могло перебросить на участок решающей операции, где противник нес одно поражение за другим и крайне нуждался в резервах. Так было на юге нашей страны, на Западном и Калининском фронтах в конце 1942 — начале 1943 года. Так было и при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Обычно операции на второстепенных направлениях проводились не по заранее разработанным планам военной кампании, а по ходу общей обстановки в распорядительном порядке по указанию Верховного Главнокомандования. Готовились они в ограниченное время и отличались сравнительно небольшими масштабами. По совокупности и общим итогам вместе с основной операцией они составляли содержание военной кампании.

Планирование и подготовка намечаемых операций — дело весьма сложное, многостороннее, требующее не только достаточного времени, но и большого творческого напряжения и организаторских усилий огромного коллектива людей, в первую очередь

самой Ставки, Генштаба и командования фронтов. Велик груз ответственности перед народом, который возлагается на плечи тех, кому поручается эта работа.

Битва на Курской дуге и ее развитие планировалась, например, в течение трех месяцев весной 1943 года. Все последующие кампании — за 2—3 месяца до начала наступления.

Подготавливая кампанию, Ставка, не раскрывая ее сущности, обязательно знакомила командующих фронтами с их конкретными задачами, вытекающими из общего замысла предстоящих действий. Командующие войсками фронтов в соответствии с полученными указаниями разрабатывали, а затем представляли свои соображения по плану операции фронта в Генеральный штаб. Здесь они тщательно рассматривались, анализировались, корректировались, а затем вместе с командованием фронта докладывались Ставке.

Во многих случаях, продумывая ход вооруженной борьбы в предстоящих операциях. Ставка занималась решением не только оперативно-стратегических, но и принципиальных тактических вопросов, например построением боевых порядков соединений, способами применения артиллерии, минометов, танков и т.д. Случалось решать даже некоторые конкретные тактические вопросы обстановки, когда они непосредственно касались хода боевых действий в ключевых пунктах фронта, армий, корпусов и дивизий, как это было, например, при обороне Сталинграда и там же в ходе контрнаступления.

Заблаговременное планирование строилось на полных и своевременных разведывательных данных, которые позволяли Ставке иметь точное представление о намерениях и состоянии противника.

Не менее необходимым был верный анализ общего военного положения и наших собственных сил и возможностей. Действующая армия, резервы людских ресурсов и материальных средств всегда стояли на первом месте в расчетах высшего военного руководства. Кроме того. Советский Союз вел коалиционную войну, поэтому замыслы и действия союзников по антигитлеровской коалиции также учитывались.

Существенным условием правильного планирования кампаний и стратегических операций являлось глубоко научное предвидение хода войны советским военным руководством. Опираясь на него, Ставка ВГК правильно назначала именно те силы и средства, которые обеспечивали быстрый разгром противника в операции и позволяли создать благоприятные условия для дальнейших действий.

О хорошо подготовленных, заранее спланированных операциях Советских Вооруженных Сил дают представление события 1943 года. Тогда, после блестящей Сталинградской битвы и изгнания вражеских войск с Северного Кавказа, последовали успешные операции под Острогожском и Воронежем с выходом на Курскую дугу. Это и позволило выпрямить фронт на московском направлении, что было тогда очень важно.

В результате разгрома ударной группировки немецко-фашистских войск в битве под Курском, на успех которой гитлеровское главное командование возлагало большие надежды, мы создали для себя выгодную обстановку на всем советско-германском фронте на протяжении всех дальнейших летне-осенних операций 1943 года. Во всех этих операциях немецко-фашистские войска понесли крупнейшие и невосполнимые потери в

людях, вооружении и боевой технике, и, что самое главное, резко снизился боевой дух немецко-фашистских войск.

Несмотря на отсутствие второго фронта в Европе, фашистская Германия была поставлена советскими войсками перед лицом военной катастрофы. Чтобы эта катастрофа стала фактом, нужно было организовать и провести ряд новых сокрушительных ударов. Как известно, Ставка Верховного Главнокомандования организовала и блестяще их провела.

Действия советских войск оказали огромное влияние на военное положение на других фронтах Второй мировой войны. Именно благодаря победам Красной Армии наши союзники по антигитлеровской коалиции в это время успешно сумели провести операции в Сицилии и на юге Италии.

Поражения, понесенные вермахтом в летне-осенней кампании 1943 года, окончательно подорвали доверие сателлитов фашистской Германии к гитлеровскому режиму. Начался развал фашистского блока. Для Советских Вооруженных Сил создалась еще более благоприятная стратегическая обстановка. Ставка ВГК умело использовала ее для подготовки операций 1944 года.

В то время уже никто из союзников фашистской Германии и нейтральных стран не верил, что гитлеровский режим сумеет избежать полного разгрома. Но самое главное заключалось в том, что веру в гитлеровское руководство утратили даже те круги в Германии, которые привели Гитлера к власти и всемерно поддерживали его в последующие годы. Одурманенные угаром легких побед в первый период войны, многие в Германии поняли, что все годы фашистской власти они были в плену губительных заблуждений, что Германия не может противостоять Советским Вооруженным Силам, крепнущей антигитлеровской коалиции.

Возвратившись с Тегеранской конференции, Верховный Главнокомандующий сказал:

— Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит.

Как всегда в минуты хорошего расположения духа, И. В. Сталин неторопливо набил трубку табаком папирос “Герцеговина Флор”, чмокая губами, раскурил ее и, выпустив несколько клубов дыма, медленно прошелся по ковровой дорожке кабинета.

— Ну, а если не сдержит, — продолжал он, рассуждая вслух, — у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

Разговор этот в кабинете И. В. Сталина предшествовал совместному заседанию Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и некоторых членов Ставки, которое состоялось в декабре 1943 года. Здесь были всесторонне рассмотрены вопросы военно-политического положения страны. В связи с этим меня и А. М. Василевского вызвали с фронтов, где мы тогда находились как представители Ставки. Александру Михайловичу и его первому заместителю по Генеральному штабу А. И. Антонову Верховный Главнокомандующий поручил доклады о положении на фронтах.

На этом заседании был сделан главный вывод — советский народ, руководимый партией, добился военно-экономического перевеса над врагом. Наше превосходство теперь

определяло дальнейший ход войны. Отсюда следовало, что мы должны были наметить пути, как это превосходство использовать наилучшим образом.

Ставка и Генеральный штаб подсчитали все наши возможности, сделали глубокий анализ состояния противника на всю стратегическую глубину фронта от Баренцева до Черного моря. Анализ показал, что перелом, достигнутый в ходе войны, открывает перед нами широкие перспективы.

Перевес в силах и средствах над врагом, наличие инициативы в руках Советских Вооруженных Сил, выгодное расположение войск, крупные людские и материальные резервы и другие благоприятные факторы позволили теперь по-новому решать стратегические задачи на советско-германском фронте. Героическая и бесперебойная работа советского тыла обеспечивала планомерное снабжение действующей армии всем необходимым. Теперь мы могли готовить и проводить крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем стратегическом фронте. В то же время способность противника парировать эти удары значительно сократилась.

В узком кругу лиц, собравшихся затем в кабинете И. В. Сталина, Верховный поставил вопрос о новой форме проведения кампаний 1944 года. Предварительно он запросил мнение каждого из участников.

Совещание, как обычно, проходило без протоколов. Обсуждали, где именно следовало сосредоточить силы и средства для нового поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять. После обсуждения Верховный приказал Генеральному штабу подготовить предварительные расчеты для проведения ударов в этих десяти районах.

Как только был намечен основной замысел каждой операции и предварительно подсчитаны необходимые силы и средства, Ставка, как обычно, запросила мнение командующих тех фронтов, где намечались операции зимней кампании 1944 года. Когда предложения были собраны, в Генштабе развернулась широкая разработка всех операций. Параллельно шла полным ходом работа по подготовке резервов, их обучению и вооружению. Большой вклад внесли начальники центральных управлений Наркомата обороны и начальник тыла Красной Армии.

Верховный неустанно контролировал подготовку операций 1944 года. Он находил в себе силы и энергию всегда держать в поле зрения всестороннее обеспечение принятых решений, уделяя особое внимание танковым войскам, военно-воздушным силам, артиллерии, организации партийно-политической работы на фронте и в тылу.

Каждый период войны и каждая крупная операция имели свои характерные особенности. Отличительная особенность операций 1944 года— мощь ударов и их внезапность в разных районах стратегического фронта. Расчет был сделан на то, чтобы противник, маневрируя силами и средствами, везде и всюду опаздывал, чтобы он ослаблял плотность войск именно там, где был намечен наш очередной удар. Должен сказать, что предусмотрительность Ставки полностью оправдалась.

Особо сложные задачи при подготовке кампаний 1944 года возлагались на разведку всех видов. Она справилась со своими задачами, и картина состояния противника вырисовывалась достаточно полно.

Первый удар по гитлеровским войскам был нанесен под Ленинградом и Новгородом в январе 1944 года. В результате нашей победы под Ленинградом город был полностью освобожден от фашистской блокады. Советские войска освободили Ленинградскую и часть Калининской области и вступили на землю Эстонии.

Второй удар состоялся на Правобережной Украине. Он был очень сложным и представлял собой ряд крупных наступательных операций, проведенных в основном в феврале—марте 1944 года в районе Корсунь-Шевченковского и на Южном Буге. Тогда немецкие войска были разгромлены и отброшены за Днестр. В итоге этого удара была освобождена вся Правобережная Украина. Советские войска вышли на рубежи, выгодные для последующего глубокого наступления в юго-восточные районы Европы, на Балканы против Румынии, где господствовала пока что диктатура фашиста И. Антонеску, против хортистской Венгрии и других сил противника.

В апреле-мае 1944 года Красная Армия нанесла третий удар в районе Одессы и Крыма. От гитлеровской оккупации были освобождены Одесса, Севастополь и весь Крымский полуостров.

Четвертый удар на Карельском перешейке и в районе Ладожского и Онежского озер привел к освобождению большой части Советской Карелии и предрешил выход Финляндии из войны на стороне Германии. Для немецко-фашистских войск в Заполярье складывалась теперь крайне невыгодная обстановка.

Пятый удар был нанесен в июне-августе 1944 года по немецким войскам группы армий “Центр” в Белоруссии, прикрывавшим основные и кратчайшие пути в Германию. Разбив наголову немецкие войска под Витебском, Могилевом и Бобруйском, наши вооруженные силы окружили и уничтожили более 20 немецких дивизий восточнее Минска. Преследуя врага, советские войска освободили Белоруссию, значительную часть восточной Польши и большую часть Литовской ССР. Сам противник оценил эти события как катастрофу немецких войск в операции “Багратион” в Белоруссии.

Шестой удар был нанесен 1-м Украинским фронтом в районе Львова. Войска Красной Армии форсировали Вислу и образовали крупный плацдарм за Вислой, западнее Сандомира. В то же время 1-м Белорусским фронтом были созданы южнее Варшавы два плацдарма: один — в районе Магнушева, другой — в районе Пулавы. Теперь советские фронты получили благоприятные условия для развития решающего удара — на Берлин.

Седьмой удар привел к окружению и разгрому немецко-румынских войск в районе Кишинева—Ясс. Он завершился ликвидацией около 22 вражеских дивизий и выходом наших войск в центральные районы Румынии. В результате этого удара, принесшего освобождение Молдавской ССР, Румыния была выведена из войны и объявила войну фашистской Германии. Вслед за тем наш 3-й Украинский фронт и силы Черноморского флота вступили в Болгарию, где 9 сентября 1944 года произошла народная революция. Болгария вступила в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

Восьмой удар имел место осенью 1944 года в Прибалтике. Вся Эстонская Советская Социалистическая Республика и большая часть Латвийской Советской Социалистической Республики были освобождены. Остатки разгромленных немецких армий оказались прижатыми к берегу Балтийского моря в Курляндии. 19 сентября Финляндия подписала соглашение о перемирии.

В октябре-декабре 1944 года развернулись наступательные операции девятого удара между Тиссой и Дунаем в Венгрии. В результате этого удара Германия фактически лишилась своего последнего союзника — Венгрии. Красная Армия оказала непосредственную помощь Югославии в освобождении ее столицы Белграда.

Десятый удар состоялся в октябре 1944 года на крайнем северном участке советско-германского фронта. Он завершился разгромом и изгнанием немецко-фашистских войск из Советского Заполярья и северо-восточной части Норвегии.

Крупнейшие победы советских войск в 1944 году явились лучшим свидетельством правильного метода стратегического планирования, принятого Ставкой Верховного Главнокомандования на данном этапе войны, красноречивым подтверждением глубины предвидения нашего высшего военного руководства. Главные силы противника понесли тяжелейшее поражение, а советские войска вышли на выгодные исходные рубежи для завершающей кампании войны.

На протяжении войны совершенствовались способы и возрастали средства влияния Ставки на ход событий. Перегруппировки сил и средств совершались все более искусно, взаимодействие фронтов, сухопутных войск с авиацией, флотом становилось все лучше и лучше. Наши операторы научились направлять войска к цели, назначая им целесообразные разграничительные линии и меняя их в случае необходимости.

Главным же средством внезапного для противника коренного изменения оперативно-стратегической обстановки были и оставались на протяжении всей войны резервы Ставки. В главах этой книги, посвященных героической обороне Москвы, Сталинградской и Курской битвам, операции “Багратион” в Белоруссии и в других, читатель найдет описание конкретных обстоятельств использования стратегических резервов и увидит, что ввод их в сражение производился, как правило, массированно и на основных направлениях. Это и позволяло добиваться крупных результатов.

Ведь как бы ни были хороши замыслы и планы, изложенные на картах, они оставались бы простой бумагой, если бы не были обеспечены соответствующими силами и средствами. Успехи кампаний и операций находятся в прямой зависимости от того, насколько войска обеспечены резервами, вооружением, боеприпасами, горючим и другими материальными средствами, как поставлено дело лечения раненых и возвращение их в строй.

Формирование и подготовка резервов были далеко не простым и не легким делом. Для руководства и контроля за формированием резервов, запасными и учебными частями, для подготовки маршевого пополнения было образовано в 1941 году Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ) во главе с армейским комиссаром 1 ранга Е. А. Щаденко. В годы гражданской войны Ефим Афанасьевич был членом Революционного военного совета Первой и Второй конных армий. Это был требовательный человек и умелый организатор.

Главупраформ сосредоточил в своих руках вопросы комплектования и создания обученных резервов всех родов войск, кроме ВВС, бронетанковых войск и артиллерии, а также контроль за направлением пополнений из запасных и учебных частей фронтам действующей армии.

Обеспечением войск материальными средствами занималось Главное управление тыла. Деятельность организаторов и руководителей тыла достойна широкого освещения. Она была трудна и не всегда приметна, но вклад тыла Советских Вооруженных Сил в победу был велик и снискал себе глубокую благодарность советского народа.

После обращения И. В. Сталина 3 июля 1941 года к советскому народу и специального решения ЦК ВКП(б) в середине июля 1941 года “Об организации борьбы в тылу германских войск” всюду и везде, куда вторгались фашисты, начали активно действовать партизанские отряды, создаваемые и руководимые местными партийными организациями. Уже в 1941 году на оккупированных территориях развернули работу 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных органов, свыше 300 горкомов и райкомов комсомола{52}. Боевая деятельность народных мстителей и тайный фронт подпольной работы стали фактором большого военно-политического значения, который надо было умело использовать для ослабления и уничтожения врага.

Если в первый год войны в руководстве партизанским движением еще не было должной организованности и централизации, то в последующем Ставка управляла военными действиями в тылу врага уверенно и твердо. Это делалось через созданный при ней 30 мая 1942 года Центральный штаб партизанского движения во главе с секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко.

Пантелеймона Кондратьевича я знал очень давно. Твердый коммунист, он оправдал доверие партии и стал подлинным организатором деятельности народных мстителей.

Кроме Центрального штаба, были созданы республиканские и областные штабы партизанского движения, а при штабах фронтов — отделы по связям с партизанскими силами. В результате появилась реальная возможность направлять действия всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов.

Общие задачи партизанским силам ставились ЦК ВКП(б) и Ставкой Верховного Главнокомандования. В соответствии с обстановкой они конкретизировались на местах парторганизациями и органами партизанского движения.

Задачи партизанского движения в основном сводились к тому, чтобы создавать гитлеровцам невыносимую обстановку, уничтожать живую силу, военную технику и материальные средства врага, дезорганизовать работу его тыла, срывать мероприятия военных властей и административных органов фашистских оккупантов. Действия партизан укрепляли уверенность советских людей, оказавшихся на временно оккупированных территориях, в конечной нашей победе над врагом и вовлекали их в активную борьбу с захватчиками.

Война с партизанами приносила врагу большие потери, подавляла его моральное состояние, срывала перевозки и маневрирование войсками, что особенно губительно отражалось на проводимых немецко-фашистским командованием операциях. Несмотря на зверские меры, применяемые с целью ликвидации партизан, силы народных мстителей день ото дня множились и крепли, росла жгучая ненависть к врагу и стремление советского народа скорее разгромить гитлеровских захватчиков.

Круг перечисленных задач партизан, их важность говорит о том, что партизаны могли действовать только организованно, целыми соединениями и отрядами. В осуществлении этих задач участвовали все партизанские силы и подпольные организации народных мстителей.

Повседневное руководство партизанскими силами на местах осуществлялось подпольными организациями нашей партии. Работу этих подпольных партийных организаций трудно переоценить. Активными помощниками партии стали подпольные комсомольские организации. Молодое поколение наше должно знать о героической работе, которую проводили коммунисты и комсомольцы, организуя и вдохновляя на борьбу с врагом советских людей, временно оказавшихся под пятой гитлеровцев.

Центральный штаб партизанского движения просуществовал до конца 1943 года. Когда в начале 1944 года большая часть советской территории была освобождена, он был расформирован и руководство партизанскими силами полностью перешло к партийным органам республик и областей.

Рассматривая вопросы политического и военно-стратегического руководства войной, следует особо сказать о таких важных коллективных органах партии, как Главное политическое управление Красной Армии и Главное политическое управление Военно-Морского Флота, Военные советы и политуправления фронтов и флотов. Роль их, как и всех партийно-политических органов в обеспечении победы над германским фашизмом в годы Великой Отечественной войны, была огромна. Она заслуживает отдельного и подробного рассмотрения и анализа.

Задача эта в последнее время решается в ряде военно-исторических работ. Однако давно назрела необходимость создания фундаментального научного труда, где была бы всесторонне исследована многогранная деятельность политических органов в годы войны. Особенно плодотворной работа Главпура Красной Армии стала тогда, когда во главе его в середине 1942 года встал видный деятель партии и государства, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и Московского комитета партии Александр Сергеевич Щербаков.

И. В. Сталин с большим уважением и доверием относился к Александру Сергеевичу. Вплоть до 1945 года А. С. Щербаков был также начальником Советского информбюро. В период героической обороны Москвы в 1941 году А. С. Щербаков был одним из тех, кто умел зажечь в сердцах защитников столицы огонь жгучей ненависти к фашистам, стремившимся любой ценой овладеть Москвой.

Вся политическая работа в армии, руководство и влияние партии на солдатские массы проводились через политорганы, партийные и комсомольские организации непосредственно в частях и подразделениях. Командующие войсками, командиры всех степеней широко опирались на эту развитую систему партийно- политической работы. На политорганах, партийных и комсомольских организациях лежала особая ответственность за состояние каждой воинской части и ее боеспособности. Они добивались того, чтобы коммунисты и комсомольцы в трудной и сложной боевой обстановке вели за собой бойцов, решительно боролись с проявлениями растерянности и неорганизованности. Партийно-политические органы популяризировали боевой опыт, примеры мужества и отваги, инициативы и находчивости, взаимной выручки в бою. Политическая работа в

войсках все время совершенствовалась, давая положительные плоды, и имела огромное значение для достижения победы.

Деятельность Ставки неотделима от имени И. В. Сталина. В годы войны я часто с ним встречался. В большинстве случаев это были официальные встречи, на которых решались вопросы руководства ходом войны. Но даже простое приглашение на обед всегда использовалось в этих же целях. Мне очень нравилось в работе И. В. Сталина полное отсутствие формализма. Все, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями.

ГКО и Ставка представляли собой два самостоятельных чрезвычайных органа, созданных решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР на период войны. Но так как И. В. Сталин возглавлял и Комитет и Ставку, то формальность обычно не соблюдалась. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки и, наоборот, в Ставке, при рассмотрении важных вопросов, присутствовали члены ГКО. Совместная работа приносила большую пользу: не терялось время на изучение вопросов для проведения их в жизнь, и люди, входившие в состав этих двух государственных органов, всегда были в курсе событий.

Конечно, подобная практика работы Ставки и ГКО была физически очень тяжела для их членов, но в ходе войны об этом не думалось: каждый работал в полную меру своих сил и возможностей. Все равнялись на И.В. Сталина, а он, несмотря на свой возраст, был всегда активен и неутомим. Когда кончилась война и наступили дни сравнительно планомерного труда, И. В. Сталин как-то сразу постарел, стал менее подвижен, еще более молчалив и задумчив. Минувшая война и все связанное с нею сильно и ощутимо отразились на нем.

Читатели первого издания моей книги не раз спрашивали меня, были ли ошибки в работе Ставки и И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего?

В тех разделах книги, где рассматриваются конкретные события войны, я рассказал о некоторых ошибках и просчетах в руководстве вооруженными силами, которые имели место. Выше я уже говорил, что с накоплением опыта ведения войны ошибки и просчеты умело исправлялись, их становилось все меньше и меньше.

И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно.

Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать.

Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организаторскую деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом. Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту.

Очень хорошо сказал Михаил Шолохов в интервью газете “Комсомольская правда” в дни 25-летия победы над фашистской Германией: “Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что "ниспровержение" не отвечает истине”.

К этим словам М. А. Шолохова вряд ли можно что добавить. Они точны и справедливы. Верховный Главнокомандующий сделал все возможное, чтобы Ставка, ее рабочий аппарат — Генеральный штаб и Военные советы фронтов стали подлинно мудрыми и искусными военными помощниками партии в деле достижения победы над фашистской Германией.

И. В. Сталин обычно работал в Кремле в своем рабочем кабинете. Это была просторная, довольно светлая комната, стены которой были обшиты мореным дубом. В ней стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились, кроме того, портреты Суворова и Кутузова. Жесткие стулья, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним — стол, на стенах различные карты мира.

В глубине кабинета у закрытого окна стоял рабочий стол И. В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь были телефоны ВЧ и внутри-кремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои записи синим карандашом, писал быстро, размашисто, разборчиво.

Вход в кабинет вел через проходную комнату А. Н. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего. За кабинетом — небольшая комната отдыха. В комнате связи стояли телеграфные аппараты для переговоров с командующими фронтами и представителями Ставки.

Работники Генштаба и представители Ставки развертывали карты на большом столе и стоя докладывали Верховному обстановку на фронтах, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету медленным широким шагом, вразвалку. Время от времени он подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал коробку папирос “Герцеговина Флор”, разрывал несколько папирос и медленно набивал трубку табаком.

Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами — “короче!”, “яснее!”. Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

И. В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то “белые пятна”, сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только были тогда способны.

При всей тяжести положения на фронтах, особенно в начале войны, когда еще не был окончательно отработан ритм жизни в боевых условиях, к чести руководящего состава Генштаба, я должен сказать, что в целом в Генеральном штабе сразу же установилась деловая и творческая обстановка, хотя напряженность работы в те дни достигла крайних пределов.

На протяжении всей войны я не терял ни личной, ни служебной связи с Генштабом, который немало помогал мне во фронтовых делах, при подготовке и осуществлении операций. Генштаб, как правило, квалифицированно и оперативно разрабатывал проекты директив Верховного Главнокомандования, строго следил за выполнением его указаний, руководил работой штабов фронтов, армий, объединений всех видов вооруженных сил и родов войск, авторитетно докладывал большие и важные вопросы Ставке Верховного Главнокомандования.

Свои суждения по важным вопросам И. В. Сталин во многом строил на основе докладов представителей Ставки, посылавшихся им в войска, из выводов Генерального штаба, мнений и предложений командования фронтов и специальных сообщений.

Непосредственно общаться с И. В. Сталиным мне довелось, начиная с февраля 1941 года, когда я начал работать в должности начальника Генштаба. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз.

Непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушенных и значительных людей внутренне собраться и быть начеку.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчетливо отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя. В руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы. Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры.

Смеялся И. В. Сталин редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

В довоенный период мне трудно было оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства. Выше я уже говорил, что тогда, когда мне доводилось бывать в Политбюро или лично у И. В. Сталина, рассматривались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только еще раз сказать, что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе конструкторов основных видов вооружения и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих образцов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качестве основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолетов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения не принимался и не снимался. С одной стороны, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии. Однако, с другой стороны, следует признать, что такой порядок во многих случаях помогал быстро внедрять в производство тот или иной новый образец боевой техники.

Меня часто спрашивают, действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов.

Здесь, пожалуй, уместно сказать несколько слов о И. В. Сталине, как о военном деятеле, о котором в ряде случаев давались характеристики, не всегда отвечающие действительности.

Я хочу коснуться только его личных качеств и деятельности в области обороны страны на посту Верховного Главнокомандующего.

Многие политические, военные и общегосударственные вопросы обсуждались и решались не на официальных заседаниях Политбюро ЦК и в Секретариате, а вечером за обедом на квартире или на даче И. В. Сталина, где обычно присутствовали наиболее

близкие ему члены Политбюро, среди которых были В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. А. Жданов, А. И. Микоян и К. Е. Ворошилов. Тут же за обедом И. В. Сталиным давались поручения членам Политбюро или министрам, которые приглашались по вопросам, находившимся в их ведении. С наркомом обороны иногда приглашался начальник Генерального штаба.

И. В. Сталин был волевой человек и, как говорится, “не из трусливого десятка”. Растерянным я его видел только один раз. Это было на рассвете 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия напала на нашу страну. Он в течение первого дня не мог по-настоящему взять себя в руки и твердо руководить событиями. Шок, произведенный на И. В. Сталина нападением врага, был настолько силен, что у него даже понизился звук голоса, а его распоряжения по организации вооруженной борьбы не всегда отвечали сложившейся обстановке.

После 22 июня 1941 года, почти на протяжении всей войны, И. В. Сталин твердо управлял страной, вооруженной борьбой и международными делами. Даже в момент смертельной опасности, нависшей над Москвой, когда враг находился от нее на расстоянии 25—30 километров, И. В. Сталин не покидал своего поста, находился в Ставке в Москве и держал себя как подобает Верховному Главнокомандующему.

После смерти В. И. Ленина, перед Отечественной войной и особенно после войны, И. В. Сталину приписывали особо выдающуюся роль в создании вооруженных сил, в разработке основ советской военной науки, основных положений в области стратегии и даже оперативного искусства.

Действительно ли И. В. Сталин был выдающимся военным мыслителем?

Конечно, нет. Все это нагородили в угоду И. В. Сталину, чему способствовал он сам, распространявший версию о том, что якобы В. И. Ленин не знал военного дела и требовал от молодых работников ЦК досконального изучения военного дела и, мол, в первую очередь требовал этого от него, Сталина. При этом как будто В. И. Ленин ссылался на то, что лично он уже стар изучать военное дело. Вслед за этой версией, как водится, и “пошла писать губерния”.

С военной точки зрения И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним начинал войну и вместе с ним закончил ее, До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве. Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций.

В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось.

До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил.

Не разбираясь глубоко в сложности, методах и способах подготовки современных фронтовых операций, И. В. Сталин зачастую требовал явно невыполнимых сроков подготовки и проведения операций. И они по его категорическим требованиям нередко

начинались слабо подготовленными и недостаточно обеспеченными. Такие операции не только не достигали цели, но влекли за собой большие потери в людях и материальных средствах.

И. В. Сталин недооценивал значение авиационной разведки, вследствие чего в течение всей войны у нас не было хорошей разведывательной авиации, хотя мы и имели в образцах замечательные разведывательные самолеты, оснащенные первоклассной разведывательной аппаратурой.

Когда ставился вопрос о необходимости массового производства разведывательных самолетов, И. В. Сталин обычно говорил:

— Выбирайте одно из двух: или боевую или разведывательную авиацию, а то и другое мы строить не можем.

Конечно, И. В. Сталин был не прав, страна наша могла строить и то и другое, но безусловно, в известных пропорциях. Такое недопонимание важной роли разведывательной авиации в современной войне тяжело отражалось на ходе сражений, особенно в первом периоде войны.

Ведя борьбу с врагом в 1941—1942 годах за выигрыш времени, Верховному Командованию необходимо было с особой бережливостью относиться к сохранению людских ресурсов с тем, чтобы в нужный момент, оснастив их новейшей техникой, обрушить затем на врага. Но И. В. Сталин часто этого не делал.

Горячась, он нередко требовал вводить в сражения все новые и новые части, не считаясь с тем, что некоторые соединения войск, вводимые в бой, только что мобилизованы и еще не успели получить необходимую боевую подготовку. Мы убеждали И. В. Сталина в том, что преждевременный ввод в сражение необученных и несколоченных частей приводит к излишним потерям. В таких случаях он сердился и говорил: “Нечего хныкать, на то и война...”

Большим минусом для Верховного было то, что за время войны он лично ни разу не побывал в войсках фронтов и своими глазами не видел боевых действий войск. Все выводы он строил на основе докладов своих заместителей, Генштаба, командования фронтов и спецсообщений.

Могу сказать, что И. В. Сталин позднее овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела. Эти способности И. В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с нанесенной на них обстановкой он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути

для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим.

Конечно, И. В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию армии, фронта или группы фронтов. Верховному Главнокомандующему это было и не обязательно. В таких случаях он, естественно, советовался с членами Ставки, Генштабом и специалистами по артиллерии, бронетанковым, военно-воздушным и военно-морским силам, по вопросам обеспечения тыла и снабжения.

Лично И. В. Сталину приписывали ряд принципиальных разработок основ военной науки, в том числе о методах артиллерийского наступления, о завоевании господства в воздухе, о способах окружения противника, о рассечении окруженных группировок врага и уничтожении их по частям и т. д.

Это не так. Все эти важнейшие вопросы — результат, добытый войсками в боях и сражениях с врагом, они являются плодами глубоких размышлений и обобщения опыта большого коллектива руководящих военачальников и командного состава войск.

Заслуга И. В. Сталина здесь состоит в том, что он быстро и правильно воспринимал советы военных специалистов, дополнял и развивал их и в обобщенном виде — в инструкциях, директивах и наставлениях — незамедлительно передавал в войска для практического руководства.

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для ведения войны Верховный Главнокомандующий, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему в этом должное.

Но, конечно, прежде всего мы должны поклониться до земли нашему советскому человеку, который, отказывая себе в самом необходимом — в питании и сне, делал все от него зависящее, чтобы выполнить задачи, которые ставила перед народом Коммунистическая партия в целях победы над врагом.

К деятельности Ставки Верховного Главнокомандования и ее органов я вернусь еще не раз в этой книге, говоря о тех кампаниях и операциях, в которых мне довелось участвовать. Здесь же считаю необходимым сказать еще о том, что каждая конкретная операция имела свои особенности, которые были связаны с целью действий, задачами войск, спецификой противника — его намерениями, составом, боеспособностью и расположением сил и средств, их маневренностью и, если так можно сказать, способностью преподнести нам неожиданный сюрприз.

Операции различались и по своему размаху — ширине полосы действий войск, глубине ударов, темпам наступления, если это была наступательная операция.

Каждая наша военная кампания или операция требовала глубокого осмысления. Это же относилось и к продуманному замыслу, точному определению общих и частных целей войск, участвующих в операции, их задач, соответствующих целям и задачам оперативного построения и боевых порядков.

При подготовке операции особое значение Ставка придавала отработке тесного взаимодействия фронтов и армий между собой, между видами вооруженных сил и родов войск. Все эти данные с обозначением количества войск и материальных средств ложились в первую очередь на карты Генерального штаба и Военных советов фронтов, участвующих в операции. Но это еще не все.

В наиболее ответственные моменты представители Ставки непосредственно в районе операций не только на картах, но и на местности увязывали задачи, конкретное время и рубежи, силы и средства, способы действий видов вооруженных сил и родов войск, чтобы ничто из их возможностей не пропало даром, не било мимо цели. По ежедневным докладам своих представителей о проделанной лично ими работе Ставка точно могла судить относительно степени готовности операции.

Среди главных вопросов, которые подвергались всестороннему анализу, были и такие, как пути завоевания господства в воздухе, организация всех видов разведки, отработка данных об обстановке.

Большое внимание уделялось управлению войсками. Видимо, осмыслив ошибки в этом вопросе, допущенные в первом периоде войны, Верховный не раз говорил нам с А. М. Василевским, направляя на фронты в качестве представителей Ставки, чтобы мы посмотрели с пристрастием, как тот или иной командующий руководит войсками.

Должен сказать, к чести наших командующих фронтами и армиями, что они всегда помнили о долге перед Родиной, перед партией, постоянно упорно учились сложному полководческому искусству и стали его подлинными мастерами.

Я не знаю случая, когда бы Ставка собиралась в полном своем составе. Даже при обсуждении важнейших операций, в которых участвовало 3—4 фронта, и военных кампаний в работе Ставки принимали участие лишь те ее члены, которых приглашал Верховный, или те, кто выполнял особо ответственную задачу в рассматриваемой операции.

Относился к членам Ставки Верховный Главнокомандующий далеко не одинаково. Большое уважение он питал, например, к Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову. Он называл его только по имени и отчеству и в разговоре с ним никогда не повышал голоса, даже если не был согласен с его докладом. Б. М. Шапошников был единственным человеком, которому И. В. Сталин разрешал курить в своем рабочем кабинете.

Такое отношение было вполне заслуженным. Борис Михайлович являлся одним из наиболее глубоких военных ученых нашего государства, сочетавшим знание теории военной науки с большим практическим опытом работы по оперативно-стратегическим вопросам. Освобождение Б. М. Шапошникова от должности начальника Генерального штаба и назначение его заместителем наркома обороны по строительству укрепленных районов, когда уже развернулась Вторая мировая война, лично я считаю ошибкой.

30 июля 1941 года, когда меня назначили командующим Резервным фронтом, Б. М. Шапошников стал вновь начальником Генерального штаба. Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и

умение Б. М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в действующей армии и особенно со стороны Генштаба.

К сожалению, возраст, тяжелая рабочая нагрузка и особенно болезнь не позволили ему работать всю войну в Генеральном штабе. В мае 1942 года он передал должность своему первому и вполне достойному заместителю А. М. Василевскому, которого он высоко ценил. В июне 1943 года Б. М. Шапошников был назначен начальником Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова.

С особым уважением И. В. Сталин относился и к А. М. Василевскому. Александр Михайлович не ошибался в оценках оперативно-стратегической обстановки. Поэтому именно его И. В. Сталин посылал на ответственные участки советско-германского фронта в качестве представителя Ставки. В ходе войны во всей полноте развернулся его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. В тех случаях, когда И. В. Сталин не соглашался с мнением Александра Михайловича, Василевский умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного, что в данной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует.

В. М. Молотов также пользовался большим доверием И. В. Сталина. Он почти всегда присутствовал в Ставке, когда рассматривались оперативно-стратегические и другие важные вопросы. Между ними нередко возникали разногласия и серьезные споры, в ходе которых формировалось правильное решение.

С большим вниманием прислушивался Верховный к мнению А. И. Антонова, даже тогда, когда он не являлся членом Ставки, а временно исполнял должность начальника Генерального штаба. Подпись Алексея Иннокентьевича на директивах Ставки часто шла вслед за подписью И. В. Сталина.

Считаю уместным сказать здесь об отношении Верховного к командующим и начальникам штабов фронтов. По моим наблюдениям, из командующих фронтами И. В. Сталин больше всего ценил Маршалов Советского Союза К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. С. Конева и генерала армии Н. Ф. Ватутина. Из командующих армиями Верховный выделял А. А. Гречко и К. С. Москаленко, ныне Маршалов Советского Союза, маршалов бронетанковых войск П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистрова, генерала армии Д. Д. Лелюшенко, генерала армии И. И. Федюнинского.

Из начальников штабов фронтов Верховный отличал В. Д. Соколовского и М. В. Захарова, ставших после войны Маршалами Советского Союза, и генерала армии М. С. Малинина.

Хорошее мнение у И. В. Сталина сложилось о командующем авиацией дальнего действия Главном маршале авиации А. Е. Голованове, командующем артиллерией Красной Армии Главном маршале артиллерии Н. Н. Воронове. Важные задачи обычно он ставил им лично.

Из военно-морских военачальников И. В. Сталин очень высоко ценил адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова.

Нельзя не сказать здесь доброго слова о А. В. Хрулеве, с мнением которого Верховный очень считался и часто с ним советовался по широкому кругу вопросов снабжения войск.

Невозможно перечислить всех тех, кто пользовался доверием И. В. Сталина. Скажу только одно: он хорошо знал их лично, ценил за знания и преданность делу и, когда возникала особо ответственная задача, в первую очередь поручал ее решение этим людям.

С первых и до последних дней войны мне довелось принимать участие в работе Ставки ВГК, видеть работу Генерального штаба, Наркомата обороны и близко соприкасаться с работой Государственного Комитета Обороны. Могу твердо сказать, что советское военно-стратегическое руководство было на исключительно высоком уровне.

В ходе войны наше Верховное Главнокомандование сумело за сравнительно короткий срок преодолеть огромные трудности, возникшие в начале войны, в результате чего Советские Вооруженные Силы отстояли Ленинград, разгромили немецко-фашистские войска под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и на Украине, вырвали у врага стратегическую инициативу, чтобы затем сокрушительными ударами довести войну до победного конца.

Все это говорит о том, что советское военное искусство, базирующееся на марксистско-ленинской науке, было выше немецко-фашистской стратегии и тактики искусства ведения операций. Наше Верховное Главнокомандование подвергало глубокому анализу сложившуюся оперативно-стратегическую обстановку, разрабатывало и осуществляло действенные меры для преодоления возникавших трудностей, объединяло усилия фронта и тыла, всего народа для окончательного сокрушения врага. Вероломно напав на Советский Союз, Гитлер и его военное окружение столкнулись с армией нового типа, воспитанной в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, имеющей перед собой ясную цель — оборону первой страны социализма. Советского солдата отличали глубокое сознание своей освободительной миссии, готовность идти на самопожертвование во имя свободы и независимости Родины, во имя социализма.

В этой связи считаю необходимым высказать свое мнение и о верховном командовании немецко-фашистских войск. Как уже отмечалось выше, после захвата большей части Европы гитлеровское политическое и военное руководство самоуверенно считало, что военное искусство фашистской Германии достигло самых высших показателей. Эта авантюристическая политика не была случайной. Она основывалась на фашистской идеологии расового превосходства, на традиционных устоях прусского милитаризма, уже не раз приводившего Германию на край катастрофы. Имея за своими плечами отмобилизованный военно-промышленный потенциал не только Германии, но и практически всей Западной Европы, Гитлер и его генералы сделали свою основную ставку на молниеносный разгром Советского Союза. Они переоценили свои силы и возможности и серьезно недооценили силу, средства и потенциальные возможности Советского государства.

Гитлер всю вину за провал плана “Барбаросса” и другие неудачные операции возлагал на своих фельдмаршалов и генералов: они-де, будучи бездарными, не смогли осуществить на практике его “гениальные” планы.

После смерти Гитлера все пошло наоборот: обвиняемые превратились в обвинителей. Теперь они открыто заявляли, что главным виновником поражения Германии в этой войне является Гитлер, “скромно” умалчивая о том, что все они были активными участниками войны с Советским Союзом, а многие из них и непосредственными

участниками злодеяний, которые творились немецко-фашистскими войсками на советской земле.

За все это память и суд народов пригвоздили как гитлеровский режим, так и его генералов к позорному столбу истории.

Разрабатывая планы войны против Советского Союза и операции для осуществления стратегических замыслов третьего рейха, гитлеровское руководство чрезвычайно заботилось о сохранении строжайшей тайны проведения этих мероприятий. Надо признать, что эта задача удалась неплохо. “План дезинформации”, разработанный под руководством Кейтеля и Йодля, имевший целью показать, что немцы якобы готовятся к вторжению в Англию, был осуществлен не без пользы для Германии. В начале войны это серьезно осложнило для нас общую обстановку.

Однако очень скоро выяснилось, что в целом план “Барбаросса” оказался нереальным. Основной идеей этого плана было, как известно, окружение и уничтожение главных сил Красной Армии, расположенных в приграничных военных округах. Враг надеялся, что с потерей их советскому Верховному Главнокомандованию нечем будет защищать Москву, Ленинград, Донбасс и Кавказ. Но эти надежды немецко-фашистского командования не осуществились.

Правительство фашистской Германии и нацистское военное руководство строили свои расчеты на мифических слабостях Советского Союза. Они никак не ожидали, что в минуту смертельной опасности советский народ, сплотившись вокруг Коммунистической партии, непреодолимой силой встанет на их пути. Это они сразу почувствовали на всех стратегических направлениях.

Гитлеровское руководство без всяких к тому оснований считало, что Красная Армия не выстоит против немецко-фашистских войск по той причине, что во главе ее стоят молодые, еще недостаточно умудренные опытом современных сражений военачальники.

Полной неожиданностью для гитлеровцев явилась война на территории СССР, так сказать, на два фронта: с одной стороны, против регулярных войск Красной Армии, а с другой — против организованных партизанских сил в тылу немецких войск.

После разгрома немецко-фашистских войск в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское верховное командование оказалось неспособным справиться со сложившейся на фронтах обстановкой. Потеряв инициативу, оно принимало такие неразумные решения, которые лишь приближали час окончательного краха третьего рейха.

Советская военная наука, базирующаяся на преимуществах социалистического общественного и государственного строя, явилась существенным фактором в деле обеспечения победы над фашистской Германией. За годы Отечественной войны она сделала большой шаг вперед и обогатилась ценнейшим опытом в области тактики, оперативного искусства и стратегии. До сих пор она верно служит и впредь будет служить подготовке Советских Вооруженных Сил, укреплению обороны нашей великой Родины.

Твердо помня указания В. И. Ленина о том, что, пока существует империализм, остается и опасность новой войны, наша партия уделяет особое внимание строительству

вооруженных сил, разработке способов и форм вооруженной борьбы, чтобы всегда иметь армию и флот на высоте государственных задач. Вместе с тем используется опыт и прошлой войны. Нам, ветеранам Советской Армии, участникам Великой Отечественной войны, приятно сознавать, что наши знания и опыт нужны и полезны социалистической Родине даже в век ракет, радиоэлектроники и атома.

А теперь вернемся к событиям Великой Отечественной войны.

Глава двенадцатая. **Ликвидация Ельнинского выступа противника**

...Шел второй месяц войны, а широко разрекламированное обещание Гитлера уничтожить в кратчайший срок Красную Армию, захватить Москву и выйти на Волгу сорвалось. Немецкие войска повсюду несли колоссальные потери. Общий фронт противника значительно расширился. Оперативная плотность войск стала резко снижаться, и теперь их уже не хватало для одновременного наступления на всех стратегических направлениях.

Это отнюдь не означало, что опасность для страны в какой-то мере ослабла. Нет, враг продолжал рваться вперед и одерживать успехи. Борьба обострялась на всех участках советско-германского фронта.

Исход Смоленского сражения имел важное значение для последующего хода войны. Хотя сам город Смоленск 16 июля оказался в руках противника, все же оборона армий Западного фронта не была сломлена и крепко стояла, преграждая путь к столице. Среди гитлеровских офицеров, генералов и даже солдат, привыкших к легким победам на Западе, начали появляться сомнения и разочарования.

Что же касается морального состояния наших войск, то оно продолжало неуклонно повышаться. В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) Главное политическое управление Красной Армии направило в середине июля в войска две важные директивы, в которых оценивалось положение дел за первые три недели войны и содержалось требование повысить передовую роль коммунистов и комсомольцев непосредственно в бою, в выполнении приказов командования.

На московском и киевском направлениях противник понес большие потери, но пока это еще не свидетельствовало о его слабости. Бронетанковые соединения, авиация, да и пехота были вполне способны массированными действиями наносить нашим войскам тяжелые удары. Но теперь он вынужден был это делать с большей осторожностью и не на всех стратегических направлениях.

Задача Ставки состояла на этом этапе в том, чтобы не проглядеть подготовку и направление важнейших ударов противника и маневру гитлеровцев противопоставить свой маневр.

Обсудив сложившуюся на фронтах обстановку с начальником оперативного управления Генштаба генералом В. М. Злобиным, его заместителем генералом А. М. Василевским и другими руководящими работниками, мы пришли к общему выводу, что противник, пожалуй, не рискнет в ближайшее время наступать на Москву. Он не был готов к этой операции, так как не располагал ни необходимым количеством ударных войск, ни их должным качеством.

Кроме того, опасное оперативное положение флангов группы армий “Центр”, в котором они очутились, не могло не влиять на ход событий. Дело в том, что захваченная врагом территория тянулась длинной косой линией от Ельни на Рогачев и Жлобин, где располагался наш недавно созданный Центральный фронт. Правда, как уже сказано выше, он был еще слабым, имел всего лишь две армии (13-ю и 21-ю), но своим южным флангом примыкал к войскам Юго-Западного фронта, оборонявшим район Киева и подступы к нему.

Занимая столь опасное для группы армий “Центр” положение, наш Центральный фронт мог быть использован для ударов во фланг и тыл этой вражеской группировки.

К югу от Киева противник всюду рвался к Днепру, но форсировать его пока не смог. Основная группировка противника стремилась овладеть районом Кременчуга.

Мы внимательно рассмотрели многие варианты возможных действий войск противника на данном участке фронта и пришли, на наш взгляд, к единственно правильному выводу. Суть его состояла в том, что гитлеровское командование, видимо, не решится оставить без внимания опасный для группы армий “Центр” участок — правое крыло фронта — и будет стремиться в ближайшее время разгромить наш Центральный фронт.

Если это произойдет, то немецкие войска получат возможность выйти во фланг и тыл нашему Юго-Западному фронту, разгромят его и, захватив Киев, обретут свободу действий на Левобережной Украине. Поэтому только после того, как будет ликвидирована угроза для них на фланге центральной группировки со стороны юго-западного направления, гитлеровцы смогут начать наступление на Москву.

Что касается северо-западного направления, то мы полагали, что противник здесь должен значительно усилить войска группы армий “Север”, с тем чтобы в кратчайшее время попытаться овладеть Ленинградом, соединиться с финской армией, а затем повернуть свои силы тоже на Москву, обходя ее с северо-востока. Этой операцией гитлеровское командование будет стремиться снять угрозу левому флангу своей ударной группировки на московском направлении.

К таким выводам о перспективе ближайших операций немецко-фашистских войск привел нас анализ общей обстановки на фронтах.

Еще раз тщательно взвесив все обстоятельства, проверив расчеты наших сил и средств и утвердившись в правильности прогнозов, я решил срочно доложить их Верховному Главнокомандующему.

Действовать надо было немедленно. Мы все считали, что всякое промедление с подготовкой и проведением контрмер будет использовано противником, в руках которого находилась тогда оперативно-стратегическая инициатива.

29 июля я позвонил И. В. Сталину и просил принять для срочного доклада.

— Приходите,— сказал Верховный.

Захватив с собой карту стратегической обстановки, карту с группировкой немецких войск, справки о состоянии наших войск и материально-технических запасов фронтов и центра, я

прошел в приемную И. В. Сталина, где находился А. Н. Поскребышев, и попросил его доложить обо мне.

— Садись. Приказано подождать Маленкова и Мехлиса. Минут через десять все были в сборе и меня пригласили к И. В. Сталину.

— Ну, докладывайте, что у вас, — сказал И. В. Сталин.

Разложив на столе свои карты, я подробно доложил обстановку, начиная с северо-западного и кончая юго-западным направлением. Привел цифры основных потерь по нашим фронтам и ход формирования резервов. Подробно показал расположение войск противника, рассказал о группировках немецких войск и изложил предположительный характер их ближайших действий.

И. В. Сталин слушал внимательно. Он перестал шагать вдоль кабинета, подошел к столу и, слегка наклонившись, стал внимательно разглядывать карты, до мельчайших обозначений на них.

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — резко и неожиданно бросил реплику Л. З. Мехлис.

— Мне неизвестны планы, по которым будут действовать немецкие войска, — ответил я, — но, исходя из анализа обстановки, они могут действовать только так, а не иначе. Наши предположения основаны на анализе состояния и дислокации крупных группировок, и прежде всего бронетанковых и моторизованных войск.

— Продолжайте доклад, — сказал И. В. Сталин.

— На московском стратегическом направлении немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий “Центр”.

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий “Юг”.

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направление на Унечу — Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

— Что вы предлагаете? — насторожился И. В.Сталин.

— Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, — спросил И. В. Сталин, — считаете возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12—15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Л. З. Мехлис.

Я не ответил и продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил И. В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова “сдать Киев” для всех советских людей и, конечно, для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я.

Наступило тяжелое молчание...

Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее.

— На западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? — вспылил И. В. Сталин. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать... — И вдруг на высоких тонах бросил: — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

— Вы не горячитесь, — сказал И. В. Сталин. — А впрочем... мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

И. В. Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

— Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством собственного бессилия. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.

А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Разумеется, вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда прикажете мне отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь. Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. — Затем, чуть помедлив, И. В. Сталин добавил: — Действия резервных армий на ржевско-вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

— Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте с нами чаю, — уже улыбаясь, сказал И. В. Сталин, — мы еще кое о чем поговорим.

Сели за стол и стали пить чай, но разговор так и не получился.

На следующий день состоялся приказ Ставки.

Сборы на фронт были недолгими. Вскоре в Генштаб прибыл Б. М. Шапошников. После сдачи ему обязанностей начальника Генерального штаба я выехал в район Гжатска, где располагался штаб Резервного фронта. Здесь только что закончилось укомплектование армий и составлялся расчет дополнительных средств для фронта.

Начальника штаба Резервного фронта генерал-майора П. И. Ляпина и командующего артиллерией фронта генерал-майора Л. А. Говорова я знал давно и хорошо. Это были мастера военного дела высокого класса, и я был очень рад, что буду работать с ними.

В штабе фронта задержался недолго. П. И.Ляпин и его помощники доложили о боевых действиях фронта и данные о противнике. Особенно тщательно были разобраны условия, влиявшие на подготовку и проведение предстоящей операции с целью ликвидации здесь группировки противника. В тот же день вместе с Л. А. Говоровым и другими офицерами я отправился в штаб 24-й армии. Войска ее вели перестрелку с противником. Ехали при мрачном отблеске пожаров, полыхавших где-то под Ярцевом, Ельней и западнее Вязьмы.

Что горело — мы не знали, но вид пожарищ создавал тяжкое впечатление. Гибло в огне народное добро — результат многолетнего труда советских людей. Я спрашивал себя: как и чем должен ответить врагу наш народ за беды, которые фашисты сеют на своем кровавом пути? Мечом и только мечом, беспощадно уничтожая злобного врага, — был единственный ответ...

В штаб 24-й армии приехали поздно вечером. Нас встретили командарм К. И. Ракутин, член Военного совета армии Иванов и командующие родами войск. К. И. Ракутина я раньше не знал. Доклад его об обстановке и расположении войск армии произвел на меня хорошее впечатление, но чувствовалось, что оперативно-тактическая подготовка у него была явно недостаточной. К. И. Ракутину был присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних дел, которым почти не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства.

На следующий день рано утром вместе с К. И. Ракутиным мы выехали в район города Ельни на рекогносцировку. Там шел огневой бой с противником. Побывали на переднем крае обороны, обсудили обстановку с командирами частей и соединений. В результате убедились, что немецкие войска укрепились хорошо и, видимо, будут драться крепко. На переднем крае своей обороны и в глубине они закопали в землю танки, штурмовые и артиллерийские орудия и таким путем превратили ельнинский выступ в своеобразный укрепленный район.

Изучая обстановку на местности, мы поняли также, что огневая система немецкой обороны была выявлена еще далеко не полностью. Поэтому наши части вели артиллерийский и минометный огонь главным образом не по реально существующим огневым точкам, обнаруженным разведкой, а по предполагаемым. Такой огонь обычно малоэффективен, он не уничтожает огневые средства противника и требует большого количества боеприпасов. Что касается сил и средств для проведения контрудара, то их у 24-й армии было явно недостаточно.

Постепенно обстановка прояснилась. Пришлось засесть за расчеты.

Посоветовавшись с командармом и командующими родами войск армии, мы пришли к выводу, что для подготовки этой операции потребуется провести разнообразную и большую по объему работу. Нужно было дополнительно сосредоточить две-три дивизии и артиллерийские части, более глубоко изучить всю систему обороны противника, подвезти средства материально-технического обеспечения. Для этого надо было иметь по

крайней мере 10— 12 дней. Следовательно, наступление можно было провести не ранее второй половины августа.

Чтобы враг не сумел разгадать наши намерения и сорвать операцию, нужно было держать подготовку удара в глубокой тайне. Это значило, что до начала наступления мы ничего не должны были менять в режиме наших оборонительных действий и продолжать наносить врагу потери прежним способом, главным образом изнуряя его постоянным артиллерийским, минометным и стрелково-пулеметным огнем. А тем временем скрытно произвести перегруппировку своих сил и средств для решительных действий.

12 августа я допрашивал пленного Миттермана. Ему было 19 лет. Отец его являлся членом партии наци, а сам он состоял в “Югендфольке”. Вместе со своей дивизией он участвовал в походах во Францию, Бельгию, Голландию и Югославию.

Вот что он показал на допросе:

— Большинство солдат дивизии в возрасте девятнадцати-двадцати лет. Комплектовалось соединение по особому персональному отбору. Дивизия прибыла в район Ельни вслед за 10-й танковой дивизией.

Район Ельни пленный характеризовал как передовую линию для дальнейшего движения в глубь Советского Союза. Задержку в течение трех недель и переход в районе Ельни к обороне он понимал как выигрыш во времени, в течение которого немецкое командование подбросит к фронту необходимые резервы и пополнение.

— Мы много прошли, надо подтянуть резервы и тогда идти вперед, — так было разъяснено нам специальным приказом командующего танковой группой генерала Гудериана, — рассказывал пленный.

Любопытный вариант разъяснительной работы среди немецких солдат и объяснения задержки дальнейшего движения вперед и перехода к обороне! Что называется, выдают нужду за добродетель...

— Наш полк “Дойчланд” занимал оборону в районе Ельни, — продолжал давать показания пленный. — Он был выведен на отдых и потом снова брошен на передовые позиции в связи с большими потерями в частях и неудачными оборонительными действиями. Потери в полках настолько значительны, что в стрелковые подразделения зачислены тыловики. Наибольшие потери немецкие войска несут от советской артиллерии. Русская артиллерия сильно бьет. Ее огонь на немецкого солдата действует угнетающе.

Из разъяснительного приказа своего командования о партизанском движении в занятых немецкими войсками районах Миттерман знал, что в лесах находится немало советских воинских частей и гражданских лиц, которые внезапно нападают из засады, ведут губительный огонь по их войскам и нарушают коммуникации немецкого тыла. В конце допроса пленный сказал, что командование его дивизии вплоть до командиров полков сменено в связи с потерями и неудачами в последних действиях под Ельней...

Ставка торопила нас с подготовкой наступления. В середине августа войска Резервного фронта частью сил перешли в наступление, добились некоторых территориальных

успехов и нанесли врагу ощутимые потери. Противник был вынужден отвести две свои сильно потрепанные танковые дивизии, моторизованную дивизию и моторизованную бригаду, заменив их пехотными соединениями.

Позднее стало известно, что, ссылаясь на тяжелые потери, командование группы армий “Центр” просило Гитлера разрешить оставить ельнинский выступ. Но гитлеровское руководство эту просьбу отклонило: район Ельни рассматривался как выгодный плацдарм для нанесения удара в дальнейшем наступлении на Москву.

Бои под Ельней дали нашим войскам много полезного и поучительного для правильного понимания оборонительной тактики врага. Было установлено, что немецко-фашистские части строят оборону прежде всего вокруг населенных пунктов, превращая их в мощные опорные пункты. Система опорных пунктов располагалась в основном на переднем крае обороны. В то же время гитлеровцы недостаточно развивали оборону в глубине. Каждый опорный пункт имел обстрел во многих направлениях и был приспособлен к круговой обороне. Подобная система придавала каждому отдельному объекту большую самостоятельность и должна была, по замыслу немцев, повысить устойчивость обороны в целом. Потеря одного такого опорного пункта восполнялась за счет привлечения огневых средств соседних с ним объектов и участков.

Отсюда следовало, что, наступая на опорный пункт, мы должны были прочно обеспечивать свои фланги и надежно подавлять огневые средства смежных опорных пунктов противника. Иначе наступающие войска рисковали оказаться в огневом мешке.

Такой случай, как мне помнится, был. При атаке одного из рубежей на подступах к Ельне наш стрелковый полк (номера его, к сожалению, не помню) овладел д. Выдрино, где находился опорный пункт врага. Соседи несколько отстали, и поэтому ближайшая к деревне местность на флангах атакующего полка не была полностью очищена от противника. Это немедленно сказалось на положении полка. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, неприятель сосредоточил весь огонь минометов из соседних опорных пунктов по деревне. Наступление задержалось.

Однако командир полка не растерялся. Он связался с поддерживающей артиллерией и поставил перед ней задачу — подавить опорные пункты немцев, мешающие его части двигаться вперед. Только после того как эта задача была выполнена, полк смог продолжать наступление.

Нам удалось выявить и слабые стороны противника. Контратаки наших частей показали неустойчивость немецко-фашистской пехоты. Неся огромные потери от огня советской артиллерии, немецкие солдаты, как правило, не вели прицельного огня. Они поспешно укрывались в окопы и, ведя оттуда беспорядочную стрельбу, стремились воздействовать на психику наступающих. Потерь же наносили относительно немного. Скоро наши воины перестали обращать внимание на этот искусственный шум и успешно громили противника.

Я поручил штабу фронта всесторонне проанализировать опыт августовских боев под Ельней и быстро довести его до командования всех степеней. От командиров частей и соединений мы потребовали глубже изучать силы и систему обороны немецких войск, вести разведку не “вообще”, а конкретно, выявляя огневые средства и характер инженерных сооружений их опорных пунктов.

Благодаря принятым мерам по улучшению разведки командование и штаб фронта вскоре стали располагать полными данными о противнике, его огневой и инженерной системах.

Эти сведения, а также показания многих пленных дали нам возможность тщательно, во всех деталях отработать план артиллерийского огня, авиационного удара и поставить конкретные задачи частям и соединениям на полный разгром здесь противника.

Большую работу в этом отношении провел генерал-майор Л. А. Говоров, отлично знавший артиллерийское дело. Да и не только артиллерию, он прекрасно разбирался и в оперативно-тактических вопросах.

Несмотря на всю остроту боевых событий в районе Ельни и большую занятость в связи с подготовкой предстоящей здесь наступательной операции, я все время мысленно возвращался к разговору, который произошел у меня в Ставке с И. В. Сталиным 29 июля. Правильный ли стратегический прогноз мы сделали тогда в Генштабе?

Сейчас бытуют различные версии о позиции Ставки, Генерального штаба, командования юго-западного направления и Военного совета Юго-Западного фронта в отношении обороны Киева и отвода войск на реку Псёл из-под угрозы окружения. Поэтому считаю нужным привести выдержки из разговора И.В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносом 8 августа 1941 года. Они свидетельствуют о том, что мнения Верховного Главнокомандующего и Военного совета Юго-Западного фронта совпадали — они были против отвода советских войск из-под Киева.

У аппарата Сталин. До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять Киев. Верно ли это?

Кирпонос. Здравствуйте, товарищ Сталин! Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдавать. Противник, перейдя в наступление силой до 3 пехотных дивизий на южном фасе УРа, при поддержке авиации прорвал УР и вклинился на глубину до 4 километров. За вчерашний день противник потерял до 4000 человек убитыми и ранеными. Наши потери за вчерашний день — до 1200 человек убитыми и ранеными. Бой велся ожесточенный, отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Для усиления частей УРа даны вчера и сегодня две авиадесантные бригады. Кроме того, даны сегодня 30 танков с задачей уничтожить прорвавшиеся в УР части противника и восстановить прежнее положение. Для содействия наземным войскам поставлена задача авиации.

Сталин. Можете ли уверенно сказать, что вы приняли все меры для безусловного восстановления положения южной полосы УРа?

Кирпонос. Полагаю, что имеющиеся в моем распоряжении силы и средства должны обеспечить выполнение поставленной УРу задачи. Одновременно должен доложить вам, что у меня больше резервов на данном направлении уже нет.

Сталин. Возьмите часть с других направлений для усиления киевской обороны. Я думаю, что, после того как Музыченко вышел из круга, наше наступление в известном вам направлении теряет первоначальное значение... Стало быть, у вас с этого направления также какие-то части освободятся. Может быть, можно за счет освободившихся частей усилить районы севернее Киева или западнее Киева...

Комитет обороны и Ставка очень просят вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева.

Недели через две будет легче, так как у нас будет возможность помочь вам свежими силами, а в течение двух недель вам нужно во что бы то ни стало отстоять Киев...

Кирпонос. Товарищ Сталин, все наши мысли и стремления, как мои, так и Военного совета, направлены к тому, чтобы Киев противнику не отдать. Все, что имеется в нашем распоряжении, будет использовано для обороны Киева, с тем чтобы выполнить поставленную перед нами задачу...

Сталин. Очень хорошо. Крепко жму вашу руку. Желаю успеха. Все.

Кирпонос. До свидания, спасибо за пожелание успеха{53}.

Во второй половине августа, еще и еще раз проанализировав общую стратегическую обстановку и характер действий противника на западном направлении, я вновь утвердился в правильности своего прогноза, изложенного в докладе И. В. Сталину 29 июля, о возможных действиях гитлеровского командования на ближайшее время. Поэтому как член Ставки счел себя обязанным еще раз повторить Верховному Главнокомандующему свои прежние предположения о возможных ударах немецко-фашистских войск во фланг и тыл Центрального, а затем и Юго-Западного фронтов.

Мою уверенность подкрепили полученные от захваченных на нашем фронте пленных сведения о переходе войск группы армий “Центр” к временной обороне на московском направлении. Отказ противника от наступательных операций здесь являлся сам по себе фактом чрезвычайной важности. Это был, насколько я знаю, первый в истории Второй мировой войны случай вынужденной обороны гитлеровских войск на главном стратегическом направлении. Все это еще раз подтверждало правильность сделанного нами уже известного читателю прогноза.

Поэтому 19 августа я послал И. В. Сталину следующую телеграмму:

“Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов—Конотоп—Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов—Чернигов—Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел. В состав ударной группировки необходимо включить 10—11 стрелковых дивизий, 3—4 кавалерийские дивизии, не менее тысячи танков и 400—500 самолетов. Их можно было выделить за счет Дальнего Востока, сил Московской зоны обороны и ПВО, а также внутренних округов”{54}.

В тот же день, 19 августа, я получил ответную телеграмму Ставки Верховного Главнокомандования следующего содержания:

“Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными. Продвижение немцев... будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин, Шапошников”{55}.

К сожалению, никаких пояснений относительно возможностей нового фронта и о “других мерах” в телеграмме не сообщалось.

Мучительные опасения за судьбу Центрального и Юго-Западного фронтов меня не покидали...

Дня через два решил позвонить начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову. Хотелось точно выяснить, какие конкретные меры принимает Верховное Главнокомандование, чтобы не поставить Центральный и Юго-Западный фронты в тяжелое положение.

Борис Михайлович сообщил мне данные обстановки на этих участках фронта и о принятых Ставкой мерах для противодействия маневру танковой группы Гудериана и войск правого крыла группы армий “Центр”.

Он сказал, что Верховный разрешил отвести часть войск правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. Киевская же группировка наших войск оставалась на месте и должна была защищать подступы к Киеву, который решено удерживать до последней возможности.

— Лично я, — продолжал Б. М. Шапошников, — считаю, что формируемый Брянский фронт не сможет пресечь возможный удар центральной группировки противника. К сожалению, — добавил он, — генерал-лейтенант Еременко в разговоре со Сталиным клялся разгромить противника, действующего против Центрального фронта, и не допустить его выхода во фланг и тыл Юго-Западного фронта.

Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, и поэтому счел необходимым еще раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному Главнокомандующему о необходимости быстрейшего отвода всех войск правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра.

С моей рекомендацией и на этот раз не посчитались. И. В. Сталин сказал, что он только что вновь советовался с Н. С. Хрущевым и он убедил его, что Киев ни при каких обстоятельствах оставлять не следует. Кроме того, он, Сталин, и сам убежден в том, что противник если и не будет разбит Брянским фронтом, то во всяком случае будет задержан.

Как известно, войска Юго-Западного фронта в скором времени тяжело поплатились за это решение Верховного, которое было построено на несерьезных заявлениях. Задержать противника не удалось. В полосе Брянского фронта на участке Новгород-Северский—

Конотоп образовался крайне опасный прорыв. Пришлось срочно перебрасывать сюда конницу с Юго-Западного фронта, который и сам находился в очень трудном положении.

Привожу разговор начальника Генерального штаба маршала Б. М. Шапошникова с главкомом юго-западного направления маршалом С. М. Буденным, состоявшийся несколько позднее, 10 сентября 1941 года в 6 час. 45 мин.

У аппарата Буденный.

У аппарата Шапошников.

Шапошников. Здравствуйте, Семен Михайлович! Верховный Главнокомандующий поручил мне передать вам следующее приказание: срочно отправить походом 2-й кавалерийский корпус в район Путивля, где он поступит в распоряжение командующего Брянским фронтом Еременко. Корпус необходим для закрытия прорыва между Юго-Западным фронтом и Брянским фронтом на участке Конотоп—Новгород-Северский. Исполнение прошу подтвердить.

Буденный. Здравствуйте, Борис Михайлович! 2-й конный корпус является единственным средством командующего Южным фронтом в направлении Днепропетровск—Харьков. Противник, как вам известно, все время настойчиво пытается выйти на оперативный простор. Известно также, что на участке Переволочная—Днепропетровск на 60-километровом пространстве находится одна 273-я стрелковая дивизия. И, наконец, противник охватывает с севера правый фланг Юго-Западного фронта. Если переводить туда второй корпус, то почему его нужно передавать Еременко? Думаю, что с этим корпусом получится та же история, что и с 21-й армией.

Я прошу вас вообще обратить внимание на действия Еременко, который должен был эту группу противника уничтожить, а на самом деле из этого ничего не получилось. Если вы все точно представляете, что происходит на Юго-Западном и Южном фронтах, и, несмотря на то, что ни тот, ни другой фронт не располагает никакими резервами, решили корпус передвинуть и передать его в состав Брянского фронта, то я вынужден буду отдать приказ о движении корпуса.

Разрешите коротко доложить обстановку.

Юго-Западный фронт. 4-я стрелковая дивизия 5-й армии находится в окружении под Черниговом. Противник форсировал Десну на участках восточнее Чернигова и на окуниновском направлении. Противник форсировал Днепр у Кременчуга и юго-восточнее. Самый правый фланг Юго-Западного фронта вам известен. У Кирпоноса в резерве ничего нет.

Южный фронт. Как я уже доложил, происходят сильные бои с 25 августа на нашем берегу у Днепропетровска. В районе Каховки дело продолжает осложняться: противник ввел не менее трех дивизий, и у нас там сплошного фронта нет.

Шапошников. Это мне все понятно, Семен Михайлович. Но для того чтобы Юго-Западный фронт дрался, необходимо закрыть прорыв на участке Новгород-Северский—Конотоп. Для этой цели и двигается 2-й кавкорпус. Ответственность за эту операцию Верховный

Главнокомандующий возложил на Еременко. Прошу, не задерживая, двинуть корпус на Путивль.

Буденный. Хорошо. Начальника штаба Южного фронта уже вызвали к аппарату, и сейчас ему будет отдан приказ о движении кавкорпуса. Мое мнение прошу доложить Верховному Главнокомандующему и в частности о действиях Брянского фронта. До свидания!

Шапошников. Обязательно доложу. Всего хорошего!{56}

Много времени прошло с тех пор, но я все еще не могу без волнения об этом вспоминать. Считаю, что Верховный Главнокомандующий был тогда не прав, требуя от командования Юго-Западного фронта удерживать фронт обороны западнее Днепра и западнее Киева до последней возможности. Что из этого получилось, я сказал выше.

Слов нет, даже мысль о возможности потери Киева больно отзывалась тогда в сердце каждого советского человека, но, решая вопрос о судьбе столицы Украины, следовало исходить из всей совокупности военно-политических факторов. Война есть война, и если это необходимо, если создается угроза окружения и гибели большой группировки войск, надо быстрее отводить ее из-под ударов противника, чтобы избежать серьезного поражения и ненужных потерь.

Когда мне приходится касаться событий под Ельней, я невольно вспоминаю о своих личных переживаниях в те трудные дни. Ельнинская операция была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией. Думаю, каждому понятно, с каким волнением, особой осмотрительностью и вниманием я приступил к ее организации и проведению.

Вскоре на фронт пришла директива Ставки. Во втором пункте ее было сказано:

“Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташков—Селижарово—Оленине—р. Днепр (западнее Вязьмы)—Спас-Деменск—Киров, 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починок и Рославль, к 8 сентября 1941 года выйти на фронт Долгие Нивы—Хиславичи—Петровичи...”{57}

Эти указания Ставки соответствовали нашим предложениям, доложенным в Москву. Поскольку фронт противника имел форму обращенной к нам большой дуги, напрашивалось решение подрубить ее под оба основания одновременными ударами, сходящимися к западу от Ельни. Нам было известно также, что главные силы 2-й танковой группы Гудериана уже двинулись на юг, а в глубине немецкой обороны не было крупных подвижных резервов. Чтобы не дать гитлеровскому командованию возможности сосредоточить свои усилия на решающих для нас направлениях, мы дали указания войскам второстепенными силами осуществлять нажим и на ряде других участков, по всему протяжению ельнинской дуги.

С рассветом 30 августа после непродолжительной артиллерийской подготовки войска Резервного фронта перешли в решительное наступление. Главный удар наносила 24-я

армия под командованием генерал-майора К. И. Ракутина. Ее части наступали на Ельню с северо-востока. Навстречу им с юго-востока двигалось несколько соединений 43-й армии.

В те дни, когда проходила Ельнинская операция, противник, как мы это и предвидели, повернул главные силы 2-й танковой группы Гудериана на Конотоп. Гитлеровское командование приступило к выполнению плана по окружению и ликвидации нашей киевской группировки войск. Поэтому теперь ему было особенно важно не допустить прорыва обороны под Ельней и выхода Резервного фронта на фланг и в тыл обороны группы армий “Центр”.

Сражение на всех участках фронта было ожесточенным и тяжелым для обеих сторон. Противник противопоставил нашим наступавшим дивизиям хорошо организованный плотный артиллерийский и минометный огонь. Со своей стороны мы также ввели в дело всю наличную авиацию, танки, артиллерию и реактивные минометы.

Применяя все виды боевой техники, сочетая огонь с искусным маневром, наши стрелковые части, артиллеристы, летчики и танкисты в тесном взаимодействии наносили по врагу мощные удары, не давая гитлеровцам покоя ни днем, ни ночью. Наголову были разбиты 10-я танковая, 17-я моторизованная и 15-я пехотная немецкие дивизии.

Большие надежды возлагало гитлеровское командование на спешно переброшенную под Ельню отборную моторизованную дивизию СС “Рейх”, в составе которой были отборные полки — “Германия”, “Фюрер”, “ЭЛФ”. На участке обороны этой дивизии было найдено много листовок фашистского верховного командования. В них восхвалялась доблесть гитлеровских солдат и выражалась уверенность в их дальнейших победах.

Но надеждам Гитлера не суждено было сбыться. Под сокрушительными ударами наших частей дивизия СС, как и другие немецкие части, занимавшие плацдарм, понесла невосполнимые потери.

1 сентября 1941 года меня вызвал к телеграфному аппарату А. Н. Поскребышев.

У аппарата генерал армии Жуков.

У аппарата Поскребышев.

Поскребышев. Здравствуйте! Передаю просьбу товарища Сталина. Можете ли вы сейчас выехать в Москву? Если есть какая-либо возможность, выезжайте, передав дела на время вашего отсутствия Ракутину или Богданову.

Жуков. Только что сейчас получил неблагоприятные сведения о 211-й дивизии, действовавшей в районе Рославля. Эта дивизия отошла назад километров на 5—6 и создала этим невыгодное положение для 149-й стрелковой дивизии. Ввиду сложности обстановки я хотел бы ночью выехать на участок 211-й дивизии и там навести порядок. Поэтому просил бы, если возможно, отложить мой приезд, если же нельзя, то выеду немедленно.

Под Ельней дела развиваются неплохо... Сейчас вышли на железную дорогу Ельня—Смоленск. Если будет приказано ехать, оставляю за себя заместителем Богданова,

руководство группой на рославльском направлении прикажу Богданову передать Собенникову. Жду указаний товарища Сталина.

Сталин. Здравствуйте, товарищ Жуков! В таком случае можете отложить свою поездку в Москву и выехать на позиции.

Жуков. Здравствуйте, товарищ Сталин! Нужно ли все же быть готовым к выезду в Ставку в ближайшие пару дней или я могу работать по своему плану?

Сталин. Можете работать по своему плану.

Жуков. Все ясно. Будьте здоровы!

Между тем враг не хотел сдаваться и упорно цеплялся за каждую высоту, за каждый выгодный рубеж. Командование противника ввело в сражение новые 157, 178, 268-ю и 292-ю пехотные дивизии. Но и это значительное подкрепление не остановило наступательного боевого духа советских войск. Наши части не давали возможности противнику укрепляться, охватывали его с флангов, отрезали пути отхода. Горловина ельнинского выступа постепенно сжималась железными клещами наших войск и становилась все уже и уже.

В ожесточенных боях с гитлеровцами советские бойцы, командиры и политработники показали образцы боевой доблести. Отвагу, мужество и организованность проявила 100-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. Н. Руссиянова. Эта дивизия получила задание ударом с севера прорвать оборону на 6-километровом участке, разгромить противостоящие части врага и перерезать пути отхода группировки противника из района Ельни на запад.

Генерала И. Н. Руссиянова я хорошо знал. В 1933 году мы вместе работали в Слуцком гарнизоне в Белоруссии. В то время он командовал стрелковым полком. Это был очень способный командир, и полк его всегда был в первых рядах.

С 22 по 29 августа 100-я дивизия готовилась к наступлению. В полосе предстоящих действий была организована разведка противника и местности. 23 августа генерал Руссиянов провел рекогносцировку с командирами полков, батальонов и рот. Были отработаны все вопросы, связанные с уяснением боевых задач и организацией взаимодействия пехоты с артиллерией. До начала наступления и во время боев в частях и подразделениях непрерывно велась политическая работа, направленная на обеспечение выполнения поставленной боевой задачи.

В ходе подготовки мне довелось неоднократно побывать в этих частях, и я был вполне уверен в успехе.

Утром 30 августа 100-я дивизия вместе с другими частями 24-й армии перешла в наступление. Враг отчаянно сопротивлялся. Наиболее успешно действовал 85-й стрелковый полк, которому в результате ночного боя удалось прорвать оборону противника. Для достижения цели на главном направлении командир дивизии в ночь на 3 сентября перебросил в полосу этого полка все подразделения соседнего слева 335-го стрелкового полка.

Преодолевая упорное сопротивление противника, части 100-й дивизии к исходу 5 сентября глубоко вклинились в оборону врага и вышли на тыловые пути его группировки, содействуя тем самым другим соединениям армии в овладении городом.

За боевые подвиги, организованность и воинское мастерство, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, 100-я стрелковая дивизия была переименована в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Отважно сражались за Ельню 127-я стрелковая дивизия полковника А. З. Акименко, 153-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Гагена, 161-я стрелковая дивизия полковника П. Ф. Москвитина. Эти дивизии соответственно были переименованы во 2, 3-ю и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Вот что говорилось по этому поводу в приказе народного комиссара обороны № 308 от 18 сентября 1941 года:

“В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153-я и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

Почему этим нашим стрелковым дивизиям удалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширять прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва.

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для нового прощупывания отступающего противника.

Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли ее не как пассивную оборону, а как оборону активную... Они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупывать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии организованно отвечали ударом на удар противника.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчиненных выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины”.

Впоследствии, равняясь на “первогвардейцев”, в рядах Красной Армии выросла многочисленная советская гвардия. Это была качественно новая, истинно народная гвардия. Она впитала в себя лучшие национальные традиции всех наших народов. Под знаменами советской гвардии сражались и многие воины-интернационалисты: испанец Рубен Ибаррури (сын Долорес Ибаррури), чех Отакар Ярош и другие.

Геройски дрались под Ельней части 107-й стрелковой дивизии полковника П. В. Миронова. Еще в мирное время за успехи в боевой и политической подготовке дивизия была награждена переходящим Красным знаменем. Эту высокую награду воины с честью оправдали на полях сражений. Ими было уничтожено до пяти полков немецко-фашистской пехоты, в том числе “Фюрер” дивизии СС “Рейх”.

Мне довелось лично видеть с наблюдательного пункта командира дивизии ожесточенный бой 586-го стрелкового полка этой дивизии, которым командовал подполковник И. М. Некрасов.

Стремительным ударом полк захватил деревню Волосково, но внезапно оказался в окружении. Подполковник И. М. Некрасов, будучи контужен, продолжат управлять боем. Трое суток длился этот бой. При поддержке других частей 107-й дивизии, артиллерии и авиации полк не только прорвал окружение, но и смял противостоящего врага, захватив при этом важный опорный пункт — железнодорожную станцию. Особенно умело дрался батальон этого полка под командованием Н. Д. Козина (ныне генерал-майор). Высокую тактическую подготовку и личное мужество его я наблюдал потом и в сражениях под Белгородом и в Берлине. Сколько подобных примеров настоящего героизма и отваги, проявленных в те дни, можно было бы привести!..

Пользуясь наступившей темнотой и тем, что горловина была еще не закрыта, остатки войск противника отступили из района Ельни, оставив на поле боя множество убитых, раненых и большое количество разбитых танков и тяжелых орудий. Всего за период боев в районе Ельни было разгромлено до пяти дивизий, противник потерял убитыми и ранеными 45—47 тысяч человек. Врагу дорого обошлось стремление удержать ельнинский выступ.

Утром 6 сентября в Ельню вошли наши войска. Вскоре в городе появились жители, скрывавшиеся от фашистов.

Я кратко доложил И. В. Сталину ход сражений и общие итоги Ельнинской операции. Рассказал о доблестных соединениях, частях и их командирах, о потерях фашистских войск. По показаниям пленных, в некоторых частях минометов и артиллерии не осталось совершенно. Танки и авиацию в последнее время противник применял отдельными группами и только для отражения наших атак на важнейших участках. Видимо, эти средства он перебросил на другие направления.

Очень хорошо действовала наша артиллерия даже во вновь сформированных дивизиях. Реактивные снаряды своими действиями производили сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел, и увидел полное уничтожение оборонительных сооружений. Ушаково — главный узел обороны противника — в результате залпов реактивных снарядов было совершенно разрушено, а убежища завалены и разбиты.

Преследуя противника, 7 сентября наши части вышли на реку Стряну, форсировали ее и получили задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой войск Западного фронта генерала П. П. Собенникова.

В результате успешно проведенной операции по разгрому ельнинской группировки противника в войсках фронта поднялось настроение, укрепилась вера в победу. Части увереннее встречали атаки противника, били его огнем и дружно переходили в контратаки. И хотя завершить окружение противника и взять в плен ельнинскую группировку нам не удалось (для этого тогда не было достаточного количества сил, и в первую очередь танков), но обстановка к 8 сентября сложилась в нашу пользу: опасный вражеский ельнинский выступ на левом фланге 24-й армии был ликвидирован.

Не везде, конечно, все проходило гладко. Мне хочется рассказать об одном досадном происшествии. Стрелковая дивизия 43-й армии, получив задачу захватить плацдарм на западном берегу реки Стряны, не обеспечила свой левый фланг после форсирования реки и без должной разведки стремительно двинулась вперед. Молодой, еще недостаточно опытный командир этого соединения допустил большой промах, не приняв нужных мер боевого обеспечения. Этой ошибкой немедленно воспользовался противник. Танковой контратакой он смял боевые порядки дивизии. Советские воины сражались стойко, они умело отражали удары врага, нанося ему значительный урон. Особенно ощутимые потери понесли танковые части противника от нашей противотанковой и дивизионной артиллерии.

Сейчас трудно сказать, какая сторона имела больше потерь. Контратака гитлеровцев была отбита, но и нам пришлось на этом участке остановить наступление. Такова была расплата за необдуманные действия командира этой дивизии. Почти до самого вечера 9 сентября пришлось мне вместе с командиром находиться на его наблюдательном пункте, исправляя допущенную оплошность.

Днем неожиданно пришла телефонограмма Б. М. Шапошникова: к 20 часам того же дня меня вызвал в Ставку Верховный.

В телефонограмме ничего больше не говорилось, и догадаться о причине вызова было трудно. Надо было ехать. Однако обстановка властно требовала моего присутствия здесь до тех пор, пока не будет наведен порядок на левом фланге армии. Предстояло также отдать и ряд других боевых распоряжений командующему армией. К тому же и путь следования в Москву был не близок. Расчет времени показывал, что к назначенному сроку я опоздаю.

И. В. Сталин был крайне нетерпим к опозданиям на его вызовы. Но что делать? Обстановка на войне не считается с характерами командующих. Нужно было правильно решить, что важнее — довести до конца свою задачу на поле боя или, не считаясь с обстоятельствами, явиться к назначенному времени по вызову старшего командира?

После недолгого размышления я передал начальнику Генерального штаба следующую телефонограмму: “Доложите Верховному: по сложившейся обстановке прибуду с опозданием на один час”.

Не скрою, всю дорогу до Москвы я думал, как убедительнее объяснить ситуацию, которая сложилась на левом фланге 24-й армии, чтобы И. В. Сталин правильно понял причину моего опоздания.

В Кремль въезжали в полной темноте. Вдруг резкий свет карманного фонарика ударил мне в лицо. Машина остановилась. В подошедшем военном я узнал начальника управления охраны генерала Власика. Поздоровались.

— Верховный Главнокомандующий приказал встретить и проводить вас к нему на квартиру.

Я вышел из машины и направился за генералом.

Расспрашивать не стал, зная, что ответа на интересующие меня вопросы все равно не получу.

Войдя в столовую, где за столом сидели И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. С. Щербаков, Г. М. Маленков и другие члены Политбюро, я сказал:

— Товарищ Сталин, я опоздал на один час.

И. В. Сталин посмотрел на свои часы и проговорил:

— На час и пять минут, — и добавил: — Садитесь и, если голодны, подкрепитесь.

Верховный Главнокомандующий внимательно рассматривал карту обстановки под Ленинградом. Присутствующие сидели молча. Есть я не стал и тоже молчал. Наконец И. В. Сталин оторвался от карты и, обращаясь ко мне, заметил:

— Неплохо получилось у вас с ельнинским выступом. Вы были тогда правы (имелся в виду мой доклад 30 июля).

Затем Верховный сказал:

— Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий “Север”, усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга.

Верховный замолчал и вновь обратился к карте.

Кто-то из членов ГКО заметил:

— Мы здесь докладывали товарищу Сталину, что командование Ленинградского фронта едва ли сумеет выправить положение.

И. В. Сталин осуждающе посмотрел на говорившего, но продолжал молчать, устремив свой взор на карту. Неожиданно он спросил:

— А как вы, товарищ Жуков, расцениваете обстановку на московском направлении?

Я понял его и уловил мысль, связывающую воедино положение на разных фронтах, однако ответил не сразу.

— Думаю, что немцам в настоящее время необходимо основательно пополнить свои части. По данным пленных, захваченных из войск группы армий “Центр”, противник имеет очень большие потери. В некоторых частях они достигают пятидесяти процентов. Кроме того, не завершив операцию под Ленинградом и не соединившись с финскими войсками, немцы едва ли начнут наступление на московском направлении... Но это, конечно, мое личное мнение. У гитлеровского командования могут быть иные расчеты, иные соображения. Во всяком случае, нам нужно быть всегда готовыми к упорным оборонительным действиям на московском направлении.

И. В. Сталин удовлетворенно кивнул, затем без перехода спросил:

— Ну, как действовали части 24-й армии?

— Дрались, товарищ Сталин, хорошо, — ответил я, — особенно 100, 127, 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

— А чем вы, товарищ Жуков, объясняете успех этих дивизий и как оцениваете способности командно-политического состава армии?

Я высказал свои соображения. Минут пятнадцать И. В. Сталин внимательно слушал и что-то коротко заносил в свою записную книжку, затем сказал:

— Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно.

Затем, без всякого перехода, вдруг добавил:

— Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Предложение это явилось для меня полной неожиданностью, тем не менее я ответил, что готов выполнить это задание.

— Ну, вот и хорошо, — сказал И. В. Сталин.

— Имейте в виду, — продолжал он, — в Ленинграде вам придется перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твердым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне:

— Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку.

В записке значилось: “Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву”.

Перед тем как уйти, обратился с просьбой к Верховному разрешить мне взять с собой двух-трех генералов, которые могут быть полезны на месте.

— Берите кого хотите, — ответил И. В. Сталин.

Затем, немного помолчав, он сказал:

— Плохо складываются дела у Буденного на юго-западном направлении. Мы решили заменить его. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо. Рекомендую послать его, — ответил я.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему 19-й армией генерал-лейтенанту Коневу.

И. В. Сталин согласился и с этим. Тут же по телефону он дал указание Б. М. Шапошникову о вызове маршала С. К. Тимошенко и передаче приказа И. С. Коневу о вступлении в командование Западным фронтом.

Я собирался уже проститься, когда И. В. Сталин спросил:

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника?

Так я получил еще одну возможность привлечь особое внимание Ставки к опасному положению на Украине.

— В настоящий момент, кроме Ленинграда, самым опасным участком для нас является Юго-Западный фронт, — сказал я. — Считаю, что в ближайшие дни там может сложиться тяжелая обстановка. Группа армий “Центр”, вышедшая в район Чернигов-Новгород—Северский, может смять 21-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта. Уверен, что группа армий “Юг”, захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьезная угроза. Еще раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днепра и за ее счет создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придется оставить. Иного выхода у нас нет.

И. В. Сталин снял трубку и позвонил Б. М. Шапошникову.

— Что будем делать с киевской группировкой? — спросил он. — Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести ее.

Я не слышал, что ответил Борис Михайлович, но в заключение И. В. Сталин ему сказал:

— Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом фронта.

Такой разговор между Ставкой и Военным советом Юго-Западного фронта состоялся два дня спустя, 11 сентября. Вот его содержание:

У аппарата Кирпонос, Бурмистенко, Тупиков.

Здесь Сталин, Шапошников, Тимошенко.

Сталин. Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки мне кажется опасным...

В данной обстановке на восточном берегу Днепра предлагаемый вами отвод войск будет означать окружение наших войск, так как противник будет наступать на вас не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и со стороны юга, то есть Кременчуга, а также с запада, так как при отводе наших войск с Днепра противник моментально займет восточный берег Днепра и начнет атаки. Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, вы будете окружены.

Как видите, ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псёл, во-первых, и, во-вторых, поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут привести к катастрофе. Какой же выход? Выход может быть следующий:

Первое. Немедленно перегруппировать силы хотя бы за счет Киевского УРа и других войск и повести отчаянные атаки на копотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко, сосредоточив в этом районе девять десятых авиации. Еременко уже даны соответствующие указания. Авиационную группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцировали на Харьков и подчинили Юго-Западу.

Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псёл или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5—6 дивизий за этот рубеж.

Третье. После создания кулака против конотопской группы противника и после создания оборонительного рубежа на реке Псёл, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов.

Никаких плавательных средств на Днепре не оставлять и разрушить их, а после эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику туда прорваться. Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления и только сопротивления.

Кирпонос. У нас даже мысли не было об отводе войск до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба — в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервами.

По указанию Ставки, полученному в ночь на 11 сентября, снимаются из армии Костенко 2 стрелковые дивизии с артиллерией и перебрасываются по железной дороге на конотопское направление с задачей уничтожить, совместно с армиями Подласа и Кузнецова, прорвавшуюся в направлении Ромны мотомехгруппу противника. Из КиУРа, по нашему мнению, пока больше брать войск нельзя, так как оттуда уже взяты две с половиной стрелковые дивизии для черниговского направления. Можно будет из КиУРа взять лишь часть артиллерийских средств.

Указания Ставки Верховного Главнокомандования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь. Все.

Сталин. Первое. Предложения об отводе войск с Юго-Западного фронта исходят от вас и от Буденного, главкома юго-западного направления. Вот выдержки из его донесения:

“Шапошников указал, что Ставка Верховного Командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным... Если Ставка не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим”.

Как видите, Шапошников против отвода частей, а главком за отвод, так же как и Юго-Западный фронт, который стоял за немедленный отвод частей.

Второе. О мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовки оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически.

Третье. Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. До свидания!

Кирпонос. Указания ваши ясны. До свидания.{58}

...Прощаясь перед моим отлетом в Ленинград, Верховный сказал:

— Мы на вас надеемся. Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан, когда прибудете в Ленинград.

Я понял, что за этими словами скрывается опасение за успех нашего перелета.

Я зашел к А. М. Василевскому, который в то время был первым заместителем начальника Генерального штаба. Александр Михайлович работал над проблемами юго-западного направления. На мой вопрос, как он расценивает обстановку на участках этого направления, А. М. Василевский сказал:

— Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр...

Зайдя к Б. М. Шапошникову, я договорился с ним о личной связи по сохранившимся проводам и по радио и спросил его мнение о сложившейся обстановке и прогнозах на ближайшее время. Он охотно поделился со мной своими соображениями.

Я до сих пор вспоминаю с большой благодарностью Бориса Михайловича за те умные советы, которые он мне всегда давал.

В отношении Ленинграда Б. М. Шапошников был настроен оптимистически.

Здесь мне хотелось бы прервать относительно последовательное изложение событий. Прошли первые, крайне тяжелые два с половиной месяца войны. Наши потери были очень велики. Только за первый день войны авиация приграничных округов потеряла около 1200 самолетов. Танковые и моторизованные соединения противника, поддерживаемые крупными силами авиации, продолжали двигаться вперед, прорывались на стыках наших войск, наносили удары по флангам группировок, разрушали узлы и линии связи. Гибли десятки тысяч советских воинов, мирных граждан...

И в то же время с самого начала все происходило не так, как было запланировано немецким главным командованием. Историкам еще предстоит рассмотреть, как последовательно, при общем вроде бы и благополучном победном фоне для фашистов, срывались одно за другим намерения гитлеровского руководства. Все это имело далеко идущие последствия, о которых мы еще будем иметь возможность сказать свое мнение.

Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территорию нашей страны? Что же прежде всего помешало им продвигаться вперед привычными темпами? Можно твердо сказать — главным образом массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа.

История знает немало примеров, когда, побросав превосходное оружие, войска быстро теряют сопротивляемость, попросту говоря, обращаются в бегство. Никто не может провести четкую грань между ролью собственно оружия, военной техники и значением морального духа войск. Однако бесспорно, что при прочих равных условиях крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются железной волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой.

В этой связи мне представляется целесообразным предоставить слово противнику, с которым мы имели дело в Великой Отечественной войне. Большинство приводимых источников относится к тем первым дням, а не к последующим годам, когда на их авторов могли влиять политические, пропагандистские, а также личные интересы. При этом следует иметь в виду, что до нападения на СССР в течение ряда лет голос фашистских газет, радио, документов, естественно, отличался победным тоном И не так важно, на каком именно фронте, под чьим командованием сражались войска, упоминаемые в этих источниках Важна общая тенденция в оценке положения и хода дел, поведения солдат и офицеров именно в тот период, когда мы терпели поражения, когда нам было неимоверно трудно.

Конечно, еще многое было впереди. Советский народ понимал, что предстояла длительная борьба и что фашистская Германия будет бросать на Восточный фронт новые и новые силы, пока не израсходует их без остатка. Но пусть увидит читатель, как при первых же оперативно-тактических неудачах на Восточном фронте победный тон немцев начинает постепенно затухать, сменяться удивлением и разочарованием.

Посмотрим, что говорят наши противники.

Генерал-майор фон Бутлар. “Война в России”.

Из книги: Мировая война 1939—1945 гг.

М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

“На 6-ю армию возлагалась задача прорвать пограничные укрепления русских в районе южнее Ковеля и тем самым дать возможность 1-й танковой группе выйти на оперативный простор...

После некоторых начальных успехов войска группы армий “Центр” натолкнулись на значительные силы противника, оборонявшегося на подготовленных заранее позициях, которые кое-где имели даже бетонированные огневые точки. В борьбе за эти позиции противник ввел в бой крупные танковые силы и нанес ряд контрударов по наступавшим немецким войскам.

После ожесточенных боев, длившихся несколько дней, нам удалось прорвать сильно укрепленную линию обороны противника западнее линии Львов—Рава-Русская и, форсировав реку Стырь, оттеснить оказывавшие упорное сопротивление и постоянно переходившие в контратаки войска противника на восток...

В результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска несли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны, были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих “молниеносных войнах”, приведших к успехам, изумившим весь мир”.

Из служебного дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф Гальдера. “Военный дневник”. Том 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1971.

“26 июня 1941 года, 5-й день войны.

Вечерние итоговые сводки за 25.6. и утренние сводки 26.6. сообщают:

Группа армий “Юг” медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина. Резервы подходят как на центральный участок фронта, что наблюдалось и прежде, так и к южному флангу группы армий...

29 июня 1941 года (воскресенье), 8-й день войны.

...Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека ..

Генерал-инспектор пехоты Отт доложил о своих впечатлениях о бое в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов, теперь это уже недопустимо.

Воздействие авиации противника на наши войска, видимо, очень слабое.

Обстановка на фронте вечером: .. В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои. Здесь впервые наблюдается массовое разрушение противником мостов...

4 июля 1941 года, 13-й день войны.

.. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы. Необходимо выждать, будет ли иметь успех воззвание Сталина, в котором он призвал всех трудящихся к народной войне против нас От этого будет зависеть, какими мерами и силами придется очищать обширные промышленные области, которые нам предстоит занять...

7 июля 1941 года, 16-й день войны.

Группа армий “Юг”. Оптимистическое настроение у командования 11-й армии сменилось разочарованием. Наступление 11-го армейского корпуса опять задерживается. Причины этого неясны, 17-я армия успешно продвигается вперед и сосредоточивает свои передовые отряды для удара в направлении Проскурова.

8 июля 1941 года, 17-й день войны.

Группа армий “Центр”, 2-я танковая группа ведет бои с противником, который беспрерывно контратакует в направлении Днепра. При этом противник особенно ожесточенно контратакует силами пехоты и танков в направлении Орши против северного фланга 2-й танковой группы. Авангарды 3-й танковой группы в нескольких местах форсировали Западную Двину и стремятся прорваться дальше в направлении Витебска, отражая контратаки противника с севера...

...Противник уже не в состоянии создать сплошной фронт, даже на наиболее важных направлениях. В настоящее время командование Красной Армии, по-видимому, ставит перед собой задачу вводом в бой всех еще имеющихся у него резервов как можно больше измотать контратаками германские войска и задержать их наступление возможно дальше к западу...

Формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии.

12.30 — доклад у фюрера (в его ставке).

Главком (фон Браухич. — Г. Ж.) доложил сначала о последних событиях на фронте. После этого я доложил о положении противника и дал оперативную оценку положения наших войск...

В заключение состоялось обсуждение затронутых вопросов.

Итоги:

1. Фюрер считает наиболее желательным, “идеальным решением” следующее:

...Группа армий “Центр” должна двусторонним охватом окружить и ликвидировать действующую перед ее фронтом группировку противника и, сломив таким образом последнее организованное сопротивление противника на его растянутом фронте, открыть себе путь на Москву. После того как обе танковые группы достигнут районов, указанных им в директиве по стратегическому развертыванию, можно будет временно задержать танковую группу Гота (с целью ее использования для поддержки группы армий “Север” или для дальнейшего наступления на восток, но не для штурма самой Москвы, а для ее окружения). Танковую группу Гудериана после достижения ею указанного района следует направить в южном или юго-восточном направлении восточнее Днепра для поддержки наступления группы армий “Юг”.

2. Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация. Ни в коем случае не использовать для этого танки.

11 июля 1941 года, 20-й день войны.

Группа армий “Север”. Танковая группа Гёппнера отражала атаки противника и продолжала подготовку к дальнейшему наступлению на район юго-восточнее Ленинграда, сосредоточивая главные усилия на своем правом крыле.

...Полковник Окснер доложил о своей поездке в танковые группы Гудериана и Гота. Следует отметить:

а) Налеты русской авиации на переправы через Западную Двину юго-западнее Витебска;

б) Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически;

в) Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали...

Июль 1941 года... На гигантском советско-германском фронте с каждым днем увеличиваются размах, напряжение, ожесточенность боев”.

Гальдер вынужден признать, что неожиданное по силе сопротивление советских войск не позволило немецко-фашистскому командованию добиться основной цели плана “Барбаросса” окружить и уничтожить в скоротечной кампании главные силы Красной Армии западнее линии Днепра, не дав им отойти в глубь страны.

26 июля 1941 года Гальдер пишет: “Доклад у фюрера. О намерениях групп армий. С 18.00 до 20.15 продолжительные, возбужденные прения по вопросу об упущенной возможности окружения противника”.

30 июля начальник германского генерального штаба отмечает в своем дневнике, что верховным главнокомандованием принято новое решение по вопросу о дальнейших

операциях на Восточном фронте. Решение предусматривает, что “...на центральном участке фронта следует перейти к обороне...”.

Так под влиянием упорного сопротивления Красной Армии у многих военных руководителей фашистской Германии даже высших инстанций появились признаки неуверенности, заметная нервозность.

На 29-й день войны Гальдер пишет: “Ожесточенность боев, которые ведут наши подвижные соединения, действующие отдельными группами... не говоря уже о большой усталости войск, с самого начала войны непрерывно совершающих длительные марши и ведущих упорные кровопролитные бои, все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно ярко это выразилось в совершенно подавленном настроении главкома”.

К концу июля немецко-фашистская армия не смогла добиться решающих успехов. Уже 18 июля 1941 года Гальдер записал в дневнике:

“Операция группы армий "Юг" все больше теряет свою форму. Участок фронта против Коростеня по-прежнему требует значительных сил для его удержания. Прибытие свежих крупных сил противника с севера в район Киева вынуждает нас подтянуть туда пехотные дивизии, чтобы облегчить положение танковых соединений 3-го моторизованного корпуса и в дальнейшем сменить их. В результате этого на северном участке группы армий "Юг" оказались скованными значительно большие силы, чем это было бы желательно”.

Еще менее удовлетворяют Гальдера успехи группы армий “Север”.

“Снова, — пишет он 22 июля, — в ставке большая тревога по поводу группы армий "Север", которая не имеет ударной группировки и все время допускает ошибки. Действительно, на фронте группы армий "Север" не все в порядке по сравнению с другими участками Восточного фронта”.

В руководящей верхушке вермахта возникли разногласия по подводу целей дальнейших операций и направлений главных ударов. Наблюдается непоследовательность в постановке войскам очередных задач. Так, если 26 июля Гитлер требовал “ликвидировать гомельскую группировку противника путем наступления вновь созданной группы фон Клюге”, то 30 июля Йодль сообщил Гальдеру другое решение верховного главнокомандования вооруженных сил Германии: “На южном участке фронта пока не проводить наступления на Гомель”.

Вся эта лихорадка в действиях стратегического руководства противника была следствием непредвиденного упорного сопротивления Красной Армии.

Из дневника Гальдера видно, что немецкие войска в первые же недели боев на советско-германском фронте понесли большие потери. Вот несколько примеров:

20 июля 1941 года генштаб сухопутных войск доложил своему верховному руководству: “...Боевой состав танковых соединений: 16-я танковая дивизия имеет менее 40 процентов штатного состава. 11-я танковая дивизия— около 40 процентов, состояние 13-й и 14-й

танковых дивизий несколько лучше”. Далее идет перечисление состояния войск в таком же духе.

А вот отрывок из труда известного американского военного писателя Дж. Ф. Ч. Фуллера. В своей книге “Вторая мировая война 1939—1945 гг.” он приводит некоторые сообщения печати фашистской Германии. Они тоже очень характерны.

“Уже 29 июня в "Фелькишер беобахтер" появилась статья, в которой указывалось:

"Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашной схватке".

6 июля в подобной же статье во "Франкфуртер цайтунг" указывалось, что "психологический паралич, который обычно следовал за молниеносными германскими прорывами на Западе, не наблюдается в такой степени на Востоке, что в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но, в свою очередь, пытается охватить германские клещи".

Это было новым в тактике и способах ведения войны, а для немцев — неожиданным и психологически неприятным сюрпризом.

По словам автора статьи, "германский солдат встретил противника, который с фанатическим упорством держался за свое политическое кредо и блицнаступлению немцев противопоставил тотальное сопротивление".

Оказалось, что русские расположили вдоль границ не все свои армии, как думали немцы. Вскоре также выяснилось, что сами немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов. До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на "пятую колонну". Но в России, хотя и были недовольные, "пятая колонна" отсутствовала...”{59}

Такова была реальность, с которой немецко-фашистскому командованию пришлось столкнуться в первые месяцы боев на советско-германском фронте. Да, это была явно не та действительность, на которую рассчитывало гитлеровское руководство! В приведенных высказываниях эта мысль пробивается достаточно отчетливо. А вот факты.

Только за первые два месяца войны с СССР сухопутные войска вермахта потеряли около 400 тысяч человек. Кстати замечу, что с июня по декабрь 1941 года вне советско-германского фронта фашистские захватчики потеряли всего лишь около 9 тысяч человек (!). Потери войск противника к концу летне-осенней кампании составили на советско-германском фронте без малого 800 тысяч человек из отборных, лучших частей и соединений.

И все это в крайне неблагоприятных условиях, сложившихся для нас в начале войны. Ведь боевого опыта у противника было больше, раз он воевал уже длительное время. Инициатива также находилась в его руках. По количеству войск и боевой техники на главных направлениях противник превосходил нас, поскольку он долго готовился к войне и ряд лет ускоренно модернизировал и механизировал армию нападения. Экономика,

ресурсы для первого удара у него были также значительно выше, поскольку в его руках был почти весь военный потенциал Европы.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что, разогнав свою военную машину, гитлеровское руководство израсходовало далеко не все, что было приготовлено для захвата Европы. Мощные резервы высвободились и полностью были брошены на СССР.

Конечно — и мы уже об этом говорили, — еще предстояла тяжелая борьба, и нам нужно было многократно напрягать свои силы, чтобы отразить натиск врага, перехватить инициативу, ликвидировать его временные преимущества и, взяв верх во всех отношениях, изгнать с территории нашей Родины, а затем помочь народам Европы сбросить иго фашизма.

Однако свою историческую роль в этом великом деле сыграло героическое сопротивление, которое советские войска оказали превосходящим силам противника в первые месяцы войны, и прежде всего ожесточенные битвы в районах Перемышля, Смоленска, Ельни, на дальних и ближних подступах к Киеву. В этих сражениях не были реализованы планы и расчеты гитлеровского командования, связанные с непосредственным ходом военных событий. Главным же было то, что экономика, идеология, пропаганда и политика фашизма, вся его чудовищная социальная система были поставлены перед такими проблемами, которые гитлеровской Германии так и не удалось решить в ходе всей войны с Советским Союзом...

10 сентября 1941 года по решению Государственного Комитета Обороны я должен был вылететь в Ленинград. Перед отлетом отметил в своей записной книжке:

“Организация и успешное проведение наступательной операции по ликвидации ельнинского выступа, всесторонне сложная работа в должности начальника Генерального штаба в первые пять недель войны дали мне много полезного для командной деятельности оперативно-стратегического масштаба и понимания различных способов проведения операций.

Теперь я гораздо лучше осмыслил все то, чем должен владеть командующий для успешного выполнения возлагаемых на него задач. Глубоко убедился в том, что в борьбе побеждает тот, кто лучше подготовил вверенные ему войска в политико-моральном отношении, кто сумел более четко довести до сознания войск цель войны и предстоящей операции и поднять боевой дух войск, кто стремится к боевой доблести, кто не боится драться в неблагоприятных условиях, кто верит в своих подчиненных.

Пожалуй, одно из самых важных условий успеха проведения боя или операции — своевременное выявление слабых сторон войск и командования противника. Из опроса пленных стало очевидным, что немецкое командование и войска действуют сугубо по шаблону, без творческой инициативы, лишь слепо выполняя приказ. Поэтому, как только менялась обстановка, немцы терялись, проявляли себя крайне пассивно, ожидая приказа высшего начальника, который в создавшейся боевой обстановке не всегда мог быть своевременно получен.

Лично наблюдая за ходом боя и действиями войск, убедился, что там, где наши войска не просто оборонялись, а при первой возможности днем и ночью контратаковали

противника, они почти всегда имели успех, особенно ночью. В ночных условиях немцы действовали крайне неуверенно и, я бы сказал, плохо.

Из практики проведения первых операций сделал вывод, что чаще всего неудачи постигали тех командующих, которые лично не бывали на местности, где предстояло действовать войскам, а ограничивались изучением ее по карте и отдачей письменных приказов. Командиры, которым предстоит выполнение боевых задач, должны непременно хорошо знать местность и боевые порядки противника, с тем чтобы использовать слабые стороны в его дислокации и направлять туда главный удар.

Особенно отрицательно сказывается на ходе операции или боя поспешность принятия военачальниками решений без детальной перепроверки полученных сведений и учета личных качеств тех, кто докладывает обстановку, — военных знаний, опыта, выдержки и хладнокровия.

Большое значение для одержания победы в любом масштабе имеют хорошо отработанные на местности (или в крайнем случае на ящике с песком) взаимодействия всех видов и родов войск как в оперативных объединениях, так и в тактических соединениях...”

Глава тринадцатая. **Борьба за Ленинград**

Утро 10 сентября 1941 года было прохладным и пасмурным. На Центральном аэродроме столицы, куда я прибыл, чтобы лететь в осажденный Ленинград, у стоявшего на взлетной полосе самолета маячили три фигуры: одна высокая — генерал-лейтенанта М. С. Хозина, вторая поменьше — генерал-майора И. И. Федюнинского, третья — летчика, командира воздушного корабля. Генералы, как мы договорились с И. В. Сталиным, отбывали со мной.

Командир корабля доложил о готовности экипажа и самолета к полету. Как в таких случаях бывает, мы все, как будто по команде, подняли глаза к небу, мысленно пытаясь предугадать погоду по трассе полета. Стояла густая, низкая облачность.

— Проскочим! Погода что ни на есть самая подходящая, чтобы летать над фронтом противника, — улыбаясь, сказал командир самолета.

Без промедления состоялся вылет. Впереди был Ленинград, и мысленно мы уже были там.

Никто из нас, конечно, не мог тогда предвидеть, что мы летим в город, которому предстоит 900 дней беспримерной героической борьбы с врагом и голодом.

Ленинград! — Колыбель пролетарской революции... Он особенно дорог сердцу каждого советского человека. Здесь В. И. Ленин руководил нашей партией, закладывая основы первого в мире социалистического государства. С первых дней советской власти этот второй по величине и населению в СССР город играл чрезвычайно важную роль в политическом, экономическом и культурном развитии нашей Родины.

Ленинград! — Один из красивейших городов мира. Произведения архитектуры, живописи, скульптуры, чудесные памятники, прекрасные сады, парки и музеи города являются гордостью нашей страны.

Захвату этого крупнейшего индустриального центра и морского порта СССР гитлеровское командование придавало исключительное значение. Овладение городом на Неве давало фашистской Германии ряд преимуществ в политическом, экономическом и моральном отношениях.

С точки зрения политической и военно-стратегической взятие Ленинграда и соединение с финскими войсками могло еще больше укрепить гитлеровскую коалицию, заставить правительства некоторых других стран, которые все еще колебались, вступить в войну против СССР.

Быстрый захват Ленинграда позволил бы Гитлеру высвободить действующие там германские войска, все танковые и моторизованные соединения, входившие в состав 4-й танковой группы, необходимые для успешного осуществления операции “Тайфун”{60}.

В морально-психологическом плане захват города на Неве нужен был фашистскому руководству для поднятия духа своей армии, войск сателлитов, населения Германии и союзных с ней государств, чтобы поддержать их веру в реальность планов войны против Советского Союза. Ведь обещанный Гитлером “блицкриг” давал серьезные осечки. Это путало карты немецкого командования, а чрезмерно большие потери на Восточном фронте вызывали серьезные сомнения в возможности победного и быстрого завершения войны с Советским Союзом.

Для нас потеря Ленинграда во всех отношениях была бы серьезным осложнением стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь германских и финских войск нам пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того, мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот.

Для противника взятие Ленинграда означало, что группа армий “Север” и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке, легко могли соединиться с финско-германскими войсками в районе реки Свирь и перерезать наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск. Все эти факторы, вместе взятые, обусловили крайнюю ожесточенность и напряженность борьбы за Ленинград.

Чтобы овладеть Прибалтикой и Ленинградом, гитлеровское командование бросило в наступление крупную массу своих войск — группу армий “Север” под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба. В ходе июльско-августовских боев 1941 года на северо-западном направлении противнику удалось овладеть значительной частью Ленинградской области.

8 сентября 1941 года противник, захватив Шлиссельбург, перерезал последнюю для нас сухопутную коммуникацию и блокировал Ленинград. Линия нашей обороны остановилась здесь по западному берегу Невы. Широкая, полноводная река являлась серьезной преградой для гитлеровских войск, однако и ее надо было оборонять, так как к Шлиссельбургу и Ладоге вышли немецкие отборные части.

Враг оттеснил нашу 54-ю армию от основных сил Ленинградского фронта, но она не позволила гитлеровским войскам двинуться на восток и остановила их на рубеже Липка—Рабочий поселок № 8—Гайтолово. С этого момента армия начала подчиняться не фронту, а непосредственно Ставке ВТК.

Войска 8-й армии Ленинградского фронта, сражавшиеся ранее на территории Эстонской ССР, с тяжелыми боями отошли и закрепились на линии Петергоф—южнее Усть-Рудицы—побережье Финского залива в районе Керново. Связь этой армии с городом с этого времени можно было поддерживать только по воде и по воздуху.

На Карельском перешейке финские войска, выйдя к нашей старой государственной границе, пытались продвинуться дальше, но были там остановлены. Теперь они ждали благоприятного момента, чтобы ринуться на город с севера.

Положение Ленинграда с 8 сентября стало крайне опасным. Сообщение с Большой землей могло осуществляться только через Ладожское озеро и по воздуху, под прикрытием нашей авиации Начались бомбежки и варварские артиллерийские обстрелы города. Фашистские войска нажимали со всех сторон. Особенно крупная группировка танковых и моторизованных соединений противника концентрировалась на подступах к Урицку, Пулковским высотам и Слуцку. Все говорило о том, что враг готовится к решительному штурму.

Обстановка становилась день ото дня напряженнее.

От Москвы до Ладожского озера наш полет в Ленинград проходил при “благоприятных” погодных условиях: дождь, низкая облачность.

Словом, истребителей противника такая погода не устраивала, и мы спокойно обходились без всякого прикрытия. Но на подходе к Ладожскому озеру погода улучшилась, и нам пришлось взять звено истребителей. Над озером шли бреющим полетом, преследуемые двумя “мессершмиттами”. Через некоторое время благополучно приземлились на городском комендантском аэродроме. Почему наше прикрытие не отогнало самолеты противника, разбираться было некогда: торопились в Смольный — в штаб фронта.

При въезде в Смольный нас остановила охрана и потребовала пропуск, которого ни у кого из нас, конечно, не оказалось. Я назвал себя, но это не помогло. Служба есть служба.

— Придется подождать, товарищ генерал, — сказал часовой и вызвал караульного начальника. Ждать пришлось почти пятнадцать минут, пока комендант штаба не дал личное разрешение на въезд в Смольный.

У входа нас встретил один из порученцев командующего.

— Где товарищ Ворошилов? — спросил я.

— Проводит заседание Военного совета фронта, товарищ генерал армии.

— Кто присутствует?

— Некоторые командармы и начальники родов войск, командующий Балтийским флотом, а также директора важнейших государственных объектов.

Мы поднялись на второй этаж в кабинет командующего. В большой комнате за покрытым красным сукном столом сидели человек десять. Поздоровавшись с К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым, попросил разрешения присутствовать на заседании. Через некоторое время вручил К. Е. Ворошилову записку И. В. Сталина. Должен сознаться, что делал я это не без внутреннего волнения. Маршал прочитал записку молча и, чуть кивнув головой, передал ее А. А. Жданову, продолжая проводить заседание.

На Военном совете фронта рассматривался вопрос о мерах, которые следовало провести в случае невозможности удержать город. Высказывались коротко и сухо. Эти меры предусматривали уничтожение важнейших военных и индустриальных объектов и т. д. Сейчас, более тридцати лет спустя, эти планы кажутся невероятными. А тогда? Тогда положение было критическим. Однако существовали еще некоторые неиспользованные возможности. В результате обсуждения было решено защищать Ленинград до последней капли крови.

В этот момент, вероятно, каждый из присутствовавших как-то особо остро почувствовал всю тяжесть ответственности перед партией и народом за успешное выполнение задачи, возложенной на нас Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственным Комитетом Обороны.

Познакомившись с командным составом, был обрадован, узнав, что многих командиров, партийных и политических работников войск фронта и Балтийского флота знал раньше по работе и представлял, кому и что следует поручить. Особенно ободряло то, что во главе Ленинградской партийной организации и членом Военного совета фронта был секретарь Центрального Комитета ВКП(б) Андрей Александрович Жданов, прекрасный организатор, обаятельный и душевный человек, которого глубоко уважали ленинградцы, войска фронта и флота.

К исходу 10 сентября, руководствуясь личной запиской Верховного и без объявления официального приказа, я вступил в командование Ленинградским фронтом{61}.

К. Е. Ворошилов 12 сентября по заданию И. В. Сталина вылетел в 54-ю армию маршала Г. И. Кулика. Генерал-лейтенанту М. С. Хозину было приказано немедленно вступить в должность начальника штаба фронта, приняв ее от генерала Мордвинова, а генерал И. И. Федюнинский в тот же день был направлен изучить оборону войск 42-й армии под Урицком и на Пулковских высотах.

Всю ночь с 10 на 11 сентября мы обсуждали с А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым, адмиралом И. С. Исаковым, начальником штаба фронта и некоторыми командующими родов войск фронта обстановку и дополнительные меры по обороне Ленинграда.

Город и его окрестности я хорошо знал, так как учился здесь когда-то на курсах усовершенствования комсостава конницы. С тех пор, конечно, многое изменилось но район боевых действий вполне представлял.

В день нашего приезда обстановка стала еще более напряженной. Особенно яростные атаки гитлеровских войск шли на участках обороны 42-й армии. Вражеские танки ворвались в Урицк, но огонь нашей противотанковой артиллерии повернул их обратно в

исходное положение. Пехота противника при поддержке танков, авиации и артиллерии, несмотря на большие потери, непрерывно атаковала Пулковские высоты, города Пушкин и Колпино. Командующий 42-й армией в этих ожесточенных сражениях израсходовал все свои резервы.

На юго-восточных подступах к Ленинграду оборонялась слабая по составу 55-я армия под командованием генерала И. Г. Лазарева. Сил ее явно не хватало. Фронт под Колпино подходил к Ижорскому заводу, который выполнял важный военный заказ для фронта. По призыву партийной организации первыми встали в строй коммунисты и комсомольцы завода. Все попытки немецко-фашистских войск прорваться в город в этом районе кончались неудачей — ижорцы стояли насмерть.

Выяснилось, что на всех участках фронта ощущается острый недостаток в противотанковой артиллерии. Тогда мы решили заменить ее зенитными орудиями, способными пробивать броню танков. Для этой цели нужно было немедленно снять с ПВО города часть зенитных орудий и поставить их на самые опасные участки.

Общая точка зрения Военного совета фронта свелась к тому, чтобы срочно приступить к созданию глубоко эшелонированной и развитой обороны на всех уязвимых направлениях, плотно заминировать подступы к городу, а часть препятствий подготовить для подведения под электроток. Особое внимание предполагалось обратить на район Пулковских высот.

Но в первую очередь необходимо было срочно усилить оборону на рубеже Пулковские высоты—Урицк. Для этого следовало перебросить в 42-ю армию часть сил из состава 23-й армии, находившейся на Карельском перешейке, где финны были остановлены. Кроме средств фронта, здесь решено было сосредоточить огонь всей корабельной артиллерии Балтийского флота.

Предполагалось также сформировать 5—6 отдельных стрелковых бригад из состава моряков Балтийского флота и учебных заведений Ленинграда. Срок готовности формирований был определен в 5—6 дней.

Все эти мероприятия начали проводиться с утра уже наступившего дня 11 сентября.

Военный совет, в состав которого, кроме А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и меня, входили секретари Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыков, Я. Ф. Капустин, председатель облисполкома Н. В. Соловьев, председатель горисполкома П. С. Попков, работал дружно, творчески энергично, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Всех этих товарищей сейчас уже нет в живых. Некоторые из этих глубоко уважаемых мною людей, преданных нашему общему делу, после войны стали жертвами клеветы и были уничтожены. Должен сказать, что это были выдающиеся деятели нашей партии и государства. Они сделали все, что можно было сделать, для успешной борьбы, отстаивая город Ленина, над которым тогда нависла смертельная опасность. Ленинградцы их хорошо знали и уважали за мужественное поведение и несгибаемую волю к победе.

Жители города самоотверженно, каждый на своем посту, выполняли свой долг. Первоочередной задачей было снабжение войск оружием, боеприпасами, военной техникой. Все это изготовлялось под сплошным артиллерийским обстрелом и беспрерывной бомбежкой.

Кировский завод, где производились тяжелые танки КВ (директор завода И. М. Зальцман), был превращен в крупный опорный пункт обороны города. Многие рабочие ушли в народное ополчение. Их заменили подростки, женщины и пенсионеры. Большинство рабочих было размещено на жительство в административных и других заводских зданиях. Все они считались на казарменном положении. Окна цехов со стороны фронта, ввиду его близости, пришлось закрыть бронеплитами и мешками с песком. Во время налетов авиации и артиллерийского обстрела работа не прекращалась. Свободная смена вела борьбу с зажигательными бомбами, а медработники оказывали помощь раненым.

По тщательно разработанному гитлеровцами плану артиллерийский огонь и бомбардировки велись по важнейшим объектам — заводам и фабрикам, институтам и вокзалам, госпиталям, школам, торговым центрам.

Обстрелу подвергались главным образом те улицы и даже те их стороны, где движение было наиболее оживленным.

Пленный Ловно Рудольф из 9-й батареи 240-го артиллерийского полка 170-й пехотной дивизии показал потом: “Артиллерийский обстрел по Ленинграду велся утром с 8 до 9 час., днем с 11 до 12 час., вечером с 17 до 18 час., а затем с 20 до 22 часов. Основная задача обстрела — уничтожение жителей города, разрушение заводских объектов и важнейших зданий, а также моральное подавление ленинградцев...”{62}

Фашисты не останавливались ни перед чем. В районе Шлиссельбурга, где оборонялась 1-я стрелковая дивизия войск НКВД под командованием полковника С. И. Донскова, фашистские части пытались подготовить переправу через реку Неву на участке Порош—Невская Дубровка—Московская Дубровка. По приказу гитлеровского командования впереди немецких частей были выставлены советские женщины, дети и старики, согнанные из ближайших населенных пунктов. Чтобы не пострадали наши люди, надо было особенно четко вести минометный и артиллерийский огонь по противнику, находившемуся в глубине его боевых порядков.

Враг рвался к городу. На рассвете 11 сентября противник возобновил наступление, еще более массируя свои ударные группировки, и к исходу дня овладел Дудергофом.

На другой день под давлением превосходящих сил нам пришлось оставить Красное Село. В тяжелом положении оказались и наши войска, оборонявшие города Пушкин и Слуцк.

Генерал Ф. Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии, записал тогда в своем дневнике:

“Наступление на Ленинград 41-го моторизованного и 38-го армейского корпусов развивается вполне успешно. Большое достижение войск!..”

Почти неделю шли тяжелейшие кровопролитные бои. Гальдер сделал еще одну запись в дневнике:

“На фронте группы армий "Север" отмечены значительные успехи в наступлении на Ленинград. Противник начинает ослабевать в полосе корпуса Рейнгардта...” (41-й моторизованный корпус.— Г. Ж.)

Обстановка требовала предпринять самые энергичные и решительные действия. Надо было при малейшей возможности днем и ночью контратаковать врага, изматывать и наносить ему потери в живой силе и боевой технике, срывать его наступательные операции. Необходимо было навести строжайший порядок и дисциплину в частях, резко улучшить управление войсками. 11 сентября начальником штаба фронта был назначен генерал М. С. Хозин, а 14 сентября Военный совет фронта назначил генерала И. И. Федюнинского командующим 42-й армией.

В боях за г. Пушкин и Слуцк особенно отличилась 168-я стрелковая дивизия полковника А. Л. Бондарева. Эта кадровая дивизия Красной Армии 45 дней героически сражалась на финской границе и в лесах Карелии, северо-западнее Ладоги. Выполняя приказ командования, ведя в тяжелейших условиях арьергардные бои, дивизия эвакуировалась на остров Валаам, а оттуда была переброшена под Ленинград. Воины ее сумели сохранить почти всю боевую технику, в том числе гаубичный и пушечный артиллерийские полки. Пополненная ленинградскими коммунистами-политбойцами, эта дивизия сражалась с врагом под Ново-Лисином, Слуцком, городом Пушкином так же стойко, как и на границе. С особым упорством ее воины вели бои с противником в районе Колпино.

Меры по стабилизации положения под Ленинградом приходилось осуществлять в очень сложной обстановке. Враг продолжал усиливать свой нажим, особенно в полосе 42-й армии на пулковском направлении. Нельзя было оставлять без внимания и другие направления: шлиссельбургское и ораниенбаумское. Хотя противник наносил там второстепенные удары, но пренебрегать ими было нельзя, так как в этом случае возникли бы большие осложнения.

Должен с большой благодарностью отметить умную организаторскую роль командующего военно-воздушными силами генерал-полковника А. А. Новикова, который силами авиации фронта и флота эффективно помогал отбивать яростные атаки вражеских войск.

Моим заместителем по военно-морским силам Балтийского флота был адмирал Иван Степанович Исаков. Глубоко убежден, что И. С. Исаков был одним из самых сильных и талантливых военачальников Военно-Морского Флота Советского Союза. Под его руководством командование Балтфлота и артиллеристы за короткий срок сформировали 6 отдельных бригад морской пехоты, передав их на усиление Ленинградского фронта. Вместе с командующим артиллерией фронта генералом В. П. Свиридовым он быстро организовал взаимодействие флота и фронта, создав мощную дальнобойную контрбатарейную группу.

Гитлер торопил командующего группой армий “Север” генерал-фельдмаршала фон Леeба быстрее овладеть Ленинградом и как можно скорее высвободить подвижные соединения 4-й танковой группы для переброски их на московское направление в состав группы армий “Центр”.

С раннего утра 13 сентября противник силами двух пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизий начал наступление в общем направлении на Урицк. Прорвав оборону, вражеские части заняли Константиновку, Сосновку, Финское Койрово и стали продвигаться к Урицку.

“Значительное углубление клина с запада на Ленинград”, — записал в тот день в своем дневнике Гальдер, а вечером добавил: “У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к "внутреннему обводу укреплений" может считаться законченным”.

Военный совет фронта ясно понимал, что для обороны Ленинграда создалось чрезвычайное положение. Чтобы ликвидировать грозную опасность, было решено ввести в сражение последний фронтовой резерв — 10-ю стрелковую дивизию. Последний!.. Решение таило в себе серьезный риск, но другого выхода тогда у нас не было.

Утром 14 сентября, после короткой мощной артподготовки, 10-я стрелковая дивизия совместно с частями соседних соединений и при поддержке авиации нанесла стремительный удар по врагу. В результате напряженного боя оборона была восстановлена. Понеся большие потери, противник оставил Сосновку и Финское Койрово.

Изучая и оценивая сложившуюся обстановку, мы стремились прежде всего выяснить возможности противника, глубже проникнуть в замыслы его командования, установить наиболее сильные и слабые стороны вражеских войск, блокировавших город. Нужно было определить, какие силы, средства и способы действий следует противопоставить противнику, рвущемуся в Ленинград, чтобы сорвать его намерения.

Размышляя над планом обороны Ленинграда, прежде всего обратили внимание на то, что, наступая, враг оказался вынужденным действовать, рассредоточивая войска по трем группировкам на широком фронте. Главные силы — танки и пехота — направлялись к городу с юга. Очевидно, фон Лееб был убежден, что именно здесь ему удастся ворваться в город ударом в центре фронта. Однако из-за плотной застройки пригородов и лесных массивов противник вынужден был наступать вдоль дорог. Это обстоятельство следовало использовать: мы были в состоянии надежно перекрыть все пути артиллерийским и минометным огнем, подвергнуть их бомбардировочным ударам авиации, усилить оборону при помощи инженерных препятствий.

Опыт боевых действий показал, что враг был очень чувствителен ко всякого рода проявлениям активности с нашей стороны. Контрудары и контратаки вынуждали противника наступать в замедленном темпе. Вместо того чтобы бросить на главном направлении максимум ударных сил, немецкое командование часто ограничивалось полумерами. А это давало нам возможность выиграть время, которое было необходимо для организации активного контрманевра.

Проявлению активности нашей обороны способствовало и сложившееся по ходу обстановки расположение советских войск, 8-я армия укреплялась на ораниенбаумском плацдарме. При должной поддержке со стороны флота и 42-й армии она была в состоянии наносить удары по западному флангу и тылу группировки противника, отвлекая тем самым часть сил, наступавших на город.

Можно было многое ожидать и от 54-й армии, находившейся под командованием маршала Г. И. Кулика. Ее положение на восточном фланге узкого шлиссельбургско-мгинского коридора позволяло организовать удар по вражеским соединениям и таким образом облегчить путь продвижения войскам Ленинградского фронта. Это могло существенно помочь обороне города и отвлечь часть сил группы армий “Север” с основного, пулковского участка.

Было ясно, что успех борьбы зависел от того, насколько активно будут действовать наши войска на всех основных участках фронта. Мы это поняли сразу по прибытии в Ленинград, о чем было доложено в Ставку ВГК.

Дополнительно разработанные мероприятия по усилению обороны города предусматривали решение следующих задач:

— усилить партийно-политическую работу среди войск и населения с целью всемерного укрепления дисциплины и веры в победу над врагом;

— всеми сухопутными, воздушными и флотскими силами и средствами продолжать наносить максимальные потери ударным группировкам противника, чтобы они не смогли прорвать нашу оборону;

— сформировать к 18 сентября и полностью вооружить еще пять стрелковых бригад, две стрелковые дивизии. Основную часть этих войск передать в 42-ю армию для создания четвертого рубежа обороны армии;

— с целью оттягивания сил противника из-под Ленинграда 8-й армии продолжать наносить удары противнику во фланг и тыл;

— действия частей фронта увязать с действиями 54-й армии, добиваясь освобождения от противника района Мга—Шлиссельбург;

— поставить более активные задачи подпольным парторганизациям и партизанским отрядам, действовавшим южнее Ленинграда.

Таким образом, были предусмотрены два важнейших фактора: внедрение в сознание наших воинов и населения непоколебимой уверенности в нашей победе и необходимость накопления резервов с целью увеличения глубины обороны фронта. Осуществление неожиданного для противника удара силами 8-й армии должно было дать незамедлительный результат.

Особое внимание, как мы видим, уделялось 42-й армии, находившейся на самом опасном направлении. Здесь предусматривалось создать такую оборону, о которую разбились бы все попытки противника лобовым ударом овладеть городом. Большое значение мы придавали действиям флота и береговой артиллерии, которые становились все более существенными по мере приближения линии фронта к морю.

Как показал дальнейший ход событий, план этот оказался действенным и эффективным.

Об общем представлении о ситуации, сложившейся в то время под Ленинградом, и принимаемых нами мерах по организации оборонительных мероприятий можно судить по телеграфному разговору между мною и Б. М. Шапошниковым от 14 сентября 1941 года.

У аппарата Шапошников. Здравствуйте, Георгий Константинович! Доложите, пожалуйста, обстановку на вашем фронте и какие мероприятия вами принимаются для восстановления положения.

У аппарата Жуков. Здравствуйте, Борис Михайлович!

Обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу. К исходу сегодняшнего дня противник, развивая прорыв тремя-четырьмя пехотными дивизиями и введя в бой до двух танковых дивизий, вышел на фронт Новый Сузи (что южнее Пулково на 2 километра)—Финское Койрово (северная окраина)—Константиновка—Горелово—Анино— Копорское—Ропша—Глядино и развивает наступление в северном направлении... Красногвардейск и дороги, идущие от Красногвардейска в Пулково, также занимаются противником.

Таким образом, на этом участке фронта положение очень сложное. Оно усугубилось еще и тем, что у командования в районе Ленинграда не было никаких резервов. Сейчас нам приходится сдерживать наступление и развитие прорыва противника с помощью случайных отрядов, отдельных полков и вновь формируемых рабочих дивизий.

Шапошников. Какие меры приняты?

Жуков. К исходу сегодняшнего дня на путях движения противника нами организована система артиллерийского огня, включая морскую, зенитную и прочую артиллерию. Собираем минометы, и думаю, что к утру мы сможем на основных направлениях подготовить плотный заградительный огонь для взаимодействия с пехотой, которую к исходу дня расположили на вышеуказанном рубеже. Привлекаем всю авиацию фронта и Балтийского флота и, кроме того, собираем до сотни танков.

Непосредственно на южной окраине Ленинграда, на линии Мясокомбинат—Рыбацкое—Морской порт развертываем дивизию НКВД, которую усиливаем пока 100 орудиями, имея в виду в дальнейшем собрать еще не менее 100 орудий. Вот все, что я пока могу сказать об обстановке, сложившейся непосредственно под Ленинградом.

На фронте 8-й армии организуем удар с целью выхода на Кингисеппское шоссе, с тем чтобы ударом во фланг и тыл противника оттянуть часть его группировки из-под Ленинграда и во взаимодействии с 55-й и 42-й армиями в дальнейшем ликвидировать красносельскую группу противника. Переход в наступление 55-й и 42-й армий рассчитываем провести не раньше 17 сентября. Раньше невозможно, так как сейчас для этого нет сил. Думаю собрать их за счет вывода группы Астанина{63}. Всего надеюсь собрать до пяти дивизий, если удастся в течение двух ближайших дней вывести Астанина. Если же нет, то соберем хотя бы три дивизии.

Удар во взаимодействии с Куликом буду готовить, но провести его мы сможем только после ликвидации красносельской группировки противника...

...Мною принято на Ленинградском фронте всего 268 самолетов, из них исправных только 163. Очень плохо с бомбардировщиками и штурмовиками. Имеется 6 самолетов Пе-2, 2 самолета Ил-2, 2 самолета Ар-12, 11 самолетов СБ. Такое количество не обеспечит выполнения задачи. Очень прошу Ставку дать хотя бы один полк Пе-2 и полк Ил-2.

Шапошников. Считаю, что принятое вами решение прежде всего организовать артиллерийскую завесу является единственно правильным.

Ленинградский фронт имеет столько артиллерии, что создать такую завесу вполне возможно.

Жуков. Все ясно. Прошу иметь только в виду, как я уже вам доложил, что район Красногвардейска до реки Ижора и все пути, идущие через Красногвардейск на север, находятся у противника. ...Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Думаю, в ближайшие дни наведем порядок... Если придется, не остановимся ни перед какими мерами.

Прошу вас подкрепить Кулика двумя-тремя дивизиями, чтобы он мог нанести мощный удар. Это будет самая лучшая помощь фронту в создавшейся обстановке. С Куликом связь я держу по “Бодо”.

Шапошников. Считаю, что Красногвардейск запирает дорогу на север, хотя противник и обошел его с запада... Сейчас, конечно, центр внимания должен быть направлен на ликвидацию красносельского прорыва, а затем на взаимодействие с Куликом... Я думаю, что в тылах фронта и в разных вузах можно еще найти и людей, и оружие. Ставка просит вас ориентировать нас чаще по проводу и по радио о событиях на фронте. Вашу просьбу об усилении бомбардировочной авиацией незамедлительно доложу товарищу Сталину. Все{64}.

Надо было выбрать район прорыва блокады. Больше всего, на наш взгляд, для этой цели подходил мгинский выступ, захваченный противником. Ширина его составляла всего 15—20 км. Местность здесь была лесная и болотистая с обширными участками торфяных разработок. Небольшие высоты возвышались над окружающей равниной и могли быть отлично приспособлены для прочной и эффективной обороны. Сюда-то и обращались наши взоры, как к наиболее благоприятному участку прорыва блокады.

Вскоре после моего прибытия в Ленинград Б. М. Шапошников сообщил, что Ставка предпринимает попытки деблокировать город ударами 54-й армии с востока. Он просил меня выделить войска для встречных действий. К сожалению, фронт не мог этого сделать, поскольку все, что было возможно, мы уже бросили на главное направление и снять оттуда какие-либо войска означало бы сдать город врагу. Поэтому было решено наступать навстречу 54-й армии всего одной дивизией и бригадой Невской оперативной группы.

Под Невской Дубровкой этим частям предстояло форсировать полноводную Неву, ширина которой составляла до 800 м, под сплошным огнем противника, а затем атаковать врага, действуя через болота и лес. Задача была чрезвычайно тяжелая, можно сказать, непосильная.

Условия деблокирования Ленинграда в сентябре 1941 года требовали, чтобы 54-я армия действовала более энергично и в полном взаимодействии с частями Ленинградского фронта. Однако нам не удалось решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка. Я позволю себе привести телеграфный разговор с маршалом Г. И. Куликом, который состоялся в ночь на 15 сентября 1941 года. Текст его дается с небольшим сокращением.

У аппарата Кулик.

У аппарата Жуков.

Жуков. Приветствую тебя, Григорий Иванович! Тебе известно о моем прибытии на смену Ворошилову? Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу коротко доложить об обстановке. В свою очередь хочу проинформировать, что делается под Ленинградом:

Первое. Противник, захватив Красное Село, ведет бешеные атаки на Пулково, в направлении Лигово. Другой очаг юго-восточнее Слуцка — район Федоровское. Из этого района противник ведет наступление восемью полками общим направлением на г. Пушкин с целью соединения в районе Пушкин—Пулково.

Второе. На остальных участках фронта обстановка прежняя... Южная группа Астанина в составе четырех дивизий принимает меры к выходу из окружения.

Третье. На всех участках фронта организуем активные действия. Возлагаем большие надежды на тебя. У меня пока все. Прошу коротко сообщить обстановку на твоем участке.

Кулик. Здравия желаю, Георгий Константинович! Очень рад с тобой вместе выполнять почетную задачу по освобождению Ленинграда. Также жду с нетерпением момента встречи. Обстановка у меня следующая:

Первое. В течение последних двух-трех дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние два-три дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий поселок № 1 появился 424-й полк 126-й пехотной дивизии, ранее не присутствовавший на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет. Или они в Шлиссельбурге, или по Неве и действуют на западе против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

Второе. В районе Синявино и южнее действует 20-я мотодивизия, вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

Третье. На фронте Сиголово—Турышкино развернулась 21-я пехотная дивизия. Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка—Вороново.

В течение последних трех дней идет усиленная переброска из района Любань на Шапки—Турышкино—Сологубовка мотомехчастей и танков. Сегодня в 16 30 замечено выдвижение танков (более 50) из района Сологубовка на Сиголово, а также отмечается большое скопление войск в лесах восточнее Сиголово и северо-восточнее Турышкино Кроме того, появилась в этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороновом. Это была частная операция для предстоящего наступления, но решить эту задачу не удалось. Правда, здесь действовали незначительные соединения. Я сделал это умышленно, так как не хотел втягивать крупные силы в эту операцию: сейчас у меня идет пополнение частей.

Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка-Рабочий поселок № 8—Рабочий поселок № 7—поселок Эстонский— Тортолово—Мышкино—Поречье—Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку... Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контрнаступление. За последние три-четыре дня нами уничтожено минимум 70 танков... Во второй половине 13 сентября был сильный бой в районе Горное Хандрово, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты, но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность. Все.

Из рассуждений Г. И. Кулика, таким образом, следовало, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собирается. Это нас никак не устраивало, так как положение под Ленинградом становилось критическим. Помимо прямых действий со стороны 54-й армии, я рассчитывал также на привлечение авиации этой армии для ударов по важным районам на подступах к Ленинграду.

Надо было разъяснить это моему собеседнику.

Жуков. Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу.

Кулик. Понятно. Я думаю, 16—17-го.

Жуков. 16—17-го поздно! Противник мобильный, надо его упредить. Я уверен, что, если развернешь наступление, будешь иметь большие трофеи. Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово—Корделево—Черная Речка—Аннолово. Все эти пункты находятся на реке Ижора, в 4—5 километрах юго-восточнее Слуцка. Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника. У меня все.

Кулик. Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение. Мне только что сообщили, что противник в 23 часа перешел в наступление в районе Шлиссельбург—Липка—Синявино—Гонтовая Липка. Наступление отбито. Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобою, выполню...

Эти данные обстановки под Шлиссельбургом у меня тоже имелись. Однако маршал Г. И. Кулик ошибался: действия противника были не более чем попыткой боем разведать нашу оборону. Г. И. Кулик явно не представлял себе или не хотел понять крайнего напряжения обстановки под Ленинградом.

Уже не скрывая раздражения, я сказал:

— Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление...

Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего!{65}

Несмотря на принятые меры, обстановка под Ленинградом продолжала ухудшаться. Противник становился все более активным. Видимо, генерал-фельдмаршал фон Лееб лез из кожи вон, чтобы выполнить любой ценой приказ Гитлера — покончить с ленинградской операцией до начала наступления немецких войск под Москвой.

Утром 15 сентября противник возобновил наступление в полосе 42-й армии. Его четыре дивизии, усиленные танками и поддержанные массированными ударами с воздуха, упорно продвигались вперед. Ценой больших потерь врагу удалось оттеснить наши 10-ю и 11-ю стрелковые дивизии к южным окраинам поселка Володарского и Урицка. На других участках обороны этой армии вражеские атаки были отражены.

Чтобы предотвратить прорыв противника в Ленинград через Урицк, 16 сентября мы усилили 42-ю армию вновь сформированными 21-й стрелковой дивизией НКВД, 6-й дивизией народного ополчения и двумя стрелковыми бригадами, состоявшими из моряков и личного состава различных частей ПВО. Этим соединениям было приказано занять оборону на внешнем обводе укрепленного рубежа города, проходившего от побережья Финского залива через Лигово, Мясокомбинат, Рыбацкое до реки Невы.

Благодаря этой мере был образован сильный второй эшелон 42-й армии и достигнута тактическая глубина обороны. Это в значительной мере способствовало повышению его устойчивости и непреодолимости.

Следует отметить, что с выходом противника к поселку Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался еще более растянутым. Мы решили использовать это выгодное для нас обстоятельство и нанести контрудар по врагу силами 8-й армии.

Командующему 8-й армией было приказано оставить на участке Керново—Терентьево прикрытие, 5-ю бригаду морской пехоты отвести на заранее подготовленный в инженерном плане рубеж обороны по реке Коваши, а 191-ю и 281-ю стрелковые дивизии и 2-ю дивизию народного ополчения сосредоточить на своем левом фланге и нанести по противнику контрудар на участке Липицы — поселок Володарского в направлении на Красное Село. Этим же приказом в состав 8-й армии передавались 10-я и 11-я стрелковые дивизии и 3-я дивизия народного ополчения 42-й армии, которые должны были принять участие в контрударе. Одновременно 125-я и 268-я стрелковые дивизии 8-й армии выводились в резерв фронта.

Такое решение позволило нам создать ударную группировку 8-й армии для нанесения контрудара по врагу и одновременно восстановить резерв фронта для парирования всяких случайностей. Последующий ход событий показал, что все это было своевременным и правильным.

Докладывая свое решение Ставке Верховного Главнокомандования, я не умолчал о разговоре с Г. И. Куликом. И. В. Сталин обещал принять меры. Вечером 16 сентября Верховный Главнокомандующий связался с ним по телеграфу и потребовал “...не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым”.

“В своем разговоре с вами 15 сентября, — напомнил И. В. Сталин, — Жуков обрисовал вам положение фронта, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя”{66}.

Однако и на этот раз наступление 54-й армии затянулось и началось лишь спустя несколько дней.

17 сентября бои под Ленинградом достигли наивысшего напряжения. В этот день шесть дивизий противника при поддержке крупных сил авиации группы армий “Север” предприняли новую попытку прорваться к Ленинграду с юга. Защитники города стойко отстаивали буквально каждый метр, непрерывно контратакуя врага. Артиллерия фронта и Балтийского флота вела интенсивный огонь по наступавшим частям противника, авиация фронта и флота своевременно оказывала всемерную поддержку оборонявшимся частям.

Оценив ситуацию как исключительно опасную, Военный совет фронта 17 сентября направил Военным советам 42-й и 55-й армий предельной строгости приказ. В нем говорилось:

“Рубеж Лигово—Кискино—Верхнее Койрово—Пулковские высоты—районы Московской Славянки—Шушары и Колпино имеют исключительное значение для обороны Ленинграда, а поэтому ни при каких обстоятельствах не могут быть оставлены”{67}.

И нужно отдать должное нашим героическим воинам: они правильно поняли приказ и добросовестно выполнили его. Мощным огнем и непрерывными контратаками войска фронта вынудили гитлеровцев перейти от наступления к обороне. В отражении удара врага через Лигово на Ленинград особенно отличились 21-я стрелковая дивизия НКВД полковника М. Д. Папченко, 6-я бригада морской пехоты полковника Д. А. Синочкина и 7-й истребительный авиационный корпус полковника С. П. Данилова. Исключительную доблесть проявили артиллеристы 42-й армии. Нередко целые дивизионы, а иногда и артиллерийские полки выдвигались на открытые боевые позиции и прямой наводкой уничтожали наседавшего врага. Только на участке Лигово— Пулково на прямую наводку было выставлено свыше 500 орудий.

Чрезвычайно важную роль в срыве планов противника — прорыва в Ленинград через Урицк — сыграл контрудар 8-й армии. Ее ударная группировка в составе четырех стрелковых дивизий утром 19 сентября перешла в наступление в общем направлении на Красное Село. Хотя это наступление и не привело к восстановлению здесь обороны, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления Урицк—Ленинград на петергофское, что было нами заранее предусмотрено.

Продолжая яростные атаки на Пулковские высоты, противник пытался найти слабые места в нашей обороне и на других участках фронта. С утра 18 сентября он нанес удар на стыке 42-й и 55-й армий и, овладев городом Пушкин, стремился обойти Пулковские высоты слева, а Колпино справа и таким образом прорваться к Ленинграду. Однако и

здесь гитлеровские войска не смогли сломить сопротивление хотя и малочисленных, но героически сражавшихся советских войск.

В разгар боев за Пулково и г. Пушкин противник нанес один из самых мощных артиллерийских и авиационных ударов по Ленинграду, пытаясь таким способом сломить волю ленинградцев и его защитников. 19 сентября город подвергался артиллерийскому обстрелу в течение восемнадцати часов — с 1 часа 5 минут до 19 часов. Одновременно немецкая авиация произвела шесть налетов на город. К Ленинграду прорвалось 276 бомбардировщиков противника.

Чтобы подавить или уничтожить нашу мощную морскую артиллерию, которая вела уничтожающий огонь по наступавшим войскам группы армий “Север”, немецко-фашистское командование 21—23 сентября осуществило ряд массированных налетов на корабли и Кронштадт. В этих налетах одновременно участвовало несколько сотен бомбардировщиков. Но интенсивный огонь зенитной артиллерии и решительные атаки советских истребителей сорвали замысел врага: существенный ущерб флоту нанесен не был.

В течение 23—26 сентября противник неоднократно предпринимал попытки наступления на Пулковские высоты, на Петергоф и Ораниенбаум. Но каждый раз его атаки отражались артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем, а также ударами авиации. Одновременно мы наносили по врагу ощутимые контрудары силами стрелковых частей и соединений.

Для усиления обороны в районе Урицка и Пулковских высот были взяты резервы из 23-й армии, находившейся на Карельском перешейке. Обстановка в этом районе сложилась более спокойная. Финские войска постреливали. Наши войска отвечали тем же. Это позволило командованию фронта забрать отсюда все армейские резервы и даже часть полков некоторых стрелковых дивизий.

В районе Петергофа в тыл вражеских войск был высажен морской десантный отряд с целью содействия приморской группе в проведении операции. Моряки действовали не только смело, но и предельно дерзко. Каким-то образом противник обнаружил подход по морю десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы побежали. К тому времени они уже хорошо были знакомы с тем, что такое “шварце тодт” (“черная смерть”), как они называли нашу морскую пехоту.

Увлекшись первыми успехами, моряки преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря. Большинство из них пало смертью храбрых. Не вернулся и командир героического десанта полковник Андрей Трофимович Ворожилов.

Десантные отряды моряков и пограничников из 20-й дивизии НКВД полковника А. П. Иванова неоднократно засылались в тыл противника. Везде и всюду они проявляли чудеса храбрости. Блестяще действовали в сентябрьских сражениях и стрелковые бригады, сформированные из моряков Балтфлота.

20 сентября Ставка Верховного Главнокомандования еще раз поторопила командующего 54-й армией маршала Г. И. Кулика с организацией решительного наступления. В телеграмме Г. И. Кулику Верховный настаивал на немедленных действиях:

“В эти два дня, 21-го и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами”{68}.

Однако и это распоряжение не было выполнено.

29 сентября Ставка подчинила 54-ю армию Ленинградскому фронту. Маршал Г. И. Кулик был освобожден от командования, и мне пришлось назначить командующим 54-й армией генерала М. С. Хозина, не освобождая его от обязанностей начальника штаба фронта.

Как теперь стало известно, гитлеровцы также торопили свои войска. Командующий немецкой группой армий “Север” фон Лееб настоятельно требовал как можно быстрее сломить сопротивление защитников Ленинграда, чтобы соединиться с карельской группой финских войск. Однако, несмотря на все принятые меры, увещевания и угрозы, разгромить ленинградскую группировку советских войск фашисты так и не смогли. В результате предельно активной и упорной обороны войск Ленинградского фронта и их массового героизма прорыв в Ленинград через Красное Село—Урицк—Слуцк—Пушкин потерпел полный провал.

Гитлер был в бешенстве. Главнокомандующий северной группой войск генерал-фельдмаршал фон Лееб был снят Гитлером с должности, но и это не помогло. Гитлер понимал, что время работает не на Германию, а на Советский Союз, который, преодолевая огромные трудности, успешно мобилизует народные силы и создает новые военные формирования и мощные средства борьбы. Летне-осенняя кампания окончилась без значительных успехов в достижении стратегических целей. Приближалась зима, к которой гитлеровские войска подготовлены не были.

В начале октября разведка фронта доложила, что немцы роют землянки, утепляют блиндажи, укрепляют передний край минами и другими инженерными средствами. Разведчики сделали правильный вывод: противник готовится к зиме. Пленные подтвердили это предположение. Впервые за много дней мы реально осознали, что фронт на подступах к городу выполнил свою задачу и остановил наступление гитлеровских войск. Линия обороны на подступах к Ленинграду с юга стабилизировалась и осталась без существенных изменений до января 1943 года. К этому же времени закрепились позиции сторон и на реке Свирь.

Каковы же основные итоги и особенности оборонительного этапа битвы за Ленинград осенью 1941 года? И в чем кроются причины провала наступления немецко-фашистских войск?

Важнейшее военно-политическое значение успешной обороны Ленинграда состоит в том, что она опрокинула широко задуманные планы гитлеровского командования. Войска Ленинградского фронта и Балтийского флота своим героическим упорством и активными действиями обескровили, измотали и крепко приковали к северному направлению крупную группировку немецко-фашистских войск и не позволили гитлеровскому командованию своевременно перебросить под Москву подвижные соединения 4-й танковой группы. Последняя не успела к началу операции “Тайфун” восстановить

потрепанную материальную часть и в ослабленном состоянии была введена в сражение на московском направлении. Это обстоятельство способствовало в значительной мере успешной обороне Москвы и разгрому вражеских полчищ на подступах к столице нашей Родины.

Сражения под Ленинградом в сентябре 1941 года протекали в крайне сложной и динамичной обстановке. Противник применял значительные танковые, моторизованные и авиационные силы, что потребовало от советского командования быстрого и смелого реагирования на изменения ситуации, совершенствования форм и способов ведения боевых действий.

В ходе сентябрьского сражения, когда бои под Ленинградом носили чрезвычайно напряженный и ожесточенный характер, силы врага истощались, а силы сопротивления советских войск непрерывно возрастали. Об этом говорит снижение темпов наступления противника. Если в июле он продвигался по 5 километров в сутки, то в сентябре всего лишь по 1—2 километра, да и то на отдельных направлениях.

Благодаря мерам, принятым командованием фронта, к концу сентября на северных, южных и юго-восточных подступах к Ленинграду была создана прочная, глубоко эшелонированная и непреодолимая для врага оборона. Достаточно указать на тот факт, кто к моменту стабилизации положения под Ленинградом оборона на главнейших направлениях состояла из двух полос. Стрелковые дивизии, хорошо оснащенные противотанковыми средствами, здесь, как правило, обороняли полосу протяженностью не более 10—12 километров.

Кроме того, непреодолимость нашей обороны была достигнута благодаря созданию развитой сети инженерных сооружений, хорошо управляемого артиллерийского огня армий, фронта и флота. Важную роль сыграла четко отработанная система взаимодействия между наземными войсками и авиацией, плотная, хорошо организованная противовоздушная оборона города и войск.

Победа в оборонительных сражениях на ближних подступах к Ленинграду была достигнута совместными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск, опиравшихся в своей борьбе на героическую помощь населения города. В основе этих общих усилий лежали высокий моральный дух советских войск, непреклонная вера в победу, глубокий патриотизм и ненависть к фашистским захватчикам.

История войн не знала такого примера массового героизма, мужества, трудовой и боевой доблести, какую проявили защитники Ленинграда. Огромная заслуга в этом ленинградских городской и областной партийных организаций, их умелая и оперативная организаторская деятельность и высокий авторитет у населения и в войсках. За первые три месяца войны здесь были сформированы десять дивизий народного ополчения, 16 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, десятки маршевых подразделений для пополнения частей народного ополчения, многочисленные отряды местной противовоздушной обороны. Были подготовлены десятки тысяч медицинских работников, развернуты многочисленные госпитали, проведен ряд других важных мероприятий по обеспечению боевых действий войск и населения города.

Одновременно с формированием частей народного ополчения и воинских отрядов Ленинградские областной и городской комитеты партии по указанию ЦК ВКП(б) в 1941

году создали около 400 партизанских отрядов общим количеством не менее 14 тысяч человек. Эти отряды были направлены в районы Пскова, Гдова, Нарвы, Луги и в другие места. По партийной мобилизации в войска Ленинградского фронта влилось более 12 тысяч коммунистов — это были лучшие силы партии. 10 тысяч человек стали политбойцами. Партийным словом и личным примером они вдохновляли воинов на бесстрашное выполнение долга перед Родиной.

Ни массовые жертвы, ни постоянные чрезмерно напряженные бои не сломили боевой дух и доблесть защитников города Ленина. Ленинградцы, воины фронта и флота предпочитали смерть в борьбе с врагом, нежели сдать город врагу.

Трудно переоценить трудовую доблесть рабочего класса города Ленина. Люди трудились с исключительным энтузиазмом, недоедая и недосыпая, под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации. Большим разрушениям и повреждениям подверглись заводы имени С. М. Кирова, Ижорский, “Русский дизель”, “Большевик”, Мясокомбинат, Дубровская электростанция, Адмиралтейский, фабрика имени 1 Мая и ряд других важнейших предприятий и сооружений.

Однако, несмотря на варварские действия немецко-фашистских войск, трудящиеся ленинградских предприятий героически выполняли задачи, которые им были поручены. Так, с июля и до конца 1941 года они изготовили 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, свыше 3 миллионов снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов и бомб. Выпуск боеприпасов во втором полугодии 1941 года по сравнению с первым увеличился в 10 раз.

Примечательно, что значительная часть изготовленной в Ленинграде важной оборонной продукции в октябре-декабре 1941 года отправлялась самолетами нашим войскам, оборонявшим Москву. Только в последнем квартале 1941 года, то есть в самый разгар битвы за Москву, ленинградцы отправили героям обороны столицы нашей Родины более тысячи полковых пушек и минометов.

В то время я уже командовал Западным фронтом, сражавшимся на подступах к Москве. Помнится, как я был глубоко взволнован, когда сообщили о той помощи, которую оказывают нам ленинградцы, уже испытавшие голод и лишения, но сильные волей и духом.

Перед войной в Ленинграде проживало 3 миллиона 103 тысячи человек, а с пригородами — 3 миллиона 385 тысяч. Согласно Постановлению Совнаркома с 29 июня 1941 года по 31 марта 1943 года были эвакуированы 1 миллион 743 тысячи 129 человек, в том числе 414 тысяч 148 детей{69}.

Контроль за выполнением постановления правительства по эвакуации и размещению людей и заводского оборудования в новых районах страны был возложен на Алексея Николаевича Косыгина. Несмотря на тяжелейшие условия эвакуации и трудности, связанные с размещением всего вывезенного в Заволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и другие районы страны, задание правительства было выполнено в назначенные сроки. Сказалась умная организаторская работа Алексея Николаевича Косыгина и других товарищей, которым ЦК ВКП(б) поручил выполнение этого, я бы сказал, чрезвычайной важности дела.

Внимательно следя за событиями в Ленинграде, Центральный Комитет партии мобилизовал на помощь населению города все силы и средства. Вездеходами, гужевым транспортом, всеми другими средствами по льду Ладожского озера доставлялись в Ленинград продукты питания, боеприпасы, одежда, медикаменты.

Доброе слово заслужил уполномоченный Государственного Комитета Обороны генерал-лейтенант Дмитрий Васильевич Павлов. В крайне сложной обстановке он проявил большую энергию и изобретательность в доставке голодающему населению Ленинграда и войскам фронта необходимого продовольствия.

Я же лично считаю для себя высокой честью, что в самое трудное время мне было доверено командование всеми войсками, оборонявшими город Ленина. Организация борьбы в условиях блокады при значительном превосходстве противника в силах и боевой технике дала мне много полезного для всей последующей деятельности командующего фронтами и заместителя Верховного Главнокомандующего. Сентябрь 1941 года остался в памяти на всю жизнь.

В конце 1942 года обстановка на фронтах сложилась для нас более благоприятная. Благодаря самоотверженному труду советского народа и огромной организаторской работе партии советские войска получали все больше первоклассной боевой техники. В тылу страны создавались мощные резервы Ставки. Противник же, наоборот, все более и более утрачивал имевшееся у него в начале войны превосходство в техническом оснащении и численности вооруженных сил.

Существенно изменился и характер вооруженной борьбы. Потерпев поражение в битве под Сталинградом, вооруженные силы фашистской Германии потеряли инициативу и были вынуждены перейти к стратегической обороне. Красная Армия захватила инициативу в свои руки.

Ставка Верховного Главнокомандования развернула наступление на нескольких важнейших оперативно-стратегических направлениях. Главные события в зимней кампании 1942/43 года происходили на южном крыле советско-германского фронта.

После разгрома немецких войск в районе Сталинграда, под Котельниковом и на Северном Кавказе наступление советских войск развивалось в общем направлении на Донбасс и Харьков Главное командование противника оказалось вынужденным бросить сюда основную массу своих резервов.

Одновременно наши Северо-Западный, Калининский и Западный фронты перешли в наступление под Демянском, Великими Луками и Ржевом. Для противодействия этим операциям и усиления своей 16-й армии, оказавшейся в демянском мешке, командованию немецкой группы армий “Север” пришлось использовать все свои резервы и перебросить около семи дивизий из-под Ленинграда.

Учитывая выгодно сложившуюся общую обстановку на ленинградском направлении, советское Верховное Главнокомандование решило провести в районе Ладожского озера наступательную операцию с целью прорыва блокады Ленинграда. Условно эта операция была названа “Искра”.

Местом прорыва блокады был избран все тот же мгинско-шлиссельбургский выступ в районе Шлиссельбург—Синявино.

Для нанесения ударов привлекались усиленная 67-я армия Ленинградского фронта (командующий генерал-лейтенант М. П. Духанов; член Военного совета П. А. Тюркин) и усиленная 2-я ударная армия Волховского фронта (командующий генерал-лейтенант В. З. Романовский; член Военного совета генерал А. А. Кузнецов). Для обеспечения боевых действий ударных группировок выделялись основные силы 13-й и 14-й воздушных армий, а также часть артиллерии Балтийского флота и Ладожской военной флотилии.

Конкретные задачи войскам Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда были определены директивой Ставки от 8 декабря 1942 года.

“Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка—Гайтолово—Московская Дубровка—Шлиссельбург и таким образом разбить осаду гор. Ленинграда К исходу января 1943 года операцию закончить.

Закрепившись прочной обороной на линии р. Мойка—поселок Михайловский Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта. После чего войскам дать 10-дневный отдых.

В первой половине февраля месяца 1943 года подготовить и провести операцию по разгрому противника в районе Мга и очищение Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново— Сиголово—Войтолово—Воскресенск.

По окончании Мгинской операции войска перевести на зимние квартиры.

Настоящий приказ довести до командиров полков включительно.

Получение подтвердить. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Г. Жуков

8.12.1942 г.

22 ч 15 м.

№ 170703”.

Необходимо особо отметить, что операцию “Искра” нашим войскам предстояло осуществить в крайне сложных условиях. За долгие месяцы пребывания под Ленинградом гитлеровские войска превратили занятые ими позиции в мощные укрепленные районы с разветвленной системой бетонированных полевых сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий. Оборона противника опиралась к тому же на весьма выгодные высоты и другие естественные рубежи.

Особенно мощной была оборона противника на левом берегу Невы. Укрепившись здесь, гитлеровцы имели перед собой открытое водное пространство шириной до 800 метров. Даже замерзшая река представляла собой чрезвычайно сильную преграду, так как на льду не было никаких укрытий. Она просматривалась и простреливалась с занятого противником крутого обрывистого берега, высота которого на участке прорыва составляла от 5 до 12 метров. Гитлеровские войска усилили это естественное препятствие густой сетью проволочных заграждений и минными полями.

Прорыв обороны при наличии таких укреплений противника являлся сложной боевой задачей, требовавшей больших усилий, высокого воинского мастерства и боевой отваги всего личного состава.

Поэтому, несмотря на то что представленные командованием Ленинградского и Волховского фронтов планы действий были своевременно рассмотрены в Генштабе и утверждены Ставкой, Верховный, учитывая прежние неудачи, неоднократно высказывал свое беспокойство за исход операции.

В течение декабря 1942 года фронты тщательно готовились к предстоящему наступлению. В назначенный Ставкой срок — 1 января 1943 года подготовка была закончена. Но из-за крайне неблагоприятных метеорологических условий — оттепель затянулась и ледяной покров на Неве оказался недостаточно устойчивым, а болота труднопроходимыми — начинать наступление было опасно. Командование обоих фронтов в конце декабря обратилось в Ставку с просьбой отложить начало операции до 10—12 января. Эта просьба была удовлетворена.

В первых числах января 1943 года в штаб Воронежского фронта, где я находился в связи с подготовкой Острогожско-Россошанской наступательной операции, мне позвонил И. В. Сталин и без всяких предисловий сказал:

— В Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет Обороны считает, что вам также необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция “Искра” прошла успешно. Время у вас еще есть, сделайте остановку в Москве. Нам надо обсудить один вопрос.

Поскольку операция под Острогожском и Россошью являлась также весьма важным звеном в стратегическом плане Ставки, я спросил, как быть с подготовкой к наступлению Воронежского фронта.

— А вы что предлагаете? — в свою очередь задал вопрос И. В. Сталин.

— Василевский в курсе дел, пусть он завершает здесь начатую работу, а в районе Сталинграда может закончить дела Воронов.

— Согласен. Вылетайте в Москву незамедлительно.

В кабинете И. В. Сталина я застал наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина и авиаконструкторов. Заканчивался, видимо, большой разговор о дальнейшем улучшении конструкции некоторых самолетов и наращивании производства бомбардировочной авиации. Очевидно, дела в этой области обстояли вполне благополучно, и И. В. Сталин был в хорошем настроении.

— Ну, идите, — сказал он всем присутствовавшим, заканчивая обсуждение, — принимайтесь за дела.

Когда закрылась дверь за последним уходящим, Верховный одобрительно заметил:

— Вот каких людей вырастила партия... Вот что, — обращаясь уже ко мне, продолжал И. В. Сталин, — до начала операции “Искра” у вас еще есть в запасе некоторое время. Мы хотели бы, чтобы вы слетали на пару дней в 3-ю ударную армию: она ведет тяжелые бои с окруженной группировкой противника в районе Великие Луки—Новосокольники—Поречье. Посмотрите, как там организовано дело.

— Хорошо, сегодня же вылетаю.

Об этом я говорю потому, что операция под Великими Луками и в прилегающих к ним районах имела важное значение и для прорыва ленинградской блокады. Наступающие там войска оттягивали на себя из-под Ленинграда значительные силы противника и тем самым содействовали успеху операции “Искра”. Как заместитель Верховного Главнокомандующего, постоянно получавший из Генерального штаба самую подробную информацию о положении на фронтах, я был хорошо знаком с планом проведения этой операции.

Прибыв в 3-ю ударную армию, ознакомился на месте с действиями 8-го Эстонского корпуса. Им тогда командовал опытный и энергичный генерал-майор Л. А. Перн — эстонец по национальности. Затем побывал в 5-м гвардейском корпусе, которым командовал ныне дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов, один из наших видных и деятельных военачальников.

357-й стрелковой дивизией командовал Александр Львович Кроник. В 1922 году он был старшиной эскадрона, которым мне тогда довелось командовать. Конечно, было очень приятно встретиться со старым боевым товарищем. Но я вдвойне обрадовался, после того как детально ознакомился с успешными действиями его дивизии и хорошо продуманными планами.

Дела в 3-й ударной армии шли хорошо. И сам командующий генерал К. Н. Галицкий и член Военного совета армии А. И. Литвинов произвели на меня весьма благоприятное впечатление. Обо всем этом я доложил И. В. Сталину и, получив его “добро”, в ночь на 9 января выехал на Волховский фронт.

...Нам, представителям Ставки на фронтах, редко выпадал случай ездить по железной дороге. Обычно приходилось в срочном порядке лететь к месту военных действий. Попав в удобный, хорошо натопленный вагон я приказал меня не будить и лег спать. Нужно было набраться сил для предстоящей работы, которая начиналась сразу же по прибытии на место.

Проснулся оттого, что поезд вдруг замедлил ход. За окном была тьма, не брезжил ни один огонек... Взглянул на часы: время подходило к двум часам ночи.

Быстро встал, оделся. Поезд остановился. В дверях выросла фигура дежурного генерала.

— Прибыли из Ленинграда товарищи Жданов и Ворошилов и ждут вас в своем вагоне, — доложил он.

Я тотчас туда отправился. В вагоне К. Е. Ворошилова собрались командующие Ленинградским и Волховским фронтами, члены Военных советов.

Климент Ефремович и Андрей Александрович тепло поздоровались со мной.

— Звонил Сталин, — сказал К. Е. Ворошилов, — и предупредил о твоем приезде.

— Готов приступить к работе немедленно.

Мы без промедления принялись за обсуждение вопросов операции “Искра”.

Как всегда, работу начали с определения задач фронтам и рассмотрения планов предстоящих действий. Ставка отдала директивы Ленинградскому и Волховскому фронтам еще 8 декабря 1942 года. Она приказала разгромить группировку немецко-фашистских войск в районе Липка—Гайтолово—Московская Дубровка—Шлиссельбург и прорвать в этом месте блокаду.

Замысел прорыва блокады был прост. Он состоял в том, чтобы двумя ударными группировками Волховского и Ленинградского фронтов нанести сильные встречные удары в направлении Рабочего поселка № 5 (в 5 километрах севернее Синявино) и рассечь оборону противника на шлиссельбургско-мгинском выступе. Одновременно на других участках фронта, к северу и югу от главного направления, планировались вспомогательные удары, для того чтобы не дать врагу маневрировать силами и средствами.

Признаюсь, я испытал волнение, когда на оперативных картах фронтов перед моими глазами вновь появились знакомые названия населенных пунктов, напомнившие сентябрь 1941-го.

Московская Дубровка!.. Здесь до сих пор героически удерживался плацдарм — “пятачок”, захваченный еще в первый месяц блокады. Но теперь на этом “пятачке” проходило одно из направлений вспомогательных ударов Ленинградского фронта.

Естественно, что произошли перемены и на других участках фронта. Сейчас со стороны Ленинграда наступала уже не дивизия, как это было в 1941 году, а целая 67-я армия генерала М. П. Духанова. В ее составе находились прославленные дивизии— 136-я генерала Н. П. Симоняка. оборонявшая в свое время полуостров Ханко, 45-я гвардейская генерала А. А. Краснова, 86-я полковника В. А. Трубачева. В операции участвовали артиллерия и авиация Балтийского флота, 13-я воздушная армия С. Д. Рыбальченко, некоторые силы артиллерии Ладожской военной флотилии.

На Волховском фронте главную задачу решала 2-я ударная армия генерала В. З. Романовского, а на вспомогательном направлении, к югу от Гайтолово, наступала частью сил 8-я армия генерала Ф. Н. Старикова. С ними-то мне и предстояло непосредственно работать два дня до начала операции, поскольку К. Е. Ворошилов возвращался в Ленинград, чтобы координировать действия войск Ленинградского фронта. С воздуха

операцию Волховского фронта обеспечивала 14-я воздушная армия генерала И. П. Журавлева.

При рассмотрении планов операции было решено внести некоторые коррективы в действия войск, особенно в организацию артиллерийского наступления.

Закончив совещание, К. Е. Ворошилов, Л. А. Говоров и А. А. Жданов уехали в Ленинград, а я приступил к работе. Переговорил с командующим Волховским фронтом К. А. Мерецковым, членом Военного совета Л. З. Мехлисом, начальником штаба генералом М. Н. Шарохиным и командующим артиллерией фронта генералом Г. Е. Дегтяревым. Затем встретился с командармами. Начал с проверки принятых ими решений и планирования операции. После этого подробно ознакомился с материально-техническим обеспечением войск и детально разобрал принятое решение предстоящего боя с командиром 128-й стрелковой дивизии генералом Ф. Н. Пархоменко, действовавшим на правом фланге направления главного удара.

Каждый день пребывания в войсках Волховского фронта заканчивался представлением Ставке подробного доклада о результатах работы. В них я сообщал о принятых мерах по устранению выявленных недочетов, делал предложения по вопросам, которые необходимо было решать в Генштабе и в других центральных управлениях. Приведу лишь один из таких документов, направленных мною Верховному после первого дня пребывания на фронте.

“Тов. Васильеву{70}.

Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Выяснил также обстановку с командиром 128-й стрелковой дивизии и его решение на прорыв.

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции считаю:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков; по опорному пункту Рабочего поселка № 8 не было сосредоточено достаточно огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны. Удаление их от первого эшелона на 1—1,5 км могло привести к большим потерям.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву{71} и командармам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно

придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

На второй этап операции Волховскому фронту требуется дополнительно следующее количество боеприпасов: 122-мм гаубичных снарядов— 20 000; для пушек-гаубиц 152-мм— 15 000; 120-мм мин — 60 000; снарядов М-30 — 150 000; М-20 — 3000; М-13 -3500. Эти боеприпасы необходимо получить в период с 18 по 20 января 1943 г.

С утра 11 января буду в дивизиях.

Ефремов{72} находится у Леонидова{73}.

Константинов{74}.

11.1.43.02.00".

Наконец все мероприятия по подготовке операции были завершены. Наступило утро 12 января 1943 года. Оно выдалось ясным и морозным. Мы с генералом В. З. Романовским прибыли на наблюдательный пункт 2-й ударной армии. Он был расположен совсем недалеко от переднего края, и отсюда хорошо просматривалась ближайшая глубина обороны противника. Над позициями немецко-фашистских войск высоко вверх поднимались многочисленные дымки. Солдаты, несшие службу ночью, когда обычно действовала наша разведка, теперь готовились к отдыху и усиленнее топили печи.

Над всем передним краем пока господствовала тишина. Это была особая тишина — тишина перед наступлением большого исторического масштаба.

В этом сражении нам удалось достигнуть тактической внезапности, хотя противник знал, что мы готовимся прорвать блокаду. Он, возможно, предугадывал даже, где именно будут нанесены удары советских войск: сама конфигурация фронта об этом говорила. День за днем на предполагаемом участке прорыва немцы воздвигали все новые и новые оборонительные сооружения, стягивали сюда свои отборные части, еще и еще насыщали огневыми средствами узлы сопротивления, созданные более чем за шестнадцать месяцев блокады. Но когда именно, в какой день и час, какими силами мы начнем операцию — немецкое командование не знало.

Как потом показали пленные, удар советских войск, который гитлеровцы ожидали целый год, в тот день оказался все-таки для них неожиданным, особенно по силе и мастерству.

В 9 часов 30 минут утреннюю морозную тишину разорвал первый залп артиллерийской подготовки. На западной и восточной сторонах шлиссельбургско-мгинского коридора противника одновременно заговорили тысячи орудий и минометов обоих фронтов.

Два часа бушевал огненный ураган над позициями противника на направлениях главного и вспомогательных ударов советских войск. Артиллерийская канонада Ленинградского и Волховского фронтов слилась в единый мощный рев, и трудно было разобрать, кто и откуда ведет огонь. Впереди вздымались черные фонтаны разрывов, качались и падали деревья, летели вверх бревна блиндажей противника. Над землей то тут, то там появлялись серые, быстро оседающие на сильном морозе облачка — испарения от

вскрытых огнем болот. На каждый квадратный метр участка прорыва падало два-три артиллерийских и минометных снаряда.

Хорошо подготовленная атака принесла желаемые результаты. Преодолевая сопротивление врага, взламывая его оборону, ударные группировки обоих фронтов, хотя и не без больших трудностей, настойчиво пробивались навстречу друг другу.

Семь суток шла ожесточенная борьба в глубине обороны противника, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Гитлеровские войска упорно сражались за каждую высоту, за каждую рощу и поселок. Но их оборона была сломлена общими усилиями советских воинов всех родов войск, хорошо взаимодействовавших друг с другом.

В результате наступления наши войска заняли Шлиссельбург и ряд других населенных пунктов, превращенных противником в мощные узлы сопротивления. 18 января в районах Рабочего поселка № 5 и Рабочего поселка № 1 наступавшие части фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана!

По ходу операции наблюдательный пункт командующего 2-й ударной армией, где мы находились, переместился в район Рабочего поселка № 1. Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!

Прорыв ленинградской блокады явился большим военно-политическим событием и по своей значимости далеко вышел за пределы Советского Союза. Он был высоко оценен нашими союзниками. Президент США Ф. Рузвельт в грамоте, направленной Ленинграду, писал: “От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и неслыханные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии”.

18 января, в день завершения прорыва блокады, Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Маршала Советского Союза. 20 января мы с К. Е. Ворошиловым были в Ленинграде. Нас глубоко тронуло, что во время встреч и бесед ни один житель не пожаловался на лишения, вызванные блокадой. Все разговоры сводились к тому, как бы скорее организовать доставку в Ленинград материально-технических средств для производства и ремонта боевой техники, необходимой нашим войскам... Сказывались сила и могущество советского народа, воспитанного партией Ленина, народа, который не может победить никакая вражеская сила.

Испытания, которые пришлось пережить ленинградцам, кроме советских людей, никто, пожалуй бы, не выдержал. Жители города Ленина проявили величайшее мужество и стойкость. Вспоминая это, мы, оставшиеся в живых, с глубоким уважением склоняем головы перед светлой памятью тех, кто отдал жизнь за город Ленина, за Советскую Родину, за будущее наших детей...

Среди многих других событий прорыва блокады Ленинграда в моей памяти остался один небезынтересный случай.

Было это 14 января 1943 года. Нам доложили, что между Рабочим поселком № 5 и Рабочим поселком № 6 наши артиллеристы подбили танк, который по внешнему виду резко отличался от известных нам типов боевых машин. Причем гитлеровцы предприняли настойчивые попытки эвакуировать его из “нейтральной зоны”.

Мы заинтересовались этим сообщением и приказали создать специальную группу в составе стрелкового взвода и четырех танков, которой была поставлена задача захватить вражеский танк, отбуксировать его в расположение наших войск, где его надлежит затем тщательно обследовать. Группа поддерживалась мощным артиллерийско-минометным огнем.

В ночь на 17 января группа во главе со старшим лейтенантом Кесаревым приступила к выполнению боевого задания. Участок местности, где находился подбитый танк, противник держал под непрерывным обстрелом. Тем не менее захваченную машину удалось отбуксировать. Доставили даже формуляр танка, подобранный на снегу.

Танк действительно оказался необычной конструкции. Было установлено, что это экспериментальный образец нового тяжелого танка “тигр” № 1, направленный гитлеровским командованием на Волховский фронт для испытаний.

Захваченный танк был передан на всестороннее исследование. Опытным путем специалисты установили его наиболее уязвимые части. Результаты были незамедлительно сообщены всем советским войскам. Поэтому, когда потом во время Сталинградской и Курской битв немцы применили “тигры”, наши танкисты и артиллеристы уже смело вступали с ними в единоборство.

Прорыв ленинградской блокады в январе 1943 года имел крупное военно-политическое значение и явился переломным моментом в исторической битве за Ленинград.

Были восстановлены сухопутные коммуникации, соединявшие город со страной, что значительно улучшило положение населения, фронта и флота. Наша победа окончательно устранила угрозу соединения немецких и финских войск в районе Ленинграда. План немецко-фашистского командования задушить защитников города костлявой рукой голода был окончательно сорван. Авторитету фашистской Германии был нанесен непоправимый удар.

Операция Ленинградского и Волховского фронтов продемонстрировала возросшее военное искусство Красной Армии и ее командования. Впервые в истории современных войн здесь был осуществлен разгром противника, блокировавшего длительное время крупнейший город, ударом извне в сочетании с мощным ударом из осажденного города. Наступление, проведенное по такому плану, было Ставкой всесторонне умело подготовлено и успешно завершено.

Победа, одержанная советскими войсками в январе 1943 года под Ленинградом, явилась убедительным свидетельством роста военной экономики нашей страны. В составе ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов (2-я ударная и 67-я армии) насчитывалось свыше 4000 орудий и минометов. За январь-март 1943 года только войска

Ленинградского фронта израсходовали около трех тысяч вагонов боеприпасов. Тот факт, что ленинградцы, находясь свыше одного года в блокаде, смогли подготовить для войск фронта так много боеприпасов, свидетельствует о том, что противнику не удалось подавить боевой дух славных сынов и дочерей города и парализовать работу промышленности.

Прорыв блокады продемонстрировал великую силу морально-политического единства советского общества, дружбы народов нашей Родины. Под Ленинградом сражались представители всех национальностей Советского Союза, проявившие беспримерную храбрость и массовый героизм. За мужество и отвагу в боях по прорыву блокады около 22 тысяч воинов Ленинградского, Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и Ленинградской зоны ПВО были награждены боевыми орденами и медалями, а наиболее отличившиеся удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Отмечая массовый героизм советских воинов в оборонительных сражениях и в операции по прорыву блокады, как непосредственный участник событий не могу пройти мимо одного факта.

В 1969 году в Англии вышла из печати объемистая книга Гаррисона Солсбери “Осада Ленинграда”{75}.

Книга обладает многими внешними признаками научности: факты и цифры даны со ссылками на источники, один лишь перечень которых занимает 14 страниц убористого текста. Примечательно, что в числе почти 500 названий использованной литературы указано 230 книг советских авторов и, кроме того, 192 публикации из нашей периодической печати.

Однако более глубокое знакомство с книгой Солсбери показывает, что она — яркий образец необъективности и предвзятости. Антисоветская направленность ее очевидна.

Автор тщательно отобрал и охотно описал самые мрачные, тяжелые и отрицательные факты и эпизоды. В конечном счете создается впечатление бессмысленности и ненужности жертв, принесенных жителями Ленинграда и войсками Ленинградского фронта ради победы. О самой победе книга, по сути дела, не рассказывает. Не раскрывается в ней и значение 900-дневной героической обороны города Ленина для всего хода войны.

Общеизвестные факты, заимствованные из опубликованных советских источников, господин Солсбери преподносит западным читателям с видом первооткрывателя. Благодаря этому неосведомленный человек может подумать, например, что в книге впервые публикуются сведения о страданиях, причиненных блокадой населению Ленинграда, о количестве погибших.

С исключительной недобросовестностью Солсбери излагает сведения о потерях. Он утверждает, будто “советское руководство преднамеренно преуменьшает данные об умерших от голода”.

Тут Солсбери явно и умышленно вводит в заблуждение читателей. Мы совершенно не собирались скрывать число жертв преступлений немецких фашистов. Мы об этом никогда не забудем! Просто установить сразу после войны подлинные цифры жертв осады

оказалось делом нелегким. В страшную блокадную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Но впоследствии Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установила, что во время блокады Ленинграда погибли от голода около 642 тысяч человек и от налетов фашистской авиации и артобстрелов пали около 21 тысячи человек.

Так в чем же состоит “открытие” господина Солсбери? Очевидно, что его “глубокомысленные” рассуждения о фальсифицированных и действительных потерях ленинградского населения не стоят ломаного гроша.

Авторы подобных книг бессильны изменить факты истории. В величии подвига ленинградцев, как в зеркале, отразились высота советской морали, мужество и стойкость советских людей, их преданность идеалам социализма, превосходство нашего военного искусства над военным искусством гитлеровского вермахта. Без признания этой аксиомы невозможно ни понять, ни объяснить ход Второй мировой войны в целом и узловых, исторических битв, например, таких, как борьба за Ленинград.

О героической обороне Ленинграда написано много. И все-таки, мне кажется, о ней, как и обо всех наших городах-героях, следовало бы сказать еще больше, создать специальную серию книг-эпопей, богато иллюстрированных и красиво изданных, построенных на большом фактическом, строго документальном материале, написанных искренне и правдиво.

Думаю, у каждого советского человека нашлось бы дома заветное место для подобной книги. Пусть наша молодежь за новыми кварталами, площадями и проспектами нынешних городов разглядит окропленные кровью минувшей войны улицы и переулки, разбитые и черные от пожарищ стены, вздыбленную землю, с которой руками советских людей, их дедов, отцов и матерей был сметен жестокий враг. Это стоило бы сделать, пока живы очевидцы и участники героических событий великого прошлого.

И если верно, что нужно как можно скорее стирать с лица земли следы войны и разрушений, не омрачать ими жизнь живущих, то также необходимо передавать поколениям облик и дух героического времени войны.

Глава четырнадцатая. **Битва за Москву**

5 октября 1941 года из Ставки передали:

— С командующим фронтом будет говорить по прямому проводу товарищ Сталин.

Из переговорной штаба Ленинградского фронта я передал по “Бодо”:

— У аппарата Жуков. Ставка ответила:

— Ждите.

Не прошло и двух минут, как бодист Ставки передал:

— Здесь товарищ Сталин.

Сталин. Здравствуйте.

Жуков. Здравия желаю!

Сталин. Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина.

Жуков. Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

Сталин. Хорошо. Завтра днем ждем вас в Москве.

Однако ввиду некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, которой командовал Г. И. Кулик, и высадки десанта моряков Балтфлота на побережье в районе Петергофа 6 октября я вылететь не смог, о чем доложил Верховному.

Вечером в Ленинград вновь позвонил И. В. Сталин:

— Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

— Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление.

Доложив обстановку, я спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

— Да, — ответил И. В. Сталин. — Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского, а сами завтра немедленно вылетайте в Ставку.

Простившись с членами Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым, Т. Ф. Штыковым, Я. Ф. Капустиным и Н. В. Соловьевым, с которыми в критические дни обороны Ленинграда мы исключительно дружно работали, я вылетел в Москву. В связи с тем, что генерала М. С. Хозина пришлось срочно послать в 54-ю армию, временное командование Ленинградским фронтом было передано генералу И. И. Федюнинскому.

В Москве меня встретил начальник охраны И. В. Сталина. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы тотчас же туда направились.

И. В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо. Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

— Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб

Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом И. В. Сталин спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Во время разговора И. В. Сталин стоял у стола, где лежала топографическая карта с обстановкой Западного, Резервного и Брянского фронтов. Посмотрев на карту Западного фронта, он сказал:

— Кажется, они уже действуют на этом направлении.

Простившись с Верховным, я отправился к начальнику Генерального штаба Борису Михайловичу Шапошникову и подробно изложил ему обстановку, сложившуюся на 6 октября в районе Ленинграда.

— Только что звонил Верховный, — сказал он, — приказал подготовить для вас карту западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

Борис Михайлович познакомил меня в деталях с обстановкой на московском направлении. В распоряжении Ставки, которое он мне передал, было сказано:

“Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии т. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.

№ 2684”{1}.

Пока мы ждали карту, Борис Михайлович угостил меня крепким чаем. Сказал, что устал. Он действительно выглядел очень утомленным. От Б. М. Шапошникова я поехал в штаб Западного фронта.

В пути при свете карманного фонаря изучал по карте обстановку на фронте и действия сторон. Клонило ко сну, и, чтобы разогнать дремоту, приходилось время от времени останавливать машину и делать небольшие пробежки.

В штаб Западного фронта приехал уже ночью. Дежурный доложил, что все руководство совещается у командующего. В комнате командующего был полумрак, горели стеариновые свечи. За столом сидели И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и Г. К. Маландин. Вид у всех был до предела уставший. Я сказал, что приехал по поручению Верховного Главнокомандующего, чтобы разобраться в обстановке и доложить ему прямо отсюда по телефону.

То, что смог рассказать о последних событиях начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин, несколько дополнило и уточнило уже имевшиеся данные.

Что же произошло на западном направлении?

К началу наступления немецко-фашистских войск на московском направлении на дальних подступах к столице оборонялись три наших фронта: Западный (командующий генерал-полковник И. С. Конев), Резервный (командующий Маршал Советского Союза С. М. Буденный) и Брянский (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко). Всего в боевых войсках этих фронтов в конце сентября насчитывалось 1 миллион 250 тысяч человек, 990 танков, 7600 орудий и минометов, 677 самолетов. Наибольшее количество сил и средств было в составе Западного фронта{2}.

Противник, произведя перегруппировку своих сил на московское направление, превосходил все три наши фронта, вместе взятые, по численности войск— в 1,4 раза, по танкам— в 1,7, по орудиям и минометам — в 1,8 и по самолетам — в 2 раза{3}.

Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием “Тайфун” началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка—Шостка. 2 октября противник нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из районов севернее Духовщины и восточнее Рославля. Противнику удалось прорвать оборону наших войск. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперед, охватывая с юга и с севера всю вяземскую группировку войск Западного и Резервного фронтов.

Крайне тяжелая обстановка сложилась и к югу от Брянска, где 3-я и 13-я армии Брянского фронта оказались под угрозой окружения. Не встречая серьезного сопротивления, войска Гудериана устремились к Орлу, где у нас не было сил для отражения наступления.

2 октября по указанию Ставки был создан усиленный 1-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Задачей корпуса было — задержать продвижение войск противника и обеспечить отвод войск Брянского фронта.

Развивая наступление, части Гудериана 3 октября захватили неподготовленный к обороне Орел, выйдя 24-м моторизованным корпусом на тылы Брянского фронта. 1-й гвардейский стрелковый корпус, развернувшись в районе Мценска, вступил в бой с моторизованной и танковой группировкой противника. Вражеские войска были здесь задержаны на несколько дней и понесли большие потери в живой силе и боевой технике. Танкисты 4-й и 11-й бригад впервые применили способ поражения вражеских танков из засады. Используя успех 1-го гвардейского корпуса, войска Брянского фронта отошли на указанные им рубежи.

Вот как об этом вспоминает командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Гудериан: “2 октября... одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои, в которые втянулась 4-я танковая дивизия... В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех”.

И далее: “Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить”.

Что верно, то верно! Гудериану пришлось не только отложить быстрое наступление на Тулу, но вообще не удалось захватить ее. Однако Брянский фронт оказался рассеченным. Его войска, неся потери, с боями отходили на восток. Создалось угрожающее положение и на тульском направлении.

По приказу командующего Западным фронтом генерал-полковника И. С. Конева был нанесен контрудар севернее Вязьмы по обходящей наши войска северной группировке войск противника. К сожалению, успеха этот контрудар не имел. К исходу 6 октября значительная часть войск Западного и Резервного фронтов была окружена западнее Вязьмы.

Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у меня создалось впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было бы предотвратить. На основании данных разведки Ставка Верховного Главнокомандования еще 27 сентября специальной директивой предупредила командующих фронтами о возможности наступления в ближайшие дни крупных сил противника на московском направлении. Следовательно, внезапность наступления в том смысле, как это было в начале войны, отсутствовала. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Этого сделано не было, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось.

К исходу 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты.

В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И. В. Сталину. Он еще работал. Доложив обстановку на Западном фронте, я сказал:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на можайскую линию обороны.

И. В. Сталин спросил:

— Где сейчас 16, 19-я и 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Буденному, разберусь с обстановкой и позвоню вам.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

Моросил мелкий дождь, густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское. мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Я спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведен сюда два часа назад и размещен в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машина повернула обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Л. З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они еще не вернулись. Обращаясь ко мне, Л. З. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

— Приехал как член Ставки по поручению Верховного Главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л. З. Мехлисом и А. Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил свое детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил ее вдоль и поперек. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и ее четверо детей. Как они? Что, если заехать? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

Мои земляки оказали врагу серьезный отпор. В районе был организован партизанский отряд, который возглавил мужественный борец за Родину, умный организатор, комсомолец-пограничник Виктор Карасев. Комиссаром стал секретарь Угодско-Заводского райкома ВКП(б) Александр Курбатов. В этом же отряде находился бесстрашный народный мститель, председатель Угодско-Заводского районного исполнительного комитета Михаил Алексеевич Гурьянов.

Угодско-Заводский партизанский отряд производил смелые налеты на штабы, тыловые учреждения и отдельные подразделения немецких войск.

В ноябре 1941 года коммунист Михаил Алексеевич Гурьянов был схвачен, зверски избит и повешен немцами. Мои земляки свято чтят память бесстрашного героя.

При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжен был и дом моей матери.

Другим крупным партизанским отрядом, действовавшим в этом районе, был отряд под командованием В. В. Жабо. Этот отряд играл важную роль во всех операциях против

частей 12-го корпуса немцев, готовившегося к наступлению на Москву. Об одной из таких операций 29 ноября 1941 года Совинформбюро сообщило:

“Получено сообщение о большом успехе партизан в Н-ском районе. 24 ноября несколько партизанских отрядов совершили налет на крупный населенный пункт. (Имелся в виду Угодский Завод. — *Г. Ж.)* Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы”.

Владимир Владиславович Жабо родился в Донецке в 1909 году. Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело. Как уроженец тех мест, где отряду предстояло действовать, я знал хорошо местность, где дислоцировались соединения 12-го корпуса противника, и дал ряд советов, как лучше выполнить поставленную задачу. Операция была успешно выполнена. Владимир Жабо пал смертью героя 8 августа 1943 года в бою в районе деревни Дуброво Хотынецкого района Орловской области, где он командовал тогда 49-й мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса.

Угодско-Заводский район освободила в декабре 1941 года 17-я стрелковая дивизия генерала Д. М. Селезнева.

Там, где был в 1941 году штаб Резервного фронта, а затем штаб Западного фронта, на месте деревни Пяткино (которую немецкие войска при отступлении тоже сожгли), после войны возник город Обнинск. Теперь он известен далеко за пределами нашей страны: здесь построена первая атомная электростанция. Город Обнинск в настоящее время является одним из крупнейших научных центров.

Но вернемся к событиям того времени.

Проехав до центра Малоярославца, я не встретил ни одной живой души. Город казался покинутым. Около здания райисполкома увидел две легковые машины.

— Чьи это машины? — спросил я, разбудив шофера.

— Маршала Буденного, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— В помещении райисполкома.

— Давно вы здесь?

— Часа три стоим.

Войдя в райисполком, я увидел склонившегося над картой С. М. Буденного.

Мы тепло поздоровались. Было видно, что Семен Михайлович многое пережил в эти тяжелые дни.

— Ты откуда? — спросил С. М. Буденный.

— От Конева.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи. Вчера я находился в штабе 43-й армии, а штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился.

— Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, дела очень плохие, большая часть сил попала в окружение.

— У нас не лучше, — сказал С. М. Буденный, — 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, для обхода города с востока.

— В чьих руках Юхнов?

— Сейчас не знаю. На реке Угре было до двух пехотных полков, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семену Михайловичу, — разберись в обстановке и сообщи в Ставку о положении дел, а я поеду дальше. Доложи Верховному о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит.

В Медыни я действительно никого не обнаружил. Только одна старая женщина что-то искала в развалинах дома, разрушенного бомбой.

— Бабушка, что вы тут ищете? — спросил я.

Она подняла голову. Широко раскрытые, блуждающие глаза бессмысленно смотрели на меня.

— Что с вами, бабушка?

Ничего не ответив, она снова принялась копать. Откуда-то из-за развалин подошла другая женщина с мешком, наполовину набитым какими-то вещами.

— Не спрашивайте ее. Она сошла с ума от горя. Позавчера на город налетели немцы. Бомбили и стреляли с самолетов. Эта женщина жила с внучатами здесь, в этом доме. Во время налета она стояла у колодца, набирала воду, и на ее глазах бомба попала в дом. Дети погибли. Наш дом тоже разрушен. Надо скорее уходить, да вот ищу под обломками — может, что-нибудь найду из одежды и обуви.

По щекам ее катились слезы.

С тяжелым сердцем двинулся я в сторону Юхнова. Временами приходилось притормаживать и внимательно осматриваться, чтобы не заехать в расположение врага.

Километров через 10—12 меня внезапно остановили в лесу вооруженные советские солдаты в комбинезонах и танкистских шлемах. Один из них подошел к машине.

— Дальше ехать нельзя, — сказал он. — Вы кто будете? Я назвал себя и, в свою очередь, спросил, где их часть.

— Здесь, в лесу, в ста метрах, стоит штаб танковой бригады.

— Очень хорошо. Проводите меня в штаб.

Меня обрадовало, что здесь оказалась танковая бригада. В штабе навстречу мне поднялся невысокого роста, подтянутый танкист в синем комбинезоне, с очками на фуражке. Сразу показалось, что этого человека я где-то видел.

— Докладывает командир танковой бригады резерва Ставки полковник Троицкий.

— Троицкий! Вот не ожидал вас встретить здесь!

И. И. Троицкий мне запомнился по Халхин-Голу, где он был начальником штаба 11-й танковой бригады, которой командовал Герой Советского Союза М. П. Яковлев. Эта бригада была грозой для японцев.

— Я тоже не думал, что встречу вас здесь, товарищ генерал армии. Знал, что вы командуете Ленинградским фронтом, а что вернулись оттуда, не слыхал.

— Ну, что у вас тут делается, докладывайте. Прежде всего, где противник?

Полковник И. И. Троицкий рассказал:

— Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре. Посылал я разведку и в Калугу. В городе противника пока нет, но в районе Калуги идут напряженные бои. Там действуют 5-я стрелковая дивизия и некоторые отошедшие части 43-й армии. Вверенная мне бригада находится в резерве Ставки. Стою здесь второй день и не получаю никаких указаний.

— Пошлите офицера связи в штаб Резервного фронта в район полустанка Обнинское, он расположен в деревне Пяткино за рекой Протвой. Информируйте С. М. Буденного об обстановке. Разверните часть бригады и организуйте оборону с целью прикрытия направления на Медынь. Через штаб Резервного фронта доложите в Генштаб о полученном от меня приказании и сообщите, что я поехал в Калугу в 5-ю стрелковую дивизию.

Позже мне стало известно о том, что мост через реку Угру был взорван отрядом майора И. Г. Старчака, начальника парашютно-десантной службы Западного фронта. Этот отряд

численностью 400 человек был сформирован 4 октября по его личной инициативе из числа пограничников, которые готовились к действиям по вражеским тылам.

Отряд И. Г. Старчака после взрыва моста занял оборону по реке Угре. Вскоре он был поддержан отрядом курсантов подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчика и капитана Я. С. Россикова. Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались героическими действиями этих отрядов.

В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве. Тем временем в районе Малоярославца, на его укрепленный рубеж, вышли и развернулись артиллерийское и стрелково-пулеметное училища Подольска.

В районе Калуги меня разыскал офицер связи штаба фронта и вручил телефонограмму начальника Генерального штаба, в которой Верховный Главнокомандующий приказывал мне прибыть 10 октября в штаб Западного фронта.

К исходу 8 октября я вновь заехал в штаб Резервного фронта.

Встретивший меня начальник штаба фронта доложил о полученном приказе Ставки об отзыве С. М. Буденного и назначении меня командующим Резервным фронтом.

Звоню Б. М. Шапошникову. На мой вопрос, какой приказ выполнять. Борис Михайлович ответил:

— Дело в том, что Государственный Комитет Обороны рассматривает сейчас вопрос о расформировании Резервного фронта и передаче его частей и участков обороны в состав Западного. Ваша кандидатура рассматривается на должность командующего Западным фронтом. До 10 октября разберитесь с обстановкой на Резервном фронте и сделайте все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайско-Малоярославецкий рубеж, а также в районе Алексина на серпуховском направлении.

10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в Красновидове.

В те дни в штабе фронта работала комиссия Государственного Комитета Обороны. Она разбиралась в причинах катастрофы войск Западного фронта. Меня вызвали к телефону. Звонил И. В. Сталин.

— Ставка решила освободить Конева с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил И. В. Сталин.

— Коневу, я думаю, следует поручить руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

— Хорошо, — согласился И. В. Сталин. — В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта и части, находящиеся на можайской линии. Берите скорее все в свои руки и действуйте. Приказ мною подписан и уже передается фронтам.

— Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как в ближайшее время надо ожидать наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Вскоре мне передали нижеследующий приказ Ставки:

“По прямому проводу Военному совету Западного фронта. Военному совету Резервного фронта, командующему Резервным фронтом тов. Жукову, тт. Молотову, Ворошилову.

10 октября 1941 г. 17 час.

В целях объединения руководства войсками западного направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18.00 11 октября 1941 г.

6. Управление Резервного фронта расформировать и обратить на укомплектование Западного и Московского Резервного фронтов. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Б. Шапошников.

№ 2844”{4}.

Обсудив обстановку с И. С. Коневым и В. Д. Соколовским, мы прежде всего решили отвести штаб фронта в Алабино. И. С. Коневу предстояло взять с собой необходимые средства управления, группу командиров и немедленно выехать для координации действий группы войск на калининское направление. Военному совету фронта выехать в Можайск к коменданту Можайского УРа полковнику С. И. Богданову, чтобы на месте разобраться в обстановке на этом направлении.

Штаб фронта двинулся в Алабино, а мы с членом Военного совета Н. А. Булганиным часа через два были в Можайске. Здесь были слышны артиллерийская канонада и разрывы авиационных бомб. С. И. Богданов доложил, что на подступах к Бородино с передовыми моторизованными и танковыми частями противника ведет бой 32-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и танками. Ею командует полковник В. И. Полосухин, опытный командир. На дивизию можно надеяться.

Дав необходимые указания С. И. Богданову, мы выехали в штаб фронта.

Разместившись временно в лагерных домиках, штаб фронта немедленно приступил к организационно-оперативным делам. Работа предстояла большая.

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск—Можайск—Малоярославец—Калуга. Развить оборону в глубину, создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведку и твердое управление войсками фронта, наладить материально-техническое обеспечение войск. А главное — развернуть партийно-политическую работу, поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве.

Дни и ночи шла в войсках напряженная работа. Люди от усталости и бессонницы буквально валились с ног, но, движимые чувством личной ответственности за судьбу Москвы, за судьбу Родины, проводили колоссальную работу по созданию устойчивой обороны войск фронта на подступах к Москве.

Летом и осенью 1941 года Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны и Верховное Главнокомандование предприняли ряд крупных мероприятий по укреплению обороны столицы, формированию значительных войсковых резервов, пополнению действующей армии новыми частями и соединениями, боевой техникой. Теперь были предприняты дополнительные меры, чтобы приостановить противника.

7 октября началась переброска войск из резерва Ставки и с соседних фронтов на можайскую оборонительную линию. Сюда прибывали 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. Заново формировались 16, 5, 43-я и 49-я армии. В середине октября в их составе насчитывалось около 90 тысяч человек. Конечно, для создания сплошной надежной обороны этих сил было явно недостаточно. Но большими возможностями Ставка не располагала, а переброска войск с Дальнего Востока и из других отдаленных районов в силу ряда причин задерживалась. Поэтому мы решили в первую очередь занять главнейшие направления: волоколамское, можайское, малоярославецкое, калужское. На этих же направлениях сосредоточивались и основные артиллерийские и противотанковые средства.

На волоколамское направление мы направили штаб и командование 16-й армии во главе с К.К.Рокоссовским, А. А. Лобачевым и М. С. Малининым. В состав 16-й армии включались новые соединения, так как ее дивизии, переданные 20-й армии, остались в окружении западнее Вязьмы. 5-я армия под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко (после его ранения в командование армией вступил генерал Л. А. Говоров) концентрировалась на можайском направлении. В район Наро-Фоминска сосредоточивалась 33-я армия, командующим которой вскоре был назначен генерал-лейтенант М. Г. Ефремов. На

малоярославецком направлении развертывалась 43-я армия под командованием генерал-майор К. Д. Голубева. 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина занимала оборону на калужском направлении.

Всех этих командующих мы хорошо знали как опытных военачальников и надеялись на них. Знали, что они с вверенными им войсками сделают все возможное, чтобы не пропустить врага к Москве.

Должен отметить четкую работу штаба фронта во главе с генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским, начальником оперативного отдела генерал-лейтенантом Г. К. Маландиным. Энергичные усилия по обеспечению устойчивой связи с войсками фронта были предприняты начальником войск связи фронта генерал-майором Н. Д. Псурцевым.

В тылу войск первого эшелона Западного фронта проводились большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубину, строились противотанковые заграждения на всех танкоопасных направлениях. На основные направления подтягивались резервы фронта.

Штаб фронта вскоре переехал в Перхушково. Отсюда протянулись телефонно-телеграфные провода к наземным и воздушным силам фронта. Сюда же подтянули провода из Ставки Верховного Главнокомандования.

Таким образом, по существу заново создавался Западный фронт, на который возлагалась историческая миссия — оборона столицы нашей Родины.

Под руководством Центрального Комитета развернулась огромная работа по разъяснению создавшегося положения — непосредственной опасности, нависшей над Москвой. Партия призвала советский народ с честью выполнить свой долг и не пропустить врага к столице.

В тылу войск противника, в районе западнее и северо-западнее Вязьмы, в это время все еще героически дрались наши окруженные 16, 19, 20, 24-я и 32-я армии и оперативная группа генерала И. В. Болдина, пытаясь прорваться на соединение с частями Красной Армии. Но все их попытки оказались безуспешными.

Оказавшись в тылу противника, войска не сложили оружия, а продолжали мужественно драться, сковывая крупные силы врага, не позволяя ему развить наступление на Москву.

Самым важным было тогда выиграть время для подготовки обороны войск фронта. Если с этой точки зрения оценить действия частей, окруженных западнее Вязьмы, то надо отдать должное их героической борьбе.

Командование фронта и Ставка помогали окруженным войскам. Осуществлялась бомбардировка с воздуха немецких боевых порядков, сбрасывались с самолетов продовольствие и боеприпасы. Но большего тогда фронт и Ставка для окруженных войск сделать не могли, так как не располагали ни силами, ни средствами.

Дважды — 10 и 12 октября — были переданы командармам окруженных войск радиограммы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией

генералу М. Ф. Лукину. Мы просили немедленно сообщить план выхода и группировку войск и указать участок, где можно было бы организовать помощь окруженным войскам авиацией фронта. Однако на обе наши радиограммы ответа не последовало: вероятно, пришли они слишком поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами.

Вот что мне рассказывал потом бывший командир 45-й кавалерийской дивизии Андрей Трофимович Стучепко.

— Пробиваясь из окружения с остатками дивизии на соединение с фронтом, мы везде, где только было возможно, уничтожали гитлеровцев, которых в общей сложности уложили не одну тысячу. В середине октября не было дня, чтобы у нас не происходили ожесточеннейшие схватки с врагом. В этих боях погибло много замечательных бойцов, командиров и политработников.

С большим волнением Андрей Трофимович рассказал о героической гибели комиссара 45-й кавалерийской дивизии А. Г. Полехина, который, несмотря на смертельную опасность, взялся лично возглавлять разведку.

— Несмотря на гибель большей части дивизии, бойцы и командиры не потеряли присутствия духа, все мы жили тогда одним стремлением — скорее соединиться с войсками фронта и вместе биться за Москву. И самым счастливым днем был тот, когда мы, вырвавшись из окружения, вновь влились в ряды войск фронта, чтобы дать отпор врагу...

Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки.

С 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех главных оперативных направлениях, ведущих к Москве.

Это были грозные дни.

ЦК партии и Государственный Комитет Обороны приняли решение срочно эвакуировать из Москвы в Куйбышев часть центральных учреждений и весь дипломатический корпус, а также вывезти из столицы особо важные государственные ценности.

С каждым днем усиливались бомбежки Москвы. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Однако к этому времени уже была проделана большая работа по укреплению местной противовоздушной обороны. Миллионы граждан активно обучались противовоздушной защите, и “зажигалки” были уже не страшны москвичам.

Верховное Главнокомандование сконцентрировало в районе Москвы крупные группы истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах постановлением Государственного Комитета Обороны было введено осадное положение. Во всех войсках, защищавших столицу, установился строжайший порядок. Каждое серьезное нарушение дисциплины пресекалось решительными мерами. Жители Москвы дали достойный отпор пособникам врага — паникерам.

Мужественно встретила советская столица надвигавшуюся опасность. Призывы Центрального и Московского Комитетов партии отстоять советскую столицу, разгромить врага были понятны каждому москвичу, каждому воину, всем советским людям. Москвичи превратили столицу и подступы к ней в неприступную крепость, а защита Москвы вылилась в героическую эпопею.

Когда мы говорим о героических подвигах, совершенных в битве за Москву, то подразумеваем не только действия нашей армии — героических советских бойцов, командиров и политработников. То, что было достигнуто на Западном фронте в октябре, а затем и в последующих сражениях, стало возможным только благодаря единству и общим усилиям войск и населения столицы и Московской области, той действенной помощи, которую оказали армии и защитникам столицы вся страна, весь советский народ.

Уже в начале июля под руководством городских партийных организаций были сформированы 12 дивизий народного ополчения. В них вступали специалисты самых различных мирных профессий — рабочие, инженеры, техники, ученые, работники искусства. Люди эти, конечно, не обладали военными навыками, многое пришлось познавать уже в ходе боев. Но было нечто общее, что всем им было свойственно, — высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе. И разве это случайность, что из добровольческих формирований после приобретения ими необходимого боевого опыта сложились великолепные боевые соединения?

Ополченцы составляли ядро многих специальных подразделений разведчиков, лыжников, активно действовали в партизанских отрядах. Западный фронт в своей борьбе опирался на эту неоценимую помощь со стороны населения Москвы.

Сотни тысяч москвичей круглосуточно работали на строительстве оборонительных рубежей, опоясывавших столицу. Только на внутреннем поясе обороны в октябре и ноябре трудилось до 250 тысяч человек, три четверти которых составляли женщины и подростки. Они соорудили 72 тысячи погонных метров противотанковых рвов, около 80 тысяч метров эскарпов и контрэскарпов, 52,5 тысячи метров надолб и много других препятствий, вырыли почти 128 тысяч погонных метров окопов и ходов сообщения. Своими руками эти люди вынули более 3 миллионов кубометров земли!

Доблестным и самоотверженным был труд рабочих и инженеров на оставшихся в Москве предприятиях. Работали на устаревшем оборудовании, так как все ценное было эвакуировано. Людей было мало, но военное производство наладили в самый короткий срок. На Московском автомобильном заводе организовали производство пистолетов-пулеметов системы Шпагина-ППШ. Затворы к ним поставляли Первый подшипниковый завод и завод имени Серго Орджоникидзе.

В декабре от этих предприятий потребовали дать продукции в 35 раз больше, чем в ноябре. И дали! На Втором часовом заводе выпускали взрыватели к минам.

Троллейбусный парк Ленинградского района делал гранаты. Танки ремонтировали “Серп и молот” и “Красный пролетарий”. Там же производили боеприпасы.

Автопарки ремонтировали боевые машины. Кондитерская фабрика “Рот-Фронт” выпускала пищевые концентраты. Небольшие предприятия, ранее снабжавшие население галантереей, теперь отправляли фронту противотанковые гранаты и взрыватели для боеприпасов.

Фронтовики знали, что на защиту столицы встала вся страна. Эта всенародная поддержка была воодушевляющей и надежной опорой наших воинов в битвах за Москву.

В ответ на призыв ЦК ВКП(б) многие тысячи коммунистов и комсомольцев Москвы и других городов пришли на фронт в качестве политбойцов, которые своим примером повышали боеспособность войск.

В тяжелые дни октября 1941 года Военный совет Западного фронта обратился к войскам с воззванием, в котором говорилось:

“Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, геройства и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию”.

Приближались решающие события.

В связи с тем, что оборонительный рубеж Волоколамск—Можайск—Малоярославец—Серпухов занимали наши слабые силы, а местами он уже был захвачен противником, Военный совет фронта основным рубежом обороны избрал новую линию: Ново-Завидовский—Клин—Истринское водохранилище—Истра—Красная Пахра—Серпухов—Алексин.

Учитывая большую растянутость фронта, а также возникшие трудности в управлении войсками калининской группировки, Военный совет Западного фронта обратился в Ставку с просьбой несколько сократить фронт и передать эти войска в другое подчинение. Приказом Ставки от 17 октября 22, 29-я и 30-я армии были переданы во вновь формируемый Калининский фронт. Командующим Калининским фронтом был назначен генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов, начальником штаба — генерал-майор И. И. Иванов. С образованием Калининского фронта полоса обороны Западного фронта сократилась, что облегчило управление войсками.

Брянский фронт, во главе которого стоял генерал-лейтенант А. И. Еременко, также находился в крайне тяжелом положении. Большинство войск фронта оказалось в окружении и с трудом пробивалось на восток. Героическими усилиями им все же удалось 23 октября вырваться из окружения. Преследуя остатки войск Брянского фронта, передовые части армии Гудериана, захватив Орел, 29 октября подошли к Туле.

В октябре здесь, кроме формируемых тыловых учреждений 50-й армии, способных оборонять город, войск не было. Во второй половине октября в район Тулы отходили три сильно пострадавшие стрелковые дивизии. В этих соединениях насчитывалось от пятисот до полутора тысяч бойцов, а в артиллерийском полку осталось всего лишь четыре орудия. Отошедшие части были крайне переутомлены.

Жители Тулы оказали нашим войскам большую помощь в срочном пошиве обмундирования, ремонте оружия и боевой техники. Под руководством партийных организаций города дни и ночи трудились они над тем, чтобы привести наши части в боеспособное состояние.

Комитет обороны города, во главе которого стоял секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, сумел в короткий срок сформировать и вооружить рабочие отряды. Вместе с частями 50-й армии Брянского фронта они мужественно дрались на ближних подступах к Туле и не пропустили противника в город.

Особое упорство и мужество здесь проявил тульский рабочий полк во главе с капитаном А. П. Горшковым и комиссаром Г. А. Агеевым. Этот полк занял вместе с отошедшими частями войск рубеж обороны в районе Косой Горы. Против немецких танков на подступах к Туле командующим обороной генералом В. С. Поповым был использован зенитный полк. Все части, оборонявшие город, дрались с противником исключительно мужественно.

Гудериан рассчитывал захватить Тулу с ходу, а затем двинуться на Москву с юга. Но это ему не удалось.

30 октября наступление противника было отбито защитниками Тулы с большими для него потерями.

10 ноября решением Ставки Брянский фронт был расформирован, а оборона Тулы возложена на Западный фронт.

Как ни пытался враг в течение ноября 1941 года взять Тулу и этим открыть себе дорогу к столице, успеха он не добился. Город стоял, как неприступная крепость! Тула связала по рукам и ногам всю правофланговую группировку немецких войск. Тогда противник решил обойти город, но из-за этого он вынужден был растянуть свою группировку. В результате оперативно-тактическая плотность войск армии Гудериана была ослаблена.

В разгроме немецких войск под Москвой Туле и ее жителям принадлежит выдающаяся роль.

Думается, мне нет необходимости пересказывать весь ход боевых действий, поскольку он не раз и подробно уже описан. Известен и итог октябрьских оборонительных сражений под Москвой. За месяц ожесточенных кровопролитных боев немецко-фашистским войскам удалось в общей сложности продвинуться на 230—250 километров. Однако план гитлеровского командования, рассчитывавшего взять Москву к середине октября, был сорван, силы врага были серьезно истощены, его ударные группировки растянуты.

С каждым днем наступление противника выдыхалось все больше и больше. К концу октября оно было остановлено на рубеже Тургиново—Волоколамск—Дорохове—Наро-

Фоминск, западнее Серпухова и Алексина. В районе Калинина к этому же времени стабилизировалась оборона войск Калининского фронта.

Имена героев, отличившихся в октябре 1941 года при защите столицы, невозможно перечислить. Не только отдельные наши воины, но целые соединения проявили массовый героизм, прославив своими доблестными подвигами нашу Родину. Такие части и соединения были на всех боевых участках.

На волоколамском направлении, где наступал усиленный 5-й армейский корпус врага, а затем еще два моторизованных корпуса, стойко оборонялись подразделения УРов и соединения вновь созданной 16-й армии. Особенно отличилась 316-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. В. Панфилова.

На наиболее ответственный участок 16-й армии был направлен сводный стрелковый полк курсантов Московского командного пехотного училища. Курсантский полк поддерживался тремя противотанковыми артиллерийскими полками.

Перед выступлением курсантов в назначенный район обороны командир полка, начальник училища С. И. Младенцев сказал им:

— Озверелый враг рвется к сердцу нашей Родины Москве. Мы должны преградить ему путь, защитить родную столицу. И наш долг — сражаться так, как сражались старшие братья, славные кремлевские курсанты. Сейчас нет времени принимать от вас выпускные экзамены. Их вы будете держать на фронте, в боях с врагом. И я уверен, что каждый из вас этот экзамен выдержит с честью...

Пройдя ускоренным маршем из Солнечногорска 85 километров, полк прибыл вечером 7 октября в район Волоколамска. Командование училища не ошиблось в своих питомцах. Презирая опасность и смерть, они крепко держали порученный им участок обороны. Боевым соседом этого полка была 316-я стрелковая Панфиловская дивизия, которая за массовый героизм, проявленный в ходе борьбы за Москву, была преобразована позднее в 8-ю гвардейскую.

Ввиду общего недостатка сил и средств батальонные силы были растянуты по фронту до 7—10 километров и в глубину до 3 километров. Сплошной обороны на всем Волоколамском рубеже тогда еще не было. Заняты были только опорные пункты, промежутки между которыми простреливались артиллерийским огнем, а кое-где и дальним пулеметным.

На можайском направлении против 40-го мотокорпуса врага, поддержанного авиацией, особенно упорно сражалась 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле — том самом поле, которое стало бессмертным памятником русской воинской славы, — вновь разгорелся ожесточенный бой.

На малоярославецком направлении наступали части 12-го армейского и 57-го мотокорпуса противника. На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова и курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ. В районе Медыни насмерть стояли танкисты полковника И. И. Троицкого, о котором я уже говорил. У старинного русского города Боровска прославили

свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии и 151-й мотострелковой бригады. Плечом к плечу с ними стойко отражали натиск врага танкисты 127-го танкового батальона. Ценой больших потерь противник оттеснил наши части к реке Протве, а затем к реке Наре, но прорваться дальше не смог.

33-я армия заняла оборону в районе Наро-Фоминска в промежутке между 5-й и 43-й армиями. Южнее Наро-Фоминска, по восточному берегу реки Нары, заняла оборону 43-я армия. На рубеже западнее Серпухова—восточнее Тарусы, Алексина — 49-я армия.

Укрепившись на этом рубеже, войска фронта были полны решимости встретить и отразить вражеские атаки.

За три недели октябрьских сражений воины нашего фронта многому научились. В частях проводилась большая воспитательная партийно-политическая работа, основой которой была популяризация лучших способов уничтожения врага, индивидуального и массового героизма и боевой доблести частей и подразделений.

Хочется особо подчеркнуть ту большую роль, которую сыграл в налаживании политической работы в войсках начальник политического управления Западного фронта, замечательный коммунист и бесстрашный воин, дивизионный комиссар Д. А. Лестев.

1 ноября 1941 года я был вызван в Ставку.

И. В. Сталин сказал:

— Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

— В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро “Маяковская” было проведено торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И. В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Тем временем на подступах к столице строилась глубоко эшелонированная противотанковая оборона, создавались противотанковые опорные пункты и районы. Войска пополнялись личным составом, вооружением, боеприпасами, имуществом связи, инженерными и материально-техническими средствами. С 1 по 15 ноября Западный

фронт получил в качестве пополнения 100 тысяч бойцов и офицеров, 300 танков, 2 тысячи орудий.

Эти резервы, сформированные Ставкой из переброшенных сюда из глубины страны дополнительных соединений стрелковых и танковых войск, сосредоточивались на наиболее опасных направлениях. Большая часть войск концентрировалась на волоколамско-клинском и истринском направлениях, где, как мы предполагали, последует главный удар бронетанковых группировок противника. Подтягивались резервы и в район Тула — Серпухов: здесь ожидался повторный удар 2-й танковой и 4-й полевой армий противника.

В начале ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону с Верховным.

— Как ведет себя противник? — спросил И. В. Сталин.

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

— Где вы ожидаете главный удар?

— Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером, — недовольно отрезал И. В. Сталин.

Я вновь попытался доказать И. В. Сталину нецелесообразность контрударов, на которые пришлось бы израсходовать последние резервы. Но в телефонной трубке послышался отбой, и разговор был окончен.

Тяжелое впечатление осталось у меня от этого разговора с Верховным. Конечно, не потому, что он не посчитался с моим мнением, а потому, что Москва, которую бойцы поклялись защищать до последней капли крови, находилась в смертельной опасности, а нам безоговорочно приказывалось бросить на контрудары последние резервы. Израсходовав их, мы не смогли бы в дальнейшем укреплять слабые участки нашей обороны.

Минут через пятнадцать ко мне зашел Н. А. Булганин и с порога сказал:

— Ну и была мне сейчас головомойка!

— За что?

— Сталин сказал: “Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!” Он потребовал от меня, чтобы я сейчас же шел к тебе и мы немедленно организовали контрудары.

— Ну что ж, садись, вызовем Василия Даниловича и предупредим командармов Рокоссовского и Захаркина.

Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел. Только в районе Алексина нам удалось добиться значительных результатов: части 4-й армии противника здесь понесли большие потери и не смогли принять участия в общем наступлении на Москву.

Для продолжения наступления на Москву гитлеровское командование подтянуло новые силы и к 15 ноября сосредоточило против войск Западного фронта 51 дивизию, в том числе 31 пехотную, 13 танковых и 7 моторизованных, хорошо укомплектованных личным составом, танками, артиллерией и боевой техникой{5}.

На волоколамско-клинском и истринском направлениях против армии К. К. Рокоссовского были сосредоточены 3-я и 4-я танковые группы противника в составе семи танковых, трех моторизованных и четырех пехотных дивизий при поддержке почти двух тысяч орудий и мощной авиационной группы.

На тульско-каширском направлении против 50-й армии сосредоточена ударная группа вражеских войск в составе 24-го и 47-го моторизованных корпусов, 53-го и 43-го армейских корпусов общей численностью в двенадцать дивизий (в том числе четыре танковые и три моторизованные). Их поддерживала мощная авиагруппа.

4-я полевая армия противника в составе шести армейских корпусов развернулась на звенигородском, кубинкском, наро-фоминском, подольском и серпуховском направлениях. Этой армии было приказано фронтальными ударами сковать войска

обороны Западного фронта, ослабить их, а затем нанести удар в центре нашего фронта в направлении на Москву.

Второй этап наступления на столицу нашей Родины немецкое командование начало 15 ноября ударом по 30-й армии Калининского фронта. Южнее Волжского водохранилища эта армия имела весьма слабую оборону. Одновременно противник нанес удар и по войскам Западного фронта, а именно по правому флангу армии К. К. Рокоссовского, южнее реки Шоши. Вспомогательный удар был нанесен в полосе этой армии в районе Теряевой Слободы.

Против 30-й армии Калининского фронта противник бросил до 300 танков, которым противостояло всего лишь 56 наших легких танков со слабым вооружением. Оборона не выдержала и была здесь быстро прорвана.

С утра 16 ноября вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось, так как они, по приказу Ставки, были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником.

В тот же день немецко-фашистские войска нанесли мощный удар в районе Волоколамска. На истринском направлении наступали две танковые и две пехотные немецкие дивизии. Против наших 150 легких танков немцы бросили 400 средних танков. Развернулись ожесточенные сражения. Особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова. 78-я генерала А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н.Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора.

В 23 часа 17 ноября 30-я армия Калининского фронта была передана Ставкой Западному фронту, вследствие чего оборона Западного фронта вновь еще больше расширилась на север (до Волжского водохранилища). Командующим 30-й армией был назначен генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

Бои, проходившие 16—18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями.

Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев.

С беспримерной храбростью действовала переданная в состав 16-й армии 1-я гвардейская танковая бригада М. Е. Катукова. В октябре эта бригада (тогда 4-я танковая) геройски сражалась под Орлом и Мценском, за что и была удостоена высокой чести именоваться 1-й гвардейской танковой бригадой. Теперь, в ноябре, защищая подступы к Москве, гвардейцы-танкисты новыми подвигами еще выше подняли свою славную боевую репутацию.

ГКО, часть руководящего состава ЦК партии **и** Совнаркома по-прежнему оставались в Москве. Рабочие Москвы трудились по 12—18 часов в сутки, обеспечивая оборонявшие столицу войска оружием, боевой техникой, боеприпасами.

Однако угроза столице не миновала: враг, хотя и медленно, но приближался к Москве.

Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта — мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока у нас нет.

Через полчаса мы договорились с А. М. Василевским о том, что Западному фронту будут переданы 1-я ударная и 10-я армии, а также все соединения 20-й армии. Формируемая 1-я ударная армия должна быть сосредоточена в районе Яхромы, а 10-я армия — в районе Рязани.

На тульско-московском оперативном направлении противник перешел в наступление 18 ноября. На веневском направлении, где оборонялись 413-я и 299-я стрелковые дивизии 50-й армии, ласту-пали 3, 4-я и 17-я танковые дивизии противника. Прорвав оборону, эта группа захватила район Болохово — Дедилово. Для противодействия в район Узловой нами были спешно брошены 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии. Ожесточенные сражения, отличавшиеся массовым героизмом наших войск, не прекращались здесь ни днем, ни ночью. Особенно упорно дрались части 413-й стрелковой дивизии. Однако 21 ноября Узловая и Сталиногорск были заняты главными силами танковой армии Гудериана. В направлении Михайлова наступал 47-й моторизованный корпус противника. В результате в районе Тулы создалась довольно сложная обстановка.

В этих условиях Военный совет фронта принял решение усилить каширский боевой участок 112-й танковой дивизией, которой командовал полковник А. Л. Гетман (ныне генерал армии); рязанский боевой участок — танковой бригадой и другими частями: зарайский участок— 9-й танковой бригадой, 35-м и 127-м отдельными танковыми батальонами; лаптевский участок— 510-м стрелковым полком с ротой танков.

23 ноября развернулись тяжелые бои за город Венёв. 25 ноября, обойдя Венёв, 17-я танковая дивизия гитлеровцев устремилась своими передовыми частями к району Каширы, где сосредоточивался усиленный 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора П. А. Белова, перебрасываемый из района Серпухова.

26 ноября 3-й танковой дивизии противника удалось потеснить наши части и перерезать железную дорогу и шоссе Тула-Москва в районе севернее Тулы. Однако 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, 112-я танковая дивизия и ряд других частей

фронта в районе Каширы не дали противнику продвинуться дальше на этом участке. На помощь сражавшимся там частям были дополнительно переброшены 173-я стрелковая дивизия и 15-й гвардейский минометный полк.

27 ноября кавкорпус П.А.Белова во взаимодействии со 112-й танковой дивизией, 9-й танковой бригадой, 173-й стрелковой дивизией и другими частями нанес стремительный контрудар по войскам Гудериана и отбросил их на юг на 10—15 километров в сторону Венёва.

До 30 ноября шли напряженные бои в этом районе к югу от Мордвеса. Враг не смог здесь добиться успеха. Командующий 2-й танковой армией Гудериан убедился в невозможности сломить упорное сопротивление советских войск в районе Кашира—Тула и пробиться отсюда в сторону Москвы. Гитлеровцы вынуждены были перейти на этом участке к обороне.

Советские войска, сражавшиеся в этом районе, отразили все удары врага, нанесли ему большие потери и не пропустили к Москве.

Еще более тяжелая обстановка сложилась на правом крыле фронта, в районе Истра—Клин—Солнечногорск, где упорно оборонялась 16-я армия.

23 ноября танки противника ворвались в Клин. Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующий тыловой рубеж. После тяжелых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск.

25 ноября 16-я армия отошла и от Солнечногорска. Здесь создалось катастрофическое положение. Военный совет фронта перебрасывал сюда все, что мог, с других участков фронта. Отдельные группы танков, группы солдат с противотанковыми ружьями, артиллерийские батареи и зенитные дивизионы, взятые у командующего ПВО генерала М. С. Громадина, были переброшены в этот район. Необходимо было во что бы то ни стало задержать противника на этом опасном участке до прибытия сюда 7-й гвардейской стрелковой дивизии из района Серпухова, двух танковых бригад и двух противотанковых артиллерийских полков из резерва Ставки.

Фронт нашей обороны выгибался дугой — образовывались очень слабые места. Казалось, вот-вот случится непоправимое. Но нет! Войска стояли насмерть, а получив подкрепление, вновь создавали непреодолимый фронт обороны.

Вечером 29 ноября, воспользовавшись слабой обороной моста через канал Москва—Волга в районе Яхромы, танковая часть противника захватила его и прорвалась за канал. Здесь она была остановлена подошедшими передовыми частями 1-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, и после ожесточенного боя отброшена обратно за канал.

Состояние фронта было действительно чрезвычайно сложным. В результате иногда происходили события, которые можно было объяснить только величайшей напряженностью момента. Вот один пример.

К Верховному Главнокомандующему каким-то образом поступили сведения, что наши войска северо-западнее Нахабина оставили город Дедовск. Это было уж совсем близко от Москвы.

И. В. Сталин, естественно, был сильно обеспокоен таким сообщением: ведь еще 28 и 29 ноября 9-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. П. Белобородов, не без успеха отражала неоднократные яростные атаки противника в районе Истры. Но прошли какие-то сутки, и, оказывается, Дедовск в руках у гитлеровцев...

Верховный вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И. В. Сталин не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу:

— Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Я попытался возразить:

— Покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно.

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского.

Положив трубку, я сразу же связался с К. К. Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего не известно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не занят, а речь, видимо, идет о деревне Дедово. В районе Хованское—Дедово—Снигири и южнее 9-я гвардейская стрелковая дивизия ведет тяжелый бой, не допуская прорыва противника вдоль Волоколамского шоссе на Дедовск—Нахабино.

Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошла ошибка. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. И. В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный населенный пункт непременно был отбит у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л. А. Говорова:

— Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии.

Возражать в подобной ситуации не имело смысла. Когда я вызвал генерала Л. А. Говорова и поставил перед ним задачу, он вполне резонно попытался доказать, что не видит надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой командующий артиллерией генерал-майор Казаков, да и сам командующий Рокоссовский знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию.

Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, пришлось разъяснить генералу, что таков приказ Верховного.

Мы заехали к К. К. Рокоссовскому и вместе с ним тут же отправились в дивизию А. П. Белобородова. Вряд ли командир дивизии обрадовался нашему появлению в расположении своих частей. У него в то время и так было забот по горло, а тут пришлось еще давать объяснения по поводу занятых противником нескольких домов деревни Дедово, расположенных по другую сторону оврага.

Афанасий Павлантьевич, докладывая обстановку, довольно убедительно объяснил, что возвращать эти дома нецелесообразно, исходя из тактических соображений. К сожалению, я не мог сказать ему, что в данном случае мне приходится руководствоваться отнюдь не соображениями тактики. Поэтому приказал А. П. Белобородову послать стрелковую роту с двумя танками и выбить взвод засевших в домах немцев, что и было сделано.

Но вернемся к серьезным вещам.

1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвались в центре фронта, на стыке 5-й и 33-й армий, и двинулись по шоссе на Кубинку. Однако у деревни Акулово им преградила путь 32-я стрелковая дивизия, которая артиллерийским огнем уничтожила часть танков противника. Немало танков подорвалось и на минных полях.

Тогда танковые части врага, неся большие потери, повернули на Голицыне, где были окончательно разгромлены резервом фронта и подошедшими частями 5-й и 33-й армий. 4 декабря этот прорыв противника был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тысяч убитыми, 50 разбитых танков и много другой боевой техники.

Это были последняя попытка немецких войск прорваться к столице. В первых числах декабря по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что противник выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств.

Развернув ударные группировки на широком фронте и далеко замахнувшись своим бронированным кулаком, противник в ходе битвы за Москву растянул войска до такой степени, что в финальных сражениях на ближних подступах к столице они потеряли пробивную способность. Гитлеровское командование не ожидало таких больших потерь, а восполнить их и усилить свою подмосковную группировку не смогло.

Из опроса пленных было установлено, что в некоторых ротах осталось по 20—30 человек, моральное состояние немецких войск резко ухудшилось, веры в возможность захвата Москвы уже нет.

Войска Западного фронта тоже понесли большие потери, сильно переутомились, но сдержали оборону и, подкрепленные резервами, удесятерили силы в борьбе с врагом.

За 20 дней второго этапа наступления на Москву немцы потеряли 155 тысяч солдат и офицеров, около 800 танков, сотни орудий и значительное количество самолетов. Тяжелые потери, полный провал плана молниеносного окончания войны, незавершенность в осуществлении стратегических задач посеяли в немецких войсках сомнения в успешном исходе войны в целом. Фашистское военно-политическое руководство потеряло престиж непобедимости в глазах мирового общественного мнения.

Бывшие гитлеровские генералы и генерал-фельдмаршалы пытаются в провале плана захвата Москвы и планов войны в целом обвинить Гитлера, который якобы не посчитался с их советами и приостановил в августе движение группы армий “Центр” на Москву, повернув часть ее войск на Украину.

Так, немецкий генерал Ф. Мелентин пишет: “Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце”{6}.

Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие основной причиной поражения немецких войск под Москвой, наряду с ошибками Гитлера, считают суровый русский климат.

Конечно, и погода, и природа играют свою роль в любых военных действиях. Правда, все это в равной степени воздействует на обе противоборствующие стороны. Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах. Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье — все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровские войска не были подготовлены к зиме.

Произошло это потому, что гитлеровское руководство собиралось налегке пройтись по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело не в климате, а в политических и военно-стратегических просчетах фашистской верхушки.

Другие генералы, буржуазные историки винят во всем грязь и распутицу. Эта версия тоже не нова. Наполеон, загубивший свою армию, тоже ссылался на русский климат.

Но я видел своими глазами, как в ту же самую распутицу и грязь тысячи и тысячи москвичей, главным образом женщин, не приспособленных, вообще-то говоря, к тяжелым саперным работам, копали противотанковые рвы, траншеи, устанавливали надолбы, сооружали заграждения, таскали мешки с песком. Грязь прилипала к их ногам, к колесам тачек, на которых они возили землю, неимоверно утяжеляя и без того несподручную для женских рук лопату.

Могу еще добавить для тех, кто склонен непогодой маскировать истинные причины поражения под Москвой, что в октябре 1941 года распутица была сравнительно кратковременной. В первых числах ноября наступило похолодание, выпал снег, местность и дороги стали всюду проходимыми. В ноябрьские дни “генерального наступления” гитлеровских войск температура в районе боевых действий на московском направлении установилась от 7 до 10 градусов мороза, а при такой погоде, как известно, грязи не бывает.

Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина.

Что касается временного отказа от наступления на Москву и поворота части сил на Украину, то можно сказать, что без осуществления этой операции положение центральной группировки немецких войск могло оказаться еще хуже, чем это имело

место в действительности. Ведь резервы Ставки, которые в сентябре были обращены на заполнение образовавшихся брешей на юго-западном направлении, в декабре — при контрнаступлении — могли быть использованы для мощного удара во фланг и тыл группы армий “Центр” при ее наступлении на Москву.

Взбешенный провалом второго этапа наступления на Москву, срывом своего плана молниеносной войны, Гитлер нашел “козла отпущения” и отстранил от должности главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича. командующего группой армий “Центр” генерал-фельдмаршала фон Бока, командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана и десятки других генералов, которых он за полтора-два месяца до этого щедро награждал крестами. Гитлер объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками, видимо, считая, что это магически подействует на войска.

11 декабря 1941 года гитлеровское правительство объявило войну США. Этим актом Гитлер, видимо, преследовал две цели. Во-первых, он хотел показать, что Германия, несмотря на потери, все еще настолько сильна, что способна вести войну не только с Советским Союзом и Англией, но и с США. Во-вторых, он хотел скорее толкнуть Японию против Соединенных Штатов, чтобы исключить участие США в войне против Германии в Европе. Когда И. В. Сталин узнал об этом, он рассмеялся:

— Интересно, какими силами и средствами гитлеровская Германия собирается воевать с США? Для такой войны она не имеет ни авиации дальнего действия, ни соответствующих морских сил.

Меня не раз спрашивали: как удалось советским войскам разгромить сильнейшую немецко-фашистскую группировку и отбросить ее остатки на запад, ведь до битвы под Москвой Красная Армия отступала и нередко оказывалась в тяжелом положении?

О разгроме немцев под Москвой написано много и в основном, на мой взгляд, правильно. Однако, как бывшему командующему Западным фронтом, мне хочется высказать свое мнение по этому вопросу.

Как известно, предпринимая операцию на московском направлении под кодовым наименованием “Тайфун”, немецко-фашистс-кое командование рассчитывало разгромить советские войска на вяземско-московском и брянско-московском направлениях и, обойдя Москву с севера и юга, овладеть ею в возможно короткий срок. Противник намеревался достичь этой стратегической цели последовательно, методом двойного охвата. Первое окружение и разгром советских войск планировалось провести в районах Брянска и Вязьмы. Второе окружение и захват столицы замышлялось осуществить путем глубокого обхода бронетанковыми войсками города с северо-запада через Клин и Калинин и с юга через Тулу и Каширу, с тем чтобы замкнуть клещи стратегического окружения в районе Ногинска.

Однако, планируя такую сложную стратегическую операцию, гитлеровское верховное командование допустило крупную ошибку в расчете сил и средств. Оно серьезно недооценило возможности Красной Армии и явно переоценило возможности своих войск.

Тех сил, которые сосредоточило немецко-фашистское командование, хватило лишь на то, чтобы прорвать нашу оборону в районах Вязьмы и Брянска и оттеснить войска Западного и Калининского фронтов на линию Калинин—Яхрома—Красная Поляна—Крюково—реки Нара и Ока—Тула—Кашира.

В результате, достигнув в начале октября своей ближайшей цели, противник не смог осуществить второй этап операции “Тайфун”.

При создании ударных группировок для проведения ее были также допущены крупные просчеты. Фланговые группировки противника, особенно те, которые действовали в районе Тулы, были слабы и имели в своем составе недостаточно общевойсковых соединений. Ставка на бронетанковые соединения в тех условиях себя не оправдала. Эти части понесли большие потери и утратили пробивную силу. Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре Западного фронта, хотя здесь у него сил было достаточно. Это дало нам возможность свободно перебрасывать резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага.

В некоторых военно-исторических работах утверждается, что в цикл операций битвы под Москвой не входят октябрьские сражения Западного, Резервного и Брянского фронтов; что противник якобы сначала полностью был остановлен на можайской линии обороны, а затем гитлеровскому командованию будто бы пришлось готовить новую “генеральную наступательную операцию”.

Все, что говорилось выше о крахе операции “Тайфун”, опровергает подобное утверждение. Ссылка на то, что гитлеровцам в ноябре пришлось произвести значительное пополнение войск, материальных средств и некоторую перегруппировку танковых соединений на своем левом крыле, также не является убедительной. Ведь известно, что эти мероприятия проводятся обычно в каждой стратегической наступательной операции, а потому и не могут служить фактором, определяющим ее начало и конец.

Главное состоит в том, что в начале ноября нам удалось своевременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах нашего фронта обороны. В результате было правильно определено направление главных ударов врага. Ударному кулаку противника мы противопоставили глубоко эшелонированную оборону, оснащенную достаточным количеством противотанковых и инженерных средств. Здесь же, на самых опасных направлениях, сосредоточились все наши основные танковые части.

Коммуникации врага, протянувшиеся более чем на тысячу километров, находились под постоянными ударами партизанских отрядов, которые своими героическими действиями регулярно нарушали снабжение войск противника, работу его органов управления.

Большие потери гитлеровских войск, затяжной характер, который приняла операция “Тайфун”, ожесточенное сопротивление советских воинов — все это резко отразилось на боеспособности немецко-фашистских войск, породило в их рядах растерянность и неверие в успех.

Советские войска в ходе битвы под Москвой тоже понесли большие потери, но они сохранили до конца оборонительных сражений боеспособность и непоколебимую веру в победу.

Красная Армия сорвала гитлеровский план, рассчитанный на захват Ленинграда и соединение немецко-фашистских войск с финскими вооруженными силами. Перейдя в контрнаступление в районе Тихвина, она разгромила противника и заняла город. Войска Южного фронта в это же время тоже перешли в контрнаступление и заняли Ростов-на-Дону.

В этих условиях готовилось контрнаступление под Москвой. Сама идея его возникла еще в ноябре. В ходе оборонительных сражений она окончательно сложилась, стала важнейшим и постоянным элементом замыслов и расчетов Ставки советского Верховного Главнокомандования.

Чрезвычайная сложность обстановки того времени и невозможность создать благоприятные условия для организации и подготовки контрнаступления вынуждали нас готовить его в ходе тяжелых оборонительных сражений, и методы его проведения окончательно определились, когда по всем признакам гитлеровские войска уже не могли выдерживать наши контрудары. Воодушевленные успехами, достигнутыми в оборонительных боях, наши войска перешли в контрнаступление без какой-либо паузы.

29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления.

И. В. Сталин слушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

И. В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генеральным штабом.

Я попросил начальника штаба фронта В. Д. Соколовского, который также считал, что пора вводить в действие наши резервные армии, связаться с Генштабом и поддержать наше предложение о целесообразности начала незамедлительного контрнаступления.

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями. Подробностей от нас не требовалось, поскольку все основное было заранее оговорено лично с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским. Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василевскому: “Прошу срочно доложить народному комиссару обороны тов. Сталину план контрнаступления

Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой”.

Объяснительная записка к плану-карте прежде всего показывала, что по условиям обстановки какого-то одновременного перехода армий фронта в контрнаступление не будет. Сроки наступления были оговорены следующие:

“1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения, установить для 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова с утра 3—4 декабря, для 30-й армии — 5—6 декабря”.

Оговорив в следующем пункте записки, что состав армий находится в строгом соответствии с директивами Ставки, мы указали на задачи Западного фронта:

“...— Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

— Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск, 5, 33, 43, 49-я и 50-я армии фронта 4—5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

— Главная группировка авиации (три четверти) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой армией генерал-лейтенанта Голикова”{7}.

На этом плане И. В. Сталин коротко написал: “Согласен” и поставил подпись. Что касается задач, поставленных войскам армий, входящих в состав Западного фронта, то они были следующие:

1-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова должна развернуться всеми своими силами в районе Дмитров—Яхрома и нанести удар во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями в направлении на Клин и далее в общем направлении на Теряеву Слободу;

20-я армия из района Красная Поляна—Белый Раст, взаимодействуя с 1-й ударной и 16-й армиями, наносит удар в общем направлении на Солнечногорск, охватывая его с юга, и далее на Волоколамск; кроме того, 16-я армия своим правым флангом наступает на Крюково и далее в зависимости от обстановки;

10-я армия, взаимодействуя с войсками 50-й армии, наносит удар в направлении Сталиногорск—Богородицк и далее продолжает наступление южнее реки Упы.

Ближайшая задача контрнаступления на флангах Западного фронта заключалась в том, чтобы разгромить ударные группировки группы армий “Центр” и устранить непосредственную угрозу Москве. Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери.

Несмотря на передачу нам дополнительно трех армий, Западный фронт не имел численного превосходства над противником (кроме авиации). В танках и артиллерии превосходство было на стороне врага. Это обстоятельство явилось главной особенностью контрнаступления наших войск под Москвой.

В ночь на 1 декабря 1941 года после всестороннего анализа хода и результатов боев на Калининском фронте Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых этим фронтом на различных направлениях 27—29 ноября, неэффективен в данной конкретной обстановке.

Ставка приказала Калининскому фронту сосредоточить в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий и нанести удар на Тургиново для выхода в тыл клинской группировки противника и тем самым содействовать войскам Западного фронта в ее уничтожении.

Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калинином.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И.С. Коневу по “Бодо”:

“Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен”{8}.

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

“Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого”, — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара.

“Иду на риск”, — заметил И. С. Конев все же в заключение.

Поздно вечером 4 декабря мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил:

— Чем еще помочь фронту, кроме того, что уже дано?

Я ответил, что необходимо получить поддержку авиации резерва Главнокомандования и ПВО страны, и снова попросил хотя бы две сотни танков: без них фронт не может быстро развивать контрнаступление.

— Танков пока нет, дать не можем, — опять, как в наш предыдущий разговор, сказал И. В. Сталин, — авиация будет. Договоритесь с Генштабом. Я сейчас туда позвоню. Мы дали указание 5 декабря перейти в наступление Калининскому фронту, а 6 декабря — оперативной группе правого крыла Юго-Западного фронта в районе Ельца.

Из Генштаба уточнили:

— Для содействия контрнаступлению Западного фронта привлекаются войска Калининского фронта. Задача их заключается в том, чтобы ударом в юго-западном направлении выйти на тылы клинско-солнечногорской группировки противника и тем самым содействовать ее уничтожению войсками Западного фронта.

Нанесение удара Юго-Западным фронтом по елецкой группировке противника должно было способствовать Западному фронту в разгроме вражеских войск юго-западнее Москвы. Выпавший в первых числах декабря глубокий снег несколько затруднил сосредоточение, перегруппировку и выход войск в исходные районы для подготавливавшейся операции. Но, преодолев эти трудности, все рода войск к утру 6 декабря были готовы к переходу в контрнаступление.

Наступило утро 6 декабря 1941 года. Войска Западного фронта севернее и южнее столицы начали контрнаступление, под Калинином и Ельцом двинулись вперед соседние фронты. Развернулось грандиозное сражение.

В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боев и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперед. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачево— Солнечногорск и обошло Клин.

13 декабря 1-я ударная армия и часть сил 30-й армии Западного фронта подошли к Клину. Охватив город со всех сторон, советские войска ворвались в него и после ожесточенных боев в ночь на 15 декабря очистили Клин от противника.

Успешно развивали наступательные действия 20-я и 16-я армии. К исходу дня 9 декабря, преодолев упорное сопротивление противника, 20-я армия подошла к Солнечногорску и 12 декабря выбила противника из города. 16-я армия, освободив 8 декабря Крюково, развивала наступление к Истринскому водохранилищу.

Продвигались вперед и войска правого крыла 5-й армии, которой командовал генерал Л. А. Говоров. Продвижение этой армии во многом способствовало успеху 16-й армии.

После того как Клин был нами освобожден, туда прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Идеи.

В конце декабря мы прочли в “Правде” заявление А. Идена, сделанное им по возвращении в Лондон. Делясь впечатлениями о поездке в СССР, он сказал: “Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великолепных”.

Большой утратой для нас явилась гибель 19 декабря в районе деревни Палашкино (в 12 километрах северо-западнее Рузы) командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л. М. Доватора и командира 20-й кавалерийской дивизии подполковника М. П. Тавлиева. По представлению Военного совета фронта Л. М. Доватору посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Контрнаступательные действия правого крыла Западного фронта шли непрерывно. Их активно поддерживала авиация фронта, авиация ПВО страны и авиация дальнего действия, которой командовал генерал А. Е. Голованов. Авиация наносила мощные удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам, а когда началось отступление гитлеровских войск, штурмовала и бомбила пехотные, бронетанковые и автотранспортные колонны. В результате все дороги на запад после отхода войск противника были забиты его разбитой боевой техникой и автомашинами.

В тыл противника командование фронта направляло лыжные части, конницу и воздушно-десантные войска, которые громили отходившего врага. Согласовывая свои действия с Военными советами фронтов, развернули борьбу с врагом партизаны. Их действия серьезно осложнили обстановку для немцев.

На левом крыле фронта еще 3 декабря войска 50-й армии и кавалерийский корпус генерала П. А. Белова приступили к разгрому 2-й танковой армии Гудериана в районе Тулы. 3, 17-я танковые и 29-я моторизованная дивизии фашистской армии, оставив на поле боя до 70 танков, начали поспешно откатываться на Венёв.

10-я армия вступила в сражение 6 декабря в районе Михайлова, где противник пытался удержать оборону, с тем чтобы прикрыть фланг своей отходившей 2-й танковой армии. 8 декабря из района Тулы перешли в наступление и остальные войска 50-й армии, угрожая отрезать пути отхода противника из Венёва и Михайлова.

Действия 10-й и 50-й армий, а также удары кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова непрерывно поддерживала авиация фронта и Ставки.

Армия Гудериана, глубоко охваченная с флангов и не имевшая сил парировать контрнаступательные удары Западного фронта и оперативной группы Юго-Западного фронта, начала поспешно отходить в общем направлении на Узловую, Богородицк и далее на Сухиничи, бросая тяжелые орудия, автомашины, тягачи и танки.

В ходе десятидневных боев войска левого крыла Западного фронта нанесли серьезное поражение 2-й танковой армии Гудериана и продвинулись вперед на 130 километров.

Левее Западного фронта успешно продвигались вперед соединения вновь сформированного Брянского фронта. С выходом войск на линию Орешки—Старица—реки Лама и Руза—Малоярославец—Тихонова Пустынь—Калуга—Мосальск—Сухиничи—Белев—Мценск—Новосиль закончился первый этап контрнаступления советских войск под Москвой.

Была наконец ликвидирована угроза городу Туле. В контрнаступлении основную роль здесь сыграли танковая дивизия А. Л. Гетмана и кавкорпус П. А. Белова. Подвижная оперативная группа 50-й армии, действовавшая под командованием генерал-лейтенанта В. С. Попова, нанесла решающий удар противнику при освобождении города Калуги.

Гитлеровские армии, обессиленные, измотанные боями, несли большие потери и под напором наших войск отступали на запад. Для западного направления (Западного, Калининского и Брянского фронтов), как нам казалось, последующий этап контрнаступления должен был состоять в том, чтобы, получив усиление соответствующими силами и средствами, продолжить его вплоть до полного завершения. Имелось в виду восстановить то положение, которое эти фронты занимали до начала наступательной операции немецко-фашистских войск.

Если бы тогда Ставка могла нам дать хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), мы получили бы реальную возможность нанести врагу более сильный удар и еще дальше отбросить его от Москвы, а возможно, даже выйти на линию Витебск—Смоленск—Брянск.

Во всяком случае, и среди членов Военного совета, и в штабе фронта не было никаких расхождений относительно того, что для продолжения контрнаступления необходимо все имеющиеся силы использовать на западном стратегическом направлении, чтобы нанести врагу наибольший урон. Думаю, что такая точка зрения правильно отражала конкретно складывавшуюся на фронте обстановку.

Успех контрнаступления советских войск в декабре на центральном стратегическом направлении имел огромное значение. Ударные группировки немецкой группы армий “Центр” потерпели тяжелое поражение и отступили.

Однако в целом враг был еще силен. На центральном участке нашего стратегического фронта противник оказывал ожесточенное сопротивление. Начавшиеся успешно наши наступательные операции под Ростовом и Тихвином, не получив должного завершения, приняли затяжной характер.

Но в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Москвой и успехами, достигнутыми в ходе контрнаступления, Верховный был настроен оптимистически. Он считал, что и на других фронтах немцы не выдержат ударов Красной Армии, стоит только умело организовать прорыв их обороны. Отсюда появилась у него идея начать как можно быстрее общее наступление на всех фронтах, от Ладожского озера до Черного моря.

Вечером 5 января 1942 года как член Ставки я был вызван к Верховному Главнокомандующему для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии.

После информации Б. М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И. В. Сталин сказал:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших, как мне помнится, против этого не возразил, и И. В. Сталин развивал свою мысль далее.

— Наша задача состоит в том, — рассуждал он, прохаживаясь, по своему обыкновению, вдоль кабинета, — чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны... На словах “до весны” он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

— Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...

Изложив свое понимание возможной перспективы наступления, Верховный перешел к практическим действиям отдельных фронтов.

Замысел Верховного Главнокомандования был таков. Учитывая успешный ход контрнаступления войск западного направления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах.

Главный удар планировалось нанести по группе армий “Центр”. Ее разгром предполагалось осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска.

Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта и Балтийским флотом ставилась задача разгромить группу армий “Север” и ликвидировать блокаду Ленинграда.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны были нанести поражение группе армий “Юг” и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот— освободить Крым.

Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, И. В. Сталин предложил высказаться присутствовавшим.

— На западном направлении, — доложил я, — где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным.

Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление.

— Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, — поддержал меня Н. А. Вознесенский.

— Я говорил с Тимошенко, — сказал И. В. Сталин. — Он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении. Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто еще хотел бы высказаться? Ответа не последовало. Обсуждение предложений Верховного так и не состоялось.

Выйдя из кабинета, Б. М. Шапошников сказал:

— Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

— Тогда зачем же спрашивали наше мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — ответил Борис Михайлович, тяжело вздохнув.

Директиву о наступлении штаб Западного фронта получил 7 января 1942 года. Во исполнение этой директивы Военный совет поставил войскам фронта следующие дополнительные задачи на продолжение контрнаступления:

— правому крылу фронта (1-й ударной, 20-й и 16-й армиям) продолжать наступление в общем направлении на Сычевку и во взаимодействии с Калининским фронтом разгромить сычевско-ржевскую группировку;

— центру фронта (5-й и 33-й армиям) наступать в общем направлении на Можайск—Гжатск: 43, 49-й и 50-й армиям нанести удар на Юхнов, разгромить юхново-кондровскую группировку противника и развивать удар на Вязьму;

— усиленному кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова выйти в район Вязьмы навстречу 11-му кавалерийскому корпусу генерал-майора С. В. Соколова, действовавшему в составе Калининского фронта, для совместного удара по вяземской группировке противника (в этот период в районе Вязьмы активно действовали крупные партизанские отряды);

— 10-й армии наступать на Киров и прикрывать левый фланг фронта.

Сосед справа — Калининский фронт, как мы уже сказали выше, имел задачу наступать в общем направлении на Сычевку, Вязьму и частью сил в обход Ржева; его 22-я армия должна была развивать удар на Белый.

Северо-Западный фронт должен был вести наступление в двух расходящихся направлениях. Его 3-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева наступала в общем направлении на Великие Луки; 4-я ударная армия, которой командовал генерал-полковник А. И. Еременко, развертывала наступление на Торопец—Велиж.

Соседу слева — Брянскому фронту ставилась задача овладеть Орлом и Курском.

Войскам юго-западного направления надлежало овладеть Харьковом и захватить плацдармы в районах Днепропетровска и Запорожья.

План был большой. К сожалению, на ряде направлений, в том числе и на главном, западном, он не был обеспечен достаточными силами и средствами. Это обстоятельство,

конечно, было хорошо известно Верховному. Однако он верил, что и при имеющихся у фронтов возможностях нам удастся сокрушить оборону немецко-фашистских войск, если строго руководствоваться принципом массирования сил в ударные группировки и умело проводить артиллерийское наступление.

10 января командующие фронтами и командармы получили Директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования, где имелась оценка военного положения в духе выступления И. В. Сталина на упомянутом заседании от 5 января 1942 года и давались практические указания фронтам для действий ударными группами и организации артиллерийского наступления.

Позволю себе привести наиболее важные отрывки из этого Директивного письма:

“Для того, чтобы добиться успехов в 1942 г., необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия, — они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным...”{9}

Затем были изложены два условия, которые, как считал И. В. Сталин, необходимо соблюдать, чтобы иметь боевые успехи.

Первое — это действия ударными группами.

“...Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке фронта...”{10}.

После этого следовало второе указание по поводу “артиллерийского наступления”.

“...У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое “наступление” не может дать желательного эффекта. Это не наступление, а преступление — преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы...

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой,

должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой “артиллерийской подготовке”, а наступать вместе с артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление”{11}.

Указания Директивного письма Ставки были приняты к безусловному исполнению. Однако я позволю себе еще раз сказать, что зимой 1942 года мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные, с общей точки зрения, идеи о широком наступлении. А не имея сил, войска не могли создавать необходимые ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт.

Жизнь это подтвердила. Только продвижение войск Северо-Западного фронта развивалось успешно, так как здесь не было сплошной линии обороны противника.

В начале февраля 1942 года 3-я и 4-я ударные армии этого фронта, пройдя около 250 километров, вышли на подступы к Великим Лукам, Демидову и Велижу. 22-я армия Калининского фронта в это время вела бои за город Белый, а 11-й кавалерийский корпус выходил в район северо-западнее Вязьмы, 39-я и 29-я армии Калининского фронта медленно продвигались западнее Ржева. Войска левого крыла Калининского фронта успеха не имели, так как перед ними была сильная оборона.

Общий характер действий противника в этот период определялся приказом Гитлера от 3 января 1942 года, в котором, в частности, говорилось: “Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты — вот что требует от нас текущий момент”.

“Господа командиры! — писал в приказе командир 23-й немецкой пехотной дивизии. — Общая обстановка военных действий властно требует остановить быстрое отступление наших частей на рубеже реки Ламы и занять дивизией упорную оборону. Позиция на реке Ламе должна защищаться до последнего человека. Вопрос поставлен о нашей жизни и смерти...”

На что рассчитывало гитлеровское командование, требуя от своих войск решительной остановки на рубеже Ламы?

Оно исходило из того, что там находились построенные советскими войсками еще в октябре-ноябре оборонительные позиции, на которых можно было временно закрепиться. Эти позиции располагались по обоим берегам реки Ламы с севера на юг и далее соединялись с позициями на реках Рузе и Наре.

К середине декабря 1941 года, подбрасывая из глубины всякого рода сборные, запасные и вновь подвезенные с оккупированных территорий дивизии, противник сумел дооборудовать эти позиции к обороне. Поэтому ко времени описываемых событий эти оборонительные рубежи могли быть частично заняты отступающими немецкими войсками.

Позволю себе коротко напомнить читателю ход наступления советских войск под Москвой в начале 1942 года.

10 января 1942 года войска нашего Западного фронта (20-я, часть сил 1-й ударной армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева, 22-я танковая бригада, пять лыжных батальонов) после полуторачасовой артиллерийской подготовки начали наступление с целью прорыва фронта в районе Волоколамска. В результате упорных двухдневных боев удалось взломать оборону противника. В прорыв был введен кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева с пятью лыжными батальонами и 22-й танковой бригадой.

16 и 17 января войска правого крыла фронта при содействии партизанских отрядов заняли Лотошино, Шаховскую и перерезали железную дорогу Москва—Ржев. Казалось бы, именно здесь следовало наращивать силы для развития успеха. Но получилось иначе.

19 января поступил приказ Верховного Главнокомандующего вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Мы с В. Д. Соколовским обратились в Генштаб с просьбой оставить у нас 1-ю ударную армию. Ответ был один— таков приказ Верховного.

Звоню лично И. В. Сталину.

Объясняю, что вывод этой армии приведет к ослаблению ударной группировки.

В ответ слышу:

— Выводите без всяких разговоров. У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий. Пробую возразить:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключающие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа И. В. Сталин бросил трубку. Переговоры с Б. М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели.

— Голубчик, — сказал Б. М. Шапошников, — ничего не могу сделать, это личное решение Верховного.

Пришлось растянуть на широком фронте 20-ю армию. Ослабленные войска правого крыла фронта, подойдя к Гжатску, были остановлены обороной противника и продвинуться дальше не смогли.

5-я и 33-я армии, наступавшие в центре фронта, к 20 января освободили Рузу, Дорохове, Можайск, Верею. 43-я и 49-я армии вышли в район Доманова и завязали бой с юхновской группировкой противника.

Здесь я хочу более подробно остановиться на действиях наших войск в районе Вязьмы. В сорока километрах южнее Вязьмы (район Желанье) с 18 по 22 января для перехвата тыловых путей противника были выброшены два батальона 21-й воздушно-десантной бригады и 250-й авиадесантный полк. 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова было приказано развивать прорыв и во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом П. А. Белова, авиадесантом, партизанскими отрядами и 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта овладеть Вязьмой.

27 января корпус генерала П. А. Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 километрах юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы. 1 февраля туда же вышли три стрелковые дивизии 33-й армии (ИЗ, 338-я и 160-я) под личным командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и завязали бой на подступах к Вязьме. Для усиления 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А.Белова и установления взаимодействия с 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта Ставка приказала выбросить в район Озеречни 4-й воздушно-десантный корпус. Но из-за отсутствия транспортной авиации в дело была введена одна 8-я воздушно-десантная бригада в составе двух тысяч человек.

Здесь я хочу более подробно остановиться на действиях кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, двух усиленных дивизий 33-й армии и воздушно-десантных частей 4-го воздушно-десантного корпуса, действовавших в тылу немецких войск.

Развивая наступление из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанского Завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника. Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надежно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется в исключительно тяжелом положении.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3—4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе трех дивизий вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре. Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского Завода, а левый ее сосед — 43-я армия — в районе Медыни. Задачу, полученную от командования фронта об оказании помощи группе генерала М. Г. Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введенный в сражение на вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в район Вязьмы и соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушно-десантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую силу и технику.

10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново—Дягилеве, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи{12}. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронта, установив с П. А. Беловым и М. Г. Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путем было вывезено большое количество раненых. В группу неоднократно вылетал начальник, оперативного отдела штаба фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, а также офицеры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него “занозу”. Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П.А.Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своем пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжелых орудий и боевой техники. Большинство частей все же вышло к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слез: это были слезы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомленной группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угру.

Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. И. В. Сталин приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М. Г. Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска армии под его командованием дрались мужественно и не пропустили через свои оборонительные рубежи противника. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награжден орденом Красного Знамени.

Вместе с М. Г. Ефремовым погиб командующий артиллерией армии генерал-майор П. Н. Афросимов, способнейший артиллерист, большой души человек, и ряд других командиров и политработников, отличившихся в боях за Москву.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. “Орешек” там оказался более крепким, чем мы предполагали.

В феврале и марте Ставка требовала усилить наступательные действия на западном направлении, но у фронтов к этому времени истощились силы и средства.

Вообще ресурсы нашей страны в то время были крайне ограниченны. Потребности войск еще не могли удовлетворяться так, как этого требовали задачи и обстановка. Дело доходило до того, что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые ружья, автоматы ППШ, 10—15 орудий ПТО, минимально необходимое количество снарядов и мин. Все, что удавалось таким образом получить, тотчас же грузилось в автомашины и направлялось в наиболее нуждающиеся армии.

Особенно плохо обстояло дело с боеприпасами. Так, из запланированных на первую декаду января боеприпасов нашему Западному фронту было предоставлено: 82-миллиметровых мин — 1 процент; артиллерийских выстрелов — 20—30 процентов. А в целом за январь 50-миллиметровых мин — 2,7 процента, 120-миллиметровых мин — 36 процентов, 82-миллиметровых мин — 55 процентов, артиллерийских выстрелов— 44 процента{13}. Февральский план совсем не выполнялся. Из запланированных 316 вагонов на первую декаду не было получено ни одного. Из-за отсутствия боеприпасов для реактивной артиллерии ее пришлось частично отводить в тыл{14}.

Вероятно, трудно поверить, что нам приходилось устанавливать норму расхода... боеприпасов 1—2 выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления! В

донесении Западного фронта на имя Верховного Главнокомандующего от 14 февраля 1942 года говорилось:

“Как показал опыт боев, недостаток снарядов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате система огня противника не уничтожается, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут очень большие потери, не добившись надлежащего успеха”{15}.

В конце февраля — начале марта 1942 года Ставка приняла решение подкрепить силами и средствами фронты, действовавшие на западном направлении, но это уже было запоздалое решение. Противник, обеспокоенный развитием событий, значительно усилил свою вяземскую группировку и, опираясь на заранее укрепленные позиции, начал активные действия против войск Западного и Калининского фронтов.

Переутомленным и ослабленным войскам становилось все труднее преодолевать сопротивление врага. Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 года Верховный вновь потребовал энергичнее продолжать выполнение ранее поставленной задачи.

В конце марта — начале апреля фронты западного направления пытались выполнить эту директиву, требовавшую разгромить ржевско-вяземскую группировку, однако наши усилия оказались безрезультатными.

Наконец Ставка была вынуждена принять наше предложение о переходе к обороне на линии Великие Луки—Велиж—Демидов—Белый—Духовщина—река Днепр—Нелидово—Ржев—Погорелое Городище—Гжатск—река Угра—Спас-Деменск—Киров—Людиново—Холмищи—река Ока.

За период зимнего наступления войска Западного фронта продвинулись на 70—100 километров и несколько улучшили общую оперативно-стратегическую обстановку на западном направлении.

За это время наступательные действия Ленинградского, Волховского, Южного и Юго-Западного фронтов, не имевших превосходства в силах и средствах и встретивших упорное сопротивление противника, не смогли выполнить поставленных задач.

Фактическое развитие событий доказало ошибочность решения Верховного на переход в январе в наступление всеми фронтами. Было бы целесообразнее собрать больше сил на фронтах западного направления (Северо-Западный, Калининский, Западный, Брянский фронты) и нанести сокрушительный удар по группе армий “Центр”, разгромить ее и продвинуться на линию Старая Русса—Великие Луки—Витебск—Смоленск—Брянск. После чего можно было бы прочно закрепиться и готовить войска к летней кампании 1942 года.

Если бы девять армий резерва Ставки Верховного Главнокомандования не были разбросаны по всем фронтам, а были бы введены в дело на фронтах западного направления, центральная группировка гитлеровских войск была бы разгромлена, что, несомненно, повлияло бы на дальнейший ход войны.

Каковы же общие итоги великой битвы под Москвой?

Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию “Тайфун”, вынужден был признать, что “немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения”. Это же заявляют и другие генералы гитлеровской армии, такие, как К. Типпельскирх, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, Ф. Мантейфель, и многие другие.

Что верно, то верно. В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150— 300 километров.

Контрнаступление зимой 1941/42 года проходило в сложных условиях и, что самое главное, как я уже говорил, без численного превосходства над противником. К тому же мы не имели в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений.

Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. Это была наша первая стратегическая победа над вермахтом. До этого Советские Вооруженные Силы уже осуществили ряд серьезных операций, замедливших продвижение вермахта на всех трех главных направлениях его ударов. Тем не менее они по своим масштабам и результатам уступают великой битве у стен советской столицы.

Умелое ведение оборонительных сражений, удачное осуществление контрударов и быстрый переход в контрнаступление обогатили советское военное искусство, показали возросшую стратегическую и оперативно-тактическую зрелость советских военачальников, рост боевого мастерства воинов всех родов войск.

Разгром гитлеровских войск под Москвой имел большое международное значение. В битве под Москвой было положено начало крутому повороту в войне. Во всех странах антигитлеровской коалиции народные массы с большим энтузиазмом встретили весть об этой выдающейся победе советского оружия. С ней прогрессивное человечество связывало свои надежды на избавление от фашистского порабощения.

Неудачи немецких войск под Ленинградом, Ростовом, в районе Тихвина и битва под Москвой отрезвляюще подействовали на реакционные круги Японии и Турции, заставили их проводить более осторожную политику в отношении Советского Союза.

После разгрома немцев под Москвой на всех участках советско-германского фронта стратегическая инициатива перешла в руки советского командования.

Немецко-фашистские войска перешли к обороне. Для восстановления их боеспособности гитлеровское военно-политическое руководство вынуждено было провести ряд тотальных мероприятий и перебросить на советско-германский фронт значительное количество частей из оккупированных стран Европы. Пришлось прибегнуть к нажиму на правительства государств — сателлитов Германии и потребовать от них отправки на советский фронт новых соединений и дополнительных материальных ресурсов, что ухудшило внутриполитическую обстановку в этих странах.

После разгрома гитлеровцев под Москвой не только рядовые немецкие солдаты, но и многие офицеры и генералы убедились в могуществе Советского государства, убедились в том, что Советские Вооруженные Силы являются непреодолимой преградой на пути к достижению поставленных гитлеровским военным руководством целей.

В войне с Советским Союзом гитлеровцам, несмотря на их тщательную подготовку, пришлось столкнуться с рядом важных и непредвиденных обстоятельств. Они никак не думали, например, что им придется в Советском Союзе драться на два фронта: с одной стороны, с Красной Армией, с другой — с мощными партизанскими силами, активно действовавшими под руководством многочисленных подпольных партийных организаций в тылу врага.

Не рассчитывали гитлеровцы и на то, что их войска будут так измотаны и обескровлены, что уже в 1941 году, не достигнув ни одной стратегической цели, будут вынуждены перейти к обороне на всем советско-германском фронте.

Поражение немецких войск под Москвой возвестило всему миру о крахе планов Гитлера в отношении “молниеносной войны” с Советским Союзом, о начале разгрома немецко-фашистских войск, о непреоборимости Советского государства.

Мне нередко задают вопрос о роли И. В. Сталина во время битвы под Москвой.

И. В. Сталин был все это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага. Надо отдать ему должное — он, возглавляя Государственный Комитет Обороны и опираясь на руководящий состав наркоматов, проделал колоссальную работу по созданию необходимых стратегических резервов и материально-технических средств для обеспечения контрнаступления под Москвой. Своей жесткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного.

Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву.

В суровых, зачастую чрезвычайно сложных и трудных условиях наши войска закалялись, мужали, набирались опыта и, получив в свои руки даже минимально необходимое количество боевых и материальных средств, из отступающей, обороняющейся силы превращались в мощную наступательную силу. Благодарные потомки никогда не забудут трудовых героических дел советского народа и боевые подвиги не только отдельных воинов, но и целых соединений в тот труднейший для нашей страны период. В битве под Москвой была заложена прочная основа для последующего разгрома фашистской Германии.

Выражая глубокую благодарность всем участникам битвы за Москву, оставшимся в живых, я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, ее столице, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними!

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили подвиг тех, кто в суровом 1941 году выстоял в жестокой схватке с сильным врагом и одержал историческую победу.

В период контрнаступления под Москвой и зимнего наступления Красной Армии 36 тысяч бойцов и командиров были награждены за боевые подвиги орденами и медалями. В битве под Москвой 110 особо отличившимся в боях воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. Медали “За оборону Москвы” удостоены более миллиона человек.

В ознаменование нашей Великой Победы Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 мая 1965 года присвоил городу Москве почетное звание “Город-герой” с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”. У стен седого Кремля покоятся теперь останки Неизвестного солдата, погибшего при защите столицы. На его могильной плите начертаны слова: “Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен”.

Вечный огонь славы героям, павшим при защите столицы, никогда не угаснет. Он будет всегда напоминать о мужестве и массовом героизме советских людей, беззаветно защищавших свою социалистическую Родину.

Глава пятнадцатая. **Суровые испытания продолжаются (1942 год)**

В 1942 году вследствие ряда причин наша страна вновь подверглась суровым испытаниям. Но, как и в 1941 году в битве под Москвой, советский народ и его вооруженные силы, руководимые ленинской партией, мужественно преодолев трудности, сумели разгромить крупнейшую стратегическую группировку немецких войск в междуречье Дона и Волги, положив начало изгнанию немецко-фашистских войск из пределов нашей Родины.

Чтобы глубже понять происшедшие события на юге нашей страны, необходимо в кратких чертах ознакомиться с военно-политической обстановкой, сложившейся к началу лета 1942 года.

В конце весны 1942 года международное и внутреннее положение Советского Союза несколько улучшилось. Антифашистский фронт продолжал расширяться и укрепляться. В январе была подписана декларация 26 стран, в которой они согласились использовать все силы и средства для борьбы против агрессивных государств и не заключать с ними сепаратного мира или перемирия. С США и Англией была достигнута договоренность об открытии в 1942 году второго фронта в Европе. Все эти и другие обстоятельства, особенно разгром немецких войск под Москвой, срыв гитлеровских планов молниеносной войны против СССР, в значительной степени активизировали антифашистские силы во всех странах.

На советско-германском фронте наступило временное затишье. Обе стороны перешли к обороне. Войска, находившиеся на оборонительных позициях, рыли окопы, строили блиндажи, минировали подступы к переднему краю, ставили проволочные заграждения и проводили другие оборонительные работы. Командный состав и штабы наших войск отрабатывали систему огня, взаимодействие родов войск и другие вопросы.

В Ставке, Генеральном штабе и в частях подводились итоги пройденного этапа войны, критически рассматривались и осмысливались удачные и неудачные действия войск, глубже изучалось военное искусство противника, его сильные и слабые стороны.

Советский народ, воодушевленный крупной победой Красной Армии в районе Москвы, положившей начало коренному повороту в войне, успешно осуществлял перестройку

народного хозяйства на военный лад. На вооружение советских войск стало поступать больше новой танковой и авиационной техники, артиллерийского, реактивного оружия и боеприпасов.

Однако после того как было завершено общее зимнее наступление, советские вооруженные силы пока еще сильно уступали противнику по своей численности и по технической оснащенности. Готовых резервов и крупных материальных ресурсов у нас в то время не было. Поэтому необходимо было в тылу страны сформировать новые стратегические резервы всех родов войск. Успехи нашей танковой и артиллерийской промышленности дали возможность Верховному Главнокомандованию начать формирование танковых корпусов и танковых армий, оснащая их новейшей по тому времени материальной частью.

На вооружение войск поступали модернизированные артиллерийские 45-миллиметровые противотанковые пушки, новые 76-миллиметровые пушки. Формировались новые артиллерийские части и соединения. Проводились большие организационные мероприятия по противовоздушной обороне войск и страны в целом. Наши военно-воздушные силы получили возможность приступить к формированию воздушных армий. В июне мы уже имели 8 воздушных армий. В значительной степени начали пополняться соединения авиации дальнего действия. Общая численность нашей действующей армии возросла до 5,6 миллиона человек, количество танков достигло 3882, орудий и минометов — 44,9 тысячи (без 50-мм минометов, которых было 21,4 тыс. штук), боевых самолетов— 2221. В войсках широко развернулась боевая подготовка, всесторонне осваивался опыт войны и новая боевая техника{16}.

Готовилось к летней кампании и немецко-фашистское командование, по-прежнему считавшее главным для себя Восточный фронт. Гитлеровское руководство направляло сюда все новые и новые войска. Фашистская Германия и ее союзники имели на фронтах от Баренцева до Черного моря 217 дивизий и 20 бригад, причем 178 дивизий, 8 бригад и 4 военно-воздушных флота были только германскими. На остальных фронтах и в оккупированных странах благодаря отсутствию второго фронта Германия держала не более 20 процентов своих вооруженных сил.

К маю 1942 года враг на советско-германском фронте имел более чем шестимиллионную армию (в том числе 810 тысяч союзнических войск), 3229 танков и штурмовых орудий, до 57 тысяч орудий и минометов, 3395 боевых самолетов. В численности личного состава у войск противника по-прежнему имелось превосходство. У нас же было некоторое количественное превосходство в танках, но в качественном отношении значительная часть нашего танкового парка пока еще уступала немецкому.

В общих чертах политическая и военная стратегия гитлеровского главнокомандования на ближайший период 1942 года сводилась к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР как государства.

Планируя наступательные действия на лето 1942 года, немецкое командование хотя и имело численное превосходство в людях над советскими войсками, но уже не располагало возможностями для одновременного наступления на всех стратегических направлениях, как это было в 1941 году по плану “Барбаросса”.

К весне 1942 года немецкие войска растянулись от Баренцева до Черного моря. Вследствие этого их оперативная плотность резко снизилась.

Проведя ряд тотальных мероприятий, гитлеровскому командованию удалось хорошо укомплектовать группу армий “Юг” и сосредоточить в ней силы, значительно превосходившие возможности наших войск юго-западного направления.

Директивой Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года предусматривалось отторгнуть от Советского Союза богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, получить дополнительные экономические ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть) и занять господствующее стратегическое положение для достижения своих военно-политических целей.

Гитлер и его окружение надеялись, что, как только немецкие войска достигнут успеха на юге нашей страны, они смогут нанести удары и на других стратегических направлениях и вновь атаковать Ленинград и Москву.

На московском стратегическом направлении в 1942 году предполагалось ограничиться проведением частных наступательных операций с целью ликвидации советских войск, глубоко вклинившихся в расположение немецкой обороны. Этим преследовалась двоякая цель. Во-первых, улучшить оперативное положение своих войск и, во-вторых, отвлечь внимание советского командования от южного стратегического направления, где противник готовил главный удар.

Планируя захват Кавказа и Волги, немецкое командование, в частности, стремилось лишить Советский Союз южных путей сообщения с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Весной 1942 года я часто бывал в Ставке, принимал участие в обсуждении у Верховного Главнокомандующего ряда принципиальных стратегических вопросов и хорошо знал, как он оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год.

Было совершенно очевидно, что Верховный не вполне верит обещаниям Черчилля и Рузвельта об открытии второго фронта в Европе, но и не теряет надежды, что они в какой-то степени попытаются осуществить что-либо в других районах. И. В. Сталин больше доверял Рузвельту и меньше Черчиллю.

Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего — на московском и на юге страны. Что касается севера и северо-запада, говорил И. В. Сталин, то там следует ожидать незначительной активности. Возможно, противник там попытается срезать выступы в нашей оборонительной линии и улучшить группировку своих войск.

Из тех двух направлений, на которых немцы, по мнению Верховного, могли развернуть свои стратегические наступательные операции, И. В. Сталин больше всего опасался за московское, где у них находилось более 70 дивизий.

И. В. Сталин предполагал, что гитлеровцы, не взяв Москву, не бросят свою главную группировку на захват Кавказа и юга страны. Он говорил, что такой ход приведет

немецкие силы к чрезмерной растяжке фронта, на что главное немецкое командование не пойдет.

В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И. В. Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Мне было известно, что Б. М. Шапошников в принципе придерживался того же мнения, что и И. В. Сталин, но стоял на том, чтобы ограничиться активной стратегической обороной, измотать и обескровить врага в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти летом к широким контрнаступательным действиям. Поддерживая в этом Б. М. Шапошникова, я, однако, считал, что на западном направлении нам нужно обязательно в начале лета разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм и имели крупные силы.

После дополнительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями следует считать орловско-тульское и курско-воронежское с возможным ударом противника на Москву — обходом столицы с юго-запада. Вот почему было принято решение: для защиты Москвы с этой стороны сосредоточить к концу весны значительную часть резервов Ставки в районе Брянского фронта. Сюда были направлены значительные силы и средства. К середине мая в состав Брянского фронта были включены четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать отдельных стрелковых бригад, четыре отдельные танковые бригады и большое количество артиллерии. Кроме того, за этим фронтом закреплялась 5-я танковая армия резерва Ставки, которая предназначалась для нанесения мощного контрудара на случай наступления противника в данной полосе.

В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых частных наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к генеральному наступлению советских войск.

Известно, что И. В. Сталин был сторонником наступательных действий на всех фронтах; это неизбежно вело к разбросанности сил и средств по мелким операциям, приводившим в конечном счете к изматыванию войск и их ослаблению.

Докладывая свои соображения, я предлагал И. В. Сталину, так же как и Генштабу, о чем я уже говорил, в первую очередь нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, а также авиацией ПВО Москвы.

Разгром противника на западном направлении должен был серьезно ослабить его силы и принудить отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере на ближайшее время.

Конечно, теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте.

Ввиду сложности вопроса И. В. Сталин приказал еще раз обсудить общую обстановку и возможные варианты действий наших войск во время летней кампании.

Особое внимание предлагалось уделить предложениям командования юго-западного направления о проведении большой наступательной операции силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. Цель этой операции — разгром противника на южном фланге и выход наших войск на рубеж Гомель—Киев—Черкассы— Первомайск—Николаев.

На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта, присутствовали К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев, И. Х. Баграмян, Б. М. Шапошников, А. М. Василевский и я.

Б. М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И. В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, он предложил на ближайшее время ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 года могут разыграться главные события.

При рассмотрении плана наступательной операции, представленного командованием юго-западного направления (силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов), маршал Б. М. Шапошников выразил несогласие Генштаба с этим планом, пытался указать на трудности организации этой операции, на отсутствие резервов, которые здесь требовались.

Однако Верховный, не дав ему закончить, сказал:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

“Слово взял С. К. Тимошенко. Доложив обстановку на юго-западном направлении и свои соображения по Харьковской наступательной операции, он сказал:

— Войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на юго-западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны. Что касается перехода в наступление на западном направлении, я поддерживаю Жукова. Это будет сковывать силы противника.

К. Е. Ворошилов поддержал мнение С. К. Тимошенко. Остальные молчали и, когда И. В. Сталин вновь говорил о целесообразности ряда ударов, одобрительно кивали.

Я еще раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако это соображение во внимание не было принято и

последовало половинчатое решение. Б. М. Шапошников, который, насколько мне известно, тоже не был сторонником частных наступательных операций, на сей раз, к сожалению, отмолчался. Совещание закончилось указанием И. В. Сталина подготовить и провести в ближайшее время частные операции в Крыму, на харьковском направлении и в других районах. После совещания в Ставке мы разъехались по своим местам.

Не успел я доехать до штаба фронта, как мне передали директиву о том, что с сего числа Калининский фронт выводится из моего подчинения и переключается в прямое подчинение Ставки, а главное командование западного направления, которое я возглавлял, ликвидируется. Мне, конечно, было понятно — это за то, что не согласился с решением Верховного относительно ряда упреждающих наступательных операций наших войск".

Половинчатость решения заключалась, с одной стороны, в том, что Верховный согласился с Генеральным штабом, который решительно возражал против проведения крупной наступательной операции группы советских фронтов под Харьковом. С другой — он дал разрешение С. К. Тимошенко на проведение силами юго-западного направления частной наступательной операции — ударами из района Волчанска и с барвенковского плацдарма разгромить харьковскую группировку противника, овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса.

Вот как об этом вспоминает непосредственный участник событий А. М. Василевский:

"Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться"{17}.

События мая и июня показали, что в этом решении был допущен чрезвычайно большой просчет Ставки. Наши вооруженные силы на юге вновь подверглись суровым испытаниям. В конце апреля наступление наших войск в Крыму окончилось неудачей. Войска Крымского фронта, возглавляемые генерал-лейтенантом Д. Т. Козловым, не достигнув цели, понесли значительные потери. Ставка приказала командованию фронта перейти к жесткой обороне. Имея в своем распоряжении двадцать одну дивизию и средства усиления, командование фронтом не сумело организовать в районе Керчи устойчивую оборону.

8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя в дело многочисленную авиацию, прорвал оборону. Наши войска, оказавшись в катастрофическом положении, были вынуждены оставить Керчь. Командование фронтом оказалось неспособным управлять войсками в сложной обстановке. В этих сражениях фронт потерял свои основные силы и почти всю боевую технику.

Поражение в районе Керчи серьезно осложнило положение в Севастополе, где защитники города с октября 1941 года вели напряженную борьбу. Теперь, заняв Керчь, немецкое командование сосредоточило все силы против Севастополя.

4 июля после девяти месяцев осады, многодневных и ожесточенных сражений, в которых советские моряки, бойцы сухопутных войск обрели бессмертную славу, Севастополь был оставлен нашими войсками. Крым был полностью потерян, что в значительной степени осложнило для нас общую обстановку и, естественно, облегчило ее для противника, который высвободил одну из боеспособных армий и значительные средства усиления.

3 мая Северо-Западный фронт начал наступление против войск 16-й немецкой армии в районе Демянска. Сражение, длившееся целый месяц, не принесло успеха. Правда, противнику был нанесен большой урон. Но и наши потери были не меньшими.

Как-то во время телефонного разговора со мной о Крымском фронте и юго-западном направлении Верховный сказал:

— Вот видите, к чему приводит оборона? (Он намекал на мое выступление на мартовском совещании.) ...Мы должны крепко наказать Козлова, Мехлиса и Кулика за их беспечность, чтобы другим неповадно было ротозейничать. Тимошенко скоро начнет наступление на Харьков. Вы как — не изменили своего мнения о способе действий на юге?

Я ответил, что нет. Считаю, что на юге надо встретить противника ударами авиации и мощным огнем, нанести ему поражение упорной обороной, а затем перейти в наступление.

12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении на Харьков, нанося, как это было задумано, два удара: один из района Волчанска, другой — из барвенковского выступа.

Вначале эта операция развивалась успешно. Наши войска прорвали оборону противника и за трое суток продвинулись на 25— 50 км. И. В. Сталин был доволен. Это дало, как вспоминает А. М. Василевский, повод Верховному бросить упрек Генштабу в том, что по его настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

Но из-за нерешительности командования Юго-Западного фронта в отношении ввода в сражение танковых соединений операция дальнейшего развития не получила. Этим незамедлительно воспользовался противник.

Утром 17 мая 11 немецких дивизий из состава армейской группы Клейста перешли в наступление из района Славянск— Краматорск против советских 9-й и 57-й армий Южного фронта. Оборона была прорвана. За двое суток враг продвинулся до 50 км и вышел во фланг войскам левого крыла Юго-Западного фронта в районе Петровского. Обеспечение операции на участке Лозовая—Барвенково—Славянск возлагалось на Южный фронт (командующий генерал-полковник Р. Я. Малиновский). Командование этого фронта не учло в должной мере размеров угрозы со стороны Краматорска, где заканчивала сосредоточение крупная наступательная группировка немецких бронетанковых и моторизованных войск.

Вечером 17 мая А. М. Василевский, который из-за болезни Б. М. Шапошникова временно исполнял обязанности начальника Генштаба, связался с начальником штаба 57-й армии генералом А. Ф. Анисовым. Осветив положение, тот доложил, что обстановка у них критическая.

А. М. Василевский немедленно доложил Верховному Главнокомандующему и предложил прекратить наступление Юго-Западного фронта, а часть сил из состава его ударной группировки бросить на ликвидацию угрозы, возникшей со стороны Краматорска. Иных способов спасти положение не было, поскольку в этом районе никакими резервами Ставки фронт не располагал.

И. В. Сталин не любил менять свои решения. Переговорив с С. К. Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что "...мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление..."{18}.

18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась. Генштаб еще раз высказался за то, чтобы прекратить наступательную операцию под Харьковом. Он предлагал повернуть основные силы барвенковской ударной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение 9-й армии Южного фронта.

Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И. В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный предлагал С. К. Тимошенко прекратить наступление и повернуть основные силы барвенковской группы против краматорской группировки противника.

С. К. Тимошенко доложил, что Военный совет считает опасность краматорской группы явно преувеличенной и, следовательно, наступательную операцию прекращать нет оснований.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного.

19 мая обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической. Ударная группировка противника ворвалась в тыл советским войскам. Только теперь был отдан приказ прекратить наше наступление на Харьков и повернуть главные силы барвенковской ударной группы против группы Клейста. Было, однако, уже поздно.

23 мая 6, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина оказались полностью окруженными. Некоторым частям удалось вырваться из окружения, но многие не смогли это сделать и, не желая сдаваться, дрались до последней капли крови. В этих сражениях погиб заместитель командующего фронтом генерал Федор Яковлевич Костенко — герой гражданской и Отечественной войн, бывший командир 19-го Манычского полка 4-й Донской казачьей дивизии. Там же пали смертью храбрых командующий 57-й армией генерал К. П. Подлас и командующий опергруппой генерал Л. В. Бобкин, вместе с которыми я учился на курсах усовершенствования высшего командного состава. Они были прекрасные командиры и верные сыны нашей партии и Родины.

Анализируя причины катастрофического провала Харьковской операции, нетрудно понять, что она была организована крайне неумело. Стоит только взглянуть на карту событий. Действительно, как мог Военный совет Юго-Западного фронта рискнуть наступать на Харьков, подставляя плохо обеспеченный левый фланг фронта под удар противника со стороны Краматорска? Эта операция не сулила успеха еще и потому, что не была обеспечена ни силами, ни средствами, и это, конечно, не главное.

Основная причина нашего поражения здесь кроется в ошибках Верховного Главнокомандующего, недооценившего серьезную опасность, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, и не принявшего мер к сосредоточению крупных стратегических резервов на юге страны. И. В. Сталин игнорировал разумные советы об организации крепкой обороны на юго-западном направлении, с тем чтобы встретить там вражеские удары мощным огнем и контрударами наших войск. Он разрешил Военному совету фронта проводить необеспеченную операцию, одновременно затеяв наступления почти на всех фронтах. Это привело к растранжириванию многочисленных людских и материальных резервов.

Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло хотя бы несколько боеспособных резервных армий, не случилось бы этой катастрофы.

В июне продолжались ожесточенные сражения на всем юго-западном направлении. Наши войска под ударами превосходящего по силам врага были вынуждены с большими потерями отойти за реку Оскол, пытаясь закрепиться на тыловых рубежах.

28 июня противник начал более широкие наступательные действия. Им был нанесен удар из района Курска на воронежском направлении по 13-й и 40-й армиям Брянского фронта. 30 июня из района Волчанска перешла в наступление в направлении Острогожска 6-я немецкая армия, которая прорвала оборону 21-й и 28-й армий. Положение наших войск на воронежском направлении резко ухудшилось. Часть сил оказалась в окружении.

Вот что пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. М. Василевский:

“К исходу 2 июля обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалась прорванной на глубину до восьмидесяти километров. Фронтовые резервы, имевшиеся на этом направлении, были втянуты в сражение. Ударная группировка врага грозила прорваться к Дону и захватить Воронеж. Чтобы помешать этому, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову две общевойсковые армии (6-ю и 60-ю. — *Г. Ж.),* приказав развернуть их по правому берегу Дона на участке Задонск—Павловск и обязав Голикова взять на себя руководство боевыми действиями в районе Воронежа.

Одновременно в распоряжение этого фронта передавали 5-ю танковую армию. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на Воронеж. В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии заканчивали сосредоточение к югу от Ельца. Немедленный и решительный их удар по врагу, рвавшемуся к Воронежу, мог бы резко изменить обстановку в нашу пользу, тем более что основные силы этой фашистской группировки, понеся уже довольно значительные потери и растянувшись на широком фронте, были связаны боями с нашими войсками.

Однако танковая армия никаких задач от командования фронта не получила. По поручению Ставки мне пришлось срочно отправиться в район Ельца, чтобы ускорить ввод в сражение танковой армии. Предварительно по телеграфу я передал командующему армией и командованию Брянского фронта приказание немедленно приступить к подготовке контрудара”{19}.

Несмотря на большую помощь Ставки и Генерального штаба, обстановка на Брянском фронте день ото дня осложнялась, что в значительной степени усугублялось недостатками в управлении войсками во фронтовом и армейских звеньях. В связи с этим Ставка провела организационные мероприятия, разделив Брянский фронт на два фронта. Командующим новым. Воронежским фронтом был назначен Н. Ф. Ватутин; командующим Брянским фронтом вместо Ф. И. Голикова — К. К. Рокоссовский.

В районе Воронежа в боевых действиях приняли участие переданные Ставкой 6-я и 60-я общевойсковые и 5-я танковая армии, что несколько укрепило устойчивость обороны, но не ликвидировало серьезную опасность прорыва противника через Дон и удара вдоль Дона в сторону Сталинграда.

Вновь, как и в первые месяцы войны, на юге страны советские войска и наш народ испили полную чашу горечи суровых испытаний и тяжелых отступлений. Командование фронтами юго-западного направления нередко теряло управление войсками и не всегда знало действительное положение своих армий и противника, вследствие чего принимало запоздалые решения, подчас не отвечавшие реальной обстановке.

В результате потери Крыма, поражения наших войск в районе Барвенково, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив наши войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суровикина до Ростова-на-Дону, войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В результате вынужденного отхода наших войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, снабжавшего нефтью армию и промышленность.

Войска юго-западного направления к началу наступления на Харьков, бывшие в составе фронтов, и другие соединения, переданные Ставкой в процессе отступления, в значительной части понесли большие потери, а сохранившиеся не могли успешно сдерживать продвижение противника. Южный фронт, понесший крупные потери, оказался не в состоянии остановить противника на кавказском направлении.

Кое-где в войсках вновь появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины. Стремясь пресечь падение морального духа войск, И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались “отступательные” настроения. В нем говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование “Ни шагу назад!”. Приказ был подкреплен усиленной партийно-политической работой в войсках.

Еще в июне 1942 года ЦК партии рассмотрел в целом состояние политической работы в Красной Армии и выработал мероприятия по ее дальнейшему улучшению. ЦК потребовал от политорганов более широкого развертывания идейно-политической работы в войсках. Всем командирам и политработникам, в том числе и высшего звена, было предложено лично вести агитацию и пропаганду среди воинов.

Усиливалось руководство всей этой важной и трудной работой в целом. Во главе Главного политического управления РККА вместо Л. З. Мехлиса был поставлен кандидат в члены Политбюро, секретарь Центрального Комитета ВКП(б) и Московского комитета партии А. С. Щербаков. В Главное политическое управление пришли способные политработники, хорошо проявившие себя в действующей армии. Были проведены совещания членов военных советов и начальников политорганов армии и флота, на которых выступали секретари ЦК, М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Д. З. Мануильский и многие другие видные государственные и партийные деятели.

Центральный Комитет потребовал от военных советов фронтов и армий улучшить работу среди солдат и командиров, с тем чтобы поднять дисциплину, усилить стойкость и боеспособность войск. Были проведены специальные мобилизации коммунистов и комсомольцев. Приток коммунистов в действующую армию значительно укрепил наши вооруженные силы. В войска, которые вели самые напряженные бои, регулярно выезжали крупные пропагандисты.

Прежде всего необходимо было преградить путь немецким войскам к Волге. Ставка создала новый, Сталинградский фронт, включив в него 62-ю армию под командованием генерал-майора В. Я. Колпакчи, 63-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 64-ю армию под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, а также 21-ю армию под командованием генерал-майора А. И. Данилова из состава расформированного Юго-Западного фронта. Командование юго-западным направлением как утратившее свое значение было расформировано.

Военный совет бывшего Юго-Западного фронта в полном составе вошел во вновь образованный Сталинградский фронт. Для усиления фронта ему были переданы формировавшиеся 1-я и 4-я танковые армии, уцелевшие части 28, 38-й и 57-й армий. В оперативное подчинение командования фронта перешла также Волжская военная флотилия.

На дальних и ближних подступах к Сталинграду развернулась подготовка оборонительных и укрепленных рубежей. Как и при обороне Москвы, многие тысячи жителей вышли на строительство рубежей и самоотверженно готовили город к обороне.

Большую организаторскую работу провели обком и горком партии Сталинграда по формированию и подготовке народного ополчения, рабочих отрядов самообороны, по реорганизации производства для нужд фронта и по эвакуации из города детей, стариков, а также государственных ценностей.

Сталинградский фронт к 17 июля занял следующую линию обороны: Павловск-на-Дону и далее по левому берегу Дона до Серафимовича, затем Клетская, Суровикино вплоть до Верхне-Курмоярской.

От Верхне-Курмоярской до Таганрогского залива развернулся Южный фронт.

При отступлении Южный фронт понес невосполнимые потери. В четырех его армиях осталось лишь немногим больше ста тысяч человек. Чтобы укрепить руководство войсками на северокавказском направлении, Ставка расформировала Южный фронт, а все оставшиеся войска этого фронта передала в состав Северо-Кавказского фронта, командующим которым был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

37-я и 12-я армии Северо-Кавказского фронта получили задачу прикрывать ставропольское направление, а 18, 56-я и 47-я армии — краснодарское.

В конце июля — начале августа развитие событий на северокавказском направлении складывалось явно не в нашу пользу. Превосходящие силы противника наносили нашим войскам поражение за поражением и настойчиво продвигались вперед. Вскоре немецкие войска вышли на реку Кубань.

В августе разгорелись серьезные сражения и на майкопском направлении. 10 августа вражеские войска захватили Майкоп, а 11 августа — Краснодар.

В середине августа противник, заняв Моздок, вышел на реку Терек. К 9 сентября, сбив с рубежей нашу 46-ю армию, немецко-фашистские войска овладели почти всеми горными перевалами. Над Сухуми нависла серьезная опасность.

В эти дни суровых испытаний и смертельной опасности народы Кавказа не дрогнули, не потеряли веры в силу и мощь единства многонационального Советского государства.

Партийные организации Грузии, Армении и Азербайджана взяли на себя снабжение действующих войск и их обслуживание; формировались вооруженные отряды, добровольцы вливались в ряды Красной Армии. Эти мероприятия дали возможность укрепить действующие фронты. Расчет гитлеровцев на то, что с приходом немецко-фашистских войск народы Кавказа отойдут от Советского Союза, провалился.

В борьбе с врагом большую помощь действующим войскам оказали партизанские отряды, сформированные из отважных горцев, великолепно знавших свою местность, горные перевалы и тропинки. Их дерзкие налеты наводили страх на противника, причиняли ему значительные потери.

К 22 июля в состав Сталинградского фронта входило 38 дивизий, из них только 50 процентов было укомплектовано до 6— 8-тысячного состава, а остальные имели в своем составе от тысячи до трех тысяч человек. Этим малочисленным войскам пришлось развернуться на 530-километровом фронте. Всего в составе фронта в тот период насчитывалось 187 тысяч человек, 360 танков, 337 самолетов, 7900 орудий и минометов. Из них только 16 дивизий (войска 63-й и 62-й армий, две дивизии 64-й армии и по одной дивизии 4-й и 1-й танковых армий) смогли занять оборонительные позиции на главной полосе. Им противостояли войска 6-й немецкой армии, в составе которой к этому времени находилось 18 хорошо укомплектованных и технически оснащенных дивизий. Соотношение сил было в пользу противника: в людях — 1,2:1, в танках— 2:1, в самолетах— 3,6:1. Только в артиллерии и минометах силы были примерно одинаковы{20}.

В дальнейшем из-за упорного сопротивления наших войск на подступах к Сталинграду противник вынужден был перебросить с кавказского направления для удара со стороны

Котельникова 4-ю танковую армию и дополнительно развернуть часть сил армий сателлитов.

В соответствии с директивой верховного немецкого командования (ОКВ) № 45 от 23 июля 1942 года группа армий “Б”, прикрываясь с севера по среднему течению Дона (где последовательно развертывались венгерские, итальянские и румынские войска), намеревалась стремительно захватить Сталинград, Астрахань и твердо закрепиться на Волге, отрезав Кавказ от центра Советского Союза. Для обеспечения этой задачи были выделены основные силы 4-го воздушного флота (1200 боевых самолетов).

26 июля бронетанковые и моторизованные немецкие войска прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского. Для противодействия прорыву Ставка приказала немедленно ввести в бой формируемые 1-ю и 4-ю танковые армии, имевшие всего лишь 240 танков, и две стрелковые дивизии, которые не смогли остановить, но несколько задержали продвижение врага.

Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо.

Тяжелые сражения развернулись и на участке 64-й армии, но и здесь противнику не удалось с ходу прорваться в Сталинград.

В течение первой половины августа на дальних и ближних подступах к городу шли ожесточенные сражения. Наши войска, опираясь на укрепленные рубежи, героически отстаивали каждую пядь земли, наносили контрудары, изматывали и обескровливали вражеские войска, рвавшиеся к Сталинграду.

В начале июля мне позвонил И. В. Сталин и спросил, известно ли мне, что немецкие войска прорвали оборону Калининского фронта и отрезали войска 39-й армии.

Я ответил, что обстановка мне известна из данных Генерального штаба.

— Надо принимать меры, чтобы 39-я армия не оказалась в тяжелом положении, — сказал И. В. Сталин.

Я ответил, что Калининский фронт мне не подчинен. Он находится в прямом подчинении Ставки. И. В. Сталин на это ничего не ответил, видимо, забыв, что главное командование западным направлением было упразднено его же директивой. Он продолжал:

— Созвонитесь с Коневым, я дам ему указание.

Затем И. В. Сталин спросил, могу ли я организовать наступление войск фронта, с тем чтобы отвлечь внимание противника от юго-западного направления, где у нас сложилась тяжелая обстановка.

Я ответил, что такое наступление будет полезным и его можно скоро подготовить. Одно — на левом крыле фронта из района Киров—Волхов, другое — на правом крыле в районе Погорелое Городище, которое желательно провести во взаимодействии с Калининским фронтом.

В связи с тем что войска Сталинградского фронта растянулись на 700 километров и возникли трудности управления войсками, Ставка решила разделить этот фронт на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Это было сделано 5 августа.

Командующим Сталинградским фронтом оставался генерал-лейтенант В. Н. Гордов, сменивший Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, начальником штаба — генерал-майор Д. Н. Никишев. В состав фронта вошли 63, 21, 62-я и 4-я танковая армии, а также формируемая 16-я воздушная армия под командованием генерал-майора С. И. Руденко.

В Юго-Восточный фронт включались 57, 51, 64, 1-я гвардейская и 8-я воздушная армии. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко, начальником штаба генерал-майор Г. Ф. Захаров. С. К. Тимошенко был освобожден от должности командующего фронтом и отозван в распоряжение Ставки.

Для координации действий войск под Сталинградом 12 августа ГКО направил начальника Генерального штаба генерал-полковника А. М. Василевского. Сталинградский фронт был в оперативном отношении подчинен командующему Юго-Восточным фронтом.

После многодневных ожесточенных сражений 23 августа 14-й танковый корпус противника прорвался в район Вертячего и, рассекая сталинградскую оборону на две части, вышел к Волге в районе Латошинка—Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта, вследствие чего ее передали в состав Юго-Восточного фронта.

Немецкая бомбардировочная авиация подвергла Сталинград варварским бомбардировкам, превращая его в груды развалин. Гибли мирные жители, уничтожались промышленные предприятия и культурные ценности.

Утром 24 августа часть сил 14-го танкового корпуса противника перешла в наступление в направлении Тракторного завода, но безуспешно. Здесь в ожесточенных боях приняли участие вооруженные рабочие сталинградских заводов.

Одновременно войска Сталинградского фронта, отошедшие на северо-запад, атаковали противника с севера на юг, заставили его развернуть значительные силы, предназначенные для захвата Сталинграда. Этим маневром удар противника на город был значительно ослаблен, а его 14-й танковый корпус оказался отрезанным от своих тылов и вынужден был несколько дней получать снабжение по воздуху.

Переправив свои главные силы через Дон, противник развернул энергичное наступление, поддержав его мощными ударами авиации.

К 30 августа войска Юго-Восточного фронта под давлением превосходящих сил противника отошли на внешний обвод, но не сумев закрепиться ни нем, отошли на внутренний обвод, 62-я и 64-я армии заняли оборону на линии Рынок—Орловка—Гумрак— Песчанка—Ивановка. В это время 62-й армией командовал генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. Он сделал все, что от него требовал воинский долг, и даже больше, поскольку прекрасно знал, что действовавший против войск его армии противник был в численном превосходстве. И все же А И. Лопатин предусмотрительно сохранил 62-ю армию для борьбы с противником в условиях города, где впоследствии враг был разбит, а затем и уничтожен.

Здесь следует сказать, что генерал В. И. Чуйков в своих воспоминаниях о сталинградских сражениях не объективно оценил деятельность командующего 62-й армией генерала А. И. Лопатина.

С 10 сентября 1942 года 62-й армией стал командовать генерал-лейтенант В. И. Чуйков.

В это тяжелое время Ставка приказала провести на западном направлении частные наступательные операции с целью сковывания резервов противника и недопущения переброски их в район Сталинграда.

На Западном фронте, которым я в то время командовал, события развивались следующим образом. На левом крыле фронта в начале июля 10, 16-я и 61-я армии развернули наступление с рубежа Киров—Волхов в сторону Брянска. На правом крыле, в районе Погорелое Городище, усиленная 20-я армия во взаимодействии с левым крылом Калининского фронта в августе повела успешное наступление с целью разгрома противника в районе Сычевка—Ржев.

После прорыва немецкой обороны и выхода к железной дороге Ржев—Вязьма наступление войск Западного фронта было приостановлено. Город Ржев войскам Калининского фронта взять не удалось, и он остался в руках противника.

В районе Погорелое Городище—Сычевка противник понес большие потери. Чтобы остановить успешный удар войск Западного фронта, немецкому командованию пришлось спешно бросить туда значительное количество дивизий, предназначенных для развития наступления на сталинградском и кавказском направлениях.

Немецкий генерал К. Типпельскирх по этому поводу писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”{21}.

Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена.

Вообще должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании этого года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба.

27 августа 1942 года, когда я находился в районе Погорелое Городище, где мы проводили наступательную операцию, мне позвонил А. Н. Поскребышев. Он сообщил, что накануне, 26 августа, ГКО, рассматривая обстановку на юге страны, принял решение о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего.

Александр Николаевич предупредил, чтобы я в 14.00 находился на командном пункте и ждал звонка И. В. Сталина. Вообще крайне скупой на разговоры, он и на этот раз на все мои вопросы отвечал: “Не знаю. Об этом, видимо, скажет сам”. Однако даже из этих слов

я понял, что Государственный Комитет Обороны находится в большой тревоге за исход борьбы в районе Сталинграда.

Вскоре по ВЧ позвонил Верховный. Справившись о положении дел на Западном фронте, он сказал:

— Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте за себя начальника штаба. Продумайте, кого следует назначить командующим вместо вас.

На этом разговор был окончен. И. В. Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего. Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Вообще Верховный по телефону говорил только то, что было крайне необходимо сказать в данный момент. От нас он требовал быть крайне осторожными во время телефонных разговоров, особенно в зоне действующих войск, где не было стационарных средств засекречивания переговоров.

Не заезжая в штаб фронта, я выехал в Москву.

Поздно вечером этого же дня прибыл в Кремль. И. В. Сталин работал у себя в кабинете. Там же находились некоторые члены ГКО.

Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев.

— Маленков останется с вами, а Василевский должен возвратиться в Москву. Когда вы можете вылететь? — спросил меня Верховный.

Я ответил, что мне потребуются сутки для изучения обстановки и 29-го я смогу вылететь в Сталинград.

— Ну вот и хорошо. А вы не голодны? — спросил вдруг И. В. Сталин. — Не мешало бы немного подкрепиться.

Принесли чай и десяток бутербродов. За чаем И. В. Сталин вкратце сообщил сложившуюся обстановку на 20 часов 27 августа. Рассказав кратко, что произошло под Сталинградом, И. В. Сталин сказал, что Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии.

— В связи с тяжелой обстановкой в Сталинграде, — сказал Верховный, мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное и с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова.

— Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-

ю армии, — сказал он, обращаясь ко мне. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград.

Было ясно, что предстоящая битва имеет крупнейшее военно-политическое значение. С падением Сталинграда вражеское командование получило бы возможность отрезать юг страны от центра. Мы могли также потерять и Волгу, важнейшую водную артерию страны, по которой большим потоком шли грузы с Поволжья и Кавказа.

Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было тогда возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Принимались срочные меры по увеличению производства самолетов, танков, оружия, боеприпасов и других материальных средств, чтобы своевременно ввести их в дело для разгрома вражеской группировки, вышедшей в этот район.

Вылетев 29 августа с Центрального аэродрома Москвы, наш самолет через четыре часа сел на полевую площадку в районе Камышина на Волге. Встретил меня А. М. Василевский и тут же познакомил с последними событиями. После короткого разговора мы поехали в штаб Сталинградского фронта, в Малую Ивановку.

Было уже около двенадцати часов, когда мы прибыли на место.

Генерал-лейтенант В. Н. Гордов находился на передовых позициях. Обстановку доложил начальник штаба Д. Н. Никишев и начальник оперативного отдела И. Н. Рухле. Слушая их доклад, мне показалось, что они не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить.

Позвонив в штаб 1-й гвардейской армии, где в это время находился генерал В. Н. Гордов, я сказал ему, чтобы он ждал нас в штабе командующего армией генерала К. С. Москаленко, куда мы должны были выехать с А. М. Василевским.

На командном пункте 1-й гвардейской армии мы встретились с В. Н. Гордовым и К. С. Москаленко. Их доклады, как и они сами, произвели на нас отрадное впечатление. Чувствовалось, что оба они хорошо знают силу противника и возможности своих войск.

Обсудив обстановку и состояние наших частей, мы пришли к выводу, что подготовить войска сосредоточиваемых армий к контрудару мы сможем не ранее чем 6 сентября. Я тут же доложил об этом по ВЧ Верховному. Он выслушал меня и сказал, что у него возражений нет.

Так как А. М. Василевскому было приказано срочно вернуться в Москву, он, если мне не изменяет память, 1 сентября вылетел из Сталинграда.

2 сентября я и К. С. Москаленко были на переднем крае, изучая обстановку. Разыскавший меня офицер передал, что звонили от И. В. Сталина. Вернувшись на командный пункт, я позвонил Верховному.

И. В. Сталин сказал:

— Я говорил с Еременко. Он доложил, что части, обороняющие город, сильно истощены и не в состоянии долго сдерживать наступление противника... Просил начать контрудар с севера не позднее утра 4 сентября.

Я ответил, что раньше утра 6-го удар начать невозможно, так как неподготовленное наступление наверняка не даст положительных результатов.

— Наступление начать не позже 5-го, — приказал И. В. Сталин. Вы за это отвечаете. — И положил трубку.

Наступление 1-й гвардейской армии было назначено Ставкой на 2 сентября. Однако в тот день оно не смогло осуществиться. Из-за отсутствия горючего и растянутости в пути входящие в состав этой армии войска к утру 2 сенгября не вышли в исходные районы. По просьбе командарма К. С. Москаленко атака была мною перенесена на 3 сентября. В донесении Ставке было сказано:

“1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на 5 часов 3 сентября.

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5—6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...”{22}.

Утром 3 сентября после артиллерийской подготовки войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление, но продвинулись в направлении Сталинграда всего лишь на несколько километров, нанеся противнику незначительное поражение. Дальнейшее продвижение 1-й гвардейской армии было остановлено непрерывными ударами авиации и контратаками танков и пехоты противника, поддержанных артиллерией из района Сталинграда.

3 сентября за подписью И. В. Сталина я получил телеграмму следующего содержания:

“Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало”{23}.

Я тут же позвонил Верховному и доложил, что могу приказать завтра же с утра начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бой почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

— Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?.. Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Я ответил, что не разделяю эту точку зрения Еременко и прошу разрешения начать общее наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

— Ну хорошо, — согласился Верховный. — Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача отвлечь силы немцев от Сталинграда и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

До утра 5 сентября, как мы и рассчитывали, особых событий под Сталинградом не произошло. В три часа ночи Верховный вызвал Г. М. Маленкова и осведомился о готовности к переходу в наступление войск Сталинградского фронта. Убедившись в том, что его приказ выполняется, меня к телефону он не вызвал.

На рассвете 5 сентября по всему фронту 24, 1-й гвардейской и 66-й армий началась артиллерийская и авиационная подготовка. Однако плотность артиллерийского огня даже на направлениях главных ударов армий была небольшой и не дала необходимого результата.

После залпов “катюш” началась атака. Я следил за ней с наблюдательного пункта командующего 1-й гвардейской армией. По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, было видно, что артиллерийская подготовка не дала нужных результатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует.

Примерно через полтора-два часа из докладов командующих войсками стало известно, что на ряде участков противник своим огнем остановил наше продвижение и контратакует пехотой и танками. Авиационная разведка установила, что из района Гумрак—Орловка—Большая Россошка на север движутся большие группы танков, артиллерии и мотопехоты противника. Появившаяся авиация противника начала бомбардировку наших боевых порядков. Во второй половине дня вступили в бой новые части противника и на некоторых участках оттеснили наши войска на исходные рубежи.

Продолжавшийся весь день напряженный огневой бой к вечеру почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на 2—4 километра, 24-я армия осталась почти на исходных позициях.

К вечеру войскам дополнительно подвезли снаряды, мины и другие боеприпасы. С учетом выявленных за день боя данных о противнике было решено в течение ночи подготовить новую атаку, произведя в пределах возможного необходимую перегруппировку.

Поздно вечером меня вызвал Верховный.

— Как идут дела?

Я доложил, что в течение всего дня шло очень тяжелое сражение. К северу от Сталинграда противник вынужден был ввести в бой новые войска, переброшенные из района Гумрака.

— Это уже хорошо: это отвлекает силы противника от Сталинграда.

Я продолжал:

— Наши части имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах.

— А в чем дело?

— Из-за недостатка времени наши войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника и поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Когда же мы перешли в наступление, противник своим огнем и контратаками остановил его. Кроме того, авиация противника весь день господствовала в воздухе и бомбила наши части.

— Продолжайте атаки, — приказал И. В. Сталин. — Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника.

На другой день бой разгорелся с еще большим ожесточением. Наша авиация всю ночь на 6 сентября бомбила противника. Кроме фронтовой авиации, была введена в бой авиация дальнего действия под командованием генерал-лейтенанта А. Е. Голованова.

Днем мы повторили атаку, но и на этот раз она была отбита. В течение 6 сентября противник подвел из района Сталинграда новые части. На ряде господствующих высот враг зарыл в землю танки, штурмовые орудия и основательно организовал опорные пункты, которые можно было разбить только мощным огнем артиллерии. Но ее у нас тогда было очень мало.

7 сентября после полудня ко мне обратился начальник оперативного отдела Сталинградского фронта полковник И. Н. Рухле:

— Верховный запрашивает, достаточно ли у нас сил, чтобы разгромить противника?

Мы надеялись, что переброска некоторого количества войск с Воронежского фронта от Н. Ф. Ватутина может поправить дело, и передали Верховному ответ:

“Для разгрома противника под Сталинградом тех сил, которые имеются здесь, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск, с тем чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику...”

Однако решения Ставки о дополнительной переброске дивизий не последовало.

Третий и четвертый день сражений прошли главным образом в состязании огневых средств и боях в воздухе.

10 сентября, еще раз объехав части и соединения армии, я окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор

наличными силами и в той же группировке невозможно. В таком же духе высказались и генералы В. Н. Гордов, К. С. Москаленко, Р. Я. Малиновский, Д. Т. Козлов и другие.

В тот же день я передал Верховному по ВЧ:

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Верховный ответил, что было бы неплохо, если бы я прилетел в Москву и доложил лично эти вопросы.

Днем 12 сентября я вылетел в Москву и через четыре часа был в Кремле, куда Верховный вызвал и начальника Генштаба А. М. Василевского. Александр Михайлович доложил о подходе в район Сталинграда новых частей противника из района Котельникова, о ходе сражения в районе Новороссийска, а также о боях на грозненском направлении.

Внимательно выслушав доклад А. М. Василевского, Верховный резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова.

Я повторил то же, о чем докладывал два дня назад по телефону. Сказал, что 24, 1-я гвардейская и 66-я армии, участвовавшие в наступлении 5—11 сентября, показали себя боеспособными соединениями. Основная их слабость — отсутствие достаточных средств усиления, мало гаубичной артиллерии и танков, необходимых для непосредственной поддержки стрелковых частей.

Местность же на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск: открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнее артиллерийское наблюдение и может во всех направлениях маневрировать огнем. Кроме того, у противника есть возможность вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи—Акатовка— совхоз “Опытное поле”. При этих условиях 24, 1-я гвардейская и 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут.

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? — спросил И. В. Сталин.

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

А. М. Василевский полностью поддержал мои расчеты.

Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое “иное” решение? — вдруг подняв голову, спросил И. В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И. В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

— Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь.

Весь следующий день мы с А. М. Василевским проработали в Генеральном штабе. Все внимание сосредоточили на возможности осуществления операции крупного масштаба, с тем чтобы не расходовать подготовляемые и уже готовые резервы на частные операции. В октябре у нас заканчивалось формирование стратегических резервов. К этому времени наша промышленность значительно увеличила производство самолетов новейших конструкций и боеприпасов для артиллерии.

Перебрав все возможные варианты, мы решили предложить И. В. Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу.

Что же касается конкретного плана контрнаступления то, естественно, за один день мы не могли подготовить детальные расчеты, но нам было ясно, что основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся королевскими румынскими войсками.

Ориентировочный расчет показывал, что раньше середины ноября подготовить необходимые силы и средства для контрнаступления будет невозможно. При оценке противника мы исходили из того, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить свой стратегический план 1942 года. Тех сил и средств, которыми к осени 1942 года располагала Германия, не хватит для завершения задач ни на Северном Кавказе, ни в районе Дона и Волги.

Все, что германское командование могло использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, уже было в значительной степени обескровлено и измотано. Ничего более значительного немцы явно не могли сюда бросить, и, безусловно, они будут вынуждены, так же как и после разгрома под Москвой, перейти к обороне на всех направлениях.

Нам было известно, что наиболее боеспособные в вермахте 6-я армия Паулюса и 4-я танковая армия Гота, втянувшись в изнурительные бои в районе Сталинграда, не в состоянии завершить операцию по захвату города и увязли там.

Советские войска в смертельных схватках с врагом на подступах к Сталинграду, а в дальнейшем и в самом городе понесли тяжелейшие потери и поэтому наличными силами не имели возможности разгромить врага. Но у нас закончилась подготовка крупных

стратегических резервов, имевших новейшее оружие и новейшую боевую технику. К ноябрю у Ставки должны были быть механизированные и танковые соединения, вооруженные боеспособными и маневренными танками Т-34, что позволяло нам ставить своим войскам более сложные задачи.

К тому же наши высшие командные кадры за первый период войны многому научились, многое переосмыслили и, пройдя тяжелую школу борьбы с сильным врагом, стали мастерами оперативного и тактического искусства. Командно-политический состав и воины Красной Армии на опыте многочисленных ожесточенных схваток с вражескими войсками закалились и в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке.

Генеральный штаб на основе данных фронтов изучил сильные и слабые стороны немецких, венгерских, итальянских и румынских войск. Войска сателлитов по сравнению с немецкими были хуже вооружены, менее опытны, недостаточно боеспособны даже в обороне. И самое главное — их солдаты, да и многие офицеры не хотели умирать за чуждые им интересы на далеких полях России, куда их направили Гитлер, Муссолини, Антонеску, Хорти и другие фашистские лидеры.

Положение противника усугублялось еще и тем, что в районе Волги и Дона у него было очень мало войск в оперативном резерве — не более шести дивизий, да и те были разбросаны на широком фронте. Собрать их в кулак в короткое время было невозможно. Нам благоприятствовала и оперативная конфигурация всего фронта противника: наши войска занимали охватывающее положение и могли сравнительно легко развернуться на плацдармах в районах Серафимовича и Клетской.

Проанализировав все это, мы были готовы к докладу Верховному.

Вечером А. М. Василевский позвонил И. В. Сталину и доложил, что мы готовы, как было указано, прибыть в 21.00. И. В. Сталин сказал, что некоторое время он будет занят и примет нас в 22 часа. В 22.00 мы были у Верховного, в его кабинете.

Поздоровавшись за руку, что с ним редко бывало, он возмущенно сказал:

— Десятки, сотни тысяч советских людей отдают свою жизнь в борьбе с фашизмом, а Черчилль торгуется из-за двух десятков “харикейнов”. А их “харикейны” — дрянь, наши летчики не любят эту машину... — И затем совершенно спокойным тоном без всякого перехода продолжал: — Ну, что надумали? Кто будет докладывать?

— Кому прикажете, — ответил Александр Михайлович, — мнение у нас одно.

Верховный подошел к нашей карте.

— Это что у вас?

— Это предварительные наметки плана контрнаступления в районе Сталинграда, — пояснил А. М. Василевский.

— Что это за группировки войск в районе Серафимовича?

— Это новый фронт. Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции?

Я доложил, что, по нашим подсчетам, через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

— А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? — спросил И. В. Сталин.

— Нет, в этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и парировать наши удары. Удар же наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти на встречу нашим группировкам.

— А не далеко ли замахнулись ударными группировками?

Мы с Александром Михайловичем объяснили, что операция делится на два основных этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки немецких войск и создание прочного внешнего фронта, чтобы изолировать эту группировку от внешних сил; 2) уничтожение окруженного противника и пресечение попыток противника деблокироваться.

— Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы, — сказал Верховный. — А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

Вошел А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит А. И. Еременко.

Закончив телефонный разговор. Верховный сказал:

— Еременко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки и посмотрите, что еще можно направить туда завтра, — сказал он А. М. Василевскому.

Обратившись ко мне. Верховный приказал:

— Позвоните Гордову и Голованову, чтобы они незамедлительно вводили в дело авиацию. С утра Гордов пусть атакует, чтобы сковать противника. Сами вылетайте обратно в войска Сталинградского фронта и приступайте к изучению обстановки в районе Клетской и Серафимовича. Василевскому через несколько дней надо вылететь на Юго-Восточный фронт к Еременко для изучения обстановки на его левом крыле. Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать.

Через час я вылетел в штаб Сталинградского фронта.

13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А. Е. Голованова и С. И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев.

Необходимо отдать должное воинам 24, 12-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчикам 16-й воздушной армии и авиации дальнего действия, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям Юго-Восточного фронта в удержании Сталинграда.

В своих послевоенных воспоминаниях В. И. Чуйков, к сожалению, не счел нужным отдать должное своим боевым товарищам — воинам 24, 1-й и 66-й армий Сталинградского фронта, 16-й воздушной армии и авиации дальнего действия, тем, кто, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь Сталинграду в это тяжкое время.

Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических ударов авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже.

Небезынтересно, что по этому поводу пишет немецкий офицер, находившийся в армии Паулюса: “В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены в ротах оставалось, как правило, по 30—40 солдат”{24}.

В момент затишья по приказу Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали А. И. Еременко и Н. С. Хрущев, А. Е. Голованов и я также находились там. А. И. Еременко сказал, что он хотел бы ознакомиться с обстановкой и обсудить положение в Сталинграде. В. Н. Гордов и К. С. Москаленко познакомили А. И. Еременко со всеми деталями обстановки и своими соображениями.

Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос А. И. Еременко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств.

В конце сентября меня вновь вызвал И. В. Сталин в Москву для более детального обсуждения плана контрнаступления. К этому времени вернулся в Москву и А. М.

Василевский, изучавший условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем явиться в Ставку, мы встретились с Александром Михайловичем, чтобы обменяться впечатлениями.

Во время обсуждения обстановки на участке Сталинградского фронта Верховный спросил меня, что собой представляет генерал Гордов. Я доложил, что Гордов в оперативном отношении подготовленный генерал, но как-то не может поладить со штабом и командным составом.

И. В. Сталин сказал, что в таком случае во главе фронта следует поставить другого командующего. Кандидатом на этот пост я предложил генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, А. М. Василевский поддержал меня. Тут же было решено: Сталинградский фронт переименовать в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский. Командующим Донским фронтом назначить К. К. Рокоссовского, начальником штаба фронта — М. С. Малинина.

Кандидатом на должность командующего во вновь создаваемый Юго-Западный фронт был назван генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. В качестве основного ядра для развертывания штаба Юго-Западного фронта решили взять штаб 1-й гвардейской армии. Командующий этой армией К. С. Москаленко назначался командующим 40-й армией.

После детального обсуждения вопроса по плану контрнаступательной операции Верховный, обращаясь ко мне, сказал:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры, чтобы еще больше измотать и обессилить противника. Посмотрите еще раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта и правого крыла Сталинградского фронта, особенно в районе Серафимовича и Клетской. Товарищу Василевскому с этой же целью следует выехать еще раз на левое крыло Юго-Восточного фронта и там изучить все вопросы, намеченные планом.

После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где еще раз был обсужден план контрнаступления и после этого утвержден.

Карту-план контрнаступления подписали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. “Утверждаю” подписал Верховный.

И. В. Сталин сказал А. М. Василевскому:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо опросить командующих фронтами в отношении их дальнейших действий.

Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду. Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма К. С. Москаленко.

На мои указания активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал с участка Донского фронта силы и средства для штурма Сталинграда, К. К. Рокоссовский сказал, что сил и средств у фронта очень мало и что ничего серьезного мы здесь не добьемся. Конечно, он был прав. Я тоже был такого мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому) удержать город было невозможно.

1 октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолете генерал-лейтенанта А. Е. Голованова, которым он управлял лично. Я с удовольствием сел в кабину к такому опытному летчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолет неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А.Е. Голованов повел машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно.

— Почему посадили машину здесь? — спросил я Голованова.

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чем дело?

— Обледенение.

Во время разговора подрулил мой самолет, который летел вслед за нами, и на нем уже я добрался до Центрального московского аэродрома. Естественно, что полеты в сложных условиях, спешка с вылетами не могли быть всегда удачными.

Хорошо помню еще одну “самолетную” историю, едва не стоившую нам жизни. Это было также во время полета из Сталинграда в Москву. Погода в тот день стояла нелетная, шел дождь. Москва сообщала, что над городом туман, видимость ограниченна. А лететь надо: вызывал Верховный.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио летчику была дана команда из отдела перелетов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал Верховный.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал летчику Е. Смирнову садиться на Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10—15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на Смирнова, он, что называется, не моргнув глазом поднял самолет чуть выше и через 23 минуты повел его на посадку.

— Кажется, мы счастливо вышли из той ситуации, про которую говорят “дело труба”! — сказал я, когда мы приземлились.

— В воздухе все бывает, если летный состав игнорирует погодные условия, — ответил он улыбаясь.

— Моя вина! — сказал я летчику, крепко пожав при этом ему руку.

Е. Смирнов был славный человек и очень опытный летчик. С ним мы налетали более 130 часов.

В октябре в Сталинград по решению Ставки было переправлено через Волгу более шести доукомплектованных дивизий, так как от старого состава 62-й армии, по сути дела, ничего не осталось, кроме тылов и штабов. Несколько был усилен и Донской фронт. Особую заботу Ставка и Генеральный штаб проявляли о вновь создаваемом Юго-Западном фронте.

Ожесточеннейшие сражения в самом городе и в прилегающих районах продолжались. Гитлер требовал от командования группы армий “Б” и от командующего 6-й армией Паулюса в самое ближайшее время взять Сталинград.

Как я уже говорил, для решительного штурма немецкое командование еще в сентябре сняло с обороны флангов немецкие войска и заменило их румынскими, чем резко ослабило боеспособность своей обороны в районах Серафимовича и южнее Сталинграда.

В середине октября противник развернул новое наступление в надежде уже на этот раз обязательно покончить со Сталинградом. Но вновь, как и прежде, он встретил упорную оборону советских войск. Особенно ожесточенно и умело дрались 13-я гвардейская дивизия А. И. Родимцева, 95-я дивизия В. А. Горишного, 37-я гвардейская дивизия В. Г. Жолудева, 112-я дивизия И. Е. Ермолкина, группа С.Ф.Горохова, 138-я дивизия И. И. Людникова, 84-я танковая бригада Д. Н. Белого.

Дни и ночи не прекращались бои на улицах города, в домах, на заводах, на берегу Волги — везде и всюду. Наши части, понеся большие потери, остались на небольших “островках” Сталинграда.

Для помощи сталинградцам 19 октября в наступление перешли войска Донского фронта. Немцы были вынуждены и на этот раз, как это бывало и раньше, снять со штурма города значительную часть авиации, артиллерии и танков и повернуть их против наступающего Донского фронта.

В этот же период 64-я армия нанесла контрудар с юга в районе Купоросное—Зеленая Поляна во фланг наступающим частям противника. Наступление Донского фронта и контрудар 64-й армии облегчили тяжелое положение 62-й армии и сорвали усилия противника, нацеленные на овладение городом. Не будь помощи со стороны Донского фронта и 64-й армии, 62-я армия не смогла бы устоять, и Сталинград, возможно, был бы взят противником.

В начале ноября противник несколько раз пробовал провести в городе операции по ликвидации отдельных очагов обороны, а 11 ноября, когда наши войска заканчивали грандиозную подготовку к контрнаступлению, еще раз пытался наступать, но безрезультатно.

К этому времени враг был измотан до предела. Из опроса пленных было установлено, что части и соединения крайне малочисленны, морально-политическое состояние не только солдат, но и офицеров резко понизилось и мало кто верит, что выйдет живым из этого кромешного ада многомесячных сражений.

За период с июля по ноябрь в сражениях в районе Дона, Волги и Сталинграда противник потерял до 700 тысяч человек, более тысячи танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов, до 1400 самолетов. Общее оперативное положение немецких войск в районе Волги также осложнилось. Выше мы уже говорили, что дивизионных и корпусных резервов у противника не было, на флангах фронта группы армий “Б” были недостаточно боеспособные войска, начавшие понимать свое бесперспективное и тревожное положение.

Советские войска на Дону занимали выгодные позиции, обеспечивавшие исходное положение для контрнаступления Юго-Западного и Донского фронтов. Южнее Сталинграда 51-я армия частным контрударом вышибла противника из озерных дефиле и прочно удерживала в своих руках выгодный рубеж Сарпа—Цаца— Барманцак. Этот район, по рекомендации А. М. Василевского, и был избран как исходный для ноябрьского контрнаступления левого крыла Сталинградского фронта.

Более трех месяцев продолжались ожесточенные сражения за Сталинград.

За величайшей битвой в районе Дона, Волги и Сталинграда с затаенным дыханием следили народы всего мира. Успехи советских войск, их мужественная борьба с врагом вдохновляли все прогрессивное человечество и вселяли уверенность в победе над фашизмом.

Сталинградская битва явилась огромнейшей школой воинского мастерства наших войск. Командование и штабы получили большую практику организации взаимодействия пехоты, танков, артиллерии, авиации. Войска научились вести упорную оборону в городе, сочетая ее с маневром на флангах. Моральное состояние наших войск значительно повысилось, и все это, вместе взятое, подготовило благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

В середине ноября 1942 года оборонительными сражениями в районе Сталинграда и Северного Кавказа заканчивался первый период Великой Отечественной войны, который в жизни Советской страны занимает особое место.

Этот период был крайне тяжелым для советского народа и его вооруженных сил, особенно когда гитлеровские войска, сея смерть и разрушения, подошли к Ленинграду, Москве и заняли Украину. К ноябрю 1942 года вражеские войска оккупировали огромную территорию нашей страны площадью около 1 миллиона 800 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало около 80 миллионов человек.

Многие миллионы советских людей, застигнутые войной, вынуждены были покинуть родные края и свой дом, уходить на восток, чтобы не остаться под вражеской оккупацией. Советские войска в результате сложившейся военной обстановки вынужденно отступали в глубь страны, неся при этом значительные людские и материальные потери.

Однако и в это тяжкое время советский народ и наши вооруженные силы не потеряли веру в возможность разгромить вражеские полчища. Смертельная опасность еще теснее сплотила наш народ вокруг Коммунистической партии, и, несмотря на трудности, к ноябрю 1942 года враг на всех направлениях был окончательно остановлен.

За 16 месяцев вражеские войска на советско-германском фронте, встретив упорное сопротивление советских войск и народа в оккупированных районах, понесли колоссальнейшие потери. К ноябрю 1942 года эти потери достигли более двух с половиной миллионов человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Это были лучшие кадры немецких войск, которые в конце первого периода войны фашистскому командованию заменить уже было нечем.

Какие же выводы можно сделать из нашей вооруженной борьбы с фашистской Германией за первый период войны?

Здесь прежде всего следует ответить на вопрос: могло ли не быть того, что случилось в начале войны, когда советским войскам пришлось пережить горечь серьезных поражений и понести большие потери, а советскому народу, кроме потерь и тяжелых невзгод, пережить кошмарные ужасы вражеской оккупации?

Надо прямо сказать, при тех условиях обороны, в которых враг обрушил свои мощные удары на нашу страну, полностью избежать поражения в начале войны было невозможно. Как известно, победа или поражение, особенно в начале войны, зависят от всесторонней готовности к войне вооруженных сил и страны в целом.

В начале войны, как об этом мною сказано выше, нашим войскам пришлось столкнуться с рядом серьезных обстоятельств, к которым они не были своевременно подготовлены ни организационно, ни технически, ни оперативно-стратегически.

На голову наших войск на всех стратегических направлениях обрушились неожиданной силы удары многочисленной вражеской авиации и бронетанковых войск. В первые же дни немецкое командование ввело в действие 190 хорошо оснащенных дивизий, 3712 танков, более 50 тысяч орудий и минометов, около 5000 самолетов. Численность войск, брошенных на Советский Союз, составляла 5,5 миллиона человек. Легко понять, какие силы, средства и боевую способность войск нужно было нам иметь, чтобы успешно отразить эти удары противника. Необходимо было заранее провести полное отмобилизование войск, их доподготовку, перевезти войска из глубины страны к западным рубежам, сосредоточить и развернуть их согласно имевшимся в Генеральном штабе и округах оперативно-стратегическим планам. Но этого сделано не было, и я уже отметил почему.

Надо сказать, что в общем количестве войск мы не многим уступали противнику, но, как известно, значительная часть наших войск находилась на Дальнем Востоке, в Закавказье и на севере с целью обеспечения государственных границ от возможной агрессии со стороны Японии, Турции и других агрессивных государств. Те же войска, которые дислоцировались в наших западных округах, и те, которые были по решению правительства переброшены из внутренних округов в западные военные округа весной 1941 года, по количеству и по боевому качеству значительно уступали противнику, особенно на тех направлениях, где он наносил главные удары. Здесь количественное и качественное превосходство войск противника было велико — в 5—6 и более раз, особенно в танках, артиллерии и авиации. В общем количестве танков мы несколько превосходили немецкую армию, но большинство наших танков было устаревших конструкций с легким вооружением, к тому же большая их часть требовала капитального и среднего ремонта, который из-за отсутствия запасных частей не был проведен.

Полноценных танков Т-34 и КВ мы имели на всю Красную Армию менее 1500 единиц, часть которых находилась в учебных центрах.

Не имея необходимых средств борьбы с авиацией, танками и моторизованными войсками противника, наши войска, не приведенные в полную боевую готовность, не могли выдержать сокрушительных, заранее подготовленных ударов и в ряде случаев совершали неорганизованные отходы, теряя при этом вооружение и боевую технику.

Это положение усугублялось тем, что наше командование как в тактическом, так и в оперативно-стратегическом плане еще не имело всестороннего опыта ведения боевых действий и войны в целом.

И все же даже в этих условиях, если бы войска приграничных округов были заранее приведены в полную боевую готовность, можно было встретить удары врага более организованно, нанести ему в первые же дни войны более значительные потери, дольше задержать на западных оборонительных рубежах и потерять меньше своих войск.

Все это, вместе взятое, дало бы возможность более организованно вводить в действие подводимые части из внутренних военных округов.

К сожалению, мы не использовали наши возможности в отражении вражеских ударов и глубокого вторжения в пределы страны в начальном периоде войны. Даже в сентябре—октябре 1941 года и летом 1942 года, когда Западный, Резервный, Брянский фронты и фронты юго-западного направления имели заранее организованную оборону, мы все-таки полностью не смогли отразить мощные удары противника.

Совсем иначе пошли наши дела, когда советские войска получили в свои руки достаточное количество современных танков, самолетов, боевую и вспомогательную технику. Энтузиазм воинов подкреплялся надежным оружием, и они дрались более эффективно, со значительными результатами.

В 1941—1942 годах страна, лишившись значительной промышленной и сельскохозяйственной базы в западных северо-западных и южных районах, вынуждена была вести войну крайне ограниченными ресурсами. Мероприятия, принятые в 1940-м и в начале 1941 года, а также созданная на востоке страны вторая угольно-металлургическая база и эвакуированные заводы сыграли решающую роль в разгроме врага, но уже после первого, крайне тяжелого периода войны.

Несмотря на военную опасность, сталинское руководство в предвоенные годы не приняло нужных мер по усиленной подготовке страны и вооруженных сил к большой и сложной войне. Даже сравнительно небольшая война с Финляндией показала нашу слабую боевую готовность. Частично принятые меры по устранению выявленных недостатков в деле обороны в 1940-м и в начале 1941 года были несколько запоздалыми.

Особенно это относится к развертыванию военной промышленности для массового производства боевой техники новейших образцов и боеприпасов к артиллерийским системам последних конструкций. В результате в предвоенные годы войска не получили необходимой новейшей техники, не смогли провести нужные организационные мероприятия и создать запасы для формирования запроектированных стратегических резервов.

Современная боевая техника — весьма сложный комплекс. Она требует много времени для освоения и подготовки кадров, поэтому давать ее войскам нужно не тогда, когда “заговорят пушки”, а задолго до войны.

Надо отдать должное И. В. Сталину: когда началась война, он никого не упрекал в отсутствии у нас необходимого количества новейших танков, самолетов и другой боевой техники, так как знал, что в нерешенности этих вопросов прежде всего виноват он сам и его ближайшее окружение.

Важнейшей частью обороны страны являются людские резервы страны, но они обязательно должны быть хорошо подготовлены к современному военному делу, в противном случае во время боевых действий войска будут нести большие потери, что и получилось у нас в ходе войны.

Советский Союз имел намного большие людские резервы, чем Германия, даже после того как фашистская Германия подчинила себе значительную часть государств Западной Европы. Но наши людские ресурсы не были своевременно полностью подготовлены для полноценного участия в развернувшейся войне. На укомплектование и формирование частей направлялись нередко совсем не обученные люди, и военная промышленность, перешедшая на работу по военному графику, ощущала серьезный недостаток в квалифицированной рабочей силе.

Наши довоенные оперативно-стратегические методы вооруженной борьбы вошли в некоторое противоречие с практикой войны, с реальной действительностью.

Неблагоприятно сложившаяся обстановка вынудила нас отступать и вести оборонительные сражения на широких фронтах, вести боевые действия в условиях окружения, к чему мы практически не были готовы. Всем нам пришлось переучиваться современным способам ведения вооруженной борьбы в сложных условиях.

Наши довоенные принципы оказались безусловно верными тогда, когда советское командование получило в свои руки соответствующие технические средства для осуществления активного способа ведения вооруженной борьбы.

Не интуиция, не абстрактная доктрина, а глубокое практическое знание законов военной стратегии, знание всех факторов, влияющих на исход вооруженной борьбы, в конечном счете решают участь победы или поражения.

Организуя активную стратегическую оборону, советское командование требовало во всех случаях, когда только благоприятствовала обстановка, бить и изматывать враги, учить и закалять войска для дальнейших решительных действий. Стратегическая оборона 1941 и 1942 годов, хотя и с большими потерями, все же выполнила задачу в важнейших и решающих битвах под Москвой, Ленинградом и Сталинградом.

Благодаря огромным усилиям партии и народа советские войска в 1942 году получили в свои руки достаточное количество современных танков, самолетов, боевую и вспомогательную технику. Было выпущено более 21 тысячи боевых самолетов, более 24 тысяч танков, с конца года по решению ГКО было развернуто серийное производство самоходно-артиллерийских установок. Энтузиазм воинов подкреплялся надежным оружием, и они дрались более эффективно, со значительными результатами.

Первый период войны, закончившийся оборонительным сражением за Сталинград, явился большой школой вооруженной борьбы с сильным противником. Советское Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб, командование и штабы войск уже приобрели значительный опыт в организации и ведении активных оборонительных сражений и контрнаступательных операций.

В ходе ожесточеннейших сражений первого периода войны, проходивших за это время, с особой силой проявились массовый героизм советских воинов и мужество их военачальников, воспитанных нашей ленинской партией. Особенно положительную роль сыграл личный пример коммунистов и комсомольцев, которые, когда было необходимо, шли на самопожертвование ради победы над врагом. Яркой страницей в летопись истории первого периода войны вошла героическая борьба защитников Брестской крепости, Ленинграда, Москвы, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Лиепаи, Киева и Кавказа.

В первом периоде войны зародилась советская гвардия.

За массовый героизм личного состава и достигнутые успехи в боях за 1941—1942 годы гвардейское звание было присвоено 798 объединениям, соединениям, отдельным частям и боевым кораблям Советских Вооруженных Сил.

До предела напряженная вооруженная борьба с противником вызвала большой расход боевой техники, вооружения и материальных средств. Несмотря на утрату значительной части важнейших экономических районов, фабрик и заводов, наш народ своим самоотверженным трудом стремился обеспечить советские войска необходимыми средствами для ведения войны. К концу 1942 года страна была превращена в военный лагерь. Советские люди считали своим долгом сделать все возможное для победы над врагом.

Героическую работу провели труженики органов тыла Красной Армии. За полтора года войны общий объем воинских перевозок по железным дорогам составил 6 миллионов 350 тысяч вагонов. В войска было доставлено более 113 тысяч вагонов боеприпасов, около 60 тысяч вагонов вооружения и технического имущества, более 210 тысяч вагонов горюче-смазочных материалов. Автотранспортные части только в 1942 году перевезли 2 миллиона 700 тысяч человек, 12,3 миллиона тонн грузов, 1923 танка и 3674 орудия. Военно-транспортная авиация доставила более 532 тысяч человек, в том числе 158 тысяч раненых.

Проведенная в начале войны реорганизация тыла Красной Армии целиком себя оправдала. Правильный подбор руководящих работников центральных и войсковых органов тыла, политработников и руководителей партийных органов обеспечил тесную деловую связь с народным хозяйством страны и эффективное использование всех громаднейших ресурсов, которые направлялись в действующие войска фронтов.

Что же представлял собой с качественной стороны враг, с которым советские войска сражались в первом периоде войны?

На этот вопрос нужно дать абсолютно правдивый ответ, с тем чтобы наше молодое поколение знало, какую тяжелую борьбу выдержал советский народ, отстаивая свою Родину. Читая некоторые мемуары и художественные произведения, не всегда можно

правильно понять, насколько был опытен и силен враг, с которым советским воинам пришлось драться.

Прежде всего об основной массе немецких войск — солдатах и офицерах.

Опьяненные легкими победами над армиями стран Западной Европы, отравленные геббельсовской пропагандой, твердо верящие в возможность легкой победы над Красной Армией и в свое превосходство над всеми другими народами, немецкие войска вторглись в пределы нашей Родины с надеждой на легкую победу. Особенно воинственно были настроены молодые солдаты и офицеры, состоявшие в фашистских организациях, личный состав бронетанковых войск и авиации. Мне приходилось в первые месяцы войны допрашивать пленных и, должен сказать, чувствовалось, что они верили всем авантюристическим посулам Гитлера.

Что касается боеспособности немецких солдат и офицеров в нервом периоде войны, их специальной выучки и боевого воспитания, то надо сказать, что они, безусловно, были на высоком уровне во всех родах войск, особенно в танковых войсках и авиации.

В боях и полевой службе немецкий солдат знал свое дело, был упорен, самоуверен и дисциплинирован.

Конечно, после разгрома фашистских войск в районе Сталинграда солдаты и офицеры противника потеряли веру в обещанную победу, заметно пали духом и уже не могли состязаться с советскими воинами в боевой доблести. Но в целом советскому солдату пришлось иметь дело с опытным и сильным врагом, у которого вырвать победу было не так-то просто.

Штабы немецких частей, соединений и армий были обучены современным способам организации боя, сражения и операций. Управление войсками в процессе боевых действий осуществлялось главным образом при помощи радиосредств, которыми командно-штабные инстанции вермахта были достаточно обеспечены. В ходе сражений они настойчиво добивались от войск выполнения поставленных задач. При этом умели организовать взаимодействие с боевой авиацией, которая часто бомбовыми ударами прокладывала путь сухопутным войскам.

О высших штабах немецких вооруженных сил в начальном периоде войны у меня сложилось довольно высокое мнение. Видно было, что они достаточно разумно спланировали и организовали свои удары на всех стратегических направлениях. Умело подобрали опытных командиров соединений и командующих армиями, правильно определили направления, силу и состав войск для своих ударов, нацелив их на наиболее слабые участки нашей обороны. Несмотря на все это, военно-политическая стратегия Гитлера и генерального штаба германских войск оказалась глубоко ошибочной и недальновидной. В политических и стратегических расчетах противником были допущены грубейшие просчеты. Сил, которыми располагала Германия (даже с учетом резервов ее сателлитов), уже в 1941 году не хватило для завершения основных задач на главнейших направлениях.

Противник, понеся громаднейшие потери в Смоленском сражении, вынужден был прекратить наступление на Москву и перейти здесь к временной обороне. При этом он

перенацелил значительную часть сил группы армий “Центр” на помощь войскам группы армий “Юг”, действовавших против наших войск Центрального и Юго-Западного фронтов.

Не сумев захватить Ленинград, главное командование немецких войск вынуждено было снять оттуда авиацию и бронетанковые войска и перегруппировать их на московское направление для усиления группы армий “Центр”. В октябре — ноябре немецкие войска перенесли основные усилия на центральное направление, но и здесь в связи с возросшим сопротивлением советских войск на подступах к Москве у них не хватило сил для завершения операции “Тайфун”.

Такой же грубый стратегический просчет был допущен и при планировании летней кампании 1942 года.

В основе всех этих просчетов лежала явная недооценка силы и могущества советского народа и социалистического строя.

Планируя вторжение в Советский Союз, Гитлер и его окружение рассчитывали все свои силы и средства бросить только против СССР. Это была ставка азартного игрока. Несмотря на предательство правительства Петена, трудовой народ Франции не склонил головы перед фашистскими оккупантами. Не склонили головы и свободолюбивые народы Югославии, Польши, Чехословакии, Албании и ряда других стран. Гитлеровцам пришлось иметь дело с массовым движением Сопротивления. К тому же и Англия не прекратила борьбу, хотя и вела ее не в полную силу своих возможностей. В этих условиях фашистская Германия оказалась перед лицом мощной антифашистской коалиции.

Не предполагали гитлеровцы, что советский народ, сплотившийся вокруг партии, найдет в себе силы и в короткий срок перестроит экономику страны, быстро организует массовое производство танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов и всего того, что необходимо было советским вооруженным силам для создания превосходства над противником, для коренного перелома в ходе войны, начала изгнания немецко-фашистских войск с территории нашей Родины и создания условий для окончательного разгрома фашистской Германии.

В суровых условиях наши войска закалялись, мужали, набирались опыта борьбы и, получив в свои руки необходимые средства, из отступающей, обороняющейся стороны превратились в мощную наступающую силу.

Большая организаторская и вдохновляющая работа нашей ленинской партии дала блестящие результаты как в области военного строительства, так и в деле мобилизации советского народа на создание материально-технической базы, обеспечившей вооруженную борьбу Красной Армии с немецко-фашистскими войсками.

Итак, первый период Великой Отечественной войны закончился провалом стратегических планов гитлеровского командования и значительным истощением сил и средств Германии. Этот главный итог борьбы с немецко-фашистскими войсками в значительной степени предопределил дальнейший ход Второй мировой

Глава шестнадцатая. **Стратегическое поражение противника в районе Сталинграда**

В октябре 1942 года стало ясно, что немецкое командование вынуждено будет перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте Гитлеровские войска понесли колоссальные потери и к тому времени окончательно утратили наступательные возможности По существу это означало вторичный срыв всех планов войны вермахта против Советского Союза

Фашистская пропаганда развернула кампанию за “более тщательную и своевременную подготовку ко второй русской зиме” От своих войск немецкое командование требовало подготовить несокрушимую активную оборону, чтобы создать в 1943 году условия для победного окончания войны Чем же определялась сложность положения для верховного главнокомандования немецких вооруженных сил в тот период?

С одной стороны, незавершенность стратегических целей, как и в 1941 году, чрезмерная растянутость войск от Черного моря через Северный Кавказ, Сталинград, Дон и до Баренцева моря, отсутствие свободных стратегических резервов на фронте и в тылу страны, тяжелое морально-политическое состояние в немецких войсках. С другой стороны, все явственнее проявлялась возрастающая мощь Советского государства, успешное преодоление им экономических и военных трудностей

К началу ноября 1942 года немцы имели на советско-германском фронте 266 дивизий, в составе которых насчитывалось 6,2 миллиона человек, около 51,7 тысячи орудий и минометов, 5080 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолетов и 194 боевых корабля{25}

К этому же сроку в действующих войсках Советского Союза находилось около 6,6 миллиона человек, 77,8 тысячи орудий и минометов 7350 танков 4544 боевых самолета{26}. В стратегическом резерве Ставки к этому периоду накопилось 27 стрелковых дивизий, 5 отдельных танковых и механизированных корпусов, 6 отдельных стрелковых бригад.

Таким образом, к завершению первого периода войны соотношение сил начало изменяться в пользу Советского Союза.

Наше превосходство над немцами ощущалось и в том, что Советские Вооруженные Силы научились сохранять в глубокой тайне свои намерения, производить в широких масштабах дезинформацию и вводить противника в заблуждение. Скрытные перегруппировки и сосредоточения войск позволяли осуществлять внезапные удары по врагу.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны, в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии в этих районах провести крупное наступление.

В оперативном приказе главного командования немецко-фашистских сухопутных войск от 14 октября 1942 года говорилось:

“Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму”.

Но это было далеко не так.

Активные действия наших войск летом и осенью 1942 года на западном направлении против немецкой группы армий “Центр”, по расчетам Ставки, должны были дезориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь, а не где-либо в другом месте мы готовим зимнюю операцию. Поэтому в октябре гитлеровское командование начало большое сосредоточение своих войск против наших западных фронтов. В район Великих Лук из-под Ленинграда были переброшены танковая, моторизованная и пехотная дивизии. В район Витебска и Смоленска направлялось семь дивизий из Франции и Германии. В район Ярцева и Рославля — две танковые дивизии из-под Воронежа и Жиздры. Итого к началу ноября для усиления группы армий “Центр” было переброшено двенадцать дивизий, не считая других средств.

Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, которая не сумела вскрыть подготовку нами крупнейшего контрнаступления в районе Сталинграда, где участвовали 10 общевойсковых, одна танковая и четыре воздушные армии, ряд отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, бригад и отдельных частей, 15,5 тысячи орудий и минометов, 1463 танка и самоходно-артиллерийские установки, 1350 боевых самолетов.

После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецко-фашистскими вооруженными силами Йодль признал, что они не смогли раскрыть сосредоточение советских войск против левого фланга армии Паулюса.

“Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение”.

К началу контрнаступления наших войск противник на юге страны занимал следующее оперативно-стратегическое положение.

В районе Среднего Дона, Сталинграда и южнее по Сарпинским озерам действовали основные силы группы армий “Б”, а именно: войска 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий, 6-й и 4-й танковой немецких армий. В среднем на дивизию приходилось до 15—20 километров.

В этой группировке насчитывалось более миллиона человек, 675 танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов. Количественное соотношение сил сторон было почти равным, за исключением небольшого нашего превосходства в танках.

Группу армий “Б” поддерживали 4-й воздушный флот и 8-й авиакорпус.

Советское Верховное Главнокомандование, разрабатывая план разгрома группы армий “Б”, исходило из того, что разгром противника в районе Сталинграда поставит в тяжелое положение противника и на Северном Кавказе и заставит его поспешно отступать или драться в условиях окружения.

Одно время в печати и различных высказываниях появилась некоторая неясность, кто же все-таки является автором плана такого значительного по своим масштабам, эффекту и результатам контрнаступления?

При жизни И. В. Сталина версия была одна; все приписывалось его гению. После смерти И. В. Сталина претендентов на авторство появилось больше, чем следует. Хотя этот вопрос теперь, возможно, и не имеет особого значения и в предыдущем разделе уже изложены данные о работе над планом, все же внесу здесь некоторые дополнения.

Имеется предположение о том, что первые наметки будущей наступательной операции разрабатывались в Ставке якобы еще в августе 1942 года, притом первоначальный вариант плана носил ограниченный характер.

Но это были не наметки будущей контрнаступательной операции, а всего лишь план контрудара с целью задержать противника на подступах к Сталинграду. О большем тогда в Ставке никто и не думал, так как на большее у нас в то время не было ни сил, ни средств.

Имели место также высказывания, что 6 октября 1942 года Военный совет Сталинградского фронта в лице генерал-полковника А. И. Еременко и члена Военного совета Н. С. Хрущева направил в Ставку свои предложения по организации и проведению контрнаступления по собственной инициативе.

На это дает ответ А. М. Василевский:

“С рассветом 6 октября мы вместе с Н. Н. Вороновым и В. Д. Ивановым... отправились на НП 51-й армии... Здесь мы заслушали доклад командарма Н. И. Труфанова. В тот же вечер на КП фронта, встретившись с командующим войсками и членом Военного совета, мы еще раз обсудили предложенный Ставкой план предстоящего контрнаступления и, так как никаких принципиальных возражений у командования фронта план не вызывал, подготовили в ночь на 7 октября на имя Верховного Главнокомандующего соответствующее донесение.

7 октября я от имени Ставки дал указание командующему Донским фронтом о подготовке аналогичных соображений относительно своего фронта”{27}.

Думаю, что-либо добавлять к тому, что сказал Александр Михайлович, не требуется. Данные, изложенные им, убеждают, что главная роль в планировании контрнаступления принадлежит Ставке и Генеральному штабу.

В исторических разработках также упоминается о том, что несколько позже командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин тоже направил план контрнаступления. Возникают вопросы: когда позже, какой план, план фронта или общий план контрнаступления?

Как известно, Юго-Западный фронт был образован только в конце октября, в период, когда средства и силы фронта уже заканчивали свое сосредоточение согласно плану контрнаступления и общий план Ставки уже был сверстан и утвержден.

О чем здесь необходимо сказать, так это о том, что каждый командующий фронтом, разрабатывая план действий вверенного ему фронта, согласно существующей практике и порядку, докладывал его на утверждение Ставки в Москве или ее представителям на

месте и при этом, естественно, излагал свои соображения о взаимодействии с соседями и просьбы к Ставке.

Чтобы разработать такую крупнейшую стратегическую операцию, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, нужно было основываться не только на оперативных выводах, но и на определенных материально-технических расчетах.

Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба? Конечно, только тот орган, который держал в руках эти материальные силы и средства. В данном случае это могли быть только Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб.

Вполне естественно, что Ставка и Генштаб в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие от фронтов и войск, анализировали их и делали выводы о характере действий противника и своих войск. Они изучали соображения штабов, командующих фронтами, видами вооруженных сил и родами войск и, анализируя все эти данные, принимали то или иное решение.

Следовательно, план проведения операции стратегического масштаба мог возникнуть в полном объеме только в результате длительных усилий войск, штабов и командования всех степеней.

Еще раз повторяю: основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу.

Точно так же неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, командирах, генералах, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение. Следовательно, не о персональных претендентах на “авторство” идеи контрнаступления должна идти речь.

Не считаю целесообразным здесь излагать в деталях весь план контрнаступления и ход операций, так как об этом много и в основном правильно написано в нашей военно-исторической литературе. Исключение, на мой взгляд, составляют работы А. И. Еременко, который необъективно изложил роль фронтов в контрнаступлении. В связи с чем считаю себя обязанным кратко осветить и эту сторону дела.

Главную роль на первом этапе контрнаступления выполнял Юго-Западный фронт, командующим которым был генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Юго-Западный фронт, нанося мощные и глубокие удары, действовал с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. Сталинградский фронт наступал

из района Сарпинских озер. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться в районе Калач (Калач-на-Дону) — хутор Советский и тем самым завершить окружение основных сил противника под Сталинградом.

Юго-Западный фронт, развернув свою главную группировку в составе 21, 5-й танковой армий, части сил 1-й гвардейской армии и других мощных средств прорыва с плацдармов юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской, должен был прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Большенабатовская—Калач. В результате этого удара войска фронта должны были выйти в тыл сталинградской группировке и отрезать ей все пути отхода на запад.

Обеспечение наступления ударной группировки фронта с юго-запада и запада и образование внешнего фронта окружения на этом направлении возлагались на правофланговую армию Юго-Западного фронта, 1-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, в последующем на основные силы 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Эти войска, развивая наступление на запад, юго-запад и юг, должны были на третий день операции выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по реке Чир до Обливской.

Действия наземных войск Юго-Западного фронта поддерживались авиацией 2-й и 17-й воздушных армий, которыми командовали генерал-майор авиации К. Н. Смирнов и генерал-майор авиации С. А. Красовский.

Донской фронт, командующий генерал К. К. Рокоссовский, должен был нанести два вспомогательных удара. Один одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда.

66-я армия своими активными действиями севернее Сталинграда должна была прочно сковать противника и лишить его возможности маневрировать резервами. Действия наземных войск Донского фронта поддерживались 16-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации С. И. Руденко.

Сталинградский фронт, командующий генерал А. И. Еременко, своей ударной группировкой, в которую входили 51, 57-я и 64-я армии, должен был перейти в наступление на участке от Ивановки до северной оконечности озера Барманцак. Этой группировке ставилась задача прорвать оборону противника и, развивая удар в северо-западном направлении, выйти в район Калач—хутор Советский, где и соединиться с войсками Юго-Западного фронта, завершив окружение врага в районе Сталинграда.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова прорывала оборону противника с плацдармов на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак и основными силами развивала наступление на северо-запад в общем направлении на Абганерово.

57-я армия генерала Ф. И. Толбухина и 64-я армия генерала М. С. Шумилова переходили в наступление из района Ивановки в западном и северо-западном направлениях с целью охвата вражеской группировки с юга.

62-я армия генерала В. И. Чуйкова, находившаяся в Сталинграде, должна была активной обороной сковать войска противника, действовавшие непосредственно в городе, и быть в готовности к переходу в наступление.

Для обеспечения наступления войск ударной группировки Сталинградского фронта с юго-запада и создания внешнего фронта окружения на этом направлении использовалась 51-я армия (в том числе и 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина), которая должна была наступать на юго-запад в общем направлении на Абганерово, Котельниково (Котельниковский). Войска Сталинградского фронта поддерживались 8-й воздушной армией под командованием генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина.

При подготовке контрнаступления предстояло провести колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной Армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции.

На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 20 ноября через Волгу было переправлено свыше 111 тысяч человек, 427 танков, 556 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов.

Конец октября и начало ноября мне, А. М. Василевскому и другим представителям Ставки пришлось основательно поработать в войсках, чтобы помочь командованию, штабам и войскам полностью освоить план контрнаступления и способы его выполнения. Итоговые совещания в штабах фронтов, армий и войск показали, что эта сложная и трудоемкая работа была проведена командно-политическим составом с чувством большой ответственности и творческой инициативы.

С 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта, а затем во всех деталях были рассмотрены и увязаны планы действий 21-й армии и 5-й танковой армии.

При проработке плана действий в штабе Юго-Западного фронта, кроме меня, присутствовали и другие представители Ставки: по вопросам артиллерии — генерал Н. Н. Воронов, авиации — генералы А. А. Новиков и А. Е. Голованов, по бронетанковым войскам — генерал Я. Н. Федоренко, которые помогли глубже отработать вопросы применения и взаимодействия важнейших родов войск.

4 ноября в штабе 21-й армии состоялось рассмотрение хода подготовки к наступлению 21-й и 65-й армий. На это совещание было приглашено командование Донского фронта и 65-й армии. А. М. Василевский в эти дни работал в войсках Сталинградского фронта, проверяя ход подготовки 51, 57-й и 64-й армий. Мы с ним условились, что я прибуду туда же.

Работая в войсках, мы детально изучали сведения о противнике, характере его обороны, расположении основных сил и общей системы огня, наличии и месте противотанковых средств и противотанковых опорных пунктов.

Определялся способ и план артиллерийской подготовки, ее плотность, вероятность уничтожения и подавления обороны противника, а также способ сопровождения артиллерией боевых порядков при наступлении. Увязывался план взаимодействия авиации и артиллерии и распределялись цели между ними, план и способ взаимодействия с танковыми войсками при прорыве и после ввода их в прорыв. Уточнялось взаимодействие на флангах с соседями, особенно во время ввода в прорыв подвижных войск, и их действия в оперативной глубине обороны противника. Тут же давались практические указания: что нужно дополнительно узнать о противнике, что нужно еще спланировать, какую работу провести непосредственно на местности и с войсками.

Главное внимание всего командно-политического состава было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный.

При отработке задач в корпусах, дивизиях и частях мы добивались от командного состава глубокого изучения и осмысления поставленных задач и способов взаимодействия со средствами усиления и соседями, особенно в глубине обороны противника.

Для всех категорий командно-политического состава эта работа была трудной, и она потребовала напряжения всех сил и способностей, но все это хорошо окупилось в ходе сражений.

Большую партийно-политическую работу в войсках развернули политорганы, партийные и комсомольские организации. Эта важная деятельность умело направлялась Военным советом фронта и его политическим управлением, которое возглавлял генерал М. В. Рудаков.

Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме Военного совета фронта, были: М. М. Попов. М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапкин и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий, с тем чтобы еще раз осмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта.

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействие частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции.

После этого были рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов.

Вечером 11 ноября я сообщил Верховному по “Бодо”.

“В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по “Урану”. Проверка показала: лучше идет подготовка к “Урану” у Толбухина...

Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма.

Попов работает неплохо и дело свое знает.

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для “Урана” очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.

Константинов{28}.

11.11.1942 г. №4657”.

Надо сказать, что Верховный обычно уделял должное внимание авиационному обеспечению операций. Получив мое сообщение о неудовлетворительной подготовке авиационного обеспечения предстоящего контрнаступления. Верховный прислал мне нижеследующую телеграмму:

“Товарищу Константинову

Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое— сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе— пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье— преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение.

Васильев{29}.

12.11.42. 4 часа. № 170686”.

Завершив отработку планов войск Сталинградского фронта 12 ноября, мы с А. М. Василевским позвонили И. В. Сталину и сказали, что нам нужно лично доложить ему ряд соображений, связанных с предстоящей операцией.

13 ноября утром мы были у И. В. Сталина. Он был в хорошем расположении духа и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом, о ходе подготовки контрнаступления.

Основные положения нашего доклада сводились к следующему.

Касаясь соотношения сил как в качественном, так и в количественном отношении, мы указали, что на участках наших главных ударов (Юго-Западный и Сталинградский фронты) по-прежнему обороняются в основном румынские войска. По данным пленных, общая их боеспособность невысокая. В количественном отношении на этих направлениях мы будем иметь значительное превосходство, если к моменту перехода в наступление немецкое командование не перегруппирует сюда свои резервы. Но пока никаких перегруппировок наша разведка не обнаружила. 6-я армия Паулюса и основные силы 4-й танковой армии находятся в районе Сталинграда, где они скованы войсками Сталинградского и Донского фронтов.

Наши части, как и предусмотрено планом, сосредоточиваются в назначенных районах, и, судя по всему, разведка противника их перегруппировки не обнаружила. Нами приняты меры к еще большей скрытности передвижений сил и средств.

Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район хутора Советский—Калач. В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября.

Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными.

Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16—17 ноября материальные средства будут доставлены войскам.

Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом стоят более сложные задачи. Он находится на большем удалении от района Калач—хутор Советский, и ему предстоит форсировать Дон.

Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утвержден.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжелое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы, в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо, — сказал И. В. Сталин. Но кто из вас возьмется за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счет, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Согласившись с нашим предложением. Верховный сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции.

14 ноября я вновь был в войсках Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский — у А. И. Еременко. На следующий день я получил от И. В. Сталина нижеследующую телеграмму:

“Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова{30} можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

13 часов 10 минут 15.11.42 г.**”.**

Переговорив с А. М. Василевским, мы назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта 20 ноября. Верховный утвердил наше решение.

17 ноября я был вызван в Ставку для разработки операции войск Калининского и Западного фронтов.

19 ноября в 7 часов 30 минут войска Юго-Западного фронта мощным ударом прорвали оборону 3-й румынской армии одновременно на двух участках: 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия под командованием генерал-майора И. М. Чистякова с плацдарма у Клетской.

Румыны не выдержали удара и начали в панике отступать или сдаваться в плен. Немецкие части, стоявшие сзади румынских войск, сильной контратакой пытались остановить продвижение наших войск, но были смяты введенными в бой 1-ми 26-м танковыми корпусами. Тактический прорыв на участке Юго-Западного фронта был завершен.

Командарм П. Л. Романенко был в своей стихии. Надо сказать, что это был отважный человек и способнейший командир. По своему характеру он как нельзя лучше подходил именно к такого рода стремительным действиям.

Против 21-й армии генерала И.М.Чистякова противник бросил свои резервы, в том числе части 14-й немецкой танковой дивизии, 22-я немецкая, а также 1-я танковая и 7-я кавалерийская румынские дивизии развернулись против нашей 5-й танковой армии, в первую очередь против ее 1-го танкового корпуса, которым командовал генерал-майор В. В. Бутков.

26-й танковый корпус под командованием генерал-майора А. Г. Родина нанес тяжелое поражение 1-й танковой дивизии и разгромил штаб 5-го румынского армейского корпуса. Часть личного состава в панике бежала, а большая часть сдалась в плен.

С выходом наших войск на оперативные просторы основные силы 3-й румынской армии, оборонявшиеся против Юго-Западного фронта, и немецкие резервные части, брошенные на ее спасение, были полностью разгромлены и фактически перестали существовать.

26-й танковый корпус А. Г. Родина и 4-й танковый корпус А. Г. Кравченко стремительно продвигались в район Калача на соединение с 4-м мехкорпусом Сталинградского фронта. Левее 21-й армии наступала 65-я армия Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова. но она не сумела прорвать оборону противника.

В ночь на 23 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса, возглавляемый подполковником Г. Н. Филипповым, смелым налетом захватил мост через Дон.

Немецкая охрана моста, ничего не подозревая, спокойно ждала своей смены. В это время на мост ворвались передовые части отряда Г. Н. Филиппова. Гитлеровцы приняли их за свою учебную часть, оснащенную русскими трофейными танками. Пока разобрались — было уже поздно. Короткая схватка — и мост в наших руках. Враг несколько раз пытался сбить с моста отряд Г. Н. Филиппова, но это ему не удалось.

Удерживая мост, Г. Н. Филиппов решил захватить Калач отрядом танков подполковника Н. М. Филиппенко. До Калача оставалось два километра. Подполковник Н. М. Филиппенко, несмотря на малое количество сил в его отряде, принял решение атаковать город с ходу. Бой за Калач продолжался всю ночь. Немцы упорно сопротивлялись, но вскоре подошли передовые части главных сил корпуса, и город был взят.

В этих боях пали смертью храбрых коммунист москвич Григорий Гурьев, предельно смелые разведчики Александр Иванов, Григорий Давидьян и другие товарищи. За этот героический подвиг подполковнику Г. Н. Филиппову и подполковнику Н. М. Филиппенко было присвоено звание Героя Советского Союза, а личный состав отряда награжден орденами и медалями Советского Союза.

24 ноября 21-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, разгромив окруженные группировки румынских войск, взяли в плен более 30 тысяч солдат, офицеров, генералов и громаднейшее количество боевой техники.

Вот записи из дневника румынского офицера, начальника метеослужбы артиллерийской бригады 6-й дивизии, характерные для тех дней:

19 ноября.

Русские открыли ураганный огонь по левому флангу 5-й дивизии. Такого огня я еще не видел... от артиллерийской канонады сотрясалась земля и сыпались стекла... На высоте 163 показались вражеские танки и держат путь на Распопинскую. Вскоре сообщили, что танки прошли на полном ходу через позиции и ворвались в село... Наши пушки не причинили им никакого вреда... **У** этих тяжелых, 52-тонных танков, идущих с максимальной скоростью, очень толстая броня, и наши снаряды ее не пробивают...

20 ноября.

С утра на участке 13-й дивизии “Прут” противник начал сильную артиллерийскую подготовку... 13-я дивизия была полностью разгромлена. Танки прошли в Громки, в станицу Евстратовскую и направились далеко в наш тыл, в Перелазовский. Командование 5-го корпуса стояло в Перелазовском. Его предупредили о создавшемся положении. Никакой связи с высшим командованием у нас нет. 6-я дивизия каким-то чудом получила

приказ: “Любой ценой держаться до последнего солдата”. Сейчас мы окружены войсками противника. В мешке находятся 5, 6, 15-я и остатки 13-й дивизии.

21 ноября.

С утра наше положение остается тяжелым. Мы окружены... В Головском большое замешательство... Сейчас 10 час. 05 мин. Мы не знаем, что делать. Сюда собрались офицеры 13-й и 15-й дивизий, потерявшие свои части.

Вот какое положение!

Печально, но это истина.

Мои друзья просматривают фотографии своих близких, жен, детей. Я тоже с болью в душе вспоминаю свою мать, брата, сестер и родственников. Мы одеваемся во все, что есть у нас лучшего, и даже надеваем по две пары белья и думаем, что конец может быть очень трагичным... Очень много разговоров и споров в связи с создавшимся положением... Все же мы не теряем надежды... мы думаем, что немецкие войска придут к нам на помощь.

Сейчас 13 час. 30 мин. Командование всеми дивизиями взял на себя генерал Мазарини командир 5-й дивизии... Кольцо вокруг наших частей начинает сжиматься. Сегодня большой религиозный праздник. Чем согрешили мы или наши предки? Почему мы должны терпеть такие страдания? Мы, три офицера, обсуждаем здесь наше положение и приходим к выводу, что избежать катастрофы у нас нет никаких шансов. Неприятные вести из Осиновки начинают подтверждаться. Пришла группа офицеров 5-го тяжелого артиллерийского полка, спасшаяся бегством.

Поздно вечером командиры дивизий и полков снова собрались, чтобы принять окончательное решение.

Обсуждаются два варианта:

1) Прорваться.

2) Капитулировать.

После длительного обсуждения остановились на втором варианте — капитулировать.

Пришло известие: от русских идет парламентер с предложением капитулировать...”

На этом запись оборвалась. Но мы и без нее знаем: вся эта группа румынских войск капитулировала.

Верховный, будучи серьезно обеспокоен действиями правого крыла Донского фронта, в конце дня 23 ноября послал нижеследующее указание командующему Донским фронтом **К. К.** Рокоссовскому:

“Товарищу Донцову.

Копия: товарищу Михайлову{31}.

По докладу Михайлова 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

И. Сталин

23.11.42 г. 19 часов 40 минут".

В результате успешного наступления 21-й армии под командованием генерал-майора И. М. Чистякова и принятых командованием Донского фронта мер положение с 65-й армией выправилось. Она начала более энергичное продвижение вперед.

24-я армия Донского фронта начала наступление тремя днями позже, нанося удар вдоль левого берега Дона. Ввиду общей ее слабости особого успеха армия не имела.

51, 57, 64-я армии Сталинградского фронта начали действия 20 ноября — на сутки позже, чем войска Юго-Западного и Донского фронтов.

51-я армия под командованием генерал-майора Н. И. Труфанова начала наступление в общем направлении на Плодовитое и далее на Абганерово.

57-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин, наступала в общем направлении на Калач.

64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова из района Ивановки своей левофланговой группировкой нанесла удар в общем направлении на Гавриловку, Варваровку, содействуя правофланговой группировке 57-й армии.

После успешного прорыва обороны и разгрома 1, 2, 18-й и 20-й румынских дивизий и 29-й немецкой моторизованной дивизии на участке 51-й армии был введен в прорыв на Плодовитое 4-й механизированный корпус генерала В. Т. Вольского, а в полосе действия 57-й армии — 13-й танковый корпус под командованием генерал-майора Т. И. Танасчишина. Тогда же начал действовать 4-й кавалерийский корпус генерала Т. Т. Шапкина, который в тот же день захватил станцию Абганерово.

Противник, пытаясь преградить путь 57-й армии на Калач, бросил туда из-под Сталинграда 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Но их действия были запоздалыми, к тому же они не имели той силы, которая могла бы выдержать мощные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, вышедших своими танковыми частями в 16 часов 23 ноября в район хутора Советского, где 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса под командованием подполковника П. К. Жидкова первой встретилась с 36-й

механизированной бригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го механизированного корпуса.

Переправившись через Дон, 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Г. Кравченко и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта В. Т. Вольского встретились в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки противника в междуречье Дона и Волги.

После этого 64, 57, 21, 65, 24, 66-я армии получили возможность развивать наступление в общем направлении на Сталинград, сжимая клещами внутреннее кольцо окружения противника.

1-я гвардейская армия, 5-я танковая армия Юго-Западного фронта и 51-я армия Сталинградского фронта, усиленные танковыми соединениями, преследуя отходящего противника, получили задачу отбросить на запад разбитые части противника подальше от окруженной сталинградской группировки и создать прочный внешний фронт, необходимый для успешной ликвидации окруженного врага.

На этом первый этап контрнаступления закончился.

К первым числам декабря кольцо окружения противника было сжато крепко, и войска приступили к следующему этапу, задачей которого являлась ликвидация окруженной группировки.

Все это время я хорошо был информирован А. М. Василевским и Генеральным штабом о ходе контрнаступления. После окружения 6-й армии и соединений 4-й танковой армии немецких войск наступил самый ответственный момент — не дать вражеским войскам вырваться из окружения.

28 ноября я находился в штабе Калининского фронта, где обсуждал с командованием предстоящую наступательную операцию.

Поздно вечером мне позвонил Верховный и спросил, знаком ли я с последними данными об обстановке в районе Сталинграда. Я ответил утвердительно. Тогда Верховный Главнокомандующий приказал подумать и доложить ему соображения по ликвидации немецких войск, окруженных под Сталинградом.

Утром 29 ноября мною была послана Верховному телеграмма следующего содержания:

“Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская—Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград—Вертячий—Мариновка—Карповка—совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская—Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка—Ляпичев—Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, по линии Цыбенко—Зеты—Гниловская—Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижне-чирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить нижне-чирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская—Тормосин—Котельниково. В районе Нижне-Чирская—Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно ...в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков.

№ 02. 29.11. 42 г.”.

После доклада Верховному я разговаривал по ВЧ с А. М. Василевским. Он согласился с моими соображениями. Одновременно мы обменялись мнениями и относительно предстоящих действий войск Юго-Западного фронта. Александр Михайлович согласился временно отказаться от операции “Большой Сатурн” и направить удар Юго-Западного фронта во фланг тормосинской группировки противника. Генеральный штаб был того же мнения.

Юго-Западный фронт получил задачу под условным названием “Малый Сатурн”: нанести удар силами 1-й и 3-й гвардейских армий и 5-й танковой армией в общем направлении на Морозовск, с тем чтобы разгромить в том районе группировку противника. Удар Юго-Западного фронта был поддержан 6-й армией Воронежского фронта, которая наступала в общем направлении на Кантемировку.

Гитлеровское командование испытывало острую нужду в резервах, чтобы с их помощью выправить катастрофическое положение своих войск на сталинградском и кавказском направлениях. Чтобы не допустить переброску войск из группы армий “Центр”, как я говорил, Ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших ржевский выступ. В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены.

8 декабря 1942 года фронтам была дана директива:

“Совместными усилиями Калининского и Западного фронтов к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районе Ржев—Сычевка—Оленино—Белый и прочно закрепиться на фронте Ярыгино—Сычевка—Андреевское—Ленино—Новое Ажево—Дентялево—Свиты.

Западному фронту при проведении операции руководствоваться следующим:

а) в течение 10—11.XII прорвать оборону противника на участке Большое Кропотово—Ярыгино и не позже 15.XII овладеть Сычевкой, 20.XII вывести в район Андреевское не менее двух стрелковых дивизий для организации замыкания совместно с 41-й армией Калининского фронта окруженного противника;

б) после прорыва обороны противника и выхода главной группировки на линию железной дороги подвижную группу фронта и не менее четырех стрелковых дивизий повернуть на север для удара в тыл ржевско-чертолинской группировки противника:

в) 30-й армии прорвать оборону на участке Кошкино, стык дорог северо-восточнее Бургово и не позже 15.XII выйти на железную дорогу в районе Чертолино: с выходом на железную дорогу установить боевое взаимодействие с подвижной группой фронта и ударом вдоль железной дороги наступать на Ржев с задачей взять Ржев 23.XII.

Калининскому фронту при выполнении задачи руководствоваться следующим:

а) продолжать развивать удар 39-й и 22-й армиями в общем направлении на Оленино с задачей разгромить оленинскую группировку противника, не позже 16.ХП армиям выйти в район Оленино.

Частью сил 22-й армии нанести вспомогательный удар в направлении Егорье с целью помощи 41-й армии в разгроме белыйской группировки противника;

б) 41-й армии к 10.XII разгромить прорвавшуюся группировку противника в районе Цыцыно и восстановить утраченное положение в районе Околица.

Не позже 20.XII частью сил выйти в район Мольня—Владимирское—Ленино с задачей замкнуть с юга окруженную группировку противника совместно с частями Западного фронта.

Не позже 20.XII овладеть городом Белый...

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Г. Жуков.

№ 170700”.

Эта операция, проводившаяся частью сил двух фронтов, имела важное значение для содействия нашим войскам в разгроме противника в районе ржевского выступа, и о ней следует сказать несколько слов.

Командование Калининского фронта в лице генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева со своей задачей справилось. Группа войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно прорвав фронт, двинулась в направлении на Сычевку. Группа войск Западного фронта должна была, в свою очередь, прорвать оборону противника и двинуться навстречу войскам Калининского фронта, с тем чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг ржевской группировки немцев. Но случилось так, что Западный фронт оборону противника не прорвал.

Верховный потребовал от меня немедленно выехать к И. С. Коневу и разобраться в причинах неудачи и, если окажется возможным, выправить там положение.

Прибыв на командный пункт Западного фронта, я пришел к выводу, что повторять операцию бесполезно. Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы с других участков.

В это время усложнилась обстановка и на Калининском фронте в районе нашего прорыва. Сильным ударом под фланги противник отсек наш механизированный корпус, которым командовал генерал-майор М. Д. Соломатин, и корпус вместе с другими частями остался в окружении.

Пришлось срочно подводить из резерва Ставки дополнительно стрелковый корпус, чтобы с его помощью вывести наши войска из окружения. Более трех суток корпус М.Д. Соломатина дрался в тяжелейших условиях и нес большие потери.

В ночь на четвертые сутки подоспевшие сибиряки прорвали фронт противника, и нам удалось вывести корпус М. Д. Соломатина из окружения. Бойцы и офицеры корпуса были крайне измотаны, и их пришлось тут же отвести в тыл на отдых.

Хотя наши войска здесь не достигли поставленной Ставкой цели — ликвидации ржевского выступа, но своими активными действиями они не позволили немецкому командованию перебросить значительные подкрепления с этого участка в район Сталинграда.

Более того, чтобы сохранить за собой ржевско-вяземский плацдарм, гитлеровское командование вынуждено было перебросить в район Вязьма—Ржев четыре танковые и одну моторизованную дивизии.

Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара.

Опыт войны учит, что если оборона противника располагается на хорошо наблюдаемой местности, где отсутствуют естественные укрытия от артиллерийского огня, то такую оборону легко разбить артиллерийским и минометным огнем, и тогда наступление наверняка удастся.

Если же оборона противника расположена на плохо наблюдаемой местности, где имеются хорошие укрытия за обратными скатами высот, в оврагах, идущих параллельно фронту, то такую оборону разбить огнем и прорвать трудно, особенно когда применение танков ограниченно.

В данном конкретном случае не было учтено влияние местности, на которой была расположена немецкая оборона, хорошо укрытая за обратными скатами пересеченной местности.

Другой причиной неудачи был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для обеспечения прорыва обороны противника.

Все это командование фронта старалось исправить в процессе наступления, но сделать этого не удалось. Положение осложнилось тем, что немецкое командование вопреки нашим расчетам значительно усилило здесь свои войска, перебросив их с других фронтов.

Вследствие всех этих факторов группа войск Калининского фронта, осуществив прорыв южнее Белого, оказалась в одиночестве и попала в тяжелое положение.

Однако вернемся к действиям наших войск в районе Сталинграда.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника войсками Донского и Сталинградского фронтов развивалась крайне медленно. И. В. Сталин нервничал и требовал от командования фронтов быстрейшего завершения разгрома окруженной группировки.

Немецкие войска, ожидая обещанную лично Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию. Наступление наших войск в связи с отвлечением значительной их части для ликвидации немецкой группировки, перешедшей в наступление из района Котельникова, не давало желаемых результатов.

Для немцев разгром в районе Сталинграда грозил разрастись в катастрофу большого стратегического масштаба.

Чтобы спасти общее положение, гитлеровское командование прежде всего считало необходимым стабилизировать фронт обороны своих войск на сталинградском направлении и под его прикрытием отвести с Кавказа группу армий “А”. Для этих целей оно сформировало новую группу армий “Дон”, командующим которой был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн.

По мнению гитлеровского руководства, это был самый подходящий и наиболее способный из командующих. Для формирования этой группы армий перебрасывались войска с других участков советско-германского фронта и частично из Франции и Германии.

Для спасения окруженных в районе Сталинграда войск генерал-фельдмаршал Манштейн, как теперь стало известно, предполагал создать две ударные группы. Одну — в районе Котельникова, другую — в районе Тормосина.

Но планам этим не суждено было сбыться. Вермахт в этот момент испытывал острый недостаток резервов. Войска, которые удавалось собрать, двигались очень медленно по растянутым коммуникациям. А наши партизаны в тылу врага, зная, для какой цели спешат немецкие войска в южном направлении, делали все, чтобы задержать их продвижение. Невзирая на жесточайший террор фашистов и несмотря на все меры предосторожности с

их стороны, отважные патриоты пустили под откос не один десяток эшелонов с гитлеровскими войсками.

Время шло, а сосредоточение немецких войск, на которые возлагалась надежда деблокирования и создания нового фронта обороны, срывалось. Гитлер, предчувствуя гибель своих войск под Сталинградом, торопил Манштейна начать операцию, не ожидая полного сосредоточения войск.

Манштейн начал ее с 12 декабря только из района Котельникова вдоль железной дороги.

В котельниковскую группу Манштейн включил 6, 23-ю, а затем 17-ю танковые дивизии, отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми танками “тигр”, четыре пехотные дивизии и ряд частей для усиления группы, а также две румынские кавалерийские дивизии. За три дня боев противнику удалось продвинуться вперед к Сталинграду на 45 километров и даже переправиться через реку Аксай-Есауловский.

В районе Верхне-Кумского разгорелось ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери. Враг, не считаясь с жертвами, рвался вперед к Сталинграду. Но советские войска, закаленные в предшествовавших боях, упорно защищали оборонительные рубежи. Только под давлением вновь подошедшей сюда 17-й танковой дивизии и из-за резко усилившейся авиационной бомбардировки части 51-й армии и кавалерийского корпуса генерала Т. Т. Шапкина отошли за реку Мышкову.

Теперь противник находился в 40 километрах от Сталинграда, и ему, видимо, казалось, что победа близка и реальна. Но это были преждевременные надежды. Согласно указаниям Ставки А. М. Василевский подтянул и ввел здесь в сражение усиленную 2-ю гвардейскую армию генерала Р. Я. Малиновского, хорошо оснащенную танками и артиллерией, удар которой окончательно решил участь сражения в пользу советских войск.

16 декабря начали наступление войска Юго-Западного фронта и 6-я армия Воронежского фронта с целью разгрома противника в районе Среднего Дона и выхода в тыл тормосинской группировки.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, 3-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко (к этому времени 1-я гвардейская армия была разделена на две армии: на 1-ю и 3-ю гвардейские), 6-я армия под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонова (переданная в состав Юго-Западного фронта и усиленная 17-м танковым корпусом П. П. Полубоярова), разгромив 8-ю итальянскую армию, стремительно развили удар в общем направлении на Морозовск.

В первом оперативном эшелоне, таранным ударом опрокидывая сопротивление врага, наступали 24-й и 25-й танковые корпуса и 1-й гвардейский механизированный корпус. Уступом справа в район Миллерово выходили 17-й и 18-й танковые корпуса.

Стремительные действия войск Юго-Западного фронта на этом направлении заставили Манштейна израсходовать силы, предназначавшиеся для удара в направлении Сталинграда из района Тормосина, обратив их против Юго-Западного фронта, выходившего во фланг и тыл всей группы армий “Дон”.

Докладывая по “Бодо” 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин так характеризовал обстановку:

— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не менее этого убито: таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская—Верхне-Чирская. В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельникова переправились через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский—Морозовск—Скосырская—Тацинская. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. А может быть, противник при благоприятных для него условиях попытается вообще удержать за собой весь этот выступ, с тем чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах Россоши, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Зверева. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский (Северный) Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириной по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением “Малого Сатурна”, а для “Большого Сатурна” нужны дополнительные силы.

У телеграфного аппарата находились Верховный и я.

— Первая ваша задача — не допустить разгрома корпуса Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И. В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить “Малый Сатурн” в “Большой Сатурн”, мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить в Скосырскую, лучше оставить его в районе Миллерово—Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросил я Н. Ф. Ватутина.

— Он находится непосредственно восточнее Миллерова и не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

— Приму абсолютно все возможные меры, и Баданова выручим, — заверил Н. Ф. Ватутин.

Разговор о 24-м танковом корпусе, которым командовал В. М. Баданов, возник не случайно. Вот что там произошло.

Войдя в прорыв северо-западнее Богучара 17 декабря в 18 часов 30 минут, 24-й танковый корпус прошел с боями около 300 километров, уничтожив по пути к станции Тацинская 6700 вражеских солдат и офицеров и захватив громадное количество военного имущества. Утром 24 декабря, подойдя к станции, наши танкисты с ходу атаковали ее с разных сторон. Гвардии капитан И. А. Фомин с группой бойцов ворвался на станцию Тацинская, перерезав железнодорожную магистраль Лихая—Сталинград. Уничтожив вражескую охрану, он захватил эшелон разобранных новых самолетов. К сожалению, капитан И. А. Фомин там же погиб смертью героя от вражеской пули.

В это же время танкисты под командованием капитана М. Е. Нечаева ворвались на аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов, готовых к вылету. Но взлететь им не удалось, они были раздавлены нашими танками. Пять суток танковый корпус удерживал Тацинскую, ведя напряженный бой в окружении с подошедшими резервами противника. Утром 29 декабря корпус, получив приказ Н. Ф. Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем командира корпуса В. М. Баданова в полном порядке отошел в Ильинку, а через несколько дней уже успешно атаковал Морозовск.

Учитывая значительный вклад в общее дело разгрома вражеских войск в районе Волги и Дона, 24-й корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и получил почетное наименование Тацинского, а комкор В. М. Баданов был первым в стране награжден орденом Суворова II степени. Многие солдаты, командиры и политработники также были награждены правительственными наградами.

Успешные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов на котельниковском и морозовском направлениях окончательно решили судьбу окруженных войск Паулюса в районе Сталинграда.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, блестяще выполнив поставленные задачи и учинив стремительный разгром врага, сорвали план Манштейна по деблокированию войск Паулюса. В начале января войска Н. Ф. Ватутина вышли на линию Новая Калитва—Кризское—Чертково—Волошино—Миллерово— Морозовск, создав прямую угрозу всей кавказской группировке немцев.

Разбитая котельниковская группа немецких войск к концу декабря отошла на линию Цимлянская—Жуковская—Дубовское—Зимовники. Понесшая серьезные потери тормосинская группа отошла на линию Чернышевская—Лозной—Цимлянская.

Таким образом, попытка командующего группой армий “Дон” генерал-фельдмаршала Манштейна прорвать наш внешний фронт и вывести из окружения войска Паулюса провалилась окончательно.

Это уже понимали и командование и солдаты окруженных войск. Отчаяние и стремление как-то спастись от неминуемой гибели приняли массовый характер. Когда же их надежды на спасение рухнули, наступило горькое разочарование...

Гитлеровское военно-политическое руководство после полного провала попыток деблокады видело главную задачу уже не в том, чтобы спасти окруженные и обреченные на гибель свои войска, а в том, чтобы заставить их дольше драться в окружении, сковать советские войска. Им необходимо было выиграть максимум времени для отвода своих войск с Кавказа и переброски сил с других фронтов для создания нового фронта, способного в какой-то степени остановить наше контрнаступление.

Ставка Верховного Главнокомандования, в свою очередь, принимала меры к тому, чтобы быстрее покончить с окруженной группировкой и высвободить войска двух фронтов, необходимые для быстрейшего разгрома отходящих войск с Кавказа и на юге нашей страны.

Верховный всемерно торопил командующих фронтами.

В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение дальнейших действий.

Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне. — Или вы не имеете своего мнения?

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне: — Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер я позвонил А. И. Еременко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57, 64-ю и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано? — спросил А. И. Еременко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через 15 вновь раздался звонок:

— Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному А. И. Еременко ответил:

— Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что товарищ Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами.

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с А. И. Еременко. И. В. Сталин меня, конечно, отругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского. Такая директива была дана 30 декабря 1942 года.

Штаб Сталинградского фронта должен был возглавить группу войск, действующую на котельниковском направлении, и продолжать уничтожение вражеских сил в районе Котельникова.

Вскоре Сталинградский фронт был переименован в Южный фронт, который стал действовать на ростовском направлении.

2 февраля 1943 года командующим Южным фронтом был назначен генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 30.XII.1942 года в состав Донского фронта были переданы из Сталинградского фронта 62, 64-я и 57-я армии.

На 10 января 1943 года Донской фронт имел в своем составе 212 тысяч активных бойцов, около 6900 орудий и минометов, более 250 танков и до 300 боевых самолетов.

В конце декабря А. М. Василевский занимался главным образом вопросами, связанными с ликвидацией немецких войск в районах Котельникова, Тормосина и Морозовска. На Донской фронт своим представителем Ставка назначила генерала Н. Н. Воронова, который вместе с Военным советом фронта представил план окончательной ликвидации окруженной группировки немецких войск, известный под кодовым наименованием “Кольцо”.

Генеральный штаб и Ставка, рассмотрев этот план, в своей директиве указали генералу Н. Н. Воронову:

“Главный недостаток представленного вами плана по “Кольцу” заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов—Бабуркин—Мариновка—Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка—совхоз № 1—Бабуркин повернуть на юг, в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов—Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает.

Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

И. Сталин.

Г. Жуков.

№ 170718 28.XII.1942 г.”{32}.

В январе 1943 года внешний фронт в районе Дона усилиями Юго-Западного и Сталинградского фронтов был отодвинут на 200—250 километров на запад. Положение немецких войск, зажатых в кольцо, резко ухудшилось. Никаких перспектив на спасение у них уже не было. Материальные запасы истощались. Войска получали голодный паек. Госпитали переполнились до предела. Смертность от ранений и болезней резко возросла. Наступала неотвратимая катастрофа.

Чтобы прекратить кровопролитие. Ставка приказала командованию Донского фронта предъявить 6-й армии ультиматум о сдаче в плен на общепринятых условиях.

Несмотря на очевидную неизбежность поражения, гитлеровское командование отвергло наш ультиматум и приказало своим солдатам драться до последнего патрона, обещая спасение, которого не могло быть, и это понимали немецкие солдаты.

10 января 1943 года после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта перешли в наступление с целью рассечь вражескую группировку и уничтожить ее по частям, но не достигли полного успеха.

22 января после дополнительной подготовки войска Донского фронта вновь перешли в наступление. Враг не выдержал этого удара и стал отходить. Лучших результатов в этих сражениях достигли 57-я армия под командованием генерала Ф. И. Толбухина и 66-я армия генерала А. С. Жадова.

В своих воспоминаниях офицер-разведчик 6-й армии Паулюса так описывает отступление немецких частей под ударами советских войск.

“Мы вынуждены были начать отход по всему фронту... Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа”. И далее: “Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на все более узком пятачке преисподней”{33}.

31 января была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге, где закончила свое существование крупнейшая группировка немецких войск и сателлитов фашистской Германии.

Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады противника, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии. Враг окончательно потерял стратегическую инициативу.

Какие же обстоятельства привели немецкие войска к полному разгрому в районе Сталинграда и способствовали нашей исторической победе?

Срыв всех гитлеровских стратегических планов 1942 года явился следствием недооценки сил и возможностей Советского государства, могущественных потенциальных и духовных сил народа и переоценки со стороны гитлеровцев своих сил и боеспособности войск.

Важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях “Уран”, “Малый Сатурн” и “Кольцо” явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага. Огромную роль сыграл верный расчет необходимых сил и средств для быстрого прорыва тактической обороны, активное развитие оперативного прорыва с целью завершения окружения главной группировки противника.

В стремительности действий по завершению окружения врага и его разгрома огромное значение имели танковые, механизированные войска и авиация.

Вся практическая подготовка контрнаступления проводилась командованием и штабами с исключительной тщательностью и глубокой продуманностью, а в процессе самого контрнаступления управление войсками во всех звеньях отличалось целеустремленностью, твердостью, умением предвидеть.

Значительную роль в успешном осуществлении разгрома вражеских войск сыграла партийно-политическая работа Военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций и командования, воспитавших у воинов уверенность в своих силах, смелость, мужество и героизм при решении боевых задач.

Победа наших войск под Сталинградом ознаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало массового изгнания вражеских войск с нашей территории. С этого времени советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны.

Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, непосредственно осуществлявших разгром врага, но и для всего советского народа, который дни и ночи упорно трудился, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казахстана, Средней Азии стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу.

В офицерском и генеральском составе противника, а также среди немецкого народа стало более резко проявляться отрицательное отношение к Гитлеру и ко всему фашистскому руководству. Немецкий народ все больше начинал понимать, что Гитлер и его окружение втянули страну в явную авантюру и что обещанные им победы — миф, а войска погибли в катастрофе на Дону, Волге и Северном Кавказе.

“Поражение под Сталинградом, — пишет генерал-лейтенант Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск”.

Вследствие разгрома немецких, итальянских, венгерских и румынских армий на Волге и на Дону, а позднее и в Острогожско-Россошанской операции резко упало влияние Германии на своих союзников. Начались разногласия, трения, как следствие потери веры в гитлеровское руководство и желание как-то выпутаться из сетей войны, в которые вовлек их Гитлер.

В нейтральных странах и в странах, где все еще придерживались выжидательной тактики, разгром фашистских войск под Сталинградом подействовал отрезвляюще и заставил их признать величайшее могущество СССР и неизбежный проигрыш гитлеровской Германии в этой войне.

Общеизвестно, какой радостной волной прокатилась по всему миру весть о разгроме немецких войск в районе Сталинграда и как вдохновила она народы на дальнейшую борьбу с фашистскими оккупантами.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба в числе других я был награжден орденом Суворова I степени.

Получить орден Суворова I степени номер один означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать еще лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени были награждены А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была удостоена правительственных наград.

Успешный разгром немецких войск в районе Сталинграда, Дона и на Кавказе создал благоприятные условия для развертывания наступления всех фронтов на юго-западном направлении.

После разгрома вражеских войск в районе Дона и Волги были успешно проведены Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции. Советские войска, развивая зимнее наступление на запад, заняли Ростов, Новочеркасск, Курск, Харьков и ряд других важных районов. Общая оперативно-стратегическая обстановка для противника резко ухудшилась на всем советско-германском фронте.

Глава семнадцатая. **Разгром фашистских войск на Курской дуге**

Итак, Сталинградская битва явилась крупнейшим событием зимней кампании 1942/43 года, событием огромного международного значения. На Северо-Западном фронте, ликвидировав врага в районе Демянска, наши войска вышли на реку Ловать. Войсками Западного фронта противник был отброшен из района Ржев—Вязьма, был занят рубеж Духовщина—Спас-Деменск.

К середине марта 1943 года на всех фронтах обстановка изменилась в пользу Советского Союза. После разгрома немецких, румынских, итальянских и венгерских войск в районе Волги, Дона, Северного Кавказа противник, неся колоссальные потери, к середине марта отошел на линию Севск—Рыльск—Сумы—Ахтырка— Красноград—Славянск—Лисичанск—Таганрог.

С момента перехода в контрнаступление под Сталинградом (ноябрь 1942 года) до марта 1943 года советские войска в общей сложности разгромили более 100 вражеских дивизий. Конечно, эти большие победы нелегко достались нашим воинам и советскому народу. Мы также понесли большие потери.

На фронтах наступило затишье, и лишь на участках Воронежского, Юго-Западного, Южного фронтов и на Кубани все еще продолжались ожесточенные сражения.

Чтобы не допустить дальнейшего ухудшения обстановки на южном крыле фронта своих войск, немецкое главное командование, собрав дополнительные силы, организовало контрнаступление против Юго-Западного фронта. Цель — отбросить фронт за реку Северский Донец, а затем, прикрывшись здесь обороной, нанести удар по войскам Воронежского фронта и захватить Харьков и Белгород.

Как стало затем известно из трофейных документов, гитлеровское командование предполагало при наличии благоприятной обстановки расширить действия своих войск с целью ликвидации курского выступа.

В начале марта противник из района Люботина нанес сильный контрудар по войскам левого крыла Воронежского фронта; неся потери, наши войска отступили. 16 марта противник вновь овладел Харьковом и начал развивать удар на белгородском направлении.

В то время как представитель Ставки я находился на Северо-Западном фронте, которым командовал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Войска фронта, выйдя на реку Ловать, готовились к ее форсированию.

Примерно 13 или 14 марта на командный пункт Северо-Западного фронта позвонил И.В. Сталин.

Ознакомив Верховного Главнокомандующего с обстановкой на реке Ловать, я доложил ему, что ранняя оттепель привела к тому, что река стала труднопроходимой и, видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придется прекратить здесь свои наступательные действия.

Верховный согласился с этим. Задав мне еще несколько вопросов относительно возможного развития событий на Северо-Западном фронте, И. В. Сталин в заключение разговора сказал, что командование Западным фронтом поручено В. Д. Соколовскому.

Я предложил поставить И. С. Конева, который до этого командовал Западным фронтом, во главе Северо-Западного фронта, а С. К. Тимошенко послать на юг представителем Ставки помогать командующим Южным и Юго-Западным фронтами. Он хорошо знал те районы, а обстановка там за последние дни вновь сложилась для наших войск невыгодная.

— Хорошо, — сказал И. В. Сталин, — я скажу Поскребышеву, чтобы Конев позвонил вам, вы дайте ему все указания, а сами завтра выезжайте в Ставку. Надо обсудить обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах. Возможно, — добавил он, — вам придется выехать в район Харькова.

Через некоторое время мне позвонил И. С. Конев.

— Что произошло, Иван Степанович? — спросил я.

— ГКО освободил меня от командования войсками Западного фронта. Командующим фронтом назначен В. Д. Соколовский.

— Верховный приказал назначить вас командующим Северо-Западным фронтом вместо Тимошенко, который в качестве представителя Ставки будет послан на южное крыло нашего фронта, — сказал я.

И. С. Конев поблагодарил и сказал, что завтра утром выезжает к месту нового назначения.

Утром следующего дня я выехал в Ставку.

В Москву прибыл в тот же день поздно вечером. Страшно устал за дорогу, так как пришлось ехать на вездеходе по сильно разбитым дорогам.

Позвонив А. Н. Поскребышеву, я узнал, что И. В.Сталин собрал большую группу товарищей для обсуждения вопросов, связанных с топливом для металлургии, электроэнергией, авиационными и танкостроительными заводами. Мне было приказано тотчас же прибыть на совещание. Перекусив на ходу, отправился в Кремль.

В кабинете Верховного, кроме членов Политбюро, были руководители ведомств, конструкторы и директора ряда крупнейших заводов. Из их докладов отчетливо была видна все еще существовавшая большая напряженность в промышленности. Обещанная помощь из США по ленд-лизу поступала плохо.

Выступавшие докладывали о простое оборудования и агрегатов из-за отсутствия металла, проката, угля, электроэнергии. Даже директора танковых заводов и те говорили о срыве плана выпуска танков.

Совещание у Верховного Главнокомандующего закончилось после трех часов ночи. Все его участники разошлись, кто в ЦК, кто в СНК, кто в Госплан, с тем чтобы изыскать ресурсы и срочно принять меры для улучшения работы промышленности.

После совещания И. В. Сталин подошел ко мне и спросил:

— Вы обедали?

— Нет.

— Ну тогда пойдемте ко мне да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

Во время обеда из Генштаба привезли карту с обстановкой на участках Юго-Западного и Воронежского фронтов. Направленец, ведущий обстановку по Воронежскому фронту, доложил, что там к 16 марта ситуация крайне ухудшилась. После того как бронетанковые и моторизованные части противника, наступавшие из района Краматорска, оттеснили части Юго-Западного фронта за реку Донец, создалось тяжелое положение юго-западнее Харькова.

Одновременно перешли в наступление части противника из района Полтавы и Красноград. Н. Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой армии и 69-й армии и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Ф. И. Голиков, отвод войск не осуществил.

— Почему Генштаб не подсказал? — спросил Верховный.

— Мы советовали, — ответил направленец.

— Генштаб должен был вмешаться в руководство фронтом, — настойчиво заметил И. В. Сталин. А затем, подумав немного, обратился ко мне: — Придется вам утром вылететь на фронт к Голикову и разобраться на месте с обстановкой. Думаю, что Голикова надо заменить.

Тут же Верховный позвонил члену Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущеву и резко отчитал его за непринятие Военным советом мер против контрударных действий противника.

При этом И. В. Сталин припомнил Н. С. Хрущеву все его ошибки на посту члена Военного совета Юго-Западного фронта, допущенные в процессе летних сражений 1942 года.

Отпустив направленца, Верховный сказал:

— Все же надо закончить обед.

А было уже пять часов утра...

После обеда, вернее уже завтрака, я попросил разрешения поехать в Наркомат обороны, чтобы приготовиться к отлету на Воронежский фронт. В семь часов утра был на Центральном аэродроме и вылетел в штаб Воронежского фронта. Как только сел в самолет, сейчас же крепко заснул и проснулся лишь от толчка при посадке на аэродроме.

В тот же день позвонил по ВЧ И. В. Сталину и обрисовал обстановку. Она была хуже той, которую утром докладывал направленец Генштаба. После захвата Харькова части противника без особого сопротивления продвигались на белгородском направлении и заняли Казачью Лопань.

— Необходимо, — докладывал я Верховному, — срочно двинуть сюда все что можно из резерва Ставки, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на курском направлении.

Через час из разговора с А. М. Василевским я узнал, что Верховным принято решение и уже передано распоряжение о выдвижении в район Белгорода 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии. Танковая армия поступала в мой резерв.

18 марта Белгород был захвачен танковым корпусом СС. Однако дальше на север противник прорваться уже не мог.

Из личного доклада командира 52-й гвардейской дивизии генерала Н. Д. Козина мне стало известно следующее.

По распоряжению командующего 21-й армией генерала И. М. Чистякова на Белгород был выслан передовой отряд армии во главе с командиром 155-го гвардейского стрелкового полка подполковником Г. Г. Пантюховым, для того чтобы войти в соприкосновение с противником и захватить пленных.

Двигаясь на Белгород, передовой отряд заметил противника и устроил ему засаду в районе Шапино (севернее Белгорода). В бою были захвачены пленные, принадлежавшие к танковой дивизии “Мертвая голова”. Как выяснилось, отряд противника двигался на Обоянъ.

К исходу 18 марта главные силы 52-й дивизии заняли оборону севернее Белгорода и выдвинули вперед боевое охранение. В дальнейшем, как ни пытался противник сбить наших гвардейцев, успеха он не имел. Правее 52-й дивизии заняла оборону 67-я

гвардейская стрелковая дивизия, левее расположилась в обороне 375-я стрелковая дивизия.

По докладу командира 52-й дивизии в боях севернее Белгорода особенно отличились командир 153-го полка подполковник П. С. Бабич, командир артдивизиона полковник Потанин, начальник политотдела дивизии подполковник И. С. Воронов, командир 151-го стрелкового полка подполковник И. Ф. Юдич. Многим воинам дивизии 20 марта я вручил боевые награды.

20—21 марта основные силы 21-й армии организовали севернее Белгорода довольно крепкую оборону, а в районе южнее Обояни сосредоточивались войска 1-й танковой армии.

Многократные попытки немецко-фашистских войск в конце марта прорвать оборону наших войск в районе Белгорода и на Северском Донце, где в это время развернулась 64-я армия, не дали результатов. Понеся большие потери, противник закрепился на достигнутом рубеже.

С этого момента положение на Курской дуге стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решающей схватке.

Чтобы укрепить руководство Воронежским фронтом, Верховный приказал назначить командующим генерал-полковника Н. Ф. Ватутина. Вступив в командование, Николай Федорович с присущей ему энергией взялся за укрепление войск фронта и создание глубоко эшелонированной обороны.

В конце марта и начале апреля мы с Н. Ф.Ватутиным побывали почти во всех частях фронта. Вместе с командирами частей и соединений оценивали обстановку, уточняли задачи и необходимые меры, если противник перейдет в наступление. Меня особенно беспокоил тот участок обороны, где находилась 52-я гвардейская стрелковая дивизия, и я побывал там дважды. Я считал, что этой дивизии придется принять на себя главный удар противника. Командующий фронтом был того же мнения, и мы решили всемерно подкрепить этот ответственный участок артиллерийскими средствами.

Пора было готовить предварительные соображения по плану Курской битвы.

По договоренности с начальником Генштаба А. М. Василевским и командующими фронтами мы приняли ряд мер по организации тщательной разведки противника на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

А. М. Василевский дал задание разведывательному управлению. Центральному штабу партизанского движения выяснить наличие и расположение резервов в глубине войск противника, ход перегруппировок и сосредоточения войск, перебрасываемых из Франции, Германии и других стран.

Вообще мощь наших ударов по врагу значительно усиливалась действиями партизан, организуемых и направляемых из центра при постоянной и неутомимой работе местных подпольных партийных организаций. Укреплялось взаимодействие партизан и регулярной армии, которой они оказывали содействие в получении данных о противнике, громя его резервы, перерезая коммуникации, срывая переброску войск и оружия.

Уже в 1942 году гитлеровцы должны были бросить почти десять процентов своих сухопутных сил, находившихся на советско-германском фронте, против партизан. В 1943 году на эти же цели были оттянуты полицейские соединения СС и СД, полмиллиона солдат вспомогательных частей, более 25 дивизий действующей армии. Коммунистическая партия умело руководила патриотической народной борьбой против фашистских захватчиков, оказывая тем самым серьезную помощь нашим регулярным войскам. Коммунисты-партизаны не только воевали с оружием в руках, но и вели большую политическую, разъяснительную работу среди населения, распространяли листовки, воззвания, сообщения Совинформбюро, разоблачали лживую пропаганду врага. Огромное значение имело воздействие партизан на моральное состояние войск противника.

Войска фронтов в полосе своих действий вели усиленную авиационную и войсковую разведку. В результате в начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав их, а также те данные, которые удалось получить с более широкого театра военных действий, и обсудив все с командующими Воронежским и Центральным фронтами, а затем с начальником Генштаба А. М. Василевским, я послал Верховному следующий доклад:

“Товарищу Васильеву{34}.

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/ 43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псёл, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-

ю и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча—Короча—Тим—река Тим— Дросково.

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту в общем направлении через Валуйки—Уразово.

Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении на Сватово—Уразово.

На остальных участках противник будет стремиться выйти на линию Ливны—Касторное—Старый и Новый Оскол.

4. На третьем этапе после соответствующей перегруппировки противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски— Воронеж—Елец и, прикрывшись в юго-восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Раненбург—Ряжск—Рязань.

5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО{35} Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП{36}; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны—Касторное—Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Я не знаком с окончательным расположением наших оперативных резервов, поэтому считаю целесообразным предложить расположить их в районе Ефремов—Ливны—Касторное—Новый Оскол—Валуйки—Россошь—Лиски—Воронеж—Елец. При этом главную массу резервов расположить в районе Елец—Воронеж. Более глубокие резервы расположить в районе Ряжска, Раненбурга, Мичуринска, Тамбова.

В районе Тула—Сталиногорск необходимо иметь одну резервную армию.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

Константинов{37}. № 256”.

Наши прогнозы в основном не разошлись с тем, что в действительности замышляло немецко-фашистское командование. Вот что говорилось в приказе Гитлера от 15 апреля 1943 года: “Ставка фюрера 15 апреля 1943 г.

Совершенно секретно.

Только для командования.

Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление “Цитадель” — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на всю весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. Целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска и уничтожить их.

2. Необходимо:

а) широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении прежде всего относительно времени начала наступления;

б) обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке, с тем чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т.д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения.

В обеих группах армий соединения, вновь прибывшие в состав ударных армий, должны соблюдать радиомолчание...

7. В целях соблюдения тайны в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсолютно необходимо”{38}.

Итак, правильно оценив обстановку, советское командование до наступления немцев точно определило вероятность и направление действий немецко-фашистских войск в районе Курской дуги.

9 или 10 апреля, точно не помню, в штаб Воронежского фронта прибыл А. М. Василевский. С ним мы еще раз в деталях обсудили мой доклад, обстановку, соображения по дислокации оперативно-стратегических резервов и характер предстоящих действий. У нас с Александром Михайловичем было единое мнение по всем вопросам.

Составив проект директивы Ставки о расположении резервов Ставки и создании Степного фронта, мы послали его Верховному Главнокомандующему за нашими подписями.

В этом документе предусматривалась дислокация армий и фронтовых средств усиления. Штаб Степного фронта предполагалось развернуть в Новом Осколе, командный пункт фронта в Короче, ВПУ фронта — в Великом Бурлуке. Командованию фронтов и штабам предписывалось, как это всегда бывало при подготовке больших операций, дать в Генеральный штаб свои соображения и предложения о характере действий.

В связи с имеющими место ошибочными версиями об организации обороны и контрнаступления в районе Курска в 1943 году считаю нужным привести здесь те документы, которые поступили, по этому поводу в Ставку и Генеральный штаб. При этом замечу, что никаких других документов в Ставку никто не направлял.

Вот донесение от 10 апреля начальника штаба Центрального фронта генерал-лейтенанта М. С. Малинина, посланное по требованию Генштаба.

“Из Центрального фронта 10.4.43.

Начальнику оперативного управления ГШ КА

генерал-полковнику Антонову{39}

на № 11990

4. Цель и наиболее вероятные направления для наступления противника в весенне-летний период 1943 года:

а) Учитывая наличие сил и средств, а главное результаты наступательных операций 1941—1942 годов, в весенне-летний период 1943 года следует ожидать наступления противника лишь на курско-воронежском оперативном направлении.

На других направлениях наступление врага вряд ли возможно.

При создавшейся общей стратегической обстановке на этом этапе войны для немцев было бы выгодно прочно обеспечить за собой Крым, Донбасс и Украину, а для этого необходимо выдвинуть линию фронта на рубеж Штеровка—Старобельск—Ровеньки—Лиски—Воронеж—Ливны—Новосиль. Для решения этой задачи противнику потребуется не менее 60 пехотных дивизий с соответствующим авиационным, танковым и артиллерийским усилением.

Такое количество сил и средств на данном направлении враг сосредоточить может.

Отсюда курско-воронежское оперативное направление приобретает первостепенное значение.

б) Исходя из этих оперативных предположений, следует ожидать направления главных усилий противника одновременно по внешним и внутренним радиусам действий:

— по внутреннему радиусу — из района Орла через Кромы на Курск и из района Белгорода через Обоянь на Курск;

— по внешнему радиусу — из района Орла через Ливны на Касторное и из района Белгорода через Старый Оскол на Касторное.

в) При отсутствии противодействующих мероприятий с нашей стороны этому намерению противника успешные его действия по этим направлениям могли бы привести к разгрому войск Центрального и Воронежского фронтов, к захвату противником важнейшей железнодорожной магистрали Орел—Курск—Харьков и выходу его войск на выгодный рубеж, обеспечивающий прочное удержание Крыма, Донбасса и Украины.

г) К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также к созданию необходимых запасов противник может приступить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья.

Следовательно, перехода противника в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 года.

5. В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие меры:

а) Объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орла через Ливны на Касторное, захватить важнейшую для нас железнодорожную магистраль Мценск—Орел—Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог.

б) Для срыва наступательных действий противника необходимо усилить войска Центрального и Воронежского фронтов авиацией, главным образом истребительной, и противотанковой артиллерией не менее 10 полков на фронт.

в) С этой же целью желательно наличие сильных резервов Ставки в районе Ливны—Касторное—Лиски—Воронеж—Елец.

Нач. штаба ЦЕНТРФ
генерал-лейтенант Малинин.

№ 4203”{40}.

Командование Воронежского фронта также представило свои соображения.

“Начальнику Генштаба КА на № 1 1990 12.4.43 г.

Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

1. Пехотных дивизий в первой линии девять (26, 68, 323, 75, 255, 57, 332-я, 167-я и одна дивизия невыясненной нумерации). Эти дивизии занимают фронт Красно-Октябрьское—Большая Чернетчина—Краснополье—Казацкое. Дивизия неизвестной нумерации, по показаниям пленных, выдвигается к району Солдатское и должна сменить 332-ю пехотную дивизию.

Эти данные проверяются. Есть непроверенные данные, что во втором эшелоне имеются шесть пехотных дивизий. Положение их пока не установлено, и эти данные также проверяются.

В районе Харькова, по данным радиоразведки, отмечается штаб венгерской дивизии, которая может быть выдвинута на второстепенное направление.

2. Танковых дивизий всего сейчас шесть (“Великая Германия”, “Адольф Гитлер”, “Мертвая голова”, “Райх”, 6-я и 11-я), из них три дивизии — в первой линии и три дивизии (“Великая Германия”, 6-я и 11-я)— во второй линии. По данным радиоразведки, штаб 17-й танковой дивизии переместился из Алексеевского в Тащаговку, что говорит о выдвижении 17-й танковой дивизии на север. По наличию сил противник имеет возможность вывести дополнительно в районе Белгорода до трех танковых дивизий с участка Юго-Западного фронта.

3. Таким образом, следует ожидать, что противник перед Воронежским фронтом сможет создать ударную группу силой до 10 танковых дивизий и не менее шести пехотных дивизий, всего до 1500 танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка—Белгород—Муром—Казачья Лопань. Эта ударная группа может быть поддержана сильной авиацией численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Намерение противника — нанести концентрические удары из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток, с тем чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород—Курск.

В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту, с тем чтобы затем действовать в северном направлении.

Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, именно после концентрических ударов из района Белгорода и Орла он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы.

С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы.

Таким образом, перед Воронежским фронтом противник вероятнее всего будет наносить главный удар из района Борисовка— Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь и Курск. Вспомогательные удары следует ожидать в направлении Волчанок—Новый Оскол и Суджа—Обоянь—Курск.

Для крупного наступления противник сейчас еще не готов. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с.г., а вероятнее всего в первых числах мая.

Однако частных атак можно ожидать в любое время. Поэтому от наших войск требуем постоянной, самой высокой готовности.

Федоров, Никитин, Федотов{41}.

№ 55”{42}

Следовательно, до 12 апреля в Ставке еще не было выработано конкретное решение о способах действий наших войск в весенне-летний период 1943 года в районе Курской дуги.

Никакого наступления из района Курска тогда еще не намечалось. Да и быть не могло, так как наши стратегические резервы находились в стадии формирования, а Воронежский и Центральный фронты, понеся потери в предыдущих сражениях, нуждались в пополнении личным составом, боевой техникой и материальными средствами.

В соответствии именно с этой обстановкой командующие фронтами получили указание Ставки о переходе фронтов к обороне.

Общее руководство на месте войсками Центрального и Воронежского фронтов и контроль за выполнением указаний Ставки были возложены Верховным Главнокомандованием на меня.

10 апреля мне позвонил в Бобрышево Верховный и приказал 11 апреля прибыть в Москву для обсуждения плана летней кампании 1943 года, и в частности по Курской дуге.

Поздно вечером 11 апреля я вернулся в Москву. А. М. Василевский сказал, что И. В. Сталин дал указание к вечеру 12 апреля подготовить карту обстановки, необходимые расчеты и предложения.

Весь день 12 апреля мы с Александром Михайловичем Василевским и его заместителем Алексеем Иннокентьевичем Антоновым готовили нужные материалы для доклада Верховному Главнокомандующему. С раннего утра все трое засели за порученную нам работу, и, так как между нами было полное взаимопонимание, все к вечеру было готово. А. И. Антонов кроме всех своих других достоинств обладал блестящим умением оформлять материал, и, пока мы с А. М. Василевским набрасывали план доклада И. В. Сталину, он быстро подготовил карту обстановки, карту-план действий фронтов в районе Курской дуги.

Все мы считали, что, исходя из политических, экономических и военно-стратегических соображений, гитлеровцы будут стремиться любой ценой удержаться на фронте от Финского залива до Азовского моря. Они могли хорошо оснастить свои войска на одном из стратегических направлений и подготовить крупную наступательную операцию в районе курского выступа, с тем чтобы попытаться разгромить здесь войска Центрального и Воронежского фронтов. Это могло бы изменить общую стратегическую обстановку в пользу немецких войск, не говоря уже о том, что в этих условиях общий фронт значительно сокращался и повышалась общая оперативная плотность немецкой обороны.

Было очевидно, что наиболее опасным районом является, на наш взгляд, Курская дуга, поэтому Германия будет готовить крупную наступательную операцию в районе Курского выступа.

В этом районе обстановка позволяла нанести в общем направлении на Курск два встречных удара, один из района южнее Орла, другой из района Белгорода. Предполагалось, что на остальных участках немецкое командование будет обороняться, так как здесь для наступательных операций, по расчетам Генштаба, оно необходимых сил не имело.

Вечером 12 апреля мы с А. М. Василевским и А. И. Антоновым поехали в Ставку.

Верховный, пожалуй, как никогда, внимательно выслушал наши соображения. Он согласился с тем, чтобы главные усилия сосредоточить в районе Курска, но по-прежнему опасался за московское стратегическое направление.

Обсуждая в Ставке Верховного Главнокомандования план действий наших войск, мы пришли к выводу о необходимости построить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях, и в первую очередь в районе Курской дуги. В связи с этим командующим фронтами были даны надлежащие указания. Войска начали зарываться глубже в землю. Формируемые и подготавливаемые стратегические резервы Ставки было решено пока в дело не вводить, сосредоточивая их ближе к наиболее опасным районам.

Таким образом, уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. (Выделено мною. — *Г. Ж.*) Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года. В то время фактически уже стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого крупнейших танковых группировок и использованием новых танков “тигр” и “пантера” и самоходных орудий “фердинанд”.

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его. (Выделено мною. — *Г. Ж.*)

Тогда же был решен вопрос о районах сосредоточения основных резервов Ставки. Их намечалось развернуть в районе Ливны— Старый Оскол—Короча, с тем чтобы подготовить рубеж обороны на случай прорыва противника в районе Курской дуги.

Остальные резервы решено было расположить за правым флангом Брянского фронта в районе Калуга—Тула—Ефремов. За стыком Воронежского и Юго-Западного фронтов, в районе Лиски, должны были готовиться к действиям 5-я гвардейская танковая армия и ряд других соединений резерва Ставки.

А. М. Василевскому и А. И. Антонову было приказано приступить к разработке всей документации по принятому плану, с тем чтобы еще раз обсудить его в начале мая.

Мне же было поручено 18 апреля вылететь на Северо-Кавказский фронт в армии К. Н. Леселидзе, А. А. Гречко, а также в корпус А. А. Лучинского.

Войска этого фронта вели напряженные сражения с целью ликвидации таманской группировки противника, основным ядром которой была хорошо укомплектованная 17-я армия немецких войск.

Для советского командования ликвидация противника на Таманском полуострове имела важное значение. Кроме разгрома крупной группировки противника — в этом районе действовали 14—16 дивизий, примерно 180—200 тысяч человек, — в результате этой операции мы освобождали Новороссийск. Здесь на небольшом плацдарме с первой половины февраля сражался героический отряд воинов 18-й армии и моряков Черноморского флота.

В 18-ю армию генерала К. Н. Леселидзе мы прибыли вместе с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС А. А. Новиковым и работником Генштаба генералом С. М. Штеменко.

Ознакомившись с обстановкой, силами и средствами армии и моряков Черноморского флота, все пришли к выводу о невозможности в то время проводить какие-либо крупные мероприятия по расширению новороссийского плацдарма, который именовался тогда в войсках Малой землей.

Действительно, это был плацдарм общей площадью всего лишь в 30 квадратных километров. Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю, в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам этого небольшого плацдарма.

Из того, что нам рассказал командарм К. Н. Леселидзе, было ясно: наши воины полны решимости драться с врагом до полного его разгрома и сбросить себя в море не дадут.

Доложив И. В. Сталину свое мнение, мы с С.М. Штеменко выехали в 56-ю армию Северо-Кавказского фронта, которой в то время командовал генерал А. А. Гречко.

В тот момент планировалось осуществить очередное наступление в районе станицы Крымской, но командование армии считало, что оно недостаточно подготовлено. Решили его отсрочить, подтянуть боеприпасы, артиллерию с пассивных участков фронта, наметили, как лучше применить авиацию, использовать особую дивизию НКВД, переданную из резерва Ставки.

Параллельно шла работа и с командованием 18-й армии. Нужно было обязательно помочь десантной группе этой армии на Мысхако ударами авиации по противнику, занимавшему фронт перед героями-десантниками.

56-я армия до этого провела ряд блестящих сражений, освобождая Кубань. Теперь ей предстояло разгромить вражескую оборону 17-й армии в районе станицы Крымской и выйти в тыл новороссийской группы противника. В дальнейшем имелось в виду общими усилиями войск фронта ликвидировать таманский плацдарм противника.

Разгром противника на подступах к станице Крымской и ее захват были возложены на одну 56-ю армию, силы которой были ограниченны, а подкрепить ее серьезно ни Ставка, ни фронт возможности не имели. Армии предстояло преодолеть сильно укрепленную оборону, которую немецкие войска создали на подступах к станице. Планирование и подготовка операции были проведены А. А. Гречко со знанием дела и большой предусмотрительностью.

Наступление 56-й армии на Крымскую началось 29 апреля. Несмотря на ограниченность сил, особенно авиации, танков и артиллерии, командование армии, умело маневрируя имеющимися средствами, сломило упорное сопротивление вражеской обороны. Войска 56-й армии захватили станицу, важный железнодорожный узел, и отбросили противника за Крымскую. Все эти события хорошо описаны в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко “Битва за Кавказ”.

Дальнейшее наступление 56-й армии, как и других армий фронта, из-за отсутствия возможностей было приостановлено. Наступательные действия войск Северо-Кавказского фронта в том районе Ставка была вынуждена отложить до более благоприятного момента.

Подготавливая Красную Армию к летней кампании, Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Ставка и Генеральный штаб весной 1943 года развернули колоссальнейшую работу. Партия мобилизовала страну на решительный разгром врага.

Широкие активные действия на фронте потребовали проведения ряда мер по усовершенствованию организационной структуры войск и их перевооружению новейшей техникой. В Генеральном штабе провели необходимые мероприятия, связанные с дальнейшим улучшением структуры войск Красной Армии. Пересматривались и совершенствовались организационные формы фронтов и армий. В их состав дополнительно включались артиллерийские, истребительно-противотанковые и минометные части. Войска усиливались средствами связи. Стрелковые войска оснащались более совершенным автоматическим, противотанковым вооружением и объединялись в стрелковые корпуса, с тем чтобы улучшить управление в общевойсковых армиях и сделать эти армии более мощными.

Формировались новые артиллерийские, минометные и реактивные части, вооруженные более качественными системами. Создавались бригады и дивизии артиллерии резерва Верховного Главнокомандования, предназначавшиеся для создания высоких плотностей огня на главных направлениях при решении важнейших задач. В распоряжение фронтов и ПВО страны начали поступать зенитные дивизии. Это резко усиливало противовоздушную оборону.

Особое внимание ЦК партии и Государственного Комитета Обороны было сосредоточено на производстве танков и самоходной артиллерии.

К лету 1943 года кроме девяти отдельных механизированных и танковых корпусов, были сформированы и хорошо укомплектованы пять танковых армий новой организации, имевших в своем составе, как правило, два танковых и один механизированный корпуса. Кроме того, для обеспечения прорыва обороны противника и усиления армий было создано 18 тяжелых танковых полков.

Проводилась большая работа по реорганизации военно-воздушных сил, на вооружение которых поступали самолеты усовершенствованных конструкций, такие как Ла-5, Як-9, Пе-2, Ту-2, Ил-4. Эти самолеты по своим тактико-техническим данным тогда превосходили немецкие самолеты. К лету почти вся авиация была перевооружена новой материальной частью и был сформирован ряд дополнительных авиационных частей, соединений резерва Верховного Главнокомандования, в том числе 8 авиакорпусов авиации дальнего действия.

По количеству авиации наши ВВС уже превосходили немецкие воздушные силы. Каждый фронт имел свою воздушную армию численностью в 700—800 самолетов.

Большое количество артиллерии было переведено на моторизованную тягу. Машинами отечественного производства и “студебеккерами” были обеспечены инженерные части и войска связи. Тылы всех важнейших фронтов получили значительное количество автомобилей. В распоряжение Управления тылом Красной Армии поступили десятки новых автомобильных батальонов и полков, что резко повысило маневренность и работоспособность всей службы тыла.

Много внимания уделялось подготовке людских резервов. В 1943 году в различных учебных центрах обучались и переподготавливались до двух миллионов человек, формировались и сколачивались крупные стратегические резервы. На 1 июля в резерве Ставки было несколько общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии.

К июлю 1943 года в составе нашей действующей армии было свыше 6,6 миллиона человек, 105 тысяч орудий и минометов, около 2200 боевых установок полевой реактивной артиллерии, более 10 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 10300 боевых самолетов{43}.

Огромная работа, проведенная Государственным Комитетом Обороны, нашей партией по усилению советских войск и их переподготовке на основе опыта войны, резко повысила боевые возможности войск действующих фронтов.

Коммунистическая партия, как всегда, уделяла много внимания повышению уровня партийно-политической работы в армии. В ряды войск вливались новые тысячи коммунистов, которые своей активностью еще выше поднимали боевой дух мужественных воинов Красной Армии. К концу 1943 года в Советских Вооруженных Силах насчитывалось уже 2,7 миллиона коммунистов и примерно столько же воинов-комсомольцев.

В тылу врага активно действовали более 120 тысяч партизан, объединенных в отряды, руководство которыми осуществляли подпольные райкомы, горкомы и обкомы партии.

Наибольшее количество партизанских отрядов действовало в Белоруссии. Там насчитывалось в общей сложности около 650 отрядов.

Политорганы, партийные и комсомольские организации направляли все свои усилия на повышение моральных качеств и политической сознательности личного состава войск. Этому способствовала перестройка армейских партийных организаций, которая осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года “О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет”.

Согласно этому постановлению парторганизации стали создаваться не в полках, а в батальонах. Полковые же бюро приравнивались к парткомам. Такая структура парторганизаций способствовала более конкретному руководству коммунистами в низовых звеньях. Партийно-политическая работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций на основе майского решения Центрального Комитета партии явилась одним из важнейших условий роста боеготовности Советских Вооруженных Сил накануне грандиозных и ожесточенных сражений с врагом в летне-осенней кампании 1943 года.

В целом к лету 1943 года перед Курской битвой наши вооруженные силы, как в количественном, так и в качественном отношении превосходили немецко-фашистские войска.

Советское Верховное Главнокомандование теперь имело все необходимые средства для того, чтобы разгромить вражеские войска, решительно и твердо взять в руки стратегическую инициативу на всех важнейших направлениях и диктовать врагу свою волю.

Враг готовился взять реванш за поражение под Сталинградом.

Гитлеровское военно-политическое руководство, отдавая себе отчет в том, что его вооруженные силы растеряли былое превосходство над Красной Армией, принимало тотальные меры, чтобы бросить на советско-германский фронт все, что только можно было.

С Запада были переброшены в значительных количествах наиболее боеспособные войска. Военная промышленность, работая по 24 часа в сутки, торопилась дать новые танки “тигр” и “пантера” и тяжелые самоходные орудия “фердинанд”. Военно-воздушные силы получили новые самолеты “Фокке-Вульф-190-А” и “Хейнкель-129”. Немецкие войска в значительных размерах получили пополнение личным составом и материальной частью.

На советско-германском фронте на стороне противника действовали 232 дивизии Германии и ее союзников, свыше 5,3 миллиона человек, свыше 54 тысяч орудий и минометов, 5850 танков и штурмовых орудий, около трех тысяч боевых самолетов. В штабах всех степеней шла усиленная работа над планами предстоящих наступательных действий.

Для проведения задуманной операции против курского выступа германское командование сосредоточило 50 лучших своих дивизий, в том числе 16 танковых и

моторизованных, 11 танковых батальонов и дивизионов штурмовых орудий, в которых насчитывалось до 2700 танков и штурмовых орудий и свыше 2000 самолетов (почти 69 процентов всех боевых самолетов, находившихся на Востоке). Были готовы к боевым действиям свыше 900 тысяч человек.

Немецкое командование было уверено в успехе. Фашистская пропаганда принимала все меры к тому, чтобы поднять боевой дух в войсках, обещая в предстоящих сражениях безусловную победу...

В первой половине мая я вернулся в Ставку из войск Северо-Кавказского фронта. В это время в Генеральном штабе в основном заканчивалось планирование летней кампании. Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в район Орла, Кром, Брянска, Харькова, Красограда, Полтавы. Это подтверждало наши апрельские предположения. В Ставке и Генеральном штабе укреплялось мнение о возможном переходе немецких войск в наступление в ближайшие же дни.

Верховный Главнокомандующий потребовал предупредить Центральный, Брянский, Воронежский и Юго-Западный фронты о том, чтобы войска фронтов были в полной готовности встретить наступление. По его указанию была отдана директива Ставки за № 30123, в которой предусматривались возможные активные действия противника. Для срыва ожидаемого наступления готовилась авиационная и артиллерийская контрподготовка.

Командование фронтов, получив предупреждение Ставки, приняло ряд дополнительных мер по усилению системы огня в обороне, противотанковой обороны и инженерных заграждений.

Вот одно из донесений командования Центрального фронта по этому вопросу:

“Ставка Верховного Главнокомандования

тов. Сталину И. В.

Во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 8 мая сего года № 30123 докладываю:

1. С получением директивы Ставки отдано распоряжение всем армиям и отдельным корпусам ЦЕНТРФ о приведении войск в боевую готовность к утру 10 мая.

2. В течение 9 и 10 мая выполнено:

а) войска ориентированы о возможных наступательных действиях противника в ближайший период;

б) части первых и вторых эшелонов и резерва приведены в полную боевую готовность. Командование и штабы проверяют на местах готовность войск;

в) в полосах армий, особенно на орловском направлении, усилена войсковая разведка и огневое воздействие на противника. В соединениях первого эшелона практически

проверяется надежность огневого взаимодействия. Части вторых эшелонов и резервов проводят дополнительную рекогносцировку направлений вероятных действий и уточняют вопросы взаимодействия с частями первого боевого эшелона. Пополняются запасы боеприпасов на огневых позициях. Усилены заграждения, особенно на танкоопасных направлениях. Производится минирование глубины оборонительных полос. Проверена техническая связь — работает бесперебойно.

3. 16-я воздушная армия активизировала воздушную разведку и ведет тщательное наблюдение за противником в районе Глазуновка—Орел—Кромы—Комарики. Авиасоединения и части армии приведены в боевую готовность для отражения ударов авиации противника и срыва возможных его наступательных действий.

4. Для срыва возможного наступления противника на Орловско-курском направлении подготовлена контрподготовга, в которой участвует вся артиллерия 13-й армии и авиация 16-й воздушной армии.

Рокоссовский, Телегин, Малинин,

№ 00219”.

Примерно такие же донесения поступали и с других фронтов.

Несколько иначе смотрел на складывавшуюся ситуацию генерал армии Н. Ф. Ватутин. Не отрицая оборонительных мероприятий, он предлагал Верховному нанести противнику упреждающий удар по его белгородско-харьковской группировке. В этом его полностью поддерживал член Военного совета Н. С. Хрущев.

Начальник Генштаба А. М. Василевский, А. И. Антонов и другие работники Генштаба не разделяли это предложение Военного совета Воронежского фронта. Я полностью был согласен с мнением Генерального штаба, о чем и доложил И. В. Сталину.

Верховный сам все еще колебался — встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар. И. В. Сталин говорил, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями. Это колебание продолжалось, как я помню, почти до середины мая.

После многократных обсуждений Верховный наконец решил встретить наступление немцев огнем всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях.

После разгрома немцев в районе Курской дуги Ставка предполагала освободить Донбасс, всю Левобережную Украину, ликвидировать плацдарм противника на Таманском полуострове, освободить восточные районы Белоруссии и создать условия для полного изгнания противника с нашей территории.

Разгром основных сил противника Ставка планировала осуществить следующим образом. Как только будет установлено окончательное сосредоточение главных группировок противника в исходных районах для наступления, внезапно накрыть их мощным огнем всех видов артиллерии и минометов и одновременно нанести удар всеми силами авиации. Удары авиации было решено продолжать в течение всего времени оборонительного сражения, привлекая для этого авиацию соседних фронтов и авиацию дальнего действия резерва Верховного Главнокомандования.

При переходе противника в наступление войска Воронежского и Центрального фронтов должны были упорно защищать каждую позицию, каждый рубеж огнем, контратаками и контрударами из глубины. Для этого заранее предусматривалось подтягивание к угрожаемым участкам резервов из оперативной глубины, в том числе танковых корпусов и танковых армий.

Когда же враг будет обессилен и остановлен, незамедлительно перейти в контрнаступление силами Воронежского, Центрального, Степного, Брянского, левым крылом Западного и правым крылом Юго-Западного фронтов.

В соответствии с принятым решением директивой Ставки войскам были поставлены следующие задачи.

Центральному фронту оборонять северную часть курского выступа, с тем чтобы в ходе оборонительной операции измотать и обескровить противника, после чего перейти в контрнаступление и во взаимодействии с Брянским и Западным фронтами разгромить группировку немецких войск в районе Орла.

Воронежскому фронту, оборонявшему южную часть курского выступа, также измотать и обескровить противника, после чего во взаимодействии со Степным фронтом и правым крылом Юго-Западного фронта перейти в контрнаступление и завершить разгром противника в районе Белгорода и Харькова. Главные усилия Воронежского фронта сосредоточить на своем левом фланге на участке 6-й и 7-й гвардейских армий.

Степной фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами на рубеже Измалково—Ливны—река Кшень— Белый Колодезь, получил задачу подготовить оборону на вышеуказанном рубеже и обеспечить парирование возможных прорывов противника со стороны Центрального и Воронежского фронтов, а также быть в готовности к переходу к наступательным действиям.

Войскам Брянского фронта и левого крыла Западного фронта надлежало содействовать Центральному фронту в срыве наступления противника и также быть готовыми к переходу в наступление на орловском направлении.

Перед Центральным штабом партизанского движения была поставлена задача организовать в тылу врага массовые диверсии на всех важнейших коммуникациях противника Орловской, Харьковской и других областей, а также сбор и направление в Ставку важнейших разведывательных данных о противнике.

Чтобы сковать войска противника и не допустить маневрирования его резервами, были предусмотрены частные наступательные операции на ряде направлений юга страны и на северо-западном направлении.

К предстоящим сражениям в районе Курска советские войска готовились в мае и июне. Лично мне пришлось оба эти месяца провести в войсках Воронежского и Центрального фронтов, изучая обстановку и ход подготовки наших войск к предстоящим действиям.

Вот одно из типичных донесений того времени в Ставку Верховного Главнокомандования.

“22.5.43. 4.48.

Товарищу Иванову{44}.

Докладываю обстановку на 21.5.43 г. на Центральном фронте.

1. На 21.5. всеми видами разведки установлено: в первой линии обороны противник перед Центральным фронтом имеет 15 пехотных дивизий; во второй линии и резерве — 13 дивизий, из них три танковые.

Кроме того, есть сведения о сосредоточении южнее Орла 2-й танковой дивизии и 36-й мотодивизии. Сведения об этих двух дивизиях требуют проверки.

4-я танковая дивизия противника, ранее находившаяся западнее Севска, куда-то переброшена. Кроме того, в районе Брянска и Карачева находятся три дивизии, из которых две танковые.

Следовательно, на 21.5 противник против Центрального фронта может действовать тридцатью тремя дивизиями, из них шестью — танковыми.

Инструментальной и визуальной разведкой фронта выявлено 800 орудий, главным образом 105- и 150-миллиметровых.

Основные силы артиллерии противник имеет против 13-й армии, левого фланга 48-й армии и правого фланга 70-й армии, то есть на участке Троено—Первое Поздеево. За этой главной артиллерийской группировкой на линии Змиевка—Красная роща расположено до 600—700 танков. Причем главная масса сосредоточена восточнее реки Оки.

В районе Орла, Брянска, Смоленска противник сосредоточил 600—650 самолетов. Главную группировку авиации противник имеет в районе Орла.

В последние дни как на земле, так и в воздухе противник держит себя пассивно, ограничиваясь небольшой воздушной разведкой и редкими огневыми налетами.

На переднем крае и в глубине тактической обороны противник ведет окопные работы, особенно усиленно развивает свои оборонительные позиции перед фронтом 13-й армии и на участке Красная слободка—Сеньково, где у него уже появилась вторая линия обороны за рекой Неручь. По данным наблюдения, противник создает на этом направлении третью линию обороны в 3—4 километрах севернее реки Неручь.

Пленные показывают, что немецкому командованию известно о нашей группировке южнее Орла и нашем готовящемся наступлении и немецкие части предупреждены об этом. Захваченные летчики показывают, что якобы немецкое командование само готовит наступление и что для этой цели стягивается авиация.

Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й и 13-й армий, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь, противник очень искусно маскирует свои приготовления, но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может.

2. Оборона 13-й и 70-й наших армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерийской плотностью, и если противник ударит по армии Романенко и вздумает обойти Малоархангельск с востока с целью обхода главной группировки Костина{45}, то Романенко не сможет сдержать удара противника. Резервы же фронта расположены главным образом за Пуховым и Галаниным, они вовремя на помощь Романенко подоспеть не смогут.

Я считаю, Романенко надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя ИПТАП и двумя минометными или артиллерийскими полками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, если будет нужно, может плотной группировкой перейти в наступление.

В обороне Пухова и Галанина и других армий фронта основные недостатки заключаются в отсутствии ИПТАП. Фронт на сегодняшний день имеет ИПТАП всего четыре, из них два без тяги находятся в тылах фронта.

Ввиду большого некомплекта 45-миллиметровых орудий в батальонах и полках противотанковая оборона первых эшелонов и переднего края организована слабо.

Считаю, Костину нужно как можно быстрее дать четыре полка ИПТАП (с Романенко 6), три полка самоходной 152-миллиметровой артиллерии.

3. Подготовка Костина к наступлению не закончена. Проработав этот вопрос на местности с Костиным и Пуховым, мы пришли к выводу о необходимости сдвинуть участок прорыва на два-три километра западнее намеченного участка Костиным, то есть до Архангельского включительно, и пустить в первом эшелоне один усиленный корпус с танковым корпусом западнее железной дороги.

С артиллерийской группировкой планируемый прорыв Костин сделать не сможет, так как противник значительно усилил и глубже эшелонировал свою оборону на этом направлении.

Для того чтобы сделать прорыв наверняка, Костину нужно еще перебросить один артиллерийский корпус.

Боеприпасов фронт имеет в среднем полтора боекомплекта.

Прошу обязать Яковлева в двухнедельный срок доставить фронту три боекомплекта основных калибров.

4. У Пухова сейчас имеется 12 дивизий, шесть из них объединены в два корпуса, шестью дивизиями Пухов командует сам. Для пользы дела прошу приказать срочно сформировать и перебросить для Пухова два корпусных управления, одно корпусное управление сформировать и перебросить для Галанина, у которого сейчас пять отдельных дивизий, кроме стрелкового корпуса.

Прошу вашего решения.

Юрьев

№ 2069".

В таком же порядке изучалась обстановка и в войсках Воронежского фронта, о чем я тотчас же сообщал в Ставку. Командование

Псевдоним Г. К Жукова. Прим. Ред фронтов и их штабы, в свою очередь, следя за каждым шагом противника и обобщая обстановку, также немедленно доносили в Генеральный штаб и Ставку.

Наблюдая работу штабов войск, фронтов и Генерального штаба, должен сказать, что их неутомимая деятельность сыграла важнейшую роль в сражениях летнего периода. Штабные работники дни и ночи кропотливо собирали и анализировали сведения о войсках противника, об их возможностях и намерениях. Обобщенные данные докладывались командованию для принятия основных решений.

Для того чтобы разработать план действий войск в районе курского выступа, Ставка и Генштаб должны были организовать тщательную разведку с целью получения сведений о расположении войск противника, совершаемых перегруппировках бронетанковых, артиллерийских соединений, бомбардировочной и истребительной авиации и, самое важное, получить данные о намерениях командования войск противника.

Тот, кто знаком с объемом и методом подготовки крупных операций, сможет оценить всю сложность и многообразие работы штабов и командования по подготовке Курской битвы.

Обрабатывая полученные сведения, Генштаб должен был глубоко проанализировать их, сделать надлежащие выводы из всех многочисленных сообщений, среди которых могли быть и дезинформационные, и ошибочные. Ведь такую многогранную работу, как известно, выполняют тысячи людей в органах агентурной и войсковой разведки, партизаны и сочувствующие нашей борьбе люди.

Противник, готовясь к наступлению, проводил систему специальных мероприятий, чтобы скрыть свои намерения: ложные перегруппировки и прочие обманные действия. В этом высшие штабы должны были суметь разобраться и отличить настоящее от фальшивого.

Подобного рода работа всегда может быть организована в больших масштабах только в результате централизованных указаний, объединения всех усилий, а не на основе тех или иных отдельных идей или предположений.

Конечно, и при такой системе возможны некоторые ошибки.

Так, Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовали 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. В них было до 1500 танков и штурмовых орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1200 танков и штурмовых орудий. Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справится с отражением наступления противника, чем Воронежский фронт.

Как расположены были основные группы войск к началу битвы?

Наиболее опасные рубежи обороны в районе Белгорода занимали 6-я гвардейская армия под командованием генерала И. М. Чистякова и 7-я гвардейская под командованием генерала М. С. Шумилова. Непосредственно за 6-й армией во втором эшелоне фронта обороны на обоянском направлении располагалась 1-я танковая армия под командованием генерала М. Е. Катукова. За стыком 6-й и 7-й армий, прикрывая направление на Корочу и Прохоровку, стояла 69-я армия. Резервы фронта— 35-й гвардейский стрелковый корпус и 2-й гвардейский танковый корпус были расположены в районе Корочи, 5-й гвардейский танковый корпус — южнее Обояни.

1-я танковая армия подготовила для всех частей оборонительные рубежи и прочные инженерные сооружения, чтобы в случае надобности встретить вражеские войска с места огнем танков и всех других видов оружия.

В результате творческой работы войск было со всей тщательностью отработано взаимодействие огневой системы с соседними войсками как по фронту, так и в глубину, а также взаимодействие с авиацией.

На наиболее опасном участке Центрального фронта в районе Понырей оборонялась 13-я армия под командованием генерала Н. П. Пухова. За стыком этой армии и 70-й армии И. В. Галанина в оперативной глубине расположилась 2-я танковая армия под командованием генерала А. Г. Родина.

В резерве фронта находились 18-й стрелковый корпус, 9-й, 19-й танковые, а также кавалерийский корпуса и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских частей. С воздуха войска фронта поддерживала 16-я воздушная армия под командованием генерала С. И. Руденко.

Хочется сказать и о наших резервах. Подготавливая Курскую операцию, Ставка приложила много усилий к тому, чтобы иметь в своем распоряжении крупные резервы.

На рубеже Ливны—Старый Оскол были сосредоточены войска Степного фронта, которые предназначались для парирования случайностей и в качестве мощной фронтовой группировки для перехода в общее контрнаступление. В состав Степного фронта были включены 5-я гвардейская общевойсковая армия генерала А. С. Жадова, 27, 53-я, 47-я общевойсковые армии, 5-я гвардейская танковая армия, 1-й гвардейский механизированный корпус, 4-й гвардейский танковый и 10-й танковый корпуса, 3, 5-й, 7-й кавалерийские корпуса. С воздуха Степной фронт поддерживался 5-й воздушной армией. Фронтом командовал генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета был

генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальником штаба фронта — генерал-лейтенант М. В. Захаров.

Степному фронту отводилась весьма важная роль. Он не должен был допустить глубокого прорыва наступавшего противника, а при переходе наших войск в контрнаступление его задача заключалась в том, чтобы нарастить мощь удара наших войск из глубины. Расположение войск фронта на значительном удалении от противника обеспечивало ему свободный маневр всеми силами фронта или частью их.

По своему составу и целевому назначению Степной фронт существенно отличался от Резервного фронта, действовавшего осенью 1941 года на подступах к Москве. Резервный фронт тогда, по существу, являлся вторым оперативным эшелоном, расположенным основными силами на тыловых рубежах Западного фронта.

В последних числах июня обстановка окончательно прояснилась, и для нас стало очевидно, что именно здесь, в районе Курска, а не где-нибудь в другом месте противник в ближайшие дни перейдет в наступление. 30 июня мне позвонил И. В. Сталин. Он сказал, чтобы я оставался на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов.

— На Воронежский фронт, — сказал Верховный, — командируется Василевский.

В эти дни, находясь на Центральном фронте, я вместе с К. К. Рокоссовским работал в войсках 13-й армии, во 2-й танковой армии и резервных корпусах. На участке 13-й армии, где ожидался главный удар противника, была создана исключительно большая плотность артиллерийского огня. В районе Понырей был развернут 4-й артиллерийский корпус резерва Главного Командования, имевший в своем составе 700 орудий и минометов. Здесь же были расположены все основные силы фронтовых артиллерийских частей и резерва Верховного Главнокомандования. Артиллерийская плотность была доведена до 92 орудий и минометов на 1 километр фронта.

Для отражения массированного танкового удара противотанковая оборона на обоих фронтах строилась на всю глубину расположения войск, которая максимально была оснащена артиллерией, танками и инженерно-минными средствами.

На Центральном фронте наиболее мощная противотанковая оборона была подготовлена в полосе 13-й армии и на примыкавших к ней флангах 48-й и 70-й армий. Противотанковая артиллерийская оборона в полосе 13-й армии Центрального фронта составляла более 30 единиц на 1 километр фронта.

На Воронежском фронте в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий плотность составляла по 15,6 орудия на 1 километр фронта, а с учетом средств, расположенных во 2-м эшелоне, — до 30 орудий на 1 километр. Кроме того, противотанковая оборона на этом участке была усилена двумя танковыми полками и одной танковой бригадой.

На всех танкоопасных направлениях оборона состояла из противотанковых опорных пунктов и районов. Кроме артиллерии и танков, широко применялось минирование, отрывались противотанковые рвы, эскарпы и другие инженерно-заградительные средства. Широко применялись подвижные отряды заграждений и противотанковые резервы.

Все эти противотанковые средства были достаточно эффективными — сказывался огромный опыт, добытый в тяжелых предшествовавших боях. Танковым войскам противника было нанесено поражение, которое во многом способствовало общему разгрому врага.

Из трофейных документов и разведданных было установлено, что против Центрального и Воронежского фронтов действует авиация в составе 1, 4-го и 8-го авиационных корпусов, общим количеством более 2 тысяч боевых самолетов, под общим командованием генерал-фельдмаршала Рихтгофена.

Вражеская авиация начиная с марта постепенно наращивала свои авиационные удары по железнодорожным узлам, магистралям, по городам и важнейшим тыловым объектам, а с июня она все чаще и чаще стала заходить на войска и наши тылы.

Прикрытие войск и всего курского выступа обеспечивалось 2, 5-й и 16-й воздушными армиями и двумя истребительными авиадивизиями ПВО страны. Учитывая ожидаемое наступление противника, фронты были дополнительно усилены зенитными средствами, которые позволили фронтам прикрыть большое количество объектов двух-, трех-, четырех- и даже пятислоиным огнем.

Зенитная артиллерийская оборона была увязана с истребительной авиацией и со всей службой наблюдения, оповещения и наведения. Тщательная и хорошо организованная противовоздушная оборона фронтов и всего курского выступа дала возможность надежно прикрыть войска и нанести большие потери вражеской авиации.

Глубина инженерного оборудования фронтов достигла свыше 150 километров, а с учетом Степного фронта общая глубина составила 250—300 километров. В инженерном отношении фронты сделали исключительно много. Войскам была дана возможность обезопасить себя от огня и эффективно уничтожать наступающего противника.

Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, армий и соединений. К сожалению, у нас очень мало пишут о тылах, работниках тыловой службы, которые своим трудом, своей творческой инициативой помогали войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-исторической победой.

Вообще без хорошо организованного и четко работающего тыла современные сражения успешно проводить нельзя. Отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения войск в процессе операции неизбежно приводит к неудачам.

“Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах, организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немыслимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций”{46}, — говорил М. В. Фрунзе.

Тыл Центрального фронта возглавлял генерал Н. А. Антипенко. Еще в период битвы под Москвой Николай Александрович был начальником тыла 49-й армии Западного фронта и показал себя выдающимся организатором тыловой службы. Отличную работу провел

также начальник тыла 1-го Украинского фронта генерал Н. П. Анисимов, который хорошо помог в материально-техническом обеспечении войск, ведущих сражения в сложных условиях. Н. П. Анисимов пользовался в войсках и тылах вполне заслуженным авторитетом. Особенно он запомнился мне во время Проскурово-Черновицкой операции, где он прекрасно справился с организацией тыла фронта, несмотря на полное весеннее бездорожье.

Для обеспечения запланированных Ставкой действий фронтов требовалось провести колоссальнейшую работу по материально-техническому обеспечению предстоящих операций. Известно, что только со стороны Центрального и Воронежского фронтов в боевых действиях участвовали 1336 тысяч человек, 3444 танка и самоходно-артиллерийские установки, 19,1 тысячи орудий и минометов, 2900 самолетов (с учетом авиации дальнего действия и 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта).

Несмотря на трудные погодные условия, большие транспортные затруднения и попытки врага своими авиационными налетами сорвать подвоз всего необходимого для предстоящих операций, тылы фронтов блестяще справились с возложенной на них задачей. Они полностью обеспечили не только оборонительный период сражения, но и быстрый переход к контрнаступательным действиям.

Мне трудно сказать, тыл какого фронта был подготовлен лучше, но, учитывая то, что Центральному фронту понадобилось меньше времени для материального обеспечения перехода в контрнаступление, считаю, что здесь тыл как перед началом операции, так и в процессе ее работал наиболее оперативно. Конечно, здесь немалую роль сыграл масштаб колебаний фронтов в ходе операции.

Должен сказать, что Военные советы фронтов много занимались вопросами тыла.

Большую помощь тылам и непосредственно войскам оказало местное население района Курской дуги. Промышленные предприятия прифронтовых районов ремонтировали танки, самолеты, машины, артиллерийскую и иную технику. В большом количестве шилось обмундирование и госпитальная одежда. Огромная работа была проведена по созданию оборонительных рубежей, постройке и ремонту дорог.

Можно сказать, фронт и тыл здесь воистину были слиты воедино. Каждый делал все, что только мог, для победы над врагом. В этом ярко проявлялась общность цели нашего народа и вооруженных сил в борьбе за свою социалистическую Родину.

Генералы Н. Ф. Ватутин и К. К. Рокоссовский лично много занимались вопросами тыла, и этим в значительной степени объяснялась хорошая материально-техническая обеспеченность войск к началу сражения.

Об усилиях тех напряженных дней хорошо рассказал Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей статье “Историческое сражение”, опубликованной в “Правде” 4 июля 1968 года в связи с 25-летием разгрома немецко-фашистских войск под Курском.

“Трудно перечислить весь круг крупных мероприятий, которые были проведены Государственным Комитетом Обороны, Ставкой и Генеральным штабом в интересах подготовки к решающей битве на Курской дуге. Это была огромная, поистине титаническая работа.

В числе таких мероприятий было и создание многополосной обороны на курском направлении на общую глубину 250—300 километров, и выдвижение в район восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки — Степного фронта, и осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения в район Курска материальных средств и войск, и организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе, и активизация действий партизан с целью организации массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных, и проведение целого комплекса мероприятий по политическому обеспечению предстоявших действий Красной Армии".

Итак, во всех наземных и воздушных войсках в мае и июне проходила напряженная боевая подготовка, каждый боец и командир готовился к встрече с врагом.

И эта встреча вскоре состоялась...

Всеми видами разведки Ставке и фронтам удалось установить время перехода в наступление противника. 2 июля Ставка предупредила командующих фронтами о возможном переходе противника в наступление в период с 3 по 6 июля.

Теперь нашей ближайшей задачей становилось проведение мощной артиллерийской и авиационной контрподготовки советских войск.

Вечером 4 июля я был в штабе К. К. Рокоссовского. После разговора по ВЧ с А. М. Василевским, который находился в штабе Н. Ф. Ватутина, я уже знал о результатах боя с передовыми отрядами противника в районе Белгорода. Стало известно, что сведения, полученные в тот день от захваченного пленного солдата 168-й пехотной дивизии, о переходе противника в наступление на рассвете 5 июля подтверждаются и что, как это было предусмотрено планом Ставки, Воронежским фронтом будет проведена артиллерийская и авиационная контрподготовка.

Эти сведения я тут же передал К. К. Рокоссовскому и М. С. Малинину.

В третьем часу утра К. К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапер 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось — 3 часа утра 5 июля.

К. К. Рокоссовский спросил меня:

— Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Сталину и доложу о принятом решении.

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А. М. Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И. В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать.

— Буду в Ставке ждать развития событий, — сказал он.

Я почувствовал, что Верховный находится в напряженном состоянии. Да и все мы, несмотря на то, что удалось построить глубоко эшелонированную оборону и что в наших руках теперь находились мощные средства удара по немецким войскам, сильно волновались и были крайне возбуждены. Была глубокая ночь, но сон как рукой сняло.

Мы с К. К. Рокоссовским, как всегда в таких случаях, перебрались в штаб фронта. Начальника штаба Центрального фронта М. С. Малинина я знал со времени битвы под Москвой, тогда он являлся начальником штаба 16-й армии. Это был всесторонне подготовленный командир, штабной работник высокого класса. Он отлично выполнял возложенные на штаб обязанности. Ему очень помогал начальник оперативного отдела генерал И. И. Бойков. Скромный, трудолюбивый, инициативный, он был правой рукой начальника штаба фронта. Вот и сейчас — кругом телефонные звонки, нетерпеливые вопросы и запросы, а он спокоен, как всегда.

Здесь же находился начальник штаба артиллерии фронта полковник Г. С. Надысев. Он то и дело выходил для переговоров с командирами артиллерийских соединений резерва Верховного Главнокомандования и с командующим артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, находившимся в это время в 4-м артиллерийском корпусе.

Следует сказать, что штабы артиллерии и все командующие артиллерией фронтов, армий и соединений хорошо и умно поработали над организацией артиллерийской обороны и контрподготовки. В 2 часа 20 минут был отдан приказ о начале контрподготовки. Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской “симфонии” звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, “катюш” и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 километрах. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникла страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы укрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...

В 2 часа 30 минут, когда уже вовсю шла контрподготовка, позвонил Верховный и спросил:

— Ну как? Начали?

— Начали.

— Как ведет себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но быстро замолк.

— Хорошо. Я еще позвоню.

Тогда трудно было сразу определить результаты нашей контрподготовки, но начатое противником в 5 часов 30 минут недостаточно организованное и не везде одновременное наступление говорило о серьезных потерях, которые она нанесла противнику.

Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным. По их сведениям, сильно пострадала артиллерия и почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления.

Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля. Хотя при тех разведывательных средствах, которыми мы тогда располагали, нелегко было точно установить местоположение целей, но все же можно было сделать значительно больше, чем это было сделано.

В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность противнику избежать массовых жертв. Через два—два с половиной часа он сумел перейти в наступление и в первый же день, несмотря на небывалую плотность огня нашей обороны, продвинулся на 3—6 километров. А этого могло и не быть при лучшей организации контрподготовки и более значительном поражении противника.

Правда, нельзя сбрасывать со счетов, что контрподготовка проводилась ночью, вследствие чего участие авиации было незначительным и, прямо скажем, малоэффективным, а удары по аэродромам противника на рассвете полностью не достигли своей цели, так как к этому времени немецкое командование уже подняло авиацию в воздух для взаимодействия со своими наземными войсками.

Значительно эффективнее действовала авиация по тактическим боевым порядкам и по колоннам противника, совершавшим перегруппировки в ходе сражения.

Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже.

Между половиной пятого и пятью часами утра 5 июля вместе с появлением авиации противника был открыт артиллерийский огонь по обороне Центрального фронта, особенно сильный по войскам 13-й армии. Через полчаса немецкие войска начали наступление.

Противник бросил в атаку в первом атакующем эшелоне три танковые и пять пехотных дивизий. Удару подверглись войска 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий. Атака была встречена мощным огнем всей системы нашей обороны и отбита с потерями для немецко-фашистских войск.

В течение всего дня 5 июля противник провел пять яростных атак, пытаясь ворваться в оборону наших войск, но не сумел добиться существенных результатов. Почти на всех

участках фронта войска твердо стояли на своих рубежах, и казалось, что пока нет такой силы, чтобы сдвинуть их с места. Только к исходу дня в районе Ольховатки и еще кое-где части противника вклинились в нашу оборону на глубину от 3 до 6 километров.

Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А Б. Баринова, 15-я дивизия полковника В. Н. Джанджгавы, 307-я дивизия генерала М. А. Еншина и 3-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада полковника В. Н. Рукосуева. Основной удар приняла на себя батарея капитана Г. И. Игишева, которая за один день уничтожила 19 танков противника. Все воины этой батареи героически погибли в бою, но врага не пропустили.

Смело дралась 70-я армия генерала И. В. Галанина, сформированная из хорошо подготовленных пограничников Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии.

Вечером было принято решение с утра следующего дня, то есть 6 июля, ввести в сражение 2-ю танковую армию и резервный 19-й танковый корпус, которые в тесном взаимодействии с войсками 13-й армии должны были нанести контрудар и отбросить противника в исходное положение, восстановив всю систему обороны на участке 13-й армии.

Особую боевую доблесть проявили части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, 203-й гвардейский стрелковый полк 70-й гвардейской дивизии под командованием майора В. О. Коноваленко за 6 июля отбил до шестнадцати атак противника и нанес ему тяжелые потери.

Однако, несмотря на хорошо организованную оборону, величайшее мужество и массовый героизм наших войск, за 5 и 6 июля войскам противника ценою больших потерь все же удалось продвинуться на отдельных участках до 10 километров. Оба дня, невзирая на колоссальные потери, свирепствовала его авиация. Но прорвать тактическую оборону враг так и не смог.

Перегруппировав свои ударные танковые части, противник с утра 7 июля бросился в ожесточенную атаку на Поныри. Здесь занимала оборону 307-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М. А. Еншина, усиленная 5-й артиллерийской дивизией, 13-й противотанковой артбригадой, 11-й и 22-й минометными бригадами.

Целый день в районе Понырей не смолкал непрерывный гул ожесточенного наземного и воздушного сражения. Враг бросал в бой все новые и новые танковые части, но и здесь ему не удалось сломить оборону.

8 июля усилились атаки в направлении Ольховатки. Здесь противник вновь натолкнулся на героическую стойкость советских воинов. Особенно отличились артиллеристы 3-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады полковника В. Н. Рукосуева. Бригада вела неравный бой с 300 танками противника.

Последующие попытки прорвать оборону советских войск также не дали противнику положительных результатов.

Так, до 10 июля, потеряв значительную часть танков, на которые Гитлер делал основную ставку, немецкие войска не смогли продвинуться вперед ни на один километр.

Еще в ходе описываемых сражений под утро 9 июля на командный пункт Центрального фронта мне позвонил И. В. Сталин и, ознакомившись с обстановкой, сказал:

— Не пора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом?

— Здесь, на участке Центрального фронта, противник уже не располагает силой, способной прорвать оборону наших войск, — ответил я. — Чтобы не дать ему времени на организацию обороны, к которой он вынужден будет перейти, следует немедленно переходить в наступление всеми силами Брянского фронта и левым крылом Западного фронта, без которых Центральный фронт не сможет успешно провести запланированное контрнаступление.

— Согласен. Выезжайте к Попову и вводите в дело Брянский фронт. Когда можно будет начать наступление Брянского фронта?

— Двенадцатого.

— Согласен.

О положении дел на участках Воронежского фронта я не стал расспрашивать Верховного, так как держал непосредственную связь с А. М. Василевским, с Генеральным штабом и знал, что там так же, как и на участках Центрального фронта, разыгралось ожесточеннейшее сражение.

Вкратце позволю себе изложить события первого дня битвы на участке Воронежского фронта, о которых мне было известно из донесения в Ставку командования фронта.

В 16 часов 10 минут 4 июля противник начал наступательные действия передовыми отрядами. Эти действия, видимо, носили разведывательный характер. 5 июля из района Стрелецкий—Томаровка—Зыбино—Трефиловка после артиллерийского удара и авиационного налета враг перешел в наступление, введя в дело не менее 450 танков.

Первая атака была отбита.

Во второй половине дня, введя в дело тяжелые танки “тигр”, противник вновь ринулся в наступление. На этот раз ему удалось сломить сопротивление 52-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал полковник И. М. Некрасов, и занять ряд населенных пунктов, в том числе Березов, Гремучий, Быково, Козьма-Демьяновку, Вознесенский. Соседняя 67-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А. И. Баксова, подвергшаяся сильному удару, оставила Черкасское и отошла на рубеж Красный Починок.

За день боя немецко-фашистским войскам были нанесены колоссальные потери, но и войска фронта потеряли до 60 танков, 78 самолетов, значительное количество личного состава.

Из анализа действий противника чувствовалось, что в районе Белгорода его войсками руководят более инициативные и опытные генералы. Это действительно было так. Во главе группировки стоял генерал-фельдмаршал Манштейн, один из способнейших и волевых полководцев немецко-фашистских войск.

Как развивались события на Брянском фронте?

Вечером 9 июля, как было указано Верховным, я был в штабе фронта, где встретился с командующим М. М. Поповым, членом Военного совета Л. З. Мехлисом и начальником штаба фронта Л. М. Сандаловым. Они уже получили указание Ставки о переходе в наступление войск фронта.

Должен отметить исключительно оперативную грамотность и умение четко спланировать наступательные действия, организовать систему управления войсками начальника штаба фронта генерала Л. М. Сандалова. Знал я его еще со времени битвы под Москвой, где он был в должности начальника штаба 20-й армии. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов, глубоко разбиравшийся в оперативно-стратегических вопросах.

Планирование наступления в армиях было заранее продумано и подготовлено. Во главе армий стояли исключительно способные и опытные генералы, 3-й армией командовал генерал А. В. Горбатов, 61-й армией — генерал П. А. Белов, 63-й — генерал В. Я. Колпакчи, 3-й гвардейской танковой армией — генерал П. С. Рыбалко, 11-й гвардейской армией Западного фронта, которой предстояло наступать одновременно с Брянским фронтом, командовал генерал И. Х. Баграмян.

Во всех этих армиях Брянского и Западного фронтов я побывал и по мере возможности оказал их командованию помощь своими советами.

Особенно детально пришлось поработать в армии И. Х. Баграмяна, с которым у меня с давних пор сложились хорошие деловые и товарищеские взаимоотношения. В тот момент у И. Х. Баграмяна находились командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский и представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов, занимавшийся артиллерийскими вопросами.

При обсуждении метода артиллерийского огня, о котором докладывал командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал П. С. Семенов, родилась идея преподнести врагу какой-то новый, еще неизвестный ему метод.

После долгих обсуждений всеми нами было решено: атаку начинать не после артиллерийской подготовки, как это было до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в наступление, а в процессе самой артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Этот метод хорошо себя оправдал.

Я был несколько удивлен при личном разговоре с И. В.Сталиным, когда он мне сказал об “открытии” Вороновым нового метода артиллерийского наступления, как его личном изобретении. И еще больше удивился, прочитав о том же в мемуарах самого Н. Н. Воронова.

12 июля Брянский фронт и усиленная 11-я гвардейская армия Западного фронта перешли в наступление и, несмотря на глубоко эшелонированную, сильно развитую в инженерном отношении оборону и упорное сопротивление противника, прорвали ее и начали продвижение вперед в общем направлении на Орел.

Как и ожидалось, противник заметался на орловском плацдарме и стал снимать свои войска из группировки, действовавшей против Центрального фронта, и бросать их против Брянского фронта и против 11-й гвардейской армии Западного фронта. Этим незамедлительно воспользовался Центральный фронт и 15 июля перешел в контрнаступление.

Так здесь, в районе Орла, долго готовившееся гитлеровское генеральное наступление окончательно провалилось. Немецким войскам предстояло испытать горечь тяжелого поражения и ощутить могущество советского оружия, обрушившегося со всей мощью на ненавистного врага.

Однако в районе Белгорода противник наносил еще очень сильные удары. 6 июля на обоянском направлении разгорелось кровопролитнейшее сражение. С обеих сторон одновременно участвовали многие сотни самолетов, танков и самоходных орудий. Но враг не смог опрокинуть сильную оборону наших войск. Танкисты, артиллеристы и отошедшие с переднего края части мужественно отбивали многократные атаки врага. Только за 6 июля противник потерял здесь более 200 танков, десятки тысяч солдат и около 100 боевых самолетов.

Подтянув резервы и перегруппировав свои силы, противник на рассвете 7 июля ввел в дело новую сильную группировку танков и бросил против 6-й гвардейской армии и 1-й танковой армии в направлении Обоянь—Прохоровка, более 200 танков — против 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова в направлении на Корочу.

Наши 6-я гвардейская и 1-я танковая армии в ночь на 7 июля были срочно усилены фронтовыми резервами.

С утра 7 июля вновь начались ожесточенные атаки врага. В воздухе и на земле стоял несмолкаемый грохот боя, скрежет танков и гул моторов.

Войска Воронежского фронта, дравшиеся при мощной поддержке авиации, не допустили прорыва противника через вторую полосу обороны, но все же ему кое-где удалось вклиниться.

Тогда командование фронта ввело в дело на этом, ставшем теперь опасным, участке 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса, а также несколько стрелковых дивизий и артиллерийских частей, переброшенных с других направлений.

За два дня противник потерял не менее 200 танков и много другой техники. Его пехотные части уже насчитывали в своих рядах не более половины их исходной численности. Перегруппировав в течение 10 июля свои основные силы на более узком участке, противник вновь бросил их в направлении Прохоровки, рассчитывая здесь смять наши ослабевшие войска. 11 июля на прохоровском направлении продолжалось тяжелое сражение.

К исходу дня на участке Воронежского фронта наступил опасный кризис сражения. Согласно ранее разработанному плану Ставка подтянула из своего резерва сюда, в район Прохоровки, 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковую армии и наутро 12 июля ввела их в сражение. Вступив в дело, 5-я танковая армия генерала П. А. Ротмистрова имела в строю более 800 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Противник в общей сложности имел на обоянском и прохоровском направлениях не меньшее количество танков, но боевой дух его войск был уже надломлен в предшествовавших сражениях с войсками 6-й гвардейской армии, 1-й танковой и 7-й гвардейской армий.

В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенная на прохоровском направлении, где наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П.А.Ротмистрова.

В тот день на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов.

13 июля я прибыл в штаб 69-й армии Воронежского фронта, где находился также и командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев. Там уже знали, что мне поручено руководство войсками обоих фронтов. Вечером того же дня встретился на командном пункте 69-й армии с А. М. Василевским. Верховный Главнокомандующий поручил ему выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться с переходом в контрнаступление Воронежского и Степного фронтов.

Ознакомившись с обстановкой, действиями противника и своих войск, мы пришли к выводу, что надо еще энергичнее продолжать начатый контрудар, с тем чтобы на плечах отходящего противника захватить ранее занимаемые им рубежи в районе Белгорода. После этого, произведя в сжатые сроки подготовку войск, перейти всеми силами обоих фронтов в решительное контрнаступление.

На всех участках фронта шли ожесточенные, кровавые бои, горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении. Обескровленные и потерявшие веру в победу гитлеровские войска постепенно переходили к оборонительным действиям. 16 июля противник окончательно прекратил атаки и начал отвод своих тылов на Белгород. 17 июля был обнаружен и отход войск противника, лишь части, находившиеся в соприкосновении с нашими войсками, продолжали оказывать упорное сопротивление.

18 июля мы с А. М. Василевским находились на участке, где сражались части 69-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А. С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова.

Нам довелось лично наблюдать ожесточенные бои в районе совхоза “Комсомолец” и Ивановских выселок, где действовали 29-й и 18-й танковые корпуса. Здесь противник оказывал сильное огневое сопротивление и даже переходил в контратаки. За 18 июля армиям П. А. Ротмистрова и А. С. Жадова удалось оттеснить его всего лишь на 4-5 километров, а 6-я гвардейская армия И. М. Чистякова заняла только высоту в районе Верхопенье. В войсках армии И. М. Чистякова чувствовалось большое переутомление. Начиная с 4 июля они не имели ни сна, ни отдыха. Нужны были дополнительные силы, чтобы помешать планомерному отходу немецких частей. Для этого пришлось ввести в

дело 18-й танковый корпус генерал-майора Б. С. Бахарова и 29-й танковый корпус генерал-майора И. Ф. Кириченко, а также часть войск 53-й армии И. М. Манагарова.

Здесь я должен задержаться и в пределах возможного возразить против утверждения о том, что в отличие от Центрального фронта командование Воронежским фронтом не сумело точно определить направление главного удара противника, и что поэтому оно якобы рассредоточило усилия в полосе шириной 164 километра, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага. Это неверно, как и утверждение о том, что 6-я гвардейская армия, на оборону которой обрушилась главная группировка, наступавшая на Курск с юга, имела более широкую полосу обороны — 64 километра, чем ее соседи, у которых было по 50 километров. Средняя плотность артиллерии на участке этой армии равнялась 25,4 орудия и 2,4 танка на один километр фронта, тогда как во всей полосе фронта она составляла 35,6 орудия и 6,9 танка{47}.

Ставка, Генштаб и командование Воронежским фронтом, анализируя обстановку, считали, что противник нанесет свой главный удар не по одной 6-й гвардейской армии, а по 6-й и 7-й гвардейским армиям. Что касается утверждений о ширине оборонительных полос, то сосед 6-й армии справа — 40-я армия имела более широкий фронт, чем имела его 6-я армия, не говоря уже о том, что 38-я армия фронт обороны имела еще больший, чем 40-я армия. Фронт обороны 6-й и 7-й гвардейских армий, где ожидался главный удар немецких войск, равнялся 114 километрам, а в двух других армиях фронта — 130 километрам. Средняя плотность артиллерии и танков подсчитана недостаточно правильно. На участках 38-й и 40-й армий артиллерийская плотность была незначительная, танков же в этих армиях имелись единицы.

В то же время в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий были сосредоточены почти все артиллерийские части и соединения резерва Верховного Главнокомандования, все танковые части и соединения и все фронтовые резервы. К тому же еще в оперативной глубине “в затылок” обороны 6-й гвардейской армии была поставлена 1-я танковая армия, хорошо подготовившая оборонительный рубеж, а за стыком 6-й и 7-й гвардейских армий в глубине располагалась 69-я армия на подготовленном оборонительном рубеже. Кроме того, в оперативной зоне за 6-й и 7-й гвардейскими армиями находились резервы фронта — 35-й гвардейский стрелковый корпус, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса.

Следовательно, критика командующего Воронежским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина построена без знания дела, на неточном подсчете соотношения сил сторон в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки. Подсчитана тактическая плотность только сил и средств армий, без учета артиллерии резерва Главного Командования, располагавшейся в полосе 6-й гвардейской армии. Что же касается плотности танков, то здесь главная ставка командования фронта была на 1-ю танковую армию, на 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса.

Чтобы правильно определить силу сопротивления обороны в крупных сражениях, нужно для подсчета брать средства и силы не только тактической обороны, но и находящиеся в оперативной глубине, тогда не будет ошибки.

Что касается результатов оборонительного сражения на фронте, то не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус, 48-й

танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпуса “Раус”), тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода.

В отношении личных способностей в оперативно-стратегических вопросах командующего Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутина должен со всей объективностью заявить: это был высокоэрудированный и мужественный военачальник.

Как я уже сказал, контрнаступление на Курской дуге готовилось еще задолго до перехода противника в наступление. Еще в мае Ставка рассмотрела план контрнаступления на орловском направлении под условным наименованием “Кутузов”. В нем ставилась цель нанести удар по орловской группировке противника с трех сторон по сходящимся направлениям силами Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронтов.

Выше говорилось, что 12 июля перешли в наступление войска Брянского и Западного фронтов, а 15 июля — Центрального фронта. Таким образом, в районе Орла развернулось мощное наступление трех фронтов, имевших ближайшую цель разгромить орловскую группировку врага.

Начавшееся здесь контрнаступление, а также большое истощение войск противника в районе Белгорода заставили гитлеровское руководство признать, что широко задуманный план “Цитадель” провалился. Чтобы спастись от полного разгрома, командованием противника было решено отвести войска генерал-фельдмаршал а Манштейна обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление.

Это ему удалось сделать вследствие исключительной переутомленности наших 1-й танковой, 6-й и 7-й гвардейских армий, а также недостаточной активности 5-й гвардейской танковой армии. 23 июля главные силы противника были отведены на белгородский оборонительный рубеж.

В своих мемуарах бывший командующий 5-й танковой армией П. А. Ротмистров пишет, будто бы решающую роль в разгроме бронетанковых войск армий “Юг” сыграла 5-я танковая армия. Это нескромно и не совсем так.

Обескровили и измотали врага войска 6-й и 7-й гвардейских и 1-й танковой армий, поддержанные артиллерией резерва Главного Командования и воздушной армией в период ожесточенных сражений 4—12 июля. 5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой немецких войск, потерявшей веру в возможность успешной борьбы с советскими войсками.

Войска Воронежского и Степного фронтов, выйдя 23 июля к переднему краю немецкой обороны, не смогли сразу перейти в контрнаступление, хотя этого и требовал Верховный Главнокомандующий. Нужно было пополнить запасы горючего, боеприпасов и другие виды материально-технического обеспечения, организовать взаимодействие всех родов войск, тщательную разведку, произвести некоторую перегруппировку войск, особенно артиллерии и танков. По самым жестким подсчетам, на все это необходимо было минимум восемь суток.

Скрепя сердце после многократных переговоров Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не было.

Операция, как известно, планировалась на большую глубину, и она требовала тщательной подготовки и всестороннего обеспечения, в противном случае нас могла постигнуть неудача. Хорошо рассчитанная и подготовленная наступательная операция должна гарантировать не только успешное проведение прорыва тактической и оперативной глубины обороны противника, но и такое завершение наступления, которое обеспечит надлежащие условия для последующих наступательных действий.

Однако Верховный Главнокомандующий торопил нас с началом сражения.

Основных законов оперативно-стратегического искусства И. В. Сталин не придерживался. Он был подобен темпераментному кулачному бойцу, часто горячился и торопился вступить в сражение. Горячась и торопясь, И. В. Сталин не всегда правильно учитывал время, необходимое для всесторонней подготовки операции. Мне и А. М. Василевскому стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена.

Конечно, при этом приходилось серьезно спорить и выслушивать от И. В. Сталина неприятные и незаслуженные слова. Но тогда мы мало обращали на это внимания.

После смерти И. В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так. Выше я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций. И на этот раз с нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился.

Битва в районе Курска, Орла и Белгорода является одним из величайших сражений Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Здесь были не только разгромлены отборные и самые мощные группировки немцев, но и безвозвратно подорвана в немецкой армии и народе вера в гитлеровское фашистское руководство и в способность Германии противостоять все возрастающему могуществу Советского Союза.

Разгром главной группировки немецких войск в районе Курска подготовил почву для последующих широких наступательных операций советских войск с целью полного изгнания немцев с нашей территории, а затем и с территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии и окончательного разгрома фашистской Германии.

Что же явилось решающим в разгроме врага в районе Курска?

Прежде всего, то, что к моменту оборонительного сражения советские войска как в количественном, так и особенно в качественном отношении превосходили своего противника.

Возросшая подвижность артиллерии, мощность авиации и бронетанковых войск позволяли в короткие сроки создавать такие ударные группировки, которые стремительно ломали всякое сопротивление вражеских войск. Это и дало возможность советскому военно-стратегическому руководству подготовить и уверенно осуществить

разгром вражеских войск в районе Курской дуги, сорвать широко задуманные гитлеровские наступательные планы на 1943 год.

Почему противник решил провести свое генеральное наступление в районе Курска?

Дело в том, что оперативное расположение советских войск на курском выступе, вогнутом в сторону противника, сулило большие перспективы немецкому командованию. Здесь могли быть окружены сразу два крупных фронта, вследствие чего образовалась бы огромная брешь, позволившая противнику осуществить крупные операции в южном и северо-восточном направлениях.

В своих оценках обстановки и возможных вариантов решения противника Ставка, Генеральный штаб и командование фронта исходили именно из этой предпосылки, что в дальнейшем подтвердилось.

Характерно, что все советское оперативно-стратегическое командование было в основном единодушно в оценке предстоящих действий противника. В этом единстве взглядов, основанном на глубоком анализе всех условий, как нельзя лучше сказалось возросшее искусство наших штабов и командования.

Этого уже нельзя было сказать про командование немецких войск, у которого отсутствовала правильная и глубокая оценка обстановки и единство в планах и способах предстоящих действий. Выпустив из рук стратегическую инициативу, оно не смогло справиться с возникшими трудностями, что усугублялось резким упадком воинского духа в войсках.

В битве под Курском войска Центрального и Воронежского фронтов, как я уже говорил, по силам и средствам несколько превосходили противника. Конкретно это выражалось так: в людях — в 1,4, орудиях и минометах— в 1,9, в танках— в 1,2 и в самолетах— в 1,4 раза. Однако, делая основную ставку на танковые и моторизованные войска, немецкое командование сгруппировало их на узких участках, создав в первые дни битвы значительное превосходство над советскими войсками, занимавшими тактическую зону обороны.

Когда же вступили в действие наши войска, расположенные в оперативной глубине, превосходство перешло в руки советских войск.

Главное командование немецких войск в данном случае переоценило боевые силы своих войск и недооценило возможности советских войск, и это в который уже раз! Противник на этот раз особенно надеялся на свои танки “тигр” и “пантера” и штурмовые орудия “фердинанд”. Ему, видимо, казалось, что эти системы ошеломят советские войска и они не выдержат их таранного удара. Но этого не случилось.

Несмотря на то что фашистская Германия все еще опиралась на экономику большинства европейских стран, она уже не могла теперь, после столь ожесточенных сражений на Восточном фронте, соревноваться со все возрастающим экономическим и военным могуществом Советского государства.

Западные буржуазные политические и военные историки стараются доказать, что превосходство Красной Армии в материально-техническом отношении было достигнуто только за счет материальной помощи США и Англии.

Это, конечно, далеко не соответствует истине.

Я не хочу полностью отрицать и игнорировать эту помощь. Она в определенной степени помогла Красной Армии и военной промышленности, но ей все же нельзя отводить роль больше той, чем она была в действительности.

Наше материальное превосходство над врагом было достигнуто благодаря преимуществу советского общественного строя, героической борьбе советского народа под руководством партии на фронтах и в тылу.

Итак, гитлеровцы проиграли величайшее сражение, которое они готовили, напрягая все силы и возможности, чтобы взять реванш за разгром их войск в 1941 году под Москвой, а зимой 1942/43 года на Волге и под Ленинградом.

Раздраженный неудачами и чрезвычайно большими потерями, Гитлер, как он всегда поступал в подобных случаях, всю вину за провал наступательной операции “Цитадель” переложил на головы своих фельдмаршалов и генералов. Он снимал их с должностей, заменяя, по его мнению, более способными. Гитлер не понимал, что провал крупной стратегической операции зависит не только от командующих, а определяется главным образом большой суммой военно-стратегических, политических, моральных и материальных факторов.

Основной план контрнаступления советских войск на Курской дуге, разработанный и утвержденный, как мы уже говорили, Верховным Главнокомандующим еще в мае, в ходе оборонительного сражения корректировался и многократно обсуждался в Ставке. Это был план второго этапа разгрома противника в районе Орла, Белгорода и Харькова и являлся частью плана всей летней кампании 1943 года.

Первый этап — оборонительное сражение в битве под Курском — наши войска завершили на Центральном фронте 12 июля, а на Воронежском фронте — 23 июля. Разные сроки окончания оборонительных действий на этих фронтах объясняются масштабностью сражения и понесенными потерями. Следует также учесть, что Центральному фронту 12 июля была оказана значительная помощь Брянским и Западным фронтами, перешедшими в наступление против орловской группировки противника. Это заставило гитлеровцев срочно снять семь дивизий из войск, действовавших против Центрального фронта.

Второй этап битвы — контрнаступление — также начался не одновременно.

Так, в районе Белгорода контрнаступление началось 3 августа, спустя 20 дней после перехода в контрнаступление Центрального, Брянского и Западного фронтов, которым требовалось меньше времени на подготовку, поскольку планирование контрнаступления и всестороннее его обеспечение в основном были отработаны заранее и уточнялись в ходе оборонительного сражения.

Во втором случае на подготовку времени требовалось больше, так как вводимые в контрнаступление войска Степного фронта не имели заранее полностью отработанного плана действий. Находясь в резерве Ставки, они не могли еще знать конкретных задач, исходных районов для контрнаступления и конкретного противника, против которого они должны будут действовать.

В процессе подготовки и проведения контрнаступления мне пришлось главным образом работать в войсках Воронежского и Степного фронтов, а 30—31 июля по заданию Верховного вылететь в войска Западного фронта на участок 4-й танковой армии.

По плану операции Воронежского и Степного фронтов, носившей условное название “Румянцев”, главный удар осуществлялся из района Белгорода смежными флангами этих двух фронтов в общем направлении на Богодухов—Валки—Новая Водолага в обход Харькова с запада. С подходом наших войск к району Харькова должен был перейти в наступление Юго-Западный фронт. Его 57-я армия, которой командовал генерал Н. А. Гаген, наносила удар в обход Харькова с юго-запада.

Переход в контрнаступление войск Воронежского фронта осуществлялся в более сложных условиях, чем в районе Орла. В период оборонительного сражения они понесли большие потери в людях, боевой технике и материальных средствах. Противник, отойдя на свои заранее подготовленные оборонительные рубежи, своевременно занял их и неплохо подготовился к отражению нашего наступления. Разведкой было установлено, что для усиления белгородско-харьковской группировки немцы спешно перебросили с других направлений танковые и моторизованные дивизии.

Все говорило о том, что здесь предстоят тяжелые сражения, особенно для войск Степного фронта, вынужденного в силу обстановки наступать на хорошо укрепленный белгородский оборонительный район.

Ставка правильно использовала Степной фронт. Если бы его силы в ходе оборонительного сражения не были введены для усиления Воронежского фронта, то последний мог оказаться в крайне опасном положении. Такого хода событий нам никак нельзя было допустить, ибо нетрудно догадаться, к чему бы это привело.

Что касается контрнаступления Степного фронта одновременно всеми силами на белгородском направлении, то следует помнить, что, когда были взяты армии Степного фронта для усиления Воронежского фронта, еще не вполне созрели условия для ввода Степного фронта всеми силами. Обстановка для перехода в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении полностью определилась только к 20 июля, а фактический переход в контрнаступление мог быть осуществлен после всесторонней подготовки обоих фронтов, на что требовалось значительное время.

23 июля советские войска, преследуя противника, вышли на рубежи севернее Белгорода и в основном захватили оборонительные позиции, которые Воронежский фронт занимал до 5 июля.

Обсудив обстановку с командованием фронта, с Генштабом и с Верховным, мы приняли решение остановить войска и тщательно подготовить их к переходу в контрнаступление с глубокими задачами.

Ведь прежде чем перейти в наступление, фронтам было необходимо:

— произвести перегруппировку сил и средств;

— провести тщательную разведку целей в интересах авиационного и артиллерийского наступления;

— произвести пополнение войск, понесших потери, особенно это касалось 6-й и 7-й гвардейских, 1-й танковой армий и ряда артиллерийских частей;

— запастись горючим, боеприпасами и всем необходимым для проведения глубокой наступательной операции.

А Степному фронту нужно было еще, кроме того, детально отработать план контрнаступления и его всестороннее обеспечение.

Общий замысел контрнаступления под Белгородом заключался в следующем.

Воронежский фронт наносил главный удар силами 5-й и 6-й гвардейских армий, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армий в общем направлении на Валки и Новую Водолагу. Плотность артиллерии на участке прорыва 5-й и 6-й гвардейских армий была доведена до 230 орудий и минометов на 1 километр фронта, а танков — до 70 единиц. Дивизии получили для прорыва полосы до 3 километров.

Такое массовое сосредоточение средств прорыва вызывалось тем, что в первый же день контрнаступления здесь планировался ввод в прорыв двух танковых армий. Правее переходили в наступление 40-я и 38-я армии в общем направлении на Грайворон и далее на Тростянец. Поддержку с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского.

Степной фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева, действуя в составе 53, 69-й и 7-й гвардейской армий и 1-го механизированного корпуса, имел ближайшую задачу овладеть Белгородом и в дальнейшем наступать на Харьков, взаимодействуя с главными силами Воронежского фронта. Действия войск Степного фронта поддерживала 5-я воздушная армия генерала С. К. Горюнова.

При подготовке операции войск Степного фронта мне пришлось познакомиться с командующим 53-й армией генералом И. М. Манагаровым, которого я раньше близко не знал.

И. М. Манагаров произвел на меня очень хорошее впечатление, хотя и пришлось с ним серьезно поработать над планом наступления армии. А когда была кончена работа и мы сели ужинать, он взял в руки баян и прекрасно сыграл несколько веселых вещей. Усталость как рукой сняло. Я глядел на него и думал: таких командиров бойцы особенно любят и идут за ними в огонь и воду...

Я поблагодарил И. М. Манагарова за отличную игру на баяне (чему, кстати говоря, всегда завидовал!) и выразил надежду, что он не хуже “сыграет” артиллерийскую музыку для противника 3 августа.

Усмехнувшись, И. М. Манагаров сказал:

— Постараемся, нам есть на чем сыграть.

Понравился мне и командующий артиллерией генерал-лейтенант Н. С. Фомин, отлично знавший методы использования артиллерийских средств в наступлении. Он вместе с генерал-полковником артиллерии М. Н. Чистяковым, уполномоченным Ставки, проделал очень большую и полезную работу по распределению артиллерии, ее обеспечению боеприпасами, боевому применению и по подготовке всех данных для эффективного артиллерийского натиска.

Контрнаступление в районе Белгорода началось утром 3 августа. Более мощный огневой и авиационный удар нанес Воронежский фронт, в результате чего перешедшие в наступление войска 5-й и 6-й гвардейских армий, усиленные большим количеством танков, быстро прорвали главную полосу обороны противника. Во второй половине дня были введены в прорыв 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, которые к исходу дня своими передовыми соединениями продвинулись до 30—35 километров, нанеся поражение всей тактической обороне противника на этом участке.

Степной фронт не имел таких мощных средств прорыва, как Воронежский, и наступление здесь развивалось несколько медленнее.

К исходу дня передовые части продвинулись до 15 километров, но и это мы считали большим достижением, тем более что перед армиями Степного фронта была более сильная и более глубокая оборона противника.

На другой день противник усилил сопротивление, и наступление Степного фронта 4 августа развивалось значительно медленнее. Но это нас не очень волновало, так как ударная группа Воронежского фронта успешно продвигалась вперед, выигрывая фланг белгородской группировки противника. Здесь немецко-фашистское командование, почувствовав угрозу окружения, к исходу 4 августа начало отвод своих войск, что дало возможность войскам Степного фронта ускорить продвижение вперед.

В 6 часов утра 5 августа в Белгород первым ворвался 270-й гвардейский стрелковый полк 89-й гвардейской стрелковой дивизии, а также части 305-й и 375-й стрелковых дивизий. Хорошо дрались 93-я, 94-я гвардейские и 111-я стрелковые дивизии; 89-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии удостоились почетного наименования Белгородских.

Очистив город от противника, войска армий Степного фронта, взаимодействуя с войсками Воронежского фронта, быстро устремились вперед.

Вечером 5 августа 1943 года столица нашей Родины Москва салютовала в честь доблестных войск Брянского, Западного, Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного и Воронежского фронтов, занявших Белгород. Это был первый артиллерийский салют в ходе Великой Отечественной войны в честь боевой доблести советских войск.

Настроение бойцов резко поднялось, лица сияли радостью, отвагой и уверенностью в своих силах.

Оценив ход событий, 6 августа я совместно с командованием Степного фронта направил Верховному Главнокомандующему предложения по дальнейшему развитию операции на белгородско-харьковском направлении.

“Из действующей армии. 6.8.43.

Товарищу Иванову{48}.

Докладываем:

В связи с успешным прорывом фронта противника и развитием наступления на белгородско-харьковском направлении операцию в дальнейшем будем проводить по следующему плану:

1. 53-я армия с корпусом Соломатина{49} будет наступать вдоль Белгородско-Харьковского шоссе, нанося главный удар в направлении на Дергачи.

Армия должна выйти на линию Ольшаны —Дергачи, сменив на этой линии части Жадова.

69-я армия наступает левее 53-й армии в направлении на Черемошное. По достижении Черемошного 69-я армия, передав несколько лучших дивизий Манагарову, сама остается во фронтовом резерве на доукомплектование в районе Микояновка—Черемошное—Грязное.

69-й армии необходимо как можно быстрее подать пополнение 20 тысяч человек.

7-я гвардейская армия сейчас будет наступать из района Пушкарное на Бродок и далее на Бочковку, сворачивая фронт противника с севера на юг.

С рубежа Черемошное и Зиборовка 7-я гвардейская армия будет наносить главный удар на Циркуны и выйдет на линию Черкасское— Лозовое—Циркуны—Ключкин.

Частью сил из района Зиборовка она будет наступать на Муром и далее на Терновую для того, чтобы помочь 57-й армии форсировать реку Северский Донец в районе Рубежное и Ст. Салтов.

2. 57-ю армию Юго-Западного фронта желательно передать в подчинение Степного фронта и сейчас готовить удар 57-й армии с линии Рубежное—Ст. Салтов в общем направлении на Непокрытую и далее на совхоз имени Фрунзе.

57-ю армию необходимо вывести на линию совхоз “Кутузовка” — совхоз имени Фрунзе—Рогань (северная).

Если 57-я армия будет оставаться в подчинении Юго-Западного фронта, то ее нужно обязать с подходом Шумилова{50} в район Мурома перейти в наступление в вышеуказанном направлении.

3. Для проведения второго этапа, то есть Харьковской операции, в состав Степного фронта необходимо передать 5-ю гвардейскую танковую армию, которая выйдет в район Ольшаны—Старый Мерчик—Огульцы.

Харьковскую операцию ориентировочно предлагаем построить в следующем плане:

а) 53-я армия во взаимодействии с армией Ротмистрова будет охватывать Харьков с запада и юго-запада.

б) Армия Шумилова будет наступать с севера на юг с линии Циркуны—Дергачи.

в) 57-я армия будет наступать с востока с линии совхоз имени Фрунзе—Рогань, охватывая Харьков с юга.

г) 69-я армия (если она будет к этому времени пополнена) развернется в стыке между Жадовым и Манагаровым в районе Ольшан и будет наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга.

69-я армия будет выходить на линию Снежков Кут—Минковка—Просяное—Новоселовка.

д) Левый фланг Воронежского фронта необходимо вывести на линию Отрада—Коломак—Снежков Кут.

Эту задачу должны выполнить армия Жадова и левый фланг 27-й армии.

Армию Катукова{51} желательно иметь в районе Ковяги—Алексеевка—Мерефа.

Юго-Западному фронту необходимо нанести удар из района Замостье в общем направлении на Мерефу, наступая по обоим берегам реки Мжа; частью сил наступать через Чугуев на Основу; частью сил необходимо очистить от противника лес южнее Замостья и выйти на рубеж Новоселовка—Охочае—Верх. Бишкин— Геевка.

Для проведения Харьковской операции необходимо, кроме 20 тысяч пополнения, дать 15 тысяч для дивизий 53-й и 7-й гвардейской армий; для доукомплектования танковых частей фронта дать 200 штук Т-34 и 100 — Т-70, КВ — 35 штук. Перебросить четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады.

Доукомплектовать ВВС фронта штурмовиками, истребителями и бомбардировщиками в количестве: истребителей — 90, Пе-2 — 40 и Ил-2 — 60.

Просим утверждения.

Жуков, Конев, Захаров.

№ 64”{52}.

Между тем действия продолжали развертываться.

7 августа 1-я танковая армия и передовые части 6-й гвардейской армии Воронежского фронта захватили город Богодухов. У противника уже не было сплошного фронта. Его 4-я армия действовала в большом отрыве от группы “Кампф”, а образовавшийся разрыв закрыть было нечем.

Отходившая на запад от Грайворона группа войск противника в составе трех пехотных и 19-й танковой дивизий была атакована большой группой самолетов 2-й воздушной армии, а затем разбита 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, что еще больше осложнило положение 4-й армии противника.

11 августа части 1-й танковой армии перешли железную дорогу Харьков—Полтава.

Чтобы спасти 4-ю армию от неминуемой катастрофы, немецкая группа армий “Юг” спешно бросила свои последние резервы в район Ахтырки.

Опасаясь окружения своей харьковской группировки, противник собрал войска в составе трех танковых дивизий (“Мертвая голова”, “Викинг” и “Райх”) и 11 августа нанес контрудар по 1-й танковой армии и частям 6-й гвардейской армии. Ослабленные части 1-й танковой армии и 6-й гвардейской армии, не выдержав удара, начали отход на более выгодные рубежи.

Тогда на помощь им была брошена 5-я гвардейская танковая армия. Завязалось ожесточенное сражение, длившееся несколько дней. Общими усилиями враг к исходу 16 августа был остановлен. 18 августа противник нанес контрудар из района Ахтырки. Для его ликвидации в сражение была дополнительно введена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки. Командовал ею генерал Г. И. Кулик. К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования.

17 августа армии Степного фронта подошли вплотную к Харькову, завязав сражение на его окраинах. Энергично действовала 53-я армия И. М. Манагарова, и особенно ее 89-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника М. П. Серюгина и 305-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Ф. Васильева. Части 53-й армии, действуя днем и ночью, стремились быстрее завершить прорыв обороны на подступах к городу. Наиболее ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевого, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева.

Когда в живых осталось всего лишь семь человек, командир, обращаясь к бойцам, сказал:

— Товарищи, будем стоять на высоте так, как стояли панфиловцы у Дубосекова. Умрем, но не отступим!

И не отступили. Героические бойцы удержали высоту до подхода частей дивизии. За мужество и проявленный героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему лейтенанту В. П. Петрищеву, младшему лейтенанту В. В. Женченко, старшему сержанту Г. П. Поликанову и сержанту В. Е. Бреусову было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные были награждены орденами.

В ожесточенном сражении за Ахтырку особо отличились соединения 20-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала Н. И. Бирюкова, части генерала М. Г. Микеладзе, гвардии подполковника О. С. Гудеменко, полковника О. С. Доброва, а также 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова.

К 22 августа наступление советских войск в районе Харькова все более усиливалось. Чтобы избежать окружения своих войск, противник 22 августа начал отход из Харькова. Утром следующего дня отступили его последние арьергардные части, и войска Степного фронта вошли в город Харьков, восторженно встреченные жителями.

В боях за Харьков особо отличились 28-я, 89-я гвардейские, 84-я, 116-я, 252-я и 299-я стрелковые дивизии 53-й армии и 93-я гвардейская, 183-я и 375-я стрелковые дивизии 69-й армии, 15-я гвардейская дивизия 7-й гвардейской армии. Всем этим дивизиям было присвоено почетное наименование Харьковских.

В Харькове состоялся большой митинг, на котором присутствовали представители партийных и советских организаций Украины и Красной Армии. Митинг прошел с огромным подъемом. Трудящиеся Харькова ликовали. Москва салютовала доблестным воинам, освободившим крупнейший город Украины.

После митинга состоялся обед, во время которого народный артист Советского Союза И. С. Козловский спел ряд русских и украинских песен. Его чарующий и задушевный голос до слез растрогал присутствовавших. Он пел много, как никогда, а мы, так истосковавшиеся по хорошему вокальному исполнению, были очень благодарны Ивану Семеновичу.

Войска Степного фронта тем временем вели бои южнее Харькова, наступая в районе Мерефы.

Отбросив контрударные группировки противника в районе Богодухова и Ахтырки, Воронежский фронт 25 августа прочно закрепился на линии Сумы—Гадяч—Ахтырка—Константиновка и приступил к подготовке наступления с целью выхода на среднее течение Днепра. Аналогичную задачу получил и Степной фронт.

На орловском направлении планом контрнаступления преследовалась цель разгромить 9-ю и 2-ю танковую армии немецких войск и развивать удар в общем направлении на Брянск.

Войскам левого крыла Западного фронта была поставлена задача во взаимодействии с войсками Брянского фронта разгромить болховскую группу войск противника, а затем, наступая на Хотынец, отрезать пути отхода противника из района Орла.

Западный фронт вначале наступал 11-й гвардейской армией генерала И. Х. Баграмяна, усиленной танковым корпусом и четырьмя танковыми бригадами. Действия войск этой группы поддерживались 1-й воздушной армией, которой командовал генерал М. М. Громов. Через несколько дней эта группа была усилена 11 армией генерала И. И. Федюнинского и 4-й танковой армией генерала В. М. Баданова.

Брянский фронт действовал в составе 61, 3-й и 63-й армий, туда же включалась и 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, заканчивавшая свое доукомплектование в районе станции Горбачеве. Действия войск фронта поддерживала 15-я воздушная армия генерала Н. Ф. Науменко.

Центральный фронт наступал в составе 48, 13-й и правым флангом 70-й армии, 2-й танковой армией и всеми соединениями, участвовавшими в обороне и контрударе.

К этому времени противник для противодействия прорыву войск Брянского и Западного фронтов снял с участка Центрального фронта несколько танковых и пехотных дивизий, чем в значительной степени ослабил свою оборону южнее Орла. Центральный фронт получил более благоприятную возможность для своего наступления.

Начавшееся наступление Западного и Брянского фронтов развивалось медленнее, чем предполагалось. Несколько лучше проходило оно на левом крыле Западного фронта. Не ускорило общего наступления и контрнаступление Центрального фронта, начатое 15 июля.

Позже, анализируя причины медленного развития событий, мы пришли к выводу, что основная ошибка крылась в том, что Ставка несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла Западного фронта, которую к тому же в ходе сражения пришлось серьезно подкреплять. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону фронтальным ударом.

Думаю, было бы лучше, если бы армия П. С. Рыбалко нами вводилась в сражение не на Брянском фронте, а вместе с армией И. Х. Баграмяна. С вводом в сражение 11-й армии генерала И. И. Федюнинского, а также 4-й танковой армии генерала В. М. Баданова Ставка несколько запоздала.

Центральный фронт свое наступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее, в обход Кром.

К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение и решение. Все это, вместе взятое, явилось следствием недооценки оборонительных возможностей противника.

В последующие дни контрнаступление на орловском направлении развивалось по-прежнему медленными темпами.

И. В. Сталин нервничал, но он безусловно понимал, что прежде всего виноват он, а не кто-либо другой.

5 августа войска Брянского фронта освободили Орел. В этих боях особенно отличились 5-я, 129-я и 380-я стрелковые дивизии. Когда мы с А. И. Антоновым и А. М. Василевским докладывали Верховному о возможности окружения в районе Орла группировки противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло Западного фронта, и. В. Сталин сказал:

— Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее...

Мы не настояли на своем предложении, а зря. Надо было тверже отстаивать свою точку зрения. Наши войска тогда уже могли проводить операции на окружение и уничтожение.

В составе Брянского фронта наиболее энергично наступала 3-я армия под командованием генерала А. В. Горбатова, который на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией.

И можно сказать, он вполне мог бы успешно справиться и с командованием фронтом. Но за его прямоту, за резкость суждений он не нравился высшему руководству. Особенно против него был настроен Берия, который абсолютно незаслуженно продержал его в тюрьме несколько лет.

Медленное развитие контрнаступления всех трех фронтов дало возможность противнику осуществить перегруппировку своих войск, подтянуть свежие силы с других участков и организованно отвести войска из района Орла.

Впоследствии наступление этих фронтов развивалось также медленными темпами и в среднем не превышало 4 километров в сутки. 18 августа контрнаступательная операция закончилась на линии восточнее Людинова, в 25 километрах восточнее Брянска.

23 августа 1943 года взятием Харькова завершилось это крупнейшее сражение Великой Отечественной войны в районе Курска, Орла, Белгорода, Харькова. Богодухова и Ахтырки. Закончилось оно разгромом главной группировки немецких войск, на которую Гитлер возлагал так много военно-политических надежд.

Каковы же итоги Курской битвы?

Пятьдесят дней продолжалась эта величайшая битва наших войск с немецко-фашистскими войсками. Она закончилась победой Красной Армии, разбившей 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Эти дивизии потеряли больше половины своего состава.

Общие потери вражеских войск составили около 500 тысяч человек, 1500 танков, в том числе большое количество “тигров” и “пантер”, 3 тысячи орудий и свыше 3700 самолетов. Такие потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мерами.

Выдающаяся победа наших войск под Курском продемонстрировала возросшее могущество Советского государства и его вооруженных сил. Победа ковалась на фронте и в тылу под руководством Коммунистической партии усилиями всех советских людей. В сражениях под Курском наши войска проявили исключительное мужество, массовый героизм и воинское мастерство. Коммунистическая партия и правительство высоко оценили боевую доблесть войск, наградив более 100 тысяч солдат, офицеров и генералов орденами и медалями, многим воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Разгром немецко-фашистских войск под Курском имел крупнейшее международное значение и еще выше поднял авторитет Советского Союза.

Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией. Поражение немецких войск вынудило гитлеровцев перебросить летом 1943 года на советско-германский фронт с других фронтов 14 дивизий и значительные части усиления, ослабив тем самым свои фронты в Италии и Франции.

Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом, и с тех пор до конца войны немецкие войска вынуждены были вести только оборонительные сражения. Это свидетельствовало об истощении Германии. Никакие силы теперь уже не могли ее спасти. Вопрос был лишь во времени.

Советское стратегическое и оперативно-тактическое командование значительно выросло и окрепло в искусстве ведения войны.

Контрнаступление на Курской дуге явилось, в отличие от контрнаступлений под Москвой и Сталинградом, заранее спланированным, хорошо обеспеченным глубоким ударом.

Сюда были привлечены значительно большие силы, чем в предыдущих крупных контрнаступательных операциях. Например, под Москвой принимали участие 17 малочисленных общевойсковых армий без танковых соединений, в районе Сталинграда 14 общевойсковых армий, 1 танковая армия и несколько механизированных корпусов. В контрнаступлении под Курском участвовали 22 мощные общевойсковые, 5 танковых, 6 воздушных армий и крупные силы авиации дальнего действия.

В битве под Курском в процессе контрнаступления впервые широко использовались танковые и механизированные соединения и объединения, которые в ряде случаев явились решающим фактором оперативного маневра, средством стремительного развития успеха в глубину и выхода на тыловые пути вражеских группировок.

Танковые армии, артиллерийские дивизии и корпуса, мощные воздушные армии фронтов существенно изменили наши возможности, а следовательно, и характер фронтовых операций как по масштабам, так и по целям. В сравнении с первым периодом войны советские войска стали во много раз подвижнее. Это обеспечило значительное увеличение их маневренности и среднесрочного темпа наступления. Резко возросла плотность артиллерийско-минометного огня и танков. В летних наступательных сражениях 1943 года мы уже имели возможность создавать плотность до 150—200 орудий и 15—20 танков на один километр фронта.

Победе советских войск под Белгородом, Орлом и Харьковом во многом способствовали партизаны, действовавшие в тылу противника. Особенно большую “рельсовую войну” вели они в Белоруссии, Смоленской, Орловской областях и Приднепровье. Партизаны срывали железнодорожные перевозки, взрывали мосты, снабжали советское командование разведывательными данными, которые помогли нам правильно оценить обстановку и замысел вражеского командования на лето 1943 года.

Одним из решающих факторов, обеспечивших победу на Курской дуге, было высокое морально-политическое состояние личного состава наших войск. Этому способствовала напряженная и кропотливая партийно-политическая работа, проводившаяся командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями как в период подготовки битвы, так и в ходе ее. Они много душевных сил отдали для того, чтобы еще выше поднять боевое и моральное состояние войск.

25 августа 1943 года я был вызван в Ставку для обсуждения обстановки и дальнейших задач общего наступления советских войск, которое после разгрома

Глава восемнадцатая. **В сражениях за Украину**

Еще до моего возвращения в Москву, в августе 1943 года, во время контрнаступления Воронежского и Степного фронтов к нам дважды прилетал первый заместитель начальника Генерального штаба Алексей Иннокентьевич Антонов. Он сообщил коррективы, внесенные Верховным Главнокомандующим в план завершения наступательных операций 1943 года, и наметки Генштаба на осенне-зимнюю кампанию.

Алексей Иннокентьевич был в высшей степени грамотный военный, человек большой культуры и обаяния. Приятно было слушать в его изложении оперативно-стратегические соображения возглавляемого им Генштаба. С предельной четкостью и убедительностью он анализировал состояние немецких войск после разгрома их на Курской дуге.

По мнению Генштаба, командование немецких войск еще располагало значительными силами для продолжения войны с Советским Союзом, тем более что Англия и Америка, по всем данным, все еще не собирались открывать широкие наступательные операции в Европе. Высадка их войск в Южной Италии (на острове Сицилия) не внесла существенных изменений в расстановку немецких сил по стратегическим направлениям, хотя, конечно, у гитлеровского руководства появились лишние заботы.

Генштаб считал, и с этим был согласен Верховный, что Германия на Восточном фронте уже не в состоянии провести ни одного большого наступления. Однако для ведения активных оборонительных действий противник имел еще достаточно сил и материальных средств. Собственно, это и показал опыт сражений в районе Богодухова, Ахтырки и Полтавы, где немецкие войска наносили нам довольно чувствительные контрудары и добивались временных успехов.

Я был полностью согласен с выводами А. И. Антонова и также считал, что немецкое командование будет требовать от своих войск упорной обороны, чтобы удержать Донбасс и Левобережную Украину.

По проектам директив, которые Генштаб подготовил и частично уже дал фронтам, предполагалось развернуть наступление на всех фронтах западного и юго-западного направлений, с тем чтобы выйти в восточные районы Белоруссии и на Днепр, где и захватить плацдарм для обеспечения операций по освобождению Правобережной Украины.

Из доклада А. И. Антонова я понял, что Верховный настоятельно требует немедленно развивать наступление, чтобы не дать противнику организовать оборону на подступах к Днепру. Я разделял эту установку, но не был согласен с формой наших наступательных операций, при которых фронты от Великих Лук до Черного моря развертывали фронтально-лобовые удары.

Была ведь возможность (после некоторых перегруппировок) провести операции на отсечение и окружение значительных группировок противника, чем облегчалось бы дальнейшее ведение войны. В частности, я имел в виду южную группировку противника в Донбассе, которую можно было бы отсечь мощным ударом из района Харьков—Изюм в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье.

А. И. Антонов сказал, что лично он разделяет это мнение, но Верховный требует скорее отбросить противника с нашей территории фронтальными ударами.

Перед отлетом А. И. Антонова в Москву я просил его еще раз доложить мои соображения Верховному и передать просьбу фронтов об укомплектовании танковых соединений танками и подготовленным личным составом, так как их ряды после напряженных сражений сильно поредели.

Через несколько дней мне позвонил И. В. Сталин и сказал, что он дал указание направить Н. Ф. Ватутину и И. С. Коневу танки и пополнение. Затем он заметил, что не разделяет мою точку зрения об ударе войск Юго-Западного фронта из района Изюма на Запорожье, поскольку на это потребуется значительное время.

Я не стал спорить, так как знал, что Верховный пока придерживается стратегии “выталкивания” и вообще по ряду обстоятельств не очень уверен в целесообразности более решительного применения операций на окружение противника.

В заключение Верховный потребовал, чтобы войска фронтов скорее вышли на Днепр.

Итак, 25 августа, как уже говорил, я прибыл в Ставку. Верховный только что закончил совещание с членами Государственного Комитета Обороны, на котором был заслушан доклад о плане производства самолетов и танков во втором полугодии 1943 года. К тому времени ценой огромных усилий партии и народа наша военная экономика уже могла поставлять фронту все необходимое. Ускоренное развитие “Второго Баку”, трудовой героизм металлургов Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов, скоростное сооружение домен, электростанций, шахт в освобожденных районах, подъем цветной и черной металлургии Урала, Сибири, Казахстана, внедрение поточного метода на военных заводах, огромная творческая работа по совершенствованию боевой техники и технологии производства — все это создало новые возможности для разгрома врага.

В 1943 году было произведено 35 тысяч превосходных самолетов всех видов, более 24 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок. Тут и по количеству, и по качеству мы уже намного опередили Германию. Гитлеровское командование специально предписало войскам избегать встречных боев с нашими тяжелыми танками...

Поинтересовавшись делами на Воронежском и Степном фронтах, Верховный Главнокомандующий спросил, получена ли директива о продолжении наступления на Днепр и как расценивают фронты свои возможности. Я доложил, что войска фронтов имеют большие потери, их нужно серьезно подкреплять личным составом и боевой техникой, особенно танками.

— Хорошо, — сказал И. В. Сталин, — об этом мы поговорим позже, а сейчас давайте послушаем Антонова о ходе наступления на других направлениях.

Алексей Иннокентьевич положил на стол карты западного и юго-западного стратегических направлений, которые, как всегда, прекрасно отрабатывались оперативным управлением Генштаба. Надо сказать, что наглядно выполненная карта хорошо помогает в уяснении общей обстановки и принятии решения.

А. И. Антонов доложил сведения о противнике. Было ясно: немцы принимают все меры к тому, чтобы остановить начавшееся наступление Калининского, Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов. По всем данным, их оборона готовилась на линии река Нарва—Псков—Витебск—Орша—река Сож—река Днепр-река Молочная. В своей пропаганде гитлеровцы всемерно популяризировали этот рубеж, называя его “восточным валом”, о который разобьется Красная Армия.

Докладывая о ходе Смоленской наступательной операции Западного фронта и левого крыла Калининского фронта, А. И. Антонов сказал, что войска здесь встретились с большими трудностями. С одной стороны, тяжелая лесисто-болотистая местность, с другой — возросшее сопротивление вражеских войск, которые усиливаются частями, перебрасываемыми из района Брянска.

— Какие задачи выполняют партизанские отряды? — спросил И. В. Сталин.

— Главным образом по дезорганизации железнодорожных перевозок на участках Полоцк—Двинск, Могилев—Жлобин, Могилев—Кричев, — доложил А. И. Антонов.

— Как обстоят дела на Юго-Западном фронте?

— Войска Юго-Западного фронта, начав наступление центром фронта, успеха не получили. Лучше дело пошло на участках левого крыла фронта, где действовала 3-я гвардейская армия генерала Лелюшенко.

Сейчас я уже не помню всех деталей этого совещания, но основным было указание Верховного Главнокомандующего принять все меры к быстрейшему захвату Днепра и реки Молочной, с тем чтобы противник не успел превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустынный район.

Это было правильное требование, так как фашисты, отступая, в звериной злобе предавали все ценное огню и разрушениям. Они взрывали фабрики, заводы, превращали в руины города и села, уничтожали электростанции, доменные и мартеновские печи, жгли школы, больницы. Гибли тысячи детей, женщин, стариков.

Дав соответствующие указания А.И.Антонову, И.В.Сталин приказал мне вместе с маршалом Я. Н. Федоренко, генералом И. В. Смородиновым и маршалом Н. Д. Яковлевым рассмотреть, что можно выделить для Воронежского и Степного фронтов. Учитывая важность задач, поставленных перед фронтами, я доложил в тот же вечер Верховному о количестве людей, танков, артиллерии и боеприпасов, которые следовало бы сейчас же им передать.

Верховный Главнокомандующий долго рассматривал свою таблицу наличия вооружения и то, что мной намечалось для фронтов. Затем, взяв, как обычно, синий карандаш, он сократил все почти на 30—40 процентов.

— Остальное, — сказал он. — Ставка даст, когда фронты подойдут к Днепру.

В тот же день я вылетел в район боевых действий фронтов. Там, согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования, должны были продолжаться наши активные действия.

Несколько позже, 6 сентября, из Ставки прибыла директива. Фронты, действия которых я координировал, получили задачу продолжать наступление с выходом на среднее течение Днепра и захватить там плацдармы. Воронежский фронт под командованием Н. Ф. Ватутина должен был нанести удар на Ромны—Прилуки—Киев. Степной фронт под командованием И. С. Конева — наступать на полтавско-кременчугском направлении.

Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках обоих фронтов чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались некоторые перебои в материально-техническом обеспечении. Но все мы, от солдата до маршала, горели желанием скорее выбросить врага с нашей земли, освободить многострадальный украинский народ из-под тяжкого гнета оккупантов, которые свои неудачи на фронтах вымещали на беззащитном населении.

Нам не потребовалось много времени на выработку оперативно-тактических решений, так как в войсках уже накопился богатый опыт, помогавший быстро анализировать обстановку, принимать решения и вырабатывать короткие и четкие указания.

Что касается командования и штабов фронтов, то они стали большими мастерами в организации и проведении операций. С ними легко работалось. Мы, как говорится, понимали друг друга с полуслова.

Я по-прежнему поддерживал связь с А. М. Василевским, который в это время координировал действия войск Юго-Западного и Южного фронтов. Было известно, какая мощная группировка противника противостоит там нашим фронтам. Хотя наши войска имели некоторое превосходство в людях, все же это не исключало больших трудностей, с которыми они должны были встретиться в наступательных операциях, тем более что в танках и боевой авиации на нашей стороне почти не было количественного превосходства, за исключением артиллерии.

Начавшееся наступление подопечных мне фронтов развивалось крайне медленно.

Противник ожесточенно сопротивлялся, особенно в районе Полтавы. Но в первой половине сентября, понеся значительные потери, он начал отвод своих войск из Донбасса и района Полтавы. Введенная в сражение на участке Воронежского фронта 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, прибывшая из резерва Ставки, развернула решительное преследование противника в направлении Днепра.

Кроме того, с 5 октября 1943 года Воронежский фронт был усилен войсками 13-й и 60-й армий под командованием генералов Н. П. Пухова и И. Д. Черняховского. Произошли перегруппировки и на других фронтах. В частности, Степной фронт получил от Воронежского фронта 52-ю и 5-ю гвардейскую армии генералов К. А. Коротеева и А. С. Жадова.

Не имея сил сдержать усилившийся натиск наших войск, немецкие войска начали отход на Днепр. Фронты приняли все меры к тому, чтобы на плечах отходящих войск противника захватить плацдармы на реке Днепр и начать с ходу форсирование этой крупнейшей водной преграды.

Для деморализации вражеских войск в боевые действия была брошена вся наличная авиация фронтов. Соединения, начав преследование противника, создавали

импровизированные подвижные отряды, в задачу которых входило быстрое их выдвижение на тыловые пути с целью захвата и удержания рубежей, которые фашистские войска могли занять для оборонительных действий.

Чтобы еще выше поднять морально-политический дух войск при форсировании крупных водных рубежей, Ставка 9 сентября 1943 года приказала за форсирование Десны представить начальствующий состав к награждению орденами Суворова, а за форсирование Днепра— к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военные советы, политорганы, командно-начальствующий состав развернули большую политико-воспитательную работу, разъясняя значение быстрого захвата западного берега Днепра и Десны. Каждый, с кем приходилось нам беседовать о предстоящих задачах и способах их выполнения, хорошо понимал значение захвата могучей реки, стремительного ее форсирования и особенно освобождения Киева — столицы Украины.

Степной фронт, освободив Полтаву, 23 сентября подходил передовыми частями своей левофланговой группировки к Днепру.

Механизированные части 3-й гвардейской танковой армии и часть сил 40-й и 47-й армий захватили плацдарм на Днепре в районе Великого Букрина. Они должны были быстро расширить его для обеспечения ввода главной группировки Воронежского фронта в обход Киева с юга и юго-запада.

Командование немецких войск срочно бросило против наших войск, захвативших плацдарм, крупную группировку в составе 24-го и 48-го танковых корпусов и до пяти пехотных дивизий. Они нанесли контрудар по нашим переправившимся войскам и сковали их действия на букринском плацдарме.

Севернее Киева, в районе Лютежа, с ходу форсировали Днепр части армии генерала Н. Е. Чибисова. На противоположный берег вышли подразделения 842-го стрелкового полка 240-й стрелковой дивизии. Особенно отличилась группа под командованием сержанта П. П. Нефедова. За проявленный героизм и мужество при захвате и удержании плацдарма П. П. Нефедов был удостоен звания Героя Советского Союза, а остальные были награждены орденами.

Войска, форсировавшие Днепр, проявляли величайшее упорство, храбрость и мужество.

Как правило, подойдя к реке, они с ходу устремлялись вперед. Не дожидаясь подхода понтонных и тяжелых средств наведения мостов, части пересекали Днепр на чем угодно — на бревенчатых плотах, самодельных паромах, в рыбачьих лодках и катерах. Все, что попадалось под руку, шло в дело. Нелегко приходилось и на противоположном берегу, где вспыхивали ожесточенные бои за плацдарм. Не успев закрепиться, войска вступали в бой с противником, стремившимся во что бы то ни стало сбросить их в реку...

Ожесточенные бои, завершившиеся крупным успехом, развернулось и на участке Степного фронта при форсировании Днепра в районах Днепровокаменки и Домоткани. Здесь особенно отличились части 25-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Г. Б. Сафиулина. Отбив многократные атаки противника, они обеспечили успешное форсирование Днепра 7-й гвардейской армией. Части 62-й гвардейской дивизии

полковника И. Н. Мошляка были первыми в 37-й армии генерала М. Н. Шарохина, форсировавшими Днепр юго-восточнее Кременчуга.

Решительным действиям сухопутных войск содействовала боевая авиация фронтов и авиация дальнего действия, которая, нанося сосредоточенные удары по аэродромам, по обороне противника, его резервам, надежно обеспечивала наше господство в воздухе.

К концу сентября, сбив оборону вражеских войск, наши войска форсировали Днепр на участке 700 километров, от Лоева до Запорожья, и захватили ряд важнейших плацдармов, с которых предполагалось развивать наступление дальше на запад.

За успешное форсирование Днепра и проявленные при этом героизм, мужество и высокое мастерство, за штурм обороны на Днепре около двух с половиной тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза.

В период с 12 октября по 23 декабря войска Воронежского фронта{53} провели Киевскую операцию.

Вначале предполагалось разгромить киевскую группировку и захватить Киев, нанося главный удар с букринского плацдарма. Затем от этого плана пришлось отказаться, так как противник стянул сюда крупные силы киевской группировки. Оставив это направление для вспомогательных действий, мы перенесли главный удар севернее Киева, с лютежского плацдарма, поскольку там немецко-фашистские войска ослабили свой северный участок.

Новый план освобождения Киева и развития наступления на Коростень—Житомир—Фастов был представлен на утверждение Верховному. После рассмотрения в Генштабе и увязки с Центральным фронтом план был утвержден.

25 октября начала осуществляться перегруппировка 3-й гвардейской танковой армии с букринского плацдарма. Ей предстояло совершить путь около двухсот километров вдоль Днепра, а это значило — вдоль фронта противника. На наше счастье, погода была нелетная, и авиационная разведка противника во время перегруппировки почти не действовала.

Из района Великий Букрин перегруппировывался и 7-й артиллерийский корпус прорыва.

Были приняты все меры маскировки и радиообмана. Передвижения на лютежский плацдарм совершались в ночное время. Чтобы приковать внимание противника к букринскому плацдарму, там поддерживалась активная деятельность войск и применялись различные дезинформационные мероприятия. Перегруппировка танковой армии и артиллерийского корпуса противником не была обнаружена, и он продолжал ожидать главный удар войск фронта именно в этом районе.

К 1 ноября на лютежском плацдарме были сосредоточены 38-я армия под командованием генерала К. С. Москаленко, 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко, 7-й артиллерийский корпус прорыва и большое количество артиллерийских частей и других родов войск.

В общей сложности к операции готовилось около двух тысяч орудий и минометов, пятьсот “катюш”. К началу решающих действий на киевском направлении наши войска значительно превосходили противника в количественном и качественном отношении.

Утром 3 ноября неожиданно для фашистских войск началось наступление на Киев с лютежского плацдарма, которое поддерживалось 2-й воздушной армией.

Но надо было еще сковать противника и в районе букринского плацдарма. С этой целью 1 ноября перешли в наступление 27-я и 40-я армии фронта. Немецкое командование приняло этот удар за главный и срочно перебросило сюда дополнительные силы, в том числе танковую дивизию СС “Райх”, находившуюся в резерве генерал-фельдмаршала Манштейна. Нам только это и нужно было.

Однако 3 и 4 ноября наступление 38-й армии на Киев развивалось медленно. Чтобы решительно повлиять на ход операции, решили ввести в дело 3-ю гвардейскую танковую армию П. С. Рыбалко. К утру 5 ноября она перерезала дорогу Киев—Житомир, создав этим благоприятные условия для войск, наступавших непосредственно на Киев.

38-я армия генерала К. С. Москаленко (член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев) к исходу 5 ноября была уже на окраинах Киева, а в 4 часа утра 6 ноября вместе с танковым корпусом генерала А. Г. Кравченко освободила столицу Украины.

Верховному Главнокомандующему тут же была послана телеграмма. В ней говорилось: “С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи”.

Большая заслуга в успешном выполнении этой операции принадлежит командующему фронтом генералу армии Н. Ф. Ватутину, члену Военного совета генерал-майору К. В. Крайнюкову.

В разработке и организации операции по освобождению Киева и разгрому киевской группировки противника большую и важную работу провел Военный совет 38-й армии.

В боях за Киев активную роль сыграла чехословацкая бригада под командованием полковника Людвика Свободы. 139 солдат и офицеров этой героической бригады были удостоены высоких советских наград.

Советский народ с благодарностью будет помнить участие отважных чехословацких воинов в разгроме немецко-фашистских войск во время Великой Отечественной войны.

В 9 часов утра вместе с Военным советом фронта мы прибыли в Киев, куда уже стекались толпы измученных жителей города, прятавшихся в окрестностях от зверской расправы фашистов. Наши машины обступили со всех сторон.

Большинство людей выглядели крайне истощенными. Но как светились глаза киевлян, увидевших не в мечте, а наяву своих освободителей, родных советских воинов! Многие плакали от радости, каждый хотел что-то рассказать о давно наболевшем, выстраданном...

Проезжая по хорошо знакомому мне Крещатику, когда-то красивейшему проспекту города, я ничего не мог узнать: кругом были сплошные развалины. Так выглядел наш древний Киев после ухода гитлеровцев.

После освобождения Киева войска фронта, отбрасывая противника на запад, овладели Фастовом, Житомиром и рядом других городов.

Немецкое командование, опасаясь катастрофического развития событий, спешно сосредоточило в районе Житомира контрударную группу в составе 15 дивизий (в том числе 8 танковых и моторизованных) и 13 ноября нанесло мощный удар по войскам 1-го Украинского фронта. Ему удалось вновь занять Житомир и продвинуться на 30—40 километров. Однако с подходом наших резервов положение вскоре было восстановлено.

До конца декабря шли напряженные бои. Противник вновь рвался к Киеву, однако все его попытки были безрезультатными.

В конце декабря — начале января обе стороны перешли к обороне. Теперь линия фронта обороны наших войск проходила в ста пятидесяти километрах к западу и пятидесяти километрах к югу от Киева.

Но вернемся несколько назад, чтобы вспомнить, что же произошло за это время на 2-м Украинском фронте (бывшем Степном), где мне пришлось бывать урывками, так как боевая обстановка требовала присутствия главным образом на киевском направлении.

30 сентября войска 2-го Украинского фронта, форсировав Днепр, захватили плацдарм на западном берегу до 30 километров по фронту и до 15 в глубину. Такой плацдарм вполне обеспечивал развитие удара главной группировки.

В ходе форсирования Днепра мне удалось побывать на участке 53-й армии генерала И. М. Манагарова. Он, как и перед наступлением под Белгородом, отлично справлялся с управлением армией. Теперь он действовал еще более решительно, чем перед контрнаступлением на Курской дуге. Такое же впечатление производило и большинство командного состава частей и соединений армии. Во всех штабах повысилась организованность, улучшилось управление, организация разведки, и, что самое главное, штабы и командование приобрели навыки в быстром и глубоком анализе обстановки.

Разговаривая с командармом И. М. Манагаровым, я наблюдал за И. С. Коневым. Раньше он обычно поправлял или дополнял доклады своих командармов, а тут, слушая четкий доклад И. М. Манагарова, молчал и улыбался. Действительно, от распорядительности И. М. Манагарова и его штаба можно было получить большое удовлетворение.

Прощаясь с И. М. Манагаровым, я в шутку сказал:

— Все хорошо. Одного не хватает— баяна.

— Баян есть, товарищ маршал, — рассмеявшись, сказал И. М. Манагаров, — он у меня во втором эшелоне, только я не играл на нем с тех пор как вы приезжали к нам при подготовке к контрнаступлению под Белгородом.

Освобождение Киева, захват и расширение наших плацдармов на Днепре, в районе Киева, Черкасс, Кременчуга, Днепропетровска и Запорожья резко ухудшили обстановку для немецких войск на Украине. Днепр давал возможность противнику организовать трудно преодолимую оборону) и гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что им удастся остановить наши войска перед этой естественной преградой.

Из разведывательных данных Ставке было известно, что перед началом операции в штаб группы армий “Юг” приезжал Гитлер. Он предъявил категорические требования к войскам — драться за Днепр до последнего человека и любой ценой удержать его за собой.

Гитлеровцы понимали, что с потерей Украины окончательно рухнет их фронт на юге нашей страны, будет потерян Крым, и советские войска могут в скором времени выйти к своим государственным границам. Тогда еще больше осложнится общее положение в фашистском лагере.

Но, несмотря на жесткие требования Гитлера и генерал-фельдмаршала Манштейна, битва за Днепр была проиграна. Не помогла и еще одна попытка восстановить оборону в районе Кременчуга, Днепропетровска и Запорожья.

К 23 октября ударная группировка войск 2-го Украинского фронта, в том числе 5-я гвардейская танковая армия, переданная фронту из резерва Ставки, вышла на подступы к Кривому Рогу и Кировограду. Немецкое командование, собрав сильную группу войск, бросило ее против частей 2-го Украинского фронта для ликвидации нависшей опасности.

В самый разгар ожесточенных сражений я прибыл на командный пункт И. С. Конева, который находился в четырех километрах от поля битвы. В стереотрубу можно было частично наблюдать ход сражений.

Иван Степанович был озабочен. Сильно поредевшие и переутомленные предыдущими боями войска фронта могли не выдержать серьезного нажима противника. Поэтому ему пришлось для удара по вражеским войскам бросить всю авиацию и усилить части артиллерией за счет других участков фронта. В свою очередь немецкое командование направляло на наши войска бомбардировочную авиацию, которая волна за волной подходила к полю сражения и наносила нам чувствительные удары.

К исходу 24 октября на ряде участков наши войска вынуждены были отойти на расстояние до 10 километров, а затем, не удержавшись, еще километров на 25, прочно закрепившись на реке Ингулец. Как ни старался противник отбросить наши войска с этой реки, ему это не удалось. Понеся большие потери, он вынужден был прекратить свои атаки и перейти к обороне.

Не имея достаточных сил продолжать наступление на криворожском направлении, войска 2-го Украинского фронта также перешли здесь к обороне.

На правом же крыле фронта боевые действия продолжались с неослабевающим напряжением. Здесь 52-я армия генерала К. Д. Коротеева. тесно взаимодействуя с партизанскими отрядами, успешно форсировала Днепр и 14 декабря захватила плацдарм и освободила город Черкассы.

В ходе ожесточенных сражений запорожский плацдарм противника был ликвидирован войсками 3-го Украинского фронта. Наши войска освободили Днепропетровск.

К концу декабря на участке 2-го и 3-го Украинских фронтов был создан плацдарм стратегического значения протяженностью свыше 400 километров по фронту и до 100 километров в глубину, позволявший в ближайшее время развернуть дальнейшие наступательные операции.

Будучи занят координацией действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, я не смог вникнуть в детали хода операций наших войск на 3-м и 4-м Украинских фронтах. Из телефонных переговоров с Верховным, Генштабом и А. М. Василевским мне было известно, что 4-й Украинский фронт, разгромив противника на реке Молочной, успешно продвинулся вперед и захватил плацдарм на Перекопском перешейке, заперев в Крыму немецкие войска.

Для более детального ознакомления с положением на фронтах, рассмотрения и уточнения плана дальнейших наступательных операций в середине декабря я был вызван в Ставку. Прибыл и А. М. Василевский, с которым мы встретились в Генштабе и сразу же обменялись мнениями об итогах 1943 года и перспективах на ближайший период.

Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось начиная с апреля почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это, вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве, в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов.

На декабрьском совещании в Ставке присутствовали большинство членов Государственного Комитета Обороны. Скорее это было расширенное заседание Государственного Комитета Обороны с участием некоторых членов Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было довольно длительным. В обсуждении итогов и опыта борьбы на фронтах, а также оценки обстановки и перспектив войны приняли участие А. М. Василевский и А. И. Антонов. По вопросам экономики и военной промышленности докладывал Н. А. Вознесенский. О проблемах международного характера и о возможности открытия второго фронта говорил И. В. Сталин.

По данным Генштаба, к концу 1943 года советские войска освободили более половины территории, которую захватили немецкие войска в 1941—1942 годах. Начиная с контрнаступления в районе Сталинграда, советскими войсками было полностью уничтожено или пленено 56 дивизий, 162 дивизии понесли тяжелейшие потери. Противник был вынужден их серьезно пополнять или переформировывать. За этот период было уничтожено до 7 тысяч танков, более 14 тысяч самолетов и до 50 тысяч орудий и минометов. Немецкие войска безвозвратно потеряли опытнейшие кадры генералов, офицеров, унтер-офицеров и солдат.

К концу 1943 года Коммунистической партии, нашему правительству удалось, несмотря на трудности начального периода, успешно решить проблему подготовки квалифицированных офицерских кадров. Притом не только удовлетворялись потребности фронта, но и создавались крупные резервы. Даже на 1 июля 1943 года, к началу больших операций, у нас в запасе находилось более 100 тысяч офицеров, имевших большой боевой опыт и необходимую военно-техническую подготовку. Вдвое увеличился генеральский состав Советских Вооруженных Сил.

Германия на Восточном фронте за второй период войны была настолько истощена, что не могла вести серьезных наступательных действий. Однако она обладала еще достаточными возможностями для активной оборонительной войны. С целью укрепления своего сильно потрепанного фронта главное командование немецких войск к концу 1943 года перебросило с запада еще 75 дивизий и большое количество боевой техники, вооружения и материально-технических средств.

Наши вооруженные силы продолжали наращивать свою боевую мощь. За 1943 год было сформировано 78 новых дивизий. К концу года у нас образовалось 5 танковых армий, 37 танковых и механизированных корпусов, 80 отдельных танковых бригад, 149 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков. Было сформировано 6 артиллерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 гвардейских реактивных минометных дивизий и многие десятки других артиллерийских частей.

Страна наша развернулась во всю свою богатырскую мощь.

В связи с окончательным переломом войны в пользу Советского Союза, высадкой союзных войск в Италии и выходом ее из войны, а также благодаря мощному движению сил Сопротивления серьезно осложнилась обстановка и в странах — сателлитах фашистской Германии. Там быстрым темпом нарастал гнев народов против фашизма и неукротимое стремление как можно скорее покончить с войной. В Польше, Югославии, Чехословакии, Греции, Франции и других странах Европы поднималась новая волна национально-освободительного движения против фашистской оккупации. В самой Германии вследствие тяжелого поражения на советско-германском фронте и возникшими экономическими трудностями, острой нехватки людских ресурсов для восполнения потерь нарастало неверие в победу вермахта. Оно овладело значительными слоями трудового народа, среди которого все шире и шире разрасталась деятельность антифашистских сил.

У нас же в стране в результате одержанных побед в народе появилась полная уверенность — доведем войну до победного конца! Слов нет, все тяжело переживали потери своих сыновей, братьев, отцов, матерей и сестер, но народ наш с высоким сознанием своего долга перед Родиной стойко переносил эти потери.

К концу 1943 года советские командные кадры обогатились новейшим опытом стратегического и оперативно-тактического искусства. Организация крупнейших операций фронтов и групп фронтов, их победное завершение дали возможность Ставке, Генеральному штабу и самим фронтам глубже понять и осмыслить наиболее эффективные способы разгрома вражеских группировок, притом с наименьшими потерями людей и затратами материальных средств.

В Генеральном штабе сложился и вырос большой коллектив опытных операторов, организаторов и разведывательных кадров. Само Верховное Главнокомандование поднялось на более высокую ступень понимания способов и методов ведения современной войны. Всем нам стало легче работать и понимать друг друга. Этого раньше не хватало, отчего порой страдало общее дело.

Успешные боевые действия советских войск в значительной степени определялись возросшим качеством партийно-политической работы в войсках. Военные советы армий стали более умело подводить итоги операций, показывая в своих обращениях к личному составу яркие примеры, боевую доблесть и героизм, проявленные солдатами, сержантами, офицерами и генералами, популяризируя наилучшие методы решения важных и значительных боевых задач.

Должен сказать, что вообще с помощью Военных советов фронтов, армий и флотов партия осуществляла очень гибкое и дееспособное сочетание военного и политического руководства войсками.

В составе Военных советов работало немало членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, которые постоянно были связаны с ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны.

Генералы и офицеры стали чаще бывать в частях и подразделениях и беседовать с солдатами. Улучшилось руководство партийно-политической работой и со стороны начальников политорганов и инструкторского состава.

В этом отношении хочется особо отметить политуправление 1-го Украинского фронта, возглавлявшееся генералом С. С. Шатиловым, и политуправление 1-го Белорусского фронта во главе с генералом С. Ф. Галаджевым. Большую помощь оказывали войскам руководящие партийные и советские работники Украины и Белоруссии.

По данным Центрального штаба партизанского движения, в 1943 году количество партизанских сил увеличилось в два раза. Многочисленные партизанские отряды объединились в части и соединения, которые были способны производить серьезные операции в тылу врага, отвлекая на себя значительные силы немецких войск. Можно сказать, что в тылу врага практически действовал мощный фронт народных мстителей, всем существом своим ненавидевших оккупантов.

Особенно мощные соединения партизан действовали в Белоруссии и на Украине. В 1943 году в Белоруссии большое значение имели партизанские соединения В. Е. Самутина, Ф. Ф. Тараненко, В. И. Козлова, П. М. Машерова, Ф. Ф. Капусты. На Украине действовали соединения А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, З. А. Богатыря, С. А. Ковпака, М. И. Наумова, И. Е. Анисименко, Я. М. Мельника, Д. Т. Бурченко.

Советское командование в своих планах и действиях серьезно учитывало реальную силу партизан и всё возрастающую их роль еще и потому, что в тактическом отношении искусство партизанских действий поднялось на более высокую ступень.

Действия партизанских частей и соединений теперь в основном координировались, увязывались Военными советами фронтов и руководством ЦК Компартий Украины и Белоруссии. Большую помощь партии в создании партизанских отрядов оказывали

подпольные комсомольские организации, возглавляемые секретарями ЦК комсомола Белоруссии К. Т. Мазуровым и Ф. А. Сургановым, постоянно находившимися на оккупированной врагом территории. За 1943 год партизаны подорвали 11 тысяч поездов, повредили и вывели из строя 6 тысяч паровозов, около 40 тысяч вагонов и платформ, уничтожили свыше 22 тысяч машин и более 900 железнодорожных мостов. Организаторами этих действий являлись подпольные партийные организации.

Летом 1943 года немецкое командование вынуждено было для борьбы с партизанами держать в тылу более 25 дивизий, большое число карательных частей и отрядов.

Коренной перелом произошел и в работе советского тыла. В 1943 году резко увеличилось производство самолетов, танков, артиллерийско-минометного вооружения и боеприпасов. В августе 1943 года партия и правительство приняли ряд важнейших решений о восстановлении народного хозяйства в освобожденных районах. В последнем квартале 1943 года там уже было добыто 6,5 миллиона тонн угля, 15 тысяч тонн нефти, выработано 172 миллиона киловатт-часов электроэнергии. Советские вооруженные силы стали лучше и оперативнее обеспечиваться всем необходимым для успешной вооруженной борьбы.

Наши взаимоотношения с союзниками за 1943 год улучшились. Мы получили несколько большую материально-техническую помощь от Америки, чем в 1942 году, но все же она была далека от обещанной, а к концу года даже снизилась. Правительство США по-прежнему ссылалось на свои потребности в связи с предстоящим открытием второго фронта и на свои обязательства перед Англией.

К концу 1943 года мы окончательно преодолели тяжелую обстановку и, обладая мощными силами и средствами борьбы, прочно удерживали в своих руках стратегическую инициативу и уже не так нуждались, как в предыдущие два года войны, в открытии второго фронта в Европе. Однако в целях быстрейшего разгрома фашистской Германии и окончания войны всем нам хотелось, чтобы второй фронт был открыт в ближайшее время.

Несомненно, нас радовали победы в Италии, у Эль-Аламейна, в районе Туниса и других местах. Но все же это было не то, чего мы так долго ждали от союзников, чтобы почувствовать их достойный вклад в войну.

Возвратившись с Тегеранской конференции, И. В. Сталин сказал:

— Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

До сих пор я ничего не сказал о положении дел на наших западном и северо-западном направлениях, и это, конечно, не по забывчивости, а потому, что весь 1943 год у меня целиком был занят подготовкой и проведением операций в районе Курской дуги, на путях к Днепру, сражениями за Днепр и Правобережную Украину. Что касается западного и северо-западного направлений, ими в 1943 году занимались И. В. Сталин и Генеральный штаб, а мы лишь изредка высказывали свои соображения и свои предложения тогда, когда нас спрашивал Верховный Главнокомандующий.

К концу 1943 года на западном и северо-западном направлениях были достигнуты важные результаты. Советские войска очистили от врага последнюю часть Калининской области, освободили Смоленскую область и значительную часть восточной Белоруссии. К концу года в результате успешного продвижения наших войск линия фронта на северо-западном и западном направлениях проходила через озеро Ильмень, Великие Луки, Витебск, Мозырь.

На юго-западном и южном направлениях в это время линия фронта шла от Полесья через Житомир—Фастов—Кировоград (исключительно)—Запорожье—Херсон. Крым был еще в руках немецких войск. В районе Ленинграда и на севере обстановка значительно улучшилась. Ленинградцы теперь свободнее дышали.

Члены Государственною Комитета Обороны и мы, члены Ставки Верховного Главнокомандования, считали, что, хотя в борьбе с врагом мы добились больших успехов и противник серьезно ослаблен, все же он еще достаточно силен. Отсутствие второго фронта в Европе давало гитлеровцам возможность вести в 1944 году упорную оборонительную войну.

К началу 1944 года Германия с учетом войск своих сателлитов имела на советско-германском фронте около 5 миллионов человек, 54,5 тысячи орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий и несколько более 3 тысяч самолетов.

Советские Вооруженные Силы превосходили противника в людях в 1,3 раза, по артиллерии— в 1,7 раза, по танкам— в 1,4 раза, по самолетам — в 3,3 раза. Это количественное превосходство усиливалось высоким качественным уровнем оружия и, что особенно важно, боевым духом войск и возросшим оперативно-тактическим искусством командования.

В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

При этом главные наступательные операции имелось в виду провести на юго-западном театре военных действий, с тем чтобы прежде всего освободить Правобережную Украину и Крым. На остальных направлениях провести операции меньшего масштаба. Было решено полностью освободить Ленинград от блокады и отбросить врага за пределы Ленинградской области. На северо-западном направлении войска должны были освободить Новгородскую область и выйти к границам прибалтийских республик. Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии.

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные силы и средства сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий “Юг” и “А”.

Что касается других фронтов северного, северо-западного и западного направлении, то Ставка решила давать туда более ограниченные силы, чтобы не рассредоточивать их и не отвлекать с тех участков, где будут решаться главные задачи

После совещания в Ставке мы с А. М. Василевским дней пять еще поработали с Генштабом по уточнению задач фронтам. Несколько раз Верховный приглашал нас к себе в кремлевскую квартиру на обед.

Однажды дома у Верховного я попытался еще раз поднять вопрос о проведении операций на окружение. И. В. Сталин сказал:

— Теперь мы стали сильнее, наши войска опытнее. Мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение.

Мы были довольны тем, что Верховный наконец правильно понял значение наступательных операций с целью окружения.

В другой раз на обеде, где мне довелось быть, присутствовали А. А. Жданов, А. С. Щербаков и другие члены Политбюро. Андрей Александрович Жданов рассказал о героических делах и величайшем мужестве рабочих Ленинграда, которые, пренебрегая опасностью, полуголодные, стояли у станков на фабриках и заводах по 14—15 часов в сутки, оказывая всемерную помощь войскам фронта. Андрей Александрович попросил увеличить продовольственные фонды для ленинградцев. Верховный тут же дал указание удовлетворить эту просьбу, а затем сказал:

— Предлагаю тост за ленинградцев. Это подлинные герои нашего народа.

На радостях А. А. Жданов затянул свою любимую песню “Есть на Волге утес”. Все охотно подпевали. Затем он рассказал пару смешных анекдотов, после чего Сталин сказал:

— Ну, по домам.

И все разъехались кто куда.

После того как задачи фронтов были окончательно отработаны, мы с Александром Михайловичем Василевским отправились на подопечные фронты, где нам было поручено осуществлять дальнейшую координацию действий войск. Я поехал координировать действия фронтов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева, а А. М. Василевский — Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина.

Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н. Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н. Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба — А. Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А. Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н. Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А. Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н. Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, — ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность.

Беспокойным человеком был Н. Ф. Ватутин. Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно остро.

Изрядно проголодавшись, я зашел к Н. С. Хрущеву, зная, что у него всегда можно было неплохо подкрепиться. У Н. С. Хрущева были член Военного совета по материальному обеспечению генерал Н. Т. Кальченко и представитель аппарата ЦК партии Украины М. С. Гречуха. Товарищи попросили рассказать о московских новостях.

Подробно ознакомил присутствовавших с решением Ставки об изгнании противника с Правобережной Украины и конкретных задачах 1-го Украинского фронта. М. С. Гречуха рассказал о чудовищных злодеяниях, которые фашисты творили в последнее время, особенно перед отступлением своих войск с Украины.

— Сейчас еще не выявлена и десятая доля тех кровавых дел фашистских головорезов, которые они совершили на украинской земле, — сказал он.

1-му Украинскому фронту в то время противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе 8 танковых и одной моторизованной. Командовал войсками генерал танковых войск Э. Раус{54}. Вражеское командование все еще мечтало ликвидировать советские войска, которые овладели большим плацдармом западнее Днепра и Киевом.

Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватив Житомир, неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска несли колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60—70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило

наступление, перейдя к обороне, но все еще не отказалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр.

Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от 1-го Украинского фронта подготовить и провести Житомирско-Бердичевскую операцию по разгрому противостоящей 4-й танковой армии противника и отбросить ее к Южному Бугу. На усиление 1-го Украинского фронта Ставкой были переданы 18-я армия, 1-я танковая армия, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

К началу решающих операций 1-й Украинский фронт имел 1-ю гвардейскую, 13, 18, 27, 38, 40-ю и 60-ю общевойсковые армии, 1-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии. Всего 63 стрелковые дивизии, 6 танковых, 2 механизированных корпусов, 3 кавалерийские дивизии.

Замысел наступательной операции войск фронта предусматривал разгром противника в районе Брусилова и выход на рубеж Любар—Винница—Липовая.

60-я армия генерала И. Д. Черняховского, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу наступать из района Малина и выйти на реку Случь на участке Рогачев-Любар. 13-я армия генерала Н. П. Пухова получила задачу наступать в направлении Коростень—Новоград— Волынский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь и далее на Христиновку, где и должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Поддержку войск фронта с воздуха осуществляла 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского.

Утром 29 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска главной группировки фронта перешли в наступление. Оборона противника не выдержала удара наших войск, и немецкие войска начали отход. В связи с создавшимися благоприятными условиями во второй половине дня были введены в дело 1-я и 3-я гвардейская танковые армии. К исходу 30 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина его достигла 100 километров. Были освобождены Коростень, Брусилов, Казатин, Сквира и много других городов и населенных пунктов.

Наступавшие войска завязали бой на подступах к Житомиру, Бердичеву, Белой Церкви. Немецкому командованию пришлось принимать экстренные меры, чтобы закрыть образовавшуюся брешь, для чего сюда было переброшено 12 дивизий из других групп армий (“Север”, “Центр” и группы армий “А”).

31 декабря был вновь освобожден Житомир. Развернулись тяжелые бои за Бердичев — крупный узел железнодорожных и шоссейных коммуникаций. Здесь действовали войска 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова и 18-я армия генерала К. Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия, понеся потери, успеха не добилась, и лишь 5 января, после вмешательства Н. Ф. Ватутина, Бердичев был освобожден.

В боях за Белую Церковь принимала участие 1-я чехословацкая бригада под командованием генерала Людвика Свободы. Этот красивый крепкий человек своим спокойствием и рассудительностью вызывал у всех нас глубокое уважение и полное доверие. И мы не ошиблись в нем. До конца войны Людвик Свобода успешно

осуществлял командование чехословацкими войсками и своими героическими делами внес достойный вклад в разгром врага, которого он ненавидел так же, как и мы, советские люди.

Под ударами 1-го Украинского фронта враг откатывался на запад. Это заставило командование немецких войск собрать группу войск в районах Винницы и Умани для контрудара по 38, 40-й и 1-й танковой армиям{55}. Завязалось новое большое сражение.

Наши войска перешли к обороне, пытаясь расстрелять противника с места огнем и ударами с воздуха. Но, не выдержав нажима противника, сами отошли километров на тридцать назад, где и закрепились.

В итоге Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись на глубину до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей. Левое крыло фронта охватило всю группировку противника, занимавшего крупный плацдарм в районе Канева и Корсунь-Шевченковского. Таким образом была создана благоприятная обстановка для Корсунь-Шевченковской операции.

К середине января 1-й Украинский фронт закрепился на линии Сарны—Славута—Казатин—Ильинцы. Далее фронт поворачивал на Днепр до района Ржищева и Канева, где продолжала стоять в обороне крупная группировка немецких войск. Видимо, немецкое командование, мечтая вновь захватить Киев, не подозревало, что оно готовило само себе здесь ловушку, о чем будет сказано ниже.

А теперь рассмотрим обстановку на 2-м Украинском фронте. 2-й Украинский фронт, во главе которого стоял генерал И. С. Конев (член Военного совета — И. З. Сусайков, начальник штаба — М. В. Захаров), к концу декабря так же, как и фронт Н. Ф. Ватутина, получил значительное пополнение танками и самоходно-артиллерийскими установками. В состав фронта был передан усиленный 5-й кавалерийский корпус и несколько артиллерийских частей. Это пополнение укрепило войска, но далеко не удовлетворило их потребности. Особенно малочисленными оставались общевойсковые соединения, без которых, как известно, не достигается и не закрепляется успех операций.

2-й Украинский фронт имел задачу подготовить и провести операцию, нанося главный удар на Первомайск через Кировоград. Частью сил фронт должен был наступать в общем направлении на Христиновку, где, соединившись с 1-м Украинским фронтом, разгромить противника в районе Звенигородка—Канев.

До 7 января мне не удалось побывать на 2-м Украинском фронте, так как вынужден был заниматься на участках войск Н. Ф. Ватутина, где обстановка изобиловала сложными и опасными моментами. 7 января я прилетел в штаб 2-го Украинского фронта. И. С. Конев в это время был в районе Кировограда на командно-наблюдательном пункте.

Заехав в штаб фронта, я застал там начальника штаба фронта М. В. Захарова, который детально ознакомил меня с данными обстановки на участках фронта.

Матвея Васильевича Захарова я знал по Белорусскому военному округу, где он был начальником оперативного отдела штаба округа. В то время во главе округа стоял командарм 1 ранга И. П. Уборевич, у которого нам всем было чему поучиться.

Надо сказать, что оперативный отдел штаба округа, который возглавлял М. В. Захаров, резко выделялся среди большинства приграничных округов своей сколоченностью, подготовленностью и общей оперативной культурой. Несколько позже М. В. Захаров успешно командовал стрелковым полком в Бобруйске, возглавляя штаб 2-го Украинского фронта, Матвей Васильевич был хорошей опорой для командующего фронтом И. С. Конева.

После ознакомления с обстановкой в штабе фронта я позвонил И. С. Коневу и выехал к нему.

По дороге к командному пункту И. С. Конева мы отчетливо слышали звуки артиллерийского огня, разрывы авиационных бомб, рев моторов многочисленных самолетов. Можно было безошибочно определить, что идут жаркие схватки с врагом на земле и в воздухе.

Поздоровавшись, я спросил Ивана Степановича, как развивается операция.

— Бьем смертным боем врага, но пока он не бросает Кировоград, — ответил И. С. Конев.

Изучив карту И. С. Конева и выслушав его обстоятельное сообщение, понял, что врагу все же не удастся удержаться в Кировограде. К исходу 7 января он был не только обойден войсками фронта, но и едва держался на южных окраинах города, где наступали 29-й танковый корпус, 29-я и 50-я стрелковые дивизии.

Особенно успешно дрались войска армий генерала А. С. Жадова и генерала М. С. Шумилова. Оба эти командарма были мне хорошо известны. Они прошли большой и суровый путь с самого начала войны. Сумели выдержать и устоять в тяжелых схватках с врагом, обогатились опытом победных операций и пришли сюда, в район Кировограда, во главе своих армий опытными военачальниками.

К утру 8 января Кировоград был освобожден. Враг отходил под натиском войск фронта на запад.

На правом крыле фронта наступление 53-й армии и 4-й ударной армии не увенчалось успехом. Оно было остановлено сильными контратаками противника на рубеже Смела—Каниж.

Остановив наступление и перейдя к обороне западнее Кировограда, командование фронта перегруппировало на правое крыло фронта 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова. Но из-за усилившейся здесь группировки врага она не смогла создать перелома в нашу пользу.

В связи с необходимостью проведения более капитальной подготовки дальнейших операций наступление войск 2-го Украинского фронта было приостановлено на всех направлениях, и я вернулся на 1-й Украинский фронт, чтобы вместе с его командованием взяться за подготовку Корсунь-Шевченковской операции.

Обсудив цель и задачи операции, Н. Ф. Ватутин решил создать группировку в составе 40-й армии Ф. Ф. Жмаченко, 27-й армии С. Г. Трофименко и 6-й танковой армии генерала танковых войск А. Г. Кравченко, отличившегося при взятии Киева.

По данным немецкой трофейной карты за 24 января 1944 года, в районе корсунь-шевченковского выступа, который доходил своей вершиной до самого Днепра, находилось девять пехотных, одна танковая и одна моторизованная дивизии, входившие в состав

1-й танковой и 8-й армий немецких войск.

Эта довольно сильная группировка противника мешала 1-му и 2-му Украинским фронтам проводить дальнейшие операции в западном направлении, так как была расположена на флангах того и другого фронтов.

11 января я доложил наши соображения Верховному о плане отсечения, окружения и разгрома всей корсунь-шевченковской группировки. Верховный утвердил предложения и 12 января подтвердил свое решение директивой Ставки.

Директива предусматривала нанесение встречных ударов фронтов под основание выступа и соединение их в районе Звенигородки{56}. Перед началом операции Ставка по моей просьбе усилила 1-й Украинский фронт 2-й танковой армией.

И. С. Конев решил нанести удар из района Вербовки и Красносилка силами 4-й гвардейской, 53-й и 5-й гвардейской танковой армий. Для создания ударных группировок фронтам надлежало провести значительные перегруппировки сил и средств. Поддержка ударных группировок фронтов с воздуха возлагалась на 2-ю и 5-ю воздушные армии.

Всего к участию в разгроме корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск привлекалось 27 стрелковых дивизий, 4 танковые, 1 механизированный и 1 кавалерийский корпуса. В составе этой группировки было 370 танков и самоходно-артиллерийских установок.

В количественном отношении наши войска здесь превосходили противника по пехоте в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 2,4 раза, по танкам и самоходно-артиллерийским установкам— в 2,6 раза.

Сил, безусловно, хватало для окружения и разгрома врага, но крайне не вовремя наступила распутица, выпал мокрый снег, дороги раскисли. Нелетная погода до предела ограничивала действия авиации. В результате войска не смогли полностью создать материальные запасы. Однако дольше ждать с началом операции было нельзя.

Корсунь-Шевченковская операция началась 24 января ударом 2-го Украинского фронта в общем на правлении на Звенигородку. 1-й Украинский фронт начал атаку на сутки позже. Вражеские войска оказали упорное сопротивление, отбиваясь огнем и контратаками, но все же не могли отразить удары наших фронтов.

27 января противник, стремясь ликвидировать прорыв, организовал против частей 2-го Украинского фронта контрудар с целью закрыть образовавшуюся брешь и отсечь передовые 20-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии. И это ему частично удалось.

Однако 20-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск И.Г.Лазарева, не обращая внимания на временный перехват противником его тыловых путей, стремительно продвигался вперед и в ту же ночь овладел городом Шпола.

Генерала И. Г. Лазарева я знал по Белорусскому военному округу и не раз встречался с ним на маневрах и больших окружных учениях, где он получил отличную полевую подготовку под руководством И. П. Уборевича.

Зная И. Г. Лазарева с хорошей стороны, я был уверен в том, что в этот сложный момент он будет твердо вести вверенный ему корпус к поставленной цели. 28 января корпус И.Г. Лазарева вышел в район Звенигородки, а в это время противник, закрыв прорыв, стремился отразить атаки 2-го Украинского фронта.

Перешедшая в наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта прорвала оборону противника, но встретила упорное сопротивление в глубине обороны.

Командующий фронтом Н. Ф. Ватутин, учитывая, что противнику удалось закрыть образовавшийся прорыв на участке 2-го Украинского фронта, бросил в район Звенигородки на усиление 20-го и 29-го танковых корпусов 2-го Украинского фронта сильный передовой отряд под командованием смелого и талантливого генерала М. И. Савельева в составе 233-й танковой бригады, 1228-го самоходно-артиллерийского полка, мотострелкового батальона и батареи истребительно-противотанковой артиллерии.

Отряд М. И. Савельева, умело маневрируя, смело прорвался через немецкие части в районе Лисянки и 28 января соединился с 20-м танковым корпусом в городе Звенигородке, перерезав основные тыловые пути корсунь-шевченковской группировки противника.

Оборонявшиеся вражеские войска на участке 1-го Украинского фронта упорно сопротивлялись, 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко в первый день боев имела незначительный успех. Более успешно действовали соединения 27-й армии генерала С. Г. Трофименко, особенно 337-я стрелковая дивизия генерала Г. О. Ляскина и 180-я стрелковая дивизия генерала С. П. Меркулова. Этот успех был использован нами для броска 6-й танковой армии на тыловые пути противника, что положительно сказалось на развитии событий.

К 30 января, введя в сражение дополнительные силы, в том числе второй эшелон 5-й гвардейской танковой армии, 18-й танковый корпус и кавалерийский корпус генерала А. Г. Селиванова, войскам 2-го Украинского фронта удалось отбросить противника и вновь образовать брешь в его обороне.

Продвигаясь вперед, войска обоих фронтов отсекли корсунь-шевченковскую группу противника и начали сжимать ее к центру окружения. Одновременно обоими фронтами был создан и внешний фронт, с тем чтобы не допустить со стороны Умани деблокирования окруженной группировки.

В ознаменование прорыва фронта вражеских войск и соединения войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в центре города Звенигородки потом был поставлен на пьедестал танк Т-34. Надпись на пьедестале гласит:

“Здесь января 28 дня 1944 года было сомкнуто кольцо вокруг гитлеровских оккупантов, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский. Экипаж танка 2-го Украинского фронта 155-й танковой Краснознаменной Звенигородской бригады подполковника Прошина Ивана Ивановича — лейтенант Хохлов Евгений Александрович, механик-водитель Андреев Анатолий Алексеевич, командир башни Зайцев Яков Сергеевич пожали руки танкистам 1-го Украинского фронта. Слава героям Родины!”

Хорошо, когда не забываются подвиги героев. Жаль только, что не названы имена танкистов 1-го Украинского фронта. Это надо бы исправить, установив имена тех героев-танкистов 1-го Украинского фронта, которые стремительно прорвались в район Звенигородки...

Окруженные немецкие войска, цепляясь за каждый рубеж и населенный пункт, укрываясь в лесах и перелесках, оказывали упорное сопротивление.

Сбить противника с позиций нужно было мощным артиллерийским огнем, а мы не могли его организовать из-за полного бездорожья. Чтобы создать минимально необходимые запасы снарядов, мин и горючего для танков, пришлось организовать их доставку на волах, на носилках, в мешках — словом, кто как и чем мог. В этом деле большую помощь оказали жители украинских деревень.

Командование немецких войск, стремясь спасти от неминуемой гибели свои войска, оказавшиеся в котле, начало стягивать силы против нашего внешнего фронта. 27 января в район Ново-Миргорода подошли их 3, 11-я и 14-я танковые дивизии, а через два дня и 13-я танковая дивизия. Затем в район Ризино начали сосредоточиваться 16-я и 17-я танковые дивизии.

Все мы, проводившие эту операцию на окружение войск, принадлежавших 1-й и 8-й армиям противника, отчетливо понимали, что командование немецких войск должно организовать удар извне, спасая попавших в окружение.

Для создания внешнего фронта, который должен был обеспечить уничтожение окруженных войск противника, были использованы 6-я танковая армия 1-го Украинского фронта, усиленная 47-м стрелковым корпусом, и 5-я гвардейская танковая армия 2-го Украинского фронта, усиленная 49-м стрелковым корпусом и 5-й инженерной бригадой. Фланги этого внешнего фронта прикрывались 40-й и 53-й армиями.

В отличие от действий войск противника, окруженных под Сталинградом, где они, обороняясь, ждали спасения, надеясь на прорыв котельниковской группы Манштейна, окруженные в районе Корсунь-Шевченковского сами решили вырваться, бросившись навстречу ударной группе, действовавшей извне.

В первых числах февраля 1944 года вражеские войска пытались частью сил танковых войск прорвать внешний фронт на участке 2-го Украинского фронта в районе Ново-Миргорода. Однако их попытки были отбиты. Тогда, перегруппировав свои ударные силы на участок 1-го Украинского фронта, противник 3 и 4 февраля нанес два мощных удара в районе Ризино и в районе Толмач—Искреннее. Здесь были дополнительно введены в сражение три танковые дивизии.

В районе Ризино противнику удалось вклиниться в оборону наших войск. Командование противника было уверено, что на сей раз успех прорыва обеспечен. Генерал Хубе — командующий 1-й немецкой танковой армией — не скупился на обещания. Нами была перехвачена его радиотелеграмма, гласившая: “Я вас выручу. Хубе”.

Гитлер, надеясь на мощную танковую группировку генерала Хубе, в своих телеграммах, посланных на имя командующего окруженными войсками генерала Штеммермана, писал: “Можете положиться на меня как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь”.

Мы, со своей стороны, чтобы не допустить прорыва, срочно перебросили на опасный участок из резерва фронта 2-ю танковую армию генерала С. И. Богданова в составе двух танковых корпусов. Развернувшись, эта армия нанесла контрудар противнику. Враг был остановлен и частично отброшен в исходные районы.

Однако он все же не отказался от намерений прорвать внешний фронт наших войск. Подтянув еще одну танковую дивизию, батальон тяжелых танков, два дивизиона штурмовых орудий и перегруппировав значительные силы танковых дивизий в район Ерков, противник начал ожесточенное наступление.

9 февраля я послал телеграмму Верховному, в которой, в частности, говорилось:

“...По показанию пленных, за период боев в окружении войска противника понесли большие потери. В настоящее время среди солдат и офицеров чувствуется растерянность, доходящая в некоторых случаях до паники.

По данным разведки, окруженный противник сосредоточил главные силы в районе Стеблев—Корсунь-Шевченковский. Видимо, противник готовится к последней попытке прорваться навстречу танковой группе, наступающей на М. Боярку. Для обеспечения этого направления к утру 9 февраля в район Лисянки выводим одну танковую бригаду от Ротмистрова и в район Красногородка—Мотаевка — 340-ю стрелковую дивизию от Жмаченко.

Армии Коротеева, Рыжова и Трофименко 9 февраля продолжают наступление.

8 февраля в 15.50 наши парламентеры через командующего стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику.

Парламентеры возвратились и сообщили, что ответ будет дан немецким командованием 9 февраля в 11.00.

Жуков”.

Ультиматум был таков:

“Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировку

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окруженных ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете вы.

Заместитель Верховного Главнокомандующего
Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Командующий войсками
1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ватутин

Командующий войсками
2-го Украинского фронта генерал армии И. Конев”{57}.

В расположении войск противника были разбросаны листовки следующего содержания:

“Всему офицерскому составу немецких войск, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса находятся в полном окружении. Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения все больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолетов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолетов Ю-52.

Вы, офицеры окруженных частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведет только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие".

В 12 часов 9 февраля штаб генерала Штеммермана сообщил об отклонении нашего ультиматума.

Тотчас же на внутреннем фронте окружения и со стороны внешнего фронта немцы начали ожесточенные атаки. Особенно жаркие бои разгорелись 11 февраля. Наши войска дрались с особым упорством. Танковым дивизиям противника ценой больших потерь удалось продвинуться в Лисянку, но дальше сил не хватило, и враг перешел к обороне.

В ночь на 12 февраля окруженная группа войск, собравшись на узком участке, попыталась также прорваться через Стеблев в Лисянку на соединение с танковыми дивизиями. Ей даже удалось выйти в район Шендеровки, но дальнейшее продвижение противника было приостановлено. Расстояние между окруженной группой и деблокирующей группой немецких войск сократилось до 12 километров, но чувствовалось, что для соединения у противника сил не хватит.

В ночь на 12 февраля 1944 года я послал донесение в Ставку:

"У Кравченко:

— противник силой до 160 танков с мотопехотой с фронта Ризино—Чемериское—Тарасовна ведет наступление в общем направлении на Лисянку и, прорвав первую линию 47-го стрелкового корпуса, вклинился в оборону до 10 км.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено на реке Гнилой Ткич частями 340-й стрелковой дивизии и 5-го механизированного корпуса, составляющими вторую линию обороны, и резервными полками СУ-85.

За отсутствием связи с командиром 47-го стрелкового корпуса положение на левом фланге армии в направлении Жабинка— Ризино—Дубровка уточняется.

Сил и средств у Кравченко было достаточно для отражения атак противника, но Кравченко при прорыве первой линии нашей обороны потерял управление частями армии.

Приказал Николаеву{58} срочно развернуть в Джурженцы управление 27-й армией и подчинить в оперативном отношении Кравченко Трофименко.

Армию Богданова к утру 12 февраля главными силами сосредоточить в районе Лисянка—Дашуковка—Чесновка. 202-ю стрелковую дивизию развернуть на рубеже Хижинцы—Джурженцы, туда же подтянуть полностью укомплектованную бригаду Катукова.

Степину{59} приказал в Лисянке к утру иметь от Ротмистрова две бригады и по реке Гнилой Ткич на участке Лисянка—Мурзинды занять оборону, и в первую очередь противотанковую. У Степина:

— армия Ротмистрова сегодня отразила атаки до 60 танков противника от Ерков в направлении Звенигородки. Разведкой установлено движение до 40 танков из Капустина на Ерки. Возможно, противник подтягивает на звенигородское направление танки с Лебединского направления.

Степин к утру 12 февраля 18-й танковый корпус передвигает в Михайловку (восточнее Звенигородки) и 29-й танковый корпус в район Княжье—Лозоватка.

Армия Смирнова вела бой за Мирополье, Кошак, Глушки.

Для удобства управления с 12.00 12 февраля 180-я стрелковая дивизия Трофименко передается в состав 2-го Украинского фронта.

Приказал Степину 12.2.44 главными силами армий Коротеева и Смирнова удар нанести с востока на Стеблев и в тыл главной группировки окруженного противника, готовящейся для выхода навстречу наступающей танковой группе.

Вся ночная авиация фронтов действует в районе Стеблева.

Жуков”.

Утром 12 февраля я заболел гриппом и с высокой температурой меня уложили в постель. Согревшись, крепко заснул. Не знаю, сколько проспал, чувствую, изо всех сил мой генерал-адъютант Леонид Федорович Минюк старается меня растолкать. Спрашиваю:

— В чем дело?

— Звонит товарищ Сталин.

Вскочив с постели, взял трубку.

— Мне сейчас звонил Конев, — сказал Верховный, — и доложил, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шендеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю. Думаю, это не соответствует действительности.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Н. Ф. Ватутину и выяснил, что противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три и занял Хилки, но был остановлен. Сведения о попытках прорыва как-то раньше попали к И. С. Коневу. Вместо того чтобы срочно доложить мне и известить Н. Ф. Ватутина, он позвонил И. В. Сталину, дав понять, что операция по ликвидации противника может провалиться, если не будет поручено ему ее завершение.

Переговорив с Н. Ф. Ватутиным о принятии дополнительных мер, я позвонил Верховному и доложил ему то, что мне стало известно из сообщения командующего 1-м Украинским фронтом.

И. В.Сталин крепко выругал меня и Н. Ф.Ватутина, а затем сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящейся в котле, дело трех-четырех дней. *Главную роль в Корсунь-Шевченковской операции сыграл 1-й Украинский фронт. Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно, если они не будут отмечены за их ратные труды*{60}. Передача управления войсками 27-й армии 2-му Украинскому фронту может затянуть ход операции.

И. В.Сталин в раздраженном тоне сказал:

— Хорошо. Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно—Луцк—Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва противника из района Лисянки. Все.

Однако через пару часов была получена директива следующего содержания:

“Командующему 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом.

Тов. Юрьеву{61}.

Ввиду того что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337-й, 202-й стрелковых дивизий, 54, 159-го укрепленных районов и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27-й армии всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов

с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

Исполнение донесите.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин.

А. Антонов.

12 февраля 1944 года.

№ 220022”.

Н. Ф. Ватутин был очень впечатлительный человек. Получив директиву, он тотчас же позвонил мне и, полагая, что все это дело моих рук, с обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

Я не мог сказать Н. Ф. Ватутину, чье было это предложение, чтобы не сталкивать его с И. С. Коневым. Однако я считал, что в данном случае Н. Ф. Ватутин прав как командующий, заботясь о боевой, вполне заслуженной славе вверенных ему войск.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Н. Ф. Ватутин ответил:

— Слушаюсь, приказ будет выполнен.

Однако у меня от всего этого на душе остался нехороший осадок. Я был недоволен тем, что И. В. Сталин не счел нужным в данном случае вникнуть в психологию войск и военачальников. И. В. Сталин был умный человек и должен был спокойно разобраться со сложившейся обстановкой и, предвидя, чем она в конце концов кончится, решить вопрос без излишней нервозности, которая так без оснований ранила душу замечательного полководца Н. Ф. Ватутина.

После 12 февраля противник, как ни пытался пробиться из района Шандеровки в Лисянку, успеха не имел.

14 февраля войска 52-й армии 2-го Украинского фронта заняли город Корсунь-Шевченковский. Кольцо вокруг окруженных продолжало сжиматься. Солдатам, офицерам и генералам немецких войск стало ясно, что обещанная им помощь не придет, рассчитывать приходилось только на себя. По рассказам пленных, войска охватило

полное отчаяние, особенно когда им стало известно о бегстве на самолетах некоторых генералов — командиров дивизий и штабных офицеров.

Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10—20 метров, У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе. Их попытка прорыва была отбита 27-й армией С. Г. Трофименко и 4-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта.

Особенно героически дрались курсанты учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора К. Н. Цветкова. Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь нескольким танкам и бронетранспортерам с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки.

Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки.

Столица нашей Родины 18 февраля салютовала войскам 2-го Украинского фронта. А о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни одного слова.

Как бывший заместитель Верховного Главнокомандующего, которому одинаково были близки и дороги войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, должен сказать, что И. В. Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта, которые, как и воины 2-го Украинского фронта, не щадя жизни, героически бились с вражескими войсками там, куда направляло их командование фронта и Ставка. Независимо от того, кто и что докладывал И. В. Сталину, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов. Почему И. В. Сталин допустил такую несправедливость, мне и по сей день неясно. Эта замечательная операция была организована и проведена войсками двух фронтов. Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного.

Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались одинаково превосходно.

В результате успешных действий войск Украинских фронтов к концу февраля 1944 года создалась благоприятная обстановка для полного изгнания вражеских войск с территории Правобережной Украины, 1-й Украинский фронт, своим правым крылом захватив район Луцк—Шумское—Шепетовка, вышел во фланг проскуровско-винницкой группировки противника. 2-й Украинский фронт занял исходный район для удара через Умань на могилев-подольском направлении. 3-й Украинский фронт вышел на линию Кривой Рог—Широкое—Кочкаровка в готовности нанести удар на Тирасполь-одесском направлении.

С 18 по 20 февраля я был в Ставке, где докладывал Верховному Главнокомандующему свои соображения о плане дальнейших операций. Верховный приказал вновь выехать для координации действий 1-го и 2-го Украинских фронтов и, не теряя времени, начать их наступление.

21 февраля я прибыл в штаб 1-го Украинского фронта и в первую очередь ориентировал Н. Ф. Ватутина и членов Военного совета фронта в отношении новых указаний, полученных в Ставке.

После уточнения обстановки и задач, утвержденных Ставкой, фронты начали ускоренную подготовку новых наступательных операций и их материально-технического обеспечения. В связи с полной весенней распутицей на Украине это было связано с величайшими трудностями. Особенно тяжко было сосредоточивать снаряды, мины, бомбы, горючее и продовольствие непосредственно в войсковые части.

Немецкое командование считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать и оно будет иметь достаточно времени, чтобы перегруппировать силы и укрепить оборону. На этом необоснованном расчете мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных ударов, которых он не ожидал.

Короче говоря, мы вновь решили использовать оперативную внезапность, которая теперь была прочно освоена советским оперативно-стратегическим искусством.

В соответствии с планами Ставки 1-й Украинский фронт готовил главный удар из района Дубно—Шепетовка—Любар в общем направлении на Черновицы, с тем чтобы разгромить проскуровско-винницко-каменец-подольскую группировку.

С выходом в предгорья Карпат предполагалось рассечь стратегический фронт противника, лишив его возможности маневра по кратчайшим путям. При благоприятном исходе этой операции вся южная группа немецких войск вынуждена была бы пользоваться коммуникациями только через Фокшанские ворота, Румынию и Венгрию, а это были очень далекие пути для маневра.

2-й Украинский фронт должен был наступать в общем направлении на Бельцы—Яссы. Частью сил предполагалось наступать на Хотин, взаимодействуя с левым крылом 1-го Украинского фронта, 3-й Украинский фронт готовил удар на Одессу—Тирасполь, с тем чтобы освободить приморские районы, выйти на Днестр и захватить там плацдарм.

Днем 28 февраля, находясь в штабе фронта, я зашел к Н. Ф. Ватутину, чтобы еще раз обсудить с ним вопросы предстоящей операции. После двухчасовой совместной работы он мне сказал:

— Я хотел бы проскочить в 60-ю и 13-ю армии, чтобы проверить, как там решаются вопросы взаимодействия с авиацией и будет ли подготовлено материально-техническое обеспечение к началу операции.

Я советовал ему послать своих заместителей, а самому заняться рассмотрением решений всех командармов, еще раз проверить взаимодействие с авиацией и устройство фронтового тыла. Николай Федорович настаивал на своей поездке, ссылаясь на то, что давно не был в 60-й и 13-й армиях. Его поддерживал член Военного совета. Наконец я согласился, имея в виду лично заняться со штабом фронта, управлением тыла и командующими родами войск.

К сожалению, случилось несчастье. 29 февраля мне позвонили с полевого аэродрома и доложили, что туда привезли тяжелораненого командующего фронтом Н. Ф. Ватутина. Как

явствует из документов, ранение Николая Федоровича Ватутина произошло при следующих обстоятельствах.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин и член Военного совета фронта генерал-майор К. В. Крайнюков 29 февраля в 16 часов 30 минут в сопровождении охраны в количестве восьми человек выехали из штаба 13-й армии (район города Ровно) в 60-ю армию (район города Славута) по маршруту Ровно-— Гоща—Славута.

В 19 часов 40 минут Николай Федорович и сопровождавшие его лица, подъехав к северной окраине села Милятын, увидели толпу людей примерно в 250—300 человек и одновременно услышали одиночные выстрелы, раздавшиеся из этой толпы.

По указанию Н. Ф. Ватутина машины остановились, чтобы выяснить, что случилось. Внезапно по машинам был открыт ружейный огонь из окон домов. Это были бандеровцы.

Н. Ф. Ватутин и охранявшие его лица выскочили из машин и стали прикрывать их отход. Во время перестрелки Николай Федорович был ранен в бедро.

Быстро повернув одну из машин, три бойца подхватили Н. Ф. Ватутина, положили его в машину и, захватив с собой документы, направились в сторону Ровно. С ними же уехал К. В. Крайнюков.

Николай Федорович был ранен выше колена. Так как перевязку ему смогли сделать только в селе Гоща, он потерял много крови.

Н. Ф. Ватутин был доставлен в Ровно и помещен в военный госпиталь, откуда был переправлен в Киев.

Сделав необходимые указания начальнику санслужбы фронта, я взял на себя командование фронтом и тут же доложил И. В. Сталину о ранении и эвакуации Н. Ф. Ватутина. Верховный Главнокомандующий утвердил мое решение встать во главе войск фронта на время проведения предстоящей важной и сложной операции.

В Киев были вызваны лучшие врачи, в том числе известный хирург Н. Н. Бурденко, но спасти Н. Ф. Ватутина не удалось. Он умер 15 апреля. 17 апреля Николая Федоровича Ватутина похоронили в Киеве. Москва двадцатью артиллерийскими залпами отдала последнюю воинскую почесть верному сыну Родины и талантливому полководцу.

К началу операции нам пришлось в короткие сроки провести большие перегруппировки войск с левого крыла фронта ближе к правому крылу, 3-я гвардейская танковая армия перебрасывалась из района Бердичева в район Шумское (около 200 километров), 4-й танковой армии предстояло пройти 350 километров. Примерно такое же расстояние надо было преодолеть по весеннему бездорожью значительному количеству артиллерийских, инженерных частей и органам тыла.

План перегруппировок, несмотря на все трудности, был выполнен в срок. Самое важное то, что противник своей разведкой не обнаружил эти перегруппировки, которые в основном совершались под покровом ночной темноты, а днем — в нелетную погоду.

1 марта директивой Ставки я был назначен командующим 1-м Украинским фронтом. С этого дня на меня была возложена полная ответственность за успех предстоящей операции войск фронта. Управление 2-м Украинским фронтом Ставка взяла на себя.

4 марта 1944 года началось наступление войск 1-го Украинского фронта. Фронт обороны противника на участке Шумское—Любар был прорван, в образовавшуюся брешь были введены 3-я гвардейская и 4-я танковые армии. К 7 марта обе эти армии, опрокидывая сопротивление противника, вышли на линию Тернополь—Проскуров, перерезав важную железнодорожную магистраль Львов—Одесса.

Командование немецких войск, почувствовав угрозу окружения своей проскуровско-винницко-каменец-подольской группировки, сосредоточило против ударной группировки 1-го Украинского фронта дополнительно пятнадцать дивизий.

7 марта здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, такое, которого мы не видели со времени Курской дуги.

Восемь суток враг пытался отбросить наши войска в исходное положение. Измотав и обескровив контрударные части противника, наши войска на участке главного удара, усиленные резервами фронта, в том числе 1-й танковой армией, 21 марта, сломив сопротивление врага, начали быстро продвигаться на юг.

Особенно стремительно шли соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Одновременно успешно продвигались и остальные армии фронта, наступавшие с востока, северо-востока и севера, 1-я танковая армия, сбивая части противника, 24 марта захватила город Чертков, а 8-й гвардейский корпус армии под командованием генерала И. Ф. Дремова утром того же дня вышел к Днестру. В район Залещики и к Днестру подошли 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 20-я мотострелковая бригада полковника А. Х. Бабаджаняна. К Днестру же вышли части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана.

8 ночь на 25 марта 64-я танковая бригада полковника И. Н. Бойко захватила станцию Моша (на подступах к Черновицам), где в это время разгружался немецкий эшелон с танками и боеприпасами, который был захвачен нашими танкистами. 28 марта наши танкисты ворвались на Черновицкий аэродром. Здесь в это время шла подготовка к подъему в воздух десятков самолетов противника — взлететь им не удалось.

29 марта частями 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и 24-й стрелковой дивизии был освобожден от немецких оккупантов город Черновицы. С огромной радостью встретили жители советские войска.

По их просьбе Военный совет 1-й танковой армии установил на пьедестале танк лейтенанта П. Ф. Никитина. Надпись на мемориальной доске гласит: “Танк экипажа гв. лейтенанта Никитина П.Ф. первым ворвался в город при освобождении его от немецко-фашистских захватчиков 25 марта 1944 года”. Именем П. Ф. Никитина названа одна из улиц города.

К концу марта группировка в количестве 23 дивизий, в том числе десяти танковых, одной моторизованной и одной артиллерийской, в основном была окружена.

На уничтожение окруженной группировки двигались с востока 18-я и 38-я армии; с севера удар наносили 3-я и 4-я танковые армии. Часть соединений 1-й гвардейской армии окружили немцев с запада и юго-запада, 4-я и 1-я танковые армии (за исключением 8-го мехкорпуса) вышли за Днестр, отрезав пути противнику на юг. Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, подошли к решительной схватке в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии и боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья, 3-я гвардейская танковая армия, имевшая в своем строю небольшое количество танков, понесла большие потери и была выведена по указанию Верховного в резерв на пополнение. 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольска (Каменец-Подольский) также в значительно ослабленном состоянии.

Все это вместе взятое не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группы противника. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чертков—Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным.

В этом случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину.

Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики—Черновицы—Коломыя. Для образования внешнего фронта 8-й механизированный и 11-й стрелковый корпуса выбросить в район Мариамполь—Станислав—Надворная. Но когда немецкому командованию группы армий “Юг” стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода в южном направлении, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы.

Как потом выяснилось из трофейных документов, командование группы армий “Юг” собрало здесь значительное количество войск, в том числе 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС, и 4 апреля нанесло сильный удар по нашему внешнему фронту из района Подгайцы. Смяв оборону 18-го корпуса и 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям.

Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше.

В ходе тяжелых боев окруженные войска противника потеряли значительно больше половины своих войск, всю артиллерию, большую часть танков и штурмовых орудий. От некоторых соединений остались одни штабы.

12 апреля началась ликвидация противника, окруженного в Тернополе. Через два дня вражеские войска там были уничтожены. 14 апреля город Тернополь был освобожден 15-м, 94-м стрелковыми и 4-м гвардейским танковым корпусами.

Закончив операцию, войска фронта перешли к обороне на рубеже Торчин—Берестечко—Коломыя—Куга.

Хуже обстояло дело с окружением проскуровско-каменец-подольской группировки. В ходе этой операции нам не удалось осуществить необходимую перегруппировку войск.

За время операции войска фронта продвинулись вперед до трехсот пятидесяти километров. Фронт обороны противника был разбит до основания. От Тернополя до Черновиц образовалась громаднейшая брешь. Чтобы закрыть ее, немецкому командованию пришлось спешно перебросить значительные силы с других фронтов — из Югославии, Франции, Дании и из Германии. Сюда же была передвинута 1-я венгерская армия.

Войска фронта освободили 57 городов, 11 железнодорожных узлов, многие сотни населенных пунктов, областные центры — Винницу, Проскуров, Каменец-Подольск, Тернополъ, Черновицы и вышли к предгорьям Карпат, разрезав на две части весь стратегический фронт южной группировки войск противника. С тех пор у этой группировки не стало иных коммуникаций, кроме как через Румынию.

Советские войска вновь показали высокое боевое мастерство и добились больших успехов. Победы наших войск были достигнуты не только благодаря превосходству в организации и технической оснащенности, но и высокому патриотическому духу, массовому героизму. За особо выдающиеся заслуги перед Родиной многие тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены высоких правительственных наград. Я был награжден орденом Победы № 1.

Из данных Генштаба мне было известно, что к концу апреля и в начале мая войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, разгромив противостоящего противника, вышли на линию Сучава—Яссы— Дубоссары—Тирасполь—Аккерман—Черное море. Наступательные действия 4-го Украинского фронта, отдельной Приморской армии и Черноморского флота закончились полным разгромом крымской группировки немецких войск. 9 мая был освобожден город-герой Севастополь, а 12 мая была полностью закончена операция по освобождению Крыма.

22 апреля я был вызван в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования, для обсуждения летне-осенней кампании 1944 года.

С какими мыслями я летел в Ставку?

Несмотря на то что действия наших войск в зимне-весеннюю кампанию заканчивались большими победами, я все же считал, что немецкие войска еще имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Боеспособность их войск в связи с большими потерями хотя и понизилась, все же они дерутся упорно и нередко вырывают тактическую инициативу у наших частей, нанося им чувствительные потери. Что же касается стратегического искусства их верховного командования и командования группами армий, оно после катастрофы в районе Сталинграда, и особенно после битвы под Курском, резко понизилось.

В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В

решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения немецкое командование очень часто опаздывало, ставя этим свои войска в безвыходное положение.

Читая послевоенную мемуарную литературу, написанную немецкими генералами и фельдмаршалами, просто невозможно понять их толкование причин провалов, ошибок, просчетов и непредусмотрительности в руководстве войсками.

Большинство авторов во всем обвиняют Гитлера, ссылаясь на то, что он, поставив себя в 1941 году во главе вооруженных сил Германии и будучи дилетантом в оперативно-стратегических вопросах, руководил военными действиями как диктатор, не слушая советов своих помощников. Думается, что в этом есть доля правды, и, может быть, даже немалая, но, конечно, не в субъективных факторах кроются основные причины провала немецкого руководства вооруженной борьбой.

Причины кроются в том, что в Германии наступало резкое истощение сил и средств для продолжения вооруженной борьбы, а немецкий народ был морально подавлен катастрофическими неудачами.

Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом, и особенно на Курской дуге, в связи с потерей стратегической инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, немецкое командование не сумело перестроиться. В войсках резко упало моральное состояние. Этот фактор при оборонительных действиях имеет первостепенное значение.

Оно плохо учло и то, что Красная Армия, военно-воздушные силы и Военно-Морской Флот как в количественном, так и особенно в качественном отношении в целом неизмеримо выросли, а войска и командные кадры оперативно-стратегического звена в своем искусстве далеко шагнули вперед, закалились в тяжелейших условиях вооруженной борьбы.

В самолете на пути в Москву, изучая последние данные с фронтов, я еще раз пришел к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 года, в котором одной из первоочередных задач на лето этого года ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях, с тем чтобы оттянуть из районов Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск.

В успехе можно было не сомневаться. Во-первых, оперативное расположение войск группы армий “Центр” своим выступом в сторону наших войск создавало выгодные условия для глубоких охватывающих ударов под основание выступа. Во-вторых, на направлениях главных ударов мы теперь имели возможность создать преобладающее превосходство над войсками противника.

Белоруссию, особенно те районы, где была расположена группа армий “Центр”, я знал хорошо еще со времени работы в войсках Белорусского особого военного округа в 1922—1939 годах.

Прибыв в Москву, прежде всего зашел в Генштаб к Алексею Иннокентьевичу Антонову. Он готовил карту военных действий для Верховного Главнокомандующего. Алексей Иннокентьевич сообщил мне сведения о ходе ликвидации противника в Крыму и создании новых резервных войск и материальных запасов к летней кампании. Но он просил не говорить Верховному о том, что познакомил меня с наличием созданных запасов. И. В. Сталин запретил кому бы то ни было давать эти сведения, чтобы мы преждевременно не просили резервы у Ставки.

Надо сказать, что Верховный Главнокомандующий в последнее время стал более экономно распределять силы и средства, находящиеся в распоряжении Ставки. Он давал их теперь в первую очередь только тем фронтам, которые действительно выполняли решающие операции. Другие фронты средства и силы получали в разумно ограниченных размерах.

Кстати, один из бывших командующих фронтом, выступая на страницах “Военно-исторического журнала” и высказывая свое мнение о работе представителей Ставки, заметил, что “...там, где координировали действия фронтов представители Ставки, туда в ущерб другим фронтам направлялись силы и средства”.

Но ведь иначе и быть не могло. Там, где координировали действия представители Ставки, именно там, а не где-либо в других районах, и проводились главнейшие операции, которые и нужно было в первую очередь материально обеспечить. Эта практика целиком себя оправдала.

Из кабинета А. И. Антонова я позвонил Верховному. Ответил А. Н. Поскребышев. Он предложил мне отдохнуть.

— Когда товарищ Сталин освободится, я вам позвоню, — сказал он.

Это было полезное и вместе с тем приятное предложение, так как приходилось спать урывками, в общей сложности не более 4— 5 часов в сутки.

И. В. Сталин пригласил меня к себе на 17 часов.

Позвонив А. И. Антонову, я узнал, что его тоже вызвали к Верховному. Не трудно было догадаться, что перед встречей со мной И. В. Сталин хотел ознакомиться с последней обстановкой и соображениями Генерального штаба.

Когда я вошел в кабинет Верховного, там уже бы ли А. И. Антонов, командующий бронетанковыми войсками маршал Я. Н. Федоренко и командующий ВВС генерал-полковник А. А. Новиков, а также заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров В. А. Малышев.

Поздоровавшись, Верховный спросил, был ли я у Николая Михайловича Шверника.

Я ответил, что нет.

— Надо зайти и получить орден Победы. Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за высокую награду.

— С чего начнем? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Разрешите мне коротко доложить о положении дел на фронтах на 12.00 сегодняшнего дня.

После краткого обзора по всем стратегическим направлениям он высказал соображения Генерального штаба о возможных действиях немецких войск в летней кампании 1944 года. О характере действий наших войск на этот период А. И. Антонов ничего не сказал. Я понял, что Алексей Иннокентьевич решил их изложить тогда, когда ему это предложит сделать Верховный.

Обращаясь к командующему ВВС А. А. Новикову, И. В. Сталин спросил о состоянии воздушных сил, поинтересовался, хватит ли самолетов, полученных от промышленности, чтобы доукомплектовать воздушные армии фронтов и авиацию дальнего действия. После ответов А. А. Новикова, которые были весьма оптимистичны, Верховный предложил маршалу Я. Н. Федоренко доложить о состоянии бронетанковых войск и возможностях их укомплектования к началу летней кампании.

Чувствовалось, что И. В. Сталин заранее знал цифры, которые докладывались ему, но он, видимо, хотел, чтобы те, кто непосредственно занимался этими вопросами, сами проинформировали присутствовавших, прежде чем мы выскажем свои соображения. К такому своеобразному приему в ходе обсуждения вопросов у Верховного мы уже привыкли.

Затем И. В. Сталин не спеша набил свою трубку, раскурил ее и, так же не спеша затянувшись, разом выпустил дым.

— Ну, а теперь послушаем Жукова, — сказал он, подойдя к карте, по которой докладывал А. И. Антонов.

Я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошел к моей карте и стал внимательно ее рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И. В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали наконец воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот.

Я не заметил, когда Верховный нажал кнопку звонка к А. Н. Поскребышеву. Тот вошел и остановился в ожидании.

— Соедини с Василевским, — сказал И. В. Сталин.

Через несколько минут А. Н. Поскребышев доложил, что А. М. Василевский у аппарата.

— Здравствуйте, — начал И. В. Сталин. — У меня находятся Жуков и Антонов. Вы не могли бы прилететь посоветоваться о плане на лето?.. А что у вас под Севастополем?.. Ну хорошо, оставайтесь, тогда пришлите лично мне свои предложения на летний период.

Положив трубку. Верховный сказал:

— Через 8—10 дней Василевский обещает покончить с крымской группировкой противника. А не лучше ли начать наши операции с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления?

А. И. Антонов заметил, что в таком случае противник легко может осуществлять маневрирование между соседними фронтами. Лучше начать с севера, а затем провести операцию против группы армий “Центр”, чтобы освободить Белоруссию.

— Посмотрим, что предложит Василевский, — сказал Верховный. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время... — и, обращаясь ко мне, продолжал:

— Займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Через два-три дня Верховный снова вызвал нас с А. И. Антоновым. После обсуждения плана было решено: первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении.

После дополнительной работы с Генштабом 28 апреля я возвратился на 1-й Украинский фронт. В начале мая, когда освобождение Крыма подходило к концу, я послал Верховному предложение передать командование 1-м Украинским фронтом И.С.Коневу, чтобы я мог без задержки выехать в Ставку и начать подготовку к операции по освобождению Белоруссии.

Верховный согласился, но предупредил, что 1-й Украинский фронт остается у меня подопечным.

— Вслед за Белорусской операцией будем проводить операцию на участке 1-го Украинского фронта, — сказал он.

Чтобы не задерживаться, не стал ждать прибытия на фронт И. С. Конева. Поручив начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому передать Ивану Степановичу мои пожелания и соображения о дальнейших действиях войск фронта, я уехал в Москву.

За время командования 1-м Украинским фронтом я еще ближе изучил руководящие кадры фронта. Хотелось бы особо отметить офицеров и генералов штаба фронта, которые своей высокой оперативной и общей культурой хорошо помогали командованию в организации наступательных операций. Хорошо работали офицеры тыла. В любых, даже самых трудных условиях тыл 1-го Украинского фронта, возглавляемый генералом Н. П. Анисимовым, справлялся со своими задачами, и войска были благодарны неутомимым работникам тыла за их заботу.

Возвратившись в Ставку, встретился с А. М. Василевским, который готовился координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Естественно, нам пришлось, как говорится, вновь сесть за общий стол.

Глава девятнадцатая. **Освобождение Белоруссии и Украины**

В течение трех лет Белоруссия изнывала под гнетом вражеской оккупации. Гитлеровцы разграбили все общественное достояние белорусского народа, опустошили города, сожгли 1 200 тысяч строений в селах, превратили в развалины 7 тысяч школ. Более 2 200 тысяч мирных жителей и советских военнопленных было уничтожено. Не было почти ни одной семьи, которая жестоко не пострадала бы от гитлеровцев. Но, как ни тяжка была ее доля, Белоруссия не склонила головы перед врагом, народ не пал духом, не опустил руки в борьбе с оккупантами.

Зная, что Красная Армия уже разгромила немецкие войска на Украине, отбросив их на запад, белорусские партизанские силы готовились к решающим операциям.

К лету 1944 года в Белоруссии действовало свыше 143 тысяч хорошо вооруженных партизан, объединенных в крупные отряды, части и соединения.

Общее руководство осуществляли подпольные организации Коммунистической партии республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, который одновременно являлся и начальником Центрального штаба партизанского движения Советского Союза.

За несколько дней до начала действий Красной Армии по освобождению Белоруссии партизанские отряды под руководством партийных органов республики и областей провели ряд крупных операций по разрушению железнодорожных и шоссейных магистралей и уничтожению мостов. Это парализовало вражеский тыл в самый ответственный момент.

В предыдущей главе я уже частично касался узкого апрельского совещания в Ставке, где Верховным Главнокомандованием было принято принципиальное решение о плане операций на летний период. Здесь мне хотелось бы подробнее рассказать о разработке плана Белорусской операции.

Вскоре после совещания в Ставке А. М. Василевский прислал Верховному Главнокомандующему свои соображения, в которых давалась краткая оценка общей обстановки и излагались основные предложения на летний период 1944 года.

С какими итогами мы подходили к летней кампании 1944 года?

Продолжая один на один сражаться с главными силами фашистской Германии и ее сателлитов, зимой 1944 года Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжелое поражение. Были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до двух третей боевого состава. Для пополнения своих войск немецкому командованию пришлось перебросить на советско-германский фронт 40 дивизий и 4 бригады из Германии и других стран Западной Европы. Красная Армия освободила колоссальную территорию почти в 330 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало около 19 миллионов человек.

Однако немецко-фашистские войска все еще представляли большую силу.

В июле 1944 года германская промышленность достигла высшей точки развития за годы войны. За первое полугодие заводы выпустили более 16 тысяч самолетов, 8,3 тысячи тяжелых и средних танков и штурмовых орудий{62}.

Выжимая последние силы из страны и народа, лихорадочно стремясь отсрочить неминуемое поражение, гитлеровское руководство проводило мобилизацию за мобилизацией, нанося огромный ущерб немецкой нации. В составе армий фашистской Германии насчитывалось 324 дивизии и 5 бригад.

По-прежнему основная часть наиболее боеспособных соединений находилась на советско-германском фронте. Здесь нам противостояло 179 хорошо укомплектованных немецких дивизий и 5 бригад, а также 49 дивизий и 12 бригад сателлитов. В этих войсках было 4,3 миллиона человек, 59 тысяч орудий и минометов, 7,8 тысячи танков и штурмовых орудий, около 3,2 тысячи боевых самолетов.

В рядах действующей Красной Армии было около 6,6 миллиона солдат и офицеров, фронты имели 98,1 тысячи орудий и минометов, 7,1 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, около 12,9 тысячи боевых самолетов{63}.

История не знает примеров, чтобы страна, ведя колоссальные сражения на всем стратегическом фронте, одновременно восстанавливала столь высокими темпами и в таком масштабе разрушенное хозяйство. Зимой и весной 1944 года Советский Союз достиг значительных результатов в увеличении своей экономической мощи. В первом полугодии было произведено 16,3 тысячи боевых самолетов, 10,2 тысячи средних и тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 119 миллионов снарядов, авиабомб, мин. Усилия народа, объединенного партией, обеспечивали все необходимое для разгрома врага.

В конце апреля И. В. Сталин принял окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции, и дал указание А. И. Антонову организовать в Генштабе работу по планированию фронтовых операций и начать сосредоточение войск и материальных запасов фронтам.

1-му Прибалтийскому фронту передавался 1-й танковый корпус, 3-му Белорусскому — 11-я гвардейская армия и 2-й гвардейский танковый корпус. На правом крыле 1-го Белорусского фронта сосредоточивались 28-я армия, 9-й и 1-й гвардейские танковые корпуса, 1-й механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса; 5-я гвардейская танковая армия (резерв Ставки) сосредоточивалась в полосе 3-го Белорусского фронта.

В середине мая вернулся в Москву А. М. Василевский. В это время в Генштабе заканчивалась разработка проектов всей документации к плану операции “Багратион” (такое кодовое наименование получила Белорусская операция) и ее материально-техническому обеспечению.

20 мая Верховный вызвал в Ставку А. М. Василевского, меня и А. И. Антонова, чтобы окончательно уточнить решение Верховного Главнокомандования по плану летней кампании. Предусматривалось, как я уже упоминал, развернуть наступление сначала в районах Карельского перешейка войсками Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, а затем — во второй половине июня — в Белоруссии.

После рассмотрения в Ставке плана “Багратион” Верховный приказал вызвать командующих фронтами И. Х. Баграмяна, И. Д. Черняховского и К. К. Рокоссовского, чтобы послушать их соображения и дать окончательные указания о разработке планов фронтов.

22 мая Верховный Главнокомандующий в моем присутствии принял А. М. Василевского, А. И. Антонова, К. К. Рокоссовского, а 23 мая И. Х. Баграмяна и И. Д. Черняховского. Командующие фронтами, информированные Генштабом о предстоящих операциях, прибыли в Ставку с проектами планов действий вверенных им войск.

Поскольку, как это бывало при подготовке крупных операций, разработки планов в Генштабе и штабах фронтов шли параллельно, а командование фронтов, Генштаб и заместитель Верховного Главнокомандующего поддерживали между собой тесный контакт, проекты планов фронтов полностью соответствовали замыслам Ставки и были тогда же утверждены Верховным Главнокомандующим.

Затем А. М. Василевскому и мне было приказано взять на себя координацию действий войск фронтов. А. М. Василевскому поручались 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, мне — 1-й и 2-й Белорусские фронты. В помощь мне Ставка посылала на 2-й Белорусский фронт начальника оперативного управления Генштаба генерала С. М. Штеменко с группой офицеров.

4 июня А. М. Василевский выехал в войска, чтобы на месте готовить операцию “Багратион”, а я на сутки позже, 5 июня в 8.00, прибыл на командный пункт 1-го Белорусского фронта.

Существующая в некоторых военных кругах версия о “двух главных ударах” на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку.

Нелишне здесь заметить также, что в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли “мощными ударами”. Я подчеркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в оперативно-стратегическую терминологию.

На основе утвержденного оперативно-стратегического плана операции “Багратион” и заявок фронтов Генштабом при участии А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, И. Т. Пересыпкина, Я. Н. Федоренко и других видных специалистов и военачальников был увязан план материально-технического обеспечения войск, принимавших участие в операции. 31 мая командующие фронтами получили директиву Ставки, во исполнение которой и началась конкретная подготовка войск к действиям в предстоящей операции.

Планом Ставки предусматривалось нанесение трех мощных ударов:

— 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в общем направлении на Вильнюс;

— 1-го Белорусского фронта— на Барановичи;

— 2-го Белорусского фронта во взаимодействии с левофланговой группировкой 3-го Белорусского фронта и правофланговой группировкой 1-го Белорусского фронта в общем направлении на Минск.

Ближайшей задачей 1-му Прибалтийскому и 3-му Белорусскому фронтам ставился разгром витебской группировки, ввод в прорыв танковых и механизированных войск и развитие главного удара на запад с охватом своей левофланговой группировкой борисовско-минской группы немецких войск.

1-му Белорусскому фронту ставилась задача разгромить жлобин-бобруйскую группировку и, введя в дело подвижные войска, развивать главный удар на Слуцк—Барановичи, охватывая частью сил с юга и юго-запада минскую группировку вражеских войск.

2-й Белорусский фронт должен был нанести удар на могилевско-минском направлении.

Линия переднего края обороны немецких войск группы армий “Центр” к началу наступления проходила от Полоцка на Витебск и далее, по линии Орша—Жлобин—Капаткевичи—Житковичи и по реке Принять. Города Полоцк, Витебск, Орша, Могилев находились в руках врага.

Эти крупные города плюс реки Днепр, Друть, Березина, Свислочь и ряд мелких, сильно заболоченных рек и речушек составляли сильную основу глубоко эшелонированной обороны противника, которая прикрывала важнейшее западное варшавско-берлинское стратегическое направление. Несмотря на то что для разгрома группы армий “Центр” Ставка сосредоточивала значительные силы, все же мы считали, что для успеха операции нужна особо тщательная подготовка войск, участвующих в операции “Багратион”.

Перед отъездом на фронт мы встретились с А. М. Василевским и самым внимательным образом обсудили все сильные и слабые стороны обороны противника, а также те мероприятия, которые нужно было провести в штабах и войсках. С А. И. Антоновым,

временно исполнявшим должность начальника Генштаба, мы договорились о контроле за сосредоточением войск, материальных запасов и резервов Ставки, а также по вопросам связи и ориентирования нас в мероприятиях Ставки на других направлениях.

Фронтам нужно было в сжатые сроки дать громаднейшее количество снарядов, мин, горюче-смазочных материалов, продовольствия, фуража.

По предварительным расчетам Генштаба, для обеспечения операции “Багратион” в войска надлежало направить до 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража. Нужно было сосредоточить в заданных районах 5 общевойсковых армий, 2 танковые и одну воздушную армии, а также соединения 1-й армии Войска Польского. Кроме того, Ставка передала фронтам из своего резерва 4 общевойсковые армии, 2 танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, 6 отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, более 210 тысяч человек маршевого пополнения, 2 849 орудий и минометов.

Все это следовало перевезти с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку фронтов к наступлению. Для успеха предстоящей операции это было очень важно, так как, по данным нашей разведки, главное командование немецких войск ожидало первый летний удар с нашей стороны на Украине, а не в Белоруссии. Оно, очевидно, исходило из того, что из-за лесисто-болотистой местности мы не сможем использовать в Белоруссии надлежащим образом дислоцированные на Украине 4 танковые армии и 11 общевойсковых армий.

Согласно плану Ставки эти группировки вступали в действие на втором этапе Белорусской операции, когда войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, разгромив бобруйско-минско-слуцкую группировку, должны были выйти на линию Волковыск—Пружаны. Большое значение Ставка придавала предстоящему удару войск 1-го Белорусского фронта. Сюда и направлялись ею основные силы и средства.

Поскольку на мне лежала обязанность осуществлять координацию действий войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а на втором этапе и 1-го Украинского фронта, я буду касаться здесь главным образом действий именно этих фронтов.

Итак, рано утром 5 июня по поручению Верховного я прибыл на временный пункт управления 1-го Белорусского фронта в Дуревичи, где встретился с К. К. Рокоссовским, членом Военного совета Н. А. Булганиным и начальником штаба М. С. Малининым.

После предварительного обсуждения вопросов, связанных с планом операции, мы с К. К. Рокоссовским и командующими армиями, командующими воздушной армией генералом С. И. Руденко, артиллерией фронта генералом В. И. Казаковым, бронетанковыми и механизированными войсками генералом Г. Н. Орлом тщательно обсудили обстановку на правом крыле фронта и договорились по планированию и практическим мероприятиям, связанным с подготовкой предстоящей операции.

При этом особое внимание обращалось на тщательное изучение местности в районе действий, разведку системы обороны противника на всю ее тактическую глубину, а также на подготовку войск, штабов и тылового обеспечения к началу операции.

Последующие двое суток, 6 и 7 июня, вместе с командующим фронтом К. К. Рокоссовским, представителем Ставки Н. Д. Яковлевым и генералом В. И. Казаковым тщательно изучали обстановку в районе Рогачев—Жлобин на участках 3-й и 48-й армий. Здесь на наблюдательном пункте командарма А. В. Горбатова заслушали решение командира 35-го стрелкового корпуса генерала В. Г. Жолудева и командира 41-го стрелкового корпуса генерала В. К. Урбановича.

7 июня такая же работа была проведена на участке 65-й армии генерала П. И. Батова. Детально изучили мы местность и оборону противника на участке 69-й и 44-й гвардейских стрелковых дивизий 18-го стрелкового корпуса, где планировался главный удар.

Командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский в соответствии с планом Ставки после тщательной доразведки всей обстановки принял решение прорвать оборону противника двумя группировками: одной — севернее Рогачева и другой — южнее Паричи. Этим двум группировкам ставилась ближайшая задача разгромить противостоящего противника и сходящимися ударами обеих групп окружить жлобин-бобруйскую группу и ликвидировать ее.

Освободив город Бобруйск, основная группировка войск фронта должна была наступать в общем направлении на Барановичи через Слуцк. Частью сил намечались развитие удара через Осиповичи, Пуховичи на Минск при взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом. По нашим предварительным подсчетам, для выполнения этих задач войск и средств в составе 1-го Белорусского фронта было достаточно.

В рогачевскую наступательную группировку входили 3-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. В. Горбатова, 48-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко и 9-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Б. С. Бахарова.

В паричскую группу входили 65-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова, 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Лучинского. Конно-механизированная группа генерал— лейтенанта И. А. Плиева и 1-й гвардейский танковый корпус генерал-майора М. Ф. Панова должны были войти в прорыв на участке южно-паричской группировки.

Действия этих группировок поддерживала 16-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник авиации С. И. Руденко. В оперативное подчинение фронта была придана Днепровская военная флотилия под командованием капитана 1 ранга В. В. Григорьева.

Главная сложность предстоящего наступления войск 1-го Белорусского фронта, особенно южно-паричской группировки, заключалась в том, что им надлежало действовать в труднопреодолимой лесистой и сильно заболоченной местности.

Эти места я знал хорошо, так как прослужил здесь более шести лет и в свое время исходил все вдоль и поперек. В болотах в районе Паричи мне довелось хорошо поохотиться на уток, которые там гнездились в большом количестве, да и боровой дичи было великое множество...

Как мы и предполагали, немецкое командование меньше всего ожидало в этом районе сильного удара наших войск. Поэтому оборона противника здесь, по существу, была очаговой, сплошной обороны не существовало.

Иначе обстояло дело в районе Рогачева. Там оборона противника была более сильная, а подступы к ней находились под обстрелом его мощной огневой системы.

2-й Белорусский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Г. Ф. Захаров (член Военного совета Л. З. Мехлис, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов), как я уже говорил, наносил вспомогательный удар на могилевско-минском направлении. Здесь не имелось мощных средств прорыва, чтобы вести наступление одновременно всеми армиями, находившимися в первом эшелоне. Да и не было смысла выталкивать противника из района восточнее Могилева до тех пор, пока ударные армии 1-го и 3-го Белорусских фронтов не выйдут в глубокий тыл всей группировки противника группы армий “Центр”.

По решению генерала Г. Ф. Захарова удар на могилевском направлении наносила усиленная 49-я армия под командованием генерала И. Т. Гришина. Остальным армиям (33-й и 50-й) предстояло вести сковывающие действия и переходить в наступление несколько позже, когда на других направлениях будет сломлено сопротивление обороны противника.

8 и 9 июня мы вместе с генералами Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко и командованием фронта провели тщательную подготовку операции 2-го Белорусского фронта, который готовил удар на могилевско-минском направления. Генерал С. М. Штеменко хорошо помог генералу Г. Ф. Захарову, только что вступившему в командование фронтом. Надо сказать, что он свое дело знал хорошо и быстро освоился с войсками фронта и планом предстоящей операции.

Когда мы прибыли к генералу Г. Ф. Захарову, он вполне обоснованно и четко изложил свое решение на проведение операции. Одновременно мы заслушали соображения и решения командующего воздушной армией К. А. Вершинина, командующих и начальников родов войск фронта.

Планирование операции по целям, задачам и по группировкам, как я помню, особых замечаний не вызвало.

Утром 9 июня вместе с командующим фронтом Г. Ф. Захаровым, Н. Д. Яковлевым, С. М. Штеменко мы выехали в 49-ю армию И. Т. Гришина, чтобы лично изучить передний край и глубину обороны противника. В первую очередь побывали на наблюдательном пункте командира 70-го стрелкового корпуса генерала В. Г. Терентьева, который подробно и со знанием обстановки доложил свои соображения.

В конце дня мы имели возможность окончательно сформулировать ближайшие задачи по доразведке огневой системы, планированию артиллерийского наступления, авиационного удара и оперативно-тактическому построению войск для атаки и наступления.

Так как 2-й Белорусский фронт наносил вспомогательный удар, я счел возможным назначить ответственным за подготовку операции представителя Генштаба генерала С. М.

Штеменко. Сам же занялся в первую очередь подготовкой 1-го Белорусского фронта, которому надлежало выполнить главную роль в этой операции.

Возвратясь в 3-ю армию генерала А. В. Горбатова, мы застали там командующего фронтом со своими ближайшими помощниками. Я позвонил Верховному и доложил о ходе подготовки фронтов к предстоящим действиям. Отметив, что план перевозки войск и грузов для фронтов в назначенные сроки не выполняется, я просил его обязать Л. М. Кагановича и А. В. Хрулева позаботиться об этом. В противном случае нам пришлось бы перенести сроки начала операции.

Предложил И. В. Сталину также в предстоящей операции использовать всю авиацию дальнего действия, отнеся на более поздние сроки ее налеты на объекты, расположенные на территории Германии. Верховный согласился с этим и тут же приказал послать ко мне маршала авиации А. А. Новикова и маршала авиации, командующего авиацией дальнего действия генерала А. Е. Голованова, с которыми мне лично приходилось много работать во всех важнейших предыдущих операциях. Это были знающие командующие, и они хорошо помогали в решении фронтовых задач.

Мы вместе с А. А. Новиковым, А. Е. Головановым, С. И. Руденко и К. А. Вершининым подробно обсудили обстановку, цели, задачи и планы применения воздушных армий и взаимодействие их с авиацией дальнего действия, удары которой нацеливались по штабам, узлам связи оперативных объединений, по резервам и другим важнейшим целям. Кроме того, были рассмотрены вопросы маневра авиации фронтов в общих интересах. Для поддержки действий 3-го Белорусского фронта в распоряжение А. М. Василевского было выделено около 350 тяжелых самолетов дальнего действия.

14 и 15 июня командующий 1-м Белорусским фронтом провел занятия по розыгрышу предстоящей операции в 65-й и 28-й армиях, на которых присутствовали и мы с группой генералов от Ставки.

К розыгрышу были привлечены командиры корпусов, командиры дивизий, командующие артиллерией и начальники родов войск армий. В ходе этих занятий детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника и способов быстрейшего выхода на дорогу Слуцк—Бобруйск. Отсюда с выходом к Бобруйску и захватом его имелась возможность закрыть пути отхода жлобин-бобруйской группировке.

В последующие трое суток такие же занятия были проведены в 3-й, 48-й, 49-й армиях. Нам удалось ближе познакомиться с командирами, которые поведут войска на разгром такой крупной группировки противника, какой была находившаяся на важнейшем стратегическом направлении группа армий “Центр”. На этих командиров возлагалась большая ответственность — ведь с разгромом группы армий “Центр” решалась задача полного изгнания противника с белорусской земли и из восточной части Польши.

В этот же период проводилась большая учебная и политическая подготовка частей и подразделений обоих фронтов, где отрабатывались огневые задачи, тактика и техника атак и наступления во взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией в целом, разъяснялись задачи, стоящие перед войсками. Такая подготовка стала теперь

обязательной перед каждой крупной операцией, и она целиком себя оправдала. Войска более согласованно и успешно действовали в боях и несли меньше потерь.

Штабы частей, соединений и армий тщательно отрабатывали вопросы управления и связи. Командные и наблюдательные пункты выдвигались вперед, зарывались в землю, оборудовалась система наблюдения и связи; уточнялся порядок их перемещения и управления войсками в процессе преследования противника.

Разведывательные органы фронтов, армий и войск тщательно изучали систему огня обороны, расположение тактических и оперативных резервов противника, отрабатывали карты и снабжали ими части.

Титаническую работу вел тыл фронта, обеспечивая быструю и скрытную перевозку и подачу войскам боевой техники, боеприпасов, горючего и продовольствия. Несмотря на большие трудности и сложнейшие условия местности, все было сделано в срок. Войска обоих фронтов были своевременно обеспечены всем необходимым для ведения боевых действий.

22 июня оба фронта провели разведку боем. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны.

Всего Белорусская операция должна была охватить огромную территорию — более 1200 километров по фронту, от озера Нещердо до Припяти, и до 600 километров в глубину, от Днепра до Вислы и Нарева. Предстояло в ожесточенном сражении столкнуться с 1 миллионом 200 тысячами солдат и офицеров врага, на вооружении которого было 9,5 тысячи орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1350 самолетов, преодолеть подготовленную оборону глубиной до 250—270 километров{64}.

Наступление советских войск в Белоруссии совпало с третьей годовщиной войны. За три минувших года произошли исторические события. Советский Союз, разгромив в ряде генеральных сражений фашистские войска, завершал освобождение своей Родины от злейшего врага.

Несомненно, ободряло их и то, что союзники 6 июня 1944 года высадились в Нормандии и открыли наконец второй фронт в Европе. Хотя судьба фашистской Германии была фактически предрешена, советские воины радостно приветствовали открытие второго фронта, понимая, что это ускоряет окончательный разгром фашизма и приближает конец войны.

Генеральное наступление было начато 23 июня войсками 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал-полковник И. Х. Баграмян, член Военного совета генерал Д. С. Леонов, начальник штаба генерал В. В. Курасов), войсками 3-го Белорусского фронта (командующий генерал-полковник И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал В. Е. Макаров, начальник штаба генерал А. П. Покровский) и войсками 2-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Г. Ф. Захарова. На другой день перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского.

В тылу врага партизанские отряды, части и соединения начали активные операции, заранее увязанные с действиями фронтов. При штабах фронтов действовали отделы по руководству партизанским движением. Они осуществляли большую работу по связи, материально-техническому обеспечению партизанских частей и координации их действий. Надо сказать, что в Белорусской операции партизанские части и отряды развернули исключительно большую активность. Этому в значительной степени способствовал лесистый характер местности. В этих местах больше, чем где-либо, осталось солдат и офицеров при отступлении наших войск в 1941 году.

С первых же дней наступления в Белоруссии на всех направлениях разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе, хотя метеорологические условия несколько ограничивали действия авиации обеих сторон. Через Генеральный штаб я вскоре узнал, что у А. М. Василевского хорошо пошли дела с прорывом обороны противника. Это всех нас очень обрадовало.

Хорошие результаты были достигнуты и 2-м Белорусским фронтом, где 49-я армия генерала И. Т. Гришина, успешно прорвав оборону на могилевском направлении, с ходу захватила плацдарм на Днепре.

Удар 1-го Белорусского фронта на Паричи развивался в соответствии с планом, 1-й танковый корпус генерала М. Ф. Панова, войдя в прорыв, в первый же день углубил его в сторону Бобруйска до 20 километров. Это дало возможность с утра следующего дня ввести в дело конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева.

25 июня группа И.А. Плиева и корпус М.Ф.Панова, сбивая арьергардные части отступающего противника, начали быстро продвигаться вперед. Уверенно развивали удар 28-я и 65-я армии. Танковые и артиллерийские части, преодолев на паричском направлении лесисто-болотистый участок, так разворотили и размесили заболоченные места, что они даже для тягачей стали труднопроходимыми.

Инженерные части и бойцы всех родов войск, воодушевленные успехами прорыва, напрягали все силы, чтобы как можно быстрее сделать бревенчатую дорогу. И она вскоре была построена, что значительно облегчило работу тыловых органов.

В труде “Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945 гг. Краткая история” (с. 347—348) при описании Белорусской операции не совсем точно излагается ход событий в районе Рогачева. Перелом в событиях в районе Рогачева здесь объясняется успешными действиями паричской группировки фронта.

На самом деле все происходило несколько иначе, а именно: при подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва против южного участка. К тому же армии не имели достаточных средств прорыва. Будучи представителем Ставки, я вовремя не поправил командование фронта.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство, которое повлияло на замедление наших действий в этом районе. Когда готовилось решение о прорыве обороны, командующий 3-й армией генерал-лейтенант А. В. Горбатов предложил нанести удар танковым корпусом Б. С. Бахарова несколько севернее — из лесисто-болотистого района,

где, по его данным, была очень слабая оборона противника. С А. В. Горбатовым не согласились и приказали ему готовить прорыв на участке, указанном командованием фронта, так как иначе пришлось бы передвигать на север и главный удар 48-й армии.

Началось сражение. Прорыв обороны противника развивался медленно. Видя это, А. В. Горбатов обратился с просьбой разрешить ему выполнить свой первоначальный план и нанести удар танковым корпусом севернее. Я поддержал предложение А. В. Горбатова. Операция вполне удалась. Противник был опрокинут, и танкисты Б. С. Бахарова, выигрывая фланг группировки противника, стремительно двинулись к Бобруйску, отрезая немцам единственный путь отхода через реку Березину.

После этого удачного маневра наших войск противник начал отход с рубежа Жлобин—Рогачев, но было уже поздно. Единственный мост у Бобруйска 26 июня был в руках танкистов Б. С. Бахарова.

Танковый корпус М. Ф. Панова, выйдя в район северо-западнее Бобруйска, отрезал все пути отхода противнику, находившемуся в самом городе.

Таким образом, 27 июня в районе Бобруйска образовалось два котла, в которых оказались немецкие войска 35-го армейского и 41-го танкового корпусов общей численностью до 40 тысяч человек.

Мне не довелось наблюдать, как проходила ликвидация противника в Бобруйске, но я видел, как шел разгром немцев юго-восточнее его. Сотни бомбардировщиков 16-й армии С. И. Руденко, взаимодействуя с 48-й армией, наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли сильные пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было озарено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших на противника бомбы разных калибров. Весь этот жуткий “хор” дополнялся артиллерийским огнем 48-й армии.

Немецкие солдаты, как обезумевшие, бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаться в плен, тут же гибли. Гибли сотни и тысячи немецких солдат, обманутых Гитлером, обещавшим им молниеносную победу над Советским Союзом. В числе сдавшихся в плен оказался командир 35-го армейского немецкого корпуса генерал Лютцов.

Окончательная ликвидация противника в районе Бобруйска была возложена на 48-ю армию П. Л. Романенко и 105-й стрелковый корпус 65-й армии, 3-й, 65-й армиям, 9-му и 1-му гвардейским танковым корпусам было приказано, не задерживаясь в районе Бобруйска, стремительно наступать в общем направлении на Осиповичи. Город был освобожден 28 июня. А 29 июня окончательно был очищен от противника и город Бобруйск.

На Слуцк стремительно наступала 28-я армия генерала А. А. Лучинского и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева.

После разгрома противника в районе Витебска и Бобруйска фланговые группировки наших войск значительно продвинулись вперед, создавая прямую угрозу окружения основных сил группы армий “Центр”.

Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, удивлялись их явно ошибочным действиям, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее, юго-восточнее и северо-восточнее Минска.

28 июня Ставка Верховного Главнокомандования после переговоров с А. М. Василевским, мной и командующими фронтами уточнила дальнейшие задачи войск.

1-му Прибалтийскому фронту было приказано освободить Полоцк и наступать на Глубокое, 3-му и 2-му Белорусским фронтам освободить столицу Белоруссии Минск, 1-му Белорусскому фронту наступать основными силами на слуцко-барановичском направлении, частью сил развивать удар на Минск, охватывая его с юга и юго-запада. Этот конкретный замысел Ставки вытекал из общего плана операции, который преследовал цель окружения всех войск группы армий “Центр” и их полный разгром. Силы и группировка наших войск в полной мере соответствовали поставленным задачам.

Успешное осуществление операции подтверждало дальновидность Ставки и растущую зрелость советского командования, овладевшего оперативно-стратегическим искусством.

К сожалению, мне не удалось в тот момент выйти на прямую связь с А. М. Василевским, чтобы согласовать с ним дальнейшее взаимодействие 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Эти войска были нацелены на захват Минска и блокирование путей отхода крупной группировки противника. Войска 2-го Белорусского фронта крепко жали на эту группировку, не давая ей возможности оторваться от своих боевых порядков. При параллельном преследовании это являлось положительным фактором.

Назревало полное окружение всей 4-й немецкой армии. Что предпримет в этот решающий момент немецкое главное командование? Это беспокоило тогда Ставку, Генеральный штаб и всех нас, непосредственно проводивших такую ответственную операцию.

Как и надлежало в подобных случаях, главные усилия все командные инстанции сосредоточили на разведке, с помощью которой можно было определить замысел и практические мероприятия врага. Но как мы ни старались раскрыть и выявить что-нибудь важное в стратегическом руководстве немецкого командования, мы ничего не обнаружили, кроме небольшого усиления особо опасных для них направлений.

По данным белорусских партизан, действовавших в районе Минска, нам стало известно, что сохранившиеся в Минске Дом правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров спешно минируются и готовятся к взрыву. Чтобы спасти эти крупнейшие здания, было решено ускорить движение на Минск танковых частей и послать вместе с ними отряды разминирования. Цель заключалась в том, чтобы прорваться в город, не ввязываясь в бои на подступах, и захватить эти правительственные здания.

Задача была блестяще выполнена. Здания были разминированы и сохранены.

На рассвете 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус А. С. Бурдейного ворвался в Минск с северо-востока; севернее Минска подошли части 5-й гвардейской танковой армии. С юго-востока в город вступил 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта под командованием генерала М. Ф. Панова. Вслед за танковым корпусом М. Ф. Панова к окрестностям Минска подошла 3-я армия генерала А. В. Горбатова. В то же время наши войска вышли юго-западнее и северо-западнее Минска, отбрасывая на запад подходившие резервы противника.

К исходу 3 июля основная группа соединений 4-й армии немецких войск оказалась отрезанной от путей отхода и зажатой в кольце восточнее Минска. В окружение попали 12, 27-я, 35-й армейские, 39-й и 41-й танковые корпуса общим количеством более 100 тысяч человек боевого состава.

К исходу дня 3 июля Минск был полностью очищен от врага.

Столицу Белоруссии нельзя было узнать. Семь лет я командовал полком и бригадой в Минске, хорошо знал каждую улицу, все важнейшие постройки, мосты, парки, стадион и театры. Теперь все лежало в руинах, и на месте жилых кварталов остались пустыри, покрытые грудами битых кирпичей и обломков.

Самое тяжелое впечатление производили люди, жители Минска: крайне измученные, исхудавшие, по щекам многих катились слезы...

К 11 июля, несмотря на оказанное сопротивление, окруженные немецкие войска были разбиты, взяты в плен или уничтожены. В числе 35 тысяч пленных оказалось 12 генералов, из них 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий. Еще несколько дней продолжалось вылавливание отдельных групп солдат и офицеров противника, пытавшихся выйти к своим войскам. Но так как немцы быстро отступали, они никак не могли добраться до своих. Большую помощь в очищении территории от противника оказали нам местные жители и партизаны — истинные хозяева белорусских лесов.

Учитывая, что на западном направлении образовалась брешь, занятая войсками противника лишь на основных направлениях, 4 июля Ставка Верховного Главнокомандования приказала продолжать наступление. Фронтам была поставлена следующая задача:

— 1-му Прибалтийскому наступать в общем направлении на Шяуляй, правым крылом фронта продвигаясь на. Даугавпилс, левым — на Каунас;

— 3-му Белорусскому — на Вильнюс, частью сил — на Лиду;

— 2-му Белорусскому — на Новогрудок, Гродно, Белосток;

— 1-му Белорусскому — на Барановичи, Брест и захватить плацдарм на Западном Буге.

7 июля, когда заканчивалась ликвидация главных сил окруженной группировки противника восточнее и юго-восточнее Минска, а передовые эшелоны 1-го Белорусского, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов уже продвинулись от меридиана Минска далеко на запад и вели бои в районе Вильнюс—Барановичи—Пинск, мне позволил И. В. Сталин и приказал прилететь в Ставку.

На рассвете 8 июля я был еще в районе Барановичей. Войска 65-й и 48-й армий уже завязали здесь бои за город, и через несколько часов его освободили. В тот же день я вылетел в Москву и, наскоро приведя себя в порядок, поспешил в Генштаб.

Перед тем как встретиться с Верховным, мне хотелось глубже уяснить обстановку последних дней.

А. И. Антонов, как всегда, собранно и со знанием дела доложил анализ обстановки и мнение Генерального штаба о развитии событий на ближайший период. Слушая его, я испытывал большое чувство удовлетворения: как вырос Генеральный штаб и его руководящий состав в своей оперативно-стратегической квалификации. Это были далеко не те люди, с которыми мы вступали в войну.

Правда, справедливости ради, я должен сказать, что и на первом этапе войны Генштаб был достойным органом Ставки Верховного Главнокомандования.

Около 13 часов А.И.Антонову позвонил Верховный и спросил, где я. Уточнив ряд вопросов, он приказал А. И. Антонову и мне через час быть у него на даче. Ровно в 14 часов мы прибыли. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, шутил, что редко с ним случалось.

Во время нашего разговора по ВЧ позвонил А. М. Василевский и доложил Верховному о последних событиях на участках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Доклад А. М. Василевского, видимо, был благоприятным, и Верховный еще больше повеселел.

— Я еще не завтракал, — сказал он, — пойдемте в столовую, там и поговорим.

Мы с А. И. Антоновым хотя и позавтракали, но не отказались от приглашения.

За завтраком, довольно скромным, речь шла о возможностях Германии вести войну на два фронта — против Советского Союза и экспедиционных сил союзников, высадившихся в Нормандии, а также о роли и задачах советских войск на завершающем этапе войны.

По тому, как сжато и четко высказывал И. В. Сталин свои мысли, было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускоряло окончание войны, что было так необходимо для советского народа, крайне измученного войной и лишениями.

В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнения. Вопрос этот был решен на полях сражений советско-германского фронта еще в 1943 — начале 1944 года. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военно-политическими результатами она будет завершена.

Приехал В. М. Молотов и вслед за ним Г. М. Маленков.

Обсуждая возможности Германии продолжать вооруженную борьбу, все мы сошлись на том, что она уже истощена и в людских, и в материальных ресурсах, тогда как Советский Союз в связи с освобождением Украины, Белоруссии, Литвы и других районов получит

значительное пополнение за счет партизанских частей, за счет людей, оставшихся на оккупированной территории. А открытие второго фронта заставит наконец Германию несколько усилить свои силы на Западе.

Возникал вопрос: на что могло надеяться гитлеровское руководство в данной ситуации?

На этот вопрос Верховный ответил так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету. Вся надежда гитлеровцев была на англичан и американцев. Гитлер, решаясь на войну с Советским Союзом, считал империалистические круги Великобритании и США своими идейными единомышленниками. И не без основания: они сделали все, чтобы направить военные действия вермахта против Советского Союза.

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами, — добавил В. М. Молотов.

— Это верно, — сказал И. В. Сталин, — но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства.

Затем Верховный спросил меня:

— Могут ли наши войска безостановочно дойти до Вислы и начать освобождение Польши и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю Польскую армию, которая уже приобрела все необходимые боевые качества?

— Наши войска не только могут дойти до Вислы, — сказал я, но и должны захватить хорошие плацдармы на ней, чтобы обеспечить дальнейшие наступательные операции на берлинском стратегическом направлении. Что касается 1-й Польской армии, то ее надо нацелить на Варшаву.

А. И. Антонов целиком поддержал меня. Он доложил Верховному о том, что немецкое командование перебросило большую группу войск, в том числе бронетанковые соединения, для закрытия бреши, образовавшейся в результате действий наших западных фронтов. Поэтому оно серьезно ослабило свою группировку на участке 1-го Украинского фронта.

Затем Алексей Иннокентьевич доложил о ходе сосредоточения материальных запасов и пополнения на 1-м Украинском фронте и на левом крыле 1-го Белорусского фронта, которые согласно ранее утвержденному плану готовились к переходу в наступление.

— Вам придется теперь взять на себя координацию действий и 1-го Украинского фронта, — сказал мне Верховный. — Главное свое внимание обратите на левое крыло 1-го Белорусского фронта и 1-й Украинский фронт. Общий план и задачи 1-го Украинского фронта вам известны. План Ставки изменениям не подвергся, а с деталями его ознакомитесь в Генштабе.

Потом началось обсуждение возможностей войск, координируемых А. М. Василевским.

Я сказал Верховному, что было бы правильнее, если бы мы значительно усилили группу фронтов А. М. Василевского и 2-й Белорусский фронт и поставили задачу А. М. Василевскому отсечь немецкую группу армий “Север” и захватить Восточную Пруссию.

— Вы что, сговорились с Василевским? — спросил Верховный. — Он тоже просит усилить его.

— Нет, не сговорились. Но если он так думает, то думает правильно.

— Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию, — сказал И. В. Сталин. — Мы можем там застрять. Надо в первую очередь освободить Львовскую область и восточную часть Польши. Завтра вы встретитесь у меня с Берутом, Осубко-Моравским и Роля-Жимерским. Они представляют Польский комитет национального освобождения. В двадцатых числах они собираются обратиться к польскому народу с манифестом. В качестве нашего представителя к полякам мы пошлем Булганина, а членом Военного совета у Рокоссовского оставим Телегина.

Затем, обращаясь к Г. М. Маленкову, И. В. Сталин продолжал:

— Надо дать указание нашим войскам, чтобы не было никаких искривлений нашей линии во взаимоотношениях с польским населением. Польский народ видит в советских солдатах действительных освободителей.

Вечером 9 июля я был приглашен к И. В. Сталину на дачу, где уже были Берут, Осубко-Моравский и Роля-Жимерский. Польские товарищи рассказывали о тяжелом положении своего народа, пятый год находившегося под оккупацией. Члены Польского комитета национального освобождения и Крайовой Рады Народовой мечтали скорее освободить свою родную землю. В совместном обсуждении было решено, что первым городом, где развернет свою организующую деятельность Крайова Рада Народова, станет Люблин.

После того как уехали польские товарищи, я вновь пытался убедить И. В. Сталина в целесообразности нанести в ближайшее время более мощные удары на восточно-прусском направлении, с тем чтобы заранее выиграть фланг на западном стратегическом направлении. По моему мнению, для этого надо было усилить 2-й Белорусский фронт одной танковой армией за счет 1-го Украинского фронта, где сил, как уже говорилось, имелось больше, чем требовалось, и одной армией за счет резерва Ставки.

На этот раз И. В. Сталин ответил, что посоветуется с А. М. Василевским и Генштабом. Я чувствовал, что он по каким-то соображениям хочет быстрее выйти на Вислу, оставляя Восточную Пруссию для последующей операции. Думаю, это было его ошибкой, что впоследствии подтвердилось: когда в 1945 году началась Висло-Одерская операция, Восточная Пруссия нависла над флангом нашей группировки, нацеленной на берлинское направление, причинив нам много хлопот.

Я неоднократно пытался связаться лично с А. М. Василевским, чтобы переговорить с ним по этому вопросу, но мои попытки не увенчались успехом, так как он находился где-то в войсках 3-го Белорусского фронта.

9 июля Верховный еще раз рассмотрел план Ковельской наступательной операции. Он предусматривал:

— разгром ковельско-люблинской группировки:

— овладение Брестом во взаимодействии с войсками правого крыла фронта;

— выход широким фронтом на Вислу с захватом плацдарма на ее западном берегу.

10 июля я уже был опять в войсках, где мне пришлось с К. К. Рокоссовским и А. А. Новиковым работать над планом операции левого крыла 1-го Белорусского фронта.

11 июля из штаба К. К. Рокоссовского я вылетел на 1-й Украинский фронт, где мне пришлось заняться планом командования фронта и его готовности к проведению операции.

1-му Украинскому фронту предстояло нанести два мощных удара: один на львовском направлении, другой на рава-русском и частью сил на Станиславском. Глубина операции равнялась приблизительно 220—240 километрам. Участок, где развертывались удары фронта, охватывал 100—120 километров.

Здесь было сосредоточено 80 дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, 4 отдельные танковые и самоходно-артиллерийские бригады, 16 100 орудий и минометов, 2050 танков и самоходных орудий и 3250 самолетов. Общее количество войск достигло 1 миллиона 110 тысяч человек.

Такого количества войск было более чем достаточно для проведения этой операции, и я считал, что разумнее было бы за счет 1-го Украинского фронта выделить часть сил для удара по Восточной Пруссии. Однако Верховный почему-то не хотел этого делать.

Командный пункт свой я развернул в районе Луцка, чтобы в это время быть ближе к ковельской группировке 1-го Белорусского и к войскам 1-го Украинского фронтов.

После окончательной ликвидации окруженных сил противника в районе Минска наступление наших войск развивалось успешно. Немцы на отдельных направлениях пытались оказать сопротивление, но были опрокинуты и отходили по всему фронту на Шяуляй, Каунас, Гродно, Белосток, Брест.

Наступление 1-го Украинского фронта, начатое 13 июля на рава-русском направлении, развивалось согласно плану. Наилучших успехов достигли войска 3-й гвардейской армии под командованием генерала В. Н. Гордова, 13-й армии генерала Н. П. Пухова.

На львовском направлении наступление началось 14 июля, но по ряду причин прорыв вражеской обороны сразу не удался. Больше того, противник нанес сильный контрудар из района Золочева по 38-й армии К. С. Москаленко и потеснил ее. Дело исправила 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко, введенная 16 июля в сражение по его личной инициативе в довольно сложных условиях.

17 июля вслед за 3-й гвардейской танковой армией наступление начала 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко, которая и закрепила успех. Общими усилиями 60-й, 38-й армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий вражеские войска были оттеснены и на львовском направлении. Однако темп продвижения этих армий был медленным.

К исходу 18 июля войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону немецких войск, продвинулись вперед на 50, а местами до 80 километров, окружив при этом в районе Броды группу немецких войск до 8 дивизий.

В тот памятный день начали наступление войска левого крыла 1-го Белорусского фронта из района Ковеля на Люблин. С этого момента 1-й Белорусский фронт пришел в движение всеми своими армиями. Надо отдать должное командованию, штабу 1-го Белорусского фронта — на всем протяжении операции они умело и организованно управляли войсками, своевременно, обеспечивали их всем необходимым.

В результате мощных ударов четырех фронтов по группе армий “Центр” были разгромлены 3-я танковая армия, 4-я и 9-я общевойсковые немецкие армии. В стратегическом фронте противника была пробита брешь до 400 километров по фронту и до 500 километров в глубину, которую немецкому командованию быстро закрыть было нечем.

На данном этапе развития Белорусской операции значительной помехой явился восточно-прусский бастион немецкой обороны. Засевшая там крупная группировка войск противника прикрывалась мощными заграждениями и естественными преградами. Эффективность нашего наступления на берлинском направлении требовала сломить оборону противника в Восточной Пруссии с ходу, не приостанавливая наступления фронтов.

Это можно было сделать, если бы своевременно были усилены наступающие войска. По нашим подсчетам, 1-му Белорусскому фронту следовало добавить 300—400 танков и самоходных орудий, 2-му Белорусскому фронту — общевойсковую и танковую армии, один стрелковый корпус, несколько танковых и самоходно-артиллерийских полков. Необходимо было активнее поддержать войска с воздуха.

Получив это подкрепление, все три Белорусских фронта были бы, на мой взгляд, в состоянии захватить Восточную Пруссию и выйти на Вислу до Данцигской бухты включительно или, в крайнем случае, одновременно с выходом на Вислу смогли бы отсечь Восточную Пруссию от Центральной Германии.

Подробно наметив возможные направления нашего наступления и необходимые для него группировки сил, в ночь на 19 июля я доложил свои соображения в Ставку.

“Тов. Сталину.

Копия тов. Антонову.

В связи с близким подходом наших войск к госгранице, докладываю свои соображения по построению операции Белорусских фронтов на ближайший период:

1. Главной стратегической целью 1, 2, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии.

2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербурга подготовлен район затопления.

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление — из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление — из района Каунас—Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление — из района Млава через Хохенштайн—Алленштайн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Вислы в общем направлении на Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района.

1-е направление — удар из района Тильзит может проводиться только тогда, когда будет очищена от немцев Литва.

2-е и 3-е направления могут быть использованы при развитии наступления 3-м и 2-м Белорусскими фронтами.

3. Удар через Гумбинен может нанести Черняховский, он же частью сил должен наступать севернее Августовских лесов через Сувалки на Гольдап.

Удар из района Млава должен нанести 2-й Белорусский фронт в следующих направлениях:

а) одна группа на Алленштайн;

б) одна группа на Мариенбург для выхода до Данцигской бухты;

в) одна группа должна выйти на Вислу на участке Грудзянс— Нешава, где и закрепиться.

Левее, до границы с 1-м Украинским фронтом, должен выйти 1-й Белорусский фронт, при этом фронту необходимо обязательно захватить хорошие плацдармы на западном берегу р. Висла.

4. Для выполнения вышеизложенных задач 1-му Белорусскому фронту войск хватит. Ему нужно добавить 300 танков и 100 самоходных орудий.

2-му Белорусскому фронту потребуется одна армия в 9 дивизий, один стрелковый корпус — три дивизии, два-три танковых корпуса или танковая армия, четыре тяжелых танковых полка, четыре полка артиллерийских самоходных установок— 152-мм и усилить фронт авиацией.

5. Чтобы избежать в будущем излишних перегруппировок, я считаю необходимым сейчас иметь такие разграничительные линии:

а) между Черняховским и Захаровым: Гродно—Ликк—Хайльсберг (все для Черняховского);

б) между Захаровым и Рокоссовским: Белосток—Остроленка— Нешава (все для Захарова).

6. Считал бы крайне полезным по предстоящим операциям посоветоваться с Вами лично и хорошо бы вызвать Василевского.

Г. Жуков

№ 316

19 июля 1944 г.”{65}.

Вскоре последовал вызов в Москву на совещание у И. В. Сталина. Однако Верховный не принял мой план и не согласился усилить фронты на восточно-прусском направлении, а резервы Белорусским фронтам Ставка дать не смогла. Думаю, что это была серьезная ошибка Верховного, в последующем повлекшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции.

Для немецкого верховного командования во второй половине июля создалась тяжелая обстановка, которая еще больше осложнилась переходом в наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и нажимом экспедиционных сил союзников на Западе.

Немецкий генерал Бутлар по этому поводу писал: “Разгром группы армий “Центр” положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке”{66}.

Все же я должен сказать, что командование группы армий “Центр” в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действий. В связи с тем, что сплошного фронта обороны у немцев не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта. Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта, наступавшая в составе 47-й армии, 8-й гвардейской армии, 69-й армии, 2-й гвардейской танковой армии, поддерживалась 6-й воздушной армией. Здесь же действовала и 1-я армия Войска Польского, которой командовал генерал-лейтенант З. Берлинг. Форсировав Буг, войска 1-го Белорусского фронта вступили в пределы восточной части Польши, положив начало освобождению польского народа от немецких оккупантов.

22 июля войска 1-го Белорусского фронта освободили Хелм. Введенная в прорыв в тот же день 2-я танковая армия освободила 24 июля крупный административный центр Польши — Люблин (командование армией после ранения генерала С. И. Богданова принял генерал А. И. Радзиевский). Продолжая стремительное наступление, войска армии 25 июля вышли к Висле в районе Демблина.

Здесь наши войска освободили узников лагеря смерти Майданека. Как известно, фашисты истребили в этом лагере около полутора миллионов человек, в том числе стариков, женщин и детей. То, что рассказали мне очевидцы, забыть невозможно. Фашистские

зверства в Майданеке, ставшие позднее известными всему миру, были квалифицированы как тягчайшее преступление против человечества.

28 июля войска 1-го Белорусского фронта, разгромив брестскую группу противника, освободили город Брест и героическую Брестскую крепость, защитники которой первыми приняли на себя в 1941 году удары врага и на века прославились массовым героизмом.

Разгром немецкой группы армии “Центр” проходил в тесном взаимодействии с партизанами. В ходе наступления наших войск партизаны Белоруссии провели ряд операций на железных и шоссейных дорогах, разрушая мосты и важные железнодорожные сооружения. Только в течение июля они пустили под откос 230 эшелонов с войсками и боевой техникой. Активные действия партизан на тыловых путях немецких войск парализовали деятельность снабжающих органов и перевозки, что еще больше подорвало моральное состояние немецких солдат и офицеров.

8-я гвардейская и 69-я армии, продвигаясь вслед за 2-й танковой армией и другими подвижными частями, 27 июля вышли на реку Вислу и начали ее энергичное форсирование в районах Магнушева и Пулавы, впоследствии сыгравших историческую роль при освобождении Польши в Висло-Одерской операции.

Немецкое командование, отдавая себе отчет в значении захваченных советскими войсками на Висле плацдармов, бросило против частей 8-й и 69-й армий значительные силы, в том числе танковую дивизию СС “Герман Геринг”. За плацдармы разгорелись кровопролитные бои, но, как ни бросался противник в яростные атаки, все они были отбиты советскими войсками с большими потерями для немцев.

Надо отдать должное командующему 69-й армией генералу В. Я. Колпакчи и командующему 8-й гвардейской армией генералу В. И. Чуйкову, они с большим искусством и решительностью руководили сражениями за захват и удержание плацдармов на Висле. Исключительный героизм проявили солдаты и офицеры, которые первыми переправились через Вислу и высадились на ее западном берегу.

Находясь на магнушевском плацдарме, я разговаривал с ранеными из 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот что они мне рассказали:

— Нашей роте было приказано перед рассветом переправиться на западный берег Вислы. Нас было немногим больше пятидесяти человек. Командовал ротой лейтенант Бурба. Как только высадились на берег, нас сразу же обстрелял противник, а затем атаковал. Первую атаку мы отбили, но вслед за нею последовала вторая, а затем и третья. На следующий день нас непрерывно атаковывали вражеские танки и пехота. Последняя атака была особенно ожесточенной. Осталось нас не больше двенадцати человек. Перед последней атакой противника лейтенант Бурба сказал нам: “Ребята, нас осталось мало. К вечеру подойдет подкрепление, а до вечера будем драться до последней капли крови, но врагу своей позиции не сдадим”.

Вскоре началась атака танков и до роты пехоты противника. Несколько танков подошли к нам почти вплотную. Командир метнул связку гранат, подбил танк, а под второй бросился сам со связкой гранат в руке. Атаку мы отбили, но наш командир погиб. Из всей роты осталось 6 человек. Вскоре подошло подкрепление. Занятый рубеж мы удержали.

Рассказывая о подвиге своего командира, солдаты не могли сдержать слез. Да и я не мог слушать их без волнения и чувства горечи оттого, что гибнут такие смелые, преданные Родине люди. Лейтенанту В. Т. Бурбе было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Героический подвиг совершил тогда и солдат 4-й роты того же 220-го полка комсомолец П. А. Хлюстин, который, как и лейтенант В. Т. Бурба, в напряженный момент боя со связкой гранат бросился под вражеский танк и, жертвуя своей жизнью, остановил атаку противника. Комсомольцу П. А. Хлюстину тоже было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Как в первые дни войны, так и теперь, на ее завершающем этапе, неизменна была величайшая готовность советского человека к самопожертвованию во имя своей Родины...

Успешные действия ковельской ударной группировки 1-го Белорусского фронта и быстрый выход ее на Вислу оказали большое влияние на ход Львовско-Сандомирской операции, которая вначале на львовском направлении развивалась не так хорошо, как ожидали командование фронта и Ставка.

Как я уже говорил, сил и средств на 1-м Украинском фронте было вполне достаточно, но при подготовке операции были допущены серьезные недоработки, которые сказались на львовском направлении, где наступление развивалось не только медленно, но и было остановлено на некоторое время контрударами противника.

Здесь еще раз хочу сказать о разведке, этом важнейшем факторе вооруженной борьбы. Опыт войны доказал, что разведывательные данные и их правильный анализ должны служить основой в оценке обстановки, принятии решения и планировании операции. Если разведка не сумела дать правильные сведения или если при их анализе допущены погрешности, то и решение всех командно-штабных инстанций неминуемо пойдет по ложному направлению. В результате ход самой операции будет развиваться не так, как было задумано командованием.

Организуя подготовку операции на львовском направлении, на что у командования фронта имелось достаточно времени, разведка 1-го Украинского фронта не сумела вскрыть всей системы обороны противника, не обнаружила дислокации оперативных резервов немецкого командования, и в первую очередь его бронетанковых войск. Поэтому командование фронта не сумело разгадать возможный контрманевр со стороны противника в процессе прорыва его обороны. В результате поверхностного изучения расположения огневой системы противника с большими дефектами была спланирована артиллерийская и авиационная подготовка во фронте и в армиях.

Как известно, успех артиллерийской стрельбы и авиационной бомбежки обеспечивается только тогда, когда огонь и бомбометание ведутся точно по целям, а не по площадям или по предполагаемым целям. Ведение огня и бомбометание по площадям не может уничтожить систему обороны противника. Так и получилось на львовском направлении: стреляли много, бомбили тоже немало, а результат был ничтожный.

И еще один важный вопрос, который необходимо осветить, чтобы осознать ошибки, допущенные при подготовке этой операции. Речь идет о танках, сопровождающих атаку и наступление пехоты.

Известно, что пехота в наступательных боях весьма чувствительна к огню обороны противника. Все уцелевшее во время артиллерийской подготовки — пулемет, орудие, вкопанный в землю танк, дот или огневой узел — способно “прижать” наступающую пехоту к земле и задержать ее продвижение вперед. В этих случаях большую роль играют танки, сопровождающие пехоту и подавляющие своим огнем уцелевшие от артподготовки огневые средства врага.

Эта истина, подтвержденная всем опытом войны, не была учтена командованием фронта, за что я беру долю ответственности на себя, хотя мне и не пришлось участвовать в практической подготовке операции на львовско-сандомирском направлении. Непонятно, почему историки при описании Львовско-Сандомирской операции обходят молчанием допущенные ошибки. Их надо анализировать и показывать нашим молодым кадрам, чтобы сделать из прошлого должные выводы.

Разгром крупной группировки немцев в районе Броды, успешное продвижение левого крыла 1-го Белорусского фронта на люблинском направлении и правого крыла фронта на рава-русском направлении дали возможность командованию 1-го Украинского фронту двинуть в обход Львова с севера и северо-запада танковую армию П. С. Рыбалко. Этот обходный марш-маневр имел целью отрезать путь отхода львовской группировке на реке Сан и захватить Перемышль, а ударом с запада содействовать 38, 60-й и 4-й танковой армиям в овладении Львовом. В это время войска правого крыла фронта успешно продолжали наступление в общем направлении на Сандомир.

22 июля в разговоре с И. С. Коневым мы согласились, что захват 3-й танковой армией тыловых путей на реке Сан заставит противника оставить Львов. По существу, мы пришли к выводу, что сдача немцами Львова дело почти решенное, вопрос лишь во времени — днем раньше, днем позже.

Однако на рассвете 23 июля мне позвонил И. С. Конев и сказал:

— Мне только что звонил Сталин. Что, говорит, вы там с Жуковым затеяли с Сандомиром? Надо прежде взять Львов, а потом думать о Сандомире.

— Ну, а вы, Иван Степанович, как отреагировали на этот звонок?

— Я доложил, что 3-я танковая армия брошена нами для удара с тыла по львовской группировке и Львов скоро будет взят.

Мы договорились с И. С. Коневым, что днем я позвоню Верховному, а войскам фронта надо продолжать действовать в заданных направлениях.

Получив данные об освобождении Люблина 2-й танковой армией 1-го Белорусского фронта, я позвонил Верховному. Он был еще у себя на квартире и уже знал об этом.

Выслушав мой доклад о действиях 1-го Украинского фронта. Верховный спросил:

— Когда, по вашим расчетам, будет взят Львов?

— Думаю, не позже чем через два-три дня, — ответил я.

И. В. Сталин сказал:

— Звонил Хрущев, он не согласен с рейдом армии Рыбалко. Армия отвлеклась от участия в наступлении на Львов, и это, по его мнению, может затянуть дело. Вы с Коневым стремитесь захватить раньше Вислу. Она от нас никуда не уйдет. Кончайте скорее дело со Львовом.

Мне ничего не оставалось делать, как доложить Верховному о том, что Львов будет освобожден раньше, чем войска выйдут на Вислу. И. С. Конева я не стал расстраивать подробностями этого разговора.

В результате блестящего обходного 120-километрового марш-маневра танковой армии генерала П. С. Рыбалко, нажима с востока 38-й, 60-й армий и с юга 4-й танковой армии противник отошел от Львова на Самбор. 27 июля Львов был освобожден советскими войсками.

27 июля был освобожден и город Белосток войсками 3-й армии генерала А. В. Горбатова. В этот же день Ставка своей директивой подтвердила наше решение развивать удар 1-го Украинского фронта на Вислу для захвата плацдарма по примеру 1-го Белорусского фронта. Цель этих действий — обеспечение последующей наступательной операции по завершению освобождения Польши.

Получив директиву Ставки, командующий фронтом И. С. Конев 28 июля поставил задачу 3-й гвардейской танковой армии стремительным броском к исходу дня выйти к Висле и с ходу захватить плацдарм, а затем овладеть Сандомиром. 13-й армии Н. П. Пухова было приказано выйти на участок Сандомир—устье реки Вислоки и захватить плацдарм на фронте Конара-Поланец. 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова ставилась задача нанести удар в направлении Баранув и выйти в район Богория.

На сандомирское направление подтягивалась и 5-я гвардейская армия, которой командовал генерал-лейтенант А. С. Жадов.

Нельзя не отметить исключительную смелость, инициативность и хорошую слаженность взаимодействия всех родов войск 1-го Украинского фронта при форсировании такой сложной и многоводной реки, как Висла. Самому мне, к сожалению, не довелось наблюдать эту операцию, но то, что рассказывали офицеры и генералы, произвело на меня сильное впечатление. Особенно отличились своей организованностью и мужеством инженерные части армий и фронта.

Немецкое командование, израсходовав свои резервы в Белорусской операции, а затем и в Львовско-Сандомирской, не могло во время форсирования Вислы оказать 1-му Украинскому фронту надлежащее сопротивление. Войска И. С. Конева твердо встали на сандомирском плацдарме.

Днем 29 июля мне позвонил Верховный и поздравил с награждением второй медалью “Золотая Звезда” Героя Советского Союза. Затем позвонил Михаил Иванович Калинин и тоже поздравил с награждением.

— Вчера Государственный Комитет Обороны по инициативе Верховного Главнокомандующего принял решение наградить вас за Белорусскую операцию и за операцию по изгнанию врага с Украины, — сказал он.

В тот памятный для меня день было получено много телеграфных и устных поздравлений от боевых друзей и товарищей. Но самой большой радостью, конечно, было то, что Красная Армия укрепилась на западном берегу Вислы и была готова к выполнению своей освободительной миссии в Польше, а затем и к вторжению в пределы фашистской Германии, с тем чтобы завершить ее разгром.

Командование немецких войск понимало значение захваченных плацдармов на берлинском направлении и делало все возможное, чтобы ликвидировать магнушевский, пулавский и сандомирский плацдармы. К ним были стянуты крупные силы противника, в том числе максимум танковых и моторизованных дивизий, но было уже поздно.

Со своей стороны 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты сосредоточили там столько сил и средств, что немецким войскам оказалось не под силу отбросить их обратно за Вислу.

В итоге двухмесячных боев советские войска разгромили две крупнейшие стратегические группировки немецких войск, освободили Белоруссию, завершили освобождение Украины, очистили значительную часть Литвы и восточную часть Польши.

1, 2, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты в этих сражениях в общей сложности разбили около 70 дивизий противника, из которых 30 дивизий были окружены, пленены и уничтожены. В ходе наступления войск 1-го Украинского фронта на львовско-сандомирском направлении было разгромлено более 30 дивизий.

В Белорусской операции наиболее полно проявилось выработанное у советского командования всех степеней умение быстро окружать и уничтожать крупные группировки войск противника. Это искусство командования, мастерство и смелость войск привели к краху самой сильной немецкой группировки на берлинском стратегическом направлении.

Разгром группы армий “Центр” противника, захват трех крупных плацдармов на реке Висле и выход к Варшаве приблизили наши ударные фронты к Берлину, до которого теперь оставалось около 600 километров.

Разгром ясско-кишиневской группировки 2-м и 3-м Украинскими фронтами и освобождение Молдавии создали предпосылки выхода из войны Румынии и Венгрии.

Все это, вместе взятое, создавало почву для окончательного развала фашистского блока и разгрома фашистской Германии.

На западном стратегическом направлении линия фронта переместилась вперед до 600 километров. В конце августа она уже проходила западнее городов: Елгавы, Шяуляя,

Сувалок, Остроленки, Пултуска, Праги (Варшавской), Магнушева, Сандомира, Санока, Дрогобыча, Черновиц, где соединялась с линией 2-го Украинского фронта.

На северо-западном направлении Прибалтийские фронты вместе с Ленинградским фронтом и Балтийским флотом готовились нанести удар по группе армий “Север”, с тем чтобы в ближайшее время освободить все прибалтийские республики и разгромить еще одну крупнейшую группировку немецких войск.

На западном театре военных действий для Германии сложилась также неблагоприятная обстановка. Понеся значительные потери в боях за Нормандию и не имея возможности снять что-либо с других фронтов для усиления войск в северной Франции, немецкие войска начали быстрый отход по всему фронту к границам Германии, на так называемую линию Зигфрида.

Союзные войска по всем направлениям преследовали немцев. 'После захвата Рима они готовились продолжать наступление в Северной Италии. Во всех странах Европы и на Балканах резко усилилось народно-освободительное движение. Особенно оно было чувствительно для немцев в Югославии, Польше, Албании, Греции и Франции. Верховное командование немецких войск вынуждено было отвлекать значительные силы для борьбы с силами Сопротивления и национально-освободительными движениями.

Ко всему этому следует добавить большие разрушения важных промышленных объектов в Германии от ударов союзной и советской авиации, что осложнило общую экономическую и военно-политическую обстановку в Германии.

Казалось, что верховное командование немецких вооруженных сил для сохранения своих войск, для построения на более узком фронте глубоко эшелонированной обороны на востоке и на западе быстро отведет свою группу армий “Север”, в которой еще насчитывалось около 60 дивизий, более 1200 танков и 7 тысяч орудий.

Однако гитлеровское руководство не поднялось выше соображений политического престижа, и это приблизило его катастрофу. Видимо, Гитлер все еще надеялся на сговор с реакционными силами Запада, с тем чтобы в дальнейшем вести совместную борьбу против “коммунистической угрозы”. В целом в битвах за Украину, Белоруссию и Прибалтику гитлеровское военно-политическое руководство оказалось неспособным понять сложившуюся обстановку и найти правильное решение в столь тяжелый для него момент.

Характерной особенностью летней кампании 1944 года являлось дальнейшее наращивание боевой мощи Советских Вооруженных Сил и рост оперативно-стратегического искусства высшего командования и штабов.

Быстро восстанавливаемая и растущая промышленность страны обеспечила дальнейшую техническую оснащенность наших войск и возросшие потребности фронтов в вооружении, боеприпасах, снаряжении и транспорте. Благодаря этим факторам летние стратегические операции достигли огромного размаха как по ширине, так и особенно по глубине их осуществления, при большом темпе продвижения наступающих группировок.

Эти мощные наступления поддерживались хорошим общим тыловым обеспечением боевых действий войск.

Нельзя вместе с тем не отметить тех трудностей, с которыми тылы фронтов встретились при выходе наших войск на территорию Польши, Словакии и Румынии, где железные дороги, кроме больших разрушений, имели узкую западноевропейскую колею. Это обстоятельство потребовало создания перевалочных баз на стыках общесоюзной и европейской колеи.

В летнюю кампанию 1944 года советские войска провели 7 крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок. Это было значительно больше, чем в предыдущих кампаниях. Наиболее крупными операциями с решительными целями являлись Белорусская, Ясско-Кишиневская и Львовско-Сандомирская, где было разгромлено более 147 дивизий противника.

В результате оборонительный фронт немецких войск был разбит на 2200-километровом протяжении, от Западной Двины до Черного моря. Наши войска продвинулись вперед на отдельных направлениях до 700 километров.

В летней кампании 1944 года в наступательных операциях приняли участие все 12 фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, все озерные и речные флотилии.

22 августа мне позвонил начальник Генштаба А. И. Антонов и передал приказ Верховного Главнокомандующего немедленно прибыть в Ставку. Предварительно он сообщил, что мне предстоит выполнить особое задание Государственного Комитета Обороны.

Распростившись с друзьями и боевыми соратниками, 23 августа я вылетел в Москву. Прибыв в столицу к вечеру того же дня, я сразу направился в Генеральный штаб.

Особое задание Государственного Комитета Обороны состояло в следующем. Когда советские войска вступят в пределы Румынии, мне надлежало вылететь в штаб 3-го Украинского фронта, с тем чтобы подготовить фронт к войне с Болгарией, царское правительство которой все еще продолжало сотрудничество с фашистской Германией.

Верховный посоветовал мне перед вылетом обязательно встретиться с Георгием Димитровым, чтобы лучше ознакомиться с общеполитической обстановкой в Болгарии, деятельностью Болгарской рабочей партии и вооруженными действиями антифашистских сил болгарского народа.

Георгий Димитров произвел на меня сильное впечатление. Это был исключительно скромный и душевный человек. Во всех его размышлениях и суждениях чувствовались большая сила ума и политическая дальнозоркость. Встретились мы тепло, и он очень обстоятельно рассказал все, что мне полезно было узнать. Видно было, что у него имеются очень хорошие и быстродействующие связи с подпольными организациями Болгарской рабочей партии.

— Хотя вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, — сказал Г. Димитров, — войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть царское правительство Багрянова и установить власть Народно-освободительного фронта.

— Советские войска, — продолжал Г. Димитров, — болгары встретят не огнем артиллерии и пулеметов, а по нашему старому славянскому обычаю — хлебом и солью. Что же

касается правительственных войск, то вряд ли они рискнут вступить в бой с Красной Армией. По моим данным, почти во всех частях армии проводится большая работа нашими людьми. В горах и лесах — значительные партизанские силы. Они не сидят без дела и готовы спуститься с гор и поддержать народное восстание.

Потом, помолчав немного, добавил:

— Успехи советских войск оказали большое влияние на усиление народно-освободительного движения в Болгарии. Наша партия возглавляет это движение и взяла твердый курс на вооруженное восстание, которое будет осуществлено с подходом Красной Армии.

Поблагодарив Г. Димитрова за беседу, я вновь вернулся в Генеральный штаб для окончательного уточнения вопросов подготовки предстоящей операции в Болгарии. У меня почти не было сомнения в том, что дело обойдется без военных действий. Но мы, люди военные, получив задачу от политического руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью.

В то время болгарская армия насчитывала в своих рядах более 510 тысяч человек. Часть этих сил противостояла войскам 3-го Украинского фронта.

В последних числах августа я прилетел в штаб 3-го Украинского фронта, который расположился в Фетешти, недалеко от Черноводского моста через Дунай. Этот мост в ходе войны неоднократно бомбила наша авиация, чтобы нарушить грузооборот между портом Констанца и основными районами Румынии.

3-м Украинским фронтом командовал Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. К этому времени войска фронта вышли и остановились на линии Русс и далее по Дунаю до Черного моря. В составе фронта находились 37, 46, 57-я общевойсковые армии и 17-я воздушная армия. В оперативном отношении маршалу Ф. И. Толбухину были подчинены Черноморский флот и Дунайская флотилия. Общую координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов в это время осуществлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. С ним мы встретились в Фетешти, чтобы обсудить вопросы действий войск фронтов.

Оперативно-стратегическая обстановка на всем южном направлении складывалась благоприятно. Успешно завершив разгром ясско-кишиневской группировки противника и освободив значительную часть Румынии, 2-й Украинский фронт быстро продвигался на запад через Валахскую равнину. Немецкие войска, действовавшие в Трансильвании и Карпатах, а также в Греции, Югославии и Албании, были рассечены и отрезаны друг от друга. На Черном море полное господство было за Черноморским флотом, а в воздухе — за советской авиацией.

Согласно разработанному плану 3-го Украинского фронта его 46-я армия подготовила наступление в общем направлении на Есекёй—Кубрат, 57-я — на Кочмар—Шумен, 37-я — на Добрич— Провадия; 7-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, действуя в направлении Карнобат—Бургас, должны были достигнуть этих пунктов на второй же день операции.

В связи с тем что профашистское правительство Болгарии, несмотря на неоднократные предупреждения советского правительства, продолжало нарушать обязательства

нейтралитета и активно помогало гитлеровской Германии, Советское правительство 5 сентября объявило Болгарии войну. 6 сентября Ставка Верховного Главнокомандования дала приказ командованию 3-го Украинского фронта начать военные действия против Болгарии.

Утром 8 сентября все было готово, чтобы открыть огонь, но мы со своих наблюдательных пунктов не видели целей, по которым надо было вести этот огонь.

В стереотрубы, бинокли и невооруженным глазом мы наблюдали на болгарской территории обычную мирную жизнь: в населенных пунктах из труб вился дымок, а люда занимались житейскими делами. Присутствия воинских частей обнаружено не было.

Маршал Ф. И. Толбухин приказал войскам двинуть вперед передовые отряды. Не прошло и получаса, как командующий 57-й армией доложил, что одна из пехотных дивизий болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши части с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Через некоторое время такие же события произошли и на других направлениях. Командармы доложили, что идет стихийное братание советских воинов с болгарским народом.

Я тотчас же позвонил в Ставку.

И. В. Сталин сказал:

— Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандования было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима.

Продвигаясь в глубь страны, советские войска везде и всюду встречали самое теплое отношение. Вскоре мы встретились с партизанскими отрядами, которые были хорошо вооружены и уже заняли ряд городов и военных объектов.

В связи с нависшей угрозой удара немецких войск из района южнее Ниш в сторону Софии, а также незаконным прибытием в Софию англо-американской военной миссии и явными происками англо-американских правительственных кругов, Ставка приказала расположить в столице Болгарии усиленный стрелковый корпус.

8 сентября мы вошли в Варну, а 9 сентября в Бургас и другие районы. При подходе наших черноморских военно-морских сил к болгарским портам и выброске воздушного десанта немцы (успев, однако, потопить свои суда) были захвачены нашими моряками в плен.

Болгарский народ, руководимый своей Рабочей партией, 9 сентября сверг профашистское правительство и образовал демократическое правительство Отечественного фронта, которое обратилось к Советскому правительству с предложением о перемирии.

Государственный Комитет Обороны незамедлительно дал указание Ставке приостановить продвижение наших войск в Болгарии.

Согласно указанию Верховного Главнокомандования в 21 час 9 сентября мы закончили движение войск и расположились в назначенных районах. Было радостно сознавать, что в этой “войне” не было жертв ни с той, ни с другой стороны. Такая “война” явилась ярким проявлением освободительной миссии Красной Армии. Она продемонстрировала действенную силу трудящихся масс в уничтожении антинародных режимов.

Мне не удалось тогда познакомиться поближе с этой страной, с которой нас связывают узы вековой дружбы, спаянной кровью наших народов в их совместной борьбе с угнетателями.

После войны, отдыхая в Варне с женой Галиной Александровной, мы объехали почти всю Болгарию. Галину Александровну, как подполковника медицинской службы, терапевта Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко, особенно интересовала организация медицинского обслуживания трудящихся Болгарии, меня — постановка военного дела в стране.

Везде мы видели исключительно бережное и любовное отношение болгарского народа к памяти русских воинов, отдавших свою жизнь за лучшее будущее болгарского народа. Было радостно наблюдать, с каким творческим подъемом рабочий класс, крестьянство и интеллигенция Болгарии трудятся под руководством своей Коммунистической партии, перестраивая страну на социалистических основах.

Глава двадцатая. **От Вислы до Одера**

В конце сентября 1944 года я вернулся из Болгарии в Ставку. Через несколько дней Верховный поручил мне срочно выехать в район Варшавы на участки 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Необходимо было выяснить обстановку в самой Варшаве, где жителями города незадолго до этого было поднято восстание против фашистских захватчиков. Немецкое командование с особой жестокостью расправлялось с восставшими, подвергало зверским репрессиям и мирное население. Город был разрушен до основания. Под обломками погибли тысячи мирных жителей.

Было установлено, что командование фронта, командование 1-й армии Войска Польского заранее не были предупреждены руководителем восстания Бур-Комаровским о готовящемся выступлении варшавян. С его стороны не было сделано никаких попыток увязать их действия с действиями 1-го Белорусского фронта. Командование советских войск узнало о восстании постфактум от местных жителей, перебравшихся через Вислу. Не была предупреждена об этом заранее и Ставка Верховного Главнокомандования.

По заданию Верховного генералом К. К. Рокоссовским были посланы к Бур-Комаровскому два парашютиста-офицера для связи и согласования действий, но он не пожелал их принять, и нам осталась неизвестной их дальнейшая судьба.

Чтобы оказать помощь восставшим варшавянам, советские и польские войска были переправлены через Вислу и захватили в Варшаве Набережную. Однако со стороны Бур-Комаровского вновь не было предпринято никаких попыток установить с нами взаимодействие. Примерно через день немцы, подтянув к Набережной значительные силы, начали теснить наши части. Создалась тяжелая обстановка. Мы несли большие

потери. Обсудив создавшееся положение и не имея возможности овладеть Варшавой, командование фронта решило отвести войска с Набережной на свой берег.

Я установил, что нашими войсками было сделано все, что было в их силах, чтобы помочь восставшим, хотя, повторяю, восстание ни в какой степени не было согласовано с советским командованием.

Все время — до и после вынужденного отвода наших войск — 1-й Белорусский фронт продолжал оказывать помощь восставшим, сбрасывая с самолетов продовольствие, медикаменты и боеприпасы. В западной прессе, я помню, по этому поводу было немало ложных сообщений, которые вводили в заблуждение общественное мнение.

В первых числах октября я прибыл в 47-ю армию генерала Ф. И. Перхоровича, которая вела наступательные бои между Модлином и Варшавой. Армия эта, наступавшая по равнинной местности, несла большие потери и находилась в крайне переутомленном и ослабленном состоянии. Не лучше обстояло дело и в соседней 70-й армии, сражавшейся на участке Сероцк—Пултуск.

Мне была непонятна оперативная цель этого наступления, сильно изматывающего наши войска. К. К. Рокоссовский был со мной согласен, но, по его словам. Верховный требовал выхода 47-й армии на Вислу на участке Модлин—Варшава и расширения плацдармов на реке Нарев.

Позвонив И. В. Сталину и доложив обстановку, я просил его разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, — ответил Верховный. — До свидания.

Не успел я ответить, как он положил трубку.

Во второй половине следующего дня мы с К. К. Рокоссовским были в Ставке.

Кроме Верховного, там находились А. И. Антонов, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Г. М. Маленков.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в меня, то в карту, то в К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и контроль над собой.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и не знаем, что делается на фронтах, — иронически усмехнувшись, вставил Л. П. Берия.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил И. В. Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Моддином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь—Познань. Сил для этого сейчас у фронта нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся, — неожиданно прервал меня И. В. Сталин.

Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту.

Я спросил К. К. Рокоссовского, почему он не отверг предложение И. В. Сталина в более категорической форме. Ведь ему-то было ясно, что наступление 47-й армии ни при каких обстоятельствах не могло дать положительных результатов.

— А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения, — ответил К. К. Рокоссовский. — Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Через 15—20 минут к нам в комнату вошли Л. П. Берия, В. М. Молотов и Г. М. Маленков.

— Ну как, что надумали? — спросил Г. М. Маленков.

— Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, — ответил я.

— Правильно, — сказал Г. М. Маленков. — Мы вас поддержим.

Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного.

Войдя в кабинет, мы остановились, чтобы выслушать решение Верховного.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. И. В. Сталин почти не смотрел на нас, а я знал, что это нехороший признак.

С К. К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а Константин Константинович — готовиться к отлету в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне и сухо спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами, и чувствовал, что эта идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора.

Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— 1-й Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление, а Рокоссовского назначим на другой фронт.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом, но заметил, что К. К. Рокоссовскому вряд ли будет приятно, если он будет освобожден с 1-го Белорусского фронта.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И. В. Сталин. — Что касается обид — мы не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

И. В. Сталин в моем присутствии объявил о своем решении и спросил его, не возражает ли он перейти на 2-й Белорусский фронт.

К. К. Рокоссовский спросил, за что такая немилость. И попросил оставить его на 1-м Белорусском фронте.

— На главное берлинское направление мы решили поставить Жукова, — сказал И. В. Сталин, — а вам придется принять 2-й Белорусский фронт.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский.

Мне кажется, что после этого разговора между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы. Видимо, он считал, что я в какой-то степени сам напросился встать во главе войск 1-го Белорусского фронта. Если так, то это его глубокое заблуждение.

В конце октября 1944 года в Ставке при участии некоторых членов Государственного Комитета Обороны и начальника Генерального штаба рассматривался вопрос о завершающих операциях Великой Отечественной войны.

Коммунистическая партия, по-прежнему сплачивая и объединяя усилия народа вокруг главной цели — скорейшей победы над врагом, в то же время все большее значение придавала созданию условий для всестороннего послевоенного восстановления хозяйства и быстрого перехода к мирному строительству.

Успешно решались топливно-энергетические проблемы, в значительных размерах возрастал выпуск чугуна, проката стали, станков, тракторов, вступали в строй многие десятки доменных и мартеновских печей и мощных прокатных станов.

Люди в тылу, радуясь победам на фронте, удваивали и утраивали свои усилия. С исключительным энтузиазмом народ поднимал из руин заводы и фабрики, восстанавливал транспорт и затопленные шахты, засевал землю, еще не остывшую от пламени сражений, пропитанную кровью советских людей.

На растущее народное хозяйство все более прочно опиралась Красная Армия. Увеличился размах военных действий, возросли темпы наступления, требования к военной промышленности повысились — и они были полностью удовлетворены.

В 1944 году танков и самоходно-артиллерийских установок произведено 29 тысяч, самолетов — более 40 тысяч. В два-три раза возрастало поступление на фронт тяжелых танков ИС-2 со 122-миллиметровой пушкой, модернизированных средних танков Т-34, истребителей Як-3, штурмовиков Ил-10, скоростных бомбардировщиков Ту-2.

Все это была превосходная военная техника, созданная талантливыми конструкторами, поставленная на массовое производство и по своим тактико-техническим данным превосходившая не только немецкие, но и другие зарубежные боевые машины.

Успехи советской экономики позволили обеспечить всем необходимым уже не только Советские Вооруженные Силы, но и оказать помощь вооружением народам Центральной и Юго-Восточной Европы в их освободительной борьбе. В частности. Войску Польскому

Советский Союз за время Великой Отечественной войны передал 8340 орудий и минометов, 630 самолетов, 670 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 406 тысяч винтовок и автоматов, большое количество транспортных машин, средств связи и различного снаряжения. Войска Югославии получили за это время 5800 орудий и минометов, около 500 самолетов, 69 танков, более 193 тысяч винтовок, карабинов и автоматов, свыше 15,5 тысячи пулеметов{67}.

К тому времени советские войска завершили изгнание немецко-фашистских войск с территории Советского Союза, восстановили Государственную границу СССР (за исключением Курляндии) и частично перенесли боевые действия на территорию Германии и восточноевропейских государств.

2-й и 1-й Прибалтийские фронты занимали рубежи по линии Тукумс—Мемель (исключительно)—река Неман до Юрбурга.

3-й и 2-й Белорусские фронты занимали оборону по линии Юрбург—Августовский канал—Ломжа—Сероцк, имея на реке Нарев два плацдарма.

1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты занимали оборону по линии предместье Варшавы Прага—река Висла—Ясло.

Эти два фронта занимали три крупных плацдарма в районах Магнушева, Пулавы, Сандомира.

Далее фронт советских войск проходил по линии Левице—Эстергом—озеро Балатон—Печ.

Затем фронт уже занимали части болгарской армии. На рубеж Вуковар—Чачак—Сплит до Адриатического моря вышла Югославская народно-освободительная армия, во главе которой был маршал Иосип Броз Тито.

Войска США, Англии и Франции, освободив Францию, Бельгию и часть Голландии, вышли на линию от устья реки Маас в Голландии и далее к границам Германии до Швейцарии, вплотную подойдя к укрепленному рубежу так называемой линии Зигфрида.

Для фашистской Германии наступила тяжелая пора. К концу 1944 года производство вооружения стало резко падать. Германия оказалась зажатой с востока, юго-востока и запада. Можно сказать, к концу 1944 года она попала в военно-стратегическое окружение, выход из которого найти было очень трудно. Надежды на помощь и поддержку западных империалистических кругов не оправдались, а мощь Красной Армии день ото дня все более возрастала.

Сколько ни приходилось нам в этот период опрашивать пленных немцев, мы не встречали таких, кто бы еще верил в возможную победу Германии. Все они заявляли: “Германия капут”, “Гитлер капут”. Однако Гитлер проводил одну тотальную мобилизацию за другой. Фашисты беспощадно подавляли малейшее недоверие к своему режиму и всякое инакомыслие. Особенно жестокие расправы проводило гестапо после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года.

18 октября был введен в действие указ германского правительства об образовании фольксштурма (народного ополчения), в который призывались лица в возрасте от 18 до 60 лет. Это ополчение под началом Гиммлера должно было служить резервной армией.

Мы хорошо знали, что немецкий фольксштурм не сможет выдержать ударов нашей опытной и хорошо вооруженной кадровой армии. Гитлеровцы создали даже женский вспомогательный корпус. Все эти меры были актом отчаяния, и нам было ясно: Германия напрягает последние силы, пытаясь оттянуть неизбежную катастрофу.

Однако к концу 1944 года гитлеровское командование было еще способно вести серьезные оборонительные сражения, оказывать активное сопротивление. В вооруженных силах противника все еще насчитывалось свыше 9,4 миллиона человек, при этом в действующей армии — 5.4 миллиона. Как и раньше, гитлеровское командование и теперь, на завершающем этапе, держало на Восточном фронте большую часть своих сил: 3,7 миллиона человек, более 56 тысяч орудий и минометов, свыше 8 тысяч танков и штурмовых орудий, 4,1 тысячи самолетов.

При этом нужно учесть, что линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое, и потому плотность обороны вражеских войск была высокой.

Советские войска к тому времени превосходили врага по всем показателям. Наша действующая армия к исходу 1944 года насчитывала 6,7 миллиона человек. У нее было 107,3 тысячи орудий и минометов, 2677 реактивных установок, 12,1 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, более 14,7 тысячи боевых самолетов.

Только благодаря дальновидной политике и уверенному руководству партии, преимуществу социалистической системы, самоотверженному труду и колоссальному напряжению советских людей к исходу войны могла выйти к границе Советского Союза такая могучая армия. Нелегко далась нашему народу эта победа — добиться столь разительного преимущества его вооруженных сил над врагом.

В это время наша боевая мощь усилилась польскими, чехословацкими, румынскими и болгарскими войсками, которые успешно громили фашистов. Их общая численность к началу 1945 года составляла 347 тысяч человек, они имели около 4000 орудий и минометов и около 200 танков.

В составе 3-го Белорусского фронта героически сражались французские летчики авиационного полка “Нормандия—Неман”.

На Западе американские, английские и французские войска имели 76 хорошо укомплектованных и отлично вооруженных дивизий и 15 отдельных бригад, 16 100 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 16,7 тысячи боевых самолетов. Этим силам немецкое командование противопоставило всего лишь 74 крайне малочисленные и плохо подготовленные дивизии и три отдельные бригады, 3,5 тысячи танков и штурмовых орудий, до 2700 боевых самолетов.

Следовательно, союзники уже вскоре после открытия второго фронта превосходили противника по числу войск в 2 раза, по танкам — в 4 раза, по самолетам — в 6 раз.

Против 22 дивизий союзных войск в Италии немцы имели 31 слабо укомплектованную дивизию.

После всестороннего анализа обстановки и возможностей всех борющихся сторон Ставка Верховного Главнокомандования решила подготовить и провести в начале 1945 года на всех стратегических направлениях мощные наступательные операции со следующими основными задачами:

— разгромить восточно-прусскую группировку и овладеть Восточной Пруссией;

— разгромить противника в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии;

— выйти на рубеж: устье реки Вислы—Бромберг (Быдгощ)—-Познань—Бреслау (Вроцлав)—Моравска-Острава—Вена.

Было решено главные усилия завершающей кампании сосредоточить на варшавско-берлинском направлении, там, где должен был наступать 1-й Белорусский фронт. Уничтожение курляндской группы (16-й и 18-й армий) противника возлагалось на 2-й, 1-й Прибалтийские фронты и Балтийский флот, которые должны были не допустить переброску сил, прижатых к Балтийскому морю, на другие фронты.

В этот период у Ставки имелся неплохо налаженный контакт с главным командованием экспедиционных союзных войск на Западе. Нам было известно, что американское, английское и французское командование готовили наступательную операцию с целью разгрома немцев в районах Рура и Саара и выхода своих войск в центральные районы Германии. В южном и юго-восточном стратегических направлениях ими планировалось нанесение вспомогательных ударов.

Здесь следует отметить одну существенную деталь. Берлин в это время находился от советского фронта и фронта союзников почти на одинаковом расстоянии. И не случайно У. Черчилль в своих мемуарах не раз упоминал о Берлине как желательном объекте для захвата союзническими войсками, хотя взятие Берлина, согласно договоренности между главами правительств, входило в функцию советских войск.

Координация действий союзных и советских войск в этот период осуществлялась главным образом путем взаимной передачи данных верховным командованием сторон.

Я должен сказать, что И. В. Сталин в то время доверял информации Д. Эйзенхауэра. Все данные о планах и действиях наших войск Генеральный штаб передавал через военные миссии США и Англии. Кроме того, главы правительств периодически обменивались посланиями по принципиальным вопросам действий сторон.

Из переписки с президентом Ф. Рузвельтом видно, что в это время была достигнута полная ясность в осуществлении соглашений между СССР и США как в отношении поставок по ленд-лизу, так и в области стратегических вопросов.

Этого нельзя было сказать об У. Черчилле. В его письмах не было откровенности, чувствовалась какая-то затаенность, настойчивое стремление к захвату центральных районов Германии. Это, естественно, заставляло Советское правительство быть более настороженным.

Я не считаю нужным здесь приводить переписку между У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и И. Сталиным, так как она опубликована. Если ее внимательно прочитать сегодня, станет еще более очевидным, как вынашивал У. Черчилль свои замыслы послевоенного устройства государств Центральной Европы, во главе которых должны были встать правительства, зависимые от империалистического Запада.

В конце октября и начале ноября 1944 года мне пришлось по заданию Верховного Главнокомандующего основательно поработать над основными вопросами завершающей кампании войны, и прежде всего над планами операций на берлинском направлении. Должен с удовлетворением отметить, что наш Генеральный штаб в этот период стоял на большой высоте в искусстве планирования крупных наступательных операций.

Анализируя обстановку, Генштаб правильно считал, что наибольшее сопротивление враг окажет нашим войскам на берлинском направлении. Подтверждением этому служили крайне малые результаты наступательных действий наших войск в октябре (3, 2-го и 1-го Белорусских фронтов) и их вынужденный переход к обороне в первых числах ноября 1944 года на западном стратегическом направлении.

Я целиком был согласен с Генштабом, с его главными операторами А. И. Антоновым, С. М. Штеменко, А. А. Грызловым и Н. А. Ломовым, которые на всех этапах работы оперативного управления показали себя выдающимися знатоками оперативно-стратегического планирования.

По мнению Генштаба, в первую очередь должны были начать наступление наши южные фронты на венском направлении. Это неизбежно заставило бы германское командование перебросить значительные силы, стоявшие против наших западных фронтов, для укрепления юго-восточного стратегического направления, от которого зависела судьба юга и юго-востока Германии.

При рассмотрении плана наступления фронтов на западном направлении возникал серьезный вопрос о Восточной Пруссии, где противник имел крупную группировку и сильно развитую оборону, опиравшуюся на долговременные инженерные сооружения, труднопроходимую местность и крепкие каменные постройки населенных пунктов и городов.

Пришлось с сожалением вспомнить то непонимание, которое допустил Верховный, не приняв предложение, сделанное еще летом, об усилении фронтов, действовавших на восточно-прусском направлении. Как помнит читатель, оно строилось на том, чтобы с ходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группировка в Восточной Пруссии могла серьезно угрожать нашим войскам при наступлении на берлинском направлении. Тогда же мною и А. И. Антоновым было предложено Верховному усилить 2-й Белорусский фронт не менее чем двумя армиями, чтобы в кратчайший срок разгромить восточно-прусскую группировку.

Точно не помню, 1 или 2 ноября меня и А. И. Антонова вызвал Верховный для рассмотрения плана зимних операций. Докладывал проект А. И. Антонов, согласовав его предварительно со мной. И снова Верховный не счел нужным согласиться с нашим предложением. Мы предлагали взять эти армии за счет Прибалтийских фронтов, которым, по нашему мнению, следовало бы перейти к обороне, блокировав 16-ю и 18-ю армии курляндской группы противника.

Генерал С. М. Штеменко в своих воспоминаниях пишет, что до 7 ноября и в праздничные дни в Генштабе работали командующие войсками фронтов Маршалы Советского Союза Ф. И. Толбухии, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, генерал армии И. Д. Черняховский и представители Ставки, а затем состоялось совещание в Ставке ВГК.

Лично я не знаю такого совещания, хотя в это время работал в Москве, в Наркомате обороны, как заместитель Верховного Главнокомандующего. А. М. Василевский находился в войсках Прибалтийских фронтов, координируя их действия по уничтожению курляндской группировки противника.

Если бы командующие фронтами были вызваны в Ставку, я должен был бы знать об этом, встретиться с ними и вместе быть у И. В. Сталина на “всестороннем обсуждении замысла”{68}.

Вообще И. В. Сталин никогда не обсуждал с командующими фронтами замысла целой кампании. Он ограничивался обсуждением лишь одной конкретной операции фронта или группы фронтов.

После ноябрьских праздников мы вместе с Генштабом занялись подробной разработкой плана наступления войск 1-го Белорусского фронта.

К этому времени командование и штаб 1-го Белорусского фронта уже представили в Генштаб свои основные соображения о проведении операции, которые в основном отвечали обстановке. О них у нас были неоднократные разговоры с К. К. Рокоссовским и М. С. Малининым.

Как уже говорилось, я не был согласен с фронтальным ударом на Варшаву через реку Вислу, о чем доложил Верховному Главнокомандующему. Верховный утвердил мое предложение.

15 ноября я выехал в Люблин, где мне был передан приказ о назначении командующим 1-м Белорусским фронтом (членом Военного совета фронта был генерал К. Ф. Телегин), а К. К. Рокоссовский этим же приказом назначался командующим 2-м Белорусским фронтом. Здесь, в Люблине, я встретился с Б. Берутом и другими руководителями Польской рабочей партии и Национального комитета освобождения Польши.

16 ноября я вступил в командование 1-м Белорусским фронтом, К. К. Рокоссовский в этот же день выехал на 2-й Белорусский фронт.

До конца ноября штаб фронта во главе с М. С. Малининым отрабатывал план наступления и готовил необходимые заявки Ставке Верховного Главнокомандования на дополнительные войска и материальные средства. Штабом фронта, штабом тыла фронта и командующими родами войск был проделан титанический труд по расчетам сил и средств на предстоящую операцию. Очень сложная работа выпала на долю заместителя командующего по тылу генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко и его начальника штаба генерала М. К. Шляхтенко.

Во всякой операции материально-техническое обеспечение действий войск имеет важнейшее значение, особенно в крупных наступательных операциях. Исходя из этого, я счел необходимым ввести в курс предстоящих действий войск фронта заместителя

командующего по тылу. Отправившись в Москву для окончательной увязки всех вопросов и для утверждения плана операции Верховным, взял его с собой. Это в значительной степени помогло тылу фронта организовать высококачественное обеспечение Висло-Одерской операции.

В конце ноября план был утвержден. Твердых сроков начала наступательных операций Верховным названо не было, однако была указана ориентировочная готовность к 15—20 января.

Поставленные задачи и сроки требовали большой и сложной работы в войсках, штабах, тыловых органах и командных инстанциях. Подготовка Висло-Одерской операции в значительной степени отличалась от подготовки предыдущих операций подобного масштаба, проводимых на нашей территории. Раньше мы получали хорошие разведывательные сведения от наших партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. Здесь их у нас не было.

Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. На эту важную сторону дела было обращено особое внимание командования штабов всех степеней.

Наши тыловые железнодорожные и грунтовые пути теперь проходили по территории Польши, где, кроме настоящих друзей и лояльных к нам жителей, имелась и вражеская агентура. Новые условия требовали от нас особой бдительности, скрытности сосредоточений и перегруппировок войск.

К тому времени армейские партийные организации по указанию ЦК провели большую разъяснительную работу относительно поведения наших войск за рубежом, куда мы шли не как завоеватели, а как освободители от вражеской оккупации. Во всех частях войск фронта надлежало еще шире развернуть воспитательную работу, чтобы с самого начала нашего пребывания в Польше не было каких-либо непродуманных актов со стороны наших солдат и офицеров.

С органами местной власти и польской общественностью у нас установились нормальные взаимоотношения, и они помогали нам, чем могли. В свою очередь, наши войска делились с поляками всем, что имели. Так с первых шагов, с первых встреч закладывался фундамент братской дружбы советского и польского народов,, испытавших тяжесть оккупации врага.

Чтобы сделать подготовку операции более целеустремленной, Военный совет фронта решил провести игру, отражающую предстоящую операцию. Были привлечены все командующие армиями, члены Военных советов, начальники штабов, командиры отдельных корпусов, заместитель командующего по тылу фронта, командующие и начальники родов войск и служб. Штаб фронта блестяще справился с подготовкой этой игры, и она прошла интересно и поучительно. Здесь же были доложены руководством тыла фронта и тщательно обсуждены вопросы материально-технического обеспечения.

Командующие армиями, в свою очередь, также провели игры в армейском масштабе. Все это, особенно обсуждение вопросов, связанных с предстоящей операцией, помогло всему руководящему составу глубже уяснить роль каждого и добиться полного понимания

относительно взаимодействия со своими соседями, авиацией, подвижными войсками, артиллерией и инженерными войсками.

В связи с тем что операция нашего фронта развертывалась с двух сравнительно небольших плацдармов, на которых сосредоточивалось громаднейшее количество войск, организация армейских и войсковых тылов была особенно сложна. Это усугублялось еще и тем, что при развитии операции мы должны были некоторое время снабжать войска всем необходимым для боя и жизни только через плацдармы, имевшие крайне ограниченные фунтовые пути.

Чтобы установить более тесное взаимодействие между плацдармами, в штабе 69-й армии генерала В. Я. Колпакчи 4 января была проведена игра с командирами всех соединений армии. Для участия в ней я пригласил командующих 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, 5-й ударной армией Н. Э. Берзарина и командующих 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями М. Е. Катукова и С. И. Богданова с их начальниками штабов.

В конце декабря мне пришлось еще раз слетать в Ставку для обсуждения с Верховным ряда вопросов, связанных с окончательным утверждением общего плана завершающих операций.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования относительно этих операций на западном стратегическом направлении окончательно сложился в конце ноября 1944 года. Заблаговременное определение стратегического плана дало возможность фронтам с особой тщательностью продумать все оперативно-стратегические, политические и материальные вопросы.

Прежде чем нанести удар непосредственно по Берлину, намечалось осуществить на западном стратегическом направлении две крупные наступательные операции: одну — в Восточной Пруссии силами 2-го и 3-го Белорусских фронтов, а вторую — на варшавско-берлинском направлении. Последняя поручалась войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

1-й Белорусский фронт должен был нанести удар в общем направлении на Познань. 1-й Украинский фронт имел задачу выйти на Одер (Одра) к северо-западу от Глогау (Глогув), Бреслау (Вроцлав), Ратибор (Рацибуж). 2-й Белорусский фронт полностью был нацелен против восточно-прусской группировки противника. Основные его силы, решавшие задачу по отсечению этой группировки, до начала февраля вели бои в Восточной Пруссии. Армии левого крыла 2-го Белорусского фронта с выходом на нижнюю Вислу, севернее Бромберга (Быдгощ), должны были перейти к обороне. Ближайшая оперативная цель 1-го Белорусского фронта сводилась к тому, чтобы прорвать оборону противника одновременно на двух направлениях и, разгромив варшавско-радомскую группировку, выйти на меридиан Лодзи. В дальнейшем намечалось наступать в общем направлении на Познань до рубежа Бромберг (Быдгощ)—Познань и южнее, где войти в тактическую связь с войсками 1-го Украинского фронта.

Последующее продвижение тогда не планировалось, так как Ставка не могла знать заранее, как именно сложится обстановка с выходом войск 1-го Белорусского фронта на линию Бромберг (Быдгощ)—Познань. Наступление 2-го Белорусского фронта могло задержаться, и в этом случае поставленная Верховным Главнокомандованием цель по обходу и изоляции восточно-прусской группировки могла быть не выполнена. И тогда 1-

му Белорусскому фронту, возможно, пришлось бы значительную часть своих сил бросить на север для оказания помощи 2-му Белорусскому фронту.

Что касается соседа слева, то мы были уверены, что он не отстанет, 1-й Украинский фронт по своим силам почти был равен 1-му Белорусскому. К тому же оба фронта наносили почти смежные удары. Исходя из этого, мы полагали, что нам не придется развертывать свои силы в южном направлении. Ставка также не предусматривала поворота группировки 1-го Белорусского фронта в юго-западном и южном направлениях.

Это и невозможно было намечать в условиях, когда операция планировалась на глубину в несколько сот километров, а вражеское командование имело полную возможность маневрировать своими резервами, например, перебросить дополнительные силы с Запада, взять их от блокированной курляндской группировки, наконец, маневрируя по фронту, собрать необходимые силы на одном из участков и оказать нам активное противодействие.

Однако немецко-фашистское военное руководство не сумело полностью использовать свои возможности. Это обошлось гитлеровцам очень дорого. В самый критический момент у них не оказалось нужных резервов для противодействия мощным ударам Красной Армии на берлинском стратегическом направлении.

Итак, Ставка считала, что решение о том, как действовать войскам 1-го Белорусского фронта после выхода на линию Бромберг (Быдгощ)—Познань, будет принято позже, в зависимости от обстановки.

Операция 1-го Белорусского фронта вначале называлась Варшавско-Познанской, а когда войска фронта вышли на Одер в районе Кюстрина, она получила наименование Висло-Одерской.

Операция строилась по следующему плану. Главный удар наносился с магнушевского плацдарма силами 5-й ударной, 61-й и 8-й гвардейской армий, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. Кроме того, из-за правого фланга 61-й армии генерала П.А.Белова после преодоления реки Пилицы вводились основные соединения 1-й армии Войска Польского под командованием генерала Станислава Поплавского, которые нацеливались на Варшаву с юга.

После преодоления реки Пилицы 61-я армия наступала в обход Варшавы в общем направлении на Сохачев, имея в виду частью сил ударить на Варшаву с запада, 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина после прорыва обороны противника наносила удар в общем направлении на Озоркув и далее на Гнезно. 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова после прорыва наступала левее 5-й ударной армии в общем направлении на Лодзь и далее на Познань.

2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова, войдя в прорыв на участке 5-й ударной армии, стремительно выходила в район Сохачева с задачей отрезать пути отхода варшавской группировке, после чего наступала на Кутно, Гнезно. 1-я гвардейская танковая армия генерала М.Е.Катукова, вводимая в прорыв на участке 8-й гвардейской армии, развивала удар на Лодзь и далее на Познань.

Действия наземных войск поддерживались 16-й воздушной армией генерала С. И. Руденко. 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова выдвигался за 2-й гвардейской танковой армией и должен был наступать вдоль реки Вислы в общем направлении на Бромберг (Быдгощ). Во втором эшелоне фронта двигалась 3-я ударная армия генерала В. И. Кузнецова.

Вспомогательный удар наносился с пулавского плацдарма 69-й и 33-й армиями, усиленными 11-м и 9-м танковыми корпусами, в общем направлении на Радом и далее на Лодзь. После прорыва частью сил левофланговой 33-й армии и танковыми частями надлежало нанести удар на Скаржиско-Каменна с целью окружения и разгрома кельце-радомской группы противника. С 33-й армией взаимодействовала 4-я танковая армия 1-го Украинского фронта под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко.

Во втором эшелоне двигался резерв фронта — 7-й кавалерийский корпус генерала М. П. Константинова.

На сутки позже 47-я армия генерала Ф. И. Перхоровича наносила удар северо-западнее Варшавы. Здесь же наступала 2-я дивизия 1-й армии Войска Польского.

Более детально планировалась ближайшая задача фронта: разгром варшавско-радомо-лодзинской группировки и захват Варшавы. Дальнейшая задача планировалась лишь в общих чертах. Имелось в виду (как это и положено при планировании фронтовых операций) уточнить ее в ходе выполнения ближайшей задачи.

В своих расчетах мы исходили из того, что нам придется драться с упорным и сильным противником, которого мы уже хорошо знали.

Мы много думали над тем, как лучше организовать артиллерийскую и авиационную подготовку, чтобы осуществить прорыв обороны на всю ее тактическую глубину, быстрее ввести в прорыв танковые войска, на которые делалась основная ставка.

В процессе подготовки операции были проведены дезинформационные мероприятия, чтобы скрыть масштаб предстоящего наступления и направления ударов, особенно главного удара. Мы пытались создать у противника впечатление о сосредоточении основных сил фронта против Варшавы и восточнее ее.

Однако у нас не было полной уверенности в том, что противник обманут и не понял наших истинных намерений. Мы опасались, что, разгадав нашу подготовку, он отведет свои основные силы с первой позиции в глубину, чтобы заставить нас расстрелять сотни тысяч снарядов по пустым местам.

После всестороннего анализа обстановки и обсуждения всех “за” и “против” с командующими и начальниками родов войск было решено непосредственно перед генеральной атакой провести сильную боевую разведку, поддержав ее мощным тридцатиминутным артиллерийским огнем, и, если противник дрогнет, немедленно начать общую атаку главными силами.

Для атаки переднего края от каждой дивизии выделялись один-два стрелковых батальона с танками и самоходно-артиллерийскими установками. Разведка боем, кроме артиллерии, поддерживалась ударами авиации.

Атаку разведывательных батальонов противник не выдержал и, видимо, приняв ее за атаку главных сил фронта, начал отходить с переднего края в глубину. Тогда, открыв более мощный огонь всей артиллерии и бросив основную массу авиации по дальним целям обороны противника, армии фронта начали атаку всеми силами первых армейских эшелонов. В первый же день операции в 13 часов был введен в сражение 11-й танковый корпус.

С этого момента прорыв развивался нормально, а мы сэкономили тысячи тонн снарядов, которые очень пригодились позднее при развитии операции.

Со второго дня операции были введены в действие 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 9-й танковый корпус. Их удар сразу потряс всю тактическую и оперативную оборону противника. Стремительный выход 2-й гвардейской танковой армии в район Жирардув—Сохачев, захват 47-й армией южного берега Вислы севернее Варшавы заставили противника начать быстрый отвод войск из города.

Уходя из Варшавы, враг подверг столицу Польши сплошному разрушению, а жителей — массовому уничтожению.

Правее 1-го Белорусского фронта действовали 2-й и 3-й Белорусские фронты. Перед ними была поставлена задача разгромить восточно-прусскую группировку немецких войск и овладеть Восточной Пруссией.

2-й Белорусский фронт своей главной группировкой должен был выйти в район Мариенбурга и отсечь восточно-прусскую группировку от Восточной Померании, от Данцига и Гдыни.

Войска фронта наступали с ружанского плацдарма через Млаву. Вспомогательный удар наносился с сероцкого плацдарма в общем направлении на Бельск, Липно. 70-я армия, двигаясь своим левым флангом вдоль северного берега Вислы, имела задачу не допустить отхода противника за Вислу из полосы наступления 1-го Белорусского фронта.

Наступление началось 13 января, 2-й Белорусский фронт (командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член Военного совета генерал Н. Е. Субботин, начальник штаба генерал А. Н. Боголюбов) частью сил перешел в наступление одновременно с 3-м Белорусским фронтом (командующий генерал И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал В. Е. Макаров, начальник штаба генерал А. П. Покровский). На следующий день двинулись главные силы войск К. К. Рокоссовского на млавском направлении.

Противник оказал здесь упорное сопротивление. Прорыв развивался очень медленно, и лишь 19 января после ввода в сражение всех танковых и механизированных войск фронта прорыв был завершен, и 2-й Белорусский фронт овладел Млавой, Пшаснышем и Цеханувом. Успешным продвижением 47-й армии и 2-й гвардейской танковой армии южнее Вислы прочно обеспечивался левый фланг 2-го Белорусского фронта.

Левее 1-го Белорусского фронта с сандомирского плацдарма 12 января начали наступление войска 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев, член Военного совета генерал К.В.Крайнюков, начальник штаба генерал В. Д. Соколовский). Директивой Ставки 1-му Украинскому фронту были поставлены задачи на

10—11-й день операции овладеть рубежом Петрков—Ченстохова—Мехув и развивать наступление на Бреславль.

Наступление войск 1-го Украинского фронта развивалось успешно. В первый же день прорыв главной полосы обороны был завершен, и войска первого эшелона фронта при поддержке части сил танковых армий продвинулись на 20 километров. Введенная в сражение 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко вышли на оперативный простор, громя подходившие резервы противника.

В своих воспоминаниях о битве на Висле немецкий генерал К. Типпельскирх так описывает эти сражения:

“Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану”{69}.

К сказанному К. Типпельскирхом можно только добавить, что резервы эти нельзя было никак использовать, поскольку они были полностью разгромлены войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

17 января 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко и 5-я гвардейская армия А. С. Жадова захватили город Ченстохова, а 59-я и 60-я армии завязали бои на северных подступах к Кракову.

За 6 дней наступления 1-й Украинский фронт продвинулся до 150 километров и вышел на рубеж Радом—Ченстохова—севернее Кракова—Тарнув. Перед фронтом создалась благоприятная обстановка для дальнейшего наступления к Одеру.

1-й Белорусский фронт, перешедший в наступление 14 января, также успешно развивал операцию.

Тот же К. Типпельскирх писал:

“К вечеру 16 января (то есть на третий день наступления. — *Г. Ж.)* на участке от реки Ниды до реки Пилицы уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и южнее. Резервов больше не было”.

17 января 1-й Белорусский фронт оказался на одной линии с 1-м Украинским фронтом. В тот день в Варшаву вступили войска 1-й армии Войска Польского. Вслед за ними вошли фланговые части 47-й и 61-й армий советских войск.

В ознаменование этого события Советским правительством была учреждена медаль “За освобождение Варшавы”, а несколько позже такая медаль была учреждена и польским правительством.

Как и после разгрома немецких войск под Москвой, Гитлер произвел очередные экзекуции над своим генералитетом за поражение в районе Варшавы. Командующий группой армий “А” генерал-полковник И. Гарпе был заменен генерал-полковником Ф. Шернером, а командующий 9-й армией генерал С. Лютвиц — генералом пехоты Т. Буссе.

Осмотрев истерзанный город, Военный совет 1-го Белорусского фронта доложил Верховному:

“Фашистские варвары уничтожили столицу Польши — Варшаву. С ожесточенностью изощренных садистов гитлеровцы разрушали квартал за кварталом. Крупнейшие промышленные предприятия стерты с лица земли. Жилые дома взорваны или сожжены. Городское хозяйство разрушено. Десятки тысяч жителей уничтожены, остальные были изгнаны. Город мертв”{70}.

Слушая рассказы о зверствах, которые творили немецкие фашисты во время оккупации и особенно перед отступлением, трудно было даже понять психологию и моральный облик вражеских войск.

Особенно тяжело переживали разрушение Варшавы польские солдаты и офицеры. Я видел, как плакали закаленные в боях воины и давали клятву покарать потерявшего человеческий облик врага. Что касается советских воинов, то все мы были ожесточены до крайности и полны решимости крепко наказать фашистов за все злодеяния.

Войска смело и быстро ломали всякое сопротивление противника и стремительно продвигались вперед.

В связи с успешным развитием операции Ставка 17 января уточнила задачи фронтам на одерском направлении:

1-му Белорусскому фронту ставилась задача не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ—Познань;

1-му Украинскому фронту главными силами продолжать наступление на Бреслау (Вроцлав), не позднее 30 января выйти на Одер южнее Лешно и захватить плацдармы на западном берегу этой реки. Левофланговыми армиями 20—22 освободить Краков.

Главное командование немецких войск перебросило в район Лодзи из Восточной Пруссии танковую дивизию “Великая Германия” и еще пять дивизий с Запада, чтобы остановить наступление 1-го Белорусского фронта, но эти войска были разбиты, не успев даже как следует развернуться. Удар был настолько стремительным и ошеломляющим, что немцы потеряли всякую надежду на возможность остановить советские войска где-либо на территории Польши.

19 января был взят город Лодзь, а войска правого крыла фронта 23 января захватили город Быдгощ. Утром 22 января войска 1-й гвардейской танковой армии завязали бои за Познань. Вскоре к Познани подошли войска 69-й армии, а затем и 8-й гвардейской армии. Левое крыло фронта вышло в район Яроцын, где установило тактическое взаимодействие с правым крылом 1-го Украинского фронта.

Днем 25 января мне позвонил Верховный. Выслушав мой доклад, он спросил, что мы намерены делать дальше.

— Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьезное сопротивление, — ответил я. — Мы решили продолжать наступление с целью выхода войск фронта на Одер. Основное направление наступления — на Кюстрин (Костшин), где попытаемся захватить плацдарм. Правое крыло фронта развертывается в северном и северо-западном направлениях против восточно-померанской группировки, которая не представляет пока серьезной непосредственной опасности.

— С выходом на Одер вы оторветесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров, — сказал И. В. Сталин. — Этого сейчас делать нельзя. Надо подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы за Вислу.

— Сколько времени это займет?

— Примерно дней десять. Учтите, — добавил И. В. Сталин, — 1-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Оппельн—Катовице.

— Я прошу не останавливать наступления войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть мезерицкий укрепленный рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт еще одной армией.

Верховный обещал подумать, но ответа в тот день мы не получили.

26 января разведка 1-й гвардейской танковой армии достигла мезерицкого укрепленного рубежа и захватила большую группу пленных. Из их показаний было установлено, что этот укрепленный район на многих участках еще не занят немецкими войсками, их части еще только выдвигаются туда. Командование фронта приняло решение ускорить движение к Одеру главных сил фронта и попытаться с ходу захватить плацдарм на его западном берегу.

Чтобы оградить главные силы фронта, выдвигавшиеся к Одеру, от возможных ударов противника со стороны Восточной Померании, было решено развернуть фронтом на север 3-ю ударную армию, 1-ю армию Войска Польского, 47-ю, 61-ю армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Для уничтожения гарнизона в Познани оставлялась часть сил 8-й гвардейской, 69-й армий и 1-й гвардейской танковой армии. Взятие Познани поручалось лично командующему 8-й гвардейской армией генералу В. И. Чуйкову. В то время считалось, что там окружено не больше 20 тысяч войск, но в действительности их оказалось более 60 тысяч, и борьба с ними в укрепленном городе затянулась до 23 февраля.

По нашим расчетам, до выхода войск фронта на Одер враг не мог организовать контрудар из Померании, а в случае серьезной опасности мы могли еще успеть перегруппировать часть войск с Одера для разгрома померанской группировки. Так оно потом и получилось.

После дополнительных переговоров Верховный согласился с предложением командования фронта. Он обязал нас хорошо подумать о своем правом фланге, но в выделении дополнительных сил отказал. Беспокойство Ставки о прикрытии нашего правого фланга было вполне обоснованным. Как показал последующий ход событий, угроза ударов со стороны Восточной Померании непрерывно возрастала.

Наступление развивалось стремительно. Главные силы фронта, разгромив разрозненные части противника и сломив его сопротивление на мезерицком укрепленном рубеже, к 1—4 февраля вышли на Одер и захватили на его западном берегу в районе Кюстрина (Костшин) очень важный плацдарм.

Не могу не сказать здесь хотя бы несколько слов о героических действиях 5-й ударной армии, во главе которой стояли генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин и член Военного совета генерал-лейтенант Ф. Е. Боков.

Я наблюдал боевые действия 5-й ударной армии и должен подчеркнуть, что огромная заслуга в захвате плацдарма принадлежит передовому отряду этой армии. Возглавляли этот отряд заместитель командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Х. Ф. Есипенко и представитель Военного совета 5-й армии заместитель начальника политотдела армии подполковник Д. Д. Шапошников.

В состав отряда входили 1006-й стрелковый полк 266-й стрелковой дивизии, командир полка полковник И. И. Терехин, заместитель по политчасти майор З. Каиков, 220-я отдельная танковая бригада во главе с полковником А. Н. Пашковым, 89-й отдельный тяжелый танковый полк, истребительный противотанковый полк, командир полка подполковник В. Д. Дмитриев, и 489-й минометный полк, командир подполковник Б. Котов.

К утру 31 января передовой отряд форсировал Одер и захватил плацдарм в районе Кинитц—Гросс—Нойендорф—Рефельд.

Появление советских войск в 70 километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев.

В момент, когда отряд ворвался в город Кинитц, на его улицах спокойно разгуливали немецкие солдаты, в ресторане было полно офицеров. Поезда по линии Кинитц—Берлин курсировали по графику, нормально действовала связь.

На захваченном плацдарме полковник И. И. Терехин, комбаты Н. И. Кравцов, П. Е. Платонов и И. Я. Чередник, командиры дивизионов Н. А. Жарков и И. С. Ильяшенко организовали прочную оборону. Бойцы и командиры понимали, что немцы приложат максимум усилий, чтобы отбросить отряд обратно за Одер.

Утром 2 февраля противник нанес мощный артиллерийско-минометный удар по боевым порядкам отряда. Вскоре после этого появилась вражеская авиация. Район плацдарма содрогался от взрывов бомб, снарядов и мин. Огненный смерч бушевал около часа. А затем гитлеровцы при поддержке танков с трех сторон атаковали передовой отряд.

Противник, несмотря на большие потери, упорно лез вперед. Его танкам даже удалось прорваться в район огневых позиций нашей артиллерии и подавить часть батарей.

Создалась критическая обстановка. Танки врага угрожали выйти в тыл отряда, и тогда едва ли можно было удержаться на захваченном рубеже. Дело дошло до того, что в батарее капитана Н. И. Кравцова осталось только одно противотанковое орудие. Его расчет под командованием старшего сержанта Н. А. Бельского вступил в единоборство с 8 танками противника.

Весь боезапас орудия составляли тринадцать снарядов.

Николай Бельский еще раз пересчитал их:

— Да, всего тринадцать, а танков восемь. Будем бить в упор, наверняка, — сказал он товарищам, — умрем, но не пропустим врага.

Старший сержант Н. А. Бельский и его боевые друзья Каргин и Кчерюсов были опытными бойцами. От их стойкости и мастерства зависел исход боя.

Они заранее закатили пушку в сарай и, проломав отверстие в стене, установили ее на прямую наводку. Здесь была защита от огня и в то же время можно было бить в борт танков.

Уже слышен лязг гусениц. Старший сержант Н. А. Бельский сам встал за прицел. До головного танка оставалось не более 150 метров. Отчетливо виден фашистский крест. Стараясь быть спокойным, сержант Н. А. Бельский прицелился, подпуская танк поближе. Выстрел. Снаряд угодил в бак с горючим. Над танком вспыхнуло рыжее пламя. Следующий снаряд тоже метко попал в цель — второй танк беспомощно завертелся с перебитой гусеницей. Через минуту пламя окутало третий танк. Это была мастерская стрельба. Дружно и слаженно действовал расчет. Бельский вел огонь, Каргин подавал снаряды, Кчерюсов заряжал орудие.

Пять фашистских танков уже дымились перед нашими окопами. Три остальных повернули назад.

За мужество и доблесть, проявленные в этом бою, старший сержант Николай Бельский был удостоен ордена Красного Знамени. Награды получили и другие бойцы расчета.

Вслед за передовым отрядом начал захват и расширение плацдарма 26-й гвардейский стрелковый корпус (командир корпуса генерал-лейтенант П. А. Фирсов, начальник политотдела полковник Д. Н. Андреев).

94-я гвардейская дивизия этого корпуса под командованием подполковника Б. И. Баранова и начальника политотдела полковника С. В. Кузовкова форсировала Одер. 286-й и 283-й гвардейские полки (командиры подполковник А. Н. Кравченко и подполковник А. А. Игнатьев) завязали бой на плацдарме, опрокидывая сопротивлявшегося противника. Здесь самоотверженно сражался 199-й гвардейский артиллерийский полк этой дивизии (командир полка подполковник И. Ф. Жеребцов, заместитель по политчасти майор В. И. Орябинский).

Особенно хорошо действовала батарея гвардии старшего лейтенанта П. А. Миронова. Во время атаки командир батареи был ранен, и на его место встал гвардии старший

лейтенант И. Т. Авеличев. Батарея в тот день вместе с пехотой мужественно отбила 6 атак противника.

Командир орудия этой батареи старший сержант Сорокин, выкатив орудие впереди боевых порядков, точными попаданиями снес два дома с пулеметными точками и подавил вступившее с ним в единоборство фашистское орудие. Бесстрашием отличались парторги батарей старший сержант Г. И. Швецов и сержант Иван Волков. Массовый героизм при отражении танковых атак противника проявили воины 2-го батальона 1050-го стрелкового полка (командир батальона Ф. К. Шаповалов, заместитель по политчасти И. Ф. Осипов). Личный состав этого батальона в труднейших условиях отразил многочисленные атаки танков и пехоты.

Здесь особенно отличились солдаты и офицеры 3-го батальона под командованием капитана А. Ф. Богомолова, который, будучи тяжело раненным, не ушел с поля битвы, а продолжал руководить батальоном. А. Ф. Богомолову за героизм и мужество было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

За эти бои были награждены орденами и медалями все солдаты, сержанты и офицеры 1-го батальона 1008-го стрелкового полка. Командир батальона М. **А.** Алексеев и парторг батальона старший лейтенант Кулинур Усенбеков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 1008-й и 1010-й стрелковые полки 266-й стрелковой дивизии за массовый героизм были награждены орденом Суворова III степени.

Исключительно упорные бои в течение ряда дней шли на участке 1054-го полка (301-я стрелковая дивизия), которым командовал подполковник Н. Н. Радаев. Используя выгодное расположение позиций на высотах и заранее оборудованные узлы сопротивления, враг оказывал наступающим подразделениям 1054-го полка упорное сопротивление. Все подходы к обороне противника, которую предстояло прорвать полку Н. Н. Радаева, простреливались противником многослойным огнем из всех видов оружия. К тому же советским воинам приходилось наступать по затопленной талой водой открытой равнинной местности.

Как только забрезжил рассвет, вдоль боевого участка загрохотали пушки. Это советские артиллеристы открыли огонь по окопам и заранее засеченным опорным пунктам, узлам сопротивления и другим огневым точкам гитлеровцев.

И почти сразу же, следуя за разрывами снарядов, в атаку бросились стрелковые подразделения полка. В первых рядах, как обычно, были коммунисты и комсомольцы. Хорошо проявил себя в этом бою вожак армейской молодежи — комсомольский организатор 3-го стрелкового батальона лейтенант И. Ф. Сеничкин возглавивший атаку батальона.

В ходе атаки нашим воинам удалось выбить врага из траншеи и уничтожить два его узла сопротивления. Но вскоре, опомнившись и сосредоточив свои силы, гитлеровцы перешли в контратаку. На одном из участков им удалось даже прорваться и потеснить нашу роту.

Однако немцам не удалось далеко продвинуться. Мощным ударом бойцы 3-го батальона опрокинули их, а затем успешно продолжали наступление. За проявленные в этом бою отвагу и мужество И. Ф. Сеничкин был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Сколько таких боевых эпизодов, в которых выражен весь цельный, героический облик советского солдата, знает история Великой Отечественной войны!

В итоге многодневных ожесточенных сражений плацдарм был расширен до 44 километров. С него и началось 16 апреля наступление ударной группировки 1-го Белорусского фронта на Берлин.

К этому бремени на правом крыле фронта сопротивление врага значительно возросло. Авиационная и войсковая разведка установила подход и сосредоточение в Восточной Померании значительных вражеских сил.

Для ликвидации нависавшей с севера опасности нужны были быстрые и решительные действия. Уже 2 февраля 1-я гвардейская танковая армия получила приказ Военного совета фронта передать свои участки на Одере соседним войскам и форсированным маршем перегруппироваться на север в район Арнсвальде. Туда же перебрасывались 9-й танковый и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса, большое количество артиллерийских, инженерных частей и материальных средств. Угроза контрнаступления немецких войск из Восточной Померании день ото дня возрастала.

31 января Военный совет фронта послал Верховному Главнокомандующему донесение следующего содержания:

“1. В связи с резким отставанием левого крыла 2-го Белорусского фронта от правого крыла 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник безусловно предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу приказать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И. С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер.

Жуков.

Телегин”{71}.

На это донесение мы не получили от Верховного быстрого ответа и конкретной помощи фронту. Лишь 8 февраля Ставка поставила задачу 2-му Белорусскому фронту перейти 10 февраля в наступление с рубежа Грауденц—Ратцебур, разгромить противника в Восточной Померании, овладеть Данцигом и выйти на побережье Балтийского моря.

10 февраля 2-й Белорусский фронт начал наступление, но, не имея в своем распоряжении достаточно сил, не мог полностью выполнить поставленную задачу. 24 февраля с подходом из резерва Ставки свежей 19-й армии 2-й Белорусский фронт усилил наступательные действия.

1 марта в наступление перешли войска 1-го Белорусского фронта, главной ударной силой которого были 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. В связи с мощным ударом этой группы войск наступление 2-го Белорусского фронта резко возросло.

4—5 марта войска 1-го Белорусского фронта вышли на побережье Балтийского моря, а войска 2-го Белорусского фронта, выйдя на побережье Балтийского моря и захватив 4 марта Кёзлин (Кошалин), повернули на восток, на Гдыню, Данциг (Гданьск), 1-я гвардейская танковая армия 1-го Белорусского фронта, вышедшая в район Кольберга (Колобжег), распоряжением Ставки была временно передана в состав 2-го Белорусского фронта для разгрома противника в районе Гдыни. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, добивая остатки вражеских частей, выходили на побережье Балтийского моря и на Одер в его нижнем течении.

Здесь уместно, на мой взгляд, более подробно остановиться на одном вопросе, который ставят авторы некоторых мемуаров, в частности Маршал Советского Союза В. И. Чуйков: почему командование 1-го Белорусского фронта после выхода в первых числах февраля на Одер не добилось от Ставки решения без остановки продолжать наступление на Берлин.

В своих воспоминаниях В. И. Чуйков утверждает, что “Берлином можно было овладеть уже в феврале. А это, естественно, приблизило бы и окончание войны”{72}.

Многие военные специалисты выступили в печати против такой точки зрения В. И. Чуйкова{73}, но В. И. Чуйков считает, что “возражения идут не от активных участников Висло-Одерской операции, а либо от тех, кто был причастен к разработке приказов И. В. Сталина и фронта о прекращении наступления на Берлин и о проведении Восточно-Померанской операции, либо от авторов некоторых исторических трудов”{74}.

Должен сказать, что в наступательной операции на Берлин не все обстояло так просто, как мыслит В. И. Чуйков.

26 января, когда стало ясно, что противник не сможет сдержать наше наступление на укреплениях на подступах к Одеру, мы внесли в Ставку предварительное предложение, суть которого состояла в следующем.

К 30 января войска фронта должны выйти на рубеж Берлинхен (Барлинек)—Ландсберг (Гожув-Великопольски)—Грец (Грудзиск), подтянуть тылы, пополнить запасы и с утра 1—2 февраля продолжить наступление, с тем чтобы с ходу форсировать Одер.

В дальнейшем предполагалось развивать стремительное наступление на берлинском направлении, сосредоточивая главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада.

27 января Ставка Верховного Главнокомандования утвердила это предложение.

28 января аналогичное предложение в Ставку направил и командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Оно сводилось к тому, чтобы разгромить бреславльскую группировку противника и к 25—28 февраля выйти на Эльбу, а правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином.

Это предложение Ставка также утвердила 29 января.

Действительно, как это утверждает В. И. Чуйков, в то время противник на подступах к Берлину располагал ограниченными силами, и оборона его была довольно слабой. Это было нам ясно. В связи с этим командование фронта дало войскам фронта нижеследующую ориентировку:

“Военным советам всех армий, командующим родами войск и начальнику тыла фронта. Сообщаю ориентировочные расчеты на ближайший период и краткую оценку обстановки:

1. Противник перед 1-м Белорусским фронтом каких-либо крупных контрударных группировок пока не имеет.

Противник не имеет и сплошного фронта обороны. Он сейчас прикрывает отдельные направления и на ряде участков пытается решить задачу обороны активными действиями.

Мы имеем предварительные данные о том, что противник снял с Западного фронта четыре танковые дивизии и до 5—6 пехотных дивизий и эти части перебрасывает на Восточный фронт. Одновременно противник продолжает переброску частей из Прибалтики и Восточной Пруссии.

Видимо, противник в ближайшие 6—7 дней подвозимые войска из Прибалтики и Восточной Пруссии будет сосредоточивать на линии Шведт—Штаргард—Нойштеттин, с тем чтобы прикрыть Померанию, не допустить нас к Штеттину и не допустить нашего выхода к бухте Померанской.

Группу войск, перебрасываемую с Запада, противник, видимо, сосредоточивает в районе Берлина с задачей обороны подступов к Берлину.

2. Задачи войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до 2 заправок горючего, до 2 боекомплектов боеприпасов и стремительным броском 15—16 февраля взять Берлин.

При закреплении достигнутого успеха, то есть с 4 по 8 февраля, необходимо:

а) 5, 8, 69, 33-й армиям захватить плацдармы на западном берегу р. Одер. При этом желательно 8-й гвардейской и 69-й армиям иметь один общий плацдарм между Кюстрином и Франкфуртом. Если удастся, хорошо бы соединить плацдармы 5-й и 8-й армий;

б) 1-й армии Войска Польского, 47, 61, 2-й танковой армиям и 2-му кавкорпусу необходимо отбросить противника за линию Ратцебур—Фалькенбург—Штаргард—Альтдам—река Одер. После чего, оставив заслон до подхода армий 2-го Белорусского фронта, перегруппироваться на р. Одер для прорыва;

в) 7—8 февраля необходимо закончить ликвидацию познань-шнайдемюльской группы противника;

г) средства усиления для прорыва в основном останутся те же, что имеют сейчас армии;

д) танковым войскам и самоходной артиллерии к 10 февраля закончить текущий и средний ремонт и поставить материальную часть в строй;

е) авиации закончить развертывание, имея не менее 6 заправок на аэродромах;

ж) тылу фронта, армейскому и войсковому тылу к 9—10 февраля иметь полную готовность к решающему этапу операции.

Жуков.

Телегин. Малинин”{75}.

Однако, как уже говорилось выше, в первых числах февраля стала назревать серьезная опасность контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировки фронта. Вот что показал на допросе по этому поводу немецкий фельдмаршал Кейтель:

— В феврале—марте 1945 года предполагалось провести контрнаступление против войск, наступавших на Берлин, использовав для этого померанский плацдарм. Планировалось, что, прикрывшись в районе Грудзёндз, войска группы армий “Висла” прорвут русский фронт и выйдут через долины рек Варта и Нетце с тыла на Кюстрин.

Этот замысел подтверждает также и генерал-полковник Гудериан. В своей книге “Воспоминания солдата” он писал:

“Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий “Висла” с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений”.

Приведенные свидетельства военных руководителей фашистской Германии не оставляют сомнений в том, что опасность со стороны Восточной Померании была реальной. Однако командование 1-го Белорусского фронта своевременно приняло необходимые меры для активного противодействия врагу.

В начале февраля в междуречье Одера и Вислы действовали 2-я и 11-я немецкие армии, имевшие 22 дивизии, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 5 бригад и 8 боевых групп. По сведениям нашей разведки, приток сил туда продолжался.

Кроме того, в районе Штеттина (Щецин) располагалась 3-я танковая армия, которую немецко-фашистское командование могло использовать как на берлинском направлении, так и для усиления восточно-померанской группировки (что фактически и произошло).

Могло ли советское командование пойти на риск продолжать наступление главными силами фронта на Берлин в условиях, когда с севера нависла крайне серьезная опасность?

В. И. Чуйков пишет:

“...что касается риска, то на войне нередко приходится идти на него. Но в данном случае риск был вполне обоснован. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60—80 км”{76}.

Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые армии и 3—4 общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение.

Опыт войны показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться. В этом отношении очень показателен урок с наступлением Красной Армии на Варшаву в 1920 году, когда необеспеченное и неосмотрительное продвижение войск Красной Армии вперед привело вместо успеха к тяжелому поражению нашего Западного фронта.

“Если мы объективно оценим силу группировки войск гитлеровцев в Померании, — пишет В. И. Чуйков, — то убедимся, что с их стороны любая угроза нашей ударной группировке на берлинском направлении вполне могла быть локализована войсками 2-го Белорусского фронта”{77}.

Действительность опрокидывает это утверждение.

Вначале задачу по разгрому противника в Восточной Померании намечалось решить именно силами 2-го Белорусского фронта, но их оказалось далеко не достаточно. Начавшееся 10 февраля наступление 2-го Белорусского фронта протекало очень медленно. За 10 дней его войска смогли продвинуться лишь на 50—70 километров.

В это же время враг предпринял в районе южнее Штаргарда контрудар, и ему даже удалось потеснить наши войска и продвинуться в южном направлении, до 12 километров.

Оценивая сложившееся положение, Ставка Верховного Главнокомандования решила в целях ликвидации гитлеровцев в Восточной Померании, силы которых к этому времени возросли до сорока дивизий, привлечь четыре общевойсковые и две танковые армии 1-го Белорусского фронта.

Как известно, боевые действия двух фронтов по разгрому восточно-померанской группировки завершились лишь к концу марта. Вот какой это был крепкий орешек.

В. И. Чуйков считает, что для наступления на Берлин в феврале 1945 года 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты могли выделить 8-10 армий, в том числе 3—4 танковые армии{78}.

С этим также нельзя согласиться. В начале февраля из восьми общевойсковых и двух танковых армий 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении оставались лишь четыре неполные армии (5-я ударная, половина 8-й гвардейской, 69-я и 33-я){79}. Остальные силы фронта нам пришлось повернуть в сторону Восточной Померании для разгрома померанской группировки.

Что касается 1-го Украинского фронта, то он в период с 8 по 24 февраля проводил наступательную операцию северо-западнее Бреслау (Вроцлав). В ней участвовали главные силы фронта (четыре общевойсковые, две танковые армии и 2-я воздушная армия). Противник, подтянув значительные силы, оказывал там упорное сопротивление.

За 17 дней наступления соединения 1-го Украинского фронта продвинулись на 100 километров, выйдя на реку Нейсе. Попытки форсировать ее и развить наступление на

запад успехом не увенчались, и войска фронта перешли к обороне по восточному берегу реки.

Нужно также учитывать, что в ходе Висло-Одерской операции наши части понесли серьезные потери. К 1 февраля численность стрелковых дивизий составляла в среднем около 5500. человек, а в 8-й гвардейской — от 3800 до 4800 человек. В двух танковых армиях имелось 740 танков (в танковых бригадах в среднем около 40, а во многих из них по 15—20 танков). Такое же положение было и на 1-м Украинском фронте.

Кроме того, крепость и город Познань, находившиеся далеко в тылу фронта, все еще были в руках противника и до 23 февраля не были взяты войсками, которыми лично руководил В. И. Чуйков.

Преувеличивать возможности своих войск, как и недооценивать силу и способность врага, одинаково опасно. Этому учит опыт войны, который нельзя игнорировать.

Не следует, наконец, забывать и о материальном обеспечении войск, которые за 20 дней наступления продвинулись более чем на 500 километров. Естественно, что при столь высоком темпе продвижения тылы отстали, и войска ощущали потребность в материальных средствах, особенно в горючем. Авиация также не могла перебазироваться, так как в это время все полевые аэродромы раскисли от дождей.

В. И. Чуйков, не проанализировав всей сложности тыловой обстановки в тех условиях, пишет:

“...если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели вовремя доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостостроительные части обеспечили переправу войск через Одер, то наши четыре армии— 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти еще восемьдесят—сто километров и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу”{80}.

Рассуждения о таком важном предмете со столь многими ссылками на “если бы” нельзя считать серьезными даже для мемуариста. Но уже само признание В.И.Чуйковым, что снабжение разладилось, авиация и понтонно-мостостроительные части отстали, говорит о том, что в подобных условиях предпринимать решительное наступление на Берлин было бы чистейшей авантюрой.

Таким образом, в феврале 1945 года ни 1-й Украинский, ни 1-й Белорусский фронты проводить Берлинскую операцию не могли.

В. И. Чуйков пишет:

“4 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом собрал на совещание в штаб 69-й армии, куда он прибыл сам, командармов Берзарина, Колпакчи, Катукова, Богданова и меня. Мы, уже сидя за столами, обсуждали план наступления на Берлин, когда раздался телефонный звонок по аппарату ВЧ. Я сидел почти рядом и хорошо слышал разговор по телефону. Звонил Сталин. Он спросил Жукова, где тот находится и что делает. Маршал

ответил, что собрал командармов в штабе армии Колпакчи и занимается вместе с ними планированием наступления на Берлин.

Выслушав доклад, Сталин вдруг совершенно неожиданно, как я понял, для командующего фронтом потребовал прекратить это планирование и заняться разработкой операции по разгрому гитлеровских войск группы армий “Висла”, находившихся в Померании”{81}.

Но такого совещания 4 февраля в штабе 69-й армии не было. Поэтому и разговора по ВЧ с И. В. Сталиным, о котором пишет В. И. Чуйков, также не было.

4—5 февраля я был в штабе 61-й армии, которая развертывалась на правом крыле фронта в Померании для действий против померанской группировки противника. Не мог быть на этом мифическом совещании и командующий 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катуков, так как согласно директиве фронта от 2 февраля 1945 года за № 00244 он производил с утра 3 февраля перегруппировку войск армии с Одера в район Фридеберг—Берлинхен—Ландсберг{82}.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал С. И. Богданов также не мог быть на совещании по причине болезни (в это время исполнял обязанности командарма генерал А. И. Радзиевский). Да и сам В. И. Чуйков 3 февраля находился в городе Познани, откуда он доносил мне о ходе борьбы за крепость и город{83}.

Видимо, память подвела В. И. Чуйкова.

Следует заметить, что на Одер в тот период 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова вышла лишь в 50-процентном составе своих соединений. Остальные силы до 23 февраля сражались за Познань.

После перегруппировки войск фронта в Померанию на Одере на берлинском направлении оставалось три с половиной армии, а обстановка здесь с первых же дней февраля начала осложняться: 2 и 3 февраля немецкая авиация непрерывно бомбила боевые порядки 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина на захваченном плацдарме у реки Одер. За эти дни авиация противника сделала более 5 тысяч самолетовылетов — войска 5-й ударной армии понесли серьезные потери.

Противник во что бы то ни стало стремился ликвидировать плацдарм в районе Кюстрина. Здесь начали появляться его новые части, переброшенные с других фронтов. Командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин просил усилить действия нашей авиации. Но из-за непогоды наносить активные удары она не могла.

Вот одна из моих телеграмм Военному совету 5-й ударной армии, из которой легко составить впечатление о сложившейся обстановке:

“Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

1) зарываться глубоко в землю;

2) организовать массовый зенитный огонь;

3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью; і

4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2—3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить.

Г. Жуков”{84}.

В. И. Чуйков утверждает, что вопрос о возможности взятия Берлина еще в феврале 1945 года поднимался им впервые на военно-научной конференции в Берлине в 1945 году, но тогда он не получил широкого освещения{85}, поскольку был, по существу, связан с критикой действий И. В. Сталина.

Действительно, этот вопрос ставился на конференции, но не В. И. Чуйковым, а представителем Генерального штаба генерал-майором С. М. Енюковым. В. И. Чуйков, как мне помнится и как это видно из стенограммы его выступления{86} по данному вопросу ни словом не обмолвился.

Но вернемся к событиям, происходившим в марте 1945 года.

2-й и 1-й Белорусские фронты завершили Восточно-Померанскую операцию, в ходе которой вражеская группировка там была полностью разгромлена, и вся Восточная Померания к концу марта оказалась в наших руках, 1-й Украинский фронт в феврале — марте провел две операции в Силезии и к концу марта выдвинулся на реку Нейсе на уровень войск 1-го Белорусского фронта, ранее вышедшего на реку Одер.

Таким образом, в результате Висло-Одерской операции была освобождена значительная часть Польши, а боевые действия перенесены на территорию Германии. Было разгромлено и уничтожено 60 дивизий немецких войск. Для создания нового фронта обороны на берлинском направлении немецкое командование вынуждено было перебросить туда свыше 29 дивизий и 4 бригады, снятые с других участков советско-германского фронта, с западного и итальянского фронтов.

Наступление советских войск от Вислы к Одеру — блестящий образец крупнейшей стратегической наступательной операции, которая без всяких пауз развивалась со

среднесуточным темпом в 25—30 километров, а танковыми армиями — со средним темпом до 45 километров, в отдельные сутки даже до 70 километров.

Такая стремительность была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны.

Большой размах стратегической операции, ее быстрота были обусловлены прежде всего улучшением общей обстановки на фронте, высоким боевым духом советских войск, дальнейшим изменением соотношения сил в нашу пользу и неуклонным ростом боевого и оперативно-стратегического искусства.

Основная роль в развитии наступления на фронтах после прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижной таран огромной силы, прокладывавший путь для общевойсковых армий.

Войдя в прорыв, танковые армии и механизированные корпуса развивали наступление с полным напряжением сил, днем и ночью не давая врагу передышки. Сильные передовые отряды наносили глубокие удары, в то же время не ввязываясь в затяжные бои с отдельными группировками противника.

Танковые армии и отдельные танковые корпуса в тесном взаимодействии с авиацией стремительными ударами дробили вражеский фронт, выходили на коммуникации его войск, захватывали переправы и узлы дорог, сеяли панику и дезорганизовывали тыл противника.

Глубокое проникновение бронетанковых войск в тыл противника не позволяло немецко-фашистским войскам использовать для обороны большинство заранее подготовленных рубежей. После прорыва привисленских укрепленных рубежей до выхода на познанский меридиан противник не сумел практически ни на одном из заранее подготовленных рубежей организовать прочную оборону.

В Висло-Одерской операции разработанный советским командованием план дезориентации противника удалось осуществить полностью, в результате чего была достигнута оперативно-тактическая внезапность. Имеется много показаний военнопленных офицеров и солдат, которые свидетельствуют, что немецкое командование перед нашим наступлением не знало истинных намерений наших войск.

Вот некоторые из них.

Капитан Петцольд показал:

— Я убежден, что даже 14.1.45 г. немецкое командование не знало еще направления главного удара русских. Также было неизвестно, какими силами русские наступают.

Обер-лейтенант Висенгер показал:

— По опыту прошлых лет мы были убеждены, что русские и в этом году предпримут зимнее наступление. С этим считалось и немецкое командование. Однако начало наступления русских показало, что наше командование, во всяком случае, не представляло себе ни размаха этого наступления, ни основного направления его.

Обер-лейтенант Косфельд показал:

— Немецкое командование ожидало наступления русских в конце декабря 1944 года. После этого офицеры неоднократно говорили, что оно начнется до 15.1.45 г., однако точный срок так и не был известен.

Противник, конечно, нервно реагировал на каждый наш выстрел. Он ожидал нашего удара, хотя и не имел представления о силе готовящегося наступления и, безусловно, рассчитывал, что оно последует с плацдармов. Ведь вряд ли найдется любитель наступать крупными силами с форсированием такой мощной и широкой реки, как Висла, и сделать первый этап операции затяжным. Правда, у нас были предложения, исходившие от некоторых операторов фронта. Они считали, что перед плацдармами находится глубоко эшелонированная оборона, а вне плацдармов по реке Висле, по существу, только прикрытие противника.

Но принятие такого варианта означало идти на форсирование километровой реки в совершенно невыгодных условиях и при этом не имея возможности сразу же ввести в бой танки как важнейшее средство прорыва. Подвижные войска и основная масса артиллерии в таком случае не могли быть быстро переправлены, чтобы обеспечить стремительное развитие наступления.

Слов нет, наступление с плацдармов представляло большую трудность: противник мог нанести нам большие потери своей артиллерией и авиацией. Но у нас был заранее подготовлен мощный контрартиллерийский огонь и удар авиации.

Висло-Одерская операция в материальном отношении была подготовлена хорошо, и тыловые службы фронта и армий со своими задачами справились блестяще.

Однако с выходом наших войск к мезерицкому укрепленному рубежу и так называемому померанскому валу в армиях начали ощущаться перебои с подачей горюче-смазочных материалов и наиболее ходовых боеприпасов. Это произошло по ряду причин, и прежде всего потому, что наступали мы почти в два раза быстрее, чем предусматривалось. Тыловые коммуникации растянулись на сотни километров, а железнодорожные магистрали в это время еще не действовали из-за больших разрушений и отсутствия железнодорожных мостов через Вислу.

Из информации Верховного Главнокомандования и Генерального штаба мне было известно, что в течение января, февраля и марта войска 4-го Украинского фронта вели наступление в Карпатах, содействуя войскам 1-го Украинского фронта в решении поставленных задач.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в течение января, февраля и первой половины марта 1945 года вели оборонительные бои, отражая удары немецко-фашистских войск, стремившихся отбросить их за Дунай, деблокировать свою группировку, окруженную в Будапеште, и укрепить тем самым венгерский участок фронта.

В ходе напряженных сражений войска 2-го и 3-го Украинских фронтов нанесли серьезные поражения ударным группировкам противника, отразили все их попытки выйти к Дунаю и к середине марта создали условия для перехода в наступление на венском направлении.

В период с 16 марта по 15 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов провели Венскую наступательную операцию, в ходе которой было разгромлено более 30 дивизий группы армий “Юг”.

Наши войска к середине апреля полностью очистили от немецко-фашистских войск Венгрию и значительную часть Чехословакии, вступили в Австрию, освободили Вену и открыли путь в центральные районы Чехословакии. Германия окончательно лишилась нефтяных источников Венгрии, Австрии и многих предприятий по производству вооружения и боевой техники.

В результате операций 2-го и 3-го Украинских фронтов в январе—апреле 1945 года южный фланг стратегического фронта советских войск был подтянут на уровень фронтов, действовавших на берлинском направлении. Выйдя на восточный берег Одера и Нейсе, от Балтийского моря до Гёрлица и обеспечив фланги, советские войска заняли выгодные исходные рубежи для окончательного разгрома берлинской группировки противника и штурма Берлина.

На левом крыле советско-германского фронта наши войска, выйдя в район Вены и южнее, заняли выгодные позиции для наступления в глубь Австрии и южные районы Германии.

На Западном фронте вооруженные силы наших союзников, в феврале — марте форсировав Рейн, окружили значительную группировку немецко-фашистских войск в Руре. 17 апреля окруженная рурская группировка немецко-фашистских войск капитулировала.

В результате разгрома основных сил немецких войск на советско-германском фронте и выхода союзников за Рейн над фашистской Германией нависла неотвратимая катастрофа. У Германии уже не было сил продолжать вооруженную борьбу.

Конец войны был близок, и в наших взаимоотношениях с союзниками остро встал ряд политических вопросов. И совсем не случайно.

Прежняя медлительность в действиях американо-английского командования сменилась крайней поспешностью. Правительства Англии и США торопили командование экспедиционных сил в Европе, требуя от него быстрейшего продвижения в центральные районы Германии, чтобы овладеть ими раньше, чем выйдут туда советские войска.

1 апреля 1945 года У. Черчилль писал Ф. Рузвельту:

“Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять”{87}.

Как впоследствии мне стало известно, командование английских войск, а также ряд американских генералов принимали все меры к захвату Берлина и территорий к северу и

югу от него. Вопреки договоренности между главами правительств американские войска захватили Тюрингию и 25 апреля передовыми частями вышли на Эльбу.

В ходе Восточно-Померанской операции, кажется 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

— Идемте разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941—1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Он сказал, что рос очень хилым ребенком. Мать почти до шестилетнего возраста не отпускала от себя и очень его любила. По желанию матери он учился в духовной семинарии, чтобы стать служителем культа. Но, имея с детства “ершистый” характер, не ладил с администрацией и был изгнан из семинарии.

Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить. На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его душегубы. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде. Чувствовалось, он переживает за сына.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко

перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами и очень хорошо отзывался о Ф. Рузвельте. И. В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто, и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками по управлению Германией после ее капитуляции, о “контрольном механизме в Германии”, о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации “контрольного механизма в Германии” и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинструктирован значительно позже.

В немногих словах он рассказал о разногласиях с У. Черчиллем, возникших при обсуждении польской проблемы.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по рекам Одеру и Нейсе. Но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем, — сказал И. В. Сталин. — Мы хотим, раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор...

Вошел А. Н. Поскребышев и подал И. В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их. Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

Остаток дня и добрую половину ночи мы с А. И. Антоновым просидели у меня в кабинете. Он тоже рассказал много интересного о Крымской конференции.

Мы еще раз рассмотрели основные наметки плана и расчеты на проведение Берлинской стратегической операции, в которой должны были участвовать три фронта. Поскольку об этом в Ставке и Генштабе неоднократно говорилось, мы сделали лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике.

На следующее утро Верховный позвонил А. И. Антонову и передал, чтобы мы приехали не в 13, а в 20 часов.

Вечером при обсуждении вопроса о Берлинской операции присутствовали Г. М. Маленков, В. М. Молотов и другие члены Государственного Комитета Обороны. Докладывал А. И. Антонов.

И. В. Сталин утвердил все предложения и приказал дать необходимые указания о всесторонней подготовке операции на берлинском стратегическом направлении.

Глава двадцать первая. **Берлинская операция**

Как заключительная операция Второй мировой войны в Европе Берлинская операция занимает особое место. В этой операции получили окончательное решение важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии и ее место в политической жизни Европы.

Советские Вооруженные Силы, готовясь к последней схватке с фашизмом, к штурму Берлина, строго исходили из согласованной с союзниками политики безоговорочной капитуляции Германии как в области военной, экономической, так и политической. Главной нашей целью на этом этапе войны была полная ликвидация фашизма в общественном и государственном строе Германии и привлечение к строжайшей ответственности всех главных нацистских преступников за их зверства, массовые убийства, разрушения и надругательства над народами в оккупированных странах, особенно на нашей многострадальной земле.

Замысел Берлинской операции в Ставке в основном определился в ноябре 1944 года. Уточнение его проходило в процессе Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Померанской операций.

При разработке плана Берлинской операции учитывались и действия экспедиционных сил союзников, которые в конце марта— начале апреля 1945 года широким фронтом вышли на Рейн и приступили к его форсированию, с тем чтобы развернуть общее наступление в центральные районы Германии.

Верховное командование союзных войск ближайшей целью своих действий ставило ликвидацию рурской группировки противника и овладение промышленным районом Рура. Затем оно планировало выдвижение американских и английских войск на Эльбу на берлинском направлении. Одновременно развертывались операции американских и французских войск в южном направлении с целью овладения районами Штутгарта, Мюнхена и выхода в центральные районы Австрии и Чехословакии.

Несмотря на то что решениями Крымской конференции советская зона оккупации была определена далеко западнее Берлина и что советские войска уже находились на Одере и Нейсе (в 60—100 километрах от Берлина) и были готовы начать Берлинскую операцию, английское командование все еще продолжало лелеять мечту о захвате Берлина раньше, чем туда придет Красная Армия.

Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само Верховное

командование экспедиционных сил союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин.

Так, 7 апреля 1945 года, информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил:

— Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать. — И далее: — Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию{88}.

В последние дни марта И. В. Сталин через американскую миссию получил информацию Эйзенхауэра о его плане выхода на согласованную линию на берлинском направлении. Из этого сообщения было видно, что дальнейшее наступление английские и американские войска предполагали развернуть на северо-восток, чтобы выйти в район Любека, и на юго-восток с целью подавления противника на юге Германии. Ставка к этому времени уже располагала некоторыми сведениями о трениях и противоречиях, которые происходили между английским и американским политическим и военным руководством по поводу стратегических планов.

И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английскими и американскими правительственными кругами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что немцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии. 27 марта 1945 года корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелл сообщал о наступлении англо-американских войск: “Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии”. В середине апреля 1945 года американский радиообозреватель Джон Гровер констатировал: “Западный фронт фактически уже не существует”.

Как же на самом деле происходило наступление англо-американских войск в районе Рейна?

Известно, что у гитлеровцев здесь было довольно слабое прикрытие. В свое время, отойдя за Рейн, немцы могли организовать серьезное сопротивление. Однако этого сделано не было. И прежде всего потому, что основные силы были переброшены на восток против советских войск. Даже в критические для рурской группировки дни верховное немецкое командование за счет своей западной группировки усиливало фронт на востоке против советских войск.

К началу англо-американской кампании немцы располагали на западе крайне ослабленными 60 дивизиями, общая боеспособность которых равнялась 26 штатным дивизиям. У союзников была 91 полнокровная дивизия.

Особое преимущество союзники имели в авиации. Своими авиационными ударами они практически могли в любом районе осуществить полное подавление всякого сопротивления как на земле, так и в воздухе.

Таким образом, форсирование Рейна американскими и английскими войсками проходило в облегченных условиях, и Рейн был захвачен ими, по существу, без сопротивления немцев.

Не ожидая ликвидации рурской группировки немецких войск, главное командование войск союзников поспешно бросило основные силы на берлинское направление с целью выхода на Эльбу.

Из многочисленных послевоенных бесед с американскими и английскими генералами, в том числе с Эйзенхауэром, Монтгомери, Латром де Тассиньи, Клеем, Робертсоном, Смитом и многими другими, выяснилось, что вопрос о захвате Берлина союзными войсками был окончательно снят лишь тогда, когда на Одере и Нейсе мощный удар артиллерии, минометов, авиации и дружная атака танков и пехоты советских войск потрясли до основания оборону немецких войск.

Когда в Ставке было получено сообщение генерала Эйзенхауэра о его решении нанести два удара — на северо-востоке и на юге Германии — и о том, что американские войска остановятся на согласованной линии на берлинском направлении, И. В. Сталин с уважением отозвался об Эйзенхауэре как о человеке, верном взятым на себя обязательствам. Однако мнение это оказалось преждевременным.

Во время высадки и наступления союзных войск во Франции между Генеральным штабом Красной Армии и военными миссиями США и Англии существовала тесная связь, и мы часто обменивались сведениями о дислокации войск противника. Но по мере приближения конца войны мы стали получать сведения от своих союзников, весьма далекие от действительного положения дел.

Позволю себе привести одно письмо начальника Генерального штаба А. И. Антонова главе военной миссии США в СССР генерал-майору Джону Р. Дину.

“Главе военной миссии США в СССР генерал-майору Джону Р. Дину

Уважаемый генерал Дин!

Прошу Вас довести до сведения генерала Маршалла следующее:

20 февраля сего года я получил сообщение генерала Маршалла о том, что немцы создают на Восточном фронте две группировки для контрнаступления: одну в Померании для удара на Торн и другую в районе Вена—Моравска—Острава для наступления в направлении Лодзь. При этом южная группировка должна была включать 6-ю танковую армию СС. Аналогичные сведения были мною получены 12.2 от главы армейской секции английской военной миссии полковника Бринкмана.

Я чрезвычайно признателен и благодарен генералу Маршаллу за информацию, призванную содействовать нашим общим целям, которую он так любезно предоставил нам.

Вместе с тем считаю своим долгом сообщить генералу Маршаллу о том, что боевые действия на Восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную им информацию, ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск,

включавшая и 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе Моравска—Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта.

Этот факт показывает, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на Восточном фронте в марте месяце.

Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте.

Несмотря на изложенное, я прошу генерала Маршалла, если можно, продолжать сообщать мне имеющиеся сведения о противнике.

Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации.

Прошу Вас передать генералу Маршаллу мое уважение и признательность.

Уважающий Вас генерал армии Антонов,

начальник Генерального штаба Красной Армии.

30 марта 1945 г.”{89}.

29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку. Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И. В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении.

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

Взяв погасшую трубку и выбив из нее пепел, И. В. Сталин молча снова набил ее табаком. Раскурив трубку, он вновь подошел к своей карте и долго рассматривал ее, а затем спросил:

— Когда наши войска могут начать наступление на берлинском направлении? Я доложил:

— Через две недели 1-й Белорусский фронт сможет начать наступление, 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И. В. Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда.

Затем он подошел к письменному столу, перелистал какие-то бумаги и достал письмо.

— Вот, прочтите.

Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях.

В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все.

Вновь подойдя к письменному столу, он позвонил А. И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А. И. Антонов был в кабинете Верховного.

— Как идут дела у Рокоссовского?

А. И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А. М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

И. В. Сталин молча дал ему прочитать письмо, которое только что показал мне.

А. И. Антонов сказал:

— Это еще одно доказательство закулисных махинаций, которые ведутся между гитлеровцами и английскими правительственными кругами.

Обратившись к А. И. Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом.

На следующий день А. И. Антонов познакомил меня с проектом стратегического плана Берлинской операции, куда полностью был включен план наступления 1-го Белорусского фронта. После внимательного изучения плана Берлинской операции, спроектированного Ставкой, я пришел к выводу, что он был подготовлен хорошо и полностью отвечал сложившейся на тот отрезок времени оперативно-стратегической обстановке.

31 марта в Генштаб прибыл командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев, который тут же включился в рассмотрение общего плана Берлинской операции, а затем доложил и проект плана наступления войск 1-го Украинского фронта.

Насколько память мне не изменяет, все мы были тогда единодушны во всех принципиальных вопросах.

В своих воспоминаниях генерал С. М. Штеменко пишет, что “в процессе обсуждения плана маршал Конев очень разволновался по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, так как она якобы не давала возможности 1-му Украинскому фронту нанести удар по Берлину”{90}.

Я не могу этого подтвердить. Справедливости ради позволю себе напомнить здесь выдержку из выступления Маршала Советского Союза И. С. Конева на сборе высшего командного состава в феврале 1946 года.

И. С. Конев сказал тогда: “Тут же товарищ Сталин дал указание о разграничительной линии между фронтами. Причем, обращаю внимание, это очень важно, что разграничительная линия была проведена в 50 километрах не доходя до Берлина...

Это давало возможность командующим фронтами 1-го Белорусского и 1-го Украинского, в зависимости от обстановки, скорректировать свои действия по захвату Берлина”.

И это было действительно так.

1 апреля 1945 года Верховный Главнокомандующий заслушал доклад А. И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем — мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И. С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Верховный не согласился с разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба по линии Грос—Гастрозе—Потсдам. Он заштриховал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена (60 километров юго-восточнее Берлина).

Тут же он указал маршалу И. С. Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти.

“Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: “У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке.

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина”{91}.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы.

Наступление на Берлин было решено начать 16 апреля, не дожидаясь действий 2-го Белорусского фронта, который, по всем уточненным расчетам, мог начать наступление с Одера не ранее 20 апреля.

В ночь на 2 апреля в Ставке в моем присутствии Верховный подписал директиву 1-му Белорусскому фронту о подготовке и проведении операции с целью овладения Берлином и указание в течение 12—15 дней выйти на Эльбу.

Главный удар было решено нанести с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Последние предполагалось ввести в сражение после прорыва обороны противника в обход Берлина с севера и северо-востока, 2-й эшелон фронта (3-ю армию генерал-полковника А. В. Горбатова) намечалось ввести в дело также на главном направлении.

Проект директивы 1-му Украинскому фронту в связи с изменением разграничительной линии и указанием о том, чтобы фронт был готов повернуть танковые армии с юга на

Берлин, Верховный Главнокомандующий подписал только 2 апреля после внесения им необходимых исправлений.

Этой директивой 1-му Украинскому фронту предписывалось:

— разгромить группировку противника в районе Котбуса и южнее Берлина;

— изолировать главные силы группы армий “Центр” от берлинской группировки и этим обеспечить с юга удар 1-го Белорусского фронта;

— за 10—12 дней, не позже, выйти на рубеж Беелитц—Виттенберг и далее по реке Эльбе до Дрездена;

— главный удар фронта нанести в направлении на Шпремберг;

— 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии ввести после прорыва в направлении главного удара.

В связи с тем, что 2-й Белорусский фронт все еще вел напряженные боевые действия против немецких войск в районах юго-восточнее Данцига и севернее Гдыни, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение начать перегруппировку основных сил этого фронта на Одер, сменив не позднее 15—18 апреля на участке Кольберг—Шведт 1-ю армию Войска Польского и 61-ю армию 1-го Белорусского фронта. Для окончательной ликвидации вражеской группировки в районах Данцига и Гдыни было приказано оставить там часть сил фронта К. К. Рокоссовского.

Во время обсуждения в Ставке общего плана предстоящих действий на берлинском направлении в основном были определены цели и задачи 2-го Белорусского фронта.

Так как 2-й Белорусский фронт операцию начинал на четверо суток позже, маршал К. К. Рокоссовский не был вызван в Ставку для обсуждения Берлинской операции.

Выходило, что 1-й Белорусский фронт должен был в первые, наиболее напряженные дни наступать с открытым правым флангом, без оперативно-тактического взаимодействия с войсками 2-го Белорусского фронта.

Мы серьезно учитывали не только вынужденное запоздание 2-го Белорусского фронта с началом наступления, но и те трудности, с которыми он неизбежно встретится в процессе форсирования Одера в его нижнем течении. Там река имеет два значительных русла—Ост- и Вест-Одер шириной 150—250 метров и глубиной до 10 метров. По нашим расчетам, 2-й Белорусский фронт сможет достаточно быстро форсировать оба русла реки и создать необходимый плацдарм, но не раньше как за двое-трое суток. Следовательно, его реальное воздействие на противника севернее Берлина начнет сказываться где-то 23—24 апреля, то есть тогда, когда 1-й Белорусский фронт должен будет уже штурмовать Берлин.

Конечно, было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но, как я уже говорил выше, учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, Ставка не могла откладывать операцию на более позднее время.

Времени до 16 апреля у нас оставалось мало, а мероприятий, которые надо было срочно провести, очень много. Нужно было организовать перегруппировку войск, подвезти войскам огромный запас материальных средств, осуществить большую всестороннюю оперативно-тактическую и специальную подготовку фронта для такой исключительно важной и необычной операции, как взятие Берлина.

В течение всей войны мне пришлось быть непосредственным участником многих крупных и важных наступательных операций, но предстоящая битва за Берлин была особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта нужно было прорывать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и кончая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской. Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем.

Размышляя о предстоящей операции, я не раз возвращался к величайшей битве под Москвой, когда мощные вражеские полчища, сосредоточившись на подступах к столице, наносили сильные удары по оборонявшимся советским войскам. Еще и еще раз перебирал в памяти отдельные эпизоды, анализировал ошибки и промахи сражавшихся сторон. Хотелось до деталей учесть опыт этого сложного сражения, чтобы все лучшее использовать для проведения предстоящей операции и постараться не допустить прошлых ошибок.

Берлинской операцией заканчивали свой победный путь героические советские войска, прошедшие с боями тысячекилометровые расстояния, умудренные опытом крупнейших сражений, закаленные в ожесточенных боях. Они горели желанием быстрее добить врага и закончить войну.

Вечером 1 апреля я позвонил из Москвы начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. С. Малинину и сказал ему:

— Все утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимайте меры. Вылетаю завтра.

Этих лаконичных указаний для Михаила Сергеевича было достаточно, чтобы немедленно начать проведение всех запланированных мероприятий по подготовке операции.

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Метро и широко развитые подземные сооружения давали возможность вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр. Сам город и его пригороды были тщательно подготовлены к упорной обороне. Каждая улица, площадь, переулок, дом, канал и мосты являлись составными элементами общей обороны города.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

С 5 по 7 апреля очень активно, творчески прошли совещания и командная игра на картах и макете Берлина. Участниками этой игры были командармы, начальники штабов армий, члены Военных советов армий, начальник политуправления фронта, командующие артиллерией армий и фронта, командиры всех корпусов и начальники родов войск фронта. Здесь же присутствовал и начальник тыла фронта, тщательно изучавший вопросы материального обеспечения операции. С 8 по 14 апреля в развитие фронтовой игры проводились более детальные игры и занятия в армиях, корпусах, дивизиях и частях всех родов войск.

Ввиду чрезмерно большой протяженности тыловых коммуникаций фронта, а также расхода значительных материальных запасов на Восточно-Померанскую операцию к началу Берлинской операции еще не были созданы необходимые запасы. Нужны были действительно героические усилия работников тыла фронта и армий. И они оказались на высоте положения.

Готовя операцию, все мы думали над тем, что еще предпринять, чтобы больше ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки с применением прожекторов.

Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов должны были внезапно осветить позиции противника и объекты атаки. Во время подготовки операции ее участникам была показана эффективность действия прожекторов. Все единодушно высказались за их применение.

Во время военной фронтовой игры, в процессе проигрыша прорыва тактической обороны противника на Одере, серьезному обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий.

Учитывая наличие сильной тактической обороны на Зееловских высотах, было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот.

Мы, естественно, не строили своих расчетов на том, что с прорывом тактической обороны наши танковые армии вырвутся на оперативный простор, как это имело место, например, в предыдущих Висло-Одерской, Восточно-Померанской и других операциях. В этих операциях танковые армии уходили на значительное расстояние вперед и своими действиями создавали все условия для стремительного продвижения общевойсковых армий.

В ходе Висло-Одерской операции, например, были моменты, когда 2-я гвардейская танковая армия отрывалась от общевойсковых армий на расстояние до 70 километров. Здесь же этого не предвиделось, так как расстояние до Берлина по прямой линии вообще не превышало 60—80 километров.

Поэтому имелось в виду следующее. Если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника и возникнут опасения, что наступление задержится, тогда ввести обе танковые армии для взлома

обороны. Это усилит удар общевойсковых армий и поможет завершению прорыва тактической обороны противника в районе реки Одер и Зееловских высот.

Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт, начинал наступление на четверо суток позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М. Е. Катукова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение задачи, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее.

Что же происходило в это время у противника?

Битва за Берлин планировалась немецким верховным командованием как решающая битва на Восточном фронте. Пытаясь воодушевить свои войска, Гитлер в воззвании от 14 апреля писал:

“Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...”

Оборона основных стратегических направлений на Восточном фронте осуществлялась тремя группами немецких армий. Группа армий “Висла”, оборонявшаяся по Одеру, прикрывала подступы к Берлину с северо-востока и востока. Южнее действовала центральная группа армий, оборонявшая Саксонию и подступы к промышленным районам Чехословакии с северо-востока. Южная группа армий прикрывала Австрию и юго-восточные подступы к Чехословакии.

Группа армий “Висла” первоначально готовилась нанести контрудар войскам 1-го Белорусского фронта. Однако после ее разгрома и потери померанского плацдарма оставшиеся войска отошли за Одер и приступили к усиленной подготовке обороны берлинского направления. Для усиления группы армий “Висла” немецкое командование продолжало спешно формировать новые части и соединения, преимущественно эсэсовские. Так, только в одном учебном лагере в районе Дебериц для этой группы армий за короткий срок было сформировано три дивизии.

Оборону непосредственных подступов к Берлину первоначально возглавил Гиммлер, и все руководящие посты здесь были переданы эсэсовским генералам. Этим гитлеровское командование подчеркивало особую ответственность момента. За март—апрель 1945 года на берлинское направление было переброшено с различных направлений девять дивизий.

— Для того чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу предстоящего решительного наступления русских, — показал на допросе во время Нюрнбергского процесса бывший начальник штаба оперативного руководства ставки немецкого верховного командования генерал-полковник Йодль, — нам пришлось расформировать всю резервную армию, то есть все пехотные, танковые, артиллерийские и специальные запасные части, военные училища и военно-учебные заведения и бросить их личный состав на пополнение войск{92}.

Немецкое командование разработало детальный план обороны берлинского направления. Оно надеялось на успех оборонительного сражения на реке Одер, представлявшей собой стратегическое предполье Берлина. В этих целях были осуществлены следующие мероприятия.

Прикрывавшая город 9-я армия генерала Буссе усиливалась людским составом и техникой. В ее тылу формировались новые дивизии и бригады. Укомплектованность соединений первой линии доводилась почти до штатной численности. Особое внимание уделялось сосредоточению и использованию в обороне танков и штурмовой артиллерии.

От Одера до Берлина создавалась сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по нескольку линий окопов. Главная оборонительная полоса имела до пяти сплошных линий траншей. Противник использовал ряд естественных рубежей: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты были приспособлены к круговой обороне.

В районе северо-восточнее Берлина формировалась армейская группа Штейнера, которая должна была нанести удар во фланг войскам 1-го Белорусского фронта. Сюда же перебрасывались отборные части морской пехоты.

Кроме того, проводились “специальные мероприятия” по обороне Берлина. Город делился по окружности на восемь секторов обороны. Кроме них имелся еще особый, девятый сектор, охватывавший центр Берлина, где находились правительственные здания, имперская канцелярия и рейхстаг.

На непосредственных подступах к городу создавались три рубежа обороны: внешняя заградительная зона, внешний оборонительный обвод и внутренний оборонительный обвод. Для этих рубежей использовались населенные пункты, естественные рубежи, а также искусственные сооружения. На улицах города строились тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, возводились бетонированные сооружения. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы.

Был создан штаб обороны Берлина, который предупредил население, что необходимо готовиться к ожесточенным уличным боям, к боям в домах, что борьба будет вестись на земле, в воздухе и под землей. Рекомендовалось использовать метро, подземную канализационную сеть, средства связи. В специальном приказе штаба обороны

предлагалось жилые кварталы превратить в крепости. Каждая улица, площадь, каждый переулок, дом, канал, мост становились составными элементами общей обороны города. Созданные для ведения уличных боев двести батальонов фольксштурма проходили специальное обучение.

Для усиления артиллерийской обороны подступов к Берлину и самого города привлекались все силы зенитной артиллерии. Свыше шестисот зенитных орудий крупного и среднего калибра были поставлены на противотанковую и противопехотную оборону города. Кроме того, в качестве огневых точек использовались даже танки, находившиеся на ремонте, но имевшие исправное артиллерийское вооружение. Их закапывали на перекрестках улиц, у железнодорожных мостов. Из членов союза фашистской молодежи “Гитлерюгенд” были сформированы танкоистребительные отряды. Их вооружали фаустпатронами.

На оборонные работы в Берлине было привлечено свыше четырехсот тысяч человек. В городе сосредоточились отборные полицейские и эсэсовские части. Для обороны особого сектора были стянуты многие эсэсовские полки и отдельные батальоны, располагавшиеся в ближайших районах. Возглавил эти эсэсовские войска начальник личной охраны Гитлера Монке.

Немецко-фашистское командование рассчитывало, что ему удастся заставить нас последовательно прогрызать рубеж за рубежом, затянуть сражение до предела, обессилить наши войска и остановить их на ближайших подступах. Они полагали поступить с нашими войсками так же, как советские войска поступили с немецкими на подступах к Москве. Но этим расчетам не суждено было сбыться.

События, предшествовавшие Берлинской операции, развивались так, что скрыть от противника наши намерения было очень трудно. Для всякого, даже не посвященного в военное искусство человека, было ясно, что ключ к Берлину лежит на Одере и вслед за прорывом на этой реке немедленно последует удар непосредственно по Берлину. Немцы ожидали этого.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе генерал Йодль показал:

— Для генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии, оборонявшая Берлин, была введена на передний край. Срочно формировавшиеся резервы предполагалось сосредоточить севернее Берлина, чтобы впоследствии нанести контрудар во фланг войскам маршала Жукова.

Готовя наступление, мы полностью отдавали себе отчет в том, что немцы ожидают наш удар на Берлин. Поэтому командование фронта во всех деталях продумало, как организовать этот удар наиболее внезапно для противника.

Мы решили навалиться на оборонявшиеся войска противника с такой силой, чтобы сразу ошеломить и потрясти их до основания, обрушив на них авиацию, танки, артиллерию и другие виды оружия. Но чтобы суметь в короткий срок скрытно сосредоточить в районе боевых действий всю эту многочисленную технику и средства, требовалась титаническая и, надо сказать, мастерская работа.

Через всю Польшу двигалось множество эшелонов с артиллерийскими, минометными, танковыми частями. На вид это были совсем не военные эшелоны, на платформах перевозили лес и сено... Но как только эшелон прибывал на станцию разгрузки, маскировка быстро убиралась, с платформы сходили танки, орудия, тягачи и тут же отправлялись в укрытия. Пустые эшелоны возвращались на восток, а вместо них появлялись все новые и новые с боевой техникой. Так на пополнение фронта прибыло большое количество тяжелых орудий, минометов, артиллерийских тягачей и других материальных средств.

29 марта, когда отгремели последние выстрелы в Померании, артиллерия и танки, соблюдая строжайшую маскировку, потянулись на юг. Все леса и рощи по восточному берегу Одера были забиты войсками. На берлинском направлении сосредоточивались десятки тысяч орудий и минометов разных калибров. Для каждого орудия надо было оборудовать огневую позицию, вырыть землянку для расчета, ровики для снарядов.

Днем на плацдарме обычно было пустынно, а ночью он оживал. Тысячи солдат с лопатами, ломами, кирками бесшумно рыли землю. Работа усложнялась близостью подпочвенных весенних вод и начавшейся распутицей. Свыше миллиона восьмисот тысяч кубометров земли было выброшено в ночное время. А наутро никаких следов этой колоссальной работы нельзя было заметить. Все тщательно маскировалось.

По многочисленным дорогам и вне дорог ночью тянулись огромные колонны танков, артиллерии, машин с боеприпасами, горючим и продовольствием. Одних артиллерийских выстрелов к началу операции требовалось сосредоточить 7147000. Чтобы обеспечить успех наступательных действий наших войск, нельзя было допустить никаких перебоев в снабжении. Характер операции требовал безостановочного продвижения боеприпасов с фронтовых складов к войскам, минуя промежуточные звенья: армейские и дивизионные склады.

Железнодорожное полотно было перешито на русскую колею, и боеприпасы подвозились почти до самого Одера. Чтобы представить себе масштаб всех этих перевозок, достаточно сказать, что, если бы выстроить по прямой поезда с грузами, отправленными для этой операции, они растянулись бы более чем на 1200 километров.

У нас была полная уверенность в том, что войска не будут испытывать недостатка в боеприпасах, горючем и продовольствии. И действительно, снабжение было организовано так, что, когда мы начинали штурм самого Берлина, боеприпасов оказалось почти столько же, сколько их было при выходе с плацдарма на Одере. За время наступления от Одера до Берлина они все время равномерно пополнялись.

В целом проведенная работа по подготовке Берлинской операции была невиданной по своему размаху и напряжению. На сравнительно узком участке 1-го Белорусского фронта за короткое время было сосредоточено 77 стрелковых дивизий, 3155 танков и самоходных орудий, 14628 орудий и минометов и 1531 установка реактивной артиллерии. Мы были уверены в том, что с этими средствами и силами наши войска разгромят противника в самый короткий срок.

Вся эта масса боевой техники, людей и материальных средств была переправлена через Одер. Потребовалось построить большое количество мостов и переправ, которые обеспечили бы не только переброску войск, но и дальнейшее их питание. Ширина Одера

местами доходила до 380 метров, преобладающая глубина до 3-х метров. Начался весенний ледоход. Инженерно-строительные работы протекали в непосредственной близости от линии фронта под систематическим обстрелом артиллерии и минометов противника, при налетах его авиации. Однако к началу выхода соединений в исходные районы через Одер были построены 25 мостов и 40 паромных переправ. Район переправ прикрывался многослойным огнем зенитных орудий и патрулированием многих десятков истребителей.

Начиная с первых чисел февраля противник на Одере действовал все время активно. В течение марта и первой половины апреля ни на один день не прекращалась напряженная борьба за наши плацдармы в районе Кюстрина. Помимо массированных ударов бомбардировочной авиации, для уничтожения мостов и паромных переправ вражеские войска применяли самолеты-снаряды и плавучие мины, но мосты продолжали существовать. Разрушения быстро восстанавливались. Тысячи километров телефонных проводов, зарытых в землю и подвешенных на шесты, были готовы к работе.

На участке главного удара войск фронта артиллерийская плотность создавалась до 270 орудий калибром от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

Одновременно с оперативно-тактической и материальной подготовкой операции Военными советами, политорганами и партийными организациями проводилась большая партийно-политическая работа по подготовке завершающей Берлинской операции.

В эти дни мы отмечали 75-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Вся воспитательная работа с войсками была одухотворена именем вождя революции. Партийное сознание бойцов и офицеров в этот исторический период завершения войны было чрезвычайно высоко. Увеличилось количество вступающих в ряды Коммунистической партии. Мне довелось в середине апреля присутствовать на одном из партийных собраний в 416-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии.

Все выступавшие говорили о том, что каждый коммунист в предстоящей операции, особенно при штурме Берлина, должен личным примером увлекать за собой бойцов. С большим подъемом выступали не только коммунисты, но и беспартийные солдаты, заверившие партию в своей готовности быстрее покончить с фашизмом.

Должен сказать доброе слово о члене Военного совета фронта генерал-лейтенанте Константине Федоровиче Телегине, который с большой творческой энергией направлял через политуправление фронта всю партийно-политическую работу в войсках. Он сумел лично побывать во многих частях и подразделениях, призывая бойцов и командиров к боевому подвигу во имя нашей Родины.

Одновременно велась большая разъяснительная работа о лояльном отношении к мирному населению Германии, которое было жестоко обмануто гитлеровцами и теперь испытывало на себе все тяготы войны. Благодаря своевременным указаниям ЦК нашей партии и широкой разъяснительной работе нам удалось избежать нежелательных явлений, которые могли быть проявлены со стороны бойцов, семьи которых так сильно пострадали от зверств и насилия гитлеровцев.

Как я уже говорил, разгром берлинской группировки и взятие Берлина должны были осуществляться 1-м Белорусским фронтом при содействии 1-го Украинского фронта.

Между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами предусматривалось постоянное оперативное и тактическое взаимодействие, которое координировалось и корректировалось Ставкой.

Как уже было сказано, главный удар войска 1-го Белорусского фронта наносили с кюстринского плацдарма. Армии правого крыла фронта (61-я, 1-я армия Войска Польского, 47-я армия, 9-й танковый и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса) имели задачу наступать в обход Берлина с севера. С выходом в район Берлина большая часть этих сил должна была быстро выйти на Эльбу.

В ходе операции Ставка уточнила взаимодействие группы войск правого крыла 1-го Белорусского фронта с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта, выходившей в район Потсдам— Ратенов—Бранденбург, с тем чтобы замкнуть оперативное окружение всей берлинской группировки противника.

Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии противника после прорыва 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одере и Нейсе, при планировании операции нами было решено нанести вспомогательный удар силами 69-й и 33-й армий из района Франкфурт-на-Одере (южнее железной дороги Франкфурт-Берлин) в общем направлении на Бонсдорф.

Ставка приказала командующему 1-м Украинским фронтом нанести удар частью сил правого крыла фронта из района Котбус на Вендиш—Буххольц, с тем чтобы отсечь от Берлина войска 9-й армии и совместно с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта разгромить их.

Ударами 69, 33, 3-й армий 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской, 13-й, частью сил 3-й гвардейской танковой и 28-й армий 1-го Украинского фронта вся двухсоттысячная юго-восточная группировка немецких войск 9-й армии генерала Буссе была отсечена от Берлина и вскоре разгромлена.

Следует подчеркнуть значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе.

Теперь я хотел бы в какой-то степени последовательно напомнить, как проходила историческая Берлинская операция.

За два дня до начала нашего наступления была проведена разведка по всему фронту. 32 разведывательных отряда силой до усиленного стрелкового батальона в течение двух суток 14 и 15 апреля боем уточняли огневую систему обороны противника, его группировки, определяли сильные и наиболее уязвимые места оборонительной полосы.

Эта силовая разведка имела и другую цель. Нам было выгодно заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы при артподготовке наступления 16 апреля накрыть их огнем всей артиллерии и минометов фронта. Разведка 14 и 15 апреля сопровождалась мощным артиллерийским огнем.

Противник принял эту разведку за начало нашего наступления. Достаточно сказать, что в результате действий наших разведывательных отрядов некоторые немецкие части были

выбиты из первых позиций, а в отражении наступления разведывательных частей участвовала почти вся немецкая артиллерия.

Произошло то, к чему мы стремились. Противник стал поспешно подтягивать на вторую позицию свои резервы. Однако наши войска прекратили продвижение вперед и закрепились на достигнутых рубежах. Это озадачило командование противника. Как потом выяснилось, кое-кто из немецких командующих посчитал наше наступление неудавшимся.

За годы войны враг привык к тому, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали обычно с утра, так как атака пехоты и танков лимитируется дневным светом. Поэтому он не ожидал ночной атаки. Этим мы и решили воспользоваться, осветив объекты атаки зенитными прожекторами.

Глубокой ночью, за несколько часов до начала артиллерийской и авиационной подготовки, я отправился на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала В. И.Чуйкова.

По дороге мне удалось встретиться со многими командирами общевойсковых и танковых соединений и командующим 1-й гвардейской танковой армией генералом М. Е. Катуковым и его начальником штаба генералом М. А. Шалиным. Все они бодрствовали и еще раз проверяли детали боевой готовности вверенных им войск.

Меня обрадовала предусмотрительность генералов М. Е. Катукова и М. А. Шалина. Оказывается, они еще накануне утром послали своих командиров соединений, назначенных к действию в первом эшелоне танковой армии, на наблюдательные пункты командиров корпусов 8-й гвардейской армии, чтобы согласовать подробности взаимодействия и условия ввода в прорыв.

От командующего 1-й гвардейской танковой армией я позвонил в штаб 2-й гвардейской танковой армии С. И. Богданову. В штабе его не оказалось, он был у командарма В. И. Кузнецова. К телефону подошел начальник штаба 2-й гвардейской танковой армии генерал А. И. Радзиевский. На мой вопрос, где командиры соединений, назначенные для действий в передовых эшелонах, А. И. Радзиевский ответил:

— Впереди, в “хозяйствах” Василия Ивановича Кузнецова в связи с предстоящей работой.

Можно было только радоваться за наших командиров-танкистов, так выросших за годы войны в оперативно-тактическом отношении. Невольно вспомнились первые месяцы войны, когда наши командные кадры из-за недостаточной подготовленности нередко оказывались в тяжелой обстановке и зачастую не находили выхода из нее. А сейчас? Да, с такими опытными кадрами любую задачу можно решить.

С таким настроением прибыл я вместе с членом Военного совета К. Ф. Телегиным и командующим артиллерией фронта В. И. Казаковым на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова. Здесь уже находились член Военного совета армии А. М. Пронин, начальник штаба армии Белявский, командующий артиллерией Пожарский и другие армейские генералы и старшие офицеры.

Было 3 часа ночи по московскому времени. Во всех частях шла последняя проверка боевой готовности к началу действий. Все происходило деловито, спокойно и в то же время без излишней самоуверенности и недооценки противника. Чувствовалось, что армия готовится драться по-настоящему, как и полагается сражаться с сильным и опытным врагом.

Член Военного совета А. М. Пронин рассказал о большом подъеме в войсках и их желании скорее прорваться к Берлину.

Через полтора часа была полностью закончена проверка. Артподготовку назначили на пять часов утра по московскому времени. Часовые стрелки как никогда медленно двигались по кругу. Чтобы заполнить как-то оставшиеся минуты, мы решили выпить горячего крепкого чаю, который тут же, в землянке, приготовила нам девушка. Помнится, ее почему-то звали нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями.

Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте, который с особым старанием был подготовлен начальником инженерных войск 8-й армии.

Отсюда днем просматривалась вся приодерская местность. Сейчас здесь стоял предутренний туман. Я взглянул на часы: было ровно пять утра.

И тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных “катюш” ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника в первые секунды протрещало несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Казалось, на стороне врага не осталось живого существа. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню равного ощущения. Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед, их атака сопровождалась двойным мощным огневым валом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй позиции.

Противник, имевший в районе Берлина большое количество самолетов, не смог ночью эффективно использовать свою авиацию, а утром наши атакующие эшелоны находились так близко от войск противника, что их летчики не в состоянии были бомбить наши передовые части, не рискуя ударить по своим.

Гитлеровские войска были буквально подавлены морем огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить, но это никого не смущало.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. Другие бомбардировщики взаимодействовали с войсками утром и днем. В течение первых суток сражения было проведено свыше 6550 самолето-вылетов.

На первый день было запланировано только для одной артиллерии миллион сто девяносто семь тысяч выстрелов, фактически было произведено миллион двести тридцать шесть тысяч выстрелов. 2450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага. Оборона противника уничтожалась и подавлялась на глубину до 8 километров, а отдельные узлы сопротивления — на глубину до 10—12 километров.

Вот как рассказал впоследствии об этом дне командир 56-го танкового корпуса немецкий генерал артиллерии Вейдлинг на допросе в штабе фронта:

— 16 апреля в первые же часы наступления русские прорвались на правом фланге 101-го армейского корпуса на участке дивизии “Берлин”, создав этим самым угрозу для левого фланга 56-го танкового корпуса. Во второй половине дня русские танки прорвались на участке 303-й пехотной дивизии, входившей в состав 11-го танкового корпуса СС, и создали угрозу нанесения ударов с фланга по частям дивизии “Мюнхеберг”. Одновременно русские оказывали сильное давление с фронта на участке моего корпуса. В ночь на 17 апреля части моего корпуса, неся большие потери, были вынуждены отойти на высоты восточнее Зеелов...

Утром 16 апреля на всех участках фронта советские войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появились группы бомбардировщиков. И чем дальше продвигались наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

Зееловские высоты господствовали над окружающей местностью, имели крутые скаты и являлись во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стояли они перед нашими войсками, закрыв собой плато, на котором должно было развернуться сражение на ближних подступах к Берлину.

Именно здесь, у подножия этих высот, немцы рассчитывали остановить наши войска. Здесь они сосредоточили наибольшее количество сил и средств.

Зееловские высоты ограничивали не только действия наших танков, но являлись и серьезным препятствием для артиллерии. Они закрывали глубину обороны противника, делали невозможным наблюдение ее с земли с нашей стороны. Артиллеристам приходилось преодолевать эти трудности усилением огня и зачастую стрелять по площадям.

Для противника удержание этого важнейшего рубежа имело еще и моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин! Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала решающее

значение и непреодолимость Зееловских высот, называя их то “замком Берлина”, то “непреодолимой крепостью”.

К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять.

Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова. В 14 часов 30 минут я уже видел со своего наблюдательного пункта движение первых эшелонов 1-й гвардейской танковой армии.

В 15 часов я позвонил в Ставку и доложил, что первая и вторая позиции обороны противника нами прорваны, войска фронта продвинулись вперед до шести километров, но встретили серьезное сопротивление у рубежа Зееловских высот, где, видимо, в основном уцелела оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий я ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника.

И. В. Сталин внимательно выслушал и сказал:

— Выходит, вы недооценили врага на берлинском направлении. Я считал, что вы уже на подходе к Берлину, а вы все еще на Зееловских высотах. У Конева дела начались успешнее. Не изменить ли границы между фронтами и не повернуть ли главные силы Конева и Рокоссовского на Берлин.

— У Конева оборона противника оказалась слабой, — продолжал И. В. Сталин. — Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед без особого сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела.

Вечером я вновь доложил Верховному о затруднениях на подступах к Зееловским высотам и сказал, что раньше завтрашнего дня этот рубеж взять не удастся.

На этот раз И. В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем.

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка, — сказал он резко и добавил:

— Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что, чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмем затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укрепленном городе.

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера, — сказал И. В. Сталин.

Я ответил:

— Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера.

— До свидания, — довольно сухо сказал И. В. Сталин и вместо ответа положил трубку.

Настроение у меня было неважным. Но я знал И. В. Сталина: даже когда не ладились мелочи, он очень раздражался.

Вскоре начальник штаба фронта М. С. Малинин сказал мне, что получена директива Ставки 1-му Украинскому и 2-му Белорусскому фронтам. В ней значилось: И. С. Коневу — наступать 3-й гвардейской танковой армией через Цоссен на Берлин с юга, 4-й гвардейской танковой армии выйти в район Потсдама, а К. К. Рокоссовскому ускорить форсирование Одера и частью сил наступать в обход Берлина с севера.

Чтобы не расстраивать начштаба фронта, а он, надо сказать, был весьма чувствителен к подобным явлениям со стороны высших инстанций, я сказал, что мне это все было известно еще вчера из разговора с И. В. Сталиным.

С раннего утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения. Враг отчаянно сопротивлялся. Однако к вечеру, не выдержав удара танковых армий, введенных накануне, которые во взаимодействии с общевойсковыми армиями пробили на ряде участков оборону на Зееловских высотах, противник начал отступать. Утром 18 апреля Зееловские высоты были взяты.

Прорвав оборону зееловского рубежа, мы получили возможность ввести в сражение все танковые соединения уже на широком фронте.

Однако и 18 апреля противник все еще пытался остановить продвижение наших войск, бросая навстречу им все свои наличные резервы и даже части, снятые с обороны Берлина. Только 19 апреля, понеся большие потери, немцы не выдержали мощного напора наших танковых и общевойсковых армий и стали отходить на внешний обвод Берлинского района обороны. За эти три дня И. В. Сталин мне не звонил. Не звонил и я ему.

Несколькими днями позже М. С. Малинин доложил мне, что получено указание Ставки об отмене директивы К. К. Рокоссовскому, предписывавшей 2-му Белорусскому фронту наступать в обход Берлина с севера.

Есть такая пословица: “Поспешишь — людей насмешишь”. Так получилось и с этой директивой Ставки.

Было ясно, что войска 2-го Белорусского фронта, форсируя сложнейшую водную систему на Одере и, преодолевая там оборону немцев, не смогут раньше 23 апреля двинуться

всеми силами в наступление. Как же можно было в этих условиях ставить задачу К. К. Рокоссовскому не позже 22-го числа развивать наступление в обход Берлина с севера?

Как показал действительный ход событий, развивать наступление главными силами 2-й Белорусский фронт мог не раньше 24 апреля, тогда, когда в Берлине уже шли уличные бои, а правофланговая группировка войск 1-го Белорусского фронта к этому времени уже обошла город с севера и северо-запада.

В ходе сражений 16 и 17 апреля, да и потом я еще и еще раз возвращался к анализу построения операции войск фронта, с тем чтобы убедиться, нет ли в наших решениях ошибок, которые могут привести к срыву операции.

Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник мог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя. Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями и командующий артиллерией фронта В. И. Казаков, которому следовало бы при планировании артиллерийского наступления предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой все стало ясно, куда легче рассуждать, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И все же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде—центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта нанесла бы удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада, 1-й Украинский фронт нанес бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и инженерными частями.

При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей.

Что касается наступления 2-го Белорусского фронта, его можно было бы организовать несколько проще.

Как известно, 2-й Белорусский фронт не только не имел фактической возможности раньше 20 апреля начать наступление, но и начал его в крайне сложных и трудных условиях форсирования двух широких и глубоководных русл реки Одер.

Можно было оставить на участке Штеттин—Шведт небольшое прикрытие, главные силы фронта сосредоточить южнее Шведта и примкнуть их к правому крылу 1-го Белорусского фронта, а может быть, даже развернуть действия из-за его фланга (форсировавшего Одер), нанося удар в северо-западном направлении, отрезав штеттин-шведтскую группу противника.

По ряду причин, и в первую очередь субъективного порядка, при рассмотрении и утверждении плана в Ставке эти варианты не фигурировали. Верховное Главнокомандование проводило в жизнь вариант удара широким фронтом. Для Ставки он был несколько проще, но с точки зрения оперативно-стратегического искусства недостаточно оригинален, а следовательно, менее эффективен.

Но вернемся к событиям тех дней.

В первые дни сражений танковые армии 1-го Белорусского фронта не имели никакой возможности вырваться вперед. Им пришлось драться в тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями. Несколько успешнее действовала 2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова совместно с 3-й и 5-й ударными армиями. К тому же на ее направлении после 18 апреля сопротивление противника было несколько слабее.

Наступление 1-го Украинского фронта с первого же дня развивалось более быстрыми темпами. Как и ожидалось, на направлении его удара оборона противника была слабая, что и позволило с утра 17 апреля ввести там в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20—25 километров, форсировали реку Шпрее и с утра 19 апреля начали продвигаться на Цоссен и Луккенвальде.

Однако при подходе войск И. С. Конева к району Цоссена сопротивление со стороны противника усилилось, темп продвижения частей 1-го Украинского фронта замедлился. К тому же и характер местности затруднял танковой армии П. С. Рыбалко действия развернутым боевым порядком. По этому поводу командующий фронтом И. С. Конев передал генералу П. С. Рыбалко следующую радиограмму:

“Тов. Рыбалко. Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут—Луккенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком... Исполнение донести. Конев. 20.4.45 г.”{93}

20 апреля в 13 часов 50 минут, на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, которой командовал

генерал-полковник В. И. Кузнецов, открыла огонь по Берлину. Начался исторический штурм столицы фашистской Германии. В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий ворвались на окраины Берлина и завязали там бои. 61-я армия, 1-я армия Войска Польского и другие соединения 1-го Белорусского фронта быстро двигались, обойдя Берлин, на Эльбу, где предполагалась встреча с войсками союзников.

Большую партийно-политическую работу по обеспечению высокого наступательного духа воинов проводили политотделы наступающих войск — 47-й армии (начальник политотдела полковник М. Х. Калашник), 61-й армии (начальник политотдела генерал-майор А. Г. Котиков), 2-й гвардейской танковой армии (начальник политотдела полковник М. М. Литвяк), 3-й ударной армии (начальник политотдела полковник Ф.Я.Лисицын), 5-й ударной армии (начальник политотдела генерал-майор Е. Е. Кощеев).

Военный совет фронта обратился к войскам со следующим воззванием:

“Бойцам, сержантам, офицерам и генералам 1-го Белорусского фронта.

Дорогие товарищи!

Настал решающий час боев. Перед вами Берлин, столица германского фашистского государства, а за Берлином — встреча с войсками наших союзников и полная победа над врагом. Обреченные на гибель остатки немецких частей еще продолжают сопротивляться. Немецкое командование выскребает свои последние остатки фольксштурмовских резервов, не щадит ни стариков, ни 15-летних детей и пытается сдержать наше наступление, чтобы оттянуть на час свою гибель.

Товарищи офицеры, сержанты и красноармейцы! Ваши части покрыли себя неувядаемой славой. Для вас не было препятствий ни у стен Сталинграда, ни в степях Украины, ни в лесах и болотах Белоруссии. Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы сейчас преодолели на подступах к Берлину.

Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин, и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться. Обрушим же на врага всю мощь нашей боевой техники, мобилизуем всю нашу волю к победе, весь разум. Не посрамим своей солдатской чести, чести своего боевого знамени.

На штурм Берлина — к полной и окончательной победе, боевые товарищи! Дерзостью и смелостью, дружной согласованностью всех родов войск, хорошей взаимной поддержкой сметать все препятствия и рваться вперед, только вперед, к центру города, к его южным и западным окраинам — навстречу двигающимся с запада союзным войскам. Вперед к победе!

Военный совет фронта верит, что славные воины 1-го Белорусского фронта с честью выполнят возложенную на них задачу, сметут с лица земли последние препятствия и с новой победой и славой водрузят свое боевое знамя над Берлином.

Вперед на штурм Берлина!

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта

генерал-лейтенант К. Телегин”.

Чтобы всемерно ускорить разгром обороны противника в самом Берлине, было решено 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии бросить вместе с 8-й гвардейской, 5-й ударной, 3-й ударной и 47-й армиями в бой за город. Мощным огнем артиллерии, ударами авиации и танковой лавиной они должны были быстро подавить вражескую оборону в Берлине.

Следует отметить важное обстоятельство: пространственного размаха, соответствующего маневренным возможностям танковых войск, тогда уже не было.

23—24 апреля войска 1-го Белорусского фронта громили гитлеровцев на подступах к центру Берлина. В южной части города завязали бой части 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетцина с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Таким образом, берлинская группировка врага общей численностью более 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Введенная в дело из резерва фронта 3-я армия генерала А. В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер—Шпрее и используя успех 1-й гвардейской танковой армии, быстро вышла в район Кёнигсвустер-хаузен. Отсюда, резко повернув на юг и юго-восток, она нанесла удар на Тойпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла войск 1-го Украинского фронта, наступавшими в северо-западном направлении. Плотно замкнулось кольцо окружения вокруг вражеской группировки юго-восточнее Берлина районе Вендиш—Буххольц.

Успешно развивались бои и в самом Берлине. Когда войска фронта ворвались в столицу Германии, оборона города в некоторых районах уже ослабла, так как часть войск берлинского гарнизона была снята немецким командованием для усиления обороны на Зееловских высотах. Поэтому на некоторых окраинах города противник не мог оказывать упорного сопротивления. Наши части быстро нащупывали эти районы и, маневрируя, обходили главные очаги сопротивления.

Но с подходом к центральной части города сопротивление резко усилилось. Ожесточение борьбы нарастало с обеих сторон. Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества,' которые давали им перед наступающей стороной бои в своем городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим

путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск.

Река Шпрее в самом городе с ее высокими цементированными берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания в центре города. Каждый дом здесь был превращен в опорный пункт и защищался гарнизоном, нередко силой до батальона.

Наше наступление не прекращалось ни днем ни ночью. Все усилия были направлены на то, чтобы не дать возможности противнику организовать оборону в новых опорных пунктах. Боевые порядки армий были эшелонированы в глубину. Днем наступали первым эшелоном, ночью — вторым.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами, районами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления в самом городе.

Каждой армии, штурмовавшей Берлин, заранее были определены полосы наступления. Частям и подразделениям давались конкретные объекты — районы, улицы, площади. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города.

Главную тяжесть боев в центральной части Берлина приняли на себя штурмовые группы и штурмовые отряды, составленные из всех родов войск.

Задача уличных боев в Берлине заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать свои силы в кулак, расколоть гарнизон на отдельные очаги и в быстром темпе уничтожить их.

Для ее решения к началу операции были созданы необходимые предпосылки. Во-первых, наши войска на подступах к городу перемололи значительную часть живой силы и техники противника. Во-вторых, быстро окружив Берлин, мы лишили немцев возможности маневрировать резервами. В-третьих, и сами резервы немцев, стянутые к Берлину, были быстро разгромлены.

Все это позволило нам, несмотря на многочисленные препятствия, сократить до минимума уличные бои и облегчить войскам условия уничтожения вражеской обороны внутри города.

Каждая атака пехоты и танков сопровождалась массированными ударами артиллерии и авиации, которые наносились на всех участках фронта. 11 тысяч орудий разного калибра через определенные промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано миллион восемьсот тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла.

На третий день боев в Берлине по специально расширенной колее к Силезскому вокзалу были поданы крепостные орудия, открывшие огонь по центру города. Вес каждого снаряда составлял полтонны.

Оборона Берлина разлеталась в пух и прах.

— К 22 апреля, — показал Кейтель на допросе, — стало ясно, что Берлин падет, если не будут сняты все войска с Эльбы для переброски против наступающих русских. После совместного совещания Гитлера и Геббельса со мной и Йодлем было решено: 12-я армия оставляет против американцев слабые арьергарды и наступает против русских войск, окруживших Берлин.

Йодль показал:

— 22 апреля Геббельс спросил меня: можно ли военным путем предотвратить падение Берлина. Я ответил, что это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска и бросим их на защиту Берлина. По совету Геббельса я доложил свои соображения фюреру, он согласился и дал указание Кейтелю и мне вместе со штабом находиться вне Берлина и лично руководить контрнаступлением.

Командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг на допросе показал:

— 25 апреля Гитлер заявил мне: “Положение должно улучшиться (!). 9-я армия подойдет к Берлину и нанесет удар по противнику вместе с 12-й армией. Этот удар последует по южному фронту русских. С севера подойдут войска Штейнера и нанесут удар по северному крылу”.

Все эти планы были фантазией Гитлера и его окружения, уже потерявших способность мыслить реально. В ночь на 23 апреля Кейтель выехал из Берлина в штаб 12-й армии, имея задачу соединить ее с 9-й армией. На следующий день он просто не смог вернуться в город. Советские войска громили обе эти армии.

Ежедневно за подписью Гитлера передавались истерические радиотелеграммы подобного содержания: “Где 12-я армия?”; “Почему Венк не наступает?”; “Где Шернер?”; “Немедленно наступать!”; “Когда вы начнете наступать?”...

В связи с тем, что действия войск 5-й ударной армии под командованием генерал-полковника Н. Э. Берзарина почти не освещены в нашей печати, я хочу рассказать о некоторых ее героических действиях. Одни я наблюдал лично, о других был информирован командованием армии и командирами соединений.

Учитывая особую важность боевой задачи этой армии — овладение районом правительственных кварталов, расположенных в центре города, в том числе имперской канцелярией, где находилась ставка Гитлера и где он укрывался сам со своими соратниками, мы усилили ее, кроме ранее приданных средств, 11-м танковым корпусом генерала И. И. Ющука.

Наиболее сложной задачей на первом этапе был штурм сильно укрепленного Силезского вокзала и форсирование реки Шпрее с ее высокими бетонными берегами.

Первыми ворвались в Берлин с востока войска, входившие в состав 26-го гвардейского корпуса генерала П. А. Фирсова и 32-го корпуса генерала Д. С. Жеребина:

— 94-я гвардейская дивизия (командир генерал И. Г. Гаспарян, начальник политотдела полковник С. В. Кузовков, начальник штаба подполковник Б. И. Баранов);

— 89-я гвардейская дивизия (командир генерал М. П. Серюгин, начальник политогдела полковник П. Х. Гордиенко, начальник штаба полковник А.Ф.Кабанов);

— 266-я дивизия (командир полковник С. М. Фомиченко, начальник политотдела полковник В. И. Логинов, начальник штаба подполковник К. Е. Киреев);

— 60-я гвардейская дивизия (командир генерал В. П. Соколов, начальник политотдела полковник И. Н. Артамонов, начальник штаба полковник Ю. С. Иванов);

— 416-я дивизия (командир генерал Д. М. Сызранов, начальник политотдела полковник Р. А. Меджидов, начальник штаба подполковник П. П. Пашкин);

— 295-я дивизия (командир генерал А. П. Дорофеев, начальник политотдела полковник Г. Т. Луконин, начальник штаба подполковник В. П.Литвинов).

Почти четыре года ждали этого исторического момента наши героические воины, прошедшие долгий путь от Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Северного Кавказа, Курской дуги, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других районов страны. И вот этот час, час окончательной расплаты с фашизмом, наступил. Трудно передать словами охватившее всех советских воинов волнение.

Вот что вспоминает командир орудия 6-й батареи 832-го артполка 266-й стрелковой дивизии старший сержант Николай Васильев:

— Уже под вечер наша батарея вышла на высоты, и мы увидели огромный город. Чувство радости и ликования охватило нас: это был последний вражеский рубеж, и час расплаты настал!.. Мы даже не заметили, как подъехала машина и из нее вышел наш командующий генерал Берзарин. Поприветствовав нас, он приказал нашему командиру: “По фашистам в Берлине — огонь!” Наверное, мы никогда так стремительно и слаженно не действовали, ведя огонь. Адъютант командарма подошел ко мне и записал мою фамилию и номер гаубицы. После войны моя гаубица № 2586 была отправлена в Москву в Музей Советской Армии.

На снарядах батареи санинструктор Маланья Юрченко написала: “За Сталинград, за Донбасс, за Украину, за сирот и вдов. За слезы матерей!”

При штурме восточной части Берлина в боях особенно отличились 286-й гвардейский стрелковый полк 94-й гвардейской дивизии (командир подполковник А. Н. Кравченко) и 283-й гвардейский стрелковый полк той же дивизии под командованием подполковника А. А. Игнатьева.

Бойцы рвались вперед, проявляя массовый героизм. Убедившись, что лобовой атакой трудно захватить сильно укрепленный угловой дом, мешавший продвижению полка, парторг роты 283-го гвардейского полка Алексей Кузнецов с группой бойцов скрытными путями обошел этот дом и ударил по фашистам с тыла. Опорный пункт врага был захвачен.

Беспримерную отвагу проявил старший лейтенант И. П. Украинцев из 283-го гвардейского полка. При атаке одного из домов бой перешел в рукопашную схватку. Он бросился на врагов. Девять фашистов заколол отважный офицер. Следуя его примеру, гвардии

сержант Степан Гробазай со своим отделением истребил несколько десятков гитлеровцев.

В этих боях пал героической смертью замечательный вожак комсомольцев 94-й гвардейской дивизии, помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе капитан Николай Горшелев. Личным боевым примером он воодушевлял солдат, всегда находясь там, где решался успех боя. Его уважали и любили воины дивизии за отвагу и душевную заботу о солдатах и офицерах.

23 апреля наибольшего успеха в штурме Берлина добился 9-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора И. П. Рослого. Воины этого корпуса решительным штурмом овладели Карлсхорстом, частью Копеника и, выйдя к Шпрее, с ходу форсировали ее.

Здесь, как мне рассказывали, в боях особенно отличился штурмовой отряд во главе с заместителем командира дивизии подполковником Ф. У. Галкиным. После захвата Карлсхорста отряд при наступлении на Трептов-парк с ходу захватил крупнейшую электростанцию Берлина — Румельсбург, которую гитлеровцы подготовили к взрыву. Когда отряд Ф. У. Галкина ворвался на электростанцию, она была на полном ходу. Станцию немедленно разминировали. С оставшимися рабочими был установлен полный контакт. Они взяли на себя обязательство по техническому обслуживанию электростанции.

За организованность, мужество и героизм, проявленные при захвате электростанции Румельсбург, стремительное форсирование реки Шпрее, за овладение рядом объектов подполковнику Ф. У. Галкину, подполковнику А. М. Ожогину и подполковнику А. И. Левину было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании реки Шпрее смело действовала 1-я бригада речных кораблей Днепровской военной флотилии, особенно отряд полуглиссеров этой бригады во главе с командиром лейтенантом М. М. Калининым. Несмотря на сильный огонь противника, старшина 1-й статьи Георгий Дудник на своем катере перебросил на вражеский берег несколько стрелковых рот 301-й стрелковой дивизии.

Во время переправы от прямого попадания вражеской мины на катере возник пожар. Старшина Георгий Дудник был тяжело ранен. Невзирая на ранение и ожоги, он довел катер до берега, высадил десант, потушил на катере пожар и отправился обратно на свой берег. Но он не достиг его и погиб от минометного огня...

Моторист другого катера А. Е. Самохвалов во время переправы наших частей проявил исключительную смелость и находчивость. Под огнем противника он устранял повреждения на катере, а когда от неприятельского огня погиб его командир, взял на себя командование и продолжал переправу наших войск.

За боевую доблесть и героизм, проявленные моряками 1-й Бобруйской бригады Днепровской флотилии, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года были удостоены звания Героя Советского Союза лейтенант М. М. Калинин, старшины Г. Г. Дудник, Г. П. Казаков и А. П. Пашков, матросы Н. А. Баранов, А. Е. Самохвалов, М. Т. Сотников, Н. А. Филиппов и В. В. Черинов. Днепровская краснознаменная флотилия была награждена орденом Ушакова 1 степени.

24 апреля 5-я ударная армия, ведя ожесточенные бои, продолжала успешно продвигаться к центру Берлина — к площади Александерплац, к дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше и имперской канцелярии.

Учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, а также особо выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Н. Э. Берзарина, 24 апреля командование назначило его первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина.

В те дни писатель Всеволод Вишневский в своем дневнике сделал такую запись: “Комендантом города назначен командующий Н-ской ударной армией генерал-полковник Берзарин. Это один из культурнейших генералов Красной Армии. У него есть масштаб”{94}.

Николай Эрастович Берзарин был преданный сын Коммунистической партии, патриот Родины, опытный, волевой, дисциплинированный командир. Командуя армиями, Н. Э. Берзарин — в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской операциях проявил себя талантливым военачальником. К разработке операций и руководству войсками относился вдумчиво, творчески выполняя приказы высшего командования. В своей работе он всегда опирался на коммунистов, комсомольцев и на актив беспартийных воинов.

Ему хорошо помогал в делах армейских член Военного совета генерал-лейтенант Ф. Е. Боков. Работая ранее в Генеральном штабе, Ф. Е. Боков получил значительный опыт в оперативных вопросах и организации операций.

С нарастающим ожесточением 25 апреля шли бои в центре Берлина. Противник, опираясь на крепкие узлы обороны, оказывал упорное сопротивление.

Наши войска несли большие потери, но, воодушевленные успехами, рвались вперед — к самому центру Берлина, где все еще находилось главное командование противника во главе с Гитлером. Об этом мы хорошо знали из немецких радиопередач. Гитлер истерично призывал свои армии к спасению Берлина, не зная, что они уже разбиты войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

29 апреля в центре города развернулись наиболее ожесточенные сражения.

На ратушу наступали 1008-и стрелковый полк (командир полковник В. Н. Борисов) и 1010-й полк (командир полковник М. Ф. Загоровский) 266-й стрелковой дивизии. Много волнующих подвигов совершили воины этой дивизии, о которых мне в те дни рассказывали непосредственные участники штурма.

Батальон капитана Н. В. Бобылева получил задачу пробиться к ратуше и совместно с батальоном майора М. А. Алексеева овладеть ею. Наших воинов, наступавших при поддержке танков, самоходной артиллерии, встретил такой сильный шквал огня, что продвижение по улице стало просто невозможным.

Тогда решено было пробиваться к ратуше через стены зданий, делая проходы в них взрывчаткой. Под огнем противника саперы закладывали тол и одну за другой взрывали стены домов. Еще не успевал разойтись дым от взрывов, как в проходы бросались

штурмовые группы и после рукопашной схватки очищали от неприятеля здания, прилегающие к ратуше.

В бой были введены танки и тяжелые самоходные орудия. Несколькими выстрелами они разбили тяжелые железные ворота ратуши, проделали пробоины в стенах, одновременно ставя дымовую завесу. Все здание заволокло густым дымом.

Первым сюда ворвался взвод лейтенанта К. Маденова. Вместе с отважным лейтенантом смело действовали бойцы Н. П. Кондрашев, К. Е. Крютченко, И. Ф. Кашпуровский и другие. Они закидали вестибюль и коридоры ручными гранатами. Каждую комнату приходилось брать с бою.

Комсорг 1-го батальона 1008-го стрелкового полка младший лейтенант К. Г. Громов пролез на крышу ратуши. Сбросив на мостовую фашистский флаг, Константин Громов водрузил над ратушей наше Красное знамя. За героизм и мужество, проявленные в этих боях, Константину Григорьевичу Громову было присвоено звание Героя Советского Союза.

5-я ударная армия, успешно наступавшая в центре Берлина, хорошо взаимодействовала с 3-й ударной и 2-й гвардейской танковой армиями, 8-й гвардейской армией, 16-й воздушной армией и другими частями. Быстрый успех, который был достигнут в сражениях за центр Берлина, явился следствием умелой организации взаимодействия между всеми армиями, наступавшими с востока, северо-востока и севера.

Здесь я прежде всего должен отметить блестящую работу начальника штаба 5-й ударной армии генерала А. М. Кущева, его заместителя генерала СП. Петрова, начальника разведотдела А. Д. Синяева, парторга штаба В. К. Попова, начальника связи В. Ф. Фалина и других офицеров штаба.

Итак, развязка подходила к концу.

На что же надеялось гитлеровское руководство в этот критический для Германии момент?

Кейтель на допросе показал:

— Еще с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени, надеясь на то, что в войне, в которой с обеих сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии и различные флоты, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинации различных сил. Таким образом, мы вели войну в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которых не случилось.

В момент падения Берлина Гитлер уже не мог рассчитывать на эти события и выбросил лозунг: “Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских”.

Пленные немецкие солдаты в Берлине показывали: “Офицеры утверждали, что все силы будут приложены к тому, чтобы не допустить захвата Берлина русскими. Из двух зол будет выбрано меньшее. Если сдавать город, то только американцам”.

Сражение в Берлине подошло к своему кульминационному моменту. Всем нам хотелось покончить с берлинской группировкой к 1 мая, чтобы порадовать наш народ. Но враг, хотя

и был в агонии, все же продолжал драться, цепляясь за каждый дом, за каждый подвал, за каждый этаж и крышу.

Несмотря на это ожесточенное, но бессмысленное сопротивление, советские воины брали квартал за кварталом. Войска генералов В. И. Кузнецова, Н. Э. Берзарина, С. И. Богданова, М. Е. Катукова и В. И Чуйкова все ближе продвигались к центру Берлина.

30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти советского народа и в истории его борьбы с фашистской Германией.

В этот день, в 14 часов 25 минут, войсками 3-й ударной армии (командующий генерал-полковник В. И. Кузнецов, член Военного совета генерал А. И. Литвинов) была взята основная часть здания рейхстага.

За рейхстаг шла кровопролитная битва. Подступы к нему прикрывались массивными зданиями, входившими в систему девятого центрального сектора обороны Берлина. Район рейхстага обороняли отборные эсэсовские части общей численностью около шести тысяч человек, оснащенные танками, штурмовыми орудиями и многочисленной артиллерией

Вот как разворачивались события. Непосредственный штурм рейхстага осуществляла 150-я стрелковая Идрицкая дивизия (3-й ударной армии), во главе которой стоял опытный генерал, Герой Советского Союза В. М. Шатилов. Дивизию поддерживала 23-я танковая бригада и другие части армии. Общий штурм{95} рейхстага осуществлял усиленный 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии в составе 150-й стрелковой дивизии и 171-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. И. Негоды и 23-й танковой бригады Командовал корпусом талантливый командир — Герой Советского Союза Семен Никифорович Переверткин, один из активнейших участников битвы под Москвой в 1941 году.

Еще 22 апреля соединения 79-го стрелкового корпуса ворвались в Берлин. Продвигаясь вперед, они освобождали квартал за кварталом Благодаря их успешным действиям создалась реальная возможность для 3-й ударной армии нанести удар по центру Берлина с севера

79-й стрелковый корпус был повернут на юг с целью овладения северной частью города и развития наступления на районы Плетцензее, Моабит.

К вечеру 26 апреля части корпуса форсировали Фербиндунгс-канал и овладели станцией Бойсельштрассе, а в ночь на 27 апреля была очищена от противника северо-западная часть района Моабит. Передовые части 150-й и 171-й стрелковых дивизий вышли к главной берлинской электростанции, к станции Путлицштрассе, к театру “Комише Опер”.

150-я стрелковая дивизия в этих боях овладела тюрьмой Моабит, где были освобождены тысячи военнопленных и политических узников. Здесь, как и в тюрьме Плетцензее, воины Красной Армии обнаружили машины для обезглавливания — гильотины.

В боевом распоряжении № 0025 от 28 апреля 1945 года генерал-майора С. Н. Переверткина были поставлены задачи соединениям 79-го стрелкового корпуса на овладение рейхстагом:

“...3. 150-й стрелковой дивизии — одним стрелковым полком — оборона на р. Шпрее. Двумя стрелковыми полками продолжить наступление с задачей форсировать р. Шпрее и **овладеть западной частью рейхстага...**

4. 171-й стрелковой дивизии продолжать наступление в своих границах с задачей форсировать р. Шпрее и **овладеть восточной частью рейхстага...**

Командир 79-го стрелкового корпуса

генерал-майор Переверткин.

Начальник штаба

полковник Летунов”{96}.

150-я и 171-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й танковой бригадой подполковника М. В. Морозова, в ночь на 29 апреля на направлении главного удара корпуса действиями передовых батальонов под командованием капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова захватили мост Мольтке.

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 апреля шли ожесточенные бои в непосредственной близости от рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий готовились к штурму рейхстага.

В 11 часов 30 апреля после артиллерийского и минометного налета штурмовые батальоны полков этих дивизий и группы артиллеристов-разведчиков майора М. М. Бондаря и капитана В. Н. Макова перешли в атаку, пытаясь с трех направлений захватить здание рейхстага.

В 13 часов после 30-минутной повторной артподготовки началась новая стремительная атака. Завязался огневой и рукопашный бой непосредственно перед зданием рейхстага и за главный вход.

В 14 часов 25 минут батальон старшего лейтенанта К. Я. Самсонова 171-й стрелковой дивизии, батальон капитана С. А. Неустроева и батальон майора В. И.Давыдова 150-й стрелковой дивизии ворвались в здание рейхстага.

Но и после овладения нижними этажами рейхстага гарнизон противника не сдавался. Шел ожесточенный бой внутри здания.

В 18 часов был повторен штурм рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий очищали от противника этаж за этажом. В 21 час 50 минут 30 апреля сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария водрузили врученное им Военным советом армии Красное знамя над главным куполом рейхстага{97}.

Командующий 3-й ударной армией генерал В. И. Кузнецов, лично наблюдавший за историческим боем взятия рейхстага, около 15 часов 30 минут позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил:

— На рейхстаге реет наше Красное знамя! Ура, товарищ маршал!

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг вверенных вам войск никогда не будет забыт советским народом. А как дела с рейхстагом?

— В некоторых отсеках верхних этажей и в подвалах здания все еще идет бой,— сказал В. И. Кузнецов.

В приказе Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06 от 30 апреля 1945 года значилось:

“1. Район рейхстага в городе Берлин обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Противник в районе рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного здания рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки.

2. Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ...подняли на нем наш Советский флаг. В боях за район и главное здание рейхстага отличился 79-й стрелковые корпус генерал-майора Переверткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова.

3. Поздравляя с одержанной победой, за проявленную храбрость, умелое и успешное выполнение боевой задачи всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам 171-й и 150-й стрелковых дивизий и непосредственно руководившему боем командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Переверткину объявляю благодарность. Военному совету 3-й ударной армии наиболее отличившихся в боях за рейхстаг бойцов, сержантов, офицеров и генералов представить к правительственным наградам.

4. Близится час окончательной победы над врагом. Наш Советский флаг уже развевается над главным зданием рейхстага в центре города Берлин.

Товарищи бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Белорусского фронта! Вперед на врага — последним стремительным ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной и полной победы над фашистской Германией.

Приказ объявить во всех ротах, эскадронах и батареях войск фронта.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К. Телегин.

Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. Малинин”.

К концу дня 1 мая гитлеровцы, находившиеся в рейхстаге в количестве около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Только отдельные группы фашистов, засевшие в разных отсеках подвалов рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2 мая.

Комендантом рейхстага был назначен, командир полка 150-й стрелковой дивизии полковник Федор Матвеевич Зинченко.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России, из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских и других республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить здесь справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев, но раненые не покидали строя. Все стремились вперед. Будто и не было четырех лет войны: все воспрянули духом, чтобы свершить великое дело — водрузить Знамя Победы в Берлине.

Смертельно раненный красноармеец Меленчук обагрил своей кровью платок и, не имея сил двигаться, попросил товарищей:

— Донесите мой флаг до Берлина и водрузите там!

Много вдохновения, героизма и дерзости проявили в боевых действиях наши воины. Зрелость нашей армии, ее рост за годы войны полностью отразились в берлинском сражении. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы показали себя в Берлинской операции творчески зрелыми, решительными и отчаянно смелыми людьми. Наша Коммунистическая партия в Великую Отечественную войну сделала из них исключительно опытных воинов, настоящих мастеров своего дела, а опыт и знания являются самой благоприятной почвой для всестороннего развития военного искусства.

Сколько мыслей проносилось в голове в те радостные минуты! И тяжелейшая битва под Москвой, где наши войска стояли насмерть, не пропустив врага в столицу, и Сталинград в руинах, но непокоренный, и доблестный Ленинград, отразивший бешеный натиск противника и переживший длительную блокаду, и героический Севастополь, выдержавший многомесячную осаду отборных гитлеровских войск, и торжество победы на Курской дуге, и тысячи разрушенных сел и городов, многомиллионные жертвы советского народа, героически выстоявшего в суровые годы.

И вот, наконец, самое главное, ради чего перенес великие страдания наш народ, — полный разгром фашистской Германии, торжество нашего правого дела!

1 мая в руках немцев остались только Тиргартен и правительственный квартал. Здесь располагалась имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Гитлера.

В этот день Мартин Борман записал в своем дневнике: “Наша имперская канцелярия превращается в развалины”.

Глава двадцать вторая. **Безоговорочная капитуляция фашистской Германии**

В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт 8-й гвардейской армии был доставлен начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс. Он заявил, что уполномочен установить непосредственный контакт с Верховным Главнокомандованием Красной Армии для переговоров о перемирии.

В 4 часа генерал В. И. Чуйков доложил мне по телефону, что генерал Кребс сообщил ему о самоубийстве Гитлера. По словам Кребса, это произошло 30 апреля в 15 часов 50 минут. Василий Иванович зачитал мне содержание письма Геббельса и Бормана к советскому Верховному Главнокомандованию. В нем говорилось:

“Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс”.

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание было подписано Гитлером и скреплено свидетелями. (Оно датировалось 4 часами 30 апреля 1945 года.)

Ввиду важности сообщения я немедленно направил моего заместителя генерал-полковника В. Д. Соколовского на командный пункт В. И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом. В. Д. Соколовский должен был потребовать от Кребса безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Тут же соединившись с Москвой, я позвонил И. В. Сталину. Он был на даче. К телефону подошел начальник управления охраны генерал Власик, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И. В. Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера, о появлении Кребса и решении поручить переговоры с ним генералу В. Д. Соколовскому и просил его указаний.

И. В. Сталин ответил:

— Доигрался подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть перед парадом.

Первомайский парад... Первомайские демонстрации... Как все это близко и дорого советскому человеку, особенно находящемуся за пределами Родины. Я отчетливо представил себе, как сейчас к Красной площади движутся войска Московского гарнизона. Утром они займут свои места и после речи принимающего парад пройдут торжественным маршем перед Мавзолеем В. И. Ленина, перед правительством и руководителями партии. Пройдут вдоль стен седого Кремля, чеканя шаг, с гордостью представляя победную мощь Советских Вооруженных Сил, освободивших Европу от угрозы фашизма.

Около 5 часов утра мне позвонил генерал В. Д. Соколовский и доложил о первом разговоре с генералом Кребсом.

— Что-то хитрят они, — сказал В. Д. Соколовский. — Кребс заявляет, что он не уполномочен решать вопрос о безоговорочной капитуляции. По его словам, это может решить только новое правительство Германии во главе с Дёницем. Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует послать их к чертовой бабушке, если они сейчас же не согласятся на безоговорочную капитуляцию.

— Правильно, Василий Данилович, — ответил я. — Передай, что, если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем такой удар, от которого в Берлине не останется ничего, кроме развалин. Пусть гитлеровцы подумают о бессмысленных жертвах немецкого народа и своей личной ответственности за безрассудство.

В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не последовало.

В 10 часов 40 минут наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города. В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентера. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции.

В ответ на это в 18 часов 30 минут с небывалой силой начался последний штурм центральной части города, где находилась имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев.

Не помню точно времени, но как только стемнело, позвонил командующий 3-й ударной армией генерал В.И. Кузнецов и взволнованным голосом доложил:

— Только что на участке 52-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Козина прорвалась группа немецких танков, около 20 машин, которые на большой скорости прошли на северо-западную окраину города.

Было ясно, что кто-то удирает из Берлина, пытаясь искать спасения в других местах.

Возникли самые неприятные предположения. Кто-то даже сказал, что, возможно, прорвавшаяся танковая группа вывозит Гитлера, Геббельса и Бормана.

Тотчас же были подняты войска по боевой тревоге, с тем чтобы не выпустить ни одной живой души из района Берлина. Немедленно было дано указание командующему 47-й армией Ф. И. Перхоровичу, командующему 61-й армией П.А.Белову, командующему 1-й армией Войска Польского С. Поплавскому плотно закрыть все пути и проходы на запад и северо-запад. Командующему 2-й гвардейской танковой армией генералу С. И. Богданову и командарму генералу В. И. Кузнецову было приказано немедля организовать преследование по всем направлениям, найти и уничтожить прорвавшиеся танки.

На рассвете 2 мая группа танков была обнаружена в 15 километрах северо-западнее Берлина и быстро уничтожена нашими танкистами. Часть машин сгорела, часть была

разбита. Среди погибших экипажей никто из главарей гитлеровцев обнаружен не был. То, что осталось в сгоревших танках, опознать было невозможно.

Ночью 2 мая, в 1 час 50 минут, радиостанция штаба берлинской обороны передала и несколько раз повторила на немецком и русском языках:

“Высылаем своих парламентеров на мост Бисмаркштрассе. Прекращаем военные действия”.

В 6 часов 30 минут утра 2 мая было доложено: на участке 47-й гвардейской стрелковой дивизии сдался в плен командир 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг. Вместе с ним сдались офицеры его штаба. На предварительном допросе генерал Вейдлинг сообщил, что несколько дней назад он был лично Гитлером назначен командующим обороной Берлина.

Генерал Вейдлинг сразу же согласился дать приказ своим войскам о прекращении сопротивления. Вот текст приказа, который он утром 2 мая подписал и объявил по радио:

“30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Вейдлинг (генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина)”.

В тот же день около 14 часов мне сообщили, что сдавшийся в плен заместитель министра пропаганды доктор Фриче предложил выступить по радио с обращением к немецким войскам берлинского гарнизона о прекращении всякого сопротивления. Чтобы всемерно ускорить окончание борьбы, мы согласились предоставить ему радиостанцию.

После выступления по радио Фриче был доставлен ко мне. На допросе он повторил то, что уже было в основном известно из переговоров с Кребсом. Чувствовалось, что Фриче был одним из наиболее близких к Гитлеру, Геббельсу и Борману людей.

Он сообщил, что 29 апреля Гитлер собрал совещание своего окружения, на котором присутствовали Борман, Геббельс, Аксман, Кребс и другие ответственные лица из фашистского руководства. Лично он, Фриче, якобы не был на этом совещании, но позже Геббельс подробно информировал его. По словам Фриче, в последние дни, особенно после 20 апреля, когда советская артиллерия открыла огонь по Берлину, Гитлер большей частью находился в состоянии отупения, которое прерывалось истерическими припадками. Временами он начинал бессвязно рассуждать о близкой победе.

На мой вопрос о последних планах Гитлера Фриче ответил, что точно не знает, но слышал, что в начале наступления русских на Одере кое-кто из руководства отправился в Берхтесгаден и Южный Тироль. С ними посылались какие-то грузы. Туда же должно было вылететь и главное руководство во главе с Гитлером. В самый последний момент, когда советские войска подошли к Берлину, шли разговоры об эвакуации в Шлезвиг-Гольштейн.

Самолеты держались в полной готовности в районе имперской канцелярии, но были вскоре разбиты советской авиацией.

Больше Фриче ничего нам сказать не мог.

На следующий день он был отправлен в Москву для более обстоятельного допроса.

Несколько слов о последнем, завершающем бое в Берлине.

248-я (командир дивизии генерал Н. З. Галай) и 230-я (командир дивизии полковник Д. К. Шишков) стрелковые дивизии 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина 1 мая штурмом овладели государственным почтамтом и завязали бой за дом министерства финансов, расположенный напротив имперской канцелярии. 1 мая 301-я дивизия армии Н. Э. Берзарина (командир дивизии полковник В. С. Антонов) во взаимодействии с 248-й стрелковой дивизией штурмом овладела зданиями гестапо и министерства авиации. Под прикрытием пехоты вперед рванулся артиллерийский самоходный дивизион: А. Л. Денисюк, командир установки, поставил свою самоходку в проем ограды и в туманной мгле примерно в ста метрах увидел серое здание имперской канцелярии, на фасаде которого красовался громадный орел со свастикой. Денисюк подал команду: “По фашистскому хищнику— огонь!..” Фашистский герб был сбит{98}.

Последний бой за имперскую канцелярию, который вели 301-я и 248-я стрелковые дивизии вечером 1 мая, был очень труден.

Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточенный характер. В составе штурмовой группы 1050-го стрелкового полка действовала старший инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. Вместе с бойцами И. Давыдовым и Ф. К. Шаповаловым она пробралась через пролом в крыше наверх и, вытащив из-под куртки красное полотнище, с помощью куска телеграфного провода привязала его к металлическому шпилю. Над имперской канцелярией взвилось Красное знамя.

После захвата имперской канцелярии ее комендантом был назначен заместитель командира 301-й стрелковой дивизии полковник В. Е. Шевцов. А с 4 мая, после того как дивизия была переведена в Трептов-парк, — старший офицер по оперативной работе штаба 5-й ударной армии майор Ф. Г. Платонов.

К 15 часам 2 мая с врагом было полностью покончено. Остатки берлинского гарнизона сдались в плен общим количеством более 134 тысяч человек. Многие из тех, кто дрался с оружием в руках, видимо, в последние дни разбежались и попрятались.

Это был день великого торжества советского народа, его вооруженных сил, наших союзников в этой войне и народов всего мира.

В приказе Верховного Главнокомандующего говорилось:

“Войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 1 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии”.

После захвата имперской канцелярии мы поехали туда с генерал-полковником Н. Э. Берзариным, членом Военного совета армии генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым и другими участниками штурма, чтобы убедиться в самоубийстве Гитлера. Геббельса и других руководителей гитлеровцев.

Прибыв на место, мы оказались в затруднительном положении. Нам доложили, что все трупы немцы якобы закопали в местах захоронения, а где и кто закопал — толком никто не знал. Высказывались разные версии, порой противоречивые.

Захваченные пленные, главным образом раненые, о Гитлере и его окружении ничего не могли сказать.

Людей в имперской канцелярии обнаружили мало, всего несколько десятков человек. Видимо, находившиеся там руководящие офицеры и эсэсовцы в самый последний момент бежали через потайные выходы из здания имперской канцелярии и попрятались в городе.

Мы искали место сожжения трупов Гитлера и Геббельса, но так и не нашли. Правда, остались потухшие очаги от каких-то костров, но они были малы: скорее всего там кипятили воду немецкие солдаты.

Мы уже заканчивали осмотр имперской канцелярии, когда нам доложили, что в подземелье обнаружены трупы шестерых детей Геббельса. Признаюсь, у меня не хватило духу спуститься туда и посмотреть на детей, умерщвленных матерью и отцом. На другой день недалеко от бункера были обнаружены трупы Геббельса и его жены. Для опознания был привлечен доктор Фриче, который подтвердил, что это именно они.

Обстоятельства вначале побудили меня усомниться в правдивости версии о самоубийстве Гитлера, тем более что нам не удалось обнаружить и Бормана. Я тогда подумают: а не удрал ли Гитлер в самый последний момент, когда уже не было надежды на помощь Берлину извне?

Такое предположение я высказал в Берлине на пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов.

Несколько позже в результате проведенных расследований, опросов личного медицинского персонала Гитлера к нам стали поступать дополнительные, более определенные сведения, подтверждающие самоубийство Гитлера. О том, как велось расследование, с исчерпывающей полнотой описано Еленой Ржевской в книге “Конец Гитлера — без мифа и детектива” (Издательство АПН, Москва, 1965 год).

К тому, что написала Е. Ржевская, я ничего добавить не могу

Лично я склонен считать, что для сомнений в самоубийстве Гитлера оснований нет.

Большинство фашистских главарей, в том числе Геринг, Гиммлер, Кейтель и Йодль, заблаговременно бежали из Берлина в разных направлениях.

До последней минуты они вместе с Гитлером, как азартные игроки, не теряли надежды на “счастливую карту”, которая может спасти фашистскую Германию и их самих. 30 апреля и

даже 1 мая гитлеровские заправилы все еще пытались оттянуть время окончательного краха, затеяв переговоры о вызове в Берлин новоявленного правительства Дёница якобы для решения о капитуляции Германии.

Генерал Кребс, опытный военный дипломат, всеми способами пытался втянуть в длительные переговоры генерала В. И. Чуйкова, но эта хитрость не удалась. Я уже говорил, что В. Д. Соколовский, который был уполномочен вести переговоры, категорически заявил Кребсу: прекращение военных действий возможно лишь при условии полной и безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск перед всеми союзниками. На этом переговоры закончились.

Так как немцы тогда не приняли наших требований о безоговорочной капитуляции, советским войскам был дан приказ: немедленно добить врага.

Утром 3 мая вместе с комендантом Берлина Н. Э. Берзариным, членом Военного совета 5-й армии Ф. Е. Боковым, членом Военного совета фронта К. Ф. Телегиным и другими мы осмотрели рейхстаг и места боев в этом районе. Сопровождал нас и давал пояснения сын Вильгельма Пика Артур Пик, воевавший во время войны в качестве офицера Красной Армии. Он хорошо знал Берлин, и это облегчило изучение условий, в которых пришлось драться нашим войскам.

Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов свидетельствовал, что на подступах к имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Рейхстаг— это громаднейшее здание, стены которого артиллерией средних калибров не пробьешь. Тут нужны были тяжелые калибры. Купол рейхстага и различные массивные верхние надстройки давали возможность врагу сосредоточить многослойный огонь на всех подступах. Условия для борьбы в самом рейхстаге были очень тяжелые и сложные. Они требовали от бойцов не только мужества, но и мгновенной ориентировки, зоркой осторожности, быстрых перемещений от укрытия к укрытию и метких выстрелов по врагу. Со всеми этими задачами наши бойцы хорошо справились, но многие в тяжелых боях пали смертью храбрых.

Колонны при входе в рейхстаг и стены были испещрены надписями наших воинов. В лаконичных фразах, в простых росписях солдат, офицеров и генералов чувствовалась их гордость за советских людей, за Советские Вооруженные Силы, за Родину и ленинскую партию, за то, что, преодолев неимоверные трудности, они пришли в логово фашизма — в Берлин и в трудных сражениях одержали победу.

Поставили и мы свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Пришлось задержаться на часок и поговорить по душам. Было задано много вопросов. Солдаты спрашивали, когда можно будет вернуться домой, останутся ли войска для оккупации Германии, будем ли воевать с Японией и так далее.

7 мая мне в Берлин позвонил И. В. Сталин и сообщил:

— Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, — продолжал он, — на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным

командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

— Я не согласился и с тем, — продолжал И. В. Сталин, — что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра к вам прибудет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части. Вы же назначаетесь Главноначальствующим в советской зоне оккупации Германии, одновременно будете и Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии, — сказал И. В. Сталин.

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел А. Я. Вышинский. Он привез всю нужную документацию по капитуляции Германии и сообщил состав представителей от Верховного командования союзных войск.

С утра 8 мая начали прибывать в Берлин журналисты, корреспонденты всех крупнейших газет и журналов мира, фоторепортеры, чтобы запечатлеть исторический момент юридического оформления разгрома фашистской Германии, признания ею необратимого крушения всех фашистских планов, всех ее человеконенавистнических целей.

В середине дня на аэродром Темпельгоф прибыли представители Верховного командования союзных войск.

Верховное командование союзных войск представляли маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Латр де Тассиньи.

На аэродроме их встречали мой заместитель генерал армии В. Д. Соколовский, первый комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин, член Военного совета армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков и другие представители Красной Армии. С аэродрома союзники прибыли в Карлсхорст, где было решено принять от немецкого командования безоговорочную капитуляцию.

На тот же аэродром из города Фленсбурга прибыли под охраной английских офицеров генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф, имевшие полномочия от Дёница подписать акт безоговорочной капитуляции Германии.

Здесь, в Карлсхорсте, в восточной части Берлина, в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища подготовили зал, где должна была проходить церемония подписания акта.

Немного отдохнув с дороги, все представители командования союзных войск прибыли ко мне, чтобы договориться по процедурным вопросам столь волнующего события.

Не успели мы войти в помещение, отведенное для беседы, как туда буквально хлынул поток американских и английских журналистов и с места в карьер начали штурмовать

меня вопросами. От союзных войск они преподнесли мне флаг дружбы, на котором золотыми буквами были вышиты слова приветствия Красной Армии от американских войск.

После того как журналисты покинули зал заседания, мы приступили к обсуждению ряда вопросов, касающихся капитуляции гитлеровцев.

Генерал-фельдмаршал Кейтель и его спутники в это время находились в другом здании.

По словам наших офицеров, Кейтель и другие члены немецкой делегации очень нервничали. Обращаясь к окружающим, Кейтель сказал:

— Проезжая по улицам Берлина, я был крайне потрясен степенью его разрушения.

Кто-то из наших офицеров ему ответил:

— Господин фельдмаршал, а вы не были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых были задавлены миллионы наших людей, в том числе многие тысячи детей?

Кейтель побледнел, нервно пожал плечами и ничего не ответил.

Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал.

Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортеры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, откуда сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял на весь мир о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошел адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие их офицеры встали за ними.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побежденной Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожавшей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошел за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры.

От имени советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слезы радости. Меня окружили боевые друзья — В. Д. Соколовский, М. С. Малинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колпакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слез.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооруженных сил, закрылось.

Потом состоялся прием, который прошел с большим подъемом. Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко и шеф-поваром В. М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаатс. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжелые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал “русскую”. Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мин, снарядов и пуль падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны.

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

“1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию союзных экспедиционных сил”.

Днем 9 мая мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и ее союзники были окончательно разгромлены.

Путь к победе для советского народа был тяжел. Он стоил миллионов жизней. И сегодня все честные люди мира, оглядываясь на прошлые страшные дни Второй мировой войны, обязаны с глубоким уважением и сочувствием вспомнить тех, кто боролся с нацизмом и отдал свою жизнь за освобождение от фашистского рабства своей Родины, за судьбу всего человечества.

Коммунистическая партия и Советское правительство, исходя из своего интернационального долга и гуманных убеждений, приняли все меры к тому, чтобы своевременно разъяснить советским воинам, кто является истинным виновником войны и совершенных злодеяний. Не допускалось и мысли о том, чтобы карать трудовой немецкий народ за те злодеяния, которые фашисты творили на нашей земле. В отношении немецких трудящихся советские люди имели ясную позицию: им необходимо помочь осознать свои ошибки, быстрее выкорчевать остатки нацизма и влиться в общую семью свободолюбивых народов, высшим девизом которых в будущем должны быть мир и демократия.

В Берлине и его окрестностях еще шли бои, а советское командование на основании решений ЦК партии и Советского правительства уже приступило к организации нормальных жизненных условий для населения Берлина.

Основой для создания и деятельности военных и гражданских органов власти был приказ Военного совета 1-го Белорусского фронта № 5 от 23 апреля 1945 года. Приказ гласил:

“Вся власть управления на территории Германии, занятой Красной Армией, осуществляется военным командованием через посредство военных комендантов городов и районов.

Военные коменданты назначаются в каждом городе. Исполнительная власть создается из местных жителей: в городах — бургомистры, в более мелких городах и селах — старосты, которые несут ответственность перед военным командованием за выполнение населением всех приказов и распоряжений...”

В соответствии с этим приказом 28 апреля 1945 года был опубликован приказ № 1 советского военного коменданта Берлина Героя Советского Союза генерал-полковника Н. Э. Берзарина о переходе всей полноты власти в Берлине в руки советской военной комендатуры.

В этом приказе он объявил населению города, что фашистская партия Германии и ее организации распускаются и деятельность их запрещается.

Приказ устанавливал порядок поведения населения и определял основные положения, необходимые для нормализации жизни в Берлине.

Центральная военная комендатура создала во всех двадцати районах Берлина районные военные комендатуры, которые были укомплектованы нашими офицерами, и в первую очередь специалистами-хозяйственниками и инженерно-техническим персоналом. В некоторых подрайонах были созданы участковые комендатуры. С первых же шагов своей работы советским военным комендатурам пришлось в весьма сложной обстановке решать многие трудные задачи.

В результате боев Берлин сильно пострадал. Из 250 тысяч зданий города около 30 тысяч было совершенно разрушено, более 20 тысяч зданий находилось в полуразрушенном состоянии, более 150 тысяч зданий имело средние повреждения.

Городской транспорт не работал. Более трети станций метро было затоплено и разрушено, 225 мостов подорвано немецко-фашистскими войсками. Вагонный парк и силовая сеть городского трамвая почти целиком были выведены из строя. Улицы, особенно в центре, завалены обломками. Вся система коммунального хозяйства — электростанции, водокачки, газовые заводы, канализация прекратила свою работу.

Необходимо было спасти берлинское население от голодной смерти, организовать продовольственное снабжение, которое было прекращено до вступления в Берлин советских войск. Были установлены многочисленные факты, когда целые группы населения в течение нескольких недель не получали никакого продовольствия. Советские войска, расположенные в Берлине, начали тушить пожары, организовали уборку и захоронение трупов, производили разминирование.

Однако советское командование не могло решить все эти задачи без массового привлечения к активной работе местного населения.

Военные советы, военные коменданты, работники политических органов прежде всего привлекали к работе в районные магистраты немецких коммунистов, освобожденных из концлагерей, антифашистов и других немецких демократов, с которыми у нас сразу установилось дружеское взаимопонимание.

Так начали создаваться немецкие органы самоуправления — органы антифашистско-демократической коалиции. Примерно одну треть в них составляли коммунисты, которые действовали в товарищеском согласии с социал-демократами и лояльно настроенными специалистами.

Большую работу в Берлине проводил политический отдел комендатуры во главе с полковником А. И. Елизаровым.

В мае 1945 года Военный совет фронта в целях нормализации жизни в Берлине принял ряд важных решений, в частности:

11 мая — постановление № 063 о снабжении продовольствием немецкого населения Берлина. В нем устанавливался порядок и нормы выдачи продовольствия.

12 мая — постановление № 064 о восстановлении и обеспечении нормальной работы коммунального хозяйства Берлина.

31 мая — постановление № 080 о снабжении молоком детей Берлина.

Были приняты и другие решения о нормализации питания и быта населения, и в первую очередь трудового народа, занятого на восстановительных работах.

В качестве первой помощи со стороны Советского правительства в Берлин поступило 96 тысяч тонн зерна, 60 тысяч тонн картофеля, до 50 тысяч голов скота, сахар, жиры и другие продукты.

В результате этих срочных мероприятий была ликвидирована угроза голода немецкого населения.

Значительную роль в нормализации жизни в Берлине сыграли советские комендатуры, политорганы фронта, гарнизона и комендатур, вокруг которых быстро нарастала активность демократически настроенного населения. Постепенно исчезала неуверенность и боязнь репрессий, которыми всех пугали нацисты.

Как-то, проезжая по окраинам Берлина, я обратил внимание на необычно пеструю толпу, в которой находились наши солдаты. Там было много детей и женщин. Остановив машину, мы подошли, полагая, что гражданские лица — это наши советские люди, освобожденные из фашистских лагерей. Но оказалось, что это жители Берлина. Стою, наблюдаю и слышу, как один из солдат, держа на руках белокурого немецкого мальчугана лет четырех, говорит:

— Я потерял жену, маленькую дочку и сынишку, когда эвакуировалась семья из Конотопа. Погибли они в поезде от бомбежки. Война кончается, что же я буду жить как бобыль. Отдайте мне мальчугана. У него ведь эсэсовцы расстреляли мать и отца.

Кто-то пошутил:

— А парнишка-то похож на тебя...

Стоявшая рядом женщина сказала по-немецки:

— Нет, не могу отдать. Это мой племянник, буду растить сама.

Кто-то перевел. Солдат огорчился. Я вмешался:

— Слушай, друг, вернешься на Родину, там найдешь себе сына — сколько у нас сирот осталось. Еще лучше — возьмешь ребенка вместе с матерью!

Солдаты расхохотались, улыбнулся и немецкий мальчуган. Наши бойцы, развязав свои сумки, тут же роздали детям и женщинам хлеб, сахар, консервы, сухари, а мальчуган,

сидевший на руках солдата, получил еще и конфеты. Солдат расцеловал парнишку и тяжело вздохнул.

До чего же добрая душа у советского солдата, подумал я и, подойдя к солдату, крепко пожал ему руку.

Я был без погон, в кожанке, но скоро меня узнали, пришлось задержаться еще на полчаса и ответить на многие вопросы окружавших. Жаль, что я не записал фамилии тех солдат. Запомнилось лишь, что эта группа была из 5-й ударной армии генерала Н.Э. Берзарина.

9 мая по поручению Государственного Комитета Обороны к нам в Берлин прилетел Анастас Иванович Микоян. Он тут же захотел посмотреть, как налаживается мирная жизнь.

Выйдя из машины около одного из продовольственных магазинов, где уже выдавался по советским карточкам хлеб немецким жителям, А. И. Микоян обратился к женщинам, стоявшим в очереди. Вид их был крайне истощенный.

— Как чувствуете себя после занятия Берлина советскими войсками? — спросил Анастас Иванович. — Говорите смелее, вот маршал Жуков, он учтет ваши нужды и сделает все, что будет в наших силах.

— Это Анастас Иванович Микоян, — сказал я, — заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров. Он прибыл по поручению Советского правительства посмотреть, как вы живете и в чем нуждаетесь, чтобы оказать берлинцам возможную помощь.

Переводчик перевел.

Нас тут же окружили и заговорили наперебой:

— Никогда бы не поверили, что такой большой русский начальник может ходить по очередям и интересоваться, в чем нуждаются простые немцы. А нас все время пугали русскими...

Пожилая женщина, подойдя к А. И. Микояну, заметно волнуясь, сказала:

— Большое спасибо от нас, немецких женщин, за то, что не даете нам умереть голодной смертью.

И тут же обратилась к стоявшему рядом мальчику:

— Кланяйся советским начальникам за хлеб и хорошее отношение!

Мальчик молча поклонился.

Вместе с А. И. Микояном, А. В. Хрулевым и Н. А. Антипенко мы тщательно изучили наши возможности по оказанию продовольственной и медицинской помощи населению. Несмотря на собственные большие трудности, средства были найдены и помощь была оказана. Надо было видеть лица жителей Берлина, когда им выдавали хлеб, крупу, кофе, сахар, иногда немного жиров и мяса.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета партии и Советского правительства, мы помогали немецкому народу всем, чем только могли, чтобы быстрее организовать его трудовую жизнь. Из числа трофейного имущества выделялись грузовые машины, семена, а лошади и сельскохозяйственный инвентарь, взятые в поместьях немецких баронов, передавались сельскохозяйственным рабочим, которые создавали трудовые артели.

В Берлин прибыли В. Ульбрихт и другие руководители немецких коммунистов. Немецкие товарищи подчеркивали, что рабочие, простые люди Германии уже видят в Красной Армии не карателя, а освободителя немецкого народа от фашизма.

Мы рекомендовали немецким коммунистам отправиться в части Красной Армии и побеседовать с советскими бойцами. Это предложение было принято. Возвратившись, они с большой теплотой отозвались о наших бойцах, их широком политическом кругозоре и человечности.

После захвата Берлина нам приходилось часто встречаться с В. Пиком, В. Ульбрихтом и другими руководителями Коммунистической партии Германии. Не покладая рук все они работали над ликвидацией тяжелых последствий войны и господства фашизма.

Я познакомился с Отто Гротеволем, который в то время был признанным руководителем левой группировки социал-демократической партии Германии, явно тяготевшей к коммунистам. Вскоре между Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем начались активные переговоры об образовании из числа коммунистов и левых социал-демократов единой социалистической партии, которые через год, 21 апреля 1946 года, закончились образованием Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Были избраны руководящие органы партии, развернута большая работа среди рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

В середине мая 1945 года Военный совет фронта созвал совещание с участием немецкой общественности, работников промышленности, транспорта, здравоохранения, коммунального хозяйства, культурных учреждений и офицеров военных комендатур. В работе его приняли участие заместитель Председателя Совнаркома Анастас Иванович Микоян, Вальтер Ульбрихт и другие немецкие партийные и общественные деятели.

Были обсуждены вопросы дальнейшей нормализации жизни в городе, снабжения населения и меры по восстановлению транспорта, коммунальных предприятий, организации культурной жизни в Берлине.

Уже 14 мая военный комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин вместе с новой дирекцией метро открыл движение на первой линии метрополитена, а к концу мая было введено в эксплуатацию пять линий метрополитена общей протяженностью 61 километр.

19 мая состоялось торжественное учредительное собрание берлинского магистрата, на котором Н. Э. Берзарин выступил с докладом о политике советских властей в Берлине, а обер-бургомистр доктор Вернер представил магистрат общественности. Он состоял из лиц, известных своей прежней антифашистской демократической деятельностью.

По всему городу проводились большие восстановительные работы, расчистка завалов, в которых наряду с немецкими специалистами и населением приняли участие советские

инженерные и специальные войска. К концу мая в черте города частично вступили в строй основные железнодорожные станции и речные порты, обеспечивавшие нормальное снабжение Берлина топливом и продовольствием.

К этому же времени была введена в действие 21 насосная станция городского водопровода; 7 восстановленных газовых заводов подавали для нужд города 340 тысяч кубических метров газа в сутки. Предприятия и население основных районов Берлина почти полностью были обеспечены газом и водой. В июне городской трамвай уже перевозил пассажиров и грузы на 51 линии общей протяженностью 498 километров.

25 мая по приказу Н. Э. Берзарина была разрешена организация городской полиции, суда и прокуратуры. Возглавить полицейский аппарат в Берлине было поручено активному участнику движения “Свободная Германия” Паулю Маркграфу.

Военные комендатуры Берлина с помощью немецких коммунистов и демократов провели значительную работу по организации и развитию демократического устройства в городе.

Берлинское радио начало свои передачи 13 мая. На следующий день руководством военной комендатуры вместе с директорами театров Густавом Грюндтеном, Эрнстом Легалем и Паулем Вегнером были обсуждены подготовительные мероприятия к открытию берлинских театров.

К середине июня в Берлине работало 120 кинотеатров, в них демонстрировались советские художественные и документальные кинофильмы. Их с интересом смотрели десятки тысяч берлинцев.

Очень важным политическим и культурным мероприятием советских властей было издание для населения газеты советских оккупационных войск “Тэглихе рундшау” (“Ежедневное обозрение”) на немецком языке. Первый номер этой газеты вышел 15 мая, и она быстро завоевала популярность.

Перед газетой была поставлена задача: разъяснять немецкому народу внешнюю и внутреннюю политику нашей партии и Советского правительства, рассказывать правду о Советском Союзе, об интернациональной миссии Красной Армии. Подробно освещались мероприятия по восстановлению коммунального хозяйства и подъему культуры в Берлине, разоблачалась сущность фашизма. Немцев призывали напрячь все силы для скорейшего восстановления нормальной жизни в Берлине.

Через несколько дней начала издаваться газета “Берлинер цайтунг”, орган берлинского магистрата.

В июне состоялось объединение берлинских демократических культурных сил. Был создан “Культурбунд” — культурный союз демократического обновления Германии.

В середине мая по указанию советской комендатуры и магистрата в большинстве районов возобновились школьные занятия. К концу июня уже шли уроки в 580 школах, где обучалось 233 тысячи детей. Было организовано 88 детских домов.

Приказом № 2 Главноначальствующего советской военной администрации была разрешена на территории советской зоны оккупации деятельность антифашистских партий. Трудящемуся населению было гарантировано право объединения в свободные профсоюзы и организации с целью обеспечения своих интересов и прав. Подробно об этом шаге советской военной администрации я расскажу позднее. Здесь же хочу привести слова Отто Гротеволя, который подчеркивал, что этим приказом “был дан мощный импульс политической жизни в советской зоне оккупации”.

“Где можно найти в истории такую оккупационную армию, — писал он, — которая пять недель спустя после окончания войны дала бы возможность населению оккупированного государства создавать партии, издавать газеты, предоставила бы свободу собраний и выступлений?”

“Этот шаг советских военных властей оказался неожиданным и поразительным для преобладающего большинства немецкого населения. Он явился выражением доверия советских властей к демократическим силам немецкого народа и их последовательной программы искоренения фашизма и демократического преобразования Германии”, — пишет историк ГДР Хорст Щюцлер.

11 июня Центральный Комитет Коммунистической партии Германии выступил с программным воззванием к немецкому народу. Это был документ исключительной исторической важности, он излагал программу построения антифашистско-демократической Германии.

Немецкий народ получил право строить свою жизнь на демократической основе.

В первые же месяцы после окончания войны демократические органы самоуправления Берлина, впрочем, как и во всей советской зоне оккупации, под руководством КПГ и с участием советского командования провели ряд социально-экономических преобразований.

Были ликвидированы крупные капиталистические монополии, распущены союзы предпринимателей, бывшие нацисты были удалены с руководящих постов в различных областях экономической, общественной и культурной жизни города.

Ко времени прибытия в западные секторы Берлина войск и администрации США, Англии и Франции в городе в основном была нормализована жизнь населения и созданы все условия для дальнейшего ее развития.

16 июня 1945 года советскую комендатуру и 5-ю ударную армию постигло большое несчастье. Командующий армией, первый советский комендант Берлина, Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, так много сделавший для восстановления Берлина, погиб при исполнении служебных обязанностей в автомобильной катастрофе.

На посту военного коменданта и командующего 5-й ударной армией его заменил Герой Советского Союза генерал-полковник А. В. Горбатов. Командуя во время Берлинской операции войсками 3-й армии, он блестяще справился с задачей разгрома немецких войск, окруженных юго-восточнее Берлина. Как комендант Берлина, Александр Васильевич проявил себя выдающимся организатором и сделал все возможное, чтобы

активно продолжить работу по восстановлению нормальной жизни трудового немецкого народа.

Хочется добрым словом отметить плодотворную деятельность члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова и полковника С. И. Тюльпанова, которые оказывали большую помощь немецким товарищам в организации берлинского магистрата, местных органов самоуправления и работе советских военных комендатур в Берлине.

Заключительной операцией советских войск в Великой Отечественной войне стала Пражская операция. Советские войска должны были завершить разгром остатков немецких войск в Чехословакии и освободить ее от немецкой оккупации.

5 мая Ставке стало известно о восстании чехов в Праге и боях с немецкими войсками. Ставка приказала 1, 2 и 4-му Украинским фронтам ускорить движение наших войск в район Праги, чтобы поддержать восставших и не дать гитлеровцам подавить восстание.

Выполняя приказ Ставки, фронты бросили туда свои подвижные войска. В ночь на 9 мая они вышли в район Праги, а утром вошли в город, горячо приветствуемые населением.

С этого времени организованное сопротивление немецких войск в Чехословакии, Австрии и на юге Германии прекратилось. Немецкие войска поспешно отходили на запад, стремясь сдаться в плен американским войскам. Там, где советские войска преграждали им путь отхода, они пытались пробиться силой оружия, неся при этом большие потери. Командование американских войск, нарушив свои союзнические обязательства, не преградило немецко-фашистским войскам отход в их зону, а даже содействовало этому.

Те же явления мы наблюдали и на участках английских войск. Советское командование заявило протест союзникам, но из этого ничего не получилось, наши требования остались без ответа.

В расположение американских войск спешила отойти и дивизия власовцев, изменников Родины. В дивизии находился сам Власов. Однако ее отход был решительно пресечен 25-м танковым корпусом, которым командовал генерал-майор Е. И. Фоминых. Было решено взять Власова в плен живым, чтобы воздать полностью за измену Родине. Выполнение этой задачи было возложено на командира 162-й танковой бригады полковника И. П. Мищенко, а непосредственный захват Власова поручен отряду под командованием капитана М. И. Якушева.

Власова захватили в легковой машине отходящей колонны. Спрятавшись под грудой вещей и укрывшись одеялом, он притворился больным солдатом, но был разоблачен своими солдатами. Позднее Власов и его единомышленники были осуждены Военным трибуналом и казнены.

Итак, окончательно рухнуло чудовищное фашистское государство. Советские Вооруженные Силы и войска союзников при содействии народно-освободительных сил Франции, Югославии, Польши, Чехословакии и других стран завершили разгром фашизма в Европе. Это был долгожданный и радостный конец Второй мировой войны, продолжавшейся почти шесть лет. С победным ее исходом были связаны лучшие надежды всего прогрессивного человечества.

Мне трудно, да и в этом нет надобности, особенно выделить кого-либо из участников Берлинской операции — этой величайшей финальной битвы конца Второй мировой войны. Каждый советский воин дрался и выполнял порученную ему задачу с максимальным напряжением своих сил и возможностей.

Разгром противника в операции, сражении или в бою — дело всего коллектива, общее дело. Тот, кто пытается возвыситься над коллективом, или тот, кто хочет кого-либо возвысить, — противоречит истине.

В управлении войсками фронта в этой завершающей операции мне хорошо помог опытный коллектив штаба 1-го Белорусского фронта, во главе которого стоял генерал М. С. Малинин. Вообще должен сказать, что штабы наших войск во всех операциях играли доминирующую роль. От их деятельности в основном зависел успех операций. И, подводя итоги войны, необходимо воздать должное труженикам наших штабных коллективов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что разгром берлинской группировки немецких войск и взятие германской столицы — Берлина были осуществлены всего лишь за 16 суток. Это рекордно короткий срок для такой сложной, крупнейшей стратегической операции.

В настоящее время кое-кто на Западе пытается преуменьшить трудности, с которыми пришлось столкнуться советским войскам в завершающих операциях 1945 года, и при взятии Берлина в частности.

Как участник Берлинской операции должен сказать, что это была одна из труднейших операций Второй мировой войны. Группировка противника общим количеством около миллиона человек, оборонявшаяся на берлинском стратегическом направлении, дралась ожесточенно. Особенно на Зееловских высотах, на окраинах города и в самом Берлине. Советские войска в этой завершающей операции понесли большие потери — около трехсот тысяч убитых и раненых.

Из разговоров с Эйзенхауэром, Монтгомери, офицерами и генералами союзных войск мне тогда было известно, что после форсирования Рейна союзные войска серьезных боев с немцами не вели. Немецкие части быстро отходили и без особого сопротивления сдавались в плен американцам и англичанам. Эти данные подтверждаются крайне ничтожными потерями союзных войск в завершающих операциях.

Так, например, по данным Ф. Погью, изложенным в его книге “Верховное командование”, 1-я американская армия Паттона за 23 апреля 1945 года потеряла всего лишь трех человек, тогда как в этот же день взяла в плен 9 тысяч немецких солдат и офицеров.

Какие потери понесла трехмиллионная американская армия, двигаясь от Рейна на восток, юго-восток и северо-восток? Оказывается, американцы потеряли всего лишь 8351 человека, в то время как число пленных немцев исчислялось сотнями тысяч солдат, офицеров и генералов.

Многие руководящие военные деятели Запада, в том числе и бывшее Верховное командование экспедиционных союзных войск в Европе, продолжают делать неверные выводы о том, что после сражения в Арденнах и выхода союзных войск на Рейн германская военная машина была разбита и вообще не было надобности проводить

весеннюю кампанию 1945 года. Даже бывший президент США Д. Эйзенхауэр в своем интервью, которое он дал в 1965 году в Чикаго вашингтонскому корреспонденту Эдварду Фольянцу, заявил: “Германия потерпела полное поражение после битвы в Арденнах... К 16 января все было кончено, и всякий разумный человек понял, что это конец... От всякой весенней кампании следовало отказаться. Война кончилась бы на 60 или 90 дней раньше”.

Не могу с этим согласиться.

Красная Армия, как мы уже знаем, в середине января 1945 года только что развернула наступление с рубежа Тильзит—Варшава—Сандомир, имея целью разгромить противника в Восточной Пруссии и Польше. В последующем планировалось наступление в центре Германии для овладения Берлином и выхода на Эльбу, а на южном крыле готовилось окончательное освобождение Чехословакии и Австрии.

Согласно рассуждениям Эйзенхауэра выходит, что советские войска должны были в январе 1945 года тоже отказаться от весенней кампании. Это значило закончить войну, не достигнув ни основной военно-политической цели, ни даже границ фашистской Германии, не говоря уже о взятии Берлина. Короче говоря, сделать то, о чем так мечтал Гитлер и его окружение, сидя в подземельях имперской канцелярии, сделать то, о чем так печалятся сегодня все те, кому не по душе великие прогрессивные перемены наших дней, те, кто проповедует политику в духе возрождения фашизма.

Разгром фашизма в Европе потребовал от стран антигитлеровской коалиции мобилизации огромнейших вооруженных сил и материальных средств. В решении этой важнейшей задачи было продемонстрировано взаимопонимание и желание довести борьбу с фашизмом до победного конца.

Никто не может оспаривать то обстоятельство, что главная тяжесть борьбы с германскими вооруженными силами выпала на долю Советского Союза. Это была самая жестокая, кровавая и тяжелая из всех войн, которые когда-либо пришлось вести нашему народу. Достаточно сказать, что свыше 20 миллионов советских людей погибли во время войны.

Ожесточенная и всеразрушающая война около трех лет велась непосредственно на советской территории, были стерты с лица земли десятки тысяч городов и населенных пунктов, до основания разрушены тысячи важнейших промышленных объектов.

Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не понесли таких тяжелых жертв, как Советский Союз, и никто не приложил столько сил, чтобы разбить врага, угрожавшего всему человечеству. На американскую территорию не было сброшено ни одной бомбы. На города США не упал ни один снаряд. В войне с Германией и Японией Америка потеряла убитыми 405 тысяч человек, Англия — 375 тысяч человек. Тогда как, например, Польша — 6 миллионов человек, Югославия — 1 миллион 706 тысяч человек.

Советские люди отдают должное народам США, Англии, их солдатам, матросам, офицерам и полководцам, которые делали все возможное, чтобы приблизить час победы над фашистской Германией. Мы искренне чтим память погибших английских и американских моряков, которые, невзирая на сложную морскую обстановку, на то, что на каждой миле их поджидала смертельная опасность, доставляли нам грузы,

обусловленные договором по ленд-лизу. Мы высоко ценим самоотверженность участников Сопротивления во многих европейских странах.

Что касается боевой доблести воинов всех родов войск экспедиционных сил союзников в Европе, должен объективно признать их высокие боевые качества и воинский дух, с которыми они сражались с нашим общим врагом.

Не случайно, когда наши войска встретились с союзниками на Эльбе и в других районах, они искренне поздравляли друг друга с победой над фашистской Германией, выражая надежду на послевоенную дружбу.

Никто из нас тогда не предполагал, что вскоре последуют годы “холодной войны”.

Война, развязанная гитлеровскими правителями, обошлась очень дорого и немецкому народу — 7 миллионов только убитыми потеряла Германия в этой войне. Погибли и те, кто самоотверженно боролся против фашизма. В авангарде антифашистских сил всегда стояла Коммунистическая партия Германии. Более трехсот тысяч коммунистов было уничтожено в фашистских застенках. Немало погибло и борцов из числа левого крыла социал-демократии. Германскому народу, в числе других народов мира, пришлось перенести тяжкие страдания и муки.

Гитлеровский фашизм превратил немецкую молодежь, еще не достигшую зрелого возраста, в душегубов. Без капли сожаления расстреливали они, сжигали в печах живых людей, невзирая на возраст и пол.

Как это могло случиться с народом, давшим миру К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Либкнехта и Р. Люксембург, Э. Тельмана и других борцов за правое народное дело и коммунизм?

Как это могло произойти со страной, подарившей человечеству величайшие научные открытия, шедевры литературы и музыки, живописи и архитектуры, страной, где жили и творили гениальные Бах, Бетховен, Гете, Гейне и Альберт Эйнштейн?

Историки еще не раскрыли всю систему и методы, применявшиеся в гитлеровской Германии для формирования в сознании людей слепой веры в фашизм, в чванливое, неоправданное величие “немецкой расы”, как высшей и “сверхчеловеческой”, во всепобеждающую мощь германского государства.

Для перевоспитания людей в духе фашизма гитлеровцами была создана по всей стране гигантская разветвленная сеть слежки и шпионажа. Всех инакомыслящих фашисты бросали в застенки гестапо. Широко применялась система “кнута и пряника”. Послушным, тем, которых привлекало мифическое величие Германии и мировое господство, широко раздавались различные награды, ордена и повышение в звании.

Все это, вместе взятое, делало свое дело. Одурманенные речами своих фашистских главарей, в том числе и самого фюрера, воодушевленные легкими победами над странами Европы, гитлеровцы послушно шли завоевывать и уничтожать. До тех пор, пока им не преградили путь Советские Вооруженные Силы, вдохновленные самыми справедливыми в мире идеями — свободы своей Родины, равноправия и независимости всех народов на земном шаре.

Война подвергла суровому испытанию и всесторонней проверке советский общественный и государственный строй. Эта проверка подтвердила его полное превосходство и жизненную силу. Ход и исход войны показали решающую роль в ней народных масс. Каждый советский человек, находившийся в рядах войск, в партизанских отрядах, на заводах, в конструкторских бюро, колхозах и совхозах, не жалея сил, вкладывал свою долю в разгром врага.

В тяжелых условиях, недоедая и недосыпая, трудились рабочие, колхозники, интеллигенция. Женщины и подростки сменяли тех, кто уходил на фронт. Все народное хозяйство, построенное на новой экономической базе, доказало свою прогрессивность. Наша промышленность в труднейших условиях вооруженной борьбы с сильным врагом, который нанес нам такой огромный материальный ущерб, сумела за годы войны произвести почти вдвое больше современной боевой техники, чем гитлеровская Германия, опиравшаяся на военный потенциал Европы.

Даже в самые трудные моменты, когда, казалось, враг должен был взять верх, советский народ не опустил рук, не согнулся под ударами противника, а, сплотившись вокруг Коммунистической партии, с честью преодолел все трудности и добился всемирно-исторической победы.

Всесоюзная Коммунистическая партия была вдохновителем и организатором нашей победы. В тяжелую годину суровых военных испытаний она стояла во главе борющегося народа, ее лучшие сыны были на переднем крае вооруженной борьбы. К концу войны на фронте было свыше 3 миллионов коммунистов — более половины всех членов партии (каждый четвертый воин был коммунист!), а наибольший приток воинов в партию был в самые тяжелые месяцы 1941 и 1942 годов.

Коммунисты и комсомольцы на фронте и в тылу служили примером в героической борьбе за Родину. Народ и его армия видели в коммунистах и ленинской партии образец высокого советского патриотизма и преданности интернационализму.

Хотел бы особо подчеркнуть ту огромной важности патриотическую и пропагандистскую роль, которую сыграла советская печать в годы Великой Отечественной войны. Героически, в первых рядах, в самых опасных и сложных фронтовых условиях действовали спецкоры, корреспонденты центральных и фронтовых газет, бесстрашные и вездесущие фотокорреспонденты, работники Всесоюзного радио и кино.

Огромным и заслуженным авторитетом пользовалось во всем мире Совинформбюро как источник самой достоверной информации с фронтов Великой Отечественной войны.

Германский империализм ставил перед собой цель — уничтожить первое в мире социалистическое государство, поработить народы многих стран. Теперь уже пожелтели документы, директивы и карты, на которых гитлеровская верхушка расписала судьбы Европы, Азии, Африки и Америки, после того как удалось бы разгромить СССР. Но о них стоит вспоминать всякий раз, когда думаешь о значении Великой Отечественной войны Советского Союза, о том, к чему вообще могут привести притязания на мировое господство.

Классовая непримиримость и бескомпромиссность в борьбе с фашизмом и его вооруженными силами оказали определяющее влияние на стратегию, оперативное

искусство и тактику советских войск, которые направлялись Центральным Комитетом партии и Ставкой Верховного Главнокомандования.

В главе о Ставке Верховного Главнокомандования я уже касался вопросов военно-стратегического искусства. Считаю необходимым остановиться здесь на этом еще раз.

Советское военное руководство, в совершенстве овладевшее военным искусством, опираясь на массовый героизм, на всенародную поддержку, сумело на втором этапе войны вырвать у врага инициативу и организовать ряд крупнейших стратегических наступательных операций.

Совершенствуя формы и способы ведения войны, Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб, командование фронтов, армий и их штабы в ходе войны проводили огромную работу по обобщению передового опыта вооруженной борьбы и внедрению его в войска, что и способствовало общему успеху.

Важнейшими факторами успеха наступательных операций 1943—1945 годов являлись новый метод артиллерийского и авиационного наступления; массированное применение танковых и авиационных объединений и их умелое взаимодействие с общевойсковыми армиями в операциях стратегического масштаба; коренное улучшение подготовки операций и методов управления войсками.

В ходе войны наряду с сухопутными силами быстро развивались и наши военно-воздушные силы, их тактика и оперативное искусство. Это обеспечивало в завершающем периоде войны полное господство в воздухе. Боевые действия наших летчиков во время войны отличались массовым героизмом. Действуя вместе с сухопутными войсками, авиация осуществляла мощные и неотразимые удары на всю тактическую, оперативную и стратегическую глубину. К концу, войны наши военно-воздушные силы имели на вооружении превосходную материальную часть, и мы не можем не отметить величайшую заслугу перед Родиной конструкторов самолетов, авиационных двигателей, инженеров, техников и рабочих авиационной промышленности.

Создавая первоклассную военную технику, выдающиеся творческие победы одержали коллективы, которыми руководили А. Н. Туполев, А. И. Микоян, А. А. Благонравов, А. А. Архангельский, Н. Н. Поликарпов, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, В. М. Петляков, С. П. Королев, П. О. Сухой, Ж. Я. Котин, А. Н. Крылов, В. Я. Климов, М. И. Кошкин, В. Г. Грабин, П. М. Горюнов, М. И. Гуревич, В. А. Дегтярев, А. А. Микулин, Б. И. Шавырин, Г. С. Шпагин.

Наряду с сухопутными и военно-воздушными силами успешно осуществлял операции и наш Военно-Морской Флот, содействуя на всех приморских направлениях сухопутным фронтам в достижении победы над врагом. Многие десятки соединений и сотни отрядов морской пехоты действовали на суше, и всюду они проявляли чудеса храбрости, чем и заслужили от народа великую благодарность.

Начиная с 1944 года советская военная стратегия, опираясь на огромный военный и экономический потенциал страны и имея превосходящие силы и средства, проводила наступательные операции, в которых одновременно участвовали два, три, четыре и более фронтов, десятки тысяч орудий, тысячи танков, реактивных минометов и боевых самолетов. Эти мощные силы и средства позволяли советскому командованию прорывать

любую оборону противника, наносить глубокие удары, окружать крупные группировки, быстро рассекать их и в короткие сроки уничтожать.

Если в районе Сталинграда Юго-Западному, Донскому и Сталинградскому фронтам потребовалось почти два с половиной месяца для полного разгрома армии Паулюса, то в завершающей Берлинской операции, как уже говорилось, более чем 400-тысячная группировка немецких войск была разгромлена и пленена за 16 суток.

В подготовке всех наступательных операций советских войск большое внимание уделялось фактору внезапности, которая достигалась тщательной оперативной и тактической маскировкой, системой разработок в глубокой тайне оперативной документации и строго ограниченной информации всех инстанций, от Ставки до войск включительно. При этом особое внимание уделялось скрытному сосредоточению сил и средств на направлениях главных ударов и демонстрации ложных перегруппировок на участках, где не предполагалось наступление.

Если говорить о немецком командовании и вообще о нашем противнике во Второй мировой войне, то я не могу присоединить свой голос к тем, кто считает не полноценным оперативно-стратегическое и тактическое искусство германских вооруженных сил. В начале войны оно было на высоком уровне и опиралось на реальную силу и средства, находившиеся в распоряжении немецкого командования. Это превосходство чувствительно сказывалось в начале 1941-го и летом 1942 года.

На втором этапе войны соотношение военного искусства противостоящих сторон начало выравниваться, а когда нашими войсками был приобретен опыт ведения войны и советское командование получило в свое распоряжение нужное количество сил и средств, оно значительно превзошло в военном искусстве германское командование, особенно в решении стратегических задач.

В третьем периоде войны, когда соотношение сил и средств резко возросло в пользу советских войск, советское военное искусство достигло высшей степени совершенства, и враг в короткий срок был разгромлен. Стратегическое искусство германского командования, начиная с битвы на Волге, пошло на резкое снижение, дойдя к 1945 году до упадка.

Что же касается верховного военно-политического руководства фашистской Германии — Гитлера и его ближайшего окружения — оно с самого начала было явно авантюристическим. Во всех своих агрессивных политических и военных действиях оно не видело того, что ведет Германию по пути к пропасти, к государственной катастрофе, особенно когда оно рискнуло пойти на войну с Советским Союзом. Это было явно не по плечу фашистскому блоку.

Гитлер и его окружение не сумели правильно оценить обороноспособность Советского Союза и те силы, которые были заключены в недрах советского общественного и государственного строя, в основах советской экономики и высоком патриотизме советских людей.

За время войны с фашистской Германией советские войска провели большое количество крупных операций, многие из которых являются беспримерными в истории войн как по своим масштабам, так и по классическому их осуществлению. К таким операциям следует

отнести битву под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге; Ясско-Кишиневскую операцию, разгром немецких войск в Белоруссии, Висло-Одерскую операцию и завершающую, Берлинскую операцию. Из оборонительных операций незабываемыми по стойкости и массовому героизму являются оборонительные сражения под Смоленском, Ленинградом, Севастополем и Одессой.

Невольно приходит на ум сравнение битвы за Москву и за Берлин.

Битва под Москвой проводилась в условиях значительного превосходства сил противника над нашими войсками. На подступах к Берлину противник имел более мощную оборону, чем имели мы ее под Москвой. И все же советские войска разгромили немецкую оборону на подступах к Берлину и в предельно короткий срок овладели Берлином, а в 1941 году немецкие войска разбились о стойкость советских войск под Москвой и были отброшены на запад на значительное расстояние.

Все крупные наступательные и контрнаступательные операции советских войск начиная с осени 1942 года отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью. Сражения на фронтах шли почти непрерывно во все времена года. Ни морозная и снежная зима, ни проливные дожди и весенне-осеннее непролазное бездорожье не останавливали хода операций, хотя это требовало чрезмерного физического и духовного напряжения войск.

Важнейшей отличительной чертой советской стратегии в 1945 году была ее исключительная активность, развертывание наступательных операций на всем советско-германском фронте с решительными целями. Если в первом и частично во втором периодах войны советские войска переходили в наступление чаще всего после того, как исчерпывались наступательные возможности немецких войск (переход в контрнаступление), то кампания в завершающем периоде войны сразу же начиналась мощным наступлением наших войск на подготовленную оборону противника.

Одновременность развертывания и непрерывность проведения крупных наступательных операций на ряде направлений в ходе всей кампании стали возможными благодаря дальнейшему изменению соотношения сил в пользу советских войск, сокращению протяженности советско-германского фронта. Такой способ ведения стратегического наступления был исключительно эффективным, так как везде лишал противника свободы маневра и всюду его пресекал.

В этих крупных наступательных операциях принимало участие огромное количество войск: по 100—150 дивизий, 20—30—40 тысяч орудий и минометов, до 5—6 тысяч танков и столько же самолетов.

По своей форме стратегические наступательные операции были весьма различными. Наиболее характерные из них — операции на окружение и уничтожение противостоящих крупных группировок противника ударами по сходящимся направлениям или путем прижатия к морю; нанесение дробящих ударов с целью расчленения группировки противника и уничтожения его по частям. Самой эффективной формой стратегической наступательной операции была операция на окружение. Благоприятным условием для начала такой операции являлось то, что наши войска занимали выгодные позиции, охватывая группировку противника.

Советские войска на протяжении всей войны исключительно умело и дерзко оперировали в ночное время. Этот вид боевых действий, считавшийся до войны “действием в особых условиях”, в ходе войны стал обычным. Особенно большой размах ночные действия получили в 1943—1945 годах, когда наши войска проводили крупнейшие наступательные операции. Войска противника, как правило, избегали действовать ночью, а когда им это приходилось делать, они не были инициативны.

Начиная с 1943 года большое значение приобрели встречные сражения. Опыт войны показал, что во встречных действиях побеждает тот, кто заранее хорошо подготовлен к этому сложному виду боя. Здесь особенно важно помнить, что всегда и во всем при первом же столкновении следует упреждать противника: в захвате выгодных рубежей, в развертывании, в открытии огня, в охвате флангов, в стремительности атаки. Встречные действия по своей природе требовали от командиров широкой и смелой инициативы, постоянной готовности взять на себя ответственность за разумную боевую активность.

Успешный ход наших наступательных операций поддерживался героическими действиями партизанских сил Советского Союза, которые в тяжелейших условиях более трех лет не давали врагу передышки, разрушая вражеские коммуникации и терроризируя его тыл. **С** выходом советских войск на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии советским войскам большую помощь оказывали патриоты этих стран, боровшиеся против гитлеровских захватчиков под руководством своих коммунистических и демократических партий.

В оккупированных областях РСФСР, по далеко не полным данным, в организованных отрядах партизан находилось 260 тысяч народных мстителей, на Украине — 220 тысяч, в Белоруссии — 374 тысячи. Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, на что отвлекались крупные силы войск. Это серьезно отразилось на общем состоянии германского фронта и в конечном счете на исходе войны.

Хочется вспомнить выдающихся руководителей подпольных партийных организаций и командиров партизанских отрядов и соединений, которые сделали все возможное для борьбы с вражескими силами, умело взаимодействуя с нашими регулярными войсками: В. А. Бегму, П. П. Вершигору, С. Я. Вершинина, П. К. Пономаренко, Т. А. Строкача, А. Ф. Федорова, С. С. Бельченко, М. Гусейн-Заде, Ф. А. Баранова, С. А. Ковпака, И. А. Козлова, В. И. Козлова, С. В. Руднева, К. С. Заслонова, А. Н. Сабурова, М. Шумаускаса, Д. Н. Медведева, М. И. Наумова, П. З. Калинина.

Большая заслуга перед Родиной принадлежит пограничникам. Они первыми приняли удары немецких войск и сделали все, что было в их силах, для срыва гитлеровского плана молниеносной войны, согласно которому пограничные отряды должны были быть сметены за один-два часа после вторжения.

Пограничные войска стойко сражались на границе с превосходящими силами противника, а затем они вместе с войсками Красной Армии самоотверженно боролись за каждую пядь советской земли.

В битве за Москву ряд пограничных полков (бывших погранотрядов) вместе с частями Красной Армии насмерть стояли на волоколамском, можайском, наро-фоминском, малоярославецком направлениях. В битве на Курской дуге блестящие успехи показала 70-

я армия, укомплектованная пограничниками Дальнего Востока, Средней Азии и Забайкалья.

Пограничники выполняли важные задачи и в тылу противника, уничтожая его администрацию и разрушая коммуникации. В ходе войны погранвойска несли охрану тыла Красной Армии, успешно борясь с проникновением всевозможной фашистской агентуры и диверсантов. Там, где дрались части и соединения пограничников, мы всегда были уверены в их успешных действиях.

В современных войнах огромное значение имеет четкое управление войсками во всех звеньях. Оно охватывает широкий круг военно-политических, моральных, материальных и психологических факторов и составляет важнейшую часть военной науки и военного искусства.

В предвоенные годы советская военная наука не достаточно глубоко исследовала и научно обосновала эту важнейшую проблему.

С первых минут войны советскому командованию пришлось иметь дело с такими категориями стратегии и оперативного искусства, которые практически ему не были хорошо знакомы. Всем нам пришлось уже в ходе войны во многом осваивать науку и практику управления войсками. В этом вопросе советское командование находилось в менее выгодном положении, чем командование немецких войск, которое к моменту нападения на Советский Союз имело достаточную практику в управлении войсками в современных условиях.

С ростом общего превосходства наших вооруженных сил над немецко-фашистскими войсками возрастало искусство управления живой силой и военной техникой.

В середине мая 1945 года И. В. Сталин приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не знал, а спрашивать было неудобно, да это и не принято у военных.

По приезде я направился прямо в Генеральный штаб к А. И. Антонову, от которого узнал, что Государственный Комитет Обороны рассматривает сейчас вопросы, связанные с выполнением наших новых обязательств перед США и Англией о вступлении Советского Союза в войну с Японией.

В Генеральном штабе в это время шла полным ходом работа по планированию предстоящих боевых действий сухопутных войск, ВВС и Военно-Морского Флота на Дальнем Востоке.

Из Генштаба я позвонил И. В. Сталину и доложил о своем прибытии. Тут же получил указание явиться в восемь часов вечера в Кремль. Времени в моем распоряжении было достаточно, и я поехал к Михаилу Ивановичу Калинину, который звонил мне в Берлин и просил по приезде в Москву обязательно зайти к нему и рассказать о Берлинской операции.

Я искренне любил Михаила Ивановича за его простоту, за мудрость житейскую, за то, что он обычными словами умел объяснить самые сложные явления жизни.

Михаил Иванович встретил меня очень радушно. Он сильно сдал за эти годы и выглядел утомленным. Несмотря на свой возраст, он неоднократно выезжал в войска действующей армии, встречался с бойцами, командирами и всегда находил для них умное, теплое слово.

Михаил Иванович расспрашивал, как был взят Берлин, как налаживается жизнь немецкого народа, как организуется деятельность Коммунистической партии Германии, значительная часть которой была зверски уничтожена гитлеровцами.

После беседы с Михаилом Ивановичем я пошел к Верховному В кабинете были, кроме членов Государственного Комитета Обороны, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, А. И. Антонов, начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев, несколько генералов, ведавших в Генеральном штабе организационными вопросами.

Алексей Иннокентьевич докладывал расчеты Генштаба по переброске войск и материальных средств на Дальний Восток и сосредоточению их по будущим фронтам. По наметкам Генштаба выходило, что на всю подготовку к боевым действиям с Японией потребуется около трех месяцев.

Затем И. В. Сталин спросил:

— Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев — солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Эту идею все горячо поддержали и начали тут же вносить ряд практических предложений.

Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый из нас считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий.

Тут же А. И. Антонову было дано задание подготовить все необходимые расчеты по параду и проект директивы. На другой день все документы были доложены И. В. Сталину и утверждены им.

На парад предусматривалось пригласить по одному сводному полку от Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, сводные полки Военно-Морского Флота и Военно-Воздушных Сил.

В состав полков включались Герои Советского Союза, кавалеры орденов Славы, прославленные снайперы и наиболее отличившиеся орденоносцы — солдаты, сержанты, старшины и офицеры.

Сводные фронтовые полки должны были возглавлять командующие фронтами.

Решено было привезти из Берлина Красное знамя, которое было водружено над рейхстагом, а также боевые знамена немецко-фашистских войск, захваченные в сражениях советскими войсками.

В конце мая и начале июня шла усиленная подготовка к параду. В десятых числах июня весь состав участников уже был одет в новую парадную форму и приступил к тренировке.

12 июня Михаил Иванович Калинин вручил мне третью “Золотую Звезду” Героя Советского Союза.

Точно не помню, кажется, 18—19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский. Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе. Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намека:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный...

На другой день я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка к параду. Там встретил сына Сталина Василия. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю:

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: “Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист”.

— А на какой лошади отец тренировался? — спросил я Василия.

— На белом арабском коне, на котором он рекомендовал вам принимать парад. Только прошу об этом никому не говорить, — снова повторил Василий.

И я до сих пор никому не говорил. Однако прошло уже много лет, и думаю, что теперь об этом случае “можно рассказать...

Построение Парада Победы было определено И. В. Сталиным в порядке общей линии действующих фронтов, справа налево. На правом фланге был построен полк Карельского, затем Ленинградского, 1-го Прибалтийского фронтов и так далее. На левом фланге строй замыкали 4-й Украинский, сводный полк Военно-Морского Флота и части гарнизона Московского военного округа.

Для каждого сводного полка были специально выбраны военные марши, которые были особенно ими любимы. Предпоследняя репетиция к параду состоялась на Центральном аэродроме, а последняя, генеральная, — на Красной площади. В короткий срок все сводные полки были отлично подготовлены и производили внушительное впечатление.

22 июня в газетах был опубликован следующий приказ Верховного Главнокомандующего:

“В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы...

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин

Москва, 22 июня 1945 года”.

Вот он, долгожданный и незабываемый день! Советский народ твердо верил, что он настанет. Героические воины, воодушевляемые партией Ленина, под командой своих прославленных командиров прошли тяжелый четырехлетний боевой путь и закончили его блистательной победой в Берлине.

24 июня 1945 года я встал раньше обычного. Сразу же поглядел в окно, чтобы убедиться в правильности сообщения наших синоптиков, которые накануне предсказывали на утро пасмурную погоду и моросящий дождь. Как хотелось, чтобы на сей раз они ошиблись в своих прогнозах!

Но, увы, на этот раз погоду они предсказали верно. Над Москвой было пасмурное небо и моросил дождь. Позвонил командующему военно-воздушными силами, который сказал, что на большей части аэродромов погода нелетная.

Казалось, Парад Победы не пройдет так торжественно, как всем нам хотелось. Но нет! Москвичи в приподнятом настроении шли с оркестрами к району Красной площади, чтобы принять участие в демонстрации в тот исторический день. Их счастливые лица, масса лозунгов, транспарантов, песни создавали всеобщее ликующее настроение.

А те, кто не принимал участия в демонстрации на Красной площади, заполонили все тротуары. Радостное волнение и крики “ура” в честь победы над фашизмом объединяли их с демонстрантами и войсками. В этом единении чувствовалась великая сила и могущество Страны Советов.

Без трех минут десять я был на коне у Спасских ворот.

Отчетливо слышу команду: “Парад, смирно!”. Вслед за командой прокатился гул аплодисментов руководителям партии и правительства, появившимся на Мавзолее.

Часы отбивают 10.00. Что тут говорить, сердце билось учащенно. Но с выездом на Красную площадь, когда грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии "Славься!" Глинки, а затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались четкие слова командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, который, конечно, волновался не меньше моего. Его рапорт поглотил все мое внимание, и я стал спокоен.

Боевые знамена войск, под которыми был завершен разгром врага, опаленные войной мужественные лица воинов, их восторженно блестевшие глаза, новые мундиры, на которых сверкали боевые ордена и знаки отличия, создавали волнующую и незабываемую картину.

Как жаль, что многим верным сынам Родины, павшим в боях с жестоким врагом, не довелось дожить до этого радостного дня, дня нашего торжества!

Во время объезда и приветствия войск я видел, как с козырьков фуражек струйками сбегала вода от дождя, но душевный подъем был настолько велик, что никто этого не замечал.

Особенный восторг охватил всех, когда торжественным маршем двинулись полки героев мимо Мавзолея В. И. Ленина. Во главе их шли прославившиеся в сражениях с фашистскими войсками генералы, маршалы родов войск и Маршалы Советского Союза.

Ни с чем не сравнимым был момент, когда двести бойцов — ветеранов войны под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея В. И. Ленина двести знамен немецко-фашистской армии.

Пусть помнят этот исторический акт реваншисты, любители военных авантюр!

После Парада Победы состоялся правительственный прием в честь участников парада. На приеме присутствовали руководители партии и правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, члены ЦК партии, наркомы, виднейшие деятели Красной Армии и Флота, науки, искусства, литературы, промышленности и сельского хозяйства.

Было произнесено много теплых речей в честь партии, сплотившей советский народ на борьбу с врагом и организовавшей вооруженные силы на разгром врага; в честь Советских Вооруженных Сил, осуществивших полный разгром фашистской Германии; в честь деятелей науки, техники, промышленности, сельского хозяйства и искусства, обеспечивших материально-техническую и духовную мощь наших вооруженных сил в борьбе с сильным, опытным и лютым врагом; в честь великого советского народа.

Разъехавшись по своим служебным местам, участники Парада Победы долгое время находились под его впечатлением.

По возвращении в Берлин мы предложили американцам, англичанам и французам провести парад войск в честь победы над фашистской Германией в самом Берлине. Через некоторое время был получен их положительный ответ. Парад советских войск и войск союзников было решено провести в сентябре в районе рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили завершающие бои при взятии советскими войсками Берлина 1—2 мая 1945 года.

Согласно договоренности парад войск должны были принимать главнокомандующие войсками Советского Союза, США, Англии и Франции.

В берлинском параде участвовали все рода сухопутных войск. Военно-воздушные и военно-морские силы решено было не привлекать, так как они были значительно удалены от Берлина.

Близилось время парада. Советские войска провели тщательную подготовку. На парад мы старались пригласить прежде всего солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов, особо отличившихся при штурме Берлина и его главных очагов сопротивления — рейхстага и имперской канцелярии. Все шло так, как было согласовано с союзниками.

Но накануне парада мы были неожиданно предупреждены о том, что по ряду причин главнокомандующие союзными войсками не могут прибыть в Берлин на парад и уполномочили своих генералов принять в нем участие.

Я тотчас же позвонил И. В. Сталину. Выслушав мой доклад, он сказал:

— Они хотят принизить политическое значение парада войск стран антигитлеровской коалиции. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайте внимания на отказ главкомов и принимайте парад сами, тем более что вы имеете на это прав больше, чем они.

Парад войск в Берлине состоялся 7 сентября 1945 года в точно назначенное время. В нем приняли участие советские войска, штурмовавшие Берлин, американские, английские и французские войска, которые находились в Берлине для несения оккупационной службы в отведенных им секторах западной части города.

Объехав войска, построенные для прохождения торжественным маршем, я произнес речь, в которой были отмечены исторические заслуги советских войск и экспедиционных сил союзников.

Наша пехота, танкисты и артиллеристы прошли в безукоризненном строю. Особо внушительное впечатление произвели танки и самоходная артиллерия. Из союзных войск лучшей строевой подготовкой отличились английские войска.

В районе, где проходил парад, собралось около двадцати тысяч берлинцев. Это было торжество, символизирующее победу стран антигитлеровской коалиции над кровавой фашистской агрессией.

Глава двадцать третья. **Потсдамская конференция. Контрольный совет по управлению Германией**

В мае 1945 года, примерно в двадцатых числах, поздно вечером мне домой позвонил А. Н. Поскребышев и передал, чтобы я приехал в Кремль к И. В. Сталину.

В кабинете Верховного, кроме него, находились В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов.

После взаимных приветствий И. В. Сталин сказал:

— В то время как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск.

— Я думаю, — продолжал И. В. Сталин, — англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы их можно было использовать позже. А это — прямое нарушение договоренности между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск.

Обращаясь к В. М. Молотову, И. В. Сталин сказал:

— Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров.

— Советская делегация завтра выезжает во Фленсбург, — ответил В. М. Молотов.

— Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкуется с Трумэном, — заметил И. В. Сталин.

— Американские войска до сих пор находятся в Тюрингии и, как видно, пока не собираются уходить в свою зону оккупации, — сказал я. — По имеющимся у нас сведениям, американцы охотятся за новейшими патентами, разыскивают и отправляют в Америку крупных немецких ученых. Такую же практику они проводят и в других европейских странах. По этому поводу я уже писал Эйзенхауэру и просил его ускорить отвод американских войск из Тюрингии. Он ответил мне, что собирается в ближайшие дни приехать в Берлин, чтобы установить личный контакт со мной и обсудить все вопросы.

Думаю, что следует потребовать от Эйзенхауэра немедленного выполнения договоренности о расположении войск в предназначенных зонах оккупации. В противном случае нам следует воздержаться от допуска военного персонала союзников в зоны большого Берлина.

— Правильно, — одобрил И. В. Сталин. — Теперь послушайте, зачем я вас вызвал. Военные миссии союзников сообщили, что в начале июня в Берлин прибудут Эйзенхауэр, Монтгомери и Латр де Тассиньи для подписания декларации о взятии Советским Союзом, США, Англией и Францией верховной власти по управлению Германией на период ее оккупации. Вот текст, прочтите, — сказал И. В. Сталин, передавая мне сложенный лист бумаги.

Там было сказано:

“Правительства Советского Союза, США, Англии и Франции берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагает германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть”.

Декларация предусматривала:

— полное разоружение всех германских вооруженных сил, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА, гестапо и все другие силы или вспомогательные организации, имевшие оружие, с передачей оружия союзникам;

— арест всех главных фашистских лидеров и лиц, подозреваемых в военных преступлениях;

— принятие союзниками таких мер по разоружению и демилитаризации Германии, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности.

Я вернул Верховному документ.

— В этой связи, — продолжал И. В. Сталин, — возникает вопрос об учреждении Контрольного совета по управлению Германией, куда войдут представители всех четырех стран. Мы решили поручить вам должность Главноначальствующего по управлению Германией от Советского Союза. Помимо штаба Главкома, нужно создать советскую военную администрацию. Вам нужно иметь заместителя по военной администрации. Кого вы хотите иметь своим заместителем?

Я назвал генерала В. Д. Соколовского. И. В. Сталин согласился.

Затем он ознакомил меня с основными вопросами организации Контрольного совета по Германии:

— В этот совет, кроме вас, назначаются от США генерал армии Эйзенхауэр, от Англии — фельдмаршал Монтгомери, от Франции — генерал Латр де Тассиньи. У каждого из вас будет политический советник. У вас будет Вышинский, у Эйзенхауэра — Роберт Мэрфи, у Монтгомери — Стронг. Кто будет от Франции, пока неизвестно.

Все постановления Контрольного совета действительны при единогласном решении вопроса. Вероятно, в ряде вопросов вам придется действовать одному против трех.

Зажигая трубку, он добавил, улыбаясь:

— Ну, да нам не привыкать драться одним... Главнейшей целью Контрольного совета, — продолжал И. В. Сталин, — должно явиться быстрое налаживание мирной жизни германского народа, полное уничтожение фашизма и организация работы местных властей. В состав местных органов власти в Германии следует отбирать трудящихся, из тех, кто ненавидит фашизм.

Нашу страну фашисты разорили и разграбили, поэтому вам, Соколовскому, Сабурову и Зорину нужно серьезно поработать над тем, чтобы быстрее осуществить договор с союзниками о демонтаже некоторых военно-промышленных предприятий в счет репараций.

Получив эти указания, я вскоре отправился в Берлин. На следующий же день по прибытии ко мне явился с визитом генерал Д. Эйзенхауэр со своей многочисленной свитой, в которой был и командующий стратегической авиацией США генерал К. Спаатс.

Генерала Д. Эйзенхауэра мы принимали в штабе фронта в Вевденшлоссе. Вместе со мной был А. Я. Вышинский.

Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески. Д. Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а затем сказал:

— Так вот вы какой!

Пожав ему крепко руку, я поблагодарил в его лице войска союзников, боровшихся вместе с нами против фашизма, и с удовлетворением отметил, что между нашими армиями и народами в годы войны с гитлеровской Германией установилось плодотворное содружество.

Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д. Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации. А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

— Я согласен с вами и буду на этом настаивать, — ответил Д. Эйзенхауэр.

Я не хотел расспрашивать его, перед кем он будет настаивать. Для меня было ясно, что этот вопрос упирается в большую политику, вернее — в Черчилля и Трумэна.

Здесь же, в моем кабинете, был устроен для Д. Эйзенхауэра и его спутников завтрак, после чего они вылетели в свою ставку во Франкфурт-на-Майне.

Внешне Д. Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление. Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора.

5 июня в Берлин прибыли Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, Ж. Латр де Тассиньи для подписания Декларации о поражении Германии и принятия верховной власти в Германии правительствами СССР, США, Англии и Франции.

Перед заседанием Д. Эйзенхауэр приехал ко мне в штаб, чтобы вручить высший военный орден США— “Легион почета” степени Главнокомандующего, которым я был награжден американским правительством.

Я позвонил Верховному и доложил об этом.

И. В. Сталин сказал:

— Нам, в свою очередь, нужно наградить Эйзенхауэра и Монтгомери орденами Победы, а Латра де Тассиньи орденом Суворова 1 степени.

— Могу ли я объявить им об этом?

— Да, конечно.

При подписании Декларации я впервые лично познакомился с фельдмаршалом Б. Монтгомери.

Во время войны я внимательно следил за действиями английских войск под его командованием. В 1940 году экспедиционный корпус англичан постигла катастрофическая неудача в районе Дюнкерка. Затем английские войска, находившиеся под командованием Монтгомери, разгромили немецкий корпус генерала Роммеля в районе Эль-Аламейна. При осуществлении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию Монтгомери умело руководил войсками союзников и наступлением их до самой Сены.

Монтгомери был выше среднего роста, очень подвижен, по-солдатски подтянут и производил впечатление живого и думающего человека. Он заговорил со мной об операциях в районе Эль-Аламейна и в Сталинграде. В его представлении обе эти операции были равноценны.

Ни в какой мере не желая преуменьшать заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба. В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения, вследствие которой крупнейшая группировка немецких войск и войск их союзников была разгромлена в районе Волги и

Дона, а затем и Северного Кавказа. Эта операция, как известно, положила начало коренному перелому в войне и изгнанию немецких войск из нашей страны.

После подписания декларации Монтгомери, обратившись ко мне, сказал:

— Господин маршал, мы решили в ближайшие дни занять в Берлине свою зону, и, видимо, наши друзья американцы и французы также пожелают одновременно с нами занять каждый свою зону. В связи с этим я хотел бы сейчас договориться с вами об установлении коммуникаций для прохода наших частей в Берлин.

— Прежде чем решать вопрос о коммуникациях, по которым английские и американские части войдут в Берлин, нужно, чтобы войска, союзников расположились в тех районах Германии, которые были предусмотрены решениями Крымской конференции. Поэтому до тех пор, пока американские войска не уйдут из Тюрингии, а английские из района Виттенберга, я не могу согласиться на пропуск в Берлин военного персонала союзников, а также на размещение персонала административных органов Контрольного совета.

Б. Монтгомери начал было возражать, но тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр.

— Монти, не спорь! Маршал Жуков прав. Тебе надо скорее убираться из Виттенберга, а нам из Тюрингии.

— Ну, хорошо, — сдался Монтгомери, — не будем сейчас спорить. Давайте лучше на память о первой нашей встрече сфотографируемся. На этот случай я привез с собой отличного фотографа...

После того как фотограф наконец “расстрелял” весь свой запас пленки, я объявил командующим войсками союзников о решении Советского правительства наградить их высшими советскими военными орденами. На мой вопрос, где и когда можно вручить им ордена, Эйзенхауэр и Монтгомери ответили, что просят прибыть к ним во Франкфурт-на-Майне 10 июня.

Проводив своих будущих коллег по Контрольному совету, я позвонил И. В. Сталину и рассказал о претензии Монтгомери и позиции, занятой Эйзенхауэром.

И. В. Сталин, рассмеявшись, сказал:

— Надо как-нибудь пригласить Эйзенхауэра в Москву. Я хочу познакомиться с ним.

10 июня, как было условлено, мы вылетели в штаб Д. Эйзенхауэра во Франкфурт-на-Майне, где были встречены большим почетным караулом американских войск, который произвел на меня хорошее впечатление своей внешней выправкой.

Штаб Эйзенхауэра находился в громаднейших помещениях химического концерна “И.Г. Фарбениндустри”, который уцелел во время ожесточенных бомбардировок Франкфурта, хотя сам город авиацией союзников был превращен в развалины.

Следует отметить, что и в других районах Германии объекты химического концерна “И.Г. Фарбениндустри” остались также нетронутыми, хотя цели для бомбардировок были

отличные. Ясно, что на этот счет командованию союзников из Вашингтона и Лондона были даны особые указания.

Сохранились и многие другие военные заводы. Как потом выяснилось, финансовые нити от этих крупнейших военных объектов тянулись к монополиям Америки и Англии.

Состоялась церемония награждения советскими орденами Эйзенхауэра и Монтгомери, американских и английских генералов и офицеров. После вручения орденов был проведен воздушный парад американской и английской авиации, в котором участвовало несколько сот самолетов. Затем все мы были приглашены на завтрак.

Уезжали мы из Франкфурта с надеждой на установление дружественных взаимоотношений и согласованных действий в работе по четырехстороннему управлению Германией.

Вскоре американцы и англичане отвели свои войска из районов, которые они заняли в нарушение договоренности. Вслед за этим в Берлин прибыли оккупационные части войск США, Англии и Франции и персонал административных органов Контрольного совета.

Во второй половине июня ко мне с визитом прибыл фельдмаршал Монтгомери. После взаимных приветствий он сообщил о награждении английским правительством меня, маршала К. К. Рокоссовского, генералов В. Д. Соколовского и М. С. Малинина военными орденами Великобритании.

Б. Монтгомери просил назначить день, когда он сможет вручить нам ордена, и место для церемонии. Я попросил его самого назначить день и место.

Фельдмаршал Б. Монтгомери с большим тактом сказал:

— Советские войска произвели свой завершающий удар в районе Бранденбургских ворот, где они водрузили над рейхстагом Красное знамя. Я полагаю, что именно в этом месте и следует вручить вам ордена Великобритании, которыми отмечаются заслуги руководимых вами советских войск.

В назначенный день и час Константин Константинович Рокоссовский, Василий Данилович Соколовский, Михаил Сергеевич Малинин и я прибыли к Бранденбургским воротам, где были торжественно встречены почетным караулом английских гвардейских войск и большой группой генералов и офицеров.

Награждение состоялось около рейхстага. Я был награжден орденом “Бани” 1 степени и Большим рыцарским крестом, К. К. Рокоссовский — орденом “Бани” II степени, В. Д. Соколовский и М. С. Малинин — орденами “За заслуги”.

Вечером фельдмаршал Монтгомери в своей резиденции устроил прием, на котором присутствовали многие наши генералы и офицеры.

Церемоний награждений я коснулся потому, что в свое время в некоторых газетах была дана не совсем точная информация об этих событиях.

Первое время Контрольный совет и все его органы работали без особых трений. Заседания Совета проходили по мере необходимости, но не чаще одного раза в неделю. Между заседаниями вопросы обычно предварительно обсуждались в рабочих комитетах Контрольного совета.

Любопытная деталь. В процессе работы Контрольного совета питание участников заседаний союзники осуществляли по очереди: один месяц кормили американцы, другой — англичане, затем — французы, потом — мы. Когда наступала наша очередь, количество участников заседаний увеличивалось вдвое. Это объяснялось широким русским гостеприимством, хорошо зарекомендовавшей себя русской кухней и, разумеется, знаменитой русской икрой и водкой...

С первых шагов нашей работы чувствовалось, что во всех комитетах Контрольного совета идет тщательное изучение советских представителей, политики и тактики советской стороны, наших сильных и слабых позиций. Мы тоже присматривались к своим западным партнерам и их действиям.

Надо сказать, что американский и английский персонал был заранее подготовлен для работы в Контрольном совете. У них была хорошо отработана вся справочная документация по Германии, ее хозяйственному и военному потенциалу, они были заранее проинструктированы по вопросам экономической политики в отношении будущего Германии. К сожалению, всего этого у нас не было. Приходилось многое осваивать на ходу, зачастую обращаясь в Москву за консультацией и указаниями, что мешало оперативности в решении вопросов в Контрольном совете.

Обстановка, в которой начал свою работу Контрольный совет, характеризовалась следующими моментами.

Народы стран — союзников СССР были полны благодарности Советским Вооруженным Силам за разгром Германии и уничтожение той опасности, которую представлял гитлеризм для всех народов мира. К фашистам отношение было сугубо враждебным. В этих условиях правящие круги США считали преждевременным и опасным раскрывать подлинные планы и намерения, предпочитали продолжать сотрудничество с Советским Союзом.

К тому же, как и правящие круги Англии, они были заинтересованы в участии СССР в войне против Японии и с нетерпением ожидали нашего вступления в эту войну. Естественно, они не хотели предпринимать чего-либо такого, что могло бы ухудшить отношения с Советским Союзом.

Вот почему работа Контрольного совета первое время протекала сравнительно гладко.

Однако следует отметить, что поведение представителей США, Англии и Франции не было искренним. Решения Крымской конференции и Контрольного совета проводились в их зонах оккупации односторонне, чисто формально, а в ряде случаев и просто саботировались. Это относится и к решению о демилитаризации Германии. Ни в экономической, ни в политической, ни непосредственно в военной области это решение полностью осуществлено не было.

В начале работы Контрольного совета мы договорились с Д. Эйзенхауэром послать группу советских офицеров разведотдела штаба фронта в американскую зону для допроса главных военных преступников, которых в американской зоне набралось больше, чем в какой-либо другой.

Там были Геринг, Риббентроп, Кальтенбруннер, генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль и другие не менее важные персоны третьего рейха. Однако американцы, имея соответствующие указания, не разрешили нашим офицерам допросить всех военных преступников. Удалось допросить лишь некоторых. В своих показаниях гитлеровцы петляли как зайцы, стараясь во всех преступлениях перед человечеством обвинить одного Гитлера, и всячески уклонялись от признания своей личной вины.

Материалы допросов подтверждали наличие закулисных переговоров гитлеровцев с разведывательными органами США и Англии о возможности сепаратного мира с этими странами.

В процессе дальнейшей работы в Контрольном совете нам стало труднее договариваться с американцами и англичанами. Наши предложения об осуществлении тех или иных пунктов Декларации о поражении Германии, подписанной и согласованной на конференции глав правительств, вызывали сопротивление со стороны наших коллег по Контрольному совету.

Вскоре мы получили достоверные сведения о том, что еще в ходе заключительной кампании Черчилль направил фельдмаршалу Монтгомери секретную телеграмму с предписанием:

“Тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складывать ее, чтобы легко можно было бы снова раздать это вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось”.

На очередном заседании Контрольного совета нам пришлось сделать резкое заявление по этому поводу, подчеркнув, что история знает мало примеров подобного вероломства и измены союзническим обязательствам и долгу.

Советский Союз, указали мы, строго выполняет свои союзнические обязательства, которые были приняты всеми союзниками в этой войне. Мы считаем, что английское командование и его правительство заслуживают серьезного осуждения.

Монтгомери пытался отвести советское обвинение. Его коллега американский генерал Клей молчал. Очевидно, он знал об этой директиве премьер-министра Англии.

Впоследствии Черчилль, выступая перед избирателями округа Вуддфорд, открыто заявил, что, когда немцы сдавались сотнями тысяч в плен, он действительно направил подобный секретный приказ фельдмаршалу Монтгомери. Некоторое время спустя и сам Монтгомери подтвердил получение этой телеграммы от Черчилля.

За годы войны, как известно, гитлеровцы угнали миллионы советских людей в Германию на принудительные работы и в концлагеря. Всех освобожденных в восточной части Германии мы старались как можно скорее вернуть на Родину, по которой люди за тяжкие

годы в неволе так истосковались. Но значительная часть советских граждан и бывших в германском плену наших солдат и офицеров находилась в зонах союзников.

Естественно, мы стали настойчиво добиваться передачи их в нашу зону для возвращения в Советский Союз. Я обратился к Д. Эйзенхауэру, который с пониманием отнесся к этой просьбе, и нам удалось значительную часть советских людей вывезти из американской, а затем и английской зон.

Но потом нам стало известно, что среди советских граждан, солдат и офицеров, находившихся в лагерях военнопленных, американцы и англичане ведут усиленную агитацию за невозвращение на Родину. Их убеждали остаться на Западе, обещая хорошо оплачиваемую работу и всякие блага. При этом была пущена в ход обычная в таких случаях клевета на Советский Союз и всевозможные запугивания.

Под влиянием антисоветской агитации некоторая часть этих людей, совершивших те или иные преступления перед Родиной, действительно отказались вернуться, связав свою судьбу с американской и английской разведкой. Но были и такие, которые, польстившись на обещанную “легкую жизнь”, колебались в своем решении не возвращаться в Советский Союз.

При встречах с Эйзенхауэром и его заместителем генералом Клеем мы резко протестовали против этой антисоветской пропаганды. Эйзенхауэр и Клей вначале пытались прикрыться “гуманными целями”, но затем разрешили нашим офицерам встретиться для разговора с задержанными советскими людьми в американских лагерях.

После откровенных бесед и разъяснений советскими офицерами вопросов, волновавших этих людей, многие, поняв свое заблуждение и фальшь пропаганды американских разведчиков, заявили о своем решении вернуться и прибыли в советскую зону для отправки на Родину.

В конце мая 1945 года И. В. Сталин предупредил меня о том, что, возвращаясь после посещения Москвы, проездом через Берлин, мне нанесет визит Гарри Гопкинс, особо доверенное лицо президента США.

Г. Гопкипс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом.

Прямо с аэродрома Гарри Гопкинс с супругой, очень красивой женщиной лет тридцати, приехали ко мне. Среднего роста, очень худой, Г. Гопкинс имел крайне переутомленный и болезненный вид.

В беседе принял участие А. Я. Вышинский.

За завтраком Г. Гопкинс сказал, что был принят в Москве И. В. Сталиным. Во время этой встречи обсуждались вопросы предстоящей Конференции глав правительств.

— Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, — сказал Г. Гопкинс, — но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные

разговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много “горючего материала”.

— Если наши страны в сложных условиях войны находили общий язык для организации разгрома фашистской Германии, надо полагать, что теперь главы правительств смогут договориться о мерах по окончательной ликвидации фашизма и устройству жизни Германии на демократической основе, — ответил ему А. Я. Вышинский.

Г. Гопкинс ничего на это не ответил. Сделав глоток кофе, он сказал, глубоко вздохнув:

— Жаль, не дожил президент Рузвельт до этих дней, с ним легче дышалось.

Г. Гопкинс с супругой пробыли у меня около двух часов. Прощаясь, он сказал, что вылетает в Лондон, где примет участие в переговорах с У. Черчиллем.

— Я уважаю старика, — сказал он, — но тяжелый он человек. С ним мог легко разговаривать лишь Франклин Рузвельт...

Вскоре к нам прибыла группа ответственных работников Комитета госбезопасности и Наркомата иностранных дел для подготовки предстоящей конференции.

Я объяснил им, что в Берлине нет надлежащих условий для проведения конференции глав правительств, и предложил ознакомиться с районом Потсдама.

Потсдам тоже был сильно разрушен, размещать там делегации было трудно. Единственное большое здание, которое уцелело, был дворец германского кронпринца. Здесь было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников.

Для расквартирования глав делегаций, министров иностранных дел, основных советников и экспертов хорошо подходил пригород Потсдама — Бабельсберг, почти не пострадавший от бомбежек. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные фашистские деятели. Пригород состоял из многочисленных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Москва санкционировала наше предложение о подготовке конференции в районе Потсдама. Дали свое согласие на проведение конференции в этом районе англичане и американцы.

Началась спешка с приведением в надлежащий порядок территорий, зданий, путей движения. Пришлось выделить многочисленные отряды и команды инженерных частей. Работа шла чуть ли не 24 часа в сутки. К 10 июля все было закончено, подходило к концу и оборудование помещений.

Надо отдать должное энергичным усилиям хозяйственных работников тыла во главе с генералом Н. А. Антипенко, которые в короткий срок проделали колоссальнейшую работу. Особенно много пришлось потрудиться начальнику квартирно-эксплуатационного отдела полковнику Г. Д. Косогляду.

В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцы выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичане для У. Черчилля — розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен Гартэн соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, сотни декоративных деревьев.

13 и 14 июля прибыла группа советников и экспертов делегации Советского Союза.

Среди них — начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, начальник Главного военно-морского штаба С. Г. Кучеров. Наркомат иностранных дел представляли А. Я. Вышинский, А. А. Громыко, С. И. Кавтарадзе, И. М. Майский, Ф. Т. Гусев, К. В. Новиков, С. К. Царапкин, С. П. Козырев, Ф. Я. Фалалеев. Одновременно прибыл и многочисленный дипломатический аппарат.

16 июля специальным поездом должны были прибыть И. В. Сталин, В. М. Молотов и сопровождающие их лица.

Накануне мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого считаете нужным. Об охране на вокзале позаботится генерал Власик.

Все мы прибыли на вокзал примерно за полчаса до прихода поезда. Здесь были А. Я. Вышинский, А. И. Антонов, Н. Г. Кузнецов, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский, М. С. Малинин и другие ответственные лица.

Я встретил И. В. Сталина около вагона. Он был в хорошем расположении духа и, поздоровавшись, сказал:

— Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов. А затем добавил:

— Так будет и впредь со всеми любителями военных авантюр.

Затем И. В. Сталин подошел к группе встречавших и поздоровался коротким поднятием руки, как он всегда это делал, здороваясь с теми, кому не подавал руки. Окинув взглядом привокзальную площадь, медленно сел в машину, а затем, вновь открыв дверцу, пригласил меня сесть рядом. В пути он интересовался, все ли подготовлено к открытию конференции.

И. В. Сталин обошел отведенную ему виллу и спросил, кому она принадлежала раньше. Ему ответили, что это вилла генерала Людендорфа. И. В. Сталин не любил излишеств в обстановке. После обхода помещений он попросил убрать ковры, лишнюю мебель. Потом он поинтересовался, где будут находиться я, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и другие военные, прибывшие из Москвы.

— Здесь же, в Бабельсберге, — ответил я.

После завтрака я доложил основные вопросы по группе советских оккупационных войск в Германии и рассказал об очередном заседании Контрольного совета, где по-прежнему наибольшие трудности мы испытывали при согласовании проблем с английской стороной.

В тот же день прибыли правительственные делегации Англии во главе с премьер-министром У. Черчиллем и США во главе с президентом Г. Трумэном. Сразу же состоялись встречи министров иностранных дел, а премьер-министр У.Черчилль и президент Г. Трумэн нанесли визит И. В. Сталину. На другой день утром И. В. Сталин нанес им ответные визиты.

Потсдамская конференция была не только очередной встречей руководителей трех великих держав, но и торжеством согласованной политики, увенчавшейся полным разгромом фашистской Германии и безоговорочной капитуляцией.

Советская делегация прибыла в Потсдам с твердым намерением достигнуть взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма.

При рассмотрении этих важнейших задач участники конференции были связаны решениями, ранее принятыми на Крымской конференции трех великих держав. Советской делегации снова удалось опрокинуть расчеты реакционных сил и добиться в качестве важнейшего условия мира дальнейшей конкретизации планов демократизации и демилитаризации Германии. Вместе с тем в Потсдаме гораздо сильнее, чем на предыдущих конференциях, проявилось стремление правительств США и Англии воспользоваться поражением Германии для усиления своих позиций в их борьбе за мировое господство.

Потсдамская конференция открылась во второй половине дня 17 июля 1945 года. Заседания ее проходили в самой большой комнате дворца, посередине которой стоял круглый, хорошо отполированный стол. Своеобразная деталь: достаточно большого круглого стола в Берлине мы не нашли. Пришлось срочно сделать его в Москве на фабрике “Люкс” и привезти в Потсдам.

На первом официальном заседании присутствовали главы правительств, все министры иностранных дел, их первые заместители, военные и гражданские советники и эксперты. На последующих заседаниях военные и гражданские эксперты и советники встречались отдельно и вели между собой переговоры по порученным им вопросам.

В процессе работы конференции основная тяжесть легла на плечи министров иностранных дел и дипломатических работников. Они должны были изучать, анализировать и оценивать всю документацию сторон, разработать свои предложения и защитить их на предварительных дипломатических переговорах и только после этого составлять документы для глав правительств.

Военные советники обсуждали основные предложения о разделе боевых кораблей военно-морского флота и крупных судов гражданского флота фашистской Германии. По этим вопросам предварительные переговоры с представителями военно-морских сил Англии и США вели наши адмиралы во главе с адмиралом флота Н. Г. Кузнецовым.

Американская и английская стороны всячески затягивали эти переговоры. И. В. Сталину пришлось в разговорах за круглым столом с Г. Трумэном и У. Черчиллем высказать ряд довольно резких замечаний о различном объеме потерь, понесенных в войне Советским Союзом и союзниками, и о праве нашей страны требовать соответствующую компенсацию.

Первое время конференция проходила очень напряженно. Советской делегации пришлось столкнуться с единым фронтом и заранее согласованной политикой США и Англии.

Основным вопросом на конференции был вопрос о послевоенном устройстве стран Европы, и главным образом переустройстве Германии на демократической основе. Германский вопрос перед Потсдамской конференцией готовился Европейской консультативной комиссией, Международной репарационной комиссией и детально рассматривался на Крымской конференции.

Дискуссии по германскому вопросу, как известно, велись начиная с Тегеранской конференции. Как и предусматривала ранее провозглашенная союзниками политика безоговорочной капитуляции фашистской Германии, главы правительств были единодушны в вопросах демилитаризации и денацификации Германии, полного разоружения и роспуска вермахта, уничтожения нацистской партии и всех ее филиалов, ареста и предания суду Международного трибунала главных военных преступников, а также строгого наказания всех военных преступников. Решения Потсдамской конференции предусматривали запрещение производства Германией какого бы то ни было вооружения.

На Потсдамской конференции было достигнуто соглашение о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении Германии в период союзного контроля над ней.

Было установлено, что дальнейшая работа по координации политики союзников в отношении контроля над Германией должна в будущем входить в компетенцию Контрольного совета в Берлине. После конференции мы получили выписку из решений, в которой, в частности, указывалось:

“Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире”.

Текст соглашения{99}, которым руководствовалась советская сторона в Контрольном совете по Германии, гласил:

“А. Политические принципы

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по

вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный совет, в частности, являются:

— полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней;

— уничтожение национал-социалистской партии и ее филиалов и подконтрольных организаций, роспуск всех нацистских учреждений, обеспечение того, чтобы они не возродились ни в какой форме, предотвращение всякой нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды;

— подготовка к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни;

— военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы;

— все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуобщественных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии;

— образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.

Б. Экономические принципы

В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии...

В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:

а) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;

б) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;

в) зарплаты, цен и рационирования;

г) программы импорта и экспорта для Германии в целом;

д) денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин;

е) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;

ж) транспорта и коммуникаций.

При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия".

Приходится поражаться тому, с какой легкостью эти принципиальные решения, единогласно принятые в Потсдаме великими державами, вскоре были перечеркнуты государственными руководителями США и Англии. В результате вновь возродился милитаризм. Дальнейший ход событий известен каждому.

Как тут не вспомнить замечательные слова президента США Франклина Рузвельта, сказанные им в 1943 году:

"После перемирия 1918 года мы думали и надеялись, что дух германского милитаризма искоренен. Под влиянием "набожного образа мыслей" мы потратили последующие пятнадцать лет на то, чтобы разоружиться, в то время как немцы подняли такой душераздирающий крик, что другие народы не только разрешили им вооружиться, но даже облегчили им эту задачу. Доброжелательные, но незадачливые попытки прежних лет оказались негодными. Я надеюсь, что мы их не повторим... Нет, я должен выразиться сильнее. Как Президент и Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Соединенных Штатов, я намерен сделать все, что в пределах человеческих возможностей, чтобы избежать повторения этой трагической ошибки".

Однако после смерти Ф. Рузвельта, как известно, политика США пошла совсем по иному пути...

Мы уже говорили, что в ходе Потсдамской конференции не все вопросы решались легко. Наиболее агрессивен был У. Черчилль. Однако И. В. Сталину в довольно спокойных тонах удавалось быстро убеждать его в неверном подходе к рассматриваемым вопросам. Г.

Трумэн, видимо, в силу своего тогда еще ограниченного дипломатического опыта реже вступал в острые политические дискуссии, предоставляя приоритет У. Черчиллю.

Серьезному обсуждению подвергся вопрос, вторично поставленный делегациями США и Англии, о расчленении Германии на три государства: 1) Южногерманское; 2) Северогерманское; 3) Западногерманское. Первый раз он ими выдвигался на Крымской конференции, где был отвергнут советской делегацией. В Потсдаме глава Советского правительства вновь отклонил постановку вопроса о расчленении Германии.

И. В. Сталин говорил:

— Мы не должны допускать по отношению к немецкому народу такую историческую несправедливость. Немецкий народ никогда не согласится с искусственным расчленением своей родины. Это предложение мы отвергаем, оно противоестественно: надо не расчленять Германию, а сделать ее демократическим, миролюбивым государством.

По настоянию советской делегации в потсдамские решения союзных держав было включено положение о создании центральных германских административных департаментов. Однако из-за противодействия представителей западных властей впоследствии это решение было сорвано. Департаменты созданы не были, да и объединение Германии на миролюбивых и демократических основах, как это предусматривалось в Потсдаме, не было достигнуто.

В отношении восстановления экономики Германии было решено, что главное внимание должно быть уделено развитию мирной промышленности и сельского хозяйства. Конференция определила мероприятия по уничтожению германского военного потенциала.

Были определены объем репараций и порядок их получения. Правда, Г. Трумэн и особенно У. Черчилль не хотели, чтобы в счет репараций демонтировались предприятия тяжелой индустрии западной части Германии. Однако в конце концов они согласились, хотя и с всевозможными оговорками, выделить часть оборудования военных заводов из западных зон. К сожалению, это решение было принято только на бумаге: как и некоторые другие постановления Потсдамской конференции, оно не было реализовано.

Конференция вынесла также решение о передаче Советскому Союзу Кенигсберга и прилегающего к нему района.

Для проведения подготовительной работы по заключению мирных договоров было решено учредить Совет министров иностранных дел пяти держав. В этот Совет были включены министры иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая. Совету поручалось составить проект мирного договора для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, а также подготовить мирный договор с Германией.

В скором времени зоны оккупации США, Англии и Франции превратились в Федеративную Республику Германии. Так союзники осуществили на практике свою идею расчленения Германии.

Довольно остро обсуждался вопрос о Польше и ее западных границах. И несмотря на то что эти проблемы были в основном уже предрешены на Крымской конференции, У. Черчилль пытался под различными, явно несостоятельными предлогами отвергнуть советское предложение о западных границах Польского государства по рекам Одеру и Нейсе с включением Свинемюнде и Штеттина. После обстоятельного и аргументированного заявления делегации Польши, возглавлявшейся Б. Берутом, которая была специально вызвана в этой связи в Потсдам, вопрос о западных границах был решен компромиссно. В принятом решении сказано:

“Впредь до окончательного определения границ в мирном договоре передать Польше территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря, чуть западнее Свинемюнде, и далее по Одеру и Нейсе до границы Чехословакии”.

Английская сторона настаивала на том, чтобы народное польское правительство взяло на себя возмещение всех займов, субсидированных Англией эмигрантскому польскому правительству Т. Арцишевского, бежавшего в 1939 году из Польши в Лондон. Советская и польская делегации решительно отвергли подобные притязания Великобритании.

Одновременно была достигнута договоренность о прекращении со стороны США и Англии дипломатических отношений с бывшим польским (эмигрантским) правительством, находившимся в Лондоне.

Предложение о передаче Советскому Союзу Кенигсберга и прилегающих к нему районов было принято без дискуссии, так как в принципе этот вопрос был решен еще на Тегеранской конференции.

Г. Трумэн и У. Черчилль торжественно заявили от имени своих правительств, что они твердо поддержат это решение при подписании мирного договора.

Ликвидация Восточно-Прусского плацдарма имела исключительно важное значение. С этого плацдарма не раз немецкая военная агрессия направляла свои вооруженные полчища против соседних государств.

Разобрав и решив ряд других не менее важных вопросов, Потсдамская конференция закончила работу 2 августа.

Победа Советского Союза над фашистской Германией была столь убедительна, что правящие круги США и Англии в ту пору вынуждены были идти на согласованные решения. Это и обеспечило успех Потсдамской конференции.

В целом решения этого высокого форума свидетельствуют о победе демократических принципов послевоенного устройства мира. Советскому Союзу, активно способствовавшему созданию еще в ходе войны антифашистской коалиции, принадлежит в этом важная роль.

В ходе конференции глава американской делегации — президент США Г. Трумэн, очевидно с целью политического шантажа, пытался повести на И. В. Сталина психологическую атаку.

Не помню точно, какого числа, в ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной бомбой. Но это сообщение не удивило И. В. Сталина, так как из просочившихся сведений ему было известно о том, что американцы вели усиленную работу над атомной бомбой.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. У. Черчилль, как и многие другие английские и американские авторы, потом утверждал, что, вероятно, И. В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают. И. В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о работе над атомной бомбой.

Тогда уже было ясно, что правительство США намерено использовать атомное оружие для достижения своих империалистических целей с позиции силы. 6 и 9 августа 1945 года это подтвердилось на практике. Американцы без всякой к тому военной необходимости сбросили две атомные бомбы на мирные густонаселенные японские города Хиросиму и Нагасаки.

То, о чем я рассказал выше, в основном известно. Однако Потсдамская конференция явилась таким важным этапом в истории Второй мировой войны, что обойти ее я, естественно, не мог. Теперь я хотел бы остановиться на своих личных впечатлениях, как очевидец этого важного совещания.

Как и главнокомандующие американскими и английскими войсками, я не являлся официальным членом делегации, однако мне приходилось присутствовать при рассмотрении вопросов, обсуждавшихся на Потсдамской конференции.

Должен сказать, что И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу. Особенно острые разногласия у него бывали с У. Черчиллем как в ходе заседаний, так и в частных беседах. Следует подчеркнуть, что У. Черчилль с большим уважением относился к И. В. Сталину и, как мне показалось, опасался вступать с ним в острые дискуссии. И. В. Сталин в спорах с У. Черчиллем был всегда предельно конкретен и логичен.

Незадолго до своего отъезда из Потсдама У. Черчилль устроил прием у себя на вилле. От Советского Союза были приглашены И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Антонов и я. От США — президент Г. Трумэн, государственный секретарь по иностранным делам Джемс Бирнс, начальник генерального штаба генерал армии Маршалл. От англичан были фельдмаршал Александер, начальник генерального штаба фельдмаршал Ален Брук и другие.

У. Черчилля до Потсдамской конференции я встречал всего лишь один раз в Москве, да и то мимолетно, разговаривать мне с ним не приходилось. На приеме он уделил мне много внимания, расспрашивал об отдельных сражениях. Надо сказать, что он довольно хорошо разбирался в военно-стратегических вопросах.

Его интересовала моя оценка главного командования английских войск и мнение об операциях, проведенных экспедиционными войсками союзников в Западной Германии. К его удовольствию, я высоко оценил организацию десантной операции через Ла-Манш.

— Однако я должен вас огорчить, мистер Черчилль, — сказал я тут же.

— А именно? — насторожился Черчилль.

— Я считаю, что после высадки союзных войск в Нормандии был допущен ряд серьезных промахов. И если бы не ошибка в оценке обстановки со стороны главного германского командования, продвижение союзных войск после их высадки могло значительно задержаться.

Черчилль ничего мне на это не возразил. Видимо, не в его интересах было углубляться в эту тему.

Во время приема первое слово взял президент США Г. Трумэн.

Отметив выдающийся вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии, Г. Трумэн предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза И. В. Сталина.

В свою очередь И. В. Сталин предложил тост за У. Черчилля, который в тяжелые для Англии военные годы взял на свои плечи руководство борьбой с гитлеровской Германией и успешно справился со своими большими задачами.

Совершенно неожиданно У. Черчилль предложил тост за меня. Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря У. Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его “товарищем”. Тут же заметил недоуменные взгляды И. В. Сталина и В. М. Молотова, у меня получилась пауза, которая, как мне показалось, длилась больше, чем следует. Импровизируя, я предложил тост за “товарищей по оружию”, наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся.

На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел “товарища” в лице У. Черчилля.

С 28 июля главой английской делегации на Потсдамской конференции стал лидер лейбористской партии К. Эттли, сменивший У. Черчилля на посту премьер-министра Англии. Вместе с К. Эттли прибыл и министр иностранных дел Э. Бевин. В отличие от У. Черчилля К. Эттли держался более сдержанно, но проводил ту же политическую линию, что и У. Черчилль, не внеся никаких коррективов в политику прежнего консервативного правительства.

Во время конференции И. В. Сталин рассмотрел и решил ряд доложенных мною важнейших вопросов по Германии. Им было утверждено решение Государственного Комитета Обороны о сформировании железнодорожных вертушек для вывоза демонтируемого оборудования с военных объектов Германии в частичное погашение репарационных платежей Советскому Союзу и Польской Народной Республике, а также об организации на западной границе Советского Союза перевалочных баз и перевозке грузов из Германии морским и речным флотом.

В частности, было утверждено решение Военного совета фронта “Об организации улова рыбы на побережье Балтийского моря”. Согласно этому решению войска 1-го Белорусского фронта должны были выловить во втором полугодии 1945 года двадцать одну тысячу тонн рыбы.

Надо сказать, что это было очень важное решение, так как поголовье скота в восточной части Германии к моменту занятия ее советскими войсками значительно сократилось. Поэтому поставка рыбы имела большое народнохозяйственное значение для германского населения.

Накануне отъезда в Москву И. В. Сталин обстоятельно познакомился с планом отправки войск в Советский Союз и ходом репатриации советских граждан из Германии. И. В. Сталин требовал принять все меры, чтобы советские люди получили возможность скорее вернуться на Родину.

После закрытия Потсдамской конференции И. В. Сталин сразу же выехал в Москву, дав нам необходимые указания по реализации ее решений в Контрольном совете.

Для выработки решения о разделе флота фашистской Германии была создана тройственная комиссия, в которую от Советского Союза был назначен наш адмирал Г. И. Левченко. Англичане уполномочили для этой цели Дж. Майлса и адмирала Барроу, американцы — адмирала Кинга.

Адмиралу Г. И. Левченко пришлось много поработать над тем, чтобы союзники выполнили решения Потсдамской конференции. Больше всего и всему противились англичане, которые всячески тормозили раздел боевых кораблей и транспортных судов. Он вынужден был многократно и настойчиво беседовать по этому поводу с фельдмаршалом Монтгомери, адмиралом Барроу и Эйзенхауэром, а затем потребовать обсуждения в Контрольном совете. В конце концов вопрос был решен, и Советский Союз получил в общей сложности 656 кораблей и различных транспортных судов, значительная часть которых не нуждалась в ремонте.

Несмотря на неизбежные дискуссии и разногласия, в целом на Потсдамской конференции было выражено желание заложить основу для сотрудничества великих держав, от политики которых так много зависело в послевоенное время.

Это сказалось и на взаимоотношениях членов Контрольного совета во время конференции и непосредственно после ее закрытия. Советские представители в Контрольном совете старались выполнять решения, принятые на конференции. Наши коллеги — американцы и англичане — в первое время после конференции также придерживались обязательств, изложенных в решениях конференции.

К сожалению, такая политическая атмосфера скоро изменилась. Серьезным толчком к перемене курса явились разногласия на конференции Совета министров иностранных дел в Лондоне. Особенно этому способствовала антисоветская речь У. Черчилля, произнесенная в Фултоне. Администрация Контрольного совета США и Англии, как по команде, стала во всех вопросах менее сговорчивой и по всем принципиальным проблемам начала бесцеремонно срывать проведение в жизнь согласованных потсдамских решений.

Установившиеся у меня с первых дней основания Контрольного совета хорошие взаимоотношения с Эйзенхауэром, Монтгомери и Кёнигом, а также между моим заместителем по советской администрации Соколовским с Клеем и Робертсоном стали все чаще и чаще омрачаться. Все труднее становилось находить возможность урегулирования спорных вопросов, особенно тогда, когда рассматривались главные проблемы. К ним относились, в частности, ликвидация военно-экономического потенциала германского милитаризма, разоружение воинских частей, решительное выкорчевывание фашизма и ликвидация всевозможных нацистских организаций в зонах Англии и США. Было видно, что наши западные военные коллеги получили новые инструкции, вытекающие из враждебной к Советскому Союзу политики империалистических кругов США и Англии.

Повторной проверкой нам удалось достоверно установить, что англичане в своей зоне, несмотря на наш протест, все еще продолжали сохранять немецкие войска. Тогда я вынужден был вручить Контрольному совету меморандум о наличии в английской зоне организованных частей бывшей гитлеровской армии. Вот его содержание:

“В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной 5 июня 1945 года, а также решениями Потсдамской конференции по Германии:

— все вооруженные силы Германии или силы, находящиеся под германским контролем, где бы они ни располагались, включая сухопутные, воздушные, противовоздушные и военно-морские силы, СС, СА и гестапо, а также все другие силы или вспомогательные организации, имеющие оружие, должны быть полностью разоружены...

— все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоенные организации вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма...

Между тем, по имеющимся у советского командования данным и данным иностранной прессы, в английской зоне оккупации Германии продолжают существовать германские вооруженные силы и германские военные, военно-морские и военно-воздушные силы. До настоящего времени существует германская армейская группа Мюллера, переименованная в армейскую группу Норд. Она имеет полевое управление и штаб. Штаб ее включает следующие отделы: оперативный, обер-квартирмейстера, интендантский, офицерского состава, автотранспорта, санслужбу

Армейская группа Норд имеет сухопутные, воздушные и противовоздушные соединения и части. Она включает в себя корпусные группы Штокхаузен и Виттхоф численностью свыше ста тысяч личного состава каждая.

В английской зоне оккупации Германии создано пять немецких военных корпусных округов с управлениями и службами. Управления немецких военных корпусных округов дислоцируются в Хамморе, Итцехо, Неймюнстер-Рендсбурге, Фленсбурге, Гамбурге.

В дополнение к немецким военным округам в английской зоне оккупации Германии создано 25 окружных и местных немецких военных комендатур в следующих городах и пунктах: Пиннеберг, Зегеберг, Любек, Лауенберг, Итерзен, Херкеркирхен, Берлингштедт, Итцехо, Шлезвиг, Эккернфёрде, Хузум, Вестерланд, Венсбург, Хайбе, Марне, Вессельюрен, Ханштедт, Мельдорф, Альберсдорф.

Немецкие военно-воздушные силы содержатся в английской зоне в виде II воздушного округа, который включает в себя противовоздушные соединения (части 18-й зенитной дивизии), бомбардировочные эскадры, истребительные эскадры, штурмовые эскадры и ближнеразведывательные группы. II воздушный округ имеет штаб, подобный штабу воздушной армии военного времени.

Германские вооруженные силы в английской зоне оккупации Германии имеют свыше пяти полков связи и танковые части, а также развернутую сеть военных госпиталей. Военно-морские силы Германии именуются в настоящее время германской службой траления. Она имеет штаб и располагает сторожевыми дивизиями и флотилиями.

Кроме указанных немецких соединений, частей и служб, в провинции Шлезвиг-Гольштейн находится около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, с которыми проводятся занятия по боевой подготовке.

Все вышеперечисленные военные, военно-морские и военно-воздушные части, соединения и службы состоят на всех видах довольствия по армейским нормам. Личный состав перечисленных соединений, частей и управлений носит знаки различия и военные ордена. Всему личному составу предоставляются отпуска с оплатой им денежного довольствия.

Как видно из вышеизложенного, наличие германских военных, военно-морских, военно-воздушных властей, а также сухопутных, воздушных, противовоздушных и военно-морских соединений, частей и служб в английской зоне оккупации Германии нельзя объяснить никакими особенностями оккупации английской зоны.

Содержание в английской зоне оккупации:

— немецкой армейской группы Норд,

— корпусной группы Штокхаузен,

— корпусной группы Виттхоф,

— II воздушного округа,

— управления военных округов в Хамморе, Итцехо, Неймюнстер-Рендсбурге, Фленсбурге, Гамбурге,

— 25 военных окружных и местных немецких комендатур,

— войск связи,

— танковых подразделений

противоречит решениям Потсдамской конференции и Декларации о поражении Германии.

Советское командование считает необходимым поставить вопрос о посылке комиссии Контрольного совета в английскую зону оккупации для ознакомления на месте с положением дела по разоружению и ликвидации германских вооруженных сил".

При обсуждении этого меморандума в Контрольном совете Б. Монтгомери под давлением фактов вынужден был признать наличие в английской зоне организованных немецких войск, будто бы "ожидавших роспуска или работавших" под его командованием.

Он пытался объяснить все это "техническими трудностями", якобы связанными с роспуском немецких солдат. Тут же, на заседании Контрольного совета, нам стало ясно, что обо всем этом знал верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников Д. Эйзенхауэр.

Позднее, на заседании Контрольного совета в ноябре 1945 года, Б. Монтгомери по этому поводу сказал:

— Я бы удивился, если бы мне сообщили, что существует разница между нашей линией поведения по этому вопросу и линией поведения моего американского коллеги, так как линия поведения, которой мы следуем, была с самого начала установлена во время объединенного командования под руководством генерала Эйзенхауэра.

Все стало яснее ясного. У. Черчилль, подписывая от имени своей страны обязательства немедленно, раз и навсегда искоренить немецкий милитаризм и ликвидировать германский вермахт, тут же давал секретные приказы военному командованию о сохранении вооружения и воинских частей бывшей гитлеровской армии как базы воссоздания западногерманской армии с далеко идущими антисоветскими целями. И все это, оказывается, было известно Верховному командованию экспедиционными силами союзников и лично Д. Эйзенхауэру. Не скрою, тогда это меня сильно огорчило, и мое первоначальное мнение о Д. Эйзенхауэре несколько изменилось. Но, очевидно, по-иному тогда уже не могло быть...

Когда И. В. Сталин узнал о двурушничестве У. Черчилля, он крепко выругался и сказал:

— Черчилль всегда был антисоветчиком номер один. Он им и остался.

Это было справедливое замечание в адрес У. Черчилля.

Чем дальше шло время, тем труднее становилось советской стороне работать в Контрольном совете. Чувствовалось, что Д. Эйзенхауэр и Б. Монтгомери по многим вопросам имели особые указания, которые противоречили принятым ранее решениям.

Припоминаются острые разногласия и длительные споры с англичанами и американцами по вопросу об установлении уровня выплавки стали для нужд Германии. Из тщательных подсчетов выходило, что для удовлетворения мирных потребностей Германий требуется пять миллионов тонн стали, и мы предложили узаконить эту обоснованную цифру. Англичане и американцы не согласились и настаивали на 11 миллионах тонн. Спорили, доказывали друг другу в течение 40 дней и еле-еле договорились на 8—9 миллионов.

А вся суть-то была не в заботе о нуждах немецкого народа, а в сохранении военно-экономического потенциала западных районов Германии, которому отводилась особая роль, вытекающая из послевоенной империалистической политики США и Англии.

Во время Потсдамской конференции И. В. Сталин вновь заговорил со мной о приглашении в Советский Союз Д. Эйзенхауэра. Я предложил пригласить его в Москву на физкультурный праздник, который был назначен на 12 августа.

Предложение было принято. И. В. Сталин приказал направить в Вашингтон официальное приглашение. В приглашении было сказано, что во время пребывания в Москве Д. Эйзенхауэр будет гостем маршала Жукова. Это означало, что генерал Дуайт Эйзенхауэр приглашался в Советский Союз не как государственный политический деятель, а как выдающийся военный деятель Второй мировой войны.

Поскольку он являлся моим официальным гостем, я должен был вместе с ним прибыть в Москву и сопровождать его в поездке в Ленинград и обратно в Берлин.

С Д. Эйзенхауэром в Москву выехали его заместитель генерал Клей, генерал Дэвис, сын Д.Эйзенхауэра — лейтенант Джон Эйзенхауэр и сержант Л. Драй. Во время этой поездки мы о многом переговорили, и мне казалось, что тогда в своих суждениях Д. Эйзенхауэр был откровенен.

Американскую, английскую и французскую армии, их организацию, доктрину и военное искусство я знал только теоретически. Меня же интересовала практическая деятельность Верховного командования экспедиционных сил в Европе.

— Летом 1941 года, — рассказывал Д. Эйзенхауэр, — когда фашистская Германия напала на Советский Союз, а Япония проявляла агрессивные намерения в зоне Тихого океана, американские вооруженные силы были доведены до полутора миллиона человек.

Военное нападение Японии в декабре 1941 года в Пирл-Харборе для большинства военного ведомства и правительственных кругов было неожиданным.

В этом отношении японское правительство действовало таким же хитрым и коварным методом, как германское правительство по отношению к Советскому Союзу.

Наблюдая за развернувшейся борьбой Советского Союза с Германией, говорил Д. Эйзенхауэр, мы затруднялись тогда определить, как долго продержится Россия и сможет ли она вообще сопротивляться натиску германской армии. Деловые круги США вместе с

англичанами в то время были серьезно обеспокоены проблемами сырьевых ресурсов Индии, средневосточной нефти, судьбой Персидского залива и вообще Ближним и Средним Востоком. Из сказанного Д. Эйзенхауэром было видно, что главной заботой США в 1942 году было обеспечение своих военно-экономических позиций, а не открытие второго фронта в Европе. Планами открытия второго фронта в Европе США и Англия начали теоретически заниматься с конца 1941 года, но практических решений не принимали вплоть до 1944 года.

— Мы отвергли требование Англии начать вторжение в Германию через Средиземное море по чисто военным соображениям, а не по каким-либо иным причинам, — говорил Д. Эйзенхауэр.

Из слов Д. Эйзенхауэра было видно, что их очень пугало сопротивление немцев в Ла-Манше, особенно на побережье Франции, крайне беспокоил широко разрекламированный немцами “Атлантический вал”, вследствие чего у руководства Англии и США преобладала тенденция — не торопиться с вторжением до тех пор, пока Германия и ее вооруженные силы не дойдут в своей борьбе с Россией до истощения.

План нападения через Ла-Манш был окончательно согласован с англичанами в апреле 1942 года, но и после этого У. Черчилль продолжал предпринимать серьезные попытки уговорить Ф. Рузвельта произвести вторжение через Средиземное море. Открыть фронт в 1942—1943 годах, по мнению Д. Эйзенхауэра, союзники якобы не могли, так как не были готовы к этой большой комбинированной стратегической операции. Это, конечно, было далеко от истины. Они могли в 1943 году открыть второй фронт, но сознательно не торопились, ожидая, с одной стороны, более значительного поражения вооруженных сил Германии, а с другой — большего истощения вооруженных сил СССР.

— Вторжение в Нормандию через Ла-Манш в июне 1944 года началось в легких условиях и проходило без особого сопротивления немецких войск на побережье, чего мы просто не ожидали, — говорил Д. Эйзенхауэр. — Немцы не имели здесь той обороны, о которой они кричали на весь мир.

— А что собой фактически представлял этот “Атлантический вал”? — спросил я.

— Никакого “вала” вообще не оказалось. Это были обычные окопы, да и те несплошные. На протяжении всего этого “вала” было не больше трех тысяч орудий разных калибров. В среднем это немногим больше одного орудия на километр. Железобетонных сооружений, оснащенных орудиями, были единицы, и они не могли служить препятствием для наших войск.

Кстати, слабость “вала” откровенно признал и бывший начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер. В своих воспоминаниях в 1949 году он писал: “Германия не имела никаких оборонительных средств против десантного флота, который был в распоряжении союзников и действовал под прикрытием авиации, полностью и безраздельно господствовавшей в воздухе”{100}.

Главные трудности при вторжении в Нормандию, по словам Д. Эйзенхауэра, состояли в переброске войск и их материальном снабжении через Ла-Манш. Сопротивление же немецких войск здесь было незначительным.

Откровенно говоря, я был несколько в недоумении, посмотрев в 1965 году американскую кинокартину “Самый длинный день”. В этом фильме, где в основе лежит исторический факт — вторжение союзных войск через Ла-Манш в июне 1944 года, противник показан гораздо более сильным, чем он был на самом деле. Политическая направленность этого фильма, конечно, понятна, но все же надо знать меру...

Грандиозная по своим масштабам морская десантная операция в Нормандии не нуждается в фальшивой лакировке. Надо сказать объективно: она была подготовлена и проведена умело. Наибольшее сопротивление основным экспедиционным силам союзников немцы оказали только в июле 1944 года, когда они перебросили в этот район свои силы со всего побережья северной части Франции. Но и тогда они были подавлены многократным превосходством сухопутных и воздушных сил союзников. В полном смысле наступательных операций союзников, таких, которые были бы связаны с прорывом глубоко эшелонированной обороны, борьбой с оперативными резервами, с контрударами, как это имело место на советско-германском фронте, там не было и быть не могло из-за отсутствия войск противника.

Наступательные операции американских и английских войск, за исключением единичных, проходили в виде преодоления подвижной обороны немцев. Главные трудности в продвижении союзных войск, по словам Д. Эйзенхауэра, состояли в сложностях по устройству тыловых путей и преодолению местности.

Меня очень интересовало контрнаступление немецких войск в Арденнах в конце 1944 года и оборонительные мероприятия союзных войск в этом районе. Надо сказать, что Д. Эйзенхауэр и его спутники без особого желания вступали в разговоры на эту тему. Из их скупых рассказов было все же видно, что удар немецких войск в Арденнах для штаба Верховного командования и командования 12-й группы армий генерала Бредли был внезапным и американцы не могли выдержать ударов противника.

У Верховного командования союзников были большие тревоги и опасения за дальнейшие действия противника в Арденнах. Эти опасения полностью разделял У. Черчилль. 6 января 1945 года он обратился к И. В. Сталину с личным письмом, в котором чувствовалась тревога. В нем он сообщал, что на Западе идут очень тяжелые бои и что у союзников создалось тяжелое положение в связи с большими общими потерями и утратой инициативы.

О том, насколько союзники были заинтересованы в быстрой реакции на это сообщение со стороны Советского Союза, говорит хотя бы тот факт, что письмо это было направлено в Москву с главным маршалом авиации Англии Артуром Теддером. Расчет их был такой: если Советское правительство именно в этот период даст указание своим войскам перейти в наступление, то Гитлер вынужден будет снять свои ударные войска с Западного фронта и перебросить их на восток против Красной Армии.

Как известно, Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, ровно через неделю развернул грандиознейшее наступление по всему фронту, которое до основания потрясло группировки немецких войск на всех стратегических направлениях и вынудило их с колоссальнейшими потерями отойти на Одер—Нейсе—Моравска—Остраву, а весной оставить Вену и юго-восточную часть Австрии.

Вспоминая об этом, Д. Эйзенхауэр сказал: — 12 января русские начали свое мощное наступление. Для нас это был долгожданный момент. У всех стало легче на душе, особенно когда мы получили сообщение о том, что наступление советских войск развивается с большим успехом. Мы были уверены, что немцы теперь уже не смогут усилить свой Западный фронт.

Это было очень важное признание Верховного командования союзных войск, свидетельствующее о том большом значении, которое имело для союзников январское наступление советских войск. К сожалению, после войны, когда уцелевшие гитлеровские генералы, как, впрочем, и некоторые известные военные деятели из числа наших союзников в прошлой войне, стали наводнять книжный рынок своими мемуарами, подобная объективная оценка событий Второй мировой войны, данная Д. Эйзенхауэром в 1945 году, стала появляться все реже и реже, а извращения фактов и инсинуации все чаще и чаще. Не в меру ретивые стали договариваться даже до того, что якобы не Красная Армия своими активными действиями против немцев способствовала успеху американцев в период их сражений в районе Арденн, а американцы чуть ли не спасли этим Красную Армию.

Касались мы в разговоре с Д. Эйзенхауэром вопроса о поставках по ленд-лизу. И здесь тогда все было ясно. Однако в течение многих послевоенных лет буржуазная историография утверждала, как и продолжает утверждать до сих пор, что якобы решающую роль в достижении нашей победы над врагом сыграли поставки союзниками вооружения, материалов, продовольствия.

Действительно, Советский Союз получил от союзников во время войны важные поставки для народного хозяйства— машины, оборудование, материалы, горючее, продовольствие. Из США и Англии было доставлено, например, более 400 тысяч автомобилей, большое количество паровозов, средств связи. Но разве все это могло оказать решающее влияние на ход войны? Я говорил уже о том, что советская промышленность достигла в годы войны огромного размаха и обеспечила фронт и тыл всем необходимым. Повторяться нет смысла.

Относительно вооружения могу сказать следующее. Мы получили по ленд-лизу из США и Англии около 18 тысяч самолетов, более 11 тысяч танков. К общему числу вооружения, которым советский народ оснастил свою армию за годы войны, поставки по ленд-лизу составили в среднем 4 процента. Следовательно, о решающей роли поставок говорить не приходится.

Что касается танков и самолетов, которые английское и американское правительства нам поставляли, скажем прямо, они не отличались высокими боевыми качествами, особенно танки, которые, работая на бензине, горели как факелы.

Большой интерес проявил Эйзенхауэр к операции по прорыву ленинградской блокады, битве за Москву, Сталинградской и Берлинской операциям. Он спросил, насколько физически тяжела была обстановка лично для меня, как командующего фронтом, во время сражений под Москвой.

— Битва за Москву, — ответил я, — была одинаково тяжела как для солдата, так и для командующего. За период особо ожесточенных сражений с 16 ноября до 8 декабря лично мне приходилось спать не больше 2 часов в сутки, да и то урывками. Чтобы поддержать

физические силы и работоспособность, приходилось прибегать к коротким, но частым физическим упражнениям на морозе и крепкому кофе, а иногда к двадцатиминутному бегу на лыжах.

Когда же кризис сражения за Москву миновал, я так крепко заснул, что меня долго не могли разбудить.

Мне тогда два раза звонил Сталин. Ему отвечали: “Жуков спит, и мы не можем его добудиться”. Верховный сказал: “Не будите, пока сам не проснется”. За то время, что я спал. Западный фронт наших войск переместился вперед не меньше чем на 10— 15 километров. Пробуждение было приятным...

По прибытии Д. Эйзенхауэра в Москву И. В. Сталин приказал начальнику Генерального штаба А. И. Антонову познакомить его со всеми планами действий наших войск на Дальнем Востоке.

Многое говорилось о Берлине, о последних завершающих операциях. Из всего сказанного Д. Эйзенхауэром можно было понять, что ему пришлось выдержать довольно серьезный нажим У. Черчилля, настаивавшего на захвате союзными войсками Берлина. По словам Д. Эйзенхауэра, его как Верховного главнокомандующего мало интересовал Берлин, так как советские войска стояли уже на Одере и находились от Берлина в четыре раза ближе, чем союзные войска.

— Мы стремились взять в первую очередь Бремен, Гамбург, Любек, чтобы захватить немецкие порты, а на юге Южную Баварию, Северную Италию, Западную Австрию и закрыть немцам доступ в горы Южной Баварии, где, по нашим данным, гитлеровские войска намеревались укрепиться для дальнейшей борьбы, чтобы избежать безоговорочной капитуляции, — сказал Д. Эйзенхауэр.

— Премьер-министр У. Черчилль категорически возражал против моих планов, считая, что дальнейшие действия союзных войск приобретают сугубо политическое значение и не могут осуществляться без координации политических руководителей союзных держав. Он все еще требовал захвата Берлина и был не удовлетворен тем, что моими планами не предусматривается взятие Берлина. У. Черчилль настаивал перед Рузвельтом и Комитетом начальников штабов союзных войск, чтобы мы захватили Берлин раньше русских, с захватом которого имелось в виду осуществить свое политическое влияние на дальнейшую судьбу Германии. Однако все атаки У. Черчилля в этом направлении, — говорил Д. Эйзенхауэр, — были отбиты Вашингтоном, и я действовал в духе ранее принятых решений.

— К сожалению, — продолжал Д. Эйзенхауэр, — мне дали понять, чтобы я ограничил свои информационные сообщения советскому Верховному командованию, хотя в них ничего не было, кроме вопросов военных, тем более что советское Верховное командование меня информировало о действиях своих войск.

И. В. Сталин много говорил с Д. Эйзенхауэром о боевых действиях советских войск и войск союзников против фашистской Германии и Японии, подчеркивал, что Вторая мировая война явилась результатом крайней ограниченности политических руководителей западных империалистических государств, попустительствовавших безудержной военной агрессии Гитлера.

— Война дорого обошлась народам всех воевавших стран, и особенно советским людям, — сказал И. В. Сталин. — Мы обязаны сделать все, чтобы не допустить подобного в будущем. Эйзенхауэр с этим горячо согласился.

Тогда мне казалось, что Д. Эйзенхауэр относился с пониманием к тяжелым жертвам советского народа. Он не раз повторял: “Всю гитлеровскую шайку надо всенародно повесить и достойно наказать фашистов, проявлявших зверское отношение к людям”. Последний раз с Д. Эйзенхауэром мы встретились в Берлине на нашем приеме, устроенном по случаю годовщины Октябрьской революции, в 1945 году.

После официальной части мы долго разговаривали с Д. Эйзенхауэром и его ближайшими помощниками в связи с его отъездом в США, где он должен был занять пост начальника штаба армии США вместо генерала Маршалла.

Во время этой последней беседы мы подвели общий итог нашей деятельности по четырехстороннему управлению Германией. И оба пришли к выводу, что, несмотря на ряд противоречий и препятствий, мы все же успешно сотрудничали в органах Контрольного совета по Германии. Я сказал Д. Эйзенхауэру, что мы могли бы достигнуть значительно больших результатов, если бы все стороны выполняли взятые на себя обязательства на Потсдамской конференции.

Еще раз я виделся с Эйзенхауэром на Женевской конференции глав правительств США, Англии, Франции и Советского Союза в 1955 году. Он был тогда уже президентом США. Мы с ним встречались несколько раз. Во время этих встреч велись разговоры не только о минувших днях войны и сотрудничестве наших стран в Контрольном совете по управлению Германией, но и самых острых проблемных вопросах сосуществования наших государств и укрепления мира между народами. Эйзенхауэр говорил уже совсем по-другому, нежели в 1945 году. Теперь он твердо выражал и отстаивал политику империалистических кругов США.

Как человек и полководец генерал армии Д. Эйзенхауэр пользовался большим авторитетом в союзных войсках, которыми он успешно руководил во Вторую мировую войну. Он безусловно является полководцем крупного масштаба. К Советскому Союзу он относился в то время дружелюбно. Он мог бы сделать многое и для разрядки международной напряженности в послевоенный период, и в первую очередь для предотвращения агрессии во Вьетнаме. К сожалению, он в этом направлении ничего не предпринял и, более того, являлся ее сторонником.

После, войны прогрессивные люди надеялись, что главнейшими государствами мира будут учтены уроки прошлого: Германия будет перестроена на демократической основе, а германский милитаризм и фашизм будут с корнем вырваны. Но так сложилось только в восточной части Германии, где позднее возникла Германская Демократическая Республика.

Когда Советские Вооруженные Силы освободили от фашистской оккупации страны Восточной Европы, народы этих государств решительно брали в свои руки государственное правление, перестраивая жизнь на демократической основе. Восточноевропейские демократические страны ясно видели в Советском Союзе не только своего избавителя от фашизма, но и надежную гарантию на будущее от всяких посягательств на их судьбу со стороны агрессивных сил.

Обстановка, сложившаяся в конце войны, явилась серьезным испытанием для политических партий, стоявших у власти в западных странах, и их руководителей, испытанием их политической дальновидности. Вопрос стоял так: сумеют ли они повести свои страны в фарватере дружбы между народами или поведут к вражде с другими странами, к новой мировой войне.

Советское правительство, наша партия, руководствуясь заветами В. И. Ленина, держали твердый курс на мирное сосуществование со всеми государствами и делали все для укрепления мира и сотрудничества.

Вскоре после посещения Д. Эйзенхауэром Советского Союза мне позвонил в Берлин В. М. Молотов.

— Получено приглашение для вас от американского правительства посетить Соединенные Штаты. Товарищ Сталин считает полезным подобный визит. Как ваше мнение?

— Я согласен.

Однажды после заседания Контрольного совета ко мне подошел генерал Д. Эйзенхауэр.

— Очень рад, что вы, господин маршал, посетите Штаты, — сказал он. — К сожалению, обстоятельства складываются так, что я не смогу лететь сейчас с вами в Вашингтон. Если не возражаете, вас будут сопровождать мой сын Джон, генерал Клей и другие лица штаба Верховного главнокомандования США.

Я согласился.

— Так как ваши летчики не знают условий полета через океан и в Штатах, — продолжал Эйзенхауэр, — предлагаю вам свой личный самолет “Крепость”.

Я поблагодарил Эйзенхауэра и доложил обо всем лично И. В. Сталину.

И. В. Сталин сказал:

— Ну что ж, готовьтесь.

К сожалению, перед полетом я заболел. Пришлось еще раз звонить И. В. Сталину:

— В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полет по состоянию здоровья не состоится.

Вернувшись в Берлин, я снова с головой ушел в работу Контрольного совета.

Хорошо помогал мне в решении вопросов, связанных с демократическими преобразованиями в советской зоне, политический советник при Главноначальствующем советской военной администрации в Германии Владимир Семенович Семенов. В Контрольном совете мы вместе работали над проблемами реализации потсдамских соглашений, касающихся Германии в целом. Работали дружно и с большой пользой.

Много трудились в Контрольном совете наши офицеры, генералы и товарищи, командированные правительством для работы в советской военной администрации, руководимой генералом В. Д. Соколовским. На их плечи легли обязанности, связанные не только с деятельностью Контрольного совета, но и с организацией всей общественной, производственной и государственной жизни немецкого народа в восточной части Германии.

Свою работу по сплочению и активизации прогрессивных сил немецкого народа в советской зоне оккупации мы начали с издания приказа № 2 от 10.6.45 г., о котором я уже упоминал. Ввиду важности этого приказа позволю себе привести его с некоторыми сокращениями:

“2 мая с.г. советскими войсками был занят Берлин. Гитлеровские армии, защищавшие Берлин, капитулировали, а спустя несколько дней Германия подписала акт о безоговорочной военной капитуляции. 5 июня от имени Правительств Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции была обнародована Декларация о поражении Германии и о взятии на себя Правительствами указанных Держав верховной власти на всей территории Германии. С момента занятия советскими войсками Берлина на территории советской зоны оккупации Германии установился твердый порядок, организовались местные органы самоуправления и создались необходимые условия для свободной общественной и политической деятельности германского населения. Ввиду вышеизложенного приказываю:

1. Разрешить на территории советской зоны оккупации в Германии образование и деятельность всех антифашистских партий, ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом направлении инициативы и самодеятельности широких масс населения.

2. Предоставить трудящемуся населению советской зоны оккупации в Германии право объединения в свободные профессиональные союзы и организации в целях защиты интересов и прав трудящихся. Предоставить профессиональным организациям и объединениям право заключать коллективные договоры с предпринимателями, а также организовывать страховые кассы и другие учреждения по взаимопомощи, культурно-просветительные и иные образовательные учреждения и организации...

3. В соответствии с изложенным выше отменить все фашистское законодательство, а также все фашистские постановления, приказы, распоряжения, инструкции и т.п., относящиеся к деятельности антифашистских политических партий и свободных профессиональных союзов, направленные против демократических свобод, гражданских прав и интересов германского народа.

Главноначальствующий советской военной администрации в Германии

Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Начальник штаба советской военной администрации в Германии

генерал-полковник — В. Курасов.

10 июня 1945 г.

г. Берлин”.

Я уже говорил о том, какую важную роль в установлении мирной жизни в Германии на демократических началах сыграли немецкие коммунистические организации, вокруг которых вскоре сплотились рабочие и прогрессивные люди восточной части Германии.

Советское правительство, руководствуясь гуманными целями, в это трудное для немецкого народа время продолжало проявлять большую заботу о населении, и в первую очередь о жителях Берлина, которые оказались в крайне тяжелом положении.

Когда Берлин был занят нашими войсками, в нем находилось не более одного миллиона жителей, а через неделю их уже было больше двух миллионов, во второй половине мая насчитывалось около трех миллионов. Население продолжало расти за счет прибывающих из других районов Германии.

Большую активность в ликвидации последствий войны проявляли немецкие рабочие Берлина и техническая интеллигенция. Дни и ночи они находились на порученных участках, добросовестно выполняя задания.

Значительную помощь оказывали советским комендатурам группы содействия, состоявшие из немцев-антифашистов. Они участвовали во всех мероприятиях, в охране общественного порядка, распределении продовольственных карточек среди населения, контроле за выдачей продовольствия, охране фабрик, заводов, важнейших объектов города и имущества.

И июня ЦК Коммунистической партии Германии выступил с программным воззванием к немецкому народу. Это был документ исключительной исторической важности, он излагал программу создания антифашистской демократической Германии.

Немецкий народ получил право строить свою жизнь на демократической основе.

В первые же месяцы после окончания войны демократические органы самоуправления Берлина, впрочем, как и во всей советской зоне оккупации, провели под руководством КПГ и с участием советского командования ряд социально-экономических преобразований. Была проведена демократическая земельная реформа, давшая землю почти миллиону немецких трудящихся. Были ликвидированы крупные капиталистические монополии, распущены союзы предпринимателей. Бывшие нацисты были удалены с руководящих постов в различных областях экономической, общественной и культурной жизни города. На заводах устанавливался 8-часовой рабочий день, и вводилась единая система отпусков для трудящихся.

Хорошо помню, с каким большим вниманием и конкретным знанием условий жизни немецких трудящихся следил за этими важнейшими процессами ЦК партии. Много ценных советов по главным направлениям этой работы исходило лично от И. В. Сталина, который рассматривал эти вопросы под углом зрения интересов международного рабочего движения и борьбы за укрепление мира и безопасности в Европе.

Ко времени прибытия в западные секторы Берлина войск и администрации США, Англии и Франции в городе в основном была нормализована жизнь населения и созданы все условия для дальнейшего ее развития.

О наших мерах, способствовавших экономическому развитию советской зоны оккупации, свидетельствует и приказ № 17 Главноначальствующего советской военной администрации от 27 июля 1945 г. Из него видно, что уже тогда, в первые послевоенные месяцы, было обращено внимание на работу органов управления основных отраслей народного хозяйства, культуры и здравоохранения.

Было приказано

“...к 10.8.45 г. создать следующие немецкие центральные управления на территории советской зоны оккупации:

— Транспортное — для руководства и управления дирекциями железных дорог и водных путей сообщения.

— Связи — для руководства работой почты, телеграфа и телефона.

— Топливной промышленности — для руководства работой всех предприятий угольной промышленности, угольных шахт, открытых угольных разработок, брикетных фабрик, заводов, вырабатывающих жидкое топливо и газ, а также с задачей внутреннего сбыта продукции этих предприятий.

— Торговли и снабжения — для руководства и организации работы торговых и заготовительных фирм, учреждений и предприятий, для обеспечения заготовок сельскохозяйственных продуктов, их переработки и хранения, учета товаров и обеспечения ими населения, развития торговли.

— Промышленности — для руководства работой по восстановлению, пуску и эксплуатации всех промышленных предприятий.

— Сельского хозяйства — для руководства и управления сельским и лесным хозяйством, а также предприятиями сельскохозяйственной промышленности.

— Финансов — для руководства деятельностью всех финансово-кредитных учреждений.

— Труда и социального обеспечения — для регулирования оплаты труда, использования рабочей силы и инженерно-технического персонала и руководства профессиональными союзами, а также органами социального обеспечения.

— Здравоохранения — для руководства органами здравоохранения, медицинскими учреждениями и учебными заведениями, а также предприятиями медицинской промышленности.

— Народного образования — для руководства школами, детскими домами и садами, учебными заведениями, искусством, научными и культурно-просветительными учреждениями.

— Юстиции — для руководства деятельностью всех прокуратур, судов и органов юстиции...

п/п

Главноначальствующий советской военной администрации

Главнокомандующий группой советских оккупационных войск в Германии

Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Член Военного совета советской военной администрации в Германии

генерал-лейтенант — Ф. Боков.

Начальник штаба советской военной администрации в Германии

генерал-полковник — В. Курасов”{101}.

Должен сказать, что наши меры по развитию демократических тенденций, хозяйства, культуры и поддержания порядка в советской зоне оккупации были с энтузиазмом восприняты немецким народом.

В последующем мы продолжали проводить в жизнь рад мер по сохранности для немецкого народа всех его национальных и государственных ценностей. Так, 30 октября 1945 года был издан наш приказ № 124. В нем говорилось:

“...В целях недопущения расхищения и других злоупотреблений с имуществом, принадлежавших ранее гитлеровскому государству и военным учреждениям, обществам, клубам и объединениям, запрещенным и распущенным советским военным командованием, а также в целях наиболее рационального использования этого имущества для нужд местного населения... приказываю:

1. Объявить под секвестром имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии, и принадлежащее:

а) Германскому государству и его центральным и местным

органам;

б) должностным лицам национал-социалистической партии, его руководящим членам и видным приверженцам;

в) германским военным учреждениям и организациям;

г) обществам, клубам и объединениям, запрещенным и распущенным советским военным командованием;

д) правительствам и подданным (физическим и юридическим лицам) стран, участвовавших в войне на стороне Германии;

е) лицам, которые будут указаны советским военным командованием в специальных списках или иным путем.

2. Принять во временное управление советской военной администрации бесхозное имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии.

3. Обязать все германские учреждения, организации, фирмы, предприятия и всех частных лиц, в чьем пользовании находится в настоящее время имущество, перечисленное в пунктах 1 и 2 настоящего приказа, или располагающих сведениями о таком имуществе, не позднее 15-дневного срока со дня опубликования данного приказа подать письменное заявление об этом имуществе в местные органы самоуправления (Штадтфервальтунг, Бецирксфервальтунг, Крейсфервальтунг).

В заявлении подробно указать: характер имущества, его точное местонахождение, принадлежность и описание его состояния на день подачи заявления...

Местные органы самоуправления (на основании полученных заявлений и материалов по непосредственно учтенному имуществу) составляют общий список имущества, подлежащего секвестру или временному управлению, и этот список не позднее 20 ноября 1945 г. представляют соответствующему военному коменданту...

7. Начальнику Экономического управления советской военной администрации в Германии генерал-майору Шабалину не позднее 25 декабря 1945 года представить мне предложение о порядке дальнейшего использования имущества, объявленного под секвестром или во временном управлении.

8. Предупреждаю все учреждения, организации, фирмы и предприятия и всех частных лиц, в чьем пользовании находится перечисленное в пунктах 1 и 2 настоящего приказа имущество, что они несут полную ответственность за его сохранность и обеспечение бесперебойной эксплуатации этого имущества в соответствии с его хозяйственным назначением. Всякие сделки в отношении этого имущества, совершенные без согласия советской военной администрации, объявляются недействительными...

п/п

Главноначальствующий советской военной администрации

Главнокомандующий группой советских оккупационных войск в Германии

Маршал Советского Союза — Г. Жуков.

Член Военного совета советской военной администрации в Германии

генерал-лейтенант — Ф. Боков.

Заместитель начальника штаба советской военной администрации в Германии

генерал-лейтенант — М. Дратвин”{102}.

Советский народ не забыл революционных заслуг немецкого рабочего класса, немецкой прогрессивной интеллигенции, великих заслуг Коммунистической партии Германии и ее вождя Эрнста Тельмана, уничтоженного в конце войны в фашистских застенках. Наша партия и правительство считали своей обязанностью подать руку братской помощи немецкому народу, оказавшемуся в крайне тяжелом положении.

Во всех городах и населенных пунктах немецкое командование оставило при отступлении тысячи раненых солдат и офицеров. В одном только Берлине и его пригородах раненых солдат немецкой армии оказалось более 200 тысяч человек. К этим раненым — бывшим врагам — наши медицинские работники, советское командование проявили величайшую гуманность и организовали их лечение на одинаковых условиях с советскими бойцами.

Как-то проходя по Унтер-ден-Линден, сопровождавший нас офицер комендатуры Берлина указал мне на один из сравнительно целых домов, где теперь разместился госпиталь для немцев. Мы решили зайти.

Первое, что мне бросилось в глаза, — это то, что большинство раненых были юноши, почти дети, от 15 до 17 лет. Выяснилось, что это фольксштурмовцы из разных отрядов, сформированных в Берлине в начале апреля. Я спросил, что заставило их идти в от ряды фольксштурма, когда Германия находилась уже в безнадежном состоянии.

Мальчишки, опустив глаза, молчали, а один сказал:

— У нас не было иного выхода, как брать оружие и становиться на оборону Берлина. Тех, кто не шел, забирали в гестапо, а оттуда возврата не было...

Из дальнейших разговоров выяснилось, что несколько человек — людей более старшего возраста — были здесь из тех, кто в ноябре 1941 года дрался под Москвой. Я сказал, что мне тоже пришлось драться под Москвой. Один раненый солдат заметил:

— Лучше не вспоминать эту трагедию, которая постигла немецкие войска. От нашего полка из полутора тысяч штыков осталось не больше 120, да и те были отведены в тыл в обмороженном состоянии.

— А где ваш полк дрался? — спросил я.

— Под Волоколамском, — ответил раненый.

— Значит, мы с вами старые знакомые, — пошутил я. Тот же раненый спросил:

— Нельзя ли узнать, где и на каком участке вы, господин генерал, дрались?

Я сказал, что командовал войсками Западного фронта под Москвой.

Один из сопровождавших меня офицеров добавил, что с ними говорит Маршал Советского Союза Жуков. Все с интересом стали рассматривать нашу группу.

Мы спросили раненых, как их кормят, как лечат русские доктора. Все наперебой стали расхваливать питание и внимание советского медицинского персонала. Один из наших врачей заметил:

— Немцы добивали наших раненых, а мы вот ночи не спим, восстанавливая ваше здоровье.

— Это не простые немцы так поступали, — ответил раненый старик, — это немцы-фашисты.

— А есть ли среди вас фашисты? — спросил я.

Молчание... Я снова спросил. Опять молчание. Тогда поднялся солдат лет пятидесяти пяти и, подойдя к койке другого солдата, толкнул его в спину и сказал:

— Повернись!

Тот нехотя повернулся.

— Вставай и доложи, что ты фашист!

Когда мы уходили из госпиталя, раненые просили оставить всех их на попечении советских врачей и медсестер.

В первые послевоенные дни и месяцы нам часто приходилось встречаться с руководителями немецких коммунистов Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и их ближайшими соратниками. С болью в душе говорили они о тяжелых потерях, которые понесла компартия, лучшая часть рабочих и прогрессивно настроенная интеллигенция. Их глубоко беспокоило тяжелое положение немецких трудящихся.

По просьбе Коммунистической партии Германии и лично В. Ульбрихта Советское правительство установило для берлинцев повышенные нормы продовольствия.

Так поступали советские люди в Германии после разгрома фашизма.

А что замышлял Гитлер в отношении советского народа?

Готовясь к захвату Москвы, Гитлер дал директиву, которую я хочу напомнить еще раз.

“Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были заполнены водой.

Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа”.

Не лучшую участь готовили гитлеровцы и Ленинграду, который они предполагали сровнять с землей.

“Для других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило: перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами”{103}.

Подобную варварскую дикость и жестокость трудно понять нормальному человеку.

Честно говоря, пока шла война, я был полон решимости воздать сполна гитлеровцам за их жестокость. Но когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев. Наши убеждения и интернациональные чувства не позволяли нам отдаться слепой мести.

В конце марта 1946 года, когда я вернулся после сессии Верховного Совета снова в Берлин, мне передали, чтобы я позвонил И. В. Сталину.

— Правительство США отозвало из Германии Эйзенхауэра, оставив вместо него генерала Клея. Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?

— Согласен. Что касается моего преемника, предлагаю назначить Главкомом и Главноначальствующим в советской зоне оккупации в Германии генерала армии Соколовского. Он лучше других знаком с работой Контрольного совета и хорошо знает войска.

— Хорошо, мы здесь подумаем. Ждите указаний. Прошло два-три дня. Поздно вечером мне позвонил И. В. Сталин. Справившись, не разбудил ли меня своим звонком, сказал:

— Политбюро согласно назначить вместо вас Соколовского. После очередного совещания Контрольного совета выезжайте в Москву. Приказ о назначении Соколовского последует через несколько дней.

— Еще один вопрос, — продолжал И. В. Сталин. — Мы решили ликвидировать должность первого заместителя наркома обороны, а вместо него иметь заместителя по общим вопросам. На эту должность будет назначен Булганин. Он представил мне проект послевоенного переустройства вооруженных сил. Вас нет в числе основных руководителей Наркомата обороны. Начальником Генерального штаба назначается Василевский. Главкомом Военно-Морского Флота думаем назначить Кузнецова. Какую вы хотели бы занять должность?

— Я не думал над этим вопросом, но буду работать на любом посту, который Центральный Комитет партии сочтет для меня более целесообразным.

— По-моему, вам следует заняться сухопутными войсками. Мы думаем, во главе их надо иметь главнокомандующего. Не возражаете?

— Согласен, — ответил я.

— Хорошо. Вернетесь в Москву и вместе с Булганиным и Василевским поработаете над функциональными обязанностями и правами руководящего состава Наркомата обороны.

В апреле 1946 года я вернулся в Советский Союз и через несколько дней зашел к Н. А. Булганину. Он был явно смущен, видимо, зная о моем разговоре с И. В. Сталиным.

После рассмотрения Положения о Наркомате обороны у меня возникли серьезные разногласия с Н. А. Булганиным о правовом положении главнокомандующих видами

вооруженных сил и первого заместителя наркома. По его проекту получалось так, что главкомы в практической работе имеют дело не с наркомом обороны, а с его первым заместителем. Защищая свой проект, Н. А. Булганин пытался обосновать его тем, что нарком обороны И. В. Сталин перегружен делами партии и государства.

— Это не довод, — сказал я Н. А. Булганину и попытался отвести его аргументы. — Сегодня нарком Сталин, а завтра может быть другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для конкретной должности.

Обо всем этом Н. А. Булганин в извращенном виде доложил И. В. Сталину. И через день И. В. Сталин сказал мне, что над Положением о Наркомате обороны придется еще поработать.

Н. А. Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, не смыслил в оперативно-стратегических вопросах. Но будучи человеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к И. В. Сталину и завоевать его доверие{104}.

Последний раз в Германской Демократической Республике мне довелось побывать в 1957 году. Осмотрев многие города, учреждения и предприятия убедился: все то, что было сделано советским народом, партией и Советским правительством, было сделано правильно и дало благие результаты как для немецких трудящихся, так и для дела дружбы наших народов и обороноспособности стран социализма.

Заключение

Я долго думал, как лучше закончить книгу, какое слово должно быть последним...

Признаюсь, работа за письменным столом была для меня, человека военного, делом нелегким. Окончание “Воспоминаний и размышлений” — это подведение итога всей моей жизни. В ней у меня, как у всякого человека, были свои радости, огорчения, утраты. Оглядываясь назад, человек моего возраста неизбежно все раскладывает по полкам: что было главным, а на что и не стоит обращать внимания. Для меня главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг. Данная книга является, возможно, последним из того, что я считаю обязанным сделать.

Дни моих самых больших радостей совпали с радостями Отечества. Тревога Родины, ее потери и огорчения всегда волновали меня больше, чем личные. Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу, а это главное для любой жизни.

С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. А нас, участников этих исторических событий, становится все меньше и меньше. Но я убежден: время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе.

Это справедливо и для всего народа. Наша победа в войне с фашизмом, говоря возвышенным языком, — звездный час в жизни советского народа. В те годы мы еще

больше закалились и скопили огромный моральный капитал. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины.

Великая Отечественная война явилась крупнейшим военным столкновением социализма с наиболее реакционной и агрессивной силой империализма — фашизмом. Это была всенародная битва против злобного классового врага, посягнувшего на самое дорогое, что только есть у советских людей, — на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, на Советскую власть.

Коммунистическая партия подняла нашу страну, многонациональный народ на решительную вооруженную схватку с фашистскими захватчиками. С первого и до последнего дня войны мне довелось работать в Ставке Верховного Главнокомандования, и я видел, какую гигантскую организаторскую работу проводили Центральный Комитет партии и Советское правительство, мобилизуя народ, вооруженные силы и народное хозяйство для разгрома немецко-фашистских полчищ.

Прямо скажу, мы не могли бы победить врага, если бы у нас не было такой опытной и авторитетной партии, как партия Ленина, социалистического общественного и государственного строя, могущественные материальные и духовные силы которого позволили в короткий срок перестроить всю жизнедеятельность страны, создать условия для разгрома вооруженных сил германского империализма.

Враг рассчитывал на разжигание национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического государства. Но он просчитался. Народы СССР героически сражались на фронтах и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, победы над злобным врагом, проявив при этом невиданную стойкость и мужество. Историческая всенародная победа в Отечественной войне ярко показала преимущества социалистического общественного строя, великую жизненную силу и нерушимость СССР.

В результате влияния советского образа жизни, огромной воспитательной работы партии в нашей стране сформировался человек, идейно убежденный в правоте своего дела, глубоко сознающий личную ответственность за судьбу Родины.

Где бы ни находился советский человек — на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, — всюду и везде он делал все от него зависящее чтобы приблизить час победы. И никому не удастся преуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!

Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его волей, его несгибаемым духом, его кровью добыта победа над сильным врагом. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом боевую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины, как нет границ и величию его трудового подвига после войны. Ведь едва успела кончиться война, как миллионы наших солдат снова оказались на фронте — фронте труда. Им пришлось восстанавливать разрушенное войной хозяйство, поднимать из руин города и села.

Ни с чем не сравнимы потери и разрушения, которые принесла нам война. Она причинила народу горе, от которого и поныне скорбят сердца миллионов матерей, вдов и сирот. Нет для человека потери больнее, чем гибель близких, товарищей, друзей. Нет зрелища

более тяжкого, чем вид уничтоженных плодов труда, в которые он вложил свои силы, талант, свою любовь к родному краю. Нет запаха более горького, чем гарь пепелищ. Истерзанная огнем и металлом, в грудах развалин предстала перед вернувшимся домой советским солдатом дорогая его сердцу земля, освобожденная от фашистских варваров.

Но ничто не могло сломить волю советского человека, победную поступь социализма. Тяжела была горечь утрат. Но рядом с ней в душе каждого советского человека жило радостное чувство — чувство победы. Подвиг павших вдохновлял живых.

Величие исторической победы Советского Союза в борьбе с фашистской Германией состоит в том, что советский народ отстоял не только свое социалистическое государство. Он самоотверженно боролся за пролетарскую, интернациональную цель — избавление Европы и всего мира от фашизма, за то, чтобы принести измученным войной народам долгожданный мир.

В итоге победы Советских Вооруженных Сил над германским фашизмом и японским милитаризмом прогрессивные народы ряда государств Европы и Азии, сплотившись под знаменем марксизма-ленинизма, разгромили реакцию в своих странах и образовали социалистические государства. Ныне они вместе с СССР составляют нерушимый братский союз социалистического содружества, мощь которого является надежной гарантией против любых политических и военных авантюр.

Советские люди не забыли тот вклад в победу над общим врагом, который внесли в нее другие участники антигитлеровской коалиции. Наша армия, наш народ помнят и высоко ценят мужество и доблесть борцов Сопротивления.

Главный удар немецко-фашистских захватчиков во Второй мировой войне принял на себя СССР. Советский Союз выдержал этот удар, а затем разгромил гитлеровскую военную машину. Эта победа стоила советскому народу многих миллионов человеческих жизней, поэтому советские люди хорошо помнят жертвы минувшей войны и особенно хорошо знают цену миру.

Мы выступаем убежденными противниками военного решения спорных вопросов между государствами, потому что прекрасно отдаем себе отчет в катастрофических последствиях, которые принесла бы нашей планете третья мировая война. Мы исходим из коренных интересов всех народов планеты, а также из глубокого сознания, что именно в условиях мира с наибольшей полнотой могут быть реализованы преимущества той социальной системы, того образа жизни, той политики, основы которой были заложены Великой Октябрьской социалистической революцией.

Советская внешняя политика, как и внутренняя, активно влияет на социальные преобразования в мире, ибо она направлена на искоренение в рамках международных отношений таких социальных зол, как войны и империалистические вмешательства в дела других народов, “...вся наша политика и пропаганда, — подчеркивал В. И. Ленин, — направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне”.

Советское государство родилось со словом “мир” на устах. Тогда кое-кто пытался истолковать наш призыв к миру как признак слабости. Интервенцией, развязыванием

гражданской войны, блокадой и голодом — вот чем ответил старый мир на появление первого социалистического государства.

Более полувека прошло с тех пор. В мире совершились коренные изменения — образовалась мировая система социализма, разрушены устои колониализма. Наша страна выросла, окрепла. Ныне даже наши завзятые недруги не смеют назвать СССР слабой державой. Однако, как и в первые дни существования Советской власти, борьба за мир остается главным содержанием нашей внешней политики.

Величайшие жертвы" понесенные нашим народом в Великой Отечественной войне, оказались не напрасными. В результате победы создалось новое соотношение сил в мире, при котором реакционным империалистическим кругам уже не так-то просто развязать новый мировой конфликт.

На каждом этапе исторического развития Коммунистическая партия тщательно разрабатывает в соответствии с изменяющейся международной обстановкой программу своей внешнеполитической деятельности, призванную обеспечить мирное строительство нашего общенародного государства, содействовать успешному развитию мирового революционного процесса, укреплять базу борьбы за мир и социальный прогресс для всех народов. На XXIV съезде КПСС коллективный разум партии разработал величественную Программу мира.

Эта программа выделяет решающие и в то же время неотложные по своему характеру узловые международные проблемы, имеющие принципиальное значение для судеб мира. Выдвинутая КПСС Программа предполагает четко определенную, продуманную, логически увязанную систему действий. Это — хорошо подготовленное фронтальное наступление на главных направлениях современной мировой политики в пользу мира и безопасности народов.

Коренная особенность Программы мира состоит в том, что она обращена не только к правительствам, но и непосредственно к народам. Она близка народным массам, потому что дает деловой ответ на самые жгучие вопросы международной жизни, и это обеспечило ей поддержку миролюбивых государств, многомиллионных народных масс во всем мире.

Советские люди полностью одобряют и поддерживают неустанную деятельность ЦК КПСС, Советского правительства по реализации Программы мира. Именно благодаря этим усилиям, поддержанным всеми людьми доброй воли, была прекращена агрессия США во Вьетнаме. Именно благодаря этим усилиям произошел важный перелом во внешнеполитических делах — от "холодной войны" к ослаблению напряженности, к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем.

Собственно говоря, возможность развития отношений между СССР и западными странами, в том числе с США, на принципах мирного сосуществования имелась всегда. Особенно благоприятной она представлялась в первые послевоенные годы. Мы сражались плечом к плечу против общего врага. В то время многим, в том числе и мне, казалось, что отношения между странами антигитлеровской коалиции после войны будут характеризоваться доверием и сотрудничеством на благо мира и безопасности народов. В самом деле, если в победе над общим врагом наше сотрудничество сыграло решающую роль, то почему оно не могло углубляться и расширяться после окончания войны?

Однако в мире нашлись антинародные силы, которым было выгодно повести международные отношения по пути обострения напряженности и “холодной войны”. И потребовалось почти четверть века, чтобы руководители ряда западных стран поняли бесперспективность политики силы.

Советский Союз — государство мирное. И малые и большие цели нашего народа сводятся к одному — построению коммунизма в нашей стране. Для этого война нам не нужна. Но, оберегая и охраняя мирный труд советских людей, мы должны изучать военный опыт защиты социалистического Отечества, брать из него то, что помогает наиболее эффективно обеспечивать оборону Родины. Никогда не следует забывать о том, что, пока существует империализм, остается и возможность возникновения новой мировой войны.

Я хотел бы, чтобы эту книгу особенно внимательно прочли молодые люди. Мы, старшее поколение, хорошо знаем, что помогло нам выдержать натиск колоссальной силы. А молодым это надо еще постичь.

Мне хочется еще раз сказать молодому читателю: мы были бы простаками, если бы не подкрепляли усилия отстаивать мир готовностью защищать нашу Родину, наш общественный строй, наши идеалы. Порох, как говорится, должен быть постоянно сухим. И уже не мы, отдавшие все, что могли, в минувших сражениях, а новое, молодое поколение — вот надежда народа. Мое слово к вам, молодые люди: будьте всегда бдительны! День промедления в минувшей войне обошелся нам очень дорого. Теперь в случае кризиса счет может идти на секунды.

Какими я хотел бы видеть вас, защитники Родины? Знающими и выносливыми. Армия сейчас оснащена сложнейшей техникой. Изучать ее гораздо труднее, чем в годы моей молодости. Тогда она была проще. Каждое время ставит перед воинами свои задачи. Новейшая техника по силам всесторонне подготовленным и хорошо образованным людям. Учитесь!

Я призвал бы также нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно.

Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко — подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19—20 лет — лучший возраст для человека — все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

Конечно, они знали и радость победы в бою, боевую дружбу, взаимную выручку на поле боя, чувство удовлетворения от сознания, что выполняют священную миссию защиты Отечества.

Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик не станет вам жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним

чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м.

Написав это, я подумал, а не мелочами ли заканчиваю книгу. Но сейчас же отбросил такую мысль. Это не мелочи! На войне был суровый порядок: как бы ни было трудно, раненых непременно выносили из-под огня. В этом проявлялась забота не только о спасении человеческой жизни. На этом держалась вера идущих в бой: что бы со мной ни случилось — товарищи не оставят. Память о погибших, чуткое отношение к инвалиду войны — это поддержание все той же высокой морали.

Заключение у меня превратилось, чувствую, в разговор с молодежью. Пусть так и будет. Наши дела придется продолжать молодым людям. Очень важно, чтобы они учились на наших просчетах и наших успехах. Наука побеждать — не простая наука. Но тот, кто учится, кто стремится к победе, кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит. Я убедился в этом на многих уроках собственной жизни.

Книгу я начинал рассказом о своем детстве. И сейчас, подведя все итоги, опять вспоминаю себя мальчишкой. Как повернулась бы жизнь, не свершись Октябрьская революция?

Революция дала мне возможность прожить совершенно иную жизнь — яркую, интересную, полную сильных переживаний и больших дел. Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, — самое главное. Моя судьба — лишь маленький пример в общей судьбе советского народа.

Перебирая все вехи жизни, главной считаю ту, от которой все мы ведем отсчет. Революция! Каждому человеку революция дала возможность пробовать силы, искать, сознавать себя частью созидательной мощи народа. И когда пришел час защитить это главное завоевание, мы знали, за что сражаемся.

“Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне... узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда”.

Это сказано Лениным. Лучших слов для окончания книги я не нашел.

Примечания

Том II

{1}Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 5, л. 450.

{2}История Второй мировой войны. 1939—1945 гг.: В 12 т. М.: Воениздат. 1975. Т. 4. С. 93.

{3}Там же.

{4}Архив МО СССР, ф 208, оп 2511, д 7, л 150

{5}Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д 1029, л. 332.

{6}Мелентин Ф. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957. С. 140.

{7}Архив МО СССР, ф. 16-А, оп. 947, д. 36, л. 70-72.

{8}Архив МО СССР, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 185-190.

{9}Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 75-81.

{10}Там же.

{11}Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 75-81.

{12}Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 206, л. 149.

{13}Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 204. л. 169.

{14}Там же, д.207, л. 210.

{15}Там же.

{16}История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

{17}Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат. 1973. С. 191.

{18}Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 192.

{19}Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973 С. 197.

{20}История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 161.

{21}Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1956. С. 241.

{22}Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 1160, д. 1, л. 219.

{23}Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 21.

{24}Видер И. Катастрофа на Волге. М., 1965. С. 52.

{25}История Второй мировой воины 1939—1945 гг М Воениздат 1976 Т 6 С 19, 20

{26}Там же

{27}Военно-исторический журнал. 1965. № 10. С. 20, 21.

{28}Псевдоним Г. К. Жукова.

{29}Псевдоним И. В. Сталина.

{30}День наступления фронтов Н. Ф. Ватутина и А. И. Еременко. — *Прим. автора*

{31}Донцов — К. К. Рокоссовский, Михайлов — А. М. Василевский. — *Прим. автора.*

{32}Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, л. 3.14, 315.

{33}Видер И. Катастрофа на Волге. М., 1965. С. 95, 102

{34}Псевдоним И. В. Сталина. — *Прим. автора.*

{35}Противотанковая оборона. — *Прим. автора.*

{36}Истребительно-противотанковые артиллерийские полки. — *Прим. автора.*

{37}Псевдоним Г. К. Жукова.

{38}Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410-413.

{39}Три предыдущих пункта здесь не приводятся, так как они дают только перечисление противостоящих войск противника. — *Прим. автора.*

{40}Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д 3, л. 29-33.

{41}Федоров — Н. Ф. Ватутин, Никитин — Н. С. Хрущев, Федотов — Ф. К. Корженевич. — *Прим. автора.*

{42}Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 1147, д. 2, л. 4-7.

{43}История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 114.

{44}Псевдоним И. В. Сталина. — *Прим. автора.*

{45}Псевдоним К. К. Рокоссовского. — *Прим. автора.*

{46}Фрунзе М. В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1950. С. 306.

{47}Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945 гг. Краткая история. М.: Воениздат, 1965. С. 244.

{48}Псевдоним И. В. Сталина.

{49}Генерал-лейтенант танковых войск М. Д. Соломатин — командир 1-го механизированного корпуса. — *Прим. автора.*

{50}Генерал-лейтенант М. С. Шумилов — командующий 7-й танковой армией.

{51}Генерал-лейтенант танковых войск М. Е Катуков — командующий 1-й танковой армией. — *Прим. автора.*

{52}Архив МО СССР, ф 48-А, оп. 1691, д. 233, л 397-401.

{53}20 октября 1943 года Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский фронт. Степной фронт — во 2-й Украинский. — *Прим. автора.*

{54}Немецкие трофейные карты главного командования сухопутных войск: Сборник материалов по составу фашистских войск Германии. Вып. 4. С. 14—20.

{55}Немецкие трофейные карты главного командования сухопутных войск за 10— 14 января 1944 года. Архив МО СССР, ф. 236, оп. 13315, д. 112, л. 107, 153.

{56}НМЛ Документы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. №9492, л. 10—11.

{57}Правда. 1944. 18 февраля.

{58}Псевдоним Н Ф Ватутина. — *Прим автора.*

{59}Псевдоним И. С Конева. — *Прим. автора.*

{60}Дополнено из архива Г. К. Жукова — *Прим. ред.*

{61}Псевдоним Г К. Жукова. — *Прим. ред.*

{62}История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат. 1977. Т. 8. С. 415.

{63}Советская военная энциклопедия. (Далее СВЭ.) М.: Воениздат. 1976. Т. 2. С. 62.

{64}СВЭ. т. 1. с 431.

{65}Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 1795, д. 116/202, л. 310-313.

{66}Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 240.

{67}Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М: Политиздат. 1974. С. 107, 228.

{68}Военно-исторический журнал. 1965. № 5.

{69}Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы. 1956. С. 508.

{70}Архив МО СССР, ф. 223, оп. 2356, д. 570, л. 4.

{71}Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 48.

{72}Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 6.

{73}Военно-исторический журнал. 1965. № 3. С. 74—76; 80—81. № 4. С. 62—64.

{74}Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 7.

{75}Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 111-113.

{76}Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 7.

{77}Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 7.

{78}Там же.

{79}По одному корпусу от 8-й гвардейской и 69-й армий вели бои за Познань. — *Прим. автора.*

{80}Октябрь. 1964. № 4. С. 128-129.

{81}Новая и новейшая история. 1965. №2. С. 6—7.

{82}Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 92.

{83}Там же, л. 95-96.

{84}Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2307, д. 194, л. 100—101.

{85}Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 7.

{86}Архив МО СССР, ф. 14, оп. 11603. д. 162, л. 73—95.

{87}W. Churchill. The World War, v. VI, p. 407.

{88}Погью Ф. С. Верховное командование. М.: Воениздат. 1959. С. 458.

{89}Архив МО СССР, ф. 40, оп. 11549, д. 292, л. 10—11.

{90}Военно-исторический журнал. 1965 № 5. С. 70.

{91}Архив МО СССР, ф. ЦГВ, оп. 70500, д. 2, л. 145-149.

{92}Материалы Нюрнбергского процесса. — *Прим. автора.*

{93}Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 35.

{94}Вишневский Вс. Сочинения. Т. 4. С. 853.

{95}Эпизоды о штурме рейхстага 79-м стрелковым корпусом дополнены ко 2-му изданию при жизни автора — *Прим. ред.*

{96}Архив МО СССР, ф 3-й уд армии, оп 4306, д 530, л 315

{97}Приказ дополнен ко 2-му изданию при жизни автора — *Прим ред.*

{98}Этот эпизод был дополнен ко 2-му изданию при жизни автора. — *Прим. ред.*

{99}Излагается сокращенно. — *Прим. ред.*

{100}Гальдер Ф. Гитлер как вождь. Мюнхен, 1949. С. 58.

{101}Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 390—392.

{102}Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 390—392.

{103}Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7 тт. М.: Юридическая литература. 1957. Т. 1. С. 495.

{104}Материал взят из архива Г. К. Жукова. — *Прим. ред.*